

Майн Рид

«TERRA» - «TERRA»

Рид Майн/Сочинения: В 3 т. Т. 2: Тропа войны; Вождь гверильясов; Гаспар Гаучо; Водой по лесу; Перст судьбы: Романы.
Авантюрист Депар: Повесть / Пер. с англ. //ТЕРРА, М., 1996
ISBN: 5-300-00286-0 (т. 2), 5-300-00284-4
FB2: mefysto.132810325763519451, version 1
UUID: {D8FDF3ED-E6D7-4ED6-A28E-1419612DB508}
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 15, 2023

Майн Рид

Сочинения в трех томах. Том 2 (Майн Рид. Сочинения в 3 томах #2)

Во второй том вошли романы: «Тропа войны», «Вождь гверильясов», «Гаспар Гаучо», «Водой по лесу», «Перст судьбы», а также повесть «Авантюрист Депар».

Содержание

#1	0011
#2	0011
ТРОПА ВОЙНЫ роман	0012
#1	0012
Глава I ПОГРАНИЧНЫЙ ПОСТ	0012
Глава II ЗАВОЕВАТЕЛИ	0014
Глава III ПЛЕННИК	0017
Глава IV УБИТЫЙ МУСТАНГ	0020
Глава V ИЗОЛИНА ВАРГАС	0021
Глава VI ПЯТЬ ТЫСЯЧ БЫКОВ	0026
Глава VII ДОН РАМОН	0029
Глава VIII ПАПЕЛЬЧИТО	0031
Глава IX СТАРАЯ ОБИДА	0033
Глава X РАФАЭЛЬ ИХУРРА	0036
Глава XI ЖЕЛТОЕ ДОМИНО	0039
Глава XII ГОЛУБОЕ ДОМИНО	0041
Глава XIII БЕССОННАЯ НОЧЬ	0045
Глава XIV СТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ	0047
Глава XV ТАБУН	0049
Глава XVI ОХОТА	0051
Глава XVII ЛОШАДЬ-ПРИЗРАК	0053
Глава XVIII ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРЕРИЯ	0055
Глава XIX Я ЗАБЛУДИЛСЯ В ПРЕРИЯХ	0056
Глава XX ЗАВТРАК В ПРЕРИИ	0057
Глава XXI ГРИЗЛИ	0059
Глава XXII ОТЧАЯННАЯ СХВАТКА	0061
Глава XXIII СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ	0063
Глава XXIV НОЧНАЯ БЕСЕДА	0065
Глава XXV РУББИ НЕ ПОЙДЕТ В РЕЙНДЖЕРЫ!	0068
Глава XXVI ПОЖАР В ПРЕРИЯХ	0071
Глава XXVII РУББИ	0074
Глава XXVIII МЕЗА	0078
Глава XXIX ГВЕРИЛЬЯСЫ	0080
Глава XXX ПЕРЕГОВОРЫ	0082
Глава XXXI РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ	0084
Глава XXXII СТРЕЛЬБА НА СКАКУ	0086
Глава XXXIII ЛОШАДЬ РУББИ	0089
Глава XXXIV ЭЛЬ-ЗОРРО	0091
Глава XXXV ПЛАН СПАСЕНИЯ	0092
Глава XXXVI ЭЛИЯ КВАКЕНБОСС	0094
Глава XXXVII ПЛАН РУББИ	0096
Глава XXXVIII ТРУДНЫЙ ПОДЪЕМ	0098
Глава XXXIX ПОДКРЕПЛЕНИЕ	0101
Глава XL РАЗВЕДЧИК	0102
Глава XLI ТАБУН	0104
Глава XLII ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ	0106
Глава XLIII ЭЛИЯ КВАКЕНБОСС ГАРЦУЕТ НА КОНЕ	0110
Глава XLIV ПО СЛЕДАМ АМАЗОНКИ	0112
Глава XLV ПРИЗНАНИЕ	0115
Глава XLVI В ЛЕСУ	0118
Глава XLVII ПРОЩАНИЕ	0122

Глава XLVIII УГРОЗЫ	0123
Глава XLIX ЛОВУШКА	0125
Глава L ОБРЕЧЕННЫЕ	0127
Глава LI ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД	0128
Глава LII С ДРУЗЬЯМИ	0130
Глава LIII РАЗРУШЕННОЕ РАНЧО	0131
Глава LIV ЗВЕРСТВО	0132
Глава LV РАСПЛАТА	0134
Глава LVI ЛАГЕРЬ ГВЕРИЛЬИ	0136
Глава LVII ПРЕПЯТСТВИЕ	0138
Глава LVIII НОЧЬ	0139
Глава LIX СОМБРЕРО	0141
Глава LX СЛЕДЫ БЕЛОГО МУСТАНГА	0143
Глава LXI ВОЛКИ	0145
Глава LXII ПЕРЕПРАВА	0147
Глава LXIII КАРЛИКОВЫЙ ЛЕС	0149
Глава LXIV КАБАЛЬЯДА	0152
Глава LXV ЗАРОСЛИ	0154
Глава LXVI ВСТРЕЧА С ДИКИМИ КАБАНАМИ	0156
Глава LXVII ДЫМ	0158
Глава LXVIII ЖАЖДА	0160
Глава LXIX ВЫЖЖЕННАЯ ПРЕРИЯ	0162
Глава LXX РАЗГОВОР ТРАППЕРОВ	0164
Глава LXXI КТО ПОДЖЕГ ПРЕРИЮ	0167
Глава LXXII ОТКРЫТИЕ РУББИ	0169
Глава LXXIII ЛАССО	0171
Глава LXXIV ИНДЕЙЦЫ	0172
Глава LXXV ТРОПА ВОЙНЫ	0174
Глава LXXVI ЛИСТ АГАВЫ	0176
Глава LXXVII ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?	0177
Глава LXXVIII ХОЛОД	0178
Глава LXXIX ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ	0180
Глава LXXX СТАНОВИЩЕ	0182
Глава LXXXI ИНДЕЕЦ НА ТРОПЕ ВОЙНЫ	0183
Глава LXXXII МОЙ ПЛАН	0184
Глава LXXXIII МАСКАРАД	0186
Глава LXXXIV ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ НА ИНДЕЙСКОЙ ТРОПЕ	0188
Глава LXXXV ЛАГЕРЬ КОМАНЧЕЙ	0190
Глава LXXXVI КОЛЕБАНИЯ	0192
Глава LXXXVII СОВЕЩАНИЕ С РУЖЕЙНЫМ ДУЛОМ	0194
Глава LXXXVIII СОВЕТЫ СТАРОГО ТРАППЕРА	0196
Глава LXXXIX В ВОДЕ	0198
Глава XC ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	0199
Глава XCI ЛАГЕРЬ	0201
Глава XCII ПРИЯТЕЛЬ МОЕГО ДВОЙНИКА	0203
Глава XCIII СОВЕТ	0205
Глава XCIV ШАНСЫ НА СПАСЕНИЕ	0206
Глава XCV ИСПАНСКИЙ ВОЛК	0207
Глава XCVI КРАСНОРЕЧИЕ КОМАНЧЕЙ	0209
Глава XCVII МЕКСИКАНСКИЙ ВОЛК	0211
Глава XCVIII РЕШИТЕЛЬНАЯ МИНУТА	0213
Глава XCIX ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ	0215
ВОЖДЬ ГВЕРИЛЬЯСОВ роман	0218
#1	0218

Глава I СЕРРО-ГОРДО.....	0218
Глава II БЕГСТВО САНТА-АННЫ.....	0220
Глава III СТРАШНАЯ УГРОЗА.....	0223
Глава IV ДИВНЫЙ ГОЛОС.....	0227
Глава V ТЯГОСТНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ.....	0229
Глава VI ЛЮБЯЩАЯ ДЕВУШКА.....	0231
Глава VII ОГРАБЛЕНИЕ МЕРТВЕЦА.....	0234
Глава VIII ПРИЯТНОЕ ОТКРЫТИЕ.....	0237
Глава IX ДУРНЫЕ НАМЕРЕНИЯ.....	0239
Глава X БЕСПОЩАДНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.....	0241
Глава XI МЕКСИКАНСКИЙ ВРАЧ.....	0246
Глава XII ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР.....	0249
Глава XIII РАЗЛУКА.....	0252
Глава XIV ВОЗМУТИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.....	0255
Глава XV ДВА НЕГОДЯЯ.....	0259
Глава XVI ЛОШАДЬ БЕЗ СЕДОКА.....	0261
Глава XVII ОХОТА НА МУСТАНГА.....	0264
Глава XVIII РОКОВОЕ ЛАССО.....	0266
Глава XIX САЛЬТЕАДОРЫ.....	0268
Глава XX СПУТНИК РАМОНА РАЙАСА.....	0271
Глава XXI МРАЧНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ.....	0274
Глава XXII АДСКИЙ ЗАМЫСЕЛ.....	0276
Глава XXIII БЕГСТВО САЛЬТЕАДОРОВ.....	0279
ГАСПАР ГАУЧО роман.....	0282
#1.....	0282
Глава I ЭЛЬ-ГРАН-ЧАКО.....	0282
Глава II УЕДИНЕННАЯ УСАДЬБА.....	0286
Глава III ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЖА.....	0290
Глава IV ПЕЧАЛЬНЫЙ ДОМ.....	0295
Глава V КОНВОЙ ПЛЕННИЦЫ.....	0298
Глава VI ТОРМЕНТА.....	0301
Глава VII ДЕРЕВО-БАРОМЕТР.....	0304
Глава VIII МЕЖДУ ТИГРОМ И ПОТОКОМ.....	0309
Глава IX НА АВОСЬ.....	0313
Глава X ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ УТРИ.....	0317
Глава XI СТРЕЛЯЮЩАЯ РЫБА.....	0320
Глава XII ПОТЕРЯННЫЙ МЕШОК.....	0324
Глава XIII СТРАУСЫ.....	0328
Глава XIV ВИСКАЧИ.....	0332
Глава XV НАЙДЕННЫЙ СЛЕД.....	0335
Глава XVI СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД ТОВАСОВ.....	0340
Глава XVII ИНДЕЙСКАЯ КРАСАВИЦА.....	0342
Глава XVIII ШЕБОТА.....	0345
Глава XIX КОЛДУНЯ В ПЛЕНУ.....	0350
Глава XX ОСВОБОЖДЕНИЕ.....	0355
Глава XXI ПРОБУЖДЕНИЕ ТОВАСОВ.....	0360
Глава XXII СКРЫТЫЕ СЛЕДЫ.....	0364
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	0365
ВОДОЙ ПО ЛЕСУ роман.....	0368
#1.....	0368
I.....	0368
II.....	0371
III.....	0375
IV.....	0380

V	0382
VI	0385
VII	0389
VIII	0392
IX	0396
X	0399
XI	0404
XII	0408
XIII	0412
XIV	0417
XV	0421
XVI	0425
XVII	0429
XVIII	0434
XIX	0437
XX	0440
XXI	0442
XXII	0445
ПЕРСТ СУДЬБЫ роман	0447
#1	0447
I. СВОДНЫЕ БРАТЯ	0447
II. ДОГГИ ДИК	0450
III. ПРАЗДНИК СТРЕЛКОВ	0453
IV. КОКЕТКА	0455
V. ОХОТА	0457
VI. НЕБЕСА ХМУРЯТСЯ	0458
VII. ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	0460
VIII. ОТЕЦ И СЫН	0462
IX. ШАХ И МАТ	0464
X. РЫБКА КЛЮЕТ	0467
XI. ПРЕДЛОЖЕНИЕ	0469
XII. ДОБРОВОЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ	0472
XIII. ЛОНДОНСКИЕ ДУШИТЕЛИ	0474
XIV. ВЫБОР КАРЬЕРЫ	0477
XV. ПРЕРВАННАЯ РАБОТА	0478
XVI. ВЫКУП	0480
XVII. НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА	0482
XVIII. СИМПАТИЯ	0484
XIX. В ПУТИ	0486
XX. ПИСЬМО	0488
XXI. ПОД КЕДРОМ	0491
XXII. СТРАННЫЙ ПАССАЖИР	0492
XXIII. ПРИТВОРСТВО	0493
XXIV. НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ	0495
XXV. НЕЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ	0496
XXVI. НЕЛЮБЕЗНОЕ ПРОЩАНИЕ	0498
XXVII. ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ РАЗБОЙНИКОВ	0499
XXVIII. НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ	0501
XXIX. ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	0502
XXX. ТОРРЕАНИ	0503
XXXI. ГРАФ ГВАРДИОЛИ	0504
XXXII. ПЕРЕМЕНА	0505
XXXIII. КАРА ПОПЕТТА	0506
XXXIV. ТРУДНАЯ ЗАДАЧА	0508

XXXV. КОРОТКАЯ РАСПРАВА	0510
XXXVI. ХИРУРГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	0513
XXXVII. ФИРМА ЛАУСОН	0515
XXVIII. КНИГА ПОСЕТИТЕЛЕЙ	0517
XXXIX. КАРТИНА	0519
XL. СТРАШНАЯ УГРОЗА	0521
XLI. АНОНИМНОЕ ПИСЬМО	0523
XLII. ПОБЕГ	0524
XLIII. ГРАФ ГВАРДИОЛИ	0526
XLIV. ДОПРОС	0527
XLV. ОБЪЯСНЕНИЕ	0530
XLVI. ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ	0532
XLVII. ОДИН ПРОТИВ ЧЕТВЕРЫХ	0534
XLVIII. ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА!	0535
XLIX. ПОХИЩЕНИЕ	0538
L. ПО СЛЕДУ	0540
LI. ОПАСНЫЙ НАПИТОК	0542
LII. ЛЮБОВЬ БАНДИТА	0544
LIII. ПОБЕДА	0547
LIV. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА	0550
LV. № 9 УЛИЦЫ ВОЛЬТУРНО	0550
LVI. БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОИСКИ	0551
LVII. МОЛОДОЙ СКВАЙР	0553
LVIII. В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ	0554
LIX. ГОСТЕПРИИМСТВО НОВОГО СВЕТА	0555
LX. ХОЗЯИН-НЕЗНАКОМЕЦ	0556
LXI. НАЙДЕННЫЙ НАСЛЕДНИК	0557
LXII. НОМЕР «TIMES'А»	0558
LXIII. ЗАВЕЩАНИЕ ГЕНЕРАЛА	0559
LXIV. ПЕРСТ СУДЬБЫ	0561
LXV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0563
АВАНТЮРИСТ ДЕПАР повесть	0564
#1	0564
Глава I ГОРОД ДУЭЛЯНТОВ	0564
Глава II В РЕСТОРАНЕ	0566
Глава III ПОГОЛОВНЫЙ ОБЫСК	0569
Глава IV ОБМЕН КАРТОЧКАМИ	0571
Глава V ЛУИ ДЕ ОТРОШ	0575
Глава VI ЖАК ДЕПАР	0577
Глава VII ГОСТЕПРИИМНЫЕ ДРУЗЬЯ	0581
Глава VIII ВИЛЛА ДАРДОНВИЛЛЕЙ	0584
Глава IX НА ПОЧТАМТЕ	0586
Глава X ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО	0589
Глава XI ЧЕК	0591
Глава XII «КРАСАВИЦА МИССУРИ»	0594
Глава XIII БЕСЕДА ШТУРМАНОВ	0596
Глава XIV ПРИЕЗД В СЕН-ЛУИ	0599
Глава XV ПЛУТОН	0601
Глава XVI БАНКИР ГАРДЕТТ	0603
Глава XVII ПОГОНЯ	0606
Глава XVIII РАЗВЯЗКА	0608
INFO	0612

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Майн Рид

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Том второй

*

ТРОПА ВОЙНЫ
роман

ВОЖДЬ ГВЕРИЛЬЯСОВ
роман

ГАСПАР ГАУЧО
роман

ВОДОЙ ПО ЛЕСУ
роман

ПЕРСТ СУДЬБЫ
роман

АВАНТЮРИСТ ДЕПАР
повесть

Москва
«ТЕРРА» – «TERRA»
1996

*

Перевод
Д. ФРАЙМАНА, Р. РАЙХЛИНА

«Тропа войны», «Авантюрист Денар» —
перевод под редакцией
Б. ЛИВШИЦА, О. МАНДЕЛЬШТАМА

Оформление художника
А. ЕВДОКИМОВА

© Издательский центр «ТЕРРА», 1994

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ТРОПА ВОЙНЫ

роман

Глава I

ПОГРАНИЧНЫЙ ПОСТ

Мы стоим в мексиканском местечке, на берегу реки Браво-дель-Норте, то есть в обыкновенной ранчереи — деревне. Единственные каменные постройки здесь — старая церковь в смешанном романо-мавританском стиле, с широким пестрым куполом, а также дома священника и алькада — судьи. Эти строения с трех сторон окаймляют довольно просторную квадратную деревянную площадь. С четвертой стороны теснятся лавчонки и домишки убогого люда, сложенные из грубых, необожженных кирпичей, которые здесь называются адабе, некоторые лачуги обмазаны известью, другие пестро размалеваны, как театральные кулисы, но большинство заскорузлые, побуревшие от ветхости. У всех массивные двери, напоминающие тюремные, и незастекленные окна без рам. Решетки служат оградой от воров, но ветру и непогоде доступ в дома открыт.

От площади расходятся узкие пропыленные переулочки. Кирпичные домики по ним разбросаны все реже и реже и, наконец, на окраине селения уступают место более хрупким, но зато и более живописным постройкам: коническим хижинам из срубленных стволов и юкки, ветви которой служат стропилами, а сплетенные листья — кровлей.

В этих домах живут бедные крестьяне — пеоны и потомки коренной расы.

Жители селения предоставляют стадам пастись и жиреть на свободе. Они ведь не фермеры, а если и обрабатывают небольшие клочки земли, то лишь для того, чтобы добыть маис на лепешки, острый перец к ним на приправу и черную фасоль.

Эти продукты и мясо полудиких быков с необъятных пастбищ кормят почти всю Мексику.

Что же касается напитков, то жители центральных плоскогорий предпочитают сок, добываемый из сердцевины агавы, а на менее высоких плато освежаются пальмовым вином.

На расстоянии мили к западу мерцает полоска воды.

Это рукав реки, искрящийся на вечернем солнце. Он образует излучину, и белые стены гасиенды венчают приветливый холм, омываемый Рио-Браво.

Хотя гасиенда — здание одноэтажное, но внушительные размеры и стиль архитектуры указывают на то, что в ней живет гидальго-землевладелец.

Крыша плоская, с резной балюстрадой; однообразие фасада нарушено орнаментальными башенками по углам и большим подъездом; одна из этих башенок повыше: это колоколенка капеллы.

Вся страна вообще кишит религиозными эмблемами.

Блеск зарешеченных окон оживляет постройку.

Но еще больше жизни придает ей яркая зелень: на азотее колышатся легкие кроны привозных пальм.

Я отмечаю это не из педантизма, а потому, что выбор растений для крыши определяет вкусы хозяев.

Только женщина могла так искусно подобрать декоративные растения.

Грудь сжимается предчувствием. Хочется подняться на холм, посетить гасиенду. Я пристально гляжу на белые стены...

Звук военного рожка.

Это сигнал кавалеристам к вечерней чистке коней.

От ослепительной гасиенды я перевожу взгляд на деревенскую площадь.

У каменных строений, так же как и у кирпичных, плоские крыши с черепичным парапетом, на которой можно опереться локтями.

Эта плоская крыша, так называемая азотей, характерна для домашней мексиканской архитектуры.

По вечерам азотей — очень приятное место. Если хозяин дома любитель цветов — крыша эта превращается в висячий сад со всеми чудесами мексиканской флоры.

Крыша-терраса дарит мексиканцам неисчерпаемые радости; здесь непременно болтают, наблюдая за всем происходящим на улице.

Легкая балюстрада укрывает нас от прохожих; здесь, наверху, — неподвижность и созерцание, а внизу снует озабоченный будничным люд.

Я стою на такой азотее. Она венчает дом алькада. Так как он самый высокий в деревне, другие крыши сбегают ступенями вниз.

Но кругозор мой простирается еще дальше, и я люблю окрестностью.

Взор покоится на пышном ковре тропической зелени.

Деревню окружают поля, разбитые на обработанные участки. Шелковистые волокна маиса, колеблемые ветром, составляют приятный контраст с темной зеленью индийского перца, бобов и агав.

Впрочем, поля резко ограничены колючими зарослями, буйным растительным хаосом, подступающим так близко, что я различаю среди кактусов, акаций и мимоз породы пальм и бромелий со странными пурпурными листьями, пылающими на расстоянии, как карбункулы.

Близость зарослей к маленькому селению объясняется тем, что жители ее

не землевладельцы, а вакеро, то есть пастухи.

На всех лугах и прогалинах пасутся дикие табуны и рогатый скот. Здесь встречаются испанские быки, низкорослые андалузские лошадки с острыми трубочками ушей, берберийские кони.

Глава II ЗАВОЕВАТЕЛИ

Посреди площади — высокий колодец. Огромное колесо, круглый деревянный сруб и большие кожаные ведра у каменного желоба придают ему восточный характер.

Точно таким колесом пользуются в Персии.

Робко озираясь по сторонам, проходят обитатели скромных домишек; на них просторные панталоны, темные плащи — се-рапе и широкополые черные шляпы.

Жители жмутся к стенам, избегая центра площади; они боязливо, но с ненавистью косятся на колодец.

Я слежу за одним из них...

Чья-то невидимая рука распахнула массивную дверь; человек исчез...

Спустя мгновение я вижу его мрачное лицо, прильнувшее к решетке.

В отдалении — кучка людей того же разбора, в тех же широких шляпах, полосатых плащах и шляпах из воценой холстины.

Все они чем-то подавлены. Вопреки обыкновению, не жестикулируют и говорят вполголоса.

Женщин почти не видно, только немногие сидят у колодца на площади. Это торговки — чистокровные индианки. Товары их разложены тут же на циновках из пальмовых листьев, такие же плетеные навесы защищают торговок от солнца. На них — платья из крашеной шерсти, головы обнажены, а жесткие черные волосы, заплетенные красными лентами, придают им сходство с европейскими цыганками.

Они без заботы, как настоящие гитаны, смеются, болтают и весь день скалят белые зубы, навязывая прохожим свои фрукты и овощи.

Их мелодические голоса ласкают слух.

Вот девушка. Легкой походкой проходит она к колодцу с кувшином на голове.

Это одна из деревенских красавиц — в яркой короткой юбке и рубашечке-безрукавке, обутая в сатиновые туфли. На голову она накинула серо-голубой шарф, ниспадающий на грудь и плечи.

Девушки менее озабочены, чем мужчины; они даже улыбаются и отвечают довольно смело на грубые шутки, которыми их приветствуют чужеземные солдаты, толпящиеся у колодца.

Мексиканки отнюдь не застенчивы, но иностранцы внушают ужас коренным жителям.

Они господы положения.

По самоуверенности и наглому тону в них сразу можно признать завоевателей.

Трудно встретить такой пестрый отряд. Если б не карабины, палаши и револьверы, было бы невозможно уловить малейшую общность между восемью

десятками солдат.

Они одеты самым причудливым образом: кто в грубом мундирном сукне, кто в фуфайках, кто в полосатых пледах, кто в куртках из лосиной кожи...

Шапки на них — меховые, на некоторых даже бобровые; кое у кого мягкие фетровые или кожаные шляпы. Все бряцают стальными шпорами с уцелевшим или стертým накладным серебром. У одних шпоры на ремешках, у других привинчены к каблукам, некоторые — легкие, с маленькими звездочками, другие — тяжелые, так называемые мексиканские, чуть не в полфунта весом, глубоко вонзающиеся в лошадиные бока.

Не будучи мексиканцами, эти люди носят аксессуары их национального костюма.

Большинство солдат — крепыши, уроженцы маисовых плантаций Кентукки и Теннесси и тучных равнин Огайо, Индианы и Иллинойса. Это скваттеры и лесные охотники, фермеры западных склонов Аллеганских гор, лодочники с Миссисипи, пионеры Арканзаса и Миссури, трапперы прерий, бродяги из страны Великих озер, французские креолы из Луизианы, тexasские авантюристы и горожане из западных штатов.

Белокурые и голубоглазые выходцы из Германии, полнокровные англичане и медлительно-важные шотландцы рядом с подвижными и шумными сынами Ирландии...

Вот сухой и поджарый француз, смешливый и остроумный собеседник; вот широкоплечий швед с фельдфебельской выправкой; а вот польский эмигрант с длинными холеными усами, сосредоточенный и молчаливый...

Какой любопытный для наблюдателя подбор людей!

Это эскадрон рейнджеров американской армии.

Я — их капитан.

Несмотря на непритязательную внешность моих волонтеров, я смею утверждать, что вся Америка и европейский континент не выставят отряда, способного при одинаковой численности потягаться с моим в силе, храбрости и военном искусстве.

Многие из моих подчиненных закалились в пограничных стычках с индейцами или мексиканцами, прошли прекрасную военную школу, остальные берут с них пример.

Под моим начальством служит несколько «бывших» людей с подмоченной репутацией. Одни выброшены силой обстоятельств из цивилизованного общества, другие, быть может, объявлены вне закона; негодный материал для колонизации, но для войны подходящий.

Запущенные бороды и взлохмаченные волосы этих пыльных, неумытых людей в широкополых шляпах и фантастических куртках, опоясанных ремнями и обвешенных кинжалами, пистолетами и патронташами, производят жуткое впечатление.

Однако нельзя судить по внешности.

Только немногих я решаю назвать авантюристами, для которых война — развлечение и грабеж. В большинстве мои люди — недурные ребята, способные на благородный порыв.

Некоторые из них сторонники Соединенных Штатов, других вдохновляет жажда мести. Это главным образом тexasцы, потерявшие близких в борьбе с Мексикой. В их памяти еще свежо вероломное убийство Голиада, они еще

помнят бойню в Аламо.

Я один, пожалуй, не сумею сказать, что привело меня в эту страшную компанию. Личный мотив, с натяжкой, найдется, но незначительный и ничего общего с местью не имеющий.

Жажда приключений и перемены мест, быть может, тайное честолюбие и вкус к власти — вот единственные оправдания моему участию в походе.

Я — бродяга без друзей и без родины, ибо страна моя с некоторых пор утратила самостоятельность.

Лично меня, повторяю, политические события не затронули, и я ввязался в борьбу без всякой корысти.

Лошади рейнджеров привязаны в церковном саду — к деревьям и решеткам ризницы. Кони, подобно всадникам, набраны отовсюду — разных мастей и кровей, отличаются породой и сбруей.

Вот крепыш-жеребец из Кентукки или Теннесси, вот легкий луизианский иноходец, вот пони, вот берберийской конь и его потомок — мустанг, всего несколько недель назад свободно резвившийся в прериях...

Кого только нет в нашем отряде: вплоть до мулов двух разновидностей — большого и тощего североамериканского мула и его менее крупного, но более подвижного мексиканского родича.

Вороной скакун с тонкой шеей принадлежит мне. Лошадь моя стоит у колодца посреди площади. Я с нежностью гляжу на ее крутые бока.

Как гордо она вытягивает свою лебединую шею; с какой комической яростью фыркает, точно чувствуя, что я люблюсь ею!

Час с лишком мы стоим в селении, куда до нас не проникала ни одна американская часть, хотя нижнее течение Рио-Браво уже несколько месяцев как вовлечено в сферу военных действий.

Нас выслали на разведку, приказав, не подвергаясь большому риску, как можно глубже врезаться в тыл неприятеля. Цель нашего похода — не столько предотвращение каких-либо неожиданностей со стороны мексиканцев, сколько защита самих мексиканцев от команчей — наших общих врагов.

Судя по последним донесениям, эти индейцы вступили на «тропу войны» и выставили настоящую армию.

Говорят, что они опустошают всю страну, орошаемую верхним течением Рио-Гранде-дель-Норте, и что в захваченном ими городке они перебили всех мужчин, угнали детей и женщин и вывезли все ценное.

Мы здесь находимся для покорения мексиканцев, но по иронии судьбы обязаны их защищать, завоеывая их страну.

Глава III ПЛЕННИК

Мои размышления о своеобразном характере похода были внезапно прерваны стуком копыт. Топот слышался за пределами поселка. Судя по ритму, лошадь скакала галопом.

Перебежав на другую сторону азотеи, я нагнулся над балюстрадой в надежде заметить торопливого всадника. На дороге клубилась пыль, и вскоре показался ездок.

Это был еще молодой человек, безусый и безбородый, с замечательно правильными чертами лица, покрытого смугло-коричневым загаром.

Он был в малиновом плаще, ниспадавшем на круп лошади, и в легком сомбреро, с золотыми галунами.

Под ним горячился хорошо взнузданный низкорослый мустанг, пятнистый, как ягуар, — настоящий андалузец.

Всадник умерил ход, перешел на широкую рысь, пренебрегая неровностями почвы. Случайно он вскинул глаза на азотею, на которой я стоял. Очевидно, блестящий офицерский мундир привлек его внимание.

Почти молниеносно и совершенно машинально он осадил мустанга, взметнувшего хвостом дорожную пыль.

В это мгновение рейнджер, стоявший на посту на границе селения, вскочил из-под прикрытия и приказал всаднику остановиться, но тот, не обратив внимания на окрик, дернул поводья, повернул мустанга волчком, пришпорил и пустился вскачь. На этот раз всадник поскакал от дороги почти под прямым углом.

Вдогонку ему должна была просвистеть пуля, и всадник или конь были бы ею подкошены, если бы я не крикнул часовому:

— Не стрелять!

Мне почему-то пришло в голову, что незнакомец — слишком крупная и породистая дичь, чтобы прикончить его шальной пулей; малиновый ездок достоин был погони или облавы.

Мою нерасседланную лошадь прогуливали на площади.

Утренняя разведка сильно ее разгорячила, и конюху-негру было приказано остудить коня, прежде чем вести его на водопой.

Минуя лестницу, я спрыгнул с крыши невысокого одноэтажного здания на мостовую.

Конюх понял без слов и подвел жеребца.

Я вскочил в седло. Несколько рейнджеров вызвались мне сопутствовать. По звучному топоту я мог заключить, что за мной скачет человек шесть.

Но в помощниках я не нуждался. Состязание с юным всадником увлекало меня.

К тому же выигрыш времени был важнее численного перевеса; если пятнистый мустанг проявит такую же выносливость, как резвость, спутники все равно отстанут.

Ни одна лошадь в отряде не могла сравниться с моим скакуном, но, увидев аллюр мустанга, я сразу почувствовал серьезного соперника.

Минуты через две мелькнули последние хижины селения, и я поскакал по-

лями, преследуя всадника в малиновом плаще.

Оставив позади поселение, он летел во весь опор.

Ареной погони было поле. Мой сравнительно грузный жеребец увязал в рыхлой земле, тогда как мустанг отталкивался от нее, как заяц; он уходил от меня, и я уже начинал отчаиваться, когда внезапно заметил, что перед мустангом выросла преграда из шеренги расположенных растений с плотной листвой. То были агавы.

На первый взгляд преграда казалась неодолимой. Мексиканец хотел было ее объехать, но вовремя сообразил, что я могу кинуться наперерез. Тогда, рванув поводья, он пришпорил коня и быстро скрылся в зарослях.

Доскакав на взмыленной лошади до места исчезновения незнакомца, я услышал хруст листьев под копытами удалявшегося мустанга.

Размышлять было некогда: или туда, за ним, или отказаться от погони. Преграда меня не смущала: на карте стояла моя честь, а жеребец храпел и рвался вперед.

Припав к седлу, я нырнул в заросли и прорвался через них, отделавшись царапинами.

Но дальше опять участок, засаженный фасолью, и я снова отстал, увязая в рыхлом грунте.

Впереди блестела вода: это была цеквия — оросительная канава, широкая, как крепостной ров. Препятствие не менее серьезное, чем агавы.

«Здесь всадник задержится, — подумал я. — Он возьмет вправо или влево, и тогда...»

Но внезапный вольт всадника обманул мои ожидания: вместо того чтобы свернуть, мексиканец пустил коня прямо на цеквию, и благородный скакун одним прыжком перемахнул через ров.

Я не мог уделить и секунды на восхищение этим подвигом; надо было повторить его самому, и я поскакал к широкой канаве. Жеребец не нуждался ни в хлысте, ни в шпорах; он видел соперника, перелетающего через ров, и знал, чего я требую. Такой же прыжок — и мы одолели цеквию. Затем мой скакун, точно решившись одним порывом завершить погоню, бросился за мексиканцем, вытянув голову и раскинув ноги — для галопа без поводьев.

Здесь начиналась обширная саванна. Копыта отбивали гулкую дробь.

Мы шли по скаковой дорожке, и я поставил себе целью нагнать мустанга на равнине — до первой помехи.

В саванне паслись табуны мустангов и стада быков, лошади трясли головами и разбегались, быки вскакивали, прерывая жвачку.

Чтобы не сломать себе шею и не разбить хребта Моро, я объезжал быков, грузно залегших в траве.

В этой бешеной скачке сказалось превосходство мустанга, привыкшего, очевидно, к таким переделкам. Я отставал.

Район пастбища подходил к концу. Перед нами высились заросли с деревьями над низким кустарником, а еще дальше, на холме, я увидел белое строение.

Это была уже упомянутая гасиенда; мы неслись к ней напрямик.

Я сомневался в благоприятном исходе погони: если малиновый всадник достигнет зарослей, он, вероятно, ускользнет.

Что скажут мои люди, если я вернусь ни с чем?

Запретив часовому стрелять, я упустил, быть может, неприятельского лазутчика или важного офицера.

Судя по лихорадочному галопу мустанга, всадник, как огня, боится встречи с американцами.

Я приналег на взмыленную лошадь. Моро, как будто угадывая мои мысли, понесся вихрем.

Впереди не было ни стад, ни других препятствий и, благодаря великолепному ходу моего жеребца, расстояние между ним и мустангом начало таять. Еще десять секунд — и я у цели.

Через десять секунд, на расстоянии выстрела, я выхватил пистолет:

— Стой, или буду стрелять!

Ответа не последовало; мустанг скакал дальше.

— Стой! — крикнул я снова, чувствуя отвращение к бессмысленному убийству. — Стой, или буду стрелять!

Опять молчание.

Футов шесть отделяли меня от мексиканца. Я скакал у него за плечами и мог пустить ему пулю в спину, но что-то меня останавливало. Полагаю, что было бессознательное восхищение, смутный восторг перед незнакомцем...

Держа палец на курке револьвера, я все-таки не стрелял.

Однако нельзя упустить беглеца: он приближается к чаще. Сейчас он скроется!.. Подстрелим, по крайней мере, лошадь!..

Куда же метить? Мустанг, раненный в круп, ускачет...

Всадник круто повернул, рассчитывая ошеломить преследователя. Этот маневр достиг цели, но мустанг подставлял теперь мне бок.

Я выстрелил.

Лошадь с всадником рухнула на землю...

Юноша высвободился из-под павшей лошади и вскочил на ноги. Опасаясь, что он исчезнет в зарослях, я навел на него дуло пистолета.

Ни малейшей попытки к бегству или сопротивлению. Скрестив руки и глядя мне прямо в лицо, незнакомец произнес с величайшим хладнокровием:

— Не стреляйте! Я — женщина!..

Глава IV

УБИТЫЙ МУСТАНГ

Меня не слишком удивило это признание. Я был к нему наполовину подготовлен. Уже во время погони я подозревал в мексиканце женщину.

— Да, сеньор! Я — только женщина... Что вам угодно от меня?

С этими словами она встала с колен, безбоязненно на меня взглянула.

Вопрос был настолько неожиданный, что я не мог не улыбнуться.

— Вам весело, сеньор? А мне хочется плакать: вы убили мою любимицу!..

Никогда не забуду взгляда мексиканки: гнев, горе, презрение и досада сочтались в нем.

Улыбка сошла с моих губ: я был пристыжен.

— Сеньорита, — пролепетал я, — я глубоко сожалею, что вынужден был вас огорчить. Могло случиться худшее...

— Что же именно? Скажите, пожалуйста! — перебила меня амазонка.

— Я мог убить вас, но случайное подозрение...

— Карамба! — воскликнула она, перебивая меня. — Худшее случиться не могло. Я так любила бедного мустанга. Лолита была мне дороже жизни. Бедная Лола!

Дав волю отчаянию, красавица обвила руками шею мустанга и поцеловала его в ноздри. Затем, бережно закрыв ему глаза, она выпрямилась и вперила взор в останки убитой лошади.

Я растерялся, не зная, как утешить пленницу. Даже ценой моего месячного жалованья нельзя было воскресить мустанга!..

Мексиканцы питают слабость к крупным американским лошадям. Нередко гидальго платят баснословные цены за удовольствие появиться на таком коне.

У нас в эскадроне было много хороших полукровок, и я подумал, что молодая женщина не откажется от подарка.

Предложение мое, сделанное с деликатными оговорками, было с презрением отвергнуто.

— Что вы сказали, сеньор? — воскликнула женщина и топнула, так что зазвенела шпора. — Вы предлагаете лошадь? Мне!.. Взгляните! — Она указала на равнину. — Вот тысячи лошадей, сеньор, и все они — мои. Судите сами, может ли меня соблазнить ваш подарок... На что мне ваша лошадь?

Надо было выпутаться:

— Но, сеньорита... Ведь это туземные лошади, а я предлагаю вам...

— Бросьте! — отрезала мексиканка, кивнув на мустанга. — Я не обменяю эту туземную, как вы изволили выразиться, на всех лошадей вашего эскадрона: ни одна из них ее не стоит...

Если бы дело касалось только меня, я, пожалуй, смолчал бы, но эта выходка сеньориты затронула честь эскадрона: мексиканка уязвила мое кавалерийское самолюбие.

— Ни одна эскадронная лошадь не стоит вашего мустанга? Вы так полагаете, сеньорита?

Я покосился на Моро. Женщина тоже взглянула на моего коня и уже не могла отвести от него глаз.

Амазонка любовалась благородными формами скакуна.

И в самом деле, Моро был великолепен — весь трепещущий, взмыленный, с ключьями снежной пены на груди, оттенявшими его лоснящуюся черную шерсть. Бока его тяжело вздымались. Пар вырывался из розовых ноздрей. Глаза его метали искры, и шея вытягивалась, как будто лошадь-победительница чувствовала наше лестное внимание.

Амазонка прищурилась; она молчала. Но по всему было видно, что лошадь произвела на нее сильное впечатление.

— Вы правы, кабальеро! — задумчиво проговорила она. — Этот конь стоит моего...

Но я уже раскаивался в том, что заинтересовал собеседницу своей лошадью: ведь, предлагая ей любого из строевых коней, я ни за что на свете не променял бы Моро на все табуны ее мустангов.

Не знаю, как бы я вышел из щекотливого положения, если б не подоспели кавалеристы.

Мексиканка испугалась моих рейнджеров: с виду они были настоящие разбойники.

Я приказал им ехать обратно на квартиры. Люди поглядели на мустанга, на его богатую сбрую, запятнанную кровью, покосились на амазонку и, обменявшись сдержанными замечаниями, ускакали.

Я остался наедине с пленницей.

Глава V ИЗОЛИНА ВАРГАС

Как только всадники отъехали, женщина спросила:

— Техасцы?

— Да, но не все...

— Вы их начальник?

— Да, сеньора!

— Очевидно, капитан?

— Вы угадали.

— Итак, сеньор капитан, я — ваша пленница?..

Вопрос меня ошарашил. Горячка погони, неожиданность встречи и ослепительная красота пленницы заслонили на время цель бешеной скачки, и я старался не думать о дальнейшем. Только сейчас я вспомнил свою прямую обязанность: надо выяснить, не шпионка ли эта женщина.

Ничего невероятного: сплошь и рядом красивым женщинам на войне поручают доставку секретных сведений. Если я отпущу мексиканку на все четыре стороны, могут возникнуть важные осложнения.

Так говорил голос долга, но арестовать беглянку было неловко... Я не провёл и десяти минут в ее обществе, а уже находился под обаянием ее красоты...

Видя, что я колеблюсь, она повторила:

— Значит, я ваша пленница?

— Боюсь, сеньорита, что я — ваш пленник...

Эта любезность отчасти была продиктована желанием уклониться от прямого ответа, отчасти вырвалась от избытка чувств. Во всяком случае, я был далек от галантной шутки. Неожиданные слова прозвучали серьезно, и я с тре-

петом ожидал, как они будут приняты.

Большие блестящие глаза незнакомки остановились на мне сначала с некоторым смущением, но тотчас же в них заискрилось отнюдь не враждебное любопытство. Подавив торжествующую улыбку, сеньорита с прежним высокомерием произнесла:

— Ваш комплемент неуместен, кабальеро! Могу ли я идти?

Я разрывался между галантностью и чувством долга. С трудом нашел я среднюю линию.

— Сеньорита, — сказал я, подойдя к пленнице и глядя на нее с напускным равнодушием, — дайте мне слово, что вы — простите за грубое выражение — не шпионка, и вы вольны идти, куда вам вздумается. Все зависит от вашего слова.

Условие мое прозвучало скорей умоляюще, чем властно. Я корчил собою сурового вояку, но заискивающее лицо все портило.

Пленница расхохоталась.

— Шпионка? Это я-то шпионка? Вы шутите, сеньор капитан!

— Надеюсь, сеньорита, что вы, по крайней мере, не шутите... Итак, при вас нет никаких бумаг, никаких секретных пакетов?

— Ничего подобного, сеньор капитан!

Она тряслась от смеха.

— Так почему же вы пытались скрыться?

— Ах, кабальеро! Разве вы не техасцы? Не сердитесь, если я скажу вам, что мы, мексиканцы, вас недолюбливаем.

— Однако ваш образ действий был безумно неосторожен: вы рисковали жизнью.

— Это верно, карамба! Теперь я понимаю!..

Незнакомка многозначительно взглянула на мустанга, и рот ее горько скривился.

— Да, теперь я все понимаю, — повторила она, — но я так верила в непобедимость Лолы. Отдаю вам должное.

Большие черные глаза вновь смерили меня с головы до ног, и мне показалось, что взгляд незнакомки смягчился.

В смущении мы отвели друг от друга глаза: она потупилась. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта неловкая пауза, если б я не спохватился: ведь я веду себя как невежа.

Молодая женщина до сих пор находится на положении арестованной.

Я поспешил вернуть ей свободу.

— Шпионка вы, сеньорита, или нет, но я вас больше не задерживаю. Вы свободны.

— Благодарю вас, сеньор, но я хочу вас вознаградить за ваше рыцарское поведение. Вот прочтите.

Она показала мне пропуск, подписанный главнокомандующим на имя доньи Изолины де Варгас.

— Как видите, капитан, я ни минуты не была вашей пленницей.

— Надеюсь, сеньорита, вы прощаете мне невольную грубость?

— Охотно, капитан, охотно!

— Но как опрометчиво вы поступили! Ведь мы обязаны были вас настичь живой или мертвой. Отчего вы бежали с пропуском?

— Именно из-за пропуска я обратилась в бегство.

— Из-за пропуска, сеньорита? Разъясните, умоляю!

— Могу ли я довериться вашей скромности, капитан?

— Обещаю быть нем, как рыба.

— Так знайте же: я была далека от уверенности, что вы американцы. С тем же успехом могла я натолкнуться на отряд моих соотечественников... А кто поручится за целостность моей головы, если эта бумага и еще кой-какие будут предъявлены Ка-нальесу, предводителю отрядов обороны. Как видите, капитан, «друзья» иногда опаснее «врагов»!..

Тут только я понял истинную причину ее бегства.

— У вас капитан, отличное испанское произношение, — продолжала она, — но если б вы окликнули меня по-английски, я бы немедленно остановилась и, пожалуй, сохранила бы жизнь своей любимице. Бедная Лола!

И мексиканка вновь склонилась к похолодевшему мустангу.

Спрятав лицо в густой волнистой гриве, она целовала ее и обливала слезами.

— Бедная Лолита! Недаром я так оплакиваю ее! Было за что ее любить: сколько раз она меня спасала! Что теперь со мной станется?.. Я буду трепетать при каждом слухе о приближении индейцев и не посмею выезжать в прерию. Без тебя, моя ласточка, я поневоле стану домоседкой. С тобой я носилась, как ветер. Теперь крылья подрезаны.

Все это было сказано с самой глубокой горечью. Мне, прирожденному кавалеристу, влюбленному в своего Моро, были понятны чувства мексиканки.

Все еще надеясь утешить амазонку, я повторил свое предложение:

— Сеньорита, у нас в эскадроне отличные породистые лошади.

— Они мне не нравятся.

— Откуда вы их знаете?

— Я видела, как ваш эскадрон выступал сегодня утром из городка.

— Неужели?

— Да, сеньор капитан! Вы еще гарцевали во главе вашего странного отряда.

— Вы меня заметили, сеньорита? Отчего же я вас не видел?

— Карамба! Однако близоруким я вас не назову: каждый балкон, каждую решетку вы подарили своим вниманием. Каждой встречной девушке вы успели подмигнуть и улыбнуться. Подозреваю в вас северного донжуана, капитан!

— Сеньорита, я хотел бы...

— Бросьте! Вы ведь гордитесь легкими победами, как все мужчины. Но поговорим серьезно: ни одна лошадь в вашем эскадроне меня не соблазняет, за исключением...

Я вздрогнул, услышав такой оборот.

— За исключением вот этой! — договорила она, указывая на Моро.

Я не знал, что сказать.

Мексиканка заметила мою растерянность. Она ждала ответа.

Наконец я пробормотал:

— Сеньорита, этот жеребец — мой испытанный друг. Но если Моро вам приглянулся, так и быть: он к вашим услугам.

Я сделал ударение на словечке «если», взывая к великодушию амазонки... Напрасная попытка!

— Благодарю вас, — холодно поклонилась она. — За вашим Моро будет хо-

роший уход. Он мне подходит. Надо будет заглянуть ему в зубы.

Во мне подымалось отвращение к красавице.

— Дайте-ка мне испытать Моро. Ах, у вас уздечки с мундштуком! Они не дурны, но наши все-таки лучше. Помогите же мне отвязать мое лассо.

Великолепное лассо, сплетенное из белого конского волоса, было прикручено к седлу ее мустанга.

Машинально я прикрепил его к луке моего седла и подтянул на ремнях повыше.

— Теперь, капитан, — воскликнула мексиканка, схватив поводья рукой в перчатке, — теперь попробуем вашего Моро!

Она вспорхнула на коня, едва коснувшись стремени, и сбросила плащ.

Я вспомнил древних амазонок. С такими воительницами можно покорить мир.

Свирепый бык отделился от стада и направился к нам. Этого только и ждала прекрасная охотница.

Лошадь, почувствовав шпоры, поскакала галопом навстречу быку, который обратился в позорное бегство. Наездница продолжала его преследовать и вскоре очутилась от быка на расстоянии, удобном для метания лассо.

Мертвая петля, брошенная крепкой рукой, взвилась по воздуху, и захлестнула бычьей шеей. Мексиканка круто повернула и поскакала прочь от быка. Лассо медленно затянулось — полу-задушенный бык свалился на землю. Не давая ему опомниться, амазонка галопом повернулась к хрипевшему быку, нагнулась с седла, распутала петлю и так же быстро удалилась, намотав лассо на руку.

— Великолепно, лучше не надо! — объявила она, спрыгивая с коня и восхищенно его оглядывая. — Ваш Моро — настоящее чудо. Ах, Лола, бедная Лола! Боюсь, что слишком скоро я тебя забуду...

Эти слова относились к убитому мустангу. Затем, обращаясь ко мне, мексиканка спросила:

— Значит, Моро теперь мой?

— Да, сеньорита, если вам угодно, — ответил я, расставаясь без особого энтузиазма со своим сокровищем.

— Но я совсем этого не хочу! — воскликнула амазонка, приняв внезапное решение, и, смеясь, прибавила: — Ах, капитан, как вы во мне ошибаетесь! Я понимаю всю глубину вашей жертвы. Оставьте себе своего любимца. Пусть только один из нас оплакивает сегодняшнюю встречу. На вашем месте я б ни за что не отдала такую лошадь.

— На разлуку с Моро я соглашусь лишь ради одной особы.

Мексиканка перестала хмуриться. Казалось, вот-вот она улыбнется.

— Эта особа, должно быть, дама вашего сердца? Ну, что ж, благородный капитан, если вы ей так же верны, как вашему скакуну, у нее нет основания на вас жаловаться. Но мне пора. До свиданья!

— Не разрешите вас проводить домой!

— Благодарю, я уже дома. Смотрите: вот дом моего отца, — сказала она, указывая на гасиенду. — А вот человек, который позаботится об останках бедной Лолы, — прибавила мексиканка, подзывая проходившего мимо пастуха. — Помните, капитан, что вы — офицер вражеской армии. Я не вправе пользоваться вашей любезностью, а тем более предлагать вам гостеприимство. Ах,

вы еще не знаете... Вы не знакомы с деспотизмом президента Санта-Анны. В эту минуту, быть может, его шпионы...

Она подозрительно огляделась вокруг.

Кто-то спускался с холма.

— Санта-Мария! Это Ихурра.

— Кто такой — Ихурра?

— Он всего-навсего мой кузен, но...

Она замялась и, внезапно впадая в умоляющий тон, прошептала:

— Уезжайте, сеньор, уезжайте! Ради всего святого, скройтесь! До свиданья!

Хоть я и горел желанием познакомиться с Ихуррой, но поневоле уступил панической женской просьбе и ускакал.

У самой опушки любопытство, а быть может, и более сильное чувство владело над рыцарским послушанием, и, сделав вид, что поправляю стремяна, я оглянулся.

Ихурра уже подошел к мексиканке.

Это был высокий человек в костюме мексиканского гидальго: черная бархатная жакетка — короткая, открытая на груди курточка, темно-голубые панталоны, пунцовый пояс и широкополая шляпа с низкой головкой. Лет ему было около тридцати. Черные бакенбарды оттеняли бледность лица. По-своему он был красив, но не наружность его заинтересовала меня, манера обращения с кузиной.

Мексиканка робела перед рослым широкоплечим кузеном. Он потрясал какой-то бумагой и горячо говорил. Хищный профиль придавал ему сходство с коршуном. Ихурра бранил Изо-лину или угрожал ей.

Велика, очевидно, его власть над молодой мексиканкой, если она так кротко его выслушивает.

Я чуть не пришпорил коня и не подъехал к бедняжке, но сеньорита уже рассталась с кузеном и пошла к гасиенде.

Сквозь кустарниковые заросли вилась дорога в поселок.

Отуманенный всем пережитым, я возвращался на стоянку. На границе селения меня окликнул часовой.

Глава VI

ПЯТЬ ТЫСЯЧ БЫКОВ

Я видел во сне свое приключение и мрачного Ихурру — кузена мексиканки. Как ужаленный вскочил я с постели: горнист трубил зорю.

Чем больше я думал, тем яснее для меня становилось, что молодая женщина, героиня приключения, внушила мне нешуточный интерес — страсть, настоящую страсть, разыгравшуюся на протяжении часа и завладевшую всем моим существом. Это была не первая моя любовь: к тридцати годам я имел уже опыт, но именно потому и не обманывался в природе своего чувства.

Как описать Изолину де Варгас? Волнистые пряди ее пышных волос, миндалевидный разрез глаз, с длинными черными ресницами, жемчужный ряд зубов и нежный румянец бархатистых щек... Но истинный секрет ее очарования был в счастливом сочетании физических и нравственных достоинств.

Созерцая игру ее лица, эти летучие улыбки, этот блеск живых глаз под завесой ресниц, блеск, то исполненный нежности, то чудесной гордыни, вы приобщались к гармоническому совершенству.

На будущее я взирал с надеждой, но не без тревоги.

Я не забыл, как резко оборвалось наше свидание, я помнил, что красавица даже не намекнула на возможность новой встречи. Я не видел моста к продолжению нашего знакомства, разве что слепой случай сведет меня вновь с мексиканкой.

Но я решил не доверяться року, а повлиять на события, поскольку это было в моей власти.

В мозгу моем промелькнул десяток планов, и все они клонились к одному: к возобновлению знакомства с Изолиной де Варгас.

Стояло смутное, беспокойное время, и красавица, вероятно, редко выходила из дому; каждый день, каждый час мог быть получен приказ о выступлении, и тогда все пропало, я вряд ли вернусь на аванпосты, с которыми отныне связана моя судьба.

Округ был на военном положении; я считался его полновластным хозяином и мог проникать свободно, куда мне вздумается. На самом же деле все было не так.

До одури созерцал я белые стены великолепной гасиенды, но никак не мог найти предлога, чтобы постучать в ее двери.

Надо было покончить с этим томлением, и, перебрав в уме тысячи комбинаций и тут же их забраковав, я остановился на самой бесхитростной: взгляд мой случайно упал на белое лассо отличной работы, висевшее на луке моего седла. Это лассо являлось якорем спасения: что, если вернуть его по принадлежности?

Вот к чему сведется мое вмешательство в естественный ход вещей, в остальном я доверюсь счастливой звезде.

Закурив сигару, я поднялся на азотею, чтобы обдумать в подробностях план маленькой кампании.

Не успел я и двух раз обойти плоскую крышу, как на площади застучали копыта. Всадник был в драгунском мундире, и я тотчас узнал в нем ординарца из штаба главнокомандующего.

Он спросил коменданта поселка. Ему указали на меня, и нарочный рысью направился к дому алькада.

Представившись, он доложил, что имеет для меня пакет от главнокомандующего, и показал запечатанный конверт.

Я велел ему подать пакет на азотею на кончике сабли.

Ординарец, исполнив свое поручение и отдав мне честь, ускакал галопом, как и приехал.

Я вскрыл конверт и прочел:

«Штаб главнокомандующего.

5 июня 18...

Предлагаю вам, господин капитан, взяв с собой необходимое количество людей, отправиться в гасиенду дона Рамона де Варгаса, по соседству с занимаемой вами деревней. Там вы найдете пять тысяч голов рогатого скота, который вам предписывается пригнать в тыл армии, в распоряжение главного интенданта. Там же возьмите погонщиков для сопровождения скота. Часть вашего отряда примкнет к проводникам. Характер этой операции выяснится для вас из прилагаемой записки.

Старший адъютант...»

«Какое удивительное совпадение! — подумал я. — Только что ломал я голову над тем, как проникнуть в дом Рамона де Варгаса, и вот все устраивается, как по мановению волшебного жезла. Видно, я родился в сорочке — счастье само плывет мне в руки».

Я позабыл о белом лассо. Радуюсь такому благовидному предлогу, как прямая служебная обязанность, я бодро и уверенно готовился к посещению гасиенды с приятным сознанием гостя, которого ждет хороший прием.

Ах, вот еще: Ихурра... Совсем было выскочило из головы! Столкнусь ли я с ним в гасиенде?

При одной мысли об этом человеке все мои радужные фантазии померкли.

Но приказ из главной квартиры требует точного и быстрого исполнения, и необходимость действовать положила конец моему раздумью.

Не теряя ни минуты, я приказал седлать пятьдесят коней.

Я занимался тщательным туалетом, когда внезапно вспомнил, что не мешает познакомиться с содержанием записки, о которой говорилось в приказе. Развернув четвертушку бумаги, я, к удивлению своему, увидел испанский текст.

Вот что я прочел:

«Пять тысяч голов рогатого скота, заготовленные, согласно продажной квитанции, находятся в вашем распоряжении. Но убедительно прошу вас симулировать насильственный угон быков. Прибавляю, что посланный ваш поступит благоразумно, выполнив этот мнимонасильственный акт с подчеркнутой грубостью. Мои пастухи — к вашим услугам, но лично я лишен возможности отдать им необходимые распоряжения.

Рамон де Варгас».

Записка эта была адресована главному интенданту американской армии. Смысл ее, темный для непосвященных, для меня был ясен, как день.

Однако, несмотря на то что записка дона Рамона де Варгаса была тонка и дипломатична, мне совсем не улыбалось вторжение в гасиенду с взламыванием ворот и застрачиванием пеонов. Хорош я буду в роли наглого мародера, с

ножом у горла требующего у хозяина выдачи пяти тысяч быков.

«Воображаю, — вздохнул я, — что подумает Изолина... Несомненно, она должна быть в курсе дела.

Изолина, — успокоил я себя, — оправдает мое поведение, и я постараюсь выполнить инструкцию как можно мягче. Самую грузную часть программы свалю на лейтенанта».

Если красавица не будет отсиживаться в своей комнате, я хоть мельком увижусь с нею.

Прозвучал сигнальный рожок; пятьдесят рейнджеров с лейтенантами Холлингсвортом и Уитлеем вскочили на коней. Колонной по двое в ряд мы выехали из деревни и через десять минут остановились у гасиенды.

Массивные, как на тюремном дворе, ворота были заперты на засов с тяжелым висячим замком и припечатанными железными болтами. Неприветливо глядели окна с захлопнутыми ставнями.

Снаружи — ни души; даже встревоженные пеоны притаились.

Я уступил инициативу лейтенанту; он знал достаточно хорошо по-испански.

Спешившись, он подошел к воротам и крепко ударил в дубовую обшивку ручкой револьвера.

— Откройте! — крикнул он.

Ответа не последовало.

— Открывайте ворота! — повторил он настойчивее.

Снова молчание.

— Эй, вы там! Отворяйте! — кричал лейтенант, барабаня револьвером.

Изнутри отозвался чей-то дрожащий голос:

— Кто там?

— Это я! — взревел Уитлей. — Отворяйте! Что, вы там все умерли?

— Сейчас! Погодите! — ответил тот же испуганный старческий голос.

— Да не мешкайте! Мы — не грабители!

Послышался звон отодвигаемых болтов — сложная железная музыка, — ворота распахнулись внутрь, и мы увидели насмерть перепуганного привратника, его сторожку и часть двора.

Уитлей первым делом надрал привратнику уши. Затем мой исполнительный лейтенант громовым голосом приказал вести нас к хозяину дома.

Станный образ действий начальства пришелся по вкусу рейнджерам: за нашей спиной слышались одобрительные смешки. Не без труда приучили мы своих воинов к известной корректности в отношениях с мирным населением, и вид офицера-бандита доставил им искреннее удовольствие.

Многие в армии роптали на то, что с мексиканцами церемонятся: перед ними якобы расшаркиваются, в то время как мы изнываем под гнетом суровой дисциплины. Своим поведением Уитлей обнадеживал скучающих солдат.

«Кампания, — думали они, — становится интересной».

— Сеньор, — пробормотал привратник, — хозяин сегодня никого не принимает.

— Не принимает! — зарычал лейтенант Уитлей. — Скажи ему, что нас он обязан принять!

— Да, мой друг, — обратился я в примирительном тоне к привратнику, у которого так тряслись поджилки, что я начал сомневаться, дойдет ли он до внут-

ренных покоев, — да, мой друг, пойдите и передайте вашему хозяину, что американские офицеры желают поговорить с ним по неотложному делу.

Привратник исчез, поощренный пинком лейтенанта.

Я не стал дожидаться его возвращения у заманчиво распахнутых ворот и с лейтенантом Уитлеем въехал во двор.

Глава VII ДОН РАМОН

Нам представилась любопытная картина: двор мексиканского дома, или патио, весьма живописен. Здесь уже не видно окон с тюремными решетками и мрачных дверей, но радуют глаз расписные фасады и галерея с пестрыми занавесями и витражами.

Патио в жилище дона Рамона был вымощен плитняком; посередине журчал фонтан с каменным бассейном. Апельсиновые деревья колыхались над водоемом. Их золотые плоды наполняли ароматом воздух, непрерывно освежаемый током воды. Галерея с трех сторон облежала обширный двор. Ее мозаичный пол лишь на несколько дюймов поднимался над плитняком двора. Небольшие колонки поддерживали потолок галереи, защищенной трельяжами и занавесями.

На всем протяжении веранды, кроме входа, драпировки были задернуты. Таким образом внутренность ее была укрыта от наших взоров.

Ни души. Однако в следующем внутреннем дворе, так называемом «большом краале», мы нашли оживление: множество смуглых пеонов, обутых в сандалии, щеголявших в бархате с пуговицами-побрякушками, женщин и девушек в нагва и пестрых ребозо...

В большом краале жизнь была ключом. Это был загон для крупного скота, ибо поместье дона Рамона де Варгаса являлось не чем иным, как образцовой фермой с питомником племенного скота.

Эти прозаические занятия отлично уживались с дворянской спесью владельца: надо сказать, что мексиканские гидальго — ревностные скотоводы с большим хозяйственным размахом.

Проникнув в патио, я лишь заглянул во внутренний двор — крааль. Взоры мои были прикованы к пышным драпировкам галереи. Но, не видя той, кого я искал, я перевел взгляд на азотею.

Дом был одноэтажный, и с высоты седла я обозревал часть плоской крыши.

Висячий сад дона Рамона был святилищем редкостной флоры, широкие листья и блестящие соцветия экзотических растений свешивались через парапет.

Патио по-прежнему пустовал. Никто к нам не выходил. Только пастухи кричали в большом краале, щебетали птицы в клетках на галереи патио и журчал фонтан.

Мы с Уитлеем не слезали с коней.

Пастухи, пеоны и девушки-скотницы столпились у внутренних ворот, недоуменно разглядывая незваных гостей.

После томительного ожидания в галерее послышались шаги, и привратник обрадовал нас известием, что хозяин сейчас выйдет.

Вскоре показался старый гидальго. Это был рослый и плотный, слегка сог-

бенный старик. Осанка его говорила о кипучей энергии и непреклонной воле. Большие черные глаза глядели зорко и испытующе. Брови не поседели, но волосы уже серебрились. На нем были белоснежная рубашка тонкого полотна, широкий синий пояс и соломенная шляпа. Старик курил пахитоску.

Сквозь напускную суровость дона Рамона просвечивали добродушие и недюжинный ум.

— Вы дон Рамон де Варгас?

— Да, сеньор! — ответил старик, притворяясь рассерженным и удивленным.

Тогда я отчеканил по-испански, чтобы поняли пеоны и пастухи.

— Я — офицер американской армии и прислан заключить с вами сделку на поставку быков для нашего интендантства. Могу предъявить приказ главнокомандующего, который...

— Нет у меня продажных быков, — гневно прервал меня дон Рамон, — и вообще я не желаю иметь дела с американцами!

— В таком случае, — возразил я, — мы вынуждены забрать быков без вашего согласия. Деньги вы в свое время получите, но скот я уведу немедленно: у меня есть на этот счет инструкция. Кроме того, пастухи ваши обязаны проводить гурт до лагерей.

По знаку моему рейнджеры с Холлингсвортом хлынули через внутренние ворота в большой крааль, оцепив насмерть перепуганных погонщиков — наших помощников в предстоящей работе.

— Я протестую против разбойного вторжения в мой дом! — крикнул старик Рамон, потрянув серебряной гривой. — Это низость! Это вопиющее нарушение военных обычаев, недостойное цивилизованной армии! Я буду жаловаться моему и вашему правительству и добьюсь наказания виновных:

— Но вам заплатят, дон Рамон.

— Мне заплатят? Карамба! Кто заплатит? Грабители? Флибустьеры?

— Эй, вы, старый джентльмен, потише! — не вытерпел Уитлей, не посвященный в наш сговор и не на шутку задетый вызывающим поведением старика. — Рекомендую вам взвешивать каждое слово, когда обращаетесь к представителям американской армии, иначе вы можете лишиться более ценного блага, чем ваш рогатый скот! Не забывайте, с кем вы говорите!

— С кем? С разбойниками! — рявкнул дон Рамон, и в словах его прозвучало такое искреннее убеждение, что горячий лейтенант схватился бы за револьвер, если б я не шепнул ему на ухо двух слов.

— Ну его, старого мерзавца! — проворчал с отвращением лейтенант. — А я то думал, что он говорит всерьез. Ничего, не смущайтесь, приятель! — обратился он к дону Рамону. — Главное, не беспокойтесь насчет долларов. Дядя Сэм — надежный и щедрый плательщик. На вашем месте я отдал бы всех быков на свете под расписку американского штаба. Итак, старина, хладнокровнее и бросьте ваши штучки.

Но Рамон де Варгас яростно задернул занавески и скрылся.

В течение всей этой сцены я с трудом сохранял серьезное выражение на лице, и мексиканец, как мне казалось, тоже. В глазах его то и дело вспыхивал лукавый огонек, и он напрягал всю силу воли, чтобы не расхохотаться.

Сбившись с роли, я рисковал только выговором по службе, а Рамон де Варгас — собственной шкурой. Вот почему он и провел комедию, как первокласс-

ный актер.

Исчезая, старик бросил мне вполголоса: «До свиданья, капитан!» — и слова эти, которых никто, кроме меня, не слышал, прозвучали музыкой надежды.

Я вскочил на коня и отдал приказ сгонять быков мексиканца.

Глава VIII ПАПЕЛЬЧИТО

Уитлей примкнул к рейнджерам, ворвавшимся в крааль; вскоре подобралась группа проводников для пятитысячного гурта, и оба лейтенанта с отрядом пастухов отправились в саванну, где паслись стада дона Рамона.

Судомойки жались в уголках патио, разглядывая американцев со страхом и любопытством.

Занавеси на галерее не шевелились.

«Отчего не выходит донья Варгас? — подумал я. — Может, она стесняется или не хочет меня видеть?»

Это не льстило моему самолюбию. Но теперь, когда во дворе не осталось посторонних, дон Рамон мог бы все-таки меня пригласить. Впрочем, он боится болтливых метисок. Ну что же, ничего не поделаешь: догоним отряд.

В самом дурном расположении духа я выехал из ворот крааля.

За гасиендой тянулась уже знакомая прерия. Откинувшись в седле, я любовался буйным оживлением великолепного степного пастбища.

Полудикие быки метались из стороны в сторону: пастухи вскакивали на быстроногих мустангов, шарфы их развевались по ветру, а гибкое лассо мелькали, как птицы.

Наши рейнджеры на своих менее поворотливых лошадях помогали им довольно неуклюже, уступая пастухам в сноровке. Уже уводили группами с трудом усмирённых и согнанных быков, степь оглашалась свирепым бычьим мычаньем вперемежку с гоготаньем солдат, которых забавляла своеобразная охота, и с пронзительными криками загонщиков и пеонов.

При других обстоятельствах этот грандиозный цирк доставил бы мне еще большее наслаждение, но сейчас мне было не до зрелищ.

Неужели эта буйная, необычайная сцена, разыгравшаяся под самыми окнами сонной и чопорной гасиенды, не привлечет внимание хозяйки?

Ведь Изолина сама подвижна, как ветер, и влюблена в движение.

Конечно, она украдкой за всем наблюдает...

Мне пришло в голову, что я недостаточно внимательно осмотрел фасад гасиенды. Ставни открываются изнутри. Жилые комнаты в мексиканских домах выходят на лицевую сторону.

— Глуп же я был, целый час проторчав в патио и не обследовав окон, — пробормотал я с досадой. — Что, если вернуться? Пожалуй, еще не поздно.

Загоревшись надеждой, я пересек опустевший крааль и вернулся в патио. Здесь по-прежнему стрекотали потрясенные событиями коричневые метиски; занавеси на галерее не раздвигались.

Ворота сводчатого въезда с момента вторжения кавалеристов оставались распахнутыми. Привратника в сторожке не было: бедняга скрылся, боясь вторичного столкновения с лейтенантом.

Я решил проехать верхом вдоль фасада, когда внезапно нежный голосок

окликнул меня:

— Капитан!

Гляжу на окна — все ставни захлопнуты.

Не успел я откликнуться, как словечко «Капитан!» повторилось, на этот раз настойчивее; голос звучал с азотеи.

В ту же минуту женская ручка просунулась в амбразуру, на траву полетела записка, а в ушах моих прошелестело:

— Папельчито!

Подобрав записку, я отъехал подальше, чтобы разглядеть азотею.

Ожидания мои не обманулись: на крыше находилась Изолина.

Она прильнула к амбразуре; в ее больших черных глазах светилась та смесь лукавства и непроницаемой серьезности, которая сводила меня с ума.

Вдруг Изолина изменилась в лице и приложила палец к губам. Она исчезла за парашютом.

Остаться мне или ускакать? Изолина, очевидно, не покинула азотеи, но кто-то поднялся к ней на крышу. Там разговаривают: нежный женский голос и грубый, мужской.

Записка прольет свет на положение вещей. Я поступлю в зависимости от ее содержания.

Спрятав записку, я направил коня в ворота, чтобы прочесть послание без помехи.

Строки были нацарапаны наспех, карандашом, но все же достаточно разборчиво. С бьющимся сердцем я прочел:

«Капитан! Простите нас за дурной прием. Не забывайте моих вчерашних слов: «друзья» подчас опаснее «врагов». В доме нашем, к сожалению, гостит человек, внушающий отцу больший ужас, чем все ваши флибустьеры. Я прощаю вам гибель бедного мустанга, однако вы увезли нечаянно мое лассо. Не слишком ли это жестоко, капитан?.. До свиданья!

Изолина».

Одна из загадочных фраз легко расшифровывалась.

«Друзья» подчас опаснее «врагов».

Будучи в курсе дела, я знал, что дон Варгас принадлежит к числу так называемых аянкьядо, то есть к партии, сочувствующей американцам. Мексиканские патриоты клеймили янкофилов именем предателей, но почтенный джентльмен был далек от наивного предательства. От души желая успеха американскому оружию, он соблюдал интересы своего кармана.

Дон де Варгас и его единомышленники предпочитали протекторат могущественного соседа политической независимости, которая обходилась мексиканским землевладельцам очень дорого вследствие внутренних раздоров.

Больше того, этих либералов не смущало исчезновение самого названия «Мексика» с географической карты, лишь бы страна шла по пути хозяйственного прогресса.

В то время многие мексиканцы разделяли образ мыслей Рамона де Варгаса, особенно принадлежащие к тому классу, типичным представителем которого был этот сеньор, классу так называемых рикос, или крупных землевладельцев.

Легко понять, почему аянкьядо вербовались из среды рикос.

Итак, симпатия дона Рамона к американскому оружию питалась вполне

прозаическими мотивами. Пять тысяч голов рогатого скота играли тут не малую роль.

Пока что я расшифровал загадочную фразу, дважды повторенную дочкой мексиканца: наши «друзья» подчас опаснее «врагов».

Так или иначе, смысл этой фразы прозрачен.

Зато дальнейшее разъяснялось не так легко: «Гость, внушающий моему отцу ужас...» Здесь кроется тайна.

Ихурра — кузен Изолины: так она мне сказала. Чем же он может быть страшен? Или кроме кузена еще кто-нибудь гостит в доме? Это весьма вероятно. Просторная гасиенда может вместить целую кучу гостей.

Но мысли мои неизвестно почему возвращались к Ихурре, и я не мог отогнать подозрений, что Изолина имеет в виду именно его, что он-то и является «опасным гостем».

Его манеры, вызывающий тон, которым он говорил с Изолиной, ее нескрываемый перед ним страх — все это складывалось не в его пользу в полном согласии с моим чутьем. Под конец я пришел к убеждению, что Ихурра — злой гений дона Рамона и его дочери.

«Лишь бы она его не любила, — подумал я, — ибо страх не исключает любви».

Волнуемый этими мыслями, я перечел конец записки. Выражения крайне неопределенные. Только время прольет на них свет.

Быть может, я был пристрастен и толковал, как все влюбленные, каждую мелочь в свою пользу, но, дойдя до заключительной фразы, я просиял и с легким сердцем покинул патио.

Глава IX СТАРАЯ ОБИДА

Я пустил Моро шагом и, немного отъехав, остановился. Хотя я чувствовал, что свидание с Изолиной, сегодня по крайней мере, невозможно, однако не поборол соблазна помедлить вблизи ее дома. А вдруг она мелькнет на азотее, чтобы махнуть мне рукой на прощание или послать воздушный поцелуй.

Итак, отъехав немного, я придержал коня и, обернувшись, бросил взгляд на парапет азотеи. На месте Изолины теперь стоял Ихурра.

Но какой разительный контраст между ее гармоническим обликом и чертами этого человека! С женской точки зрения, он был, пожалуй, красавцем, но на меня произвел отталкивающее впечатление.

Мне не понравилось выражение его лица. Не спору: тут было известное предубеждение, и при других обстоятельствах я оказался бы снисходительнее. Далеко не все разделяли антипатию к Рафаэлю Ихурре.

Взгляды наши встретились, и это мгновение предопределило весь характер наших будущих отношений: война была объявлена. Не было сказано ни слова, однако мы поняли, что нам суждено стать врагами.

Я не буду разбираться в причинах этой внезапно вспыхнувшей неприязни: природа ее достаточно ясна.

Пожирая глазами человека, стоявшего на крыше, я чувствовал, как во мне закипает ненависть к нему.

Недаром я назвал эту минуту объявлением войны. И с той и с другой сторо-

ны был сделан четкий и недвусмысленный вызов. Мы словом не перекинулись с Ихуррой — слова были излишни. Каждый угадал в другом соперника, претендента на сердце очаровательной женщины, первой красавицы в Мексике.

Передо мной был недобрый и грубый человек. В его больших и красивых глазах светилось что-то звериное. Не скрою, глаза Ихурры блистали умом, но и это я воспринял как недостаток: ум лишь подчеркивал вероломство.

Красота Ихурры была красотой ягуара. Это был законченный в своем роде тип мужчины-честолюбца, искателя легких побед, холодного и лживого.

Ихурра знал мою тайну — я прочел это в его глазах. Он понимал, отчего я медлю: об этом свидетельствовала его насмешливая улыбка. Наблюдая за моими неудачными маневрами, Ихурра, гордый положением родственника и своего человека в доме, явно издевался надо мной.

По мере развития этого безмолвного поединка, в котором каждый из нас не сводил с противника пристальных взоров, в высокомерном взгляде Ихурры появилось настолько оскорбительное для меня выражение, что я счел нужным заговорить.

На языке уже вертелась язвительная фраза, когда послышался конский топот: какой-то всадник прямо с пастбища поднимался на холм. Я узнал в нем лейтенанта Холлингсворта.

Он осадил коня.

— Капитан Уорфильд, — доложил он, — быки согнаны. Как прикажете...

Лейтенант не договорил. Взгляд его случайно скользнул по азотее, и он заметил Ихурру. Холлингсворта передернуло, глаза его налились кровью.

Казалось, еще мгновение — и он задохнется от ярости. Я смотрел на его перекошенный рот, на конвульсивные движения шеи и подбородка, но всего замечательнее было выражение глаз. В них светилось неистовое ликование, столь необычное для сдержанного и холодного лейтенанта.

Однако волнение моего подчиненного тотчас же разъяснилось: да, он был рад неожиданной встрече, он захлебывался, предвкушая месть.

Из уст его вырвался дикий нечленораздельный крик, а за ним громовое восклицание:

— Это он! Это Рафаэль Ихурра!

Возглас лейтенанта, не заключавший в себе никакой угрозы, произвел, однако, магический эффект. Ихурра, очевидно, знал, с кем имеет дело. Смуглое лицо его побледнело и покрылось желтыми пятнами, глаза растерянно забежали.

Вместо отпора с его помертвелых губ сорвалось жалобное:

— Демонио!

— Предатель! Убийца! — кричал лейтенант. — Наконец-то я тебя держу! Теперь мы сведем счеты!

С этими словами он прицелился из карабина в голову Ихурры.

— Что вы делаете, лейтенант? Остановитесь! — воскликнул я и, пришпорив коня, бросился к Холлингсворту.

Хотя мой послушный Моро взвился птицей и я успел толкнуть неистового лейтенанта под локоть, он выстрелил. Во всяком случае, я отвел руку стрелка, и пуля, вместо того чтобы размозжить голову Рафаэлю Ихурре, как это случилось бы наверняка без моего вмешательства, засела в парапете, обдав лицо се-

ньора Рафаэля облаком известковой пыли.

Мексиканец даже не пытался уклониться от вражеской пули. Должно быть, он оцепенел от ужаса.

Только звук выстрела и едкая пыль с поврежденной балюстрады, хлынувшая ему в глаза, отрезвили его. Он встрепнулся и бросился бежать.

Обернувшись к товарищу, я с раздражением произнес:

— Лейтенант Холлингсворт! Я вам приказываю...

— Капитан Уорфильд! — оборвал меня лейтенант. — Поскольку дело касается службы, я обязан вам слепым повиновением, но это — мое частное дело, и сам главнокомандующий не мог бы... Впрочем, простите, я теряю время. Разбойник ускользнет.

Сумасшедший лейтенант прищпорил лошадь и скрылся в воротах гасиенды. Догнав Холлингворта в патио, я схватил его за рукав, но он вырвался и соскочил с коня.

Сжимая в руке карабин, он бросился вверх по лестнице, загремев саблей по каменным ступенькам. Мгновение — и он скрылся за парпетом азотеи.

Я ринулся за ним.

Поднимаясь по лестнице, я услышал сверху возбужденные голоса, грохот каких-то разбивающихся предметов и наконец два выстрела с небольшим интервалом.

Все завершилось пронзительным женским криком и стоном мужчины.

«Один из них убит или смертельно ранен», — подумал я.

В несколько секунд я очутился на крыше. Все тихо. Терраса как будто пуста. Но я искал убитого в гуще цветов и экзотических растений, среди деревьев в громадных кадках.

Напрасно. На полу, усеянном черепками, — ни Ихурры, ни Холлингворта.

А пронзительно крикнула женщина? Где она? Где Изолина?

Заметавшись по крыше, я набрел на внутреннюю лестничку, соединявшую азотею с жилыми комнатами.

Все трое, очевидно, спустились по ней.

Я решил воспользоваться тем же ходом. Но под стенами гасиенды снова раздались крики и выстрелы.

Два человека бежали по склону холма: Холлингсворт, размахивая саблей, преследовал Ихурру.

Рафаэль, оказавшийся хорошим бегуном, сильно опередил своего противника, стесненного воинским снаряжением.

Мексиканец надеялся укрыться в лесу, начинавшемся у подошвы холма.

Это ему удалось.

Холлингсворт нырнул за ним в чащу, как гончая, преследующая дичь.

Чтобы помешать убийству, я сбежал вниз, вскочил на коня и поскакал через пастбище.

Достигнув зарослей, в которых исчезли враги, я отыскал их следы, углубился по ним в чащобу, но вскоре следы заглохли, и я был вынужден остановиться.

Насторожившись, я не услышал ни голосов, ни стрельбы. Только приглушенные крики пастухов доносились из-за холма.

Эти звуки напоминали мне о служебных обязанностях, и я вернулся к гасиенде.

Обитатели дома притаились в наглухо запертых и погруженных в абсолютный мрак помещениях. Очевидно, они опасались нападения, считая рейнджеров способными на грабеж, поджог и все смертные грехи.

Я не знал, на что решиться. Странное поведение Холлингворта перепутало все мои карты. Мне безусловно следовало вызвать Рамона де Варгаса, но я не мог ему дать надлежащих объяснений, так как сам нуждался в ключе к таинственным происшествиям. Вот почему, скрепя сердце, я склонился к отъезду.

Приказав пяти-шести рейнджерам дожидаться возвращения Холлингворта и нагнать нас в пути, я с Уитлеем во главе огромного бычьего гурта двинулся к лагерям.

Глава X РАФАЭЛЬ ИХУРРА

Жара и пыль, поднимаемая тысячами быков, отнюдь не восстанавливали душевного равновесия. Я был недоволен старшим лейтенантом и его раздражающе-загадочным поведением.

Уитлей тоже терялся в догадках. Здесь, несомненно, кроются старые счеты. Таково было наше общее мнение.

Холлингсворт — человек незаурядный. В характере много чудачеств, а зато Уитлей, простой и добродушный парень, — в честь нашего похода он вырядился в фантастический «мексиканский» костюм — достиг, подражая местному населению, великого искусства в верховой езде, а в метании лассо мог соперничать с классическим пастухом. В жилах Уитлея текла тexasская кровь. Его никак нельзя было назвать новичком в нашем деле. Несмотря на свою молодость, он был, что называется, настоящим тexasским рейнджером.

Холлингсворт — уроженец штата Теннесси — только недавно переселился в Тexas, но уже не впервые пересекал рубеж Рио-Гранде.

Участник злополучной мьерской экспедиции, он уцелел, но вместе с другими пленными был закован в цепи и отправлен в Мехико, где его заставляли работать на городской канализации, стоя по пояс в зловонной клоаке. Этим объяснялась его озлобленность: он почти никогда не улыбался, говорил мало и неохотно, и то большей частью на служебные темы. Но время от времени, когда ему казалось, что его никто не слышит, он бормотал какие-то невнятные угрозы, причем судорога сводила его челюсти, а кулаки яростно сжимались как бы в присутствии смертельного врага.

Сколько раз я наблюдал за этими странными приступами, не понимая их причины.

Гардинга Холлингворта — назовем его полным именем — не легко было вызвать на откровенность, да никто и не пытался этого делать.

Мы с Уитлеем обсудили в пути странную выходку Холлингворта и пришли к заключению, что корни ее восходят к старой вражде, так или иначе связанной с мьерской экспедицией.

В разговоре я, между прочим, произнес имя мексиканца. Лейтенант, весь день по горло занятый возней с быками, не видел Ихурры и вообще оставался в стороне от событий.

— Ихурра? — вздрогнул Уитлей и, придерживая коня, вопросительно на меня взглянул.

— Да, Ихурра.

— Рафаэль Ихурра?

— Да, Рафаэль, если не ошибаюсь.

— Широкоплечий, коричнево-смуглый, с усами и бакенбардами? Недурен собой?

— Он самый: все приметы сходятся.

— Рафаэль Ихурра из Сан-Антонио? Многие техасцы не прочь его скальпировать. Ну, конечно, тот самый! Двух людей с таким именем быть не может!

— Что же вы о нем знаете?

— Что я знаю о нем? Это величайший негодяй во всем Техасе и в целой Мексике. А ввиду обилия у него конкурентов в этих двух странах такая характеристика звучит сильно. Да, Рафаэль Ихурра... Кстати, Холлингсворт имеет все основания его помнить.

— В чем же дело? Расскажите подробнее...

Техасец помолчал и, собравшись с мыслями, сообщил мне историю Рафаэля Ихурры.

— Рафаэль Ихурра, уроженец Мексики, обжился в Техасе. В прошлом ему принадлежали гасиенда в окрестностях Сан-Антонио и другие крупные поместья, самым плачевным образом проигранные и промотанные, так что со ступеньки на ступеньку Рафаэль Ихурра скатился до незавидной профессии игрока. Вплоть до мьерской кампании он выдавал себя за техасского гражданина и всячески подчеркивал свою преданность молодой республике. Когда затевался авантюристами мьерский поход, Рафаэль использовал остатки своих связей, чтобы проскочить в офицеры. Никто не сомневался в его лояльности. Он был одним из тех, кто на бивуаке в Ларедо поддерживал план злополучного похода на Мьер, причем к советам его прислушивались все с особым вниманием, так как в качестве уроженца театра военных действий он считался знатоком местности.

Только впоследствии выяснилось, что, навязывая экспедиционному корпусу свои великодушные советы, Ихурра имел в виду интересы неприятеля, с которым поддерживал тайный контакт. В ночь перед битвой Ихурра исчез. Небольшой корпус после отчаянного сопротивления был взят в плен. Говорят, что число неприятельских солдат, перебитых техасцами, превосходило их собственную численность. Пленных под сильным конвоем отправили в Мехико. Каково же было удивление пленных техасцев, когда на втором или третьем этапе объявился Ихурра в форме мексиканского офицера и примкнул к конвоирам. Если б руки у пленных не были скованы, они б разорвали на части предателя... Только случайно, — продолжал Уитлей, — я не ввязался в этот нелепый поход: если б не болезнь, я разделил бы судьбу товарищей. Но Холлингсворту, — вздохнул техасец, удрученный воспоминанием о мьерской кампании, — Ихурра памятнее, чем другим.

Я обратился в слух.

— Среди участников мьерской экспедиции у Холлингсворта был брат, подобно ему захваченный в плен неприятелем. Это был совсем еще молодой человек, очень хрупкий, мало приспособленный к тяготам войны и еще менее — к варварскому обращению с военнопленными, которым прославился печальной памяти мьерской поход. Он исхудал, как скелет, и, что еще хуже, натрудил себе ноги и от жгучей боли не в состоянии был сделать шагу по сухой, рас-

каленной, усеянной колючками мексиканской почве. Брат Холлингсворта свалился полумертвый посреди дороги. Начальником конвоя был в тот день Ихурра. Молодой человек обратился к нему за разрешением сесть на мула. Холлингсворт-младший был знаком с Ихуррой еще по Сан-Антонио, где неоднократно ссужал его деньгами, разумеется, без отдачи. «Марш вперед!» — вот что ответил Ихурра на его просьбу. «Но я не могу ступить шагу!» — взмолился пленник. «Не можешь? А мы сейчас попробуем! Эй, Сабло! — подозвал Ихурра одного из конвоиров. — Угостите-ка штыком этого неженку: он раскапризничался!» Подошел солдат с примкнутым к ружью штыком. Холлингсворт с мучительным усилием поднялся и прошел, шатаясь, несколько шагов, но силы ему изменили, и он присел на камень. «Не могу! — простонал пленник. — Дальше идти не могу... Позвольте мне здесь умереть». — «Марш, или будешь убит!..» Ихурра выхватил из кобуры револьвер, приставил его к груди пленника: «Вставай!» — «Сил нет!..» — пролепетал изнемогающий Холлингсворт. «Вперед, или буду стрелять!» — «Лучше убейте меня!» — крикнул юноша, обнажая грудь. «Пули я на тебя, так и быть, не пожалею», — улыбнулся офицер-перебежчик и спустил курок. Холлингсворт-младший был убит наповал. Крик ужаса пронесся по шеренгам пленных. Даже конвоиры, не склонные к сентиментальности, возмутились поступком негодяя-офицера.

Брат убитого, в железных наручниках, стоял тут же, в пяти шагах. Не удивительно, — заключил техасец, — что Гардинг Холлингсворт не задумывается над тем, где и когда он прикончит Рафаэля Ихурру.

Надеясь получить сведения о хозяевах гасиенды, я навел разговор на эту тему.

— Скажите, дон Рамон де Варгас приходится Ихурре дядей?

— Да, он — племянник Рамона. Сегодня утром в патио я не узнал старика, потому что голова была затуманена проклятым пульке. Пожилой джентльмен каждый день наезжал в Сан-Антонио. Помню, однажды он привез дочку — хорошенькую, черт побери, девчонку! Клянусь честью, по ней сходила с ума вся золотая молодежь Сан-Антонио, и дуэлей из-за красавицы было больше, чем католических праздников в мексиканском календаре. Она любила горячих мустангов, а лассо владела не хуже девушки команчей. Кому я об этом рассказываю? Видно, пары пульке еще не рассеялись! Держу пари, что сегодня мы охотились за нею!

— Возможно, — ответил я с притворным равнодушием.

Спутник мой даже не подозревал, с каким интересом ловлю я каждое его замечание и каких усилий мне стоит скрыть волнение.

Оставалось узнать самое главное — то, о чем я не смел спросить прямо: не пользовался ли кто из ухажеров благосклонностью мексиканки?

Мучительно хотелось задать этот вопрос, но удерживал страх перед возможным убийственным ответом.

В самую интересную минуту нас догнали рейнджеры, оставленные мною у гасиенды; с ними вернулся Холлингсворт.

— Капитан Уорфильд, — обратился ко мне старший лейтенант, — поведение мое показалось вам странным. Как-нибудь на досуге я все объясню вам. Это длинная и слишком печальная история. Воздержитесь пока что от расспросов. Достаточно вам знать, что Рафаэль Ихурра — мой смертельный враг. В Мексику я приехал с единственной целью его убить, и, если это мне не

удастся, я в грош не поставлю свою жизнь.

— Значит, вы его не...

— Сорвалось! Сорвалось! Негодяй ускользнул! — ответил, захлебываясь, Холлингсворт.

Успокоившись, он занял место во главе своих рейнждеров. За всю дорогу Холлингсворт не проронил ни слова, только глаза угрожающе вспыхивали.

Глава XI ЖЕЛТОЕ ДОМИНО

Два дня я провел, как в лихорадке. Выходка Холлингсворта разрушила все мои планы. Заключительную фразу Изолины я толковал как любезное приглашение, которое позволит мне в скором времени посетить гасиенду уже не в качестве флибустьера, а в образе мирного светского человека.

После того, что случилось, я не смел даже под благовидным предлогом постучать в дверь гасиенды. Безусловно, меня встретят холодно: ведь я — прямой начальник человека, покушавшегося на убийство племянника хозяина и кузена хозяйки. Правда, мы нагрубили дону Рамону с его ведома и, так сказать, согласия; продажей быков старик, должно быть, остался доволен: ведь он не только не прогадал на этой сделке, но получил даже лишнее, и все-таки мое посещение будет бестактным.

— Сенсационная новость из штаб-квартиры: в соседнем городке предполагается бал.

Толки, взбудоражившие весь офицерский мирок, оставили меня равнодушным, так как танцором я был ленивым и к официальному веселью питал отвращение. В юности я еще тянулся за другими, но постепенно отяжелел.

Я пропустил бы это известие мимо ушей, но некоторые подробности заставили меня насторожиться.

Дело в том, что «бал» устраивало американское командование, имея в виду политическую цель: сближение побежденных с победителями. Надо было доказать богатым скотоводам и плантаторам, что офицеры-янки отнюдь не такие варвары, какими их изображают.

Товарищ мой с тонкой улыбкой подчеркнул, что на балу будут семьи виднейших аянкядо — наших доброжелателей. Дабы избавить этих людей от необходимости лишний раз афишировать свои американские симпатии, решено было сделать бал-маскарад.

«Ага! — подумал я. — Там будут аянкядо, значит, и она...»

В моем тощем походном гардеробе отыскался потертый фрак, а больше ничего и не требовалось.

Я узнал о маскараде накануне: он был назначен на вечер следующего дня. Недолго мне предстояло ждать.

Вечером я отправился верхом в город в военном плаще поверх черной пары. Скачка заняла добрых два часа, и мексиканцы могли заподозрить в моем опоздании излишнюю светскость.

Приглашенные были в сборе. Среди танцующих выделялись тирольские крестьянки, андалузские майи, баварские и эльзас — ские цветочницы, боярыни, валашские девушки, турчанки и индианки с стеклярусными украшениями. Но большинство женщин было в домино и в бальных платьях.

Почти все были в масках, некоторые закрывались испанскими шальями. Мелькали также и открытые лица. К концу маскарада их стало больше.

Мужчины тоже в масках, кое-кто в костюмах. Но преобладали все же военные мундиры, выдавая прифронтной характер бала.

Бросались в глаза мексиканские офицеры, свободно вращающиеся в толпе. Это были наши пленники, отпущенные под честное слово. Их блестящая форма французского покроя составляла разительный контраст с скромным синим мундиром победителей.

Пленные офицеры, явившись на бал в форме, поступили по меньшей мере бестактно, но, если вдуматься, выбора у них не было.

Как я найду Изолину де Варгас в толпе?

Если она здесь, то в домино. Я стоял, пропуская поток костюмов и масок. Изолина не может меня не узнать, так как я без маски.

Прошло полчаса. Я ловил себя на желании, чтобы Изолины не оказалось на балу.

«Мексиканка, — думал я, — нарочно меня не замечает».

Опустившись в кресло, я с напускным равнодушием продолжал следить за мелькавшими домино. Только одна из масок напомнила мне Изолину.

Она вальсировала с молодым драгунским офицером, и, когда они поравнялись со мной, я встал и направился к кругу танцующих, чтобы не упустить заинтересовавшую меня пару.

Когда они мелькнули вторично, дама взглянула на меня в прорезь маски и вздрогнула.

«Конечно, это Изолина!»

Во мне шевельнулась ревность. Партнер Изолины, известный в полку щеголь и сердцеед, несмотря на свою безмозглость, пользовался успехом у женщин. Изолина льнула к нему с нежностью и во время второго тура томно опустила голову на плечо противному фату.

Мне стоило большого труда сохранять самообладание, и я был рад, когда музыка оборвалась, и вальс кончился.

Я проводил глазами драгуна и его даму. Он отвел ее на место и сел возле нее. Они оживленно болтали.

Мучимый ревностью, я пересел поближе.

Они говорили вполголоса. Из обрывков разговора я понял, что драгун упрашивает свою даму снять маску. Голос Изолины я узнал вполне отчетливо.

В раздражении я готов был своей рукой сорвать шелковую тряпку, скрывавшую милые черты, но, к счастью, до этой безумной выходки не дошло: женщина в домино уступила настояниям кавалера и сама сняла маску.

Она оказалась негритянкой, но не с черной кожей, как большинство ее соплеменниц, а с кофейной, — негритянкой с толстыми губами, выдающимися скулами и завитками черных волос, ниспадающих на лоснящийся бараний лоб.

Разочарованный драгун, принадлежавший к так называемым южным колонистам, то есть к упорным ненавистникам черной расы, вскочил, как ужаленный, и, что-то пробормотав, бесцеремонно удрал, смешавшись с толпой.

Негритянка быстро надела маску, поднялась и отошла в противоположный угол бальной залы, подальше от того места, где ей пришлось испытать столь грубое унижение.

Я следил за ней с любопытством и состраданием: негритянка направилась к выходу одна, очевидно, покидая бал.

Желтое домино мне больше не попадалось, и я решил, что она уехала.

Глава XII ГОЛУБОЕ ДОМИНО

Жестоко раздосадованный, я то и дело подходил к буфетной стойке, где вино струилось рекой. После двух-трех стаканов я почувствовал прилив общительности и решил развлекаться, как все. До сих пор я не танцевал, но вино придало мне бойкости, и я готов был пригласить любую даму.

Вскоре нашлась и партнерша в лице свободного голубого домино, которое шло мне навстречу, как бы ниспосланное судьбой.

Я поклонился, дама охотно согласилась.

Замечу, что домино говорило по-французски. Я мог бы этому удивиться, если б не знал, как много французов живет в больших мексиканских городках. Обычно это ювелиры, дантисты, а также молодые портные, хорошо зарабатывающие на пристрастии мексиканок к роскошным нарядам.

Много француженок порхало вокруг с изяществом и непринужденным весельем настоящих парижанок.

Итак, меня не поразила французская речь в устах незнакомки.

«Должно быть, приезжая модистка», — подумал я, перекинувшись двумя-тремя фразами.

Из первого тура я вынес два впечатления: во-первых, моя француженка прекрасно вальсировала, а во-вторых, была пленительно стройна. Но если модистка так же хороша лицом, как фигурой, ей незачем было переплывать океан в погоне за счастьем.

Сказать по правде, я был в ударе. Все взоры вскоре обратились на нас.

Равнодушный, однако, к таким успехам, я отвел даму на место и вежливо поблагодарил.

Под амбразурой окна стоял диванчик, располагавший к отдыху и болтовне. Не хотелось разлучаться с отличной танцоркой, и я попросил разрешения присесть рядом с ней.

— Ну, конечно! — искренне ответила она.

— Итак, вы разрешите поболтать с вами до следующего танца?

— Если вы не соскучитесь.

— А вы еще потанцуете со мной?

— С удовольствием... если вы не связаны.

— Уверю вас, я совершенно свободен. Танцевать мне хочется только с вами.

— Я польщена, — ответила мне голубое домино, — тем, что вы предпочли мое скромное общество стольким блестящим красавицам, но выбор ваш расстрогал бы меня еще больше, если б вы знали, кто я...

Голос ее звучал серьезно. Она вздохнула.

Неужто она воображает, что я принял ее за важную леди? Наивная девушка! Я не ищу знакомства с знатными мексиканками — наследницами крупных поместий. Не стремлюсь получить невесту с приданным в несколько тысяч быков. С модисткой мне веселее и беззаботнее, чем с дочками плантато-

ров.

Немного подумав, я ответил:

— К сожалению, я не знаю, кто вы, и, весьма возможно, не узнаю никогда, если вы не снимите своей маски.

— Увы, это немыслимо!

— Немыслимо? Но почему же?

— Потому что, открыв вам свое лицо, я потеряю партнера, и мне будет жаль. Говоря откровенно, вы отлично вальсируете.

— Как мне понять вас? Это колкость или любезность? Никогда не поверю, что ваше лицо может отпугнуть танцора. Снимите, прошу вас, эту докучную маску! Поболтаем свободно. Я, как видите, без маски.

— У вас, конечно, нет оснований стесняться своего лица, чего нельзя сказать о многих присутствующих.

— Очаровательная маска! — возразил я. — Вы мне льстите. Я смущен.

— Напрасно! Однако вы зарумянились. Это вам идет.

— Вот бесенок! — сорвалось у меня с языка.

— Кто вы? — спросила незнакомка, резко меняя тон. — Не мексиканец? Военный или штатский?

— Посмотрим... за кого вы меня принимаете.

— Судя по вашей бледности и томным вздохам, вы, должно быть, романтик-поэт.

— Сейчас, кажется, я не вздыхаю.

— Но раньше...

— Когда? Во время вальса?

— Нет, еще раньше.

— Значит, вы за мной следили?

— Да. Ваш скромный черный костюм выделялся среди военных мундиров, наконец, ваша манера держаться...

— Моя манера держаться? — переспросил я с легкой тревогой. Уж не совершил ли я какой-нибудь неловкости в погоне за Изолиной?

— Да, у вас был такой растерянный вид. Кстати, вы не питаете слабости к желтому домино?

— К желтому домино? — повторил я и потер рукою лоб, словно припоминая что-то. — Как вы сказали? К желтому домино?

— Да, да! К желтому домино! — с лукавым вызовом воскликнула незнакомка. — Помните, с кем танцевал молодой драгун?

— Да, как будто припоминаю.

— Я так и знала. Желтое домино вам запомнилось: вы так напряженно за ним следили.

— Видите ли, я, собственно... Как могли вы это подумать?

— Однако она вняла мольбам своего кавалера и сняла под конец маску.

— Вы были при этом? Вот чертова история! — воскликнул я, забыв о светских приличиях.

Француженка от души расхохоталась.

— Ну, конечно, я все видела. Забавно было, не правда ли?

— Очень забавно, — подтвердил я и принужденно рассмеялся.

— Какой дурацкий был вид у молодого драгуна!

— Очень глупый вид.

- А у вас?
- Как вы полагаете?
- На вашем лице было написано глубокое разочарование.
- Это я-то был разочарован? С какой стати?
- Ах, бросьте изворачиваться!
- Я только жалел бедную цветную.
- Вот как? Вам было жалко ее?

В словах незнакомки послышалась серьезная нота, довольно неожиданная для легкомысленной беседы.

— Ну да, я пожалел ее. Бедняжка была совсем убита.

— Убита? Вы думаете?

— Не сомневаюсь. Она тотчас покинула зал и больше не возвращалась. Очевидно, уехала домой. Наконец досада моя объясняется очень просто: я никогда не встречал такой танцорки, за исключением, пожалуй, вас, но...

— Что же из этого?

— Девушка, к сожалению, оказалась негритянкой.

— Боюсь, что вы, американцы, не слишком галантны с цветными леди. Но в Мексике, которую вы клеймите именем деспотической страны, царят совсем другие нравы.

Я почувствовал упрек.

Француженка продолжала:

— Давайте переменим разговор. Вы не поэт?

— Не считаю себя достойным такого высокого звания, хотя и писал в молодости стихи.

— В этом я не сомневаюсь. У меня чутье, как видите. Не посвятите ли мне чего-нибудь?

— Не зная вашего имени и не видев лица! Мне кажется, я вправе познакомиться с чертами той, которую должен воспеть.

— Ах, сударь, вы сами не знаете, чего требуете: сняв маску, я потеряю все шансы получить от вас мадригал. Ваше вдохновение сразу иссякнет.

Я готов был поклясться, что передо мной не портниха, хотя приемы спорщицы были не менее заострены, чем игла. Это светская женщина, и притом весьма находчивая.

Любопытство мое достигло апогея. Страстно хотелось увидеть лицо собеседницы.

Она очаровала меня своей болтовней. Я и в мыслях не допускал, что она дурнушка. Такому остроумию должно соответствовать прекрасное, тонкое лицо. Наконец, стройность стана, маленькие руки и ноги, нежный, гармоничный голос и лучистые глаза, глядевшие в прорези маски, — все обещало красоту.

— Сударыня, — произнес я, отбросив шутки, — умоляю вас, снимите маску! Если б не бальный зал, я опустился бы на колени.

— А если я исполню вашу просьбу, вы холодно удалитесь. Вспомните желтое домино...

— Вам, кажется, приятно меня мучить? Неужто я способен на такую бестактность! Допустим, вы не красавица в общепринятом смысле слова, однако, сняв маску, вы сохраните искусство беседы, чудесный тембр голоса и грацию движений: все это от вас не отделимо. Разве может быть безобразной столь бо-

гато одаренная женщина? Пусть, наконец, лицо ваше черно, как у той незнакомки в желтом домино, я этого даже не замечу.

— Так ли, сударь? А не будете ли вы раскаиваться?

— Клянусь!

— Не клянитесь впустую. Уверяю, что при всех достоинствах, которыми вам угодно было меня наделить, я в своем роде пугало, и вы от меня отшатнетесь.

— Быть не может! А голос, а прелесть движений? Снимите маску! Заранее примиряюсь с тем, что увижу.

— Пусть будет по-вашему, но я хочу, чтобы вы наказали себя за любопытство своей же рукой.

— Благодарю вас!

Дрожащими пальцами развязал я шнурок маски и выронил ее, словно обжегся.

Не изумление, но ужас был мне наградой за мою настойчивость: опять негритянка с толстыми губами, выдающимися скулами и завитками курчавых волос.

Я растерялся. Галантность мне изменила. Рухнув на диван, я не мог вымолвить ни слова.

Собеседница, вполне подготовленная к тому, что произошло, была далека от смущения. Громко расхохотавшись, она съязвила:

— Ну, как, господин поэт? Вас вдохновляет мое лицо? Скоро ли будут готовы стихи?.. А, сударь! Подозреваю, что вы такой же невежа, как ваш драгунский офицер.

Негритянка смеялась.

Я сторал от стыда за свое нелепое поведение, был уязвлен справедливыми упреками и ничего не нашелся ответить. На звонкий смех лукавой негритянки пробормотал я что-то невнятное и, беспомощно жестикулируя, отошел в сторону.

Еще ни с кем в жизни я так неловко не прощался.

Я пошел, вернее, поплелся к выходу, намереваясь покинуть бал и ускакать домой.

Но на пороге залы любопытство одержало верх, и я решил в последний раз взглянуть на странную эфиопку.

Женщина в голубом домино по-прежнему сидела на диванчике в нише окна, но какая потрясающая неожиданность: вместо кофейной негритянки — Изолина!

Я глаз не мог отвести от милого лица, и она на меня смотрела, но с каким уничтожающим выражением. Никогда не забуду ее презрительно искривленных губ.

Вернуться? Объясниться? Нет, слишком поздно! Пасть на колени? Молить о прощении? Нет, поздно, поздно! Я утоплю себя окончательно, покажусь вдвойне смешным.

Но раскаяние, которое она прочла на моем лице, оказалось красноречивее слов. Изолина как будто смягчилась. Уже не так суров был ее взгляд. А может, я ошибся?

В это мгновение кто-то подошел к ней и бесцеремонно уселся рядом. Это был Рафаэль Ихурра.

Они разговорились. Я наблюдал за ними. Я хотел, чтобы Ихурра допустил некорректность по отношению ко мне: какую-нибудь дерзкую улыбку, чтобы он указал на меня глазами Изолине, явно надо мной насмехаясь. Тогда я разрядил бы свою досаду, проучив наглеца.

Но Ихурра не улыбнулся. Изолина, должно быть, не посвятила его в случившееся. Этим она спасла Ихурру. Женский такт удержал ее от болтливости: она угадывала опасность.

Оба встали. Изолина надела маску. Ихурра повел ее к танцующим. Вот они закружились под звуки скрипки, исчезли в пестрой толпе.

— Буфетчик, вина!

Выпиваю залпом бокал, проталкиваюсь к вестибюлю, надеваю плащ, пристегиваю шашку, разыскиваю коня.

Я скакал во весь опор. На душе скребли кошки. Голова пылала.

Однако прохладный ветер ночи, бодрящая скачка и неуловимые жизненные токи, пробежавшие между мной и любимой лошадью, доставили мне облегчение. Понемногу я успокоился.

В селении я застал лейтенантов за ужином.

Походная кухня не отличалась изысканностью, но аппетит разыгрался в дороге, и я присел к столу.

За дружеской беседой я позабыл о пережитом афронте.

Глава XIII БЕССОННАЯ НОЧЬ

Нет пытки горше, чем муки ревности, уязвленного самолюбия и страсти, обманутой в лучших надеждах. Я испытал в свое время горечь стыда за некрасивый поступок по отношению к товарищу, прошел через все унижения, связанные с денежным крахом. Мне случалось глядеть в лицо смерти, но все эти переживания бледнеют перед ревностью, которая жалит, как змея, медленно растравляя рану.

Я оглушил себя вином, покидая бал, и продолжал «алкогольное лечение» на квартире. Такой ценой я купил себе сон, непродолжительный, к сожалению.

Проснулся я задолго до рассвета и вновь очутился во власти ревности, к которой присоединились физические страдания: омерзительный напиток, продававшийся в нашей, кантане, ударил мне в голову. Мозг горел, железный обруч сжимал виски. Даже большая доза опиума не могла бы меня усыпить, и я метался на постели, как тяжелобольной в бреду.

В сознании вспыхивало все пережитое за вечер. Напрасно отгонял я назойливые воспоминания, пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь постороннем: мысли вращались в заколдованном кругу, в центре которого стояла Изолина.

Я перебрал в уме все, что она мне говорила, вник в каждое слово. Как презрительно она рассмеялась, сняв первую маску, и уничтожающе на меня взглянула, освободившись от негритянской личины.

Сама красота ее была мне обидой.

До сих пор я надеялся, после маскарада — все рухнуло...

Все рухнуло. Кипела досада. Минутами я ненавидел Изолину, обдумывая месть.

Но успокаивалась желчь, и снова мелькал очаровательный образ, вновь восхищался я твердым и благородным характером мексиканки — и страсть побеждала обиду.

Я спрашивал себя: за что ее люблю? Изолина, несомненно, была красавица, но корни очарования таились глубже.

Если бы не наш словесный поединок, познакомивший меня с умом и характером мексиканки, я мог бы пройти равнодушно мимо. Решающим моментом были внутренние достоинства. Та же самая жемчужина в другой оправе не привлекала бы моего внимания.

При этом чувство мое было бескорыстным.

Влюбился я беспричинно, а теперь любил безнадежно. До роковой ночи я еще строил воздушные замки: прощальный взгляд с башенки гасиенды, записка, вскользь брошенное слово и другие мелочи позволяли ждать и надеяться... Случай на балу был катастрофой.

Над изголовьем моим с мрачной угрозой склонялся Ихурра. Даже во сне я видел его рядом с Изолиной.

Что общего между ними? Может, они помолвлены? Эта мысль сводила меня с ума.

Не выдержав, я вскочил с постели, поднялся на азотею и зашагал по ней. Мысли мои были сумбурны, движения — беспорядочны.

Ко всему этому прибавилось неприятное открытие: я обнаружил потерю. Потерял я не деньги или какую-нибудь свою вещь, но официальную бумагу, к которой была приложена секретная записка.

Тем хуже для меня! Пропал приказ из главной квартиры и записка дона Рамона. Скорей всего, я обронил их в день получения, во дворе гасиенды, где бумаги не могли не подобрать. Если они попали в руки дона Рамона, все великолепно, но, если их перехватит один из пастухов, с ног до головы одетых в кожу, при враждебности этих людей к крутому хозяину дело может принять скверный оборот и для старика, и для меня. В лучшем случае штаб посмотрит сквозь пальцы на мою оплошность.

Так или иначе, будут осложнения. Беда не приходит одна.

Но чем хуже, тем лучше! Пусть сгущается мрак. За ним нас ждет просветление. Нет такой дурной погоды, которая не сменилась бы хорошей, — таков закон физического и нравственного мира.

Просвет был близок.

Глава XIV

СТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ

Я едва притронулся к утреннему завтраку. По мексиканскому обычаю он состоял из чашки шоколада и посыпанного сахаром хлебца. Рюмочка коньяку и сигара благотворно подействовали на разыгравшиеся нервы.

В это утро, к счастью, я был свободен от службы, — к счастью, говорю я, потому что, наверное, погрешил был против устава.

Я поднялся на азотею, но меня не интересовало то, что происходило вблизи. Я не видел на площади ни рейнджеров, которые чистили лошадей, ни пастухов в полосатых плащах с капюшонами, ни торговок-индианок, сидевших на корточках вокруг колодца, ни деревенских девушек.

Я видел только гасиенду. До нее было недалеко, и человека на крыше я различил бы и без бинокля. Десятки раз впивался я глазами в зеленеющую крышу мексиканского дома и, махнув рукой, отворачивался.

К девяти часам дежурный сержант доложил, что меня спрашивает какой-то мексиканец. Машинально я приказал принять. Лишь увидев человека, я сообразил, что передо мной посторонний.

Мексиканец вывел меня из мрачного раздумья: я узнал в нем одного из пастухов дона Рамона де Варгаса, того самого, который подошел к нам с Изолиной на пастбище, где мы познакомились.

Подозрительно оглядевшись, мексиканец распахнул свою куртку и вынул письмо.

Адреса не было. Дрожащей рукой я вскрыл конверт. Знакомый почерк сразу бросился в глаза. Я едва не задохнулся.

Чуть слышным голосом поблагодарив посланца, я отошел в самый дальний угол крыши, чтобы скрыть свое возбуждение. Наконец я догадался отправить мексиканца вниз, велев ему дожидаться ответа.

Вот что я прочел:

«Июль 1846 г.

Любезный капитан! Разрешите пожелать вам доброго утра, так как я предполагаю, что после утомительной ночи день для вас еще не начался. Снились ли вас цветная леди? Как рыцарски вы вели себя с нею!

Капитан! У меня был мустанг, чудесная лошадь. Как я любила ее! Вы поймете меня лучше, чем кто-либо, так как сами не меньше привязаны к своему Морю. В недобрый час вы отняли у меня мою любимицу, но, желая меня вознаградить за тяжкую утрату, тут же предложили ценный подарок — своего вороного жеребца, а ведь я знаю, что черный цвет вы предпочитаете всему на свете. Будь я вашей избранницей, мне пришлось бы ревновать вас к цветным леди и к вороним скакунам.

Итак, дорогой капитан, ценя ваше великодушие, я все же отказалась от подарка, но я понимаю вас: не терпится расквитаться с долгом. Возможность представилась. Слушайте: на всю нашу округу прославлен замечательный конь, известный под именем Белого мустанга. Разумеется, этот конь великолепной стати не объезжен, масть его ослепительной белизны, а быстрота сравнится разве с ласточкиной. Но стоит ли вам описывать Белого мустанга? Вы, техасец, должно быть, слышали о нем.

Так вот, капитан, уже давно я лелею горячее, скажу более, страстное желание получить эту лошадь. Я предлагала крупные награды степным охотникам и нашим пастухам за поимку этого коня. Белый мустанг изредка показывается на наших плоскогорьях. Все напрасно: никто не сумел его поймать.

Люди говорят, что завладеть Белым мустангом вообще невозможно, — до того он быстроног. Завидев человека в прериях, он пускается в бешеный галоп. Мгновение, и он — только белое пятнышко на горизонте...

Некоторые считают его наваждением — демонию. Но такое прекрасное создание не может быть исчадием ада, не правда ли? К тому же мне с детства внушали, что черти черны, как сажа. Не так ли, капитан?

Но перейдем к делу.

Скептики говорят, что Белый мустанг — легенда, и отрицают его существование. Карамба! Я-то знаю, что он существует в природе, и, что еще важнее для успеха моего замысла, я знаю, где он в данное время пасется. Часа два назад он был на расстоянии мили от дома, где я пишу вам свою записку. Наш погонщик видел его на берегу ручья, куда он бежит, по моим сведениям, на водопой. Суеверный пастух не только не стал его преследовать, но даже не спугнул. Сломая голову он бросился ко мне с известием о демонию.

Только один человек на свете способен изловить знаменитую лошадь, и человек этот — вы.

Ах, капитан! Вам удалось покорить нечто другое, столь же свободное и необузданное до последних дней.

Поймайте мне Белого мустанга, и я перестану оплакивать бедную Лолу. Все будет прощено, вплоть до вашей грубости с двойной маской...

Приведите Белого мустанга, он должен быть моим.

Изолина».

Дочитав это странное послание, я вздрогнул от радости.

О Белом мустанге я слышал. Кто только о нем не рассказывал: охотники и трапперы, бродячие торговцы и путешественники. Вдоль всей границы о нем идет молва. У бивуачного костра я наслушался историй в германском романтическом вкусе, и Белый мустанг сплошь и рядом является их героем.

Больше ста лет он украшает легенды пионеров — так называемых моряков прерий; он — дополнение к летучему голландцу, к блуждающему кораблю — миру капитанов. Подобно голландцу, Белый мустанг наделен чудесной способностью возникать одновременно в разных местах.

В том, что белый конь с великолепным ходом и благородной статью существует среди бесчисленных табунов, блуждающих по необъятным прериям, в том, что таких лошадей наберется десятков или два, а пожалуй, и сотня, — в этом я не сомневался. Сам я ловил белых лошадей, не имевших соперниц в быстроте. Но так называемого Белого мустанга отличали от всех черные уши.

Я должен был поймать белую лошадь с черными ушами.

Одно выражение в письме Изолины смущало меня:

«...Вам уже удалось покорить нечто свободное и необузданное...»

Как это понять? Верить ли счастью?

Только теперь обратил я внимание на деловую приписку. В ней сообщалось подробно, где и когда пастух заметил белого коня, а также говорилось, что податель записки послужит мне проводником.

Исполнив прихоть Изолины, я оправдаюсь в ее глазах.

Да, сеньорита де Варгас! Если это в человеческой власти, завтра вечером Белый мустанг будет ваш.

Глава XV ТАБУН

Через полчаса мы с пастухом выехали из селения в сопровождении дюжины рейнджеров. Реку перешли вброд и углубились в заросли.

Из рейнджеров я выбрал наиболее опытных охотников — искусных следопытов.

Полагаясь на их ловкость, я верил в успех.

Дело в том, что наш проводник застал Белого мустанга с табуном кобылиц. Очевидно, он не пожелает с ними расстаться, а если даже Белый мустанг и покинул место, указанное пастухом, его будет легче выследить по отпечаткам многочисленных копыт.

Иначе мы бы век гонялись за дикой уткой[1].

Сегодня скакун — у ручья, а завтра утром — в ста милях... Манада[2] его задержит.

Лишь бы выследить коня, а дальше поможет Моро и лассо.

В дороге я объяснил рейнджерам нашу задачу. Все слышали о несравненном Белом мустанге, многие встречали его в прериях.

Люди были радостно возбуждены, точно им предстояла увлекательная стычка с мексиканскими партизанами.

Мы ехали густыми колючими зарослями, которыми славится эта часть Мексики.

По мере нашего продвижения картина менялась: колючий покров редел. Началось чередование лугов и кустарников, называемых мезкитами. Чем дальше, тем шире были прогалины, а площадь, занимаемая зарослями, суживалась. Под конец луга слились в сплошное пространство.

Мы покрыли без передышки миль десять, когда проводник напал на след манады. Старые следопыты, не слезая с коней, подтвердили, что почва истоптана дикими кобылицами, чьи следы резко отличаются от копыт жеребцов.

Они не ошиблись: на горизонте чернел табун, и пастух авторитетно заявил, что это и есть манада, с которой он столкнулся.

До сих пор все шло великолепно. Но одно дело — обнаружить табун кобыл, а другое — полонить лучшего скакуна в табуне.

Со смешанным чувством тревоги и радости глядел я на кобылиц, не замечавших нашего приближения.

Прерия, в которой паслись кобылицы, тянулась на целую милю и, подобно уже пройденным, была окаймлена зарослями и через прогалины сообщалась с другими полями.

Манада держалась в центре луга. Одни кобылицы щипали траву спокойно, другие резвились, разметав по ветру хвосты и гривы. Их шелковистые бока лоснились на солнце. Мелькали гнедая и вороная масти, но белая преобладала. Были и серые кобылы с ржавым отливом, а также соловые с белыми гривами и хвостами и довольно много мексиканских пинтаго, или пятнистых лошадей.

Пегие лошади не редкость среди мустангов. У всех, разумеется, пышные

хвосты и гривы, которых не касались ножницы.

С первого взгляда можно было сказать, что знаменитый Белый мустанг отсутствует.

Мы переглянулись. Какая досада!

Великолепный табун без жеребца...

Но что мне это стадо диких кобылиц? Изолина им не обрадуется: ей нужен Белый мустанг.

Но пастух сказал, что Белый мустанг где-нибудь недалеко, и я не мог не поверить человеку, всю жизнь наблюдавшему диких лошадей, знатоку их повадок. Скакун или отдыхает под тенью акаций, или пасется на соседнем лугу с частью своего гарема или с избранницей.

— В этом случае, — заверил меня проводник, — мы не замедлим его обнаружить, а легче всего будет выманить жеребца, спугнув кобылиц, которые потревожат его издали слышным звонким ржанием.

План казался легко исполнимым, но раньше нужно окружить кобыл, чтобы, завидев нас, они не разбежались.

Итак, решено было оцепить табун.

Заросли помогали скрывать наши маневры от пугливых кобылиц. Через десять минут мы рассыпались по прерии.

Табун по-прежнему пасся и резвился. Беззаботные дикарки не подозревали, что охотники берут их в кольцо, иначе бы они давно разбежались.

Можно подумать, что мустанг предвидит участь, ожидающую его в неволе. Как будто лошади-перебежчицы, испытавшие сладость служения цивилизации, внушили своим товаркам страх перед человечеством.

Я отъехал в самый дальний угол прерии с сигнальным кавалерийским рожком. Рейнджеры оцепят кобылиц, а я взбудоражу их трубным звуком.

Спрягавшись за деревьями, я поднес рожок к губам, когда за спиной у меня раздалось пронзительное ржание степного жеребца.

Коридор соединял прерию с мезкитовым лугом, где топотал конь.

Я помчался туда. Лошадь путалась в низкорослом кустарнике. Косые лучи вечернего солнца ослепляли меня.

Заслонившись ладонью, я издали увидел жеребца, скакавшего сквозь заросли кустарника к манаде.

По аллюру я сразу узнал Белого мустанга.

Сомнений не было: белоснежная масть, черные уши, губы с синевой, розовые ноздри, широкие бока и стройные ноги... Короче — само совершенство.

Жеребец несся, как вихрь, к табуну.

Кобылы отозвались на его ржание. Вся манада встrepенулась и пришла в движение.

Через несколько секунд настороженные лошади выстроились правильной линией, точно кавалерийский эскадрон. Они поджидали жеребца.

Глядя на их приподнятые и в одном направлении повернутые головы, всякий сказал бы, что они взнузданы мундштуками. Путешественники в прериях часто обманываются такой картиной.

Дальше таиться и лукавить не имело смысла. Ловля была в разгаре. Только быстрота наших коней и меткость лассо могли решить дело.

Пришпорив Моро, я ринулся открытым полем.

Ржание знаменитого жеребца послужило сигналом для рейнджеров, кото-

рые выскочили одновременно из зарослей и, прищпоривая своих лошадей, с громкими воплями понеслись к табуну.

Перед фронтом кобылиц жеребец остановился, дважды ударил копытами, как бы пробуя грунт, заржал и метнулся назад, к опушке. Инстинкт самосохранения увлекал его к выходу в соседнюю прерию.

Манада бросилась за ним. Вначале она сохраняла кавалерийский порядок, но понемногу линия сбилась. Лучшие лошади, как на заезде на ипподроме, вырвались вперед, и вскоре вся манада рассыпалась в прерии.

Началась погоня: шпоры безжалостно впивались в бока взмыленных лошадей, а бедные дикарки спасались от преследователей.

Глава XVI ОХОТА

Блестящие качества Моро не замедлили сказаться: одного за другим обогнал он всех рейнджеров, и, когда, миновав коридор, мы вырвались в мезкиты, лошадь моя смешалась с отставшими дикими кобылицами.

Среди них были чудесные создания, и при других обстоятельствах я не удержался бы от соблазна накинуть лассо на шею одной из беглянок, что не представляло особой трудности. Но я думал только о том, как пробиться сквозь табун.

На мезкитном лугу я обогнал скачущую манаду; кобылы, которых я опережал, шарахнулись в сторону.

Теперь весь табун остался позади, за исключением Белого мустанга, он один уносился вперед и как будто дразнил меня ржанием. Расстояние между нами не таяло — скачка не утомляла белого жеребца.

Но Моро не нуждался в поводьях и шпорах. Он видел цель перед собой и угадывал волю всадника. Я чувствовал, как он подо мною трепещет. Копыта его почти не касались земли, а бока вздымались от избытка силы.

Моро подошел уже на хорошую дистанцию к белому жеребцу, но тот, к великому моему огорчению, шарахнулся в заросли.

Я нашел просвет в чаще и не подумал остановить погоню. Направление мне указал слух. Ветки хрустели под копытами дикой лошади, и только изредка в зелени мелькала белая масть.

Я преследовал мустанга, не думая ни о чем: то нагибался под ветвями, то отпускал поводья, доверяясь чутью Моро, который чудом находил дорогу.

Мы с Моро не считались с такими пустяками, как иглы кактусов и колючки акаций, ранившие тело, но поневоле задерживались перед раскидистыми мексиканскими соснами с горизонтальными лапчатыми ветвями. То и дело я припадал к седлу, чтобы не удариться о такую ветвь, и каждой помехой пользовался Белый мустанг.

Время, потерянное в лесу, я надеялся наверстать в открытом поле и облегченно вздохнул, когда началась равнина, там и сям усеянная зелеными островками. Лавируя среди них, спасался Белый мустанг.

В зарослях он выиграл большую дистанцию, но тоже спешил на равнину, полагаясь только на свою резвость. Дикий конь ошибался: с таким соперником, как Моро, выгоднее было держаться кустарника.

Но и зеленые островки остались за плечами. Впереди — низкотравная пре-

рия, безбрежная, как море.

С какой бы скоростью ни мчался всадник по саванне, он всегда будет в центре круга, под куполом голубого неба.

Рейнджеры, заблудившись в зарослях, давно отстали. Мустанги тоже рассеялись. На всем протяжении обширной саванны двигались только два предмета: белый силуэт крылатого скакуна и черный — всадника-преследователя.

Скачка была серьезным испытанием даже для моего несравненного Моро. Мы сделали в прериях десять с лишним миль, и мне не пришлось прибегнуть ни к шпорам, ни к хлысту: умное животное разгорячилось, самолюбие его было задето. Меня же одушевляла простая женская улыбка.

Но в истории известны примеры, когда из-за улыбок менялись границы государств и рушились крепости.

— Вперед, Моро, вперед! Нужно догнать — или умереть.

Помех больше не предвидится. Белой лошади некуда скрыться. Сплошная зеленая степь раскинулась ровно, как ковер, она напоминает море, скованное штилем. Ничто не рассеивает взгляда. Некуда, повторяю, укрыться белому скакуну. Времени у нас хватит: стемнеет не раньше, чем через час. Дикий жеребец не успеет воспользоваться мраком: он будет пойман до наступления ночи.

— Вперед, Моро, вперед!

Мы скользили, молча, почти бесшумно.

Ржание беглеца оборвалось. Очевидно, он сомневался в победе. В его аллюре чувствовался страх: никогда и никто до сих пор не настигал его так близко. Он тоже летел бесшумно. Мы неслись, как тени, степь безмолвствовала. Только храп лошадей и топот копыт.

Двести шагов нас разделяют. Кружится голова. Я убежден в победе! Надо пришпорить Моро, прибавить ему ходу. Пора положить конец отчаянной погоне.

— Вперед, Моро! Последнее усилие — и ты отдохнешь!

Я бросил взгляд на лассо. Оно лежит, скатанное на луке, пропущенное через кольцо и пристегнутое пряжкой к луке седла. Мертвая петля свободна, моток прилажен — все в порядке.

Скатанную часть лассо я перекидываю на левую руку, которая держит поводья: выпрастываю петлю и зажимаю ее правой рукой. Все готово...

О, ужас! Куда девался Белый мустанг?

Приспособляя лассо, я потерял его из виду. Когда я поднял глаза, его не было.

Я с такой силой рванул поводья, что мундштук мог ранить Моро, но жеребец мой и сам бы остановился.

Моро застонал, ошеломленный.

Я озирался во все стороны, тщательно исследуя равнину, но даже беглого осмотра было достаточно: Белый мустанг исчез. Ровная плоская прерия, замкнутая горизонтом. Ни деревца, ни бугра, даже кустарники и кактусы отсутствуют, даже высокая серебристая трава. Зеленый покров едва достигает двух дюймов: змее негде спрятаться, а тем более лошади.

Я чувствовал, как дрожит взмыленный Моро.

На лбу моем проступил холодный пот.

Глава XVII

ЛОШАДЬ-ПРИЗРАК

Немало пережил я опасностей, но все они не выходили из ряда обычных испытаний, и мне и в голову не приходит гордиться своим прошлым. Одна нога у меня сломана, другая прострелена. Я спасся от кораблекрушения и остался раненый на поле битвы... Была минута, когда сотни мушкетных дул на расстоянии тридцати шагов целились мне в грудь и смерть казалась неизбежной. Грянул залп — и все-таки я жив.

Но прошу читателя не считать меня записным героем. Я не хочу хвалиться: никогда я не рвался навстречу смерти. В бурные приключения я был втянут помимо своей воли. Скажу только, что, однажды столкнувшись с опасностью, я глядел ей прямо в глаза.

Случалось мне также трусить, но, если слить воедино все ощущения страха, пережитые при различных обстоятельствах, это чувство не сравнится по силе и глубине с тем, что я испытал, осадив коня, в прериях...

Я не суеверен, но в эту минуту я готов был поверить в сверхъестественное. Больше того, я вынужден был допустить нарушение законов природы.

Ведь беглец исчез необъяснимо. Сколько раз я подсмеивался над рассказами о летучем голландце, и вот наяву столкнулся с лошадью-призраком.

Охотники и трапперы создали белому скакуну таинственный ореол, все эти басни теперь припомнились. Обычно я издевался над наивностью рассказчиков, а теперь сам готов был поверить.

Не сон ли все это? Нет. Я сижу в седле, и подо мной лошадь — тяжело дышащая, с дымящимися боками.

Все это явь, конечно. До мелочей мне памятна погоня.

Но, с другой стороны, Белый мустанг был только что у меня перед глазами, а теперь его больше нет! Значит, трапперы говорят правду. Значит, в прериях водится лошадь-призрак.

Подавленный этой нелепой мыслью, почти убежденный в ее справедливости, я сгорбился и поник. Лассо выскользнуло из рук, и отпущенные поводья трепались на луке, обвиваясь вокруг шеи коня.

Однако я не застыл в преклонении перед чудесным.

Когда я опомнился, взгляд мой упал на следы копыт удивительного мустанга. Призрак, конечно, не мог их оставить.

«Там, где они обрываются, — подумал я, — скакун вознесся на воздух и растворился в апофеозе своей славы...»

Прибегнем к искусству следопытов.

Следы вели по прямой. Шагов через двести Моро почему-то остановился.

Я взглянул — и все понял. Суеверие было посрамлено.

Шагах в тридцати по прерии тянулась темная полоса, пересекая мой путь. Как будто почва разверзлась после землетрясения. Книзу расщелина почти не суживалась, и дно ее было усеяно щебнем. Стены обрывы были строго отвесны. По разрезу можно было проследить чередование пластов, которое в точности повторялось с той и другой стороны. Но издали провал был незаметен. Вправо глубина убывала и постепенно сходила на нет. Зато влево лощина росла и вглубь и вширь. Там, где я стоял, глубина ее достигала двадцати футов.

Вот как объяснилось исчезновение Белого мустанга: он отважился на дерзкий прыжок с двадцатифутовой высоты. Под копытами его осыпался край обрыва, а там, куда он спрыгнул, камни был разворочены. Дикая лошадь умчалась по руслу баранкоса влево: копыта ее отпечатались в мелкой гальке.

Немного дальше расщелина поворачивала. Ищи теперь Белого мустанга!

Досада улеглась, суеверный трепет рассеялся, но положение все-таки было не из приятных.

Тридцать миль от селения, и неизвестно, в каком направлении...

Несомненно одно: до утра пускаться в путь нельзя. Всего полчаса до захода солнца, а ночью легко сбиться со следов. Выбора нет: останусь на месте.

Я проголодался и, что еще хуже, хотел пить. Кругом — ни капли воды.

Длительная скачка под палящим солнцем прерий измучила лошадь. Моро страдал от жажды подобно мне, но, в отличие от Моро, я сознавал, что воды нет и долго не будет, и мне было труднее, чем ему, переносить лишения.

Дно лощины сухо, как поверхность прерии, хотя, очевидно, дождевые потоки неоднократно по ней бурлили.

Все же я проехал вдоль лощины, надеясь отыскать воду, застоявшуюся в колдобинах.

С каждым шагом трещина расширялась.

Солнце зашло. Наступали короткие субтропические сумерки. Путешествовать ночью в прерии, изрезанной трещинами, опасно. Моро мог каждую минуту оступиться. Щели зияли во всех направлениях.

Ночь заволакивала прерию. Страшно было плутать среди многочисленных расселин, и я отказался от мысли найти воду.

Ночь пройдет под знаком нестерпимой жажды. Ничего не поделаешь.

Однако Моро лениво брел вперед, и я направлял его по чутью.

Внезапно что-то засеребрилось в темноте.

Я вскрикнул от радости и приподнялся в стремях. Впереди блеснула вода.

То было озерцо. Странно, что вода оказалась не на дне ущелья, а посреди прерии. Берега водоема были совершенно обнажены — ни деревца, ни камышинки. Вода стояла ровень со степью.

Я поскакал к водоему. К торжеству моему примешивалось сомнение: а вдруг мираж?

Мираж был весьма вероятен. Сколько раз меня уже обманывали эти странные оптические явления в прериях.

Нет. Вода настоящая. Я не вижу дрожащей дымки, всегда обволакивающей мираж: бассейн резко очерчен, и вода заманчиво сверкает.

Моро приободрился.

Мы были уже в двухстах шагах от озерца, и я не сводил глаз с зеркально чистой влаги, когда лошадь моя вздрогнула и отпрянула.

В чем дело? Чего испугался Моро?

Опять зияет глубокий провал, неожиданный поворот расщелины.

Судите о моем отчаянии.

Расщелина невдалеке круто сворачивала, и озерцо сверкало на том берегу...

Глава XVIII

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРЕРИЯ

Прыжок в темноте через ров неизвестной ширины — безумие. Ущелье здесь глубже, чем где-либо, и галька смутно мерцает на дне. Днем я что-нибудь придумаю, но разве это утешение?

Спешившись, я отвел коня шагов на сто от провала, расседлал его и оставил пастишь.

Хлопот у меня было немного. Готовить ужин, увы, не приходилось. Но вопрос о еде был второстепенным: я отдал бы все на свете за кружку воды.

Все снаряжение, которым я располагал на этом случайном бивуаке, сводилось к карабину, охотничьему ножу, пороховой сумке и пустой фляге. К счастью, со мной был плащ.

Я подложил под голову седло и закутался.

Долго не удавалось мне уснуть. Я беспокоюсь ворочался, тараща глаза на луну. Она то и дело ныряла за черные тучи, но каждый раз, когда она показывалась, зеркальце воды вспыхивало стальным блеском. Эта сверкающая вода как будто издевалась надо мной.

Я понял муки Танталя: боги греческого Олимпа не могли придумать худшей пытки для несчастного фригийского царя.

Жажда притупилась. Это было действие усталости и ночного воздуха, насыщенного влагой.

Сон вступил в свои права.

Великая степь безмолвствовала. Даже волчьего воя, неизбежного в прериях, не было слышно. Местность, отвергнутая зверьем и человеком, не привлекала хищников ночи. Недаром славится волчье чутье.

Только Моро переступал по твердой земле, фыркал и шумно жевал траву. Привычные уютные звуки.

По моим наблюдениям события, в которых мы участвуем во сне, влекут за собой физическую разбитость в той же степени, как и реальные усилия. Нередко после фантастических сновидений я просыпался утомленным, точно совершил тяжелую работу.

Мне снилось все пережитое за день в прериях, разумеется, в сгущенном виде. Сон перекликался с действительностью.

Но разбудил меня приятнейший сюрприз: прохладный душ. Это был дождь, настоящий мексиканский ливень.

Редко кто радуется дождю на бивуаке, но я ликовал.

Гром рокотал непрерывно. Молнии раздирали небо, и вскоре послышался рев потока, бежавшего по дну провала.

Первой моей мыслью было утолить жажду, и с этой целью я лег навзничь и широко раскрыл рот. Само небо меня поило.

Хотя капли падали крупные, но дело подвигалось слишком медленно. Тогда я вспомнил о непромокаемом плаще и разослал его на земле, вдавив в углубление почвы.

Минут через пять жажды не было и в помине, и я удивлялся, как могло столь пустячное лишение причинить мне такие муки. Моро напился из того же «водоема» и вновь отошел пастишь.

Изнанка моего плаща, а также кусок земли, им прикрытой, не вымокли. Растянувшись на сухом островке земли, я укрылся серапе[3] и уснул под раскаты грома, как под колыбельную песню.

Глава XIX Я ЗАБЛУДИЛСЯ В ПРЕРИЯХ

На этот раз я уснул легким, безмятежным сном, видений, кажется, не было, или они были столь мимолетные, что я позабыл их, проснувшись.

Когда я раскрыл глаза, солнце уже сверкало на безоблачном небе.

Первым ощущением был голод: я ничего не ел со вчерашнего утра.

Взглядом охотника окинул я прерию. Ни птица, ни зверь не нарушали ее величавого однообразия.

Только Моро на длинной привязи спокойно щипал траву.

Как ему не позавидовать?

Я свесился над лощиной: какая жуткая глубина! Однако спуск в этом месте был возможен.

В результате выветривания горной породы здесь образовалось нечто вроде ступенек. Пеший путник их одолеет, а конь никогда.

Над крутыми склонами балконами нависли каменные уступы, а в щелях гнездились колючие кустарники и карликовые кедры.

Каменистое ложе еще хранило следы влаги. По руслу лощины промчалось огромное количество воды, а теперь нельзя было зачерпнуть и чашки. Последние струйки просачивались в песок, и лужицы испарялись.

Вскинув на плечи карабин, я долго бродил над обрывом и, не высмотрев дичи, вернулся к месту ночлега.

Вырвать колышек, к которому был привязан Моро, и оседлать коня было делом минуты.

Но как вернуться в селение? В каком направлении его искать?

От вчерашнего плана вернуться по своим собственным следам надо было отказаться: их смыло ливнем.

Помнится, я пересек большие пространства, покрытые тонким слоем пыли, на которой копыта лошади оставляли чуть заметные отпечатки.

Ливень был страшный — настоящий библейский потоп с полновесными крупными каплями. С такого грунта, разумеется, им были начисто стерты наши неглубокие следы.

Итак, по следам вернуться нельзя.

До сих пор я не думал об этой трудности, но теперь, когда она предстала передо мной, я не на шутку оробел.

Я заблудился в прерии, вернее, прерия поглотила меня.

В таких случаях гибли всадники, снаряженные лучше, чем я. Чтобы выбраться из прерии радиусом в пятьдесят миль, требуется иногда несколько дней, а это равносильно смерти. Голод и жажда подрывают физические силы путешественника, моральное угнетение ускоряет его гибель.

В мертвенном покое прерий есть нечто устрашающее. Самые крепкие нервы с трудом его переносят. Одни только старые трапперы и охотники, сроднившиеся с прериями, составляют исключение. Нервы, как я уже сказал, взвинчиваются, а затем наступает расслабленность и полное безволие. На

каждом шагу путник спрашивает себя, не ошибочное ли он избрал направление. Он движется зигзагами, постепенно им овладевает безумие...

Страшная вещь — одиночество в прериях.

Я испытал его в самой острой форме.

По великой равнине я впервые блуждал наугад, мучимый голодом и жаждой.

Но воля к жизни одержала верх.

День еще впереди. Поеду по солнцу. В полдень придется сделать передышку. В этих широтах полдненное солнце стоит почти в зените, и самый опытный астроном не сумеет по нем определить, где юг, где север.

К середине дня я надеялся добраться до кустарника, и это меня успокаивало, хотя заросли, окаймляющие прерию, не менее опасны, чем она сама.

В них можно плутать целыми днями, почти не удаляясь от исходной точки, и чаще всего он и безводный, как раскаленная степь.

Оседлав и взнуздав коня, я окинул взглядом прерию, намечая маршрут.

Глава XX ЗАВТРАК В ПРЕРИИ

Перспектива в прериях обманчива. Благодаря особым свойствам воздуха предметы на расстоянии кажутся иногда больше, чем на самом деле. Волк вырастает в лошадь, ворона на бугре превращается чуть не в буйвола. Неискушенный глазомер не исправляет этих оптических ошибок.

Только опытный глаз траппера, вводя нужные поправки, схватывает настоящую величину предмета.

В добрых двух милях за озерцом на горизонте появилось пять фантастических силуэтов больших зверей.

Уже не помню, что отвлекло от них мое внимание, но даль через минуту опустела.

Зато у водоема стояли стройные антилопы. Вода отражала их фигурки. Вытянув головы, они делали стойку после бега. Антилоп было пять. Значит, успели переместиться звери, замеченные мною на горизонте.

Антилопы раздражили мой аппетит: хорошо бы позавтракать жареной дичью!

Скорее любопытство, чем жажда, привело пугливых животных к озерцу: они давно присматривались к всаднику и, не выдержав, пустились бешеным галопом, чтобы разглядеть меня и Моро.

Чуткие звери, застывшие у воды, дичились и вздрагивали, и по всему было видно, что ближе они не подойдут.

Нас разделяла расщелина. Приманив антилоп у обрыву, я подстрелю любую.

Тут я вспомнил о пестром полосатом серапе; при известной ловкости игра с серапе может привести к желанным результатам.

Я подполз к обрыву поближе к антилопам. Поверьте, я крался бесшумно: от успеха зависел завтрак, от завтрака — энергия в борьбе за жизнь.

Дичь пошла на приманку. Антилопы — самые пугливые животные в мире перед лицом врага, но, когда они сталкиваются с новым предметом, любопытство заглушает в них чувство страха.

Уступая соблазну, антилопы вплотную подходят к интригующей их приманке и разглядывают ее в упор.

Кусок цветной материи произвел сильное впечатление. Пять любопытных созданий обежали озерцо, вскинули головы на мое цветное знамя и тотчас отпрянули.

Но вскоре они вернулись. До меня доносилось их возбужденное блеяние. Они принюхивались и трясли острыми мордочками. К счастью, ветер благоприятствовал: он дул от антилоп ко мне, иначе дикарки почуяли бы человека и разгадали бы ловушку. Запах человека и дым охотничьего костра знакомы антилопам.

Выводок состоял из молодого самца и четырех самок, отбившихся, очевидно, от большого стада. Самца я узнал по росту и вилкообразным рогам, отсутствующим у самок. Он как будто предводительствовал подругами, которые жались позади, подражая ему во всех движениях.

После вторичной перебежки антилопы приблизились шагов на сто. Это как раз отвечало дальнобойности моего карабина, и я приготовился стрелять. Вожак стоял ко мне всех ближе, и я избрал его мишенью.

Нацелился и спустил курок.

Когда рассеялся дым, самец лежал на траве и хрипел в предсмертных судорогах.

Антилопы не смутились. Не понимая связи между падением самца и выстрелом, они с изумлением следили за корчами вожака.

Войдя в охотничий азарт, я вскочил на ноги, вторично заряжая карабин. Непростительная оплошность: антилопы меня заметили. Дикарки, равнодушные к ружейному огню и к агонии самца, шарахнулись и ускакали при виде человека.

Но подстреленная дичь лежала по ту сторону лоцины.

Как ее достать?

Читатель уже знает про уступы в стенах ущелья.

Привязав Моро к колышку, я захватил охотничий нож и начал спускаться. Тяжелый карабин я оставил наверху, так как надеялся через десять минут вернуться.

Противоположный откос был круче. Я цеплялся за ветви ползучих кедров, гнездившихся между камнями.

Удивительная вещь: кто-то здесь уже поднимался. Человек или зверь? Тонкий слой почвы на уступах хранил отпечатки следов, а камень кой-где был расцарапан.

Лишь бы насытиться — ни о чем другом я не хотел думать.

Выбравшись на равнину, я приступил к свежеванию антилопы. Дело спорилось у меня, как у мясника.

С голоду я набросился на сырое мясо, но, попробовав язык антилопы и кровавое филе, стал разборчивее: жареная дичь несравненно вкуснее...

Я направился к откосу наломать кедровых ветвей для костра.

Здесь меня ждал неприятный сюрприз...

Глава XXI ГРИЗЛИ

Гризли — серый медведь — наводит ужас на всех обитателей прерии. Не впервые я встречался с гризли и узнал его сразу.

Густая шерсть, узкий лоб и широкая морда, желтоватые глаза, огромные клыки, наполовину прикрытые губой, и, наконец, крючковатые когти.

Медведь вылезал из расселины. «Лестница», по которой я только что поднялся, была ему привычна. Следы на уступах оставил гризли.

Взобравшись на равнину, медведь встал, потягиваясь, на задние лапы. Ворчанье его напоминало мне хрюканье кабана, потревоженного в логове. Он почесал за ухом и начал перебирать длинными передними лапами, как это делают, играя, обезьяны.

И в самом деле, гризли был похож на гигантскую обезьяну, а мех его с рыжеватым оттенком увеличивал сходство с орангутангом.

Будь я на коне, медведь испугал бы меня не больше, чем гусеница. Всадника гризли догнать не способен, но даже отличного бегуна он поймают.

«А вдруг гризли мною пренебрежет!» — шевельнулась у меня робкая надежда.

Не похоже на это. В девяти случаях из десяти гризли нападает первым. Ни один из зверей Америки не вступит с ним добровольно в борьбу. Сам африканский лев вряд ли сохранил бы свой ореол после столкновения с гризли.

А человек, лишенный своего союзника — коня, перед ним совершенно беспомощен.

Опытные трапперы за много миль объезжают берлогу «старого Ефраима».

— Лучше встретиться одному с двумя индейцами, — говорят они, — чем с гризли...

А индейцы устраивают празднества в честь убийства каждого медведя.

У краснокожих ожерелье из медвежьих когтей считается самым почетным украшением. Носить его вправе только смельчак, собственноручно добывший эти трофеи.

Гризли же не знает равных себе противников. Кости и хрящи самых крупных зверей трещат под его могучей лапой, как под топором мясника. Ему ничего не стоит протащить по земле взрослого буйвола, напасть на пешего или конного охотника, обратить в бегство дюжину трапперов... Только пуля в лоб или в сердце, убивающая наповал, применима в борьбе с гризли.

Кровожадный и живучий зверь недаром слывет грозой прерий. Если бы гризли обладал пружинной гибкостью и стремительностью льва или тигра, то был бы ужаснее, чем все хищники кошачьей породы.

Но гризли медлительнее лошади и, на счастье путников, пересекающих его владения, не лазит на деревья.

Надо сказать, что американский медведь не любитель лесов, он предпочитает равнину, по которой разбросаны редкие рощицы. Многие от него спаслись на верхушке дерева...

Легко представить, что я почувствовал, столкнувшись с крупнейшим экземпляром гризли в голой прерии, пеший и почти безоружный.

Негде укрыться, не на что вскарабкаться. Защищаться немислимо. Со мной

был только нож. Карабин остался по ту сторону лощины, и достать его бесконечно сложно. Если даже решиться на спуск по каменистой тропе на дно расселины, безумная попытка кончится плачевно: гризли давно освоился с этой тропой, а когти у него великолепные.

Но хуже всего было то, что медведь стоял на пути к ружью.

Сердце упало. Неужели идти на медведя с ножом?

Охотники, вооруженные одним ножом, иногда одолевают серого медведя, но борьба для них кончается тяжкими увечьями.

Я читал, будто у гризли можно вызвать дыхательную судорогу, надавив пальцами на горловой хрящ. Даже небольшой нажим в этом месте влечет спазму и обессиливает медведя.

Гризли опустил на все четыре лапы, зарычал и оскалился.

Я хотел было ждать нападения на месте, но, когда на меня надвинулась косматая туша и в нескольких шагах сверкнули желтые клыки, когда по мне скользнули глаза зверя, налитые кровью, я переменял тактику и побежал.

Расчет мой основывался на том, что медведь, почуя запах убитой антилопы, соблазнится свежим мясом. Если задержка будет продолжительной, я успею спастись, если же нет... Увы! Зверь пренебрег свежинкой.

Оглянувшись на бегу, я увидел, что гризли и не думает обнюхивать антилопу, а равнодушно шествует мимо.

Дальше бежать было опасно: я только раздражаю медведя. Будь, что будет, попробую пересечь баранкос и добраться до ружья.

Не разбирая направления, я бросился к обрыву.

Вдруг ослепительный блеск ударил мне в глаза: на солнце искрился водоем. Сам того не заметив, я очутился на берегу озерца.

Какой-то тайный инстинкт подсказывал мне, что это к лучшему.

Борьба еще не начиналась.

«Спасение мое — в воде, — подумал я. — Правда, гризли — хороший пловец, и ему нипочем быстроходные реки и глубокие озера, но я умею нырять, а это большое преимущество».

У берега было мелко, до колен. Дальше — глубже. Вот уже по пояс.

Я боязливо оглянулся: медведь стоит на берегу.

Ему ничего не стоило догнать меня вплавь, но почему-то он мешкал. Пользуясь этим, я отходил к середине бассейна по медленно опускавшемуся дну.

Еще доставая ногами до дна и прежде, чем пуститься вплавь, я в последний раз оглянулся на медведя.

Он все еще балансировал на задних лапах.

Вдруг гризли принял нормальное положение и, как часовой, начал ходить взад и вперед по берегу, изредка уклоняясь в прерию.

Похоже было, что он меня стережет.

Озерцо имело шагов четыреста в диаметре. Между мной и медведем было неполных двести.

Гризли топтался между озером и расселиной, отделявшей меня от лошади и карабина, а я стоял по горло в воде, не зная, куда плыть.

Если бы медведь отошел на противоположный берег водоема, я успел бы, пожалуй, выбраться на берег и добежать до провала. Но косматый часовой не покидал поста.

Осада длилась добрых полчаса.

Я начинал отчаиваться. Водоем, очевидно, питался подземным ключом, ибо вода в нем была ледяная. Я заоченел, но не смел шелохнуться. Малейший плеск воды мог подействовать раздражающе на свирепого зверя и побудить его к наступлению. Стуча зубами от холода, я неподвижно стоял в воде.

Наконец терпение мое вознаградилось. В одну из своих коротких экскурсий в прерию медведь заметил антилопу. Я видел, по крайней мере, что он над чем-то склоняется. Над чем, я не мог определить, так как прерия лежала выше поля моего зрения.

Вдруг медведь поднял морду, и в пасти его я различил кусок мяса. Гризли потащил добычу в расщелину и некоторое время не показывался.

Глава XXII ОТЧАЯННАЯ СХВАТКА

Переплыв самое глубокое место, я нащупал ногами дно и выбрался на противоположный песчаный берег.

Теперь между мной и медведем лежало все озеро.

Каждую минуту мог появиться гризли, спрятав в логове остатки антилопы.

В пять минут гризли сожрет маленькую антилопу и еще больше рассвирепеет, опьяненный вкусом и запахом крови.

Я не знал, на что решиться. Чтобы удрать от медведя в прерию, надо вернуться назад — за лошадью и карабином, а пускаться в прерию пешком без лошади и ружья то же самое, что уплыть в открытое море без весел и без паруса.

Допустим, что я доберусь до ближайшего селения. Разве я способен подло бросить привязанную лошадь в соседстве медведя? Я слишком любил Моро и не мог его предать.

Единственный переход через лощину был занят медведем. Гризли засел где-то в глубине. Я не полезу в пасть медведю.

Благоразумнее поискать другую дорогу.

Но гризли появился на этот раз по ту сторону расщелины, там, где остался Моро. Цепляясь лапами за откос, он медленно и грузно выполз наверх.

Сердце заныло: медведь растерзает Моро!

Конь отдавал себе полный отчет в опасности. Он был привязан к врытому в землю колу футам в четырехстах от лощины; привязью послужило лассо двадцатиярдовой длины.

Увидев медведя, Моро закружился на корде[4], пытаясь освободиться.

Начинавшаяся драма пригвоздила меня к месту. Я был не в силах помочь бедной лошади — так по крайней мере мне казалось.

Зверь грузными шагами надвигался на Моро. Но конь отскочил в сторону и вновь закружился по небольшому радиусу, который представляло собой лассо.

Глядя на туго натянутое лассо, я понадеялся, что оно порвется, и Моро, волоча его за собой, ускачет в прерию. Но лассо было сплетено из прочных кожаных ремней, а кол глубоко врыт в землю.

Я отдал бы все на свете за то, чтобы разрубить ножом проклятую ременную привязь.

Скачущая по кругу лошадь ловко увертывалась от медведя, а гризли ловил

ее, перебегая по хордам окружности или описывая концентрические круги меньших радиусов.

Все это похоже было на цирковой номер. Моро изображал дрессированного скакуна, медведь — наездника.

Раза два или три медведь запутывался лапами в туго натянутой и быстро вращавшейся ременной привязи. Увлекаемый ее движением, он кувыркался и барахтался. Эти злключения, казалось, приводили его в неистовство. После каждой неудачи энергия медведя удваивалась.

Зрелище было довольно забавное.

Так продолжалось несколько минут без существенных перемен. Медведю не могла не надоесть эти бесконечная карусель. Неуклюжий зверь должен был отступить, побежденный ловкостью жеребца. К тому же Моро лягал медведя так метко и сильно, что всякий на месте гризли упал бы замертво.

Вскоре борьба приняла новый оборот. Запахло развязкой.

Кружащаяся привязь вновь захлестнула гризли, но на этот раз медведь не стал из нее выпутываться, а крепко вцепился в ремень когтями и клыками. Вначале я думал, что зверь перегрызет лассо, и обрадовался. Но медведь, не отпуская натянутого ремня, закружился вместе с ним, тормозя движение коня. Медленно, но верно скользя по ремню, гризли подбирался к своей жертве. Моро заметался. Звонкое ржание его не умолкало.

Больше выдержать я не мог.

Карабин, как вы знаете, остался почти на краю обрыва, невдалеке от привязанной лошади. Убив антилопу, я успел его зарядить.

Я подбегаю к щели, соскальзываю на дно, поднимаюсь на противоположный откос, схватываю карабин и кидаюсь к «карусели».

Еще не поздно. Медведь, кружащийся вместе с Моро на корде, не успел добраться к коню: между ними пять-шесть ярдов.

Я стреляю с десяти шагов. Пуля, очевидно, подрезает ремень. Освобожденная лошадь шарахается, исчезая далеко в прериях.

Только позже выяснилось, что я неопасно ранил медведя, подпалив ему шкуру. Пуля моя и не думала подрезать лассо, а гризли причинила не больше вреда, чем удар хлыстом. Моро освободился последним отчаянным усилием, от которого лассо лопнуло.

Теперь наступила моя очередь.

Гризли, упустив лошадь, обернулся ко мне с гневным рычанием.

Уклониться от борьбы было немыслимо, а зарядить вторично карабина я не успел. Вначале я защищался увесистым, как хорошая дубина, прикладом. Потом, отбросив ружье, схватился за нож и всадил его в бок зверю.

Одна лапа налегла на бедро, другая — на плечо. Длинные желтые медвежьи клыки сверкнули у меня перед глазами.

Но, облапленный медведем, я не растерялся. Со всей силой отчаяния я снова пырнул его ножом, метя в сердце.

Мы покатались по земле. Надо мной зияла пасть чудовищного зверя. Я ничего не сознавал, но кипел дикой злобой, подобно охотнику каменного века.

Уже не помню, как терзал меня медведь и сколько раз погружался мой нож в его мясо. Скажу только, что трава кругом покраснела.

Я больше не могу... я умираю...

Глава XXIII

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Я потерял сознание. Наконец я открыл глаза: неужели я еще жив? Да, я не умер. Кто-то обмывает мои раны. Жгучая боль...

У склонившегося надо мной человека — рука грубая, но выражение лица сочувственное, нежное, говорящее о добром сердце.

Я все еще лежу в прерии, под открытым небом, вспоминаю подробности схватки с медведем. Не верится: ведь я умер...

Нет, я только лишился чувств! И вот я дышу и вижу небо.

Надо мной ослепительная мексиканская лазурь, кругом зеленеющие прерии; шевелятся какие-то люди, пасутся лошади.

Где я? Куда я попал?

Кто бы ни были эти люди, они друзья. Им я обязан своим спасением от медвежьих лап.

Хочу расспросить, как все случилось, но слабость мешает.

Вот ко мне нагнулись двое — один чернобородый, с густыми бакенбардами, другой — старик с обветренным лицом, загорелым, точно его вылудил медник. Я перевожу взгляд с одного на другого, и в сознании всплывают образы прошлого. Я узнаю эти черты...

Но все завлакивает туман, я больше ничего не вижу, голова кружится.

Я вновь теряю сознание.

Очнулся я бодрее. Солнце садилось. Кожа буйвола, протянутая на двух жердях, защищала меня от косых вечерних лучей. Я лежал на разостланном серапе, а под голову мне положили мое седло, обернутое в звериную шкуру. Лежа на боку, я видел: костер, двое людей. Один сидит у огня, другой стоит. Тот, что помоложе, оперся на карабин и устремил глаза на костер. Он — типичный траппер мексиканских плоскогорий: футов шести ростом, в мокалинах, цветущий, плотный — настоящий англосакс. Сухие нервные пальцы переплелись над стальным дулом. Румяные полные щеки, пышущие здоровьем, длинные баки, сходящиеся, по тогдашней моде, почти у подбородка, большая темно-каштановая борода... Маленькие карие глаза траппера говорили о твердом, волевом характере. Судя по цвету волос, у незнакомца должна была быть нежная белая кожа, но он загорел в мексиканских степях и стал похож на мулата — таково могучее действие здешнего солнца. Этот стареющий человек с открытым, умным лицом был, конечно, красавец в молодости. Черты его дышат смелостью и добротой. На нем охотничья куртка из оленьей замши, прокопченной дымом костров и тонкой, как перчаточная. Наколенники и мокасины настоящей индейской работы, с подошвами из кожи буйвола. Расстегнутый ворот открывает шею и грудь и тельную рубашку из кожи антилопы.

Все, как видите, кожаное: человек был буквально зашит в кожу. Бахромчатый воротник куртки живописно падал на плечи траппера. Полы куртки тоже были отделаны бахромой. Шапка на нем была из цельного енота, с мордочкой на месте козырька, а полосатый хвост свисал на левое плечо.

Патронташ из дубленой рысьей кожи, украшенный головкой утки одной из красивейших пород, так называемой летней утки, висел на ремне рядом с большим охотничьим рогом, испещренным различными узорами и надпися-

ми.

Траппер был неплохо вооружен: нож и револьвер за поясом и длиннейший карабин за плечами, настолько прямой, что дуло с прикладом сливались в одну линию.

Бросилось в глаза какое-то щегольство в вооружении и в одежде траппера. По всему было видно, что он равнодушен к своей внешности.

Упомяну еще про сумочку на его груди, очевидно, подарок какой-нибудь черноглазой мексиканки.

Товарищ траппера отличался от него во всех отношениях. Все в нем поражало дикостью и несуразностью. Он сидел у костра вполоборота ко мне, выставив тощие колени; не человек, а деревянное пугало, обтянутое грязно-коричневой оленьей кожей. Челюсти этой куклы энергично работали: он ел бифштекс, зажаренный на костре.

Ему было лет шестьдесят. Черты довольно суровы, нос орлиный, глаза черные, буравящие, волосы жесткие и короткие, цвет лица смуглый от природы. В этом лице было нечто от француза, испанца и англичанина. В Мексике встречаются самые сложные помеси рас.

Присмотревшись к ублюдку, сидевшему у костра, я заметил, что у него не было ушей.

Есть нечто отталкивающее в этом уродстве. Оно наводит на мысль о варварской мести. Воображение невольно рисует кровавую сцену. Любопытно, какое преступление искупил этот человек ценой потери своих ушей?

Но случайно я знал, при каких обстоятельствах был обезображен траппер. Я что-то вспомнил. Да, я знал этого человека!

Много лет назад я с ним встретился почти в такой же обстановке, и тогда он сидел у костра, поджаривая мясо. Тот же костюм, та же поза. Узнаю енотовую шапку, узкие наколенники из оленьей кожи, тощие, словно деревянные ноги. Траппер как будто не переодевался с момента нашей первой встречи: все так же засалено.

Забывать такого человека немислимо. Это был Рубен Раулингс, или старый Рубби, как его звали обычно, — знаменитость среди трапперов.

С ним его неизменный товарищ — Билли Гаррей, неразлучный спутник старого Рубби.

Со мной друзья!

Я хотел было их окликнуть, но взгляд мой упал на лошадей, щипавших траву в отдалении. То, что я увидел, было настолько неожиданным, что, несмотря на боль, я приподнялся на локте.

На привязи разгуливала старая слепая кобыла с потертыми боками, торчащими ребрами и длинными ушами. По худобе ее, по серой масти, по жидкому хвосту и общему сходству с мулом я узнал старую приятельницу — лошадь Рубби. Рядом с нею находился рослый и статный конь Гаррея и, наконец, тут же, на привязи — мой бесценный Моро!

Вот сюрприз! Моро умчался от медведя в прерию. А я-то считал его погибшим!

Но если читатель думает, что причиной моего волнения была встреча с Моро, он ошибается. Тут была еще одна лошадь. Я тоже ее узнал!

Благородная статья, крутые бока, белая с серебристым отливом масть, пышный хвост и черные торчащие уши все это было мне знакомо...

Здесь был Белый мустанг прерии!

Глава XXIV НОЧНАЯ БЕСЕДА

От нервного потрясения и физической боли я потерял сознание. Обморок был коротким. Ухаживавшие за мной трапперы положили мне мокрую тряпку на лоб. Я очнулся, но еще не мог говорить. Они беседовали. Вот что я услышал.

— Черт побрал бы этих женщин! — говорил знакомый голос Рубби. — Как издеваются над нашим братом! Погляди-ка на молодца, в каком он состоянии. А все из-за девушки. К черту женщин!

— Ну, чего там! — с расстановкой ответил Гаррей. — Он ее любит. Девушка, я слышал, недурна собой. Любовь, Рубби, не шутка.

Протянутая на жердях буйволовая кожа скрывала от меня Рубби, но по долетавшему до меня бульканью я заключил, что Рубби приложился к бутылке — так на него подействовали слова Гаррея.

— У тебя, как вижу, — продолжал, откашлявшись, Рубби, — в голове гуляет ветер, как у злополучного капитана. Любовь, говоришь, не шутка! Э-хе-хе! Зрелых, разумных людей она превращает в мальчишек. Приятеля нашего любовь совсем окрутила.

— Помалкивай, Рубби! Опыт в любви у тебя небольшой.

— Ты попал в самую точку, Билли: и со мной — кхе-кхе! — однажды приключилось... и я когда-то был влюблен! Влюблен — от головы до пят. Но девушка, видишь ли, была красива, как картинка...

Это признание сопровождалось вздохом, напоминавшим фыркание бизона.

— Кто же она? — спросил, помолчав, Гаррей. — Белая или краснокожая?

— Краснокожая? — презрительно воскликнул Рубби. — Ну нет, дорогой, это не мой вкус! Впрочем, я не хочу сказать, что индианки хуже белых! По-своему они хороши. С ними легче развязаться. У меня в разное время было с полдюжины краснокожих приятельниц. И можешь мне верить, приятель, я ни разу никому не переуступал этих скво на одну булавку или щепотку табаку дешевле, чем они мне обошлись. Большею частью я брал даже лишнее. Но вернемся к той, о которой ты спрашиваешь: эта девушка была подругой моего детства.

— Значит, белая?

— Еще спрашивает! Как лепесток маргаритки. Как череп бизона, выбеленный солнцем прерии. А волосы... Ого! Золотисто-рыжие, как хвост лисицы, и шальные глаза. Ах, Билли! Такие глаза, старина, хоть кому вскружат голову. Большие и нежные, как у оленьей самки. Только раз в жизни встречал я такие глаза.

— А как же ее звали?

— Звали ее Шаритэ. А фамилия — выскочила из памяти. Фамилия ее — Холмс! Да, да, вспоминаю: Шаритэ Холмс! Не забыл все-таки. Она родилась в округе Большой Утки, в глубине штата Теннесси. Погоди немного: дело происходило лет тридцать назад. Встретились мы детьми у кондитера. Помню, мы с нею грызли с двух концов один и тот же паточный леденец, так называемую палочку. Грызли-грызли — палочка все уменьшалась, и наконец нам пришлось поцеловаться. Губки Шаритэ показались мне слаще леденца. В другой

раз мы встретились, если память мне не изменяет, в мелочной лавчонке, а потом на деревенской танцульке. Тут, собственно, и заварилось дело. Бедняга Рубен Раулинг влюбился по уши! «Мисс Шаритэ! — сказал я. — Вы мне нравитесь не на шутку!» А девушка ответила: «Ничего против вас не имею, мистер Рубен!» Сломя голову бегу к старику Холмсу. Прошу руки его дочери Шаритэ. Но старый Холмс был тугой человек: он отказал мне. А тут кстати подвернулся странствующий торговец из Коннектикута, восплаивший страстью к Шаритэ. Повертелся, поухаживал и женился на ней. Так-то, Билли! К черту женщин! Все они одинаковы! Вскоре после того встречаю наглеца коробейника и задаю ему такой хороший урок, что он месяц валяется в постели. В связи с этой историей пришлось покинуть родные места и перебраться в прерии. Никогда больше не видел Шаритэ, но мне рассказывал приезжий из Миссури, что из нее вышла примерная жена. Если она до сих здравствует, то народила кучу детей. Да, на женщин, видишь ли, нельзя полагаться, Билли. Посмотри, до чего они довели этого джентльмена! — патетически воскликнул Рубби Раулинг, указывая на меня. — Брось, Билли! Ты меня не переспоришь.

Я не вмешивался в разговор трапперов и не показывал вида, что прислушиваюсь к нему. Все окружающее было окутано тайной. Как попал сюда Белый мустанг? Как свела меня судьба с Рубби и Гарреем — старинными моими приятелями? Головоломка!

Еще загадочнее было то, что Билли и Гаррею известна романтическая подоплека моего пребывания в прерии. Ни в эскадроне разведчиков, ни в селениях, ни на аванпостах, ни в другой американской части они не служили. Будь они в армии, я бы о них услышал, да и сами они не поленились бы меня разыскать при нашей тесной дружбе.

Только Раулинг и Гаррей могли удовлетворить мое любопытство.

— Эй, Рубби, Гаррей! — пролепетал я, поднимаясь.

— Он очухался! — послышалось в ответ. — Ему лучше! Лежите смирно, приятель. Вам вредно шевелиться. Понемногу окрепнете, — сказал Гаррей.

— Глотните-ка этого животворящего напитка.

И Раулинг, нагнувшись, поднес флягу к моим губам.

Крепкое виски огнем разлилось по жилам.

— Вам, кажется, лучше, капитан? — повторил Гаррей, видимо, довольный тем, что я их узнал.

— Да, старики, мне лучше!

— И мы вас не забыли. Сколько раз толковали мы с Рубби о вашей судьбе. Мы, разумеется, слышали, что вы вернулись в штаты, где-то осели в качестве фермера и даже переменили фамилию из-за...

— К черту фамилию! — перебил его Рубби. — Я десять раз готов переменить фамилию за клочок земли на берегу реки Джемса.

— Во всяком случае капитан, — вмешался Гаррей, заминая бестактность Рубби, — мы вас помним!

— В жизни вас не забуду, — искренно подтвердил Рубби. — Можно ли забыть человека, который издали принял старого Рубби Раулинга в его меховом одеянии за медведя гризли? Здорово потешался Билли, когда я ему рассказывал случай в пещере. По-моему, Билли, ты никогда так не смеялся! Подумать только: старого Рубби он принял за американского медведя!

Почтенный траппер хохотал не менее двух минут. Успокоившись, он ска-

зал:

— А забавны все-таки наши встречи, дружище! Вы когда-то спасли мою старую шкуру, и я обязан вам до могилы.

— Но теперь, кажется, мы квиты: вы меня тоже спасли?

— Не стану спорить: от второго медведя мы вас избавили, но с первым гризли вы разделались самостоятельно. Надо думать, порядочно с ним повозились. Вы мастерски всадили в гризли нож. Отдаю вам должное.

— Значит, было два медведя?

— Взгляните-ка, вот она — парочка! — И траппер указал в направлении косяка.

Я увидел две искромсанные медвежьи шкуры.

— Но я как будто имел дело с одним медведем?

— Хватит и одного! — глубокомысленно заметил Рау-лингс.

— Неужто убил его я?

— Да, дружище! Когда мы с Билли подошли к месту борьбы, медведь был мертв и безобиден, как копченый поросенок, но ваше состояние немногим отличалось от медвежьего: вы лежали в обнимку с гризли, тесно к нему прижавшись, как будто мирно уснули со «старым Ефраимом», а крови в вас не оставалось даже на завтрак неприятельской пиявке.

— Откуда же взялся второй медведь?

— Второй, спрашиваете вы? Он вылез из расселины. Билли гонялся за Белым мустангом, а я сидел возле вас, там, где мы сейчас находимся, когда показалась медвежья голова. Я тотчас сообразил: это медведица пришла проведать супруга. Не растерявшись, я всадил ей пулю в глаз из своего доброго карабина, и она отправилась к косматым праотцам. А теперь послушайте, молодой человек: мы с Билли не дипломированные врачи, но все же достаточно понимаем в ранах, чтобы запретить вам движение и болтовню. Будьте благоразумны: лежите спокойно. Вы сильно расцарапаны, но раны не опасны. Главное — потеря крови. В лице у вас ни кровинки. Организм возместит потерянное... Еще глоток из фляжки!.. Вот так, хорошо! А теперь, Билли, оставим его в покое и пойдем отдохнуть и закусить медвежатиной.

С этими словами Раулингс, долговязый паяц в кожаной одежде траппера, направился к костру в сопровождении товарища.

Хотя мне и не терпелось получить разъяснение по другим волновавшим меня вопросам, я понял, что бесполезно обращаться к упрямцу Рубби после того, что он сказал, и, поневоле последовав его совету, забылся сном.

Глава XXV

РУББИ НЕ ПОЙДЕТ В РЕЙНДЖЕРЫ!

Спал я долго и крепко. Проснулся около полуночи. Было довольно холодно, но, закутанный в серапе, я не чувствовал сырости.

Силы мои восстанавливались. Я искал глазами товарищей. Костер потух. Очевидно, его погасили, чтобы он не привлек внимание бродячих индейцев. Ночь была ясная, хотя безлунная. Тысячи звезд усеивали небо, и в их тусклом мерцании я различал фигуры трапперов и пасущихся лошадей. Один из охотников спал, другой охранял бивуак. Он сидел неподвижный, как изваяние, и только огонек, попыхивавший в трубке, свидетельствовал о том, что он бодрствует. Даже при слабом свете звезд в чутком страже нашей безопасности я узнал Рубби.

Я был слегка раздосадован тем, что дежурит Раулингс, а не Гаррей. От молодого траппера можно было добиться больше толка. Во всех отношениях я предпочитал расспросить Гаррея.

Однако, снедаемый любопытством, я обратился к Рубби, сидевшему в двух шагах от меня. Чтобы не разбудить спящего Гаррея, я говорил шепотом.

— Как набрели вы на меня?

— По следам.

— Значит, вы меня выслеживали от самой реки?

— Ну зачем же! Мы с Билли стояли в зарослях и оттуда заметили вашу погоню за Белым мустангом. Я узнал вас с первого взгляда, Билли — тоже. Тут я ему говорю: «Слушай, Билли, это тот самый молодчик, который принял меня за американского медведя». А нужно сказать, что, вспоминая эту забавную историю, я всегда смеюсь до упаду. «Ты прав, это он!» — отвечает мне Билли. В эту минуту нам попался проводник-мексиканец: обеспокоенный вашим исчезновением, пастух кружил по степи. Он рассказал нам историю о какой-то взбалмошной сеньорите, которая послала вас ловить Белого мустанга. «К черту женщин!» — сказал я тогда же Билли. Не правда ли, Билли?

На этот вполне уместный вопрос Гаррей ответил утвердительным мычанием.

— Итак, — продолжал Рубби, — видя, что все дело в женщине, я говорю Билли: «Молодчик не успокоится, пока не поймает лошадь или не собьется с ее следов!» Под вами, как я заметил, был недурной конь, но, с другой стороны, вы гнались за лучшим скакуном прерии. Вот я и говорю Билли: «Скачка-то будет бешеная!» А Билли отвечает: «Ну конечно!» Но когда мы с Билли увидели, что белый жеребец метнулся в широкую прерию, нам стало ясно, что вы заблудились. Здешние прерии не величайшие в Мексике, но потеряться в них ничего не стоит. Ваши молокососы рейнджеры вернулись домой, а нам с Билли ничего не осталось, как седлать коней и пуститься за вами.

Единственным указанием для нас могли послужить ваши следы, но на полпути нас захватили сумерки, и мы вынуждены были сделать привал до утра. За ночь следы почти стерлись, и мы потратили уйму времени, чтобы добраться до расселины. «Погляди-ка, — говорит мне Билли, — Белая лошадь прыгнула в ущелье, а вот и следы капитана, тоже уводящие на дно расселины». Так! Собрались спускаться, да вдруг заметили поодаль вашу лошадь, расседланную

и без поводьев. Помчались к ней напрямик. Видим какую-то темную массу около лошади. Что такое? Оказалось — вы с гризли. Лежите спокойненько, обнявшись, как парочка опоссумов или сони-белки. Ваша лошадь ржала и заливалась, как плененная рысь. Вначале мы с Билли подумали, что вы покончили счеты с жизнью, но, приглядевшись, видим: вы только в глубоком обмороке, а «старый Ефраим» действительно мертв. Ну, разумеется, мы сделали все, что от нас зависело, чтобы поставить вас на ноги.

— А Белый мустанг?

— Билли поймал его немного дальше, на дне лощины. Скакуна остановили каменные глыбы, завалившие русло. Мы это предвидели, потому что местность нам знакома. Зная, что лошадь не сумеет подняться по круче, Билли бросился за ней и обнаружил на выступе, куда она забралась, ища спасения от потока. Накинув лассо на шею беглецу, он привел его сюда. Довольно вам? Кажется, всё узнали?

— Имейте в виду, капитан, — вмешался Гаррей, приподнимаясь на локте, — что мустанг в вашем распоряжении.

— Благодарю вас, друзья, и не только за подарок, а за то, что вернули меня к жизни. Если б не вы, приключение закончилось бы печально... Не знаю, как вас благодарить!

Все теперь разъяснилось, но несколько слов, невзначай оброненных Гарреем, побудили меня к дальнейшим вопросам.

Вот что я узнал: трапперы спешили присоединиться к действующей армии.

Раньше я не знал за ними этой вражды к мексиканцам и, немного удивившись, попросил рассказать подробнее, в чем именно состояли мексиканские зверства, которые их так глубоко потрясли. Мне ответили обстоятельным рассказом. Случай произошел в одном из пограничных мексиканских городов, где трапперов арестовали по какому-то вздорному поводу и жестоко избili плетью по приказу начальника поста.

— Да, — гневно проворчал Рубби, — нас отстегали плетью, свободных тexasских горцев отстегали плетью проклятые мексиканцы! Не стоит об этом говорить. Клянусь, я не покину Мексики, пока не убью двадцать мексиканцев: по счету полученных мною плетей.

— Старина! — воскликнул Гаррей. — Присоединяюсь к твоей клятве.

— Да, Билли! — подхватил Раулингс. — Мы с тобой выровняем счет. Лично мне осталось только восемнадцать.

Рубби показал мне две свежие зарубки на прикладе карабина. Я понял: они соответствовали двум убитым мексиканцам.

Впрочем, это были не единственные жертвы траппера: на двух частях приклада длинными столбиками располагались замысловатые зарубки. Этими условными знаками изображалось бурное прошлое моего приятеля, богатое убийствами и жестокими эпизодами.

Я молча отвернулся.

— Не смущайтесь, молодой человек! — заметил Рубби, видя, что летопись его подвигов не доставляет мне особого удовольствия. — Мы с Билли Гарреем не какие-нибудь кровожадные изверги. Нам пришлось побывать в ужасных переделках, и все-таки мы не вымещаем обид на женщинах и детях. Мирных людей мы вообще не трогаем, предпочитаем военных. Чем виноваты рабы, стонущие под мексиканским игом? От них мы не видели зла. Но мы участво-

вали с индейцами племени юбава в набеге на форты Дель-Норте; здесь были сделаны две последние зарубки. Но можете мне поверить, мы пальцем не тронули женщин и детей; индейцы держатся в этом отношении иных взглядов, и нам пришлось с ними расстаться. Мы хотим драться с врагами, как равные с равными. Вот что нам нужно, приятель!

Рубби оправдывался. Совесть его была, должно быть, не чиста. Забавно было слушать, как он отмежевывается от индейцев, обвиняя их во всех смертных грехах. Об одичавших трапперах в то время говорили, что они индианизированы, то есть переняли у краснокожих самые отчаянные приемы борьбы. Но как бы ни был индианизирован старый траппер, сквозь его наружную свирепость просвечивала доброта. В самом деле, я не раз наблюдал у Рубби вполне человеческие порывы. Но жизнь поставила его в исключительные условия, и старого траппера нельзя было судить по законам нормального общежития.

— Итак, — спросил я, немного помолчав, — вы собираетесь примкнуть к корпусу рейнджеров?

— Да, — подтвердил Гаррей, — и притом к вашему эскадрону, капитан! Таково, по крайней мере, мое желание. За Рубби я не отвечаю.

— Ни за что на свете, — с горячностью воскликнул Рубби, — я не поступлю в регулярную часть! Черныш сражается только за себя. Я вырос в горах, на свободе, и ничего не смыслю в ремесле солдата. Военная дисциплина мне не по вкусу. Каждый воюет по-своему. Мы с Билли — прирожденные партизаны. Не так ли, Билли?

— Пожалуй, ты прав, — коротко ответил Гаррей, — и все-таки, Рубби, по моему, лучше поступить в регулярные войска, особенно под начальство такого капитана, как наш приятель. Он облегчит нам строевую службу. Не так ли, капитан?

— Дисциплина в моем эскадроне не слишком суровая. Наша служба — служба разведчиков — в известном смысле отличается от...

— Ерунда! — перебил меня Рубби. — Я хочу драться без всякой указки. Чтобы я мог прийти и уйти свободно, когда мне вздумается. К черту регламент! Это не для меня. Все равно я дезертирую.

— Но, записавшись волонтером, вы будете получать жалованье и солдатский паек, — заметил я, полагая, что этот довод должен подействовать на Рубби.

— К черту пайки и солдатское жалованье! — крикнул старый траппер, ударив прикладом по земле. — Я мститель, а не наемник!

Это было сказано с таким решительным тоном, что я не стал навязывать Рубби своих советов.

— А все-таки, капитан, — проговорил, немного смягчившись, Рубби, — хоть я и не поступаю под ваше начальство, но попросил бы вас разрешить мне и Билли повсюду следовать за вашим отрядом. Солдатских пайков нам не нужно: мексиканская прерия богата дичью, а мы — хорошие стрелки.

Гаррей скромно улыбнулся.

— Итак, — продолжал Рубби, — с голоду мы не умрем. Соглашайтесь, два надежных карабина не дрогнут под неприятельским огнем.

— Согласен... Можете следовать за отрядом как свободные стрелки, ничем не связанные и никому не подчиненные. Ваша близость мне только приятна.

— В добрый час! — воскликнул Гаррей. — Выпьем, Билли! Да здравствует

Техас!

Глава XXVI ПОЖАР В ПРЕРИЯХ

Я быстро выздоравливал. Раны оказались несерьезными; содранная кожа постепенно обновлялась. Рубцевание не оставляло желать лучшего. Несмотря на первобытную медицину лечивших меня «хирургов», все шло так хорошо, точно я попал в руки патентованных врачей. У трапперов большой опыт в уходе за такими ранеными. Особенно отличался старый Рубби, для которого прерия была огромной аптекой, поставлявшей лечебные травы. Он врачевал меня примочками из вареного сока так называемой питты, разновидности агавы, встречающейся не только в прериях, но и по каменистым нагорьям; из волокон питты вьют веревки и сучат нитки, напоминающие хлопковые, а стебель употребляется в пищу.

На положении выздоравливающего я совершал уже небольшие прогулки вокруг бивуака.

Гаррей между тем заботился о нашем пропитании. Его карабин творил чудеса: к столу у нас ежедневно была превосходная дичь — легкая пища, вполне пригодная для больного.

Через три дня я настолько окреп, что мог сесть на коня. Прихватив с собой великолепного пленника — дикого жеребца белой масти, с черными ушами, — мы с Рубби и Гарреем двинулись в путь. Дикая лошадь была все так же норовиста, но мы приняли меры, чтобы она не отбивалась. Трапперы ее конвоировали с боков, опутав лассо и привязав к своим седлам.

Пренебрегая старыми следами, спутники мои выбрали кратчайший путь к воде, что бесконечно важно для путешественника в прериях. Мы держали на запад. Таким образом, двигаясь по прямой, мы не могли не столкнуться с течением Рио-Гранде несколько севернее поселка.

Над прерией нависло свинцовое серое небо. Нельзя было определить направления — ни днем, по солнцу, ни ночью, по звездам, и нам грозила опасность сбиться с прямого пути. Но спутники мои вышли с честью из этого затруднения, придумав весьма своеобразный «компас».

Покидая стоянку, они водрузили в землю большую жердь, прикрепив к ней кусок медвежьей шкуры. мех на зеленом фоне прерии бросался в глаза на расстоянии мили. Чтобы наметить направление, мы соорудили в нескольких сотнях шагов от первой вехи вторую, с таким же точно меховым штандартом.

Затем мы спокойно тронулись в путь, то и дело оборачиваясь и выверяя свое движение по сигнальным шестам.

Покуда жерди были у нас в виду, мы спокойно ехали вперед, следя за тем, чтобы наш путь составлял продолжение отрезка прямой, соединявшей вехи. Это было весьма остроумно придумано; но я уже не впервые сталкивался с изобретательностью моих друзей-трапперов, а потому не слишком удивился.

Прежде чем меховые значки скрылись в зеленом просторе, мы водрузили, с тем же расчетом, две новые жерди, и эти новые вехи обеспечили нам правильный маршрут еще на одну милю. Шесть раз повторили мы этот маневр и проехали целых шесть миль, то есть большую часть равнины.

Впереди чернела лесистая полоса. До нее было миль пять. К ней мы напра-

вились.

Лесистой равнины достигли к полудню. Это не был лес в точном смысле слова: группы деревьев, разбросанные островками, отделялись друг от друга большими лужайками.

Местность располагала к отдыху. Утомленный продолжительной скачкой, я мечтал о бивуаке в тени, но воды вокруг не оказалось, а без воды остановка не имела смысла.

Немного дальше нам встретился один из незначительных притоков Рио-Гранде.

Расчеты спутников оправдались, настроение наше поднялось, и мы продолжали путь, отказавшись от отдыха.

Сделав еще одну милю лесистой прерией, мы выбрались на открытое место. Эта луговина имела три мили в диаметре и резко отличалась от той, которую мы покинули утром. Охотники и ботаники называют такие прерии саваннами.

Перед нами была одна из таких прерий, но цветение закончилось. Чашечки раскрытых цветов увяли и осыпались, не порадовав человеческого глаза. Почерневшие, спаленные солнцем стебли...

Мы не стали пересекать эту прерию, но объехали ее и вскоре очутились на берегу большого ручья.

Весь переход был, в сущности, невелик, но спутники, считаясь с моими неокрепшими силами и опасаясь возврата лихорадки, предложили сделать привал. Хотя я чувствовал себя неплохо, но возражать не стал. Лошадей расседлали и привязали на берегу речонки.

В зеленой лощине, по которой бежал ручей, мы вбили кольшки для привязи коней, а для ночлега избрали более удобное место на возвышенности. Здесь мы расположились под сенью большого дерева, на границе высокотравной прерии. К месту ночлега перенесли седла, плащи и сбрую и натаскали хворосту для костра.

Напились из ручья и свели на водопой коней. Хотя мы сильно проголодались, но ужин из копченой медвежатины нам не улыбался. К счастью, ручей изобиловал рыбой. В дорожном мешке у Гаррея были крючки и складная удочка, и он предложил нам поудить.

Мы уселись на берегу и стали ждать поклевки. Рубби скучал. Равнодушно следил он за поплавком, но по всему было видно, что ужение его не интересует.

— К черту рыбу! — вскричал он наконец. — Свежую оленину я предпочитаю всем рыбам Техаса. Попробую подстрелить для вас дичь.

С этими словами старый траппер вскинул на плечи карабин и своим журавлиным шагом направился вверх по ручью.

Нам не везло.

Рыба не клевала.

Послышались выстрелы: Рубби охотился в прерии, в полумиле от нашей стоянки. Голова его то появлялась, то исчезала в высокой траве; очевидно, он нагибался к убитой дичи, снимал с нее шкуру или разрезал мясо. Мы еще не знали, чем нас порадует Рубби: его заслоняли травы.

— Должно быть, олень, — заметил Гаррей. — Бизоны с некоторых пор ушли отсюда к югу. Правда, я убивал их на Рио-Гранде, но ближе к воде.

Не дойдя шагов двухсот до Рубби, мы вернулись к ручью удить. Нам и в голову не приходило, что Рубби нуждается в помощи. Если бы он испытывал затруднение, то подозвал бы товарищей. Подождем. Он должен вернуться с трофеем.

Мелководный ручей кишел серебрянками, и мы были взволнованы этим открытием. Страстно хотелось выудить несколько серебрянок на ужин: мы знали, что у них удивительно нежный вкус.

Вместо приманок мы насадили на крючки по кусочку золотых галунов от моего мундира, и нам удалось выловить несколько речных красавиц. Мы развеселились, как дети. Вдруг со стороны прерии послышалось какое-то странное потрескивание. Мы невольно оглянулись.

Страшная картина представилась нашим взорам. Лошади становились на дыбы и шарахались на привязи с пронзительным ржанием. Особенно дико ржала старая кобыла Рубби. Причина испуга лошадей была ясна: искру от нашего костра занесло ветром в иссохшие травы прерии!

Высокие травы пылали.

Пожар в прериях — жуткое зрелище, но мы боялись не за себя. Холмик, на котором мы расположились, был почти обнажен, и вряд ли пламя могло найти на нем пищу. Если, против ожидания, огонь поползет на холм, мы всегда сумеем спастись.

Пожары в прериях не слишком опасны, когда травы редки и не высоки. В таких случаях можно прорваться через линию огня, рискуя лишь подпалить себе волосы и наглотаться дыму. Другое дело — на равнине с пышным растительным покровом. Итак, за себя мы не боялись, но судьба Рубби внушала нам самые серьезные опасения.

Когда мы бросились на выстрел, Рубби стоял в полумиле, среди саванны. Читатель помнит, что на охоту он отправился пешком. Он не так глуп, чтобы искать спасения в другом конце прерии, имевшей три мили в ширину. Пламя могло настичь даже всадника: не только пешеходу, но и лошади трудно пробиться сквозь чащу высоких стеблей, окутанных вьюнками и ползучими растениями с цепкими корнями.

Вернувшись кратчайшей дорогой к нам, Рубби мог еще спастись, если огонь не отрежет ему пути. Все зависело от того, когда спохватился наш товарищ: горе ему, если, увлекшись свеживанием дичи, он не заметил, как разбушевался пожар!

Стебли, как и следовало ожидать, были отличным горючим материалом. Пламя, подгоняемое ветром, вырывалось из зарослей багровыми длинными языками: пожар вылизывал прерию. Багровые змейки обвились вокруг стеблей и пожирали их.

Предчувствуя ужасное, мы с Билли побежали к Рубби.

С перевала, в двухстах приблизительно метрах от стоянки, мы увидели, что пожар прошел довольно большое расстояние и подбирается к холму.

Не успели мы окинуть взглядом прерию, как скатерть огня с шипением и треском подползла нам под ноги, и багровая завеса пожара скрыла от нас даль.

Но и беглый взгляд сказал нам достаточно: мы поняли, что старому трапперу грозит верная смерть.

Рубби стоял еще там, где мы незадолго его видели, и даже не пытался бе-

жать. Беднягу сковала растерянность: он не знал, что хуже: дожидаться гибели на месте или бежать ей навстречу?

Страшно было глядеть на старика в кольце пламени. Что проносилось в его мозгу? Вспоминал ли он свои жестокие подвиги или близких людей, который давно растерял? Еще минута — и багровая волна скроет от нас Рубби: он стоял по самые плечи в травах. Ни крика, ни движения. Только безумное отчаяние во взгляде.

Старый траппер погибнет...

Глава XXVII РУББИ

Мы с Гарреем оцепенели, не зная, что сказать друг другу. Каждый слышал, как колотится сердце товарища. Я был подавлен, спутник мой страдал не меньше моего. Взор Гаррея со стеклянной неподвижностью устремился в одну точку, как будто хотел проникнуть через завесу огня, неуклонно приближавшегося к роковому месту. Никогда не забуду выражения лица Гаррея. Скупая слезинка ползла по загорелой щеке. Закаленный, презиравший чувствительность траппер не умел плакать, но дышал тяжело. Гаррей не сводил испуганного взгляда с места предполагаемой гибели Рубби. Он прислушивался к треску и шипению пламени, ожидая, не долетит ли предсмертный крик старого Друга.

Не долго мучила нас неизвестность. Мы так и не услышали вопля, извещавшего о трагическом конце Рубби. Голос старого траппера был заглушен свистом пожара и сухим щелканьем загоравшихся полых стеблей, напоминавшим треск ружейной перестрелки. Но и без этого душераздирающего крика мы поняли, что развязка драмы наступила: старый траппер сгорел живьем!

Пламя уже захлестнуло место, где мы в последний раз видели Рубби, и ушло далеко вперед, оставляя позади обугленную, почерневшую землю. Рубби сгорел; нам остается искать его скелет в горячей дымящейся золе.

Гаррей с первой минуты считал гибель Рубби неминуемой. На него нашел столбняк.

Когда погиб друг, лицо Гаррея сморщилось, руки беспомощно повисли, и слезы, на этот раз обильные, покатались по загорелым щекам. Он опустил голову и глухо воскликнул:

— Кончено! Старого Рубби нет уже больше в живых!

Горе мое, не столь острое, как у моего товарища, было все же велико. Зная давно старика траппера, я делил с ним опасности, а это сближает вернее, чем все красивые фразы и сердечные излияния. Сколько раз наблюдал я Рубби в тяжелых переделках и всегда убеждался, что, несмотря на свой необузданный характер, этот чудак, порвавший с жизнью цивилизованного общества и поставивший себя вне закона, добр и наивен, как малое дитя. Рубби всегда тянуло к темной и буйной компании. Он вел странные, опасные знакомства, книг не читал, ничьих поучений не слушал и жил первобытным умом и инстинктом. Только теперь я почувствовал, как дорог мне этот несуразный человек. Таких чудачков нельзя не любить, им многое прощаешь.

Но Гаррея с Рубби соединяли еще более крепкие узы. Неразлучные давнишние спутники, они вместе боролись с врагами и стихиями. Их связывала общ-

ность мыслей и привычек, и, несмотря на разницу в возрасте и расхождении во вкусах, трапперы были дружны, как братья.

Не удивительно, что молодой траппер с такой тоской глядел на роковую дымящуюся прерию.

Что мог я ему сказать? Всякие утешения прозвучали бы фальшиво. Сам я глубоко страдал и только сочувственным молчанием поддержал Гаррея.

Выждав немного, Гаррей с дрожью в голосе произнес:

— Пойдемте, капитан! Нам не пристало плакать, как старым индианкам!

Смахнув широкой ладонью слезы, Гаррей отвернулся и покраснел.

— Кончено! — продолжал он. — Разыщем кости друга и предадим их земле... Идемте, капитан!

Мы сели на коней и поехали по выгоревшей прерии. Бедные лошади, наступая на тлеющие головни, болезненно вздрагивали. Копыта их ворошили пепел, под которым тлел еще огонь.

Дым разъедал нам глаза, но мы упорно пробирались к месту исчезновения Рубби.

Вот оно! Издали мы заметили какую-то черную, обугленную массу. Подъехали ближе: предмет был крупнее человеческого трупа. Мы остановились в двух шагах перед тушей буйвола, подстреленного траппером. Буйвол лежал, припав на передние ноги и вздыбив хребет.

Злополучный охотник почти закончил свежевание туши. Надрезанная вдоль спинного хребта шкура была содрана с боков; обнаженное мясо на спине буйвола обуглилось, а половинки шкуры свисали до земли, закрывая брюхо.

Вокруг — ничего, похожего на останки Рубби. Когда дым немного рассеялся, мы внимательно осмотрели поверхность прерии.

Какой-то бугорок рядом с тушей привлек было наше внимание, но, нагнувшись с седла, мы обнаружили обгорелый желудок и кишки буйвола...

Линия огня удалялась. Пожар свирепствовал в глубине прерии.

Рубби не мог выскочить из огненного кольца, да ведь он и не пытался бежать: мы это сами видели.

В лучшем случае бедняга пробежал сотню шагов и задохнулся, настигнутый огненным валом.

Костяк Рубби, прокаленный высокой температурой степного пожара, должно быть, обызвествился и рассыпался в порошок. Оставалось этому верить: ничего другого мы придумать не могли.

Мы покачивались в седлах, и на душе у нас было смутно и странно. Дым поредел, и можно было свободно разглядеть прерию.

Этот вид мексиканских степей свободен от дернового покрова; длинные сухие стебли воспламеняются и без остатка перегорают, подобно льну. Таким образом, на пожарище нечему больше дымиться; все вспыхивает разом и так же быстро успокаивается. Кругом было мертвое сожженное поле... Ничего, похожего на обугленное тело Рубби...

— Наш бедный Рубби, — вздохнул Гаррей, — смешался с пеплом проклятых трав. От него не осталось и щепотки, чтобы набить трубку.

— Врете вы! — раздался голос, заставивший вздрогнуть лошадей. — Врете вы, олухи! — повторил тот же голос, исходящий как будто из-под земли. — От старого Рубби осталось еще достаточно, чтобы наполнить утробу этого буй-

вола. Мне тесно в буйволовом чреве. Уф-ф! Уф-ф! Задыхаюсь! Дай руку, Билли. Помоги мне выбраться из этой библейской могилы.

К несказанному нашему удивлению, буйволиная шкура, свисавшая тяжелым пологом, зашевелилась, приподнятая невидимой рукой, и мы увидели физиономию, которую немислимо спутать с другой.

Внезапное появление Рубби было так нелепо и трагедия так бурно разрешилась фарсом, что мы с Гарреем расхохотались, как безумные.

Молодой траппер чуть не свалился с седла. Наши лошади, ошеломленные его шумной веселостью и дикими восклицаниями, били копытами землю и фыркали, точно перед нападением краснокожих.

Вначале Рубби отвечал нам тонкой понимающей улыбкой, но, раздраженный смешливостью Гаррея, прикусил губу. Видя, что припадок веселья затягивается, Рубби крикнул:

— Нечего ржать по-пустому! Протяни мне руку, дружище Билли, и помоги отсюда выбраться, или я свернусь, как улитка. Проклятый мешок ссохся и сузился от жара. Да поторопитесь, вы, растяпы! Я тут поджарился, как в духовке!

Гаррей мгновенно спешился и, схватив приятеля за руки, вытянул его из страшного убежища.

Старый траппер, покрасневшийся, дымящийся, как жаркое, весь перемазанный жиром, был так отчаянно смешон, что мною и Билли овладел новый приступ веселья, продолжавшийся несколько минут.

Освобожденный Рубби не обращал уже никакого внимания на бессмысленный и обидный смех друзей, но сразу повел себя деловито. Подобрал с земли карабин, спрятанный под импровизированной палаткой из буйволиной кожи, Рубби внимательно его осмотрел и, убедившись, что драгоценное ружье в полном порядке, бережно положил его на рога буйволу. Затем, вытащив из-за пояса нож, он, как ни в чем не бывало, принялся за свежевание туши.

Когда улеглось наше стихийное веселье, нам захотелось узнать подробности приключения Рубби. Но первое время Рубби был глух к нашему законному любопытству, притворяясь обиженным на непочтительных друзей.

Гаррей догадался, что Рубби вымогает у нас водку. Угостив приятеля из фляги, на дне которой оставался еще добрый глоток жгучего агвардиенте, Гаррей смягчил старика траппера. Немного поломавшись, Рубби снизошел к нашим мольбам и рассказал свою причудливую историю.

— Давным-давно, — начал он, — когда вы еще бегали под столом, не помышляя о борьбе с гризли и краснокожими, лет сорок назад, я, как сегодня, чуть не изжарился в прерии. Не удивляюсь, — кивнул в мою сторону Рубби, — что молокосос, однажды принявший траппера за медведя, считает меня дураком. С капитана спрашивать нечего: где ему было угадать, на что способен старый Рубби. Но ты, дружище Гаррей, меня, признаться, удивил. Ведь с тобой мы знакомы не со вчерашнего дня. Дело было дрянь! — продолжал Рубби, отпив глоток из фляги. — Спohватившись немного раньше, я еще мог бы сломя голову убежать, но я был занят свежеванием туши, стоял, низко нагнувшись, и только по треску загоравшихся стеблей узнал о начале пожара. Момент был упущен. Удрать из пекла не представлялось возможности. Это я понял сразу. Не стану вас уверять, что я не испугался: старый Рубби порядком струхнул. Была минута, когда я не сомневался, что отправлюсь к праотцам, но в это са-

мое мгновение взгляд мой упал на буйвола. Я, как видите, уже ободрал наполовину бедную скотину, и тут-то пришло мне в голову, что можно залезть под буйволиную шкуру и просидеть, сколько потребуется, в огнеупорной палатке. Пробую залезть — но шкура не прикрывает меня достаточно плотно! От первой идеи отказываюсь. Придумываю нечто получше: выпотрошить буйвола и улечься в его утробе, освобожденной от кишок и прочей дряни. Задумано — сделано! Вспарываю бока животному, выматываю кишки и залезаю, как в распоротый мешок, ногами вперед. Хорошо, что я поторопился: пожар в прериях шутить не любит! Смерть прошла от меня на волосок. Не успел я укрыться в «спальном мешке», как со свистом нахлынуло пламя и чуть не подпалило мне уши!

Намек на отсутствующие уши был одной из любимых шуток Рубби, и мы с Гарреем наградили его незатейливое остроумие снисходительным смехом.

Однако самодовольное квохтанье Рубби, изображавшее, надо думать, смех, настолько затянулось, что терпение наше лопнуло.

— Не томи нас, старик! — прервал его Гаррей. — Что было с тобой дальше?

— Ого-го! — отозвался старый траппер. — Пожар начисто вылизал прерию. Там, где он прошел, не осталось ни одной змеи. Это был рев, свист, шип. Стебли щелкали, как тысяча бичей. Я чуть не задохся в дыму, но успел занавеситься шкурой буйвола. Руки дрожали от слабости, когда я ее подтыкал. А потом... потом, я сидел ни жив ни мертв в нутре буйвола, покуда все не кончилось и не подоспели вы, друзья!

Рубби, как печатью, скрепил свой рассказ проклятием и вновь принялся за свежевание туши, продымленной и прожаренной на степном огне.

Мы помогли Рубби и вернулись втроем на стоянку с филейными и другими не менее аппетитными частями буйвола. На ужин у нас было разнообразное меню: жареная рыба, бифштексы, язык и мозги.

Нельзя было пожаловаться на гостеприимство прерии.

Глава XXVIII

МЕЗА

Мы позавтракали бизоньим жарким, приправой к которому послужил наш великолепный аппетит, и выпили по кружке свежей воды из ручья. Сели на лошадей и направились к возвышенности в глубине равнины.

Этот холм был для спутников моих как бы вехой на прекрасно знакомом пути. Дорога вела прямо к нему, и через десять миль тяжелое путешествие должно было кончиться.

Холм, лежавший к северо-востоку от селения, был из нее виден только в ясную погоду.

Я был поражен своеобразием возвышенности среди ровной прерии. Уже давно горел я желанием ее исследовать, но мешали обстоятельства.

По очертаниям своим гора напоминала огромный сундук, брошенный среди прерии. Склоны ее казались издали отвесными, а вершина — плоской. Темная полоса, похожая на парапет, тянулась вдоль гребня, покрытого кустарником. Ее не трудно было заметить вследствие резкого контраста с отвесными, почти белоснежными склонами.

Такие горные образования называются по-испански «меза» (столы), так как их плоские вершины похожи на доску стола.

По мере приближения к своеобразному холму любопытство мое возрастало. Мне уже приходилось видеть подобные возвышенности по течению Миссури и в стране навахов, к западу от Скалистых гор; плоскогорье Льяно-Эстакадо также напоминает огромный стол.

Но этот холм отличался правильностью формы и гладкой, блестящей поверхностью склонов. Впечатление усиливалось тем, что он стоял одиноко, вокруг него не было ни одной вершины. Едва маячили вдали горы, окаймляющие Рио-Гранде.

Мы подъехали ближе. Вид мезы изменился: она потеряла свою геометрическую строгость. Неглубокие борозды покрыли склоны. Ребра были зазубрены.

Природа не заботится о правильности линий в явлениях большого масштаба, только ничтожные маленькие кристаллы совершенны по форме.

Холм вблизи сильно проигрывал, но все же был очень живописен. Какая недоступная вершина! Круча! Отвесная стена в пятьдесят метров. По словам моих спутников, превосходно знавших местность, никто до сих пор на нее не взбирался.

До подошвы горы оставалось не больше одной мили.

Вершину холма одевала пышная разнообразная растительность. Но спутники не проявили никакого внимания к окружающему.

Они оживленно болтали. Беседа их не имела никакого отношения к тому, что меня занимало. И я не вмешивался в их разговор.

Громкий возглас Гаррея вывел меня из созерцательного состояния. Нас ожидало новое приключение.

— Черт возьми, индейцы!

В том направлении, куда смотрел Гаррей, появился отряд всадников. Они только что показались из-за холма и мчались по равнине.

Мои спутники остановили коней. Я последовал их примеру.

Мы замерли в ожидании. Насчитали двенадцать человек, мчавшихся прямо на нас.

На расстоянии целой мили трудно было сказать, белые это или краснокожие: одежда у тех и других почти одинакова, а лица покрыты слоем пыли и загаром. Гаррей крикнул: «Индейцы!» — но это было лишь предположением. И мы замерли в нерешительности.

— Если это краснокожие, — промолвил Гаррей, — то несомненно команчи...

— А если команчи, — прибавил Рубби зловещим тоном, — то будет схватка. Команчи вступили на тропу войны и нападут на нас.

— Ладно... Прежде всего проверим оружие...

Последовали совету Рубби. Каждый из нас превосходно знал, что, если всадники окажутся команчами, сражения не миновать.

Воинственное племя команчей населяло всю западную область Техаса и кочевало от Рио-Гранде на юге до Арканзаса на севере. Команчи считали себя повелителями всей прерии. На севере с ними соперничали апачи, наваха и другие воинственные племена.

Ежегодно в течение полувека команчи совершали набеги на северо-западные области. Возвращаясь, они гнали перед собой стада рогатого скота, табуны лошадей, мулов и толпы пленниц.

Краснокожие поддерживали мирные отношения с английскими переселенцами в Техасе, пока пионеры не повели ожесточенной борьбы с ними. Под конец отношения до того обострились, что индейцы и белые при встречах убивали друг друга.

Не так давно произошел случай, углубивший вражду двух рас.

Отряд команчей предложил свои услуги главнокомандующему американской армией.

— Позвольте нам сражаться бок о бок с вами, — сказали они. — Нам надоело враждовать с вами. Вы — настоящие воины, мы это знаем и уважаем вас... Войну мы ведем с трусами-мексиканцами, захватчиками наших земель. Мы сражаемся именем Монтесумы...

Всем и каждому вдоль всей северной границы Мексики известны эти слова. Смысл их неясен. Триста лет прошло с тех пор, как Монтесума потерял власть и жизнь.

Американский генерал отказался от союза с команчами. В результате вспыхнула война. Мы принимали в ней участие.

Итак, если скачущие всадники — команчи, предстоит бой.

Проворно спешившись и спрятавшись за лошадьми, мы хладнокровно дожидались подозрительного отряда.

Итак, если скачущие всадники — команчи, предстоит бой.

Глава XXIX ГВЕРИЛЬЯСЫ

Приготовления наши заняли несколько секунд. Всадники были еще далеко. Они двигались по два в ряд. Нас удивила эта тактика, не похожая на индейскую.

Всадники не краснокожие! Мелькнула мысль, что это соотечественники, отправившиеся на мои розыски. Так ездят обычно наши кавалеристы. Однако надежда погасла при виде длинных копий: в американской армии их нет. Это не мог быть отряд регулярных войск.

— Пусть меня повесят, — воскликнул Рубби, внимательно разглядывая всадников, — если это индейцы. Разве что они обзавелись бородами и сомбреро. Узнаю мексиканских прохвостов. Вернее всего.

И в самом деле всадники оказались мексиканцами.

Нечему было радоваться: положение нисколько не улучшилось.

Война с ними велась уже несколько месяцев с невероятным напряжением. Нейтральная зона стала и театром военных действий.

Мы встретились с отрядом мексиканских разведчиков, или гверильясов.

Партизанская война (гверилья) ведется в нейтральной зоне. Мы находимся далеко от расположения армий и района военных действий. Как же попали в эту пустынную равнину всадники, вооруженные копьями? Здесь не могли найти добычи ни гверильясы, ни грабители. Не с кем сражаться, некого обирать. Мой отряд стоял в самом отдаленном от штаба пункте. Селение в десяти милях отсюда. В окрестностях мезы мы рассчитывали встретить разве что отряд команчей. Слишком хорошо зная мексиканцев, были вполне уверены, что они здесь не бродят, опасаясь встречи с индейцами.

Всадники между тем двигались развернутой цепью, уже на полпути между нами и мезой.

На расстоянии мили от нас они свернули под прямым углом к востоку, намереваясь, по-видимому, напасть на нас с тыла.

Теперь мы могли разглядеть их в профиль. Силуэты всадников четко вырисовывались на горизонте.

Почти на всех были сомбреро с широкими полями, куртки, пояса и панталоны. Вооружены они были копьями, лассо и карабинами, а также пистолетами и мачете — наиболее распространенным среди мексиканцев оружием. По одежде и общему виду они не могли быть регулярными солдатами, копья держали как попало: одни — на весу, другие — примкнув к стремянам согласно кавалерийскому уставу, некоторые — закинув на плечо, как ружья. То были гверильясы!

Описав полукруг, они внезапно обернулись и остановились.

Мы растерялись, не понимая цели их маневра. Они ведь не собирались отрезать нам отступление: лес остался далеко позади, а будь он ближе, мы все равно не успели бы в нем укрыться.

Врагам на отличных лошадях ничего не стоило настигнуть старую клячу Рубби. Вот почему мы отказались от всякой попытки к бегству, хотя маневр противника открывал нам путь к мезе. Какой нам смысл скакать к холму, когда на склонах его нет ни единого дерева? Отвесная каменная стена отнюдь не

служила прикрытием. Враги хорошо понимали это. Иначе они не предприняли бы обхода, открыв нам доступ к холму.

Мы не сразу проникли в уловку противника, заставившего нас повернуться. Теперь, когда всадники остановились, подъехав с запада, солнце било нам прямо в глаза.

По этому ухищрению, вполне достойному индейских воинов, мы поняли, что имеем дело не с обычным врагом. Противник получил решительное преимущество: вечернее солнце нас ослепляло, мешая прицелу.

Спутники пришли в ярость от хитрой штуки, которую с нами сыграли. Впрочем, мы все равно были бессильны.

Времени на размышление не оставалось. Всадники готовились стрелять.

Один из них, видимо предводитель, сидевший на статном коне, обратился к отряду с какой-то речью. Он объезжал фронт, громко крича и отчаянно жестикулируя.

Ему отвечали возгласами «виват». С минуты на минуту мы ожидали атаки.

Что делать? Принять бой или сдаться? Хотя мундир мой был весь в лохмотьях, но неприятель мог еще во мне узнать офицера американской армии. Если я попаду в плен, меня немедленно повесят или, за неимением подходящего дерева, расстреляют. Та же участь ожидала моих товарищей.

— Нет! — решительно воскликнул Рубби. — Не сдадимся! Нас возьмут только мертвыми. Силы чертовски неравны: дюжина против троих... — прибавил он, разглядывая всадников. — Шансов на успех маловато, но мне приходилось спасать свою шкуру от худших головорезов. Да и тебе тоже, Билли. Не правда ли, малыш? Нас немного, но пусть они попробуют подойти!

— Да, — хладнокровно подтвердил Гаррей. — Пусть только сунутся к нам. Мы с ними поговорим по-хорошему. Я уж наметил лошадь, с которой скину всадника.

И Гаррей указал на группу мелких деревьев между нами и неприятелем.

Я собрал все свое мужество, слушая беззаботную болтовню старого траппера. Меня восхищала выдержка его молодого спутника, но трудно было заглушить чувство страха. Слишком неравны силы.

К счастью, у меня имелся некоторый опыт в стычках с подавляющим численностью врагом.

Наше положение не безнадежно. Мы сумеем дать отпор, если не погибнем при первом натиске. Я был уверен в меткости своего ружья. Товарищи тоже стреляли без промаха. Мы сразу выбьем из строя троих. Останется девять. Разрядив ружья, они подойдут ближе, стреляя из пистолетов. Мы трое примем бой в упор. В кобуре у меня — шестизарядный револьвер, у Гаррея — такой же, подаренный ему мною много лет назад. Наконец, Рубби вооружен парой тяжелых метких пистолетов.

— Семнадцать зарядов и, кроме того, охотничьи ножи! — торжествующе воскликнул Гаррей, когда мы закончили осмотр оружия.

Враги не двигались с места. Несмотря на возгласы «виват!» и громкие вопли, они не решались открыть огонь. Командир с адъютантом все еще скакали вдоль фронта гверильясов, увещевая их и раззадоривая.

Чтобы отбить с трех сторон возможное нападение, мы укрылись за лошадьми; их было четыре, включая мустанга. Гаррей, ездивший верхом, как настоящий команч, укротил белого жеребца на последней стоянке. Теперь он

повиновался, как ягненок, каждому движению лассо.

Лошади были связаны — голова к голове и круп к крупу. Каждая представляла одну из сторон каре.

Залп неприятеля не мог его опрокинуть: только развязав или перерезав поводья и лассо, можно было разрушить живой бруствер.

Мы спрятались за лошадьми, лицом к врагу. С этой стороны прикрытием служила высокая кобыла Гаррея, и неприятель видел только головы наши и ноги.

Готово! Пусть нападают!

Глава XXX ПЕРЕГОВОРЫ

Новые «виват!» возвестили о том, что предводитель кончил речь, и сейчас начнется атака. Командир выехал в сопровождении трех солдат, очевидно, с намерением завязать перестрелку.

— Теперь внимание, дети! — прошептал Рубби. — Не тратьте зря ни одной пули. Свинец сейчас дороже золота. Клянусь жизнью, они на нас обрушатся! Подпустим их ближе, и кое-кто из банды ляжет на месте. Чертово солнце! Ты, Билли, — обратился он к Гаррею, — стреляй, если хочешь первым. Ружье у тебя дальнобойное! Сними-ка молодца с пегой лошади. Я займусь номером вторым — на сером мустанге, а вы, малыш, — это относилось ко мне, — сведите счеты с чернявым парнем на гнедом коне. Я знаю, что вы не трус. Цельтесь внимательно и спокойно. Поняли?

— Постараюсь, — ответил я.

В то же мгновение раздалась команда: «Вперед!», и одновременно с сигналом трубы мы услышали клич: «Бог и Гваделупа!»

Отряд развернутой цепью мчался прямо на нас.

Но противники не проехали и двадцати шагов, как линия их фронта сбилась: более дерзкие всадники бросились вперед на горячих конях.

— Целься в трех передовых! — крикнул Рубби. — Бей по передним, пока они не повернули. Ну, дети, слушайте команду...

Но вместо того, чтобы скомандовать, Рубби протяжно свистнул.

Гверильясы приблизились на триста шагов; их галоп постепенно замедлялся. Скачка с отпущенными поводьями перешла в умеренную рысь перед сверкнувшими дулами наших карабинов.

Гаррей решил ждать, пока передовой всадник достигнет зарослей, отстоявших от нас на расстоянии меткого выстрела. Еще секунда — и выстрел бы грянул. Но всадник чутьем отгадал опасность. Возле рожицы он остановился.

Остальные последовали его примеру. Весь отряд застыл в трехстах шагах перед дулами наших ружей.

— Трусы! — воскликнул Рубби, презрительно расхохотавшись. — Эй, вы, вперед! — обратился он к врагам. — Какого черта вы ждете?

Неизвестно, был ли услышан насмешливый окрик Рубби, но со стороны гверильясов донеслось:

— Мы — друзья.

— Друзья? Чтоб вас чума забрала! — воскликнул траппер, немного понимавший по-испански. — Хорошенькие друзья, черт возьми! Нашли подходя-

щий момент, чтобы издеваться над нами.

Он не опускал карабина. Всадники зашевелились.

— Рассыпья! Ближко не подступай! 1 ысяча проклятий! Первого, кто подьедет на выстрел, я сниму с седла! Подозрительные друзья...

Командир о чем-то совещался со своим адъютантом. Так, по крайней мере, казалось нам издали. Они обсуждали новую тактику.

Прошла еще минута, командир обратился к нам по-испански.

— Мы — друзья, — сказал он, — и не хотим вам зла. Я прикажу своим людям отойти назад. Пусть мой помощник встретится поодаль с кем-нибудь из вас. Вы, конечно, не возражаете?

— К чему это? — спросил Гаррей, бегло говоривший по-испански. — Чего вы хотите?

— Вы нужны мне по делу, — ответил мексиканец, — и притом лично вы. Нам необходимо кой о чем переговорить с глазу на глаз.

С этими словами он повернулся и выразительно кивнул своим спутникам. Неожиданное предложение нас глубоко изумило.

Гаррей никогда не упоминал о знакомстве с этим доблестным всадником. И сейчас клялся, что видит его впервые. Впрочем, Гаррей мог ошибаться. Солнце било ему прямо в глаза. Лицо испанца было скрыто широкими полями сомбреро. Может, Гаррей с ним и встречался, но позабыл.

После короткого совещания мы решили, чтобы Гаррей принял предложение. Большой беды от этого случиться не могло. Гаррей успеет вернуться прежде, чем на него нападут. Мы с Рубби держали карабины наготове. Может быть, мексиканцы замышляют предательство, но трудно понять, в чем оно заключается.

Итак, мы согласились вступить в переговоры и выработали условия с обычными предосторожностями.

За исключением командира и адъютанта, всадники должны были отъехать на полмили. Командир останется на месте. Билли с адъютантом должны встретиться на полпути между командиром и нами, спешившись и без оружия.

По приказанию командира гверильясы отъехали. Адъютант соскочил с лошади, вонзил копьё в землю, отстегнул саблю, снял с себя пистолеты и пояс, сложил все это около копьё и направился к месту переговоров.

Билли, передав нам свое оружие, пошел навстречу мексиканцу.

Переговоры длились недолго. Мексиканец говорил вполголоса. То и дело он указывал в нашу сторону пальцем, как будто речь шла о нас. Внезапно Гаррей оборвал парламентаря и, обращаясь к нам, крикнул по-английски:

— Догадайся, Рубби, чего от нас требует этот мерзавец?

— Откуда мне знать, чего ему надобно? — ответил Рубби.

— Так знай же, — голос Гаррея осекся от негодования, — он требует выдачи капитана рейнджеров! Что за комедия!

Молодой траппер презрительно пожал плечами.

Покуда Билли смеялся в лицо парламентаря, Рубби задумчиво посвистывал.

— Так вот оно что! — бормотал он. — Понимаю теперь, откуда дует ветер. Что же ты ответил, Билли, чернявому парню? — крикнул он наконец в рупор ладоней.

— Ничего еще не ответил, — отозвался наш посланец, — вот, гляди, мой ответ!

Гаррей размахнулся, и кулак его, как молот на наковальню, обрушился на лицо мексиканца, тяжело рухнувшего на землю.

Глава XXXI РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Неожиданный срыв переговоров вызвал бурю негодования у мексиканцев. Они помчались к начальнику, не ожидая команды.

С почтительного расстояния они открыли огонь из карабинов и пистолетов. Пули бороздили землю, не долетая. Две-три дали перелет, не причинив нам вреда.

Адъютант, оглушенный ударом Гаррея, с трудом поднялся на ноги. Он чувствовал себя опозоренным. Душивший его гнев был сильнее благоразумия: вместо того чтобы опрометью броситься к товарищам, он повернулся к нам, грозя кулаками.

Из всего потока ругани мы слышали только заключительное проклятие, процеженное сквозь зубы.

Оно сорвалось у мексиканца вместе с последним вздохом. Смерть наступила мгновенно.

Почти одновременно со злобным «карамба!» рядом со мной прогремел выстрел. Легкое облачко поднялось над землей.

Мексиканец схватился за простреленную грудь и упал ничком.

Убит наповал!

— Больше ты от меня ничего не потребуешь, мерзавец! Ты получил по заслугам! — раздался голос за моим плечом.

Нужно ли добавлять, что это был Рубби. Карабин еще дымился: он снова его заряжал.

— Вот с кого мы начали счет убитых врагов! Еще одна зарубка на ложе моего карабина. Замечательное ружье! Уф! Далекая мишень для такой развалины. К тому же солнце било мне прямо в глаза. Чернявый мексиканец меня взбесил, иначе я не рискнул бы. Следите за лошадьми, дети! — Голос Рубби прозвучал серьезно. — Не стреляйте, пока я не заряджу карабина. Ради спасения вашей жизни, не стреляйте!

— Превосходно, Рубби! — успокоил его Гаррей и, подлезая под брюхо лошади, занял свое прежнее место, сжимая карабин. — Превосходно, старик! Не бойся, мы подождем. Делай свое дело.

Нас немного удивило, что Рубби не успел зарядить ружья: времени у него было достаточно. Дула трех карабинов снова легли на круп лошади Гаррея.

Кони стояли спокойно. Трое давно привыкли к таким переделкам, а четвертый, Белый мустанг, был крепко привязан.

Нас приятно удивило, что враг дал нам возможность занять прежнее выгодное положение. По нашим ожиданиям, гверильясы должны были немедленно перейти в наступление.

Гибель товарища, думалось нам, вдохнет в них мужество, но мы ошиблись.

Они ограничились воплями ярости, угрожающими жестами и проклятиями.

Мексиканцы беспорядочно толпились вокруг командира. Одни от него требовали, чтобы он вел их в бой, другие самовольно выезжали вперед, стреляя и размахивая копьями. Однако враги не переступали черты, за которой их удерживали наши карабины. Подавленные концом товарища, они отказались от прямого нападения.

Почти посредине между нами лежало распостертое тело убитого. Его одежда выделялась на зелени причудливым ярким пятном.

Смерть адъютанта значительно ослабила гверильясов.

Они потеряли в нем не только одного из командиров, но также лучшего солдата.

Никто из мексиканцев не решался подойти к убитому. Револьверы, которыми мы были вооружены, внушали им большое почтение. Это грозное оружие стало известным только недавно. Но они уже успели познакомиться с ним.

Три века назад предки мексиканцев на берегах Рио-Гранде бросились бы, не колеблясь, на обидчиков!

О, Фернандо Кортес и все вы, древние конкистадоры! Встаньте из гроба и взгляните на своих вырождающихся потомков!

Однако не все гверильясы оказались трусами: среди них были храбрецы, рвавшиеся в бой. К счастью, они между собой не стоворились: им недоставало вождя. Уцелевший командир был скорее рассудителен, чем отважен.

Мы следили внимательно за каждым движением противников, прислушиваясь к долетавшим возгласам и сохраняя величайшее хладнокровие. Хотя вопрос шел о жизни и смерти, товарищи были спокойны, как будто высматривали стадо бизонов. Лица их ничего не выражали, кроме увлечения борьбой. Гверильясы переговаривались вполголоса, кратко отмечая малейшую перемену у нас. По этому я заключил, как серьезно они считаются с опасностью.

Лично я не вполне сохранил присутствие духа, но, подражая врагам, даже в эту роковую минуту старался хладнокровно наблюдать за происходящим. Обладая таким быстроногим скакуном, как верный Моро, я мог не опасаться за свою жизнь.

Но гнусная мысль о бегстве не приходила мне в голову. Лучше умереть, чем изменить храбрым товарищам. Им я обязан был жизнью. Из-за меня они сейчас подвергаются смертельной опасности. Я твердо решил остаться с ними до конца и продать свою жизнь как можно дороже. О бегстве я успею подумать тогда, когда все до одного друга погибнут.

Почему начальник гверильясов потребовал моей выдачи? Все мы, американцы или техасцы, в равной степени для них враги, поскольку находимся на мексиканской территории, вооруженные и готовые к борьбе. Почему же они прельстились моей жизнью? Откуда известно им, что я капитан рейнджеров? Они это знали еще до встречи с нами. Они преследовали меня и с этой целью сюда явились.

Внезапная догадка блеснула в уме. Смутное подозрение перешло в уверенность. Впрочем, не будь солнца, слепившего глаза, я бы давно прозрел.

Спустив козырек кепи, я прикрыл глаза ладонями и внимательно присмотрелся к командиру отряда. Голос его, когда он говорил с Гарреем, показался мне знакомым. Я слышал его как будто впервые и все-таки узнавал. Наконец командир обернулся в мою сторону. Поля его сомбреро были опущены, но я

безошибочно узнал Рафаэля Ихурру и сразу оценил создавшееся положение. Вот почему им понадобилась жизнь капитана рейнджеров.

Как только я сделал это открытие, сердце мое забилося в тысячу раз болезненнее.

Но гверильясы пришли в движение. Час борьбы наступил...

Глава XXXII СТРЕЛЬБА НА СКАКУ

Среди врагов началось оживление, но мы уже не боялись внезапной атаки: судьба убитого охладила пыл мексиканцев. Их ярость пока что выливалась в крики.

Но, судя по маневрам всадников, они выработали новый план нападения.

— Мерзкие трусы! — ругался Рубби. — У них не хватает мужества напасть на нас открыто. Черт их побрал бы! Они готовят нам очередной сюрприз, — прибавил серьезнее старый траппер. — Что скажешь об этом, Билли?

— По-моему, — ответил Билли Гаррей, внимательно наблюдавший за движением врагов, — по-моему, ачнут круговой галоп и попробуют захватить нас врасплох по способу индейской карусели.

— Правильно! — кивнул Рубби. — Я того же мнения. Пусть меня скальпируют, если это не так! Смотрите, они уже начинают.

Часть всадников рассыпалась по прерии, другие остались на местах. И не успел Рубби договорить, как один из них пустился вскачь.

Казалось, он хочет приблизиться к нам на расстояние выстрела, но через мгновение он круто повернул коня с явным намерением нас объехать.

Когда он отделился на двадцать метров от цепи, за ним поскакал второй, затем третий, и наконец пятеро всадников помчались, объезжая нас, как по цирковой арене. Остальные шестеро не трогались с места.

Кружившиеся всадники вооружены были только карабинами. Это нас не удивило. Замысел врагов был совершенно ясен.

Положение было бы серьезнее, если бы на месте гверильясов оказались краснокожие. Карабин в таких случаях безвреднее лука, из которого можно непрерывно метать стрелы. Однако самый факт знакомства с военным приемом карусели доказывал, что нападавшие знали этот способ индейцев. Мы поняли, что для успешной защиты нам придется призвать на помощь все свое мужество и хладнокровие.

Отделившейся пятерке было приказано скакать вокруг, не приближаясь к нам, время от времени стрелять по лошадям, всячески отвлекая наше внимание.

Остальные шесть гверильясов держались за пределами досягаемости. Они должны были ударить с противоположной стороны, осыпать нас градом пуль и, действуя уже наверняка, пустить в ход лассо.

Спутники мои справедливо боялись лассо: разрядив карабины, мы окажемся совершенно беззащитными. Пистолет рейнджеров не спасет нас от ремennого аркана, которыми мексиканцы владеют, лучше, чем огнестрельным оружием.

Недолго пришлось нам размышлять и делиться своими опасениями: мексиканцы мчались мимо нас по кругу с быстротой молнии. Опытные, велико-

лепные наездники!

Наше и без того трудное положение осложнялось, но мы и не думали сдаваться. Стоя друг к другу спиной, мы наблюдали за сектором круга, приходившегося на каждого из нас.

Пятеро всадников между тем маневрировали. Они описывали широкие концентрические круги.

Приближаясь к нам на выстрел, каждый разряжал карабин, затем, вернувшись к группе неподвижных товарищей, быстро обменивал его на заряженный и опять устремлялся к нам галопом.

При первом нападении почти все пули пронеслись у нас над головой. Мы слышали их свист. Одна задела лошадь Рубби, и бедное животное начало ржать и бешено биться. Это не представляло особой беды. Могло быть и хуже. Мы с тревогой глядели на возвращающихся всадников.

Пять гверильясов, носившихся кругом, были лучшими в мире ездоками. Более умелых или даже равных им нельзя было найти ни в Аравии, ни на ипподромах Лондона или Парижа. Эти люди проводят в седле буквально всю свою жизнь! Стреляя, они свисали с седла, прячась за телом лошади, так что виднелись ботфорты и шпора над деревянной лукой и пальцы, вцепившиеся в гриву над холкой коня. На мгновение показывалась голова и тотчас же исчезала в дыму. Только ружейное дуло сверкало. Линия полета пули показывала, что враг целится поверх шеи скачущей лошади.

Трапперы были превосходными стрелками. И у меня была меткая рука. Но легче попасть в птицу на лету. Лошади мексиканцев были сравнительно доступной мишенью, но ради них не стоило тратить заряда. Трудно стоять под выстрелами, не отвечая на пули. Спутники мои скрежетали зубами от гнева.

Гверильясы сделали еще один круг. На этот раз им повезло.

Гаррей получил рану в плечо. Другая пуля задела руку старого Рубби.

— Bravo! — вскрикнул траппер, щупая рану. — Превосходно! Они недурные стрелки. Хорошо, что уши уцелели. — И безухий охотник разразился беззаботным смехом.

Однако он помрачнел, заметив кровь, струившуюся по плечу Билли.

— Тысяча молний! Ты ранен, Билли?

— Пустяки, — поспешно ответил Билл, — ничтожная царапина.

— Правда?

— Честное слово.

— Клянусь хвостом Вельзевула, — глухо проговорил Рубби, — мы долго не продержимся. Что делать? Посоветуй, Билли.

— Надо прорываться, — ответил Гаррей. — В этом единственное спасение.

— Не так-то это легко, — процедил Рубби, недоверчиво покачивая головой. — Капитан, пожалуй, вырвется на своем великолепном жеребце, но нам с тобой надеяться не на что.

— А я все же надеюсь, — нетерпеливо возразил Рубби. — Ты сядешь на Белого мустанга. Он достаточно быстроходен. Свою кобылу брось. А еще лучше, возьми мою лошадь. Я немного выжду — и за тобой. Вместе труднее спастись. Но попробуем вовлечь мексиканцев в погоню, раздробить их силы и справиться с гверильясами поодиночке. Это умнее, чем торчать здесь и ждать, чтобы на тебя набросили петлю, как на бизона в овечьем загоне. Что вы скажете на это, капитан? — обратился Рубби ко мне.

У меня мелькнул новый проект.

— Отчего не доскакать до холма? — спросил я, указывая на мезу. — Окружить нас они не могут. Под прикрытием скал и держась за лошадьми, мы отобьемся от гверильясов. Нет ничего легче, как во весь опор доскакать до мезы и...

— Он прав! Пусть меня скальпируют, если этот юноша ошибается, — прервал меня на полуслове Рубби. — Великолепная мысль.

— Нельзя терять ни одной минуты, — согласился Гаррей. — Сейчас возобновится проклятая скачка!

В это время враги дали вторично по выстрелу и ускакали к своим обменять ружья.

Не успели они вернуться в третий раз для обстрела, как мы окончательно решились на вылазку.

Благодаря нашей осторожности гверильясы ничего не заметили. Путь к мезе пока свободен. Но не пройдет и минуты, как его перережут. Надо торопиться.

— Эй, Рубби! — крикнул Гаррей. — Вперед, мои милые! Вперед!

— Побольше выдержки! — ответил Рубби, поправлявший поводья коню Гаррея. — Времени у нас хватит. Гверильясы еще не готовы. Ах ты, старуха, — обратился он к своей кляче, побудь в арьергарде: уверен, ты еще вернешься в стойло! Гверильясы тебя, во всяком случае, не съедят. Не тревожься, развалина! Ну, Билли, за мной дело не станет!

И как раз вовремя! Гверильясы горячили лошадей новым оборотом карусели.

Мы вскочили на коней и помчались по прямой линии к мезе.

Я оглянулся. Все гверильясы скачут за нами с неистовыми воплями.

Мы значительно их опередили. От неожиданности они растерялись. Конечно, мы достигнем мезы прежде, чем они нас нагонят!

Мой Моро и Белый мустанг под Гарреем шли превосходно. Отступление затрудняла лошадь Рубби. Лошадь Гаррея была очень выносливая, но неповоротливая. Она досталась старику Рубби. К счастью для нас, скачка была непродолжительной, иначе мексиканцы настигли бы нас.

Мы с Гарреем старались не опережать Рубби, все время отстававшего.

— Не бойся, старик, — ободрял его Гаррей, — мы тебя не покинем!

— Еще бы! — подтвердил я, возбужденный опасностью. — Спасемся вместе или умрем!

— Bravo, малыш! — воскликнул Рубби. — Я знал, что на другое вы не способны, хотя когда-то и приняли меня за гризли. Тогда я испортил вам охоту. Но и сейчас я вам в тягость! Мексиканцы нас настигают.

Мы мчались к мезе. Круги ее возвышались над равниной, как огромные стены. Словно ожидая, что камни внезапно расступятся и дадут нам убежище, мы скакали к центру горы.

Ветер доносил изумленные восклицания преследователей:

— Куда они мчатся?

— Уж не рассчитывают ли они подняться верхом на мезу?

— Прекрасно! Они бросаются волку в пасть!

Вслед за тем раздались радостные возгласы.

Гверильясам показалось, что мы добровольно себя губим.

Вначале они подумали, будто мы бежим, рассчитывая на быстроту коней. Но, выяснив свою ошибку, враги разразились криками ликования. Мы приближались к мезе. Преследователи рассыпались широким полукругом, чтобы охватить нас со всех сторон.

Этого надо было ждать.

Доскакав до горы, мы немедленно спешили и направили карабины на врагов. Мы стояли под надежным прикрытием между скалистой стеной и лошадьми.

Смерть грозила каждому, кто осмелится к нам подойти на выстрел.

Глава XXXIII ЛОШАДЬ РУББИ

Враги сразу оценили занятую нами позицию и остановились на полном скаку. Некоторые повернули лошадей и галопом помчались назад.

— Уф! — отдувался Рубби. — Поглядите-ка на них! Они предпочитают, чтобы между ними и дулами наших ружей оставался порядочный кусок прерии.

Позиция была действительно неуязвимой. Все трое мы стояли лицом к врагу. Тактика окружения была не страшна: нас защищала с тылу неприступная меза.

Торжествующие крики неприятеля сменились возгласами разочарования. Но почти тотчас по всей линии пронесся громовой крик.

Не сразу поняли мы, что случилось. Оказалось, что к мексиканцам со стороны селения шло подкрепление.

Из-за мезы выехало пять всадников, отставших, очевидно, от гверильи.

Мексиканцы подготовились к атаке.

Весь отряд выстроился в две цепи и развернулся перед нами широким фронтом. Трое, в том числе Ихурра, остались на прежнем месте.

Лицо одного из вновь прибывших было мне знакомо. Я встречал его в поселке. Долговязый, рыжий парень, слишком высокого для мексиканцев роста, наверное, был родом с Бискайского залива, где рыжие не редкость. Ему дали кличку ЭльЗорро — лисица, вероятно, из-за цвета его волос. Я готов был присягнуть перед алькадом, что это грабитель с большой дороги. Надо отдать справедливость Эль-Зорро: он не скрывал своей профессии. Разбойники в Мексике не таятся от земляков. В промежутках между подвигами они навещают родные селения, открыто ходят по улицам, и народ не гнушается ими.

Таков был Эль-Зорро — правая рука Ихурры.

Мы разгадали замысел врагов. Они надеются взять нас измором. Шансы на это были большие.

Рубби чувствовал себя не в своей тарелке и не одобрял уже новой позиции.

— Увязли! — угрюмо говорил он. — Как мы отсюда выберемся? Пусть меня скальпируют, Билли, если нам не следовало принять бой в прерии, пока мы не ослабели от голода. Я съел бы... Эй, вы, там, бросьте курить! — крикнул старый траппер, обращаясь к гверильясам. — Бросьте ваши сигары, черномазые черти! Завтра вы у меня покурите, не будь я Рубби Раулингс! Билли, дай-ка мне щепотку табаку: больно урчит у меня в животе от голода. Я отоцал, как моя старая кляча. Старуха, кстати легка на помине.

Последние слова Рубби произнес так энергично, что мы невольно огляну-

лись. Несмотря на глубокую нашу подавленность, мы расхохотались, как дети: какое уморительное зрелище!

Дохлая спутница Рубби была достойна своего чудака-хозяина: костлявая и длинноухая, со впалыми боками, с облезлой шерстью, кляча Рубби была прямым потомком знаменитого Россинанта. Длинные уши придавали ей сходство с мулом. Но наружность обманчива. Несмотря на свой жалкий вид, кляча была настоящим мустангом чистой андалузской крови. В отдаленном прошлом масть ее была золотистой. Почти все мексиканские лошади такой масти. С годами она вылиняла. Серые волосы преобладали на икс и на голове. Дыхание у престарелого коня было необычайно короткое. Через равномерные промежутки времени он поднимал зад, как бы собираясь кого-то лягнуть. Страшно худая и нескладная кобыла стояла, понунив голову. Но единственный ее глаз лихорадочно светился, как бы говоря, что она не намерена расставаться с жизнью.

Такова была старая кляча Рубби!

Мы покинули ее в прерии, в горячке бегства. Нам и в голову не приходило о ней тревожиться.

Но Рубби был равнодушен к судьбе своей любимицы. По его словам, он предпочел бы лишиться «лапы», чем этой верной спутницы.

Мы с Билли пришли к заключению, что лошадь Рубби или убита, или взята на лассо кем-либо из гверильясов.

Ни того, ни другого не случилось.

Бедная кляча, не пожелав расстаться с хозяином, понеслась за нами галопом. Сильно отстав, она смешалась с конями наших врагов. Гверильясы ее заметили, но пренебрегли жалкой добычей.

Одно время кляча держалась в арьергарде неприятельского отряда. Как только Рубби закричал, она прорвала цепь мексиканских всадников и устремилась к хозяину. До сих пор она еще фыркала и принюхивалась: видно, ее привело к нам чутье.

Кто-то из гверильясов прельстился старым седлом и привязанными к нему силками Рубби.

Лошадь, седло и все остальное не стоили труда закидывать лассо, и гверильяс решил перехватить поводья вражеской лошади.

Но когда мексиканец нагнулся, старая кляча дико заржала и с силой лягнула его в бок.

Всадник откинулся в седле и свалился на землю. По всем признакам, он был тяжело ушиблен.

Вслед за ржанием кобылы послышался громовой хохот ее хозяина. Рубби ликовал, и голос его отдавался в скалах. Кляча неслась к нему рысью.

— Вот ты где, старуха! — воскликнул траппер. — Ну, и угостила ты мексиканца! Привет тебе, бабушка. Хорошо сделала, что вернулась. И седло на тебе. Bravo. Не находишь ли ты, Билли, что она красавица? Я не даром ценю ее. А ну, сюда становись!

Добродушно болтая, развеселившийся траппер поставил перед собой клячу, сделав из нее прикрытые от вражеских пуль.

Но радость нашу омрачило тревожное событие.

Глава XXXIV ЭЛЬ-ЗОРРО

Причиной нашей тревоги был штуцер большого калибра в руках одного из вновь прибывших. Длинноствольный штуцер, распространенный среди охотников Южной Америки!

Ружье било вдвое или втрое дальше наших карабинов. Мы предвидели, что еще до захода солнца Эль-Зорро покончит с нашими лошадьми, а потом, быть может, одного за другим перестреляет и нас.

Оставалось еще полчаса до наступления спасительной темноты. Гверильяс уже приступил к делу. Раздался первый выстрел. Пуля ударила в утес, чуть не задев мою руку. Посыпались осколки. Расплющенный свинец упал к моим ногам.

Большое ружье мексиканца стреляло громче карабина. Рубби протяжно свистнул, что означало у него: дела плохи. Старый траппер отнесся весьма серьезно к этому штуцеру, производившему почти артиллерийский эффект. Гаррей разделял его опасения. Положение ухудшилось. Эль-Зорро имел возможность целить в любого из нас. Карабины с коротким боем не могли ответить на его огонь и принудить врага к молчанию. Надвигалась гибель. Но мексиканец для начала выстрелил, не целясь. Это была лишь отсрочка. Затем Ихурра воткнул в землю два копыя, скрестив их на такой высоте, чтобы можно было целиться, держа ружье на подставке. В лучшем тире нельзя было стрелять с большим удобством.

Зарядив снова штуцер, Эль-Зорро припал на одно колено, тщательно приладив ружье, и начал целиться.

Пусть в меня. Только бы не в Моро! Дуло штуцера направилось в мою сторону. Ихурра помог мексиканцу взять верный прицел.

Я дрожал не за себя, но за верного своего скакуна, служившего мне живым щитом.

Сердце билось в трепетном ожидании. Вспыхнул пистон, язычок пламени вырвался из дула, и меткая пуля поразила, казалось, моего коня.

Пуля ударила в деревянную луку седла, и мелкие щепки полетели мне в лицо. Но благородное животное осталось невредимым. Нечего было радоваться промаху Эль-Зорро. Предстояли еще выстрелы.

Я начал серьезно тревожиться, когда внезапный крик отвлек мое внимание от штуцера Эль-Зорро.

Рубби, стоящий справа, указывал на что-то у подошвы мезы. Издали я не мог понять, в чем дело. Минуту спустя Рубби погнал коней к мезе, знаком пригласив меня и Билли Гаррея следовать за собой.

Пройдя несколько шагов, мы сообразили, куда направляется Рубби.

Метрах в двадцати от нас у подъема мезы лежал огромный камень. Видимо, он откололся от массива скалы. За этой глыбой легко было спрятаться с лошадьми.

Мы поспешили использовать выгоды новой позиции.

В ответ на радостные наши возгласы со стороны гверильясов донеслись крики ярости и разочарования. Длинный мушкет обречен на бездействие. Ихурра со своим стрелком, словно одержимые, заметались по равнине.

Трудно было бы найти во всей прерии лучшее убежище: мы засели в настоящей маленькой крепости, в которой могли обороняться от вдвое большего числа нападающих. Врагам оставалось рассчитывать лишь на успех внезапной атаки.

Наше исчезновение ошарашило их. Издали казалось, что нас поглотила расступившаяся скала.

Ведь мы не сразу заметили ее, а противник и подавно, иначе он постарался бы отрезать путь к мезе.

Неосведомленность гверильясов была тем более загадочна, что местность эта часто посещалась команчами. Они разбивали здесь лагерь во время набегов, привлекаемые свежей водой источника. Индейцы считали мезу чудом природы.

В старое время мексиканцы наведывались в окрестности мезы, но набеги индейцев сделали эти прогулки для них небезопасными.

Гверильясы, вероятно, уже много лет не бывали в этой пустыне.

Глава XXXV ПЛАН СПАСЕНИЯ

Итак, неприятеля почти напугало наше таинственное исчезновение. Но вскоре оно для него разъяснилось. Дула карабинов, сверкнувшие из-за выступа, показали врагу, что не случилось никакого чуда. Хотя атака вряд ли предвиделась, мы заняли оборонительную позицию.

Ни одно движение врага от нас не ускользало. Первое время Эль-Зорро еще стрелял из своего огромного штуцера. Пули расплющивались о камень, не причиняя нам никакого вреда.

Наконец мексиканец прекратил пальбу и куда-то ускакал с двумя-тремя гверильясами. Очевидно, Ихурра послал его в лагерь.

Теперь все свелось к наблюдению за осаждающими, которое мы и поручили Гаррею, чтобы обсудить с Рубби план спасения.

Что делать: оставаться на месте, пока жажда не принудит нас к сдаче, или рискнуть на вылазку и прорвать неприятельский фронт?

Нет врага страшнее жажды. Голода бояться нечего: чем плоха конина? Бифштексами на худой конец мы обеспечены. Зато не было воды. Фляжки опустели уже несколько часов назад. В момент встречи с врагами мы направлялись по кратчайшему пути к источнику у мезы. Уже тогда нам хотелось пить. Теперь страдание обострилось, и мы боялись жажды больше, чем гверильясов.

Только отчаяние могло нас толкнуть на вылазку: в непрерывном возрастании численности неприятеля было нечто фатальное. В случае прорыва нас ожидает схватка со всей бандой, и мы невольно пожалели, что не приняли боя, имея перед собой всего одиннадцать человек.

Поразмыслив, мы пришли, однако, к выводу, что теперешнее положение все же выгоднее.

Если удастся прорвать цепь гверильясов, скроемся под покровом ночи, пользуясь замешательством врагов.

Все говорило за этот план. Самое дерзкое решение было — увы! — единственно разумным. Пусть кто-нибудь один и погибнет — другого выхода нет. Сдавшись, мы обречем себя на расстрел, а быть может, и на пытку.

Надежды на подмогу с каждой минутой таяли. Вначале я еще предполагал, что друзья мои, рейнджеры, отправятся на розыски. Неужто Уитлей и Холлингсворт бросят меня на произвол судьбы?

Но прошло уже слишком много времени. Обсудив кое-какие детали вылазки, мы с Рубби умолкли и задумались. Должен признаться, что мною овладели более мрачные мысли, чем перед лицом непосредственной опасности.

Узнав Ихурру в вожде гверильясов, я не сразу дал волю подозрениям. Все внимание наше было затем поглощено, и мы не углублялись в догадки.

Теперь, когда наступила передышка, тревога и горечь заклокотали в сердце.

Доводы разума не успокаивали меня.

Что, если Изолина де Варгас участвует в заговоре?

А вдруг у нее личные, не известные мне мотивы? Например, привязанность к Ихурре?

Только железный мексиканец мог подчинить ее своей воле...

Ихурра, конечно, заинтересован в моей гибели. При первой встрече я его тяжко оскорбил. Далее, он знает, что я люблю Изолину. Наконец, я для него враг, вторгшийся с завоевателями.

Мотивы достаточно веские: первые два важнее последнего. Для Рафаэля Ихурры месть и ревность важнее политики.

Постепенно я успокоился. Мысли сосредоточились на том, как был выслежен и пойман мустанг.

Великолепный конь стоял перед глазами. Тут, по крайней мере, не было подвоха. Поимка мустанга не может иметь дурных последствий.

Ихурра узнал о моем путешествии. Независимо от охоты на мустанга, вероятно, вакеро (пастухи) сообщили ему, вернувшись, о результате облавы в прериях. Он собрал всю банду и бросился за мной в погоню. Изолина и не догадывается, что он — вождь гверильясов. Я слышал о таинственных похождениях этого авантюриста, но Изолина, должно быть, не посвящена в изнанку жизни своего кузена.

Перечтя записку Изолины и взвесив каждое слово, я не нашел между строк ни намека на предательство.

Изолина верна и правдива!

Глава XXXVI

ЭЛИЯ КВАКЕНБОСС

В задумчивости я прислонился спиной к каменной глыбе, глядя на отвесную стену мезы. На поверхности ее проходила легкая борозда, превращаясь выше в глубокую щель. Очевидно, породу скалы размыли дождевые воды.

Склоны мезы были, как вы знаете, отвесны, но выбоина шла под довольно большим уклоном. Отчего не воспользоваться ею для подъема на гору?

Чем внимательнее изучал я мезу, тем крепче становилось мое убеждение, что, проявив энергию, мы достигнем горного плато. Выступы в стене служат ступенями, а кой-где из расщелины растут небольшие кедры, за которые можно уцепиться.

Далее, меня заинтересовали какие-то еще свежие следы, уводившие наверх.

Короткое исследование показало, что это отпечатки грубых сапог.

Значит, люди уже взбирались на вершину мезы.

Первым моим движением было поделиться открытием с товарищами, но я решил сначала его проверить.

Напрягши в сумерках зрение, я убедился, что следы ведут до самого плато.

Во мне пробудились какие-то смутные воспоминания. Минуту спустя они стали отчетливее.

Я знаю человека, совершившего это трудное восхождение! Странно, что я подумал о нем так поздно.

В отряде, командиром которого я имел честь состоять, было немало чудачков, но Элия Квакенбосс занимал среди них не последнее место.

Полуянки, полунемец, уроженец пенсильванских гор, Квакенбосс, будучи по профессии школьным учителем, обладал некоторыми познаниями. Между прочим, он усердно занимался ботаникой. Оставаясь, в сущности, дилетантом, он был все же недурно знаком с растительностью лесов и прерий. В этой области он проявлял великое рвение, не уступая в педантизме самому Линнею[5], — вкус тем более похвальный, что американцы редко интересуются составлением гербария. Вероятно, тут сказалась германская кровь Квакенбосса.

Не только умственный склад, но и наружность Квакенбосса отличались своеобразием. Высокий, худощавый, он немного сутулился. Вся фигура его была несуразна: одна рука длиннее другой, а ноги точно созданы по разным образцам. Получалось впечатление, что конечности Квакенбосса подобраны случайно и плохо пригнаны одна к другой. Глаза ученого рейнджера упорно косили, но это не мешало Элии Квакенбоссу попадать из карабина в гвоздь на расстоянии ста шагов. Рейнджеры считали его немного тронувшимся, главным образом из-за пристрастия к ботаническим изысканиям. Но этот «тупоголовый», как его прозвали товарищи, стрелял не хуже Вильгельма Телля. Квакенбосс неоднократно доказывал свое мужество, благодаря чему его щадили насмешники.

Я никогда не встречал такого горячего любителя ботаники. Ни усталость после военных упражнений, ни тяжкая работа не останавливали его. Улучив свободный час, он немедленно отправлялся на поиски редких растений. Экскурсии эти уводили его далеко за пределы лагерной зоны, и Квакенбоссу не

раз случалось попадать в опасные переделки.

Всего несколько дней назад он сообщал мне о какой-то редкой находке на мезе, в прерии, куда случайно забрел.

Это была наша меза. Следы принадлежали Элии Квакенбоссу!

Если этот неуклюжий человек сумел вскарабкаться так высоко, что помещает нам последовать его примеру?

Гаррей с живостью выслушал мое сообщение. Рубби самоуверенно заявил, что ноги у него еще не одеревенели, и не далее, как месяц назад, он взбирался на несравненно более крутую скалу.

Я задался вопросом, чего мы достигнем, вскарабкавшись наверх. Ведь подъем еще не спасение, поскольку нельзя было спуститься на равнину с противоположной стороны, по совершенно отвесной круче.

Будучи в полной безопасности от гверильясов, мы не достанем на гребне мезы воды.

Положение даже ухудшится.

Этого мнения держался и Гаррей.

У подошвы горы мы сохраняли, по крайней мере, лошадей; одна из них предназначалась на убой в случае голода, остальные три облегчат наше бегство. Поднявшись на плато, мы потеряем коней. С высоты пятидесяти футов можно, конечно, ружейным огнем удерживать гверильясов, не подпуская их к лошадям, но к чему это приведет? Лошади, подобно нам, обречены на гибель от голода и жажды.

Надежды погасли так же быстро, как вспыхнули.

Рубби молчал, опершись на ствол длинного карабина. Он слегка наклонился, как бы заглядывая в дуло ружья, — такова была его обычная поза, когда он решал запутанные вопросы. Мы с Билли затаили дыхание, чтобы не помешать раздумью старого траппера.

Глава XXXVII

ПЛАН РУББИ

Прошло довольно много времени. Рубби хранил задумчивую позу, не произнося ни слова. Наконец он глухо, но радостно свистнул и выпрямился.

— Ну, что же, старик? — спросил его Гаррей, поняв, что свист означает какое-то прозрение.

Рубби ответил вопросом:

— Какова длина ремня твоего лассо, Билли?

— Добрых тридцать футов, — ответил Гаррей.

— А вашего, молодой человек?

— Почти столько же; может, на фут или на два больше.

— Прекрасно! — заявил Рубби. — Ручаюсь, что мы перехитрим гверильясов!

— Bravo, старина. Ты, кажется, придумал нечто подходящее.

— Да, конечно.

— Поделись же с нами, товарищ, — попросил Гаррей, видя, что Рубби вновь погружается в созерцательность. — Лишнего времени у нас нет.

— Эх, Билли! Побольше терпения. Над нами не каплет. Я привяжу свою старую клячу к вороному коню капитана. До зари лошади будут спасены. Воображаю, как будут беситься мексиканцы, когда расщелина окажется пустой.

Старый траппер хохотал так беззаботно и весело, словно враг был от нас за сто миль.

Мы с Гарреем кусали губы от нетерпения. Когда припадок веселости овладевал нашим старым приятелем, добиться толку от него было невозможно.

Успокоившись, Рубби забормотал:

— Двадцать футов ремень Билли и еще двадцать — лассо желторотого птенца. Итого сорок. С моими двадцатью — шестьдесят футов... На худой конец положим пятьдесят шесть футов. Да, да, пятьдесят шесть — ни больше, ни меньше, хотя прибавятся поводья, чтобы повесить дюжину мексиканцев...

Теперь Рубби уже не глядел в дуло карабина, измеряя взглядом кручу.

Из деликатности мы притворялись непонимающими, хотя догадывались, куда клонит старик. Превосхитить планы старого траппера — значит нанести ему смертельную обиду.

Мы терпеливо ждали, чтобы он заговорил.

— Теперь слушайте, дети: вот мы каким образом поступим. Чуть стемнеет, поднимемся на мезу, захватим с собой лассо. Свяжем их вместе, а если они окажутся короткими, прибавим поводья. Конец ремня привяжем к дереву на вершине мезы и спустимся затем прямым маршем в прерию с противоположной кручи, прямо направимся в селение, поднимем на ноги дюжину ваших рейнджеров, капитан, как птицы полетим обратно к мезе и зададим гверильясам трепку, какой они отроду не видели. А пока что...

Мы с Билли уже заранее согласились с Рубби и шумно выразили свой восторг.

План блестящий. Если нам удастся его осуществить, не привлекая внимания врагов, то через несколько часов мы будем в поселке в полной безопасности, и кристальный источник утолит нашу жажду.

Близкое избавление вдохнуло в нас новую энергию, и мы с горячностью принялись за работу.

Рубби стоял на страже, а мы двое лихорадочно скрепили лассо и стреножили лошадей, привязав их, кроме того, достаточно крепко, чтобы найти по возвращении.

Почти стемнело. Погода благоприятствовала нашим замыслам. Свинцовые тучи заволокли небо. Луна должна была показаться не раньше полуночи.

Рубби, хвалившийся своим умением предсказывать погоду не хуже морских волков, начал исследовать небо.

— Ну, что, старина? — спросил Гаррей. — Как по-твоему, достаточно ли будет темно?

— Как в дымовой трубе! — отшутился Рубби и, не довольствуясь этим ответом, прибавил: — Как в желудке бизона во время пожара в прерии.

И старый траппер расхохотался во все горло. Мы с Гарреем вторили ему. Гверильясам могло показаться, что мы сошли с ума.

Рубби не ошибся: ночь выдалась темная. Надвигалась гроза. Послышался шум тяжелых дождевых капель. В углубления седел набралась вода, и нам удалось напиться. Первая молния озарила прерию ярче тысячи факелов. Молния в прерии не похожа на нашу северную — вспышки ее отхватывают полнеба. Но эта яркость грозила сорвать наши планы.

— К черту грозу! — злобно ворчал Рубби. — Проклятие! Это в десять раз хуже луны.

Едва он замолк, вся прерия вновь осветилась, как сцена театра. Мы увидели гверильясов — верхом, на страже, их оружие и одежду, вплоть до таких мелочей, как пуговицы. Фигуры всадников в фосфорическом свете грозы выросли до гигантских размеров.

Гром утих. Наступила глубокая, зловещая тишина.

— Великолепно! — пробормотал Рубби, убедившись, что осаждающие не меняют позиции. — Будем карабкаться в промежутках между вспышками. Лишь бы гверильясы не заметили нашего маневра.

Дождавшись следующей молнии, мы демонстративно высунулись из-за уступа и вставили карабины.

Врагам, конечно, это бросилось в глаза.

Согласно принятому плану первым должен был полезть Гаррей. Ему вручался ремень.

Дождавшись темноты, он намотал вокруг себя лассо, оставив конец свободным.

Пропустив молнию, он подкрался к мезе и начал восхождение.

Глава XXXVIII ТРУДНЫЙ ПОДЪЕМ

Рубби, то и дело высовываясь, наблюдал за гверильясами, а я всматривался в мезу, тщетно надеясь увидеть в глубоком мраке нашего друга или услышать какой-нибудь звук с плато. Наконец я уловил сверху легкий шорох, с каждым мгновением становившийся глуше. Это были шаги Гаррея, обутого в мокасины, еле слышные шаги, не достигавшие слуха противника.

Ожидание молнии показалось нам вечностью, хотя на деле прошло не более пяти минут. Время тянулось томительно.

Фосфорический свет, пролившийся на мезу, на середине подъема осветил Билли. Он стоял в русле потока, раскинув руки, похожий на дерево, растущее из скалы.

Гаррей сохранял эту позу, пока не погасла молния.

Я обернулся в сторону гверильясов: ни звука, ни движения. Мексиканцы, к счастью, не заметили Гаррея: мелкие густолиственные кедры, гнездившиеся в расщелине, затеняли и взбиравшегося на нее человека.

Следующая вспышка уже не озарила человеческой фигуры на склоне мезы, но какая-то темная полоска спускалась с плато. Это свисал ремень, захваченный Гарреем. Сам он стоял на горной площадке, живой и невредимый. Пришла моя очередь подниматься. Рубби оставался последним внизу на страже. Перекинув карабин за спину, я сказал Моро: «До свидания, дружище!» — и с последней молнией прильнул щекой к его бархатистым ноздрям. Я подхватил конец лассо, опущенного Билли, и начал трудный подъем.

Прочный ремень облегчил мою задачу. Карабкаясь с уступа на уступ, я достиг вершины прежде, чем сверкнула новая молния.

Мы с Гарреем залегли в кустах.

Вскоре ремень, привязанный к стволу горной сосны, натянулся, как тетива, и мы поняли, что старый траппер начал восхождение.

Еще минута — и длинная, тощая фигура Рубби показалась над краем обрыва.

Измученный, задыхающийся, он, не произнося ни слова, спрятался рядом с нами в кусты.

Несмотря на темноту, я заметил какую-то перемену в его наружности. Что за чудеса: голова траппера как будто уменьшилась в объеме. Вскоре я понял, в чем дело. Чтобы провести гверильясов, Рубби положил на камень свою знаменитую енотовую шапку, в которой я привык видеть его. Надо сказать, что без шапки его эффектная внешность сильно проигрывала. Зато хитрость его удалась. Гверильясы оставались на своих постах, даже не подозревая о нашем исчезновении: шапка словно представительствовала за троих янки, улизнувших из капкана.

Наконец Рубби отдышался. Свернув ремень, мы поползли по краю плато в поисках подходящего места для спуска.

Достигнув противоположной стороны, мы сразу нашли то, что требовалось. На самом краю обрыва росли сосенки. Мы выбрали одну из них и закрепили ремень.

Но оставалось еще многое сделать для подготовки спуска. Мы знали, что от

вершины до подошвы не менее ста футов, и спуститься с этой высоты на ремне было подвигом, достойным старого морского волка. Никто из нас не отваживался в одиночку на такое опасное предприятие. Втроем, конечно, легче: первый спустится без особых затруднений, с помощью товарищей. Так же легко будет и второму.

Но последний? Кто поможет ему?

К счастью, спутники мои были изобретательны. Они вышли с честью из затруднения.

В мгновение ока они достали ножи, срезали сосенку и разрубили ее на части.

Сделав на каждом обрубке гнездо для ремня, мы привязали деревяшку к лассо: висячая лестница была готова.

Оставалось проверить, достанет ли ремень до низу, так как он сократился благодаря узлам.

К концу ремня мы привязали камень и спустили его со скалы. Камень глухо ударился. Ремень доставал до земли.

Втащив ремень, мы отвязали подвесок и обкрутили Рубби под мышками крепким лассо. Худощавому старику пришлось первому проверить крепость ремня. Во время подъема на скалу мы висли на ремне не полной своей тяжестью, цепляясь за выступы. Только благополучный спуск Рубби подтвердит прочность трапеции, и тогда мы последуем за ним. Больше всех рисковал Гаррей — самый рослый и тяжелый среди нас.

Старый трапшер приступил к спуску. Гаррей медленно и осторожно отпускал ремень.

Ярд за ярдом разматывался ремень. Старик исчез с наших глаз за краем утеса, повиснув над прерией.

У нас оставался в руках небольшой кусок ремня. С минуты на минуту Рубби должен был встать на твердую почву. Вдруг, к нашему ужасу, ремень стал очень легким. Раздался треск лопнувшего ремня и пронзительный, из глубины пропасти, крик. Тяжесть ускользнула из наших рук, и, потеряв равновесие, мы оба опрокинулись на спины. Но тотчас мы вскочили и машинально потянули ремень к себе. Никакого сопротивления: он легок, как бечевка!

Мы молча переглянулись: дело ясное, Рубби сорвался!

Движимые одним и тем же чувством, мы подползли к самому краю обрыва. Зияла черная пропасть.

Ни стоны, ни крика. Вдали выл волк.

Неужели Рубби разбился? Хоть бы он застонал: мы бы знали, что он жив.

Прошло довольно много времени. Наконец мы услышали голоса. Они доносились от подошвы скалы, на которой мы стояли. То были гверильясы.

Молния осветила двух всадников. Они объезжали мезу. Но ни мертвого, ни живого Рубби мы не увидели.

Гверильясы были вооружены копьями. Пленника с ними не было. К тому же, если только он не ранен насмерть, Рубби не сдался бы без отчаянного сопротивления, а мы не слышали стрельбы.

Легкий ветерок донес до нас разговор мексиканцев.

— А все-таки, — воскликнул один из них, — вы ошибаетесь!

— Капитан, я твердо уверен, что то был человеческий крик.

— В таком случае это кричал кто-нибудь из негодяев-янки. Здесь никого

нет. Довольно! Объедем мезу. Скорей.

Я узнал голос Ихурры.

Какое счастье, что Рубби не попал в плен к гверильясам! Но куда он скрылся?

Мы втянули наверх весь ремень. Он оборвался приблизительно на половине. К сожалению, мы забыли измерить длину ремня перед спуском траппера и теперь не могли установить глубину пропасти.

Хотя Рубби не подавал признаков жизни, мы надеялись, что он не разбился насмерть. Опасность, однако, еще не миновала: если траппер после падения отполз на несколько шагов в сторону прерии, гверильясы найдут его.

Мы решили проследить за действиями всадников.

Прислушиваясь к их голосам, мы поползли на коленях по краю обрыва. Всадники остановились в ожидании молнии.

— Посмотрим, нет ли следов? — сказал один из них.

Они находились на расстоянии выстрела от нас.

— Пристрелим их! — шепнул мне на ухо Билли.

Я колебался.

Горизонт снова озарился. В пятидесяти ярдах от нас чернели фигуры всадников. На такую дистанцию наши карабины бьют без промаха. Соблазн был велик.

Но в это мгновение мы заметили в прерии Рубби. Он лежал ничком, раскинув руки и уткнувшись носом в землю. С высоты он был похож на шкуру бизона, растянутую на колышках.

Пятьсот ярдов отделяло его от мезы. Гверильясы не заметили Рубби, потому что его скрывали высокие травы.

Как только воцарился мрак, мы с облегчением вздохнули, услышав, что гверильясы двинулись дальше. Ихурра укорял спутников за ложную тревогу.

Для гверильясов было большой удачей, что они не заметили человека, притаившегося в траве. Это было удачей и для Рубби, и для нас всех.

Мы с Билли остались на месте, ожидая новой молнии.

Когда прерия осветилась, мы не нашли на прежнем месте своего приятеля, но гораздо дальше, приблизительно в миле от нас, мелькнула как будто черная фигура. Был ли то Рубби, мы наверное не знали. Одно ясно: траппер спасся.

Глава XXXIX

ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Впервые с момента встречи с гверильясами появилась надежда на спасение. Нужно ли добавлять, что мы вернулись на старое место успокоенные и развеселившиеся.

Обрывок ремня был слишком короток для спуска, и поневоле мы приняли выжидательную тактику. Пока жизнь наша висела на волоске, я не думал о конях, но, почувствовав себя в безопасности, я вспомнил о Моро и Белом мустанге — первопричине всех осложнений. Как бы спасти его? Ведь в селении меня ждет награда за белого красавца.

Через несколько часов мы будем освобождены. Рубби доберется до поста и вернется с подкреплением.

А что будет, если он не застанет рейнджеров в полку? Быть может, армия двинулась в поход или аванпост получил приказание сняться? Наконец, Рубби мог быть схвачен по пути... Убит...

Нет, траппер, благодаря своей ловкости, несомненно, доберется до лагеря и, в случае необходимости, даже до штаб-квартиры. Он только что показал свою находчивость. Добыв по дороге лошадь, он к утру будет в штабе, хотя бы армия уже выступила в поход. Он постарается, конечно, найти рейнджеров, а Холлингсворт, не дожидаясь официального приказа, предоставит в его распоряжение несколько солдат. Шести человек достаточно, чтобы справиться с мексиканцами. Всегда найдутся охотники на такую экспедицию.

Возможно, что Рубби задержится до завтрашнего дня, но это нас не пугало, на мезе мы могли продержаться неделю, месяц, словом — сколько угодно времени.

Приступом нас не возьмут. Неприятель не посмеет приблизиться к «крепости», в которой мы засели. Мексиканцы — трусы. Двух карабинов вполне достаточно для защиты единственного подступа к нашему убежищу.

Ни жажда, ни голод нам не угрожали: на мезе в изобилии росли кактусы.

Гаррей достал нож, очистил самый крупный кактус от колючей оболочки, выдолбил из него нечто вроде чашки, и мы выдавили в нее сочную сердцевину растения.

Так утолили мы жажду, а щедрая природа снабдила нас и продовольствием. Еще будучи в прерии, мы заметили на склонах мезы светло-зеленую хвою сосны-аманды. В крупных шишках заключаются вкусные питательные зерна — орешки. Несколько пригоршней было достаточно, чтобы насытиться. Каленые орешки, конечно, вкуснее, но нам пришлось удовольствоваться сырыми.

С такими запасами провианта и с светлыми надеждами на будущее мы только посмеивались над бессильной яростью врагов.

Лежа на краю обрыва, мы наблюдали за гверильясами, чтобы обстреливать их в случае покушения на наших лошадей.

Гверильясы не покидали своих постов.

Диспозиция не изменилась. На одинаковом расстоянии друг от друга стояли всадники, а между ними непрерывно сновали пешие. Сторожили нас основательно. Даже под покровом темноты нам не удалось бы ускользнуть из их

рук.

Гроза утихала. Молнии сверкали все реже. Внезапно раздался отдаленный топот. По сухому грунту прерий мчалось множество коней. Трапперы умеют различать стук копыт оседланной и неоседланной лошади. Гаррей заявил, что едут всадники. Гверильясы, стоявшие на страже, услышали топот одновременно с нами. Двое из них поскакали галопом на разведку. Все это мы улавливали только слухом, с трудом различая в непроглядном мраке предметы на расстоянии шести шагов.

Звуки доносились все более отчетливо со стороны селения.

Каково же было наше разочарование, когда мы сообразили, что Рубби не мог еще добраться до поселка, и это подъехал Эль-Зорро со спутниками.

Всадники обменялись приветствиями с осаждающими. Лошади ржали, узнавая друг друга.

Вспышка молнии осветила Эль-Зорро и тридцать гверильясов, приведенных им на подмогу.

Значительное подкрепление, полученное неприятелем, вселило в нас тревогу. Враг мог теперь, не колеблясь, напасть на наше прежнее убежище и захватить лошадей.

Вскоре мы убедились, что наши опасения неосновательны. Враг не пытался перейти в наступление. Он усилил сторожевую цепь и принял ряд других мер для продолжения блокады.

Видно, гверильясы избегали открытой стычки. Нас брали измором.

Глава XL РАЗВЕДЧИК

Наступила полночь. Молнии вспыхивали все реже, и наконец гроза прошла. Выходила луна. Свинцовые тучи медленно уплывали. Диск луны казался ярче по контрасту с темными тучами. Серебристые снопы лучей обливали прерию молочным светом. Туман рассеялся.

Гроза очистила воздух. Он стал ясным и прозрачным. Хотя луна шла на ущерб, было настолько светло, что прерия была открыта нашим взорам до самого горизонта. От тяжелых облаков ложились длинные тени. По временам тучи закрывали луну, и прерия погружалась в темноту.

Лунный свет падал на нас сзади. Гверильясы расположились у западного склона мезы. Тень от холма падала на равнину, а на ее ярко очерченной границе стояла частая цепь часовых. Они нас не видели, так как мы прятались в густом кустарнике. До нас доносились болтовня и песни гверильясов.

Билли сначала наблюдал за ними, затем он отправился на противоположную сторону мезы, чтобы посмотреть, не видно ли чего на востоке. В этом направлении находилось селение, оттуда мы ждали подмоги. Рейнджеров не приходилось тянуть за уши, чтобы заставить исполнить свой долг. Если их не перевели из ранчереи, они не замедлят явиться на выручку.

Не прошло и минуты после ухода Гаррея, как мое внимание привлек темный предмет на равнине. Как будто человек? Он лежал на животе в такой же позе, как Рубби, когда он спасался от гверильясов.

Мне не удалось рассмотреть таинственного пришельца, потому что он находился в шестистах шагах от мезы, непосредственно за цепью гверильясов.

Облако закрыло луну. Человек исчез во мраке.

Луна выплыла из-за облаков. Там, где только что чернела человеческая фигура, сейчас ничего не было. Приглядевшись, я обнаружил ее ближе к всадникам в той же самой позе.

Я смотрел сверху, и потому высокая трава не заслоняла от меня ползущего человека. Он попал в полосу света, и тут-то я заметил, что он по пояс обнажен. До этого момента я беспокоился, что незнакомец в прерии — Рубби. Мне совсем не хотелось, чтобы траппер вернулся таким образом.

Правда, он должен был прийти не один. К тому же он был знаком с расположением вражеского отряда, и ему незачем было предпринимать разведку.

Теперь я окончательно убедился, что это не Рубби. Кожа неизвестного была смуглой. У Рубби она была такой же. Он родился белым, но с течением времени цвет его кожи настолько изменился под влиянием солнца, пыли, грязи и, откровенно говоря, нечистоплотности, что приобрел оттенок меди. Сюда надо прибавить дым степных пожаров. Цветом кожи Рубби не отличался от чистокровного индейца. Но старый траппер не стал бы разгуливать голым: он никогда не снимал своей оленьей куртки. Маслянистый блеск кожи также доказывал, что в траве лежит не Рубби. Бронзовое тело охотника не могло блестеть при луне.

На прерию набежала тень облака, и я потерял из виду таинственного человека.

Когда луна показалась, его уже не было на прежнем месте, но вдали кто-то полз на четвереньках и вскоре растаял в тумане.

Вдруг на горизонте смутно вырисовались силуэты всадников. «Неужели это Рубби и рейнджеры?»

Я напряг зрение. Несомненно, всадники. Они ехали гуськом.

Но рейнджеры никогда не ездят так, разве что в узком ущелье или лесной тропинкой.

В жизни моей, богатой приключениями, не раз повторялась подобная картина. Это были индейцы на тропе войны.

Я понял: шпиона подослали краснокожие. Они хотят подойти к мезе, чтобы расположиться лагерем у ее подошвы. Разведчику поручили исследовать местность.

Всадники остановились. Они не могли увидеть мексиканцев. Минуту спустя прерия погрузилась в глубокий мрак.

Я решил дождаться появления луны.

Глава ХLI ТАБУН

Прошло почти четверть часа. Выплыла из-за облаков луна. В полмиле от мезы вырисовались силуэты лошадей без всадников. Они стояли неподвижно. Уж не дикая ли манада?

Нигде не было видно краснокожих наездников прерий. Я уже собирался пойти за товарищем, чтобы сообщить ему результат своих наблюдений, но Гаррей вернулся без моего зова. На восточной стороне он ничего не обнаружил и пришел посмотреть, на месте ли гверильясы.

— Алло! — воскликнул он, увидав табун. — Что это за чертовщина там, внизу? Табун диких мустангов? Клянусь хвостом Вельзевула.

Не знаю, что еще хотел сказать Билли. Голос его был заглушен диким воем, донесшимся снизу. Отряд пришел в движение.

Неужели они испугались табуна?

К изумлению нашему, выяснилось, что причиной их волнения были мы с Гарреем. С яростным криком подскакав к подошве горы, гверильясы открыли по нам огонь.

Пули со свистом проносились над нашими головами.

Каким образом открыли они наше убежище?

Заглядевшись на табун, мы выпрямились во весь рост. Фигуры наши отбрасывали огромные тени на равнину. Это нас и выдало.

Мы опустили на колени, судорожно сжимая карабины.

Гверильясы потеряли обычную осторожность. Многие приблизились к нам на выстрел. То были вновь прибывшие.

Белая лошадь под одним мексиканцем послужила мишенью для траппера. Он прицелился. Грянул выстрел. Глухой стон. Белая лошадь умчалась вскачь без седока.

Облако закрыло луну. Все погрузилось в темноту.

Билли начал заряжать карабин. Внезапно из ночного мрака раздался крик. Гаррей насторожился. Он узнал боевой клич индейцев.

— Это клич команчей! — воскликнул он. — Клянусь, это они! Теперь гверильясам придется туго!

Одновременно с боевым кличем мы услышали топот коней. Земля задрожала. С каждым мгновением звуки приближались. Индейцы напали на гверильясов.

Снова засияла луна, и мы увидели, что на лошадях, которых мы приняли за дикий табун, сидят индейцы. Обнаженные торсы всадников были размалеваны красной краской.

Мексиканцы вскочили на лошадей. Нападение застало их врасплох. В их движениях сквозила нерешительность.

— Они уклонятся от сражения, — сказал Гаррей. — Ни за что...

Он был прав.

Индейцы, приблизившись на сто шагов к линии гверильясов, остановились, чтобы ознакомиться с боевым расположением неприятеля.

Зажужжали стрелы, и краснокожие ринулись вперед, потрясая томагавками и копьями и оглашая воздух боевым кличем.

Гверильясы выстрелили по одному разу — кто из пистолета, кто из карабина, но вторично зарядить их даже не попытались. Многие в панике побросали ружья. Полное смятение царило в рядах гверильясов. Внезапно они повернулись спиной к индейцам и врассыпную поскакали на восток.

Индейцы бросились вдогонку. Они боялись упустить своих злейших врагов. На свое счастье, мексиканцы не расседлали лошадей. Будь они спешены, индейцы перебили бы их.

Мы с Гарреем побежали на другую сторону плато, чтобы полюбоваться эффектным бегством гверильясов.

Стоя над пропастью, мы видели, как оба отряда понеслись у подошвы холма.

Преследователей отделяло от беглецов не больше двухсот ярдов.

Индейцы мчались с боевым кличем, но мексиканцы удирали молча.

Внезапно гверильясы с криком остановились на всем скаку.

Мы сразу поняли, в чем дело.

Прямо на мексиканцев карьером несся отряд всадников.

Сверкало оружие. Топот лошадей гулко отдавался в прерии. Лошади были подкованы, следовательно, всадники были янки.

— Рейнджеры! — закричал во всю глотку Гаррей.

Мексиканцы остоленели, вообразив, очевидно, что это второй отряд индейцев.

Не успели рейнджеры открыть огонь, как гверильясы повернули влево и помчались по прерии.

Увидев маневр врага, индейцы поскакали по диагонали, чтобы отрезать беглецам отступление. Рейнджеры бросились в ту же сторону. Сейчас янки столкнутся с воинами прерий...

Луна скрылась за большим облаком.

Мы не видели поля сражения, но слышали военный клич индейцев, возгласы рейнджеров, ружейные выстрелы, частый треск револьверных разрядов, удары сабель по копьям, звук ломающейся стали, ржание лошадей, торжествующие возгласы победителей и глухие стоны раненых.

Кто побеждает? Мы опасались за судьбу товарищей.

Томительное ожидание длилось недолго.

Когда луна появилась из-за туч, битва была уже окончена. В прерии валялись трупы воинов и лошадей.

Гверильясы уже почти исчезли из виду. Они удирали в южном направлении, индейцы — в западном. Торжествующие возгласы неслись с поля сражения. Победа осталась за рейнджерами.

— Билли, где ты? — раздался голос, который мы тотчас узнали.

— Здесь! Здесь! — ответил Гаррей.

— Задали мы им перцу! Черт бы побрал этих гверильясов!

Глава XLII

ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ

Схватка продолжалась минут десять. Все вместе производило впечатление батальной феерии. Сцену заливал лунный свет. Мгновениями полной темноты отмечались антракты. Для полной иллюзии не хватало только стрельбы, но события развернулись так стремительно, что гверильясы после первого залпа уже не пытались отстреливаться.

Устрашенные боевым индейским кличем, они побросали оружие, и там, где ряды их дрогнули под вражеским натиском, земля была усеяна ружьями и копьями.

Внушительный штуцер Эль-Зорро валялся в общей груди.

Несмотря на молниеносность схватки, стороны понесли большие потери: было убито пять гверильясов и десять индейцев.

Выступая в поход, индейцы, по обычаю, размалевывали себе лица и грудь красным соком растения уруку, и трупы их казались залитыми кровью.

Что же касается убитых мексиканцев, то тела их найдены были невдалеке от мезы, куда горсточка разбитых гверильясов успела доскакать, спасаясь от преследования краснокожих.

Индейцев мои товарищи убили на равнине, открыв по ним револьверный огонь. Дело было горячее: команчи держались стойко.

Огнестрельная новинка — револьвер — была им, очевидно, знакома по столкновению с трапперами или путешественниками. Но впервые команчи встретили целый отряд, вооруженный этим убийственным оружием. В экспедиционном корпусе американской армии только рейнджеры были снабжены усовершенствованным пистолетом Кольта.

Рейнджеры также не вышли благополучно из этой схватки. Двое были заколоты длинными копьями противника, а десять или двенадцать — ранены стрелами команчей.

Мы с Билли, стоя на вершине, нетерпеливо поджидали Квакенбосса, взбравшегося с рейнджерами на крутой откос. Солдаты, крича наперебой, сообщали нам новости, но и без них мы были в курсе дел.

Судя по боевому кличу, индейцы принадлежали к племени команчей.

Их появление в этой местности было случайным. Команчи, вступая на «тропу войны», имели в виду не мексиканцев и не гверильясов. Целью их похода было ограбление богатого мексиканского городка, расположенного на другом берегу Рио-Гранде, в двадцати милях от селения, где мы стояли.

Индейский лазутчик обнаружил кавалерийский разъезд у подошвы мезы. Он узнал гверильясов. Лошади, сбруя и мундиры мексиканцев всегда составляют приманку для команчей. Им нравятся их седла, затканые серебром. Сблазненные этими сокровищами, краснокожие обрушились на гверильясов.

В этом духе дал нам разъяснения один из воинов команчей, тяжело раненный и оставшийся на поле битвы. То был, кстати сказать, мексиканец, захваченный некогда в плен команчами, но от долгой жизни в индейской среде усвоивший все их обычаи. Даже наружностью он мало отличался от природных команчей.

Мексиканскому городку повезло: разбитые нами индейцы приуныли и от-

казались от первоначального замысла. В смущении и растерянности они отступили в горы.

Остальное для нас с Гарреем было ясно.

Рубби, целый и невредимый, добрался до селения и донес обо всем лейтенантам. Минут через десять полсотни рейнджеров во главе с Холлингсвортом уже скакало по направлению к мезе. Рубби отправился с ними в качестве проводника.

Придерживаясь индейской тактики, рейнджеры передвигались только в минуты полной темноты. Так как поселок находился по другую сторону мезы, они весь путь проделали под прикрытием холма. Воспользовавшись этим преимуществом, они надеялись застать гверильясов врасплох.

Рейнджеры были уже на расстоянии выстрела, когда до них донесся боевой клич индейцев, а гверильясы, теснимые команчами, в беспорядке поспешно отступали к мезе.

Не зная точно, с кем они имеют дело — с индейцами или мексиканцами, рейнджеры все же открыли огонь, так как и те и другие были врагами. Но мексиканцы уклонились в сторону, и наша часть столкнулась с воинами прерий.

Неожиданная встреча краснокожих с янки оказалась счастливой для гверильясов. Оба отряда, преследовавшие их, в замешательстве остановились, и между ними завязалась схватка. Тем временем мексиканцы благополучно скрылись.

Любопытно, какой оборот приняли бы события, если б на поле битвы не появились рейнджеры.

Нам с Билли непосредственная опасность не угрожала, так как мы были спрятаны, но по дороге в селение гверильясы заметили бы наших скакунов и угнали бы их.

Все тяжелое оставалось позади, и вскоре, позабыв об опасности, мы весело возвращались во главе отряда в поселок.

Уитлей ехал рядом со мной, а Холлингсворт с несколькими рейнджерами остался, чтобы похоронить товарищей.

Я в последний раз обернулся на поле битвы.

Холлингсворт бродил между убитыми гверильясами. Он переворачивал трупы на спину и склонялся над ними, когда луна озаряла их бледные лица. Повадки его были дики, но он был так серьезен и озабочен, словно искал среди убитых друга, павшего в сражении. Можно было принять его также за мародера.

Но Холлингсворт искал не друга, а врага.

Рассмотрев пятерых гверильясов, он отошел в сторону, и по равнодушию его мы поняли, что в числе убитых врага не оказалось.

— Не случилось ли чего нового за мое отсутствие? — спросил я Уитлея.

— У нас много новостей капитан! Кажется, все наши труды пропали даром. Я слышал, будто этим путем не пробраться в глубь Мексики. Словом, нас собираются перебросить на новую линию. Мы ждем перевода в какой-нибудь южный порт Мексиканского залива, быть может, в Вера-Круц.

— Известие действительно первостепенной важности.

— А мне все эти новости не нравятся, — проворчал Уитлей.

Я догадывался, отчего Уитлей огорчен слухами о переброске на новую опе-

рациональную линию. Жизнерадостный лейтенант не скучал в поселке. С приятностью коротал он дни в обществе Кончитты, черноглазой дочери алькада. Не раз своим появлением я вспугивал воркующую пару. Грязное селение с убогими землянками и пыльными проселками превратилось для влюбленного тещаса в дивный парк с роскошными дворцами и улицами, вымощенными золотыми плитами. Он блаженствовал в мексиканском раю, где обитал бескрылый ангел — Кончитта.

Хотя в первые дни селение показалось нам крайне отвратительным, сейчас оба мы не желали никакой перемены.

До сих пор отряд не получал приказа сворачиваться, но, по мнению лейтенанта, мы со дня на день могли ожидать переброски.

— А что говорят обо мне? — спросил я Уитлея.

— Про вас, капитан? Ровно ничего. Что могут про вас говорить?

— Объясняли же как-нибудь мою отлучку?

— Вот вы о чем! Нет, она прошла незамеченной, по крайней мере в штабе. Объясняется это просто: вы не внесены в рапорт как отсутствующий.

— В самом деле? Очень приятно! А как это случилось?

— Мы с Холлингсвортом думали, что в ваших интересах замять эту историю. Вот мы и решили молчать, пока не выяснится, что вы исчезли навсегда или погибли. По правде сказать, мы уже не надеялись увидеть вас. Пастух, служивший вам проводником, вернулся в лагерь. Он сообщил нам, что двое трапперов отправились в поиски за вами. По его описанию мы узнали старого Рубби Это меня успокоило: ведь живым или мертвым они нашли бы вас.

— Большое вам спасибо, Уитлей! Вы поступили благоразумно. Ваша сдержанность избавит меня от целого потока клеветы. Больше никаких новостей? — прибавил я после короткой паузы.

— Кажется, все, — ответил Уитлей. — Во всяком случае, ничего, достойного внимания. Впрочем, я позабыл, — спохватился лейтенант. — Помните этих бездельников-вакеры, которые в первые дни после нашего прибытия шатались вокруг поселка? Так вот: все эти оборванцы скрылись, не оставив никаких следов. Гуляйте хоть целый день по селению, и вы не встретите никого, кроме женщин и стариков... Я спрашивал у алькада, куда ушли пастухи. Но старый крючоктворец только покачал головой и ответил очень коротко, своим обычным: «А кто их знает!..» Сомнений нет, они соединились с гверильясами. Черт возьми! Я не удивился бы, услышав, что именно они привели сюда шайку, которую мы сегодня разогнали. Ну, конечно! Это верно, как то, что меня зовут Уитлей. Помните, в момент нашего отъезда Холлингсворт разглядывал трупы: он, наверно, найдет среди них наших старых знакомцев...

Я был осведомлен лучше Уитлея и сообщил ему все, что знал относительно гверильясов и их начальника.

— Я так и думал. Рафаэль Ихурра? Вот чем объясняется прыть Холлингсворта. Он так спешил к мезе, что не успел сообщить мне, за кем мы гонимся. А мы-то, глупые головы! Как могли мы упустить этих проклятых вакеро! Надо было перевешать их всех до одного в первый же день нашего приезда.

Несколько минут мы ехали молча.

Давно уже вертелся у меня на языке вопрос, но я его не задавал, надеясь, что Уитлей сам затронет интересующую меня тему.

Наконец, не выдержав, я с напускной небрежностью спросил:

— Не посещал ли кто лагеря? Не было ли гостей?

— Даже крыса не забегала, — процедил Уитлей и вновь погрузился в задумчивость.

— Как? Неужто никто обо мне не справлялся?

— Как будто нет, — покачал головой лейтенант. — А впрочем, я и забыл, — ответил он каким-то неестественным тоном. — Вас действительно спрашивали.

— Кто же?

Я старался скрыть волнение.

— Вот этого уже сказать не могу, — ответил Уитлей, явно подсмеиваясь. — Кто-то сильно обеспокоен вашей участью. В лагерь к нам забегал мальчишка-мексиканец. Не сомневаюсь, он выполнял чье-то поручение. Смешливый и ловкий юнец! Так и не удалось нам выяснить, кто его подсылал. Он все спрашивал, не вернулись ли вы, и, получая отрицательный ответ, корчил жалобную рожицу. Появился мальчуган со стороны гасиенды.

Уитлей сделал ударение на последних словах.

— Следовало, конечно, задержать мальчишку по подозрению в шпионаже, — полушутливо прибавил лейтенант, — но мы были уверены, что он подослан кем-нибудь из ваших друзей.

Приятель мой умолк, и при свете луны я заметил, что он лукаво улыбается.

Каюсь, я часто дразнил Уитлея хорошенькой Кончиттой; сейчас настал его черед потешаться надо мной. Я не способен был отшутиться. Товарищ мог позволить себе любую вольность, а я бы кротко выслушал его. Слова его прозвучали для меня сладкой музыкой.

Я поехал дальше в радостном сознании, что я не забыт. Изолина не посмеялась надо мной!

Вдали блеснул золоченый флюгер часовенки.

Скоро увижу я белые стены гасиенды, залитые неверным светом луны.

С волнением смотрел я на хорошо знакомый мне дом, думая о прекрасной жемчужине, заключенной в этот скромный ларец...

Глава XLIII

ЭЛИЯ КВАКЕНБОСС ГАРЦУЕТ НА КОНЕ

Уже заалел восток, когда мы въехали в поселок.

Дорогой я успел утолить голод. Кое-кто из рейнджеров предусмотрительно набил ранцы провизией, узнав, что я с утра ничего не ел, солдаты наперебой угощали меня. Я напился воды из солдатской манерки, а Уитлей, по обыкновению, предоставил свою флягу в общее пользование.

Уже улеглось возбуждение, которое поддерживало силы в минуту опасности, и я почувствовал себя усталым и разбитым. Едва успел я лечь, как крепко уснул.

Несколько часов отдыха подкрепили меня и физически, и нравственно. Проснулся я бодрый и исполненный радужных надежд.

В это утро я посвятил немало времени своему туалету. Затем, наскоро позавтракав и закупив сигарету, вышел на азотею.

Народ на площади окружал Белого мустанга. Конь надменно изгибал шею и раздувал точеные ноздри, словно чувствуя, что красота его вызывает общий восторг.

Рейнджеры, поблано, уличные торговки — все с изумлением разглядывали дикого мустанга.

«Чудесный подарок! — подумал я. — Достойный первой красавицы в мире...»

Сначала я собирался лично отвести Изолине коня: вот почему я потратил целый час на одевание. Но, поразмыслив, я отказался от первоначального плана.

Целый ряд соображений удерживал меня от визита в гасиенду, а главное — я боялся своим посещением скомпрометировать дона Варгаса и его дочь.

Принятие подарка от тexasского офицера могло навлечь беду на мексиканку. Но Белый мустанг подносился как бы в возмещение за подстреленную мной кобылу. Изолина легко могла оправдаться перед своими соотечественниками и отвести обвинение в дружбе с американцами.

Итак, я останусь дома, а мустанга отправлю с грумом.

Лассо уже брошено на трепещущего коня, негр ждет моих распоряжений.

Но рейнджеры мои — большие балагуры и насмешники. По доносившимся до меня обрывкам разговоров я понял, что они избрали меня мишенью своих шуток. Момент для увода коня неподходящий. Надо повременить. Не разумнее ли дожидаться ночи?

Хорошо бы, накрывшись шапкой-невидимкой, проскользнуть в толпе и ускакать в гасиенду!

К счастью, неожиданное происшествие отвлекло внимание рейнджеров от моего мустанга.

Героем дня был Элия Квакенбосс.

Надо сказать, что во всем отряде Квадратный Череп был самым оборванным. Одежда нескладно сидела на его неуклюжей фигуре. Он был неряшлив и во время своих ботанических экскурсий немилосердно рвал одежду, цепляясь за колючие кусты. В одну неделю он приводил в негодность даже грубое сол-

датское сукно и вечно ходил в живописных лохмотьях.

Квакенбосс отличился в ночной схватке, пристрелив одного из пяти гверильясов. Солдаты не поверили ему и говорили, будто Квакенбосс попросту хвастает. Обиженный увалень вытащил пулю из раны мексиканца и представил ее на рассмотрение товарищей.

Карабин Квакенбосса был особого калибра, а пуля подходила только к нему. Пришлось признать правоту нашего стрелка.

По обычаю рейнджеров одежда убитого переходит в полную собственность победителя. Торжествующий Квакенбосс сбросил свои бесформенные лохмотья и появился утром на площади в пышном мексиканском одеянии.

Никогда плотный мексиканский бархат не облегал подобных ляжек! Никогда такие грубые лапищи не вылезали из рукавов вышитого жакета! Неуклюжий рейнджер, переряженный мексиканцем, был так смешон, что товарищи и туземцы, толпившиеся на площади, встретили его дружным хохотом.

Даже суровые потомки индейцев присоединились к общему веселью.

Но это еще не всё.

Среди прочей военной добычи Квакенбоссу достался мустанг одного из команчей. Собственная его боевая лошадь давно хромала на все четыре ноги, и приобретение нового мустанга осчастливило незадачливого Квакенбосса.

То был сильный и горячий конь, хороших статей. Многие рейнджеры, наверное, втайне завидовали Квадратному Черепу, который с торжеством вывел мустанга на площадь.

Когда умолкли взрывы хохота, был отдан приказ садиться на лошадей, и Квакенбосс наравне с прочими вскочил в седло.

Не успел он утвердиться, как лошадь злобно заржала. Она лягнула сначала задними копытами, затем передними, и наконец в воздухе блеснули все четыре подковы. Частое цоканье копыт терзало слух испуганного Элии. Конь, оскалив длинные зубы, угрожающе косился на беспомощного всадника. Вот-вот он сбросит Квакенбосса!

Сомбреро слетело с головы кавалериста, и карабин выскользнул из его рук. Болтались широкие панталоны и в воздухе развевалось яркое серапе.

В растерянности Квакенбосс размахивал рукой. Волосы его растрепались, а в глазах застыл дикий испуг.

Солдаты надрывались от смеха. Вся площадь гудела разноязычным говором.

Самое странное, что Квакенбосс не упал. Он считался худшим наездником во всем отряде, но, несмотря на бешеные курбеты мустанга, по-прежнему красовался в седле.

Рейнджеры не знали, чему приписать такое чудо.

Загадка, однако, вскоре разъяснилась.

Один из зрителей, самый наблюдательный среди рейнджеров, взглянул случайно на брюхо лошади и закричал во все горло:

— Смотрите! Как ловко пришпорил он мустанга!

Все оглянулись. Новый взрыв хохота: товарищи открыли причину ловкости Квакенбосса.

Элия, не доверяя мустангу, в первую же минуту инстинктивно сжал ноги. Они были настолько длинны, что пятки Квакенбосса прищипались под животом лошади. Но бедняга забыл о своих мексиканских шпорах, с колесиками в два

дюйма в диаметре. Зубья вонзились в брюхо горячего мустанга. Больше того: обе шпоры сцепились, и Квакенбосс оказался, так сказать, привязанным к седлу собственными ногами.

Вот почему он не падал. Обезумев от боли, мустанг метался по площади, пытаясь сбросить «жестокого» всадника.

Нашелся, однако, жалостливый человек, который положил конец комической сцене, накинув лассо на несчастного мустанга.

Глава XLIV ПО СЛЕДАМ АМАЗОНКИ

Пользуясь сумятицей, царившей на площади, я отправил негра в гасиенду и с тревогой ждал его возвращения.

С азотеи я видел, как посланец мой взобрался на холм, ведя под уздцы степного жеребца, и скрылся за широкими воротами гасиенды.

Через мгновение грум вышел без лошади: мой подарок принят!

В нетерпении я отсчитывал секунды, пока по лестнице не раздались тяжелые шаги негра. Вскоре в дверях террасы показалась его лоснящаяся добродушная физиономия.

К огорчению моему, с ним не передали ни записочки, ни приглашения, а только на словах приказали поблагодарить меня. Негр весело улыбался: на бу-ро-красной ладони сверкнула золотая монета.

— Кто дал ее тебе? — спросил я.

— Кто дал? Прелестная сеньорита. Самая красивая из всех квартеронков, которых я когда-либо встречал.

Это Изолина вручила ему золотую монету.

Минуту назад я готов был растерзать ни в чем не повинного негра, но, узнав о щедрости Изолины, немного успокоился.

Из рассказа негра явствовало, что дар мой принят благосклонно.

Все еще не терял я надежды, что услышу благодарность из уст мексиканки.

В ожидании я бродил по азотее.

День был праздничный.

Уже зазвонили колокола, и весело шумел народ. Поблано высыпали на улицу в самых нарядных своих платьях. Индианки надели яркие нагасы, а в косы вплели красные ленты и нитки гранатов.

Жители ранчит, соседних поселков, толпами собирались на площади и строились около церкви в процессии. Музыканты наспех чинили тимпан из своего оркестра. На углах узких деревенских улиц заготавливали фейерверк. Люди в карнавальных костюмах взвалили на плечи статуи в мишурных одеяниях, осыпанных блестками.

Уже проплыл Понтий Пилат и центурион; за ними последовал Христос.

То было нелепое, варварское зрелище, но в каждой мексиканской деревне по воскресеньям можно увидеть подобную процессию, ритуал которой остается неизблемым в течение трех веков.

Чувствуя отвращение к смехотворным обрядам, утомленный бессмысленной шумихой, я приказал седлать своего коня с одной мыслью — ускакать подалее и, отдохнув на тихой лужайке, привести в порядок свои мысли и чувства...

Пока седлали Моро, я оставался на азотее. Взгляд мой был устремлен на гасиенду дона Рамона де Варгаса.

Внезапно ворота распахнулись, и из гасиенды выехала всадница на белом коне.

То была Изолина.

Я не мог не узнать ее малинового манжа, который врезался в мою память с первой знаменательной встречи.

Мексиканка спустилась по отлогому склону к реке и, промелькнув, как метеор, скрылась в платановой роще.

Раздраженно торопил я слугу, седлавшего Моро. Первым моим инстинктивным движением было помчаться вдогонку за амазонкой в малиновом плаще.

Вскочив в седло, я торопливо выехал из поселка и, миновав заросли юкки, очутился в прерии. Здесь пустил я коня галопом.

Дорога шла вдоль реки по лужайке, поросшей высоким кустарником. Кое-где попадались рощицы, обвитые серебристыми лианами. Здесь царил полумрак.

Проезжая по тенистой роще, я встретил или, вернее, проскакал мимо какого-то ребенка.

То был мальчик-мексиканец. Второпях я не обратил на него внимания. Он кричал мне что-то вслед, но топот копыт заглушил его слова. Думая, что он дурчится, я не остановился, но звук его голоса показался мне знакомым.

Только отъехав на порядочное расстояние, я сообразил, что встреченный — мальчишка на побегушках с гасиенды. Я не раз видал его в поселке.

Сопоставив это происшествие с рассказом Уитлея, я хотел было повернуть обратно и спросить мальчугана, зачем он звал меня. Но он сильно отстал, и после минутного раздумья я решил не возвращаться.

Вскоре я очутился у подножия холма, на котором была расположена гасиенда. Вот и место, где исчезла из виду амазонка.

Следы копыт указали мне дорогу, и, придерживаясь их, я въехал в лес по узкой тропинке. Вскоре она оборвалась, и следы увели меня в чащу.

Чем дальше углублялся я в лес, тем труднее была дорога. На протяжении, по крайней мере, полумили я лавировал между исполинскими стволами и объезжал непроходимые заросли бамбука, увитого лианами.

Местность постепенно возвышалась, и по аллюру Моро я понял, что он взбирается на пологий холм.

Наконец лес поредел, и самый характер растительности изменился: деревья были не такие раскидистые и с менее пышной листвой.

Я почти достиг вершины холма. Свежие следы копыт отчетливо выделялись на земле. Еще дрожали ветви, раздвинутые на ходу мустангом. Изолина не намного опередила меня.

Вскоре я услышал стук копыт.

Я продолжал подъем, с минуты на минуту ожидая, что передо мной мелькнет малиновый плащ или белая лошадь.

Еще несколько шагов — и сквозь перистую листву мимоз я увидел на прогалине амазонку.

Лужайка на вершине холма была окаймлена со всех сторон кудрявым лесом: безлюдный очаровательный уголок, созданный для отдыха и забвения!

Здесь Изолина остановилась. Верно, она наслаждается природой, слушает щебет птиц, вдыхает аромат цветов!

Я колебался, не зная, что предпринять. Ускакать обратно или подъехать к Изолине? По меньшей мере бестактно нарушать ее покой. Я уже стыдился своего необдуманного поступка: кто дал мне право выслеживать амазонку? Но в эту минуту Изолина вынула из-за корсажа часы и с тревогой взглянула на циферблат. В беспокойстве она бросила взгляд на равнину, расстилающуюся у подножия храма.

Во мне шевельнулись подозрения. Она кого-то ждет!

Проклятое имя Рафаэля Ихурры всплыло в моем сознании. Я вздрогнул, словно мне прижгли сердце каленым железом.

Сначала слабость овладела мной. Поводья выпали из рук, и закружилась голова. Но при мысли о счастливом сопернике я вострепнулся, как тигр, почувший кровь.

Ненависть, ревность и жажда мести заглушили смущение.

Без борьбы не уступлю Изолину! Я, правда, безоружен, но голыми руками одолею врага.

Раздражение мое, очевидно, передалось коню: опустив голову, он злобно заржал.

Тотчас с прогалины послышались ответное ржание и испуганный девичий голос:

— Кто здесь?

Дальше скрываться нельзя. Присутствие мое обнаружено.

Вонзив шпоры в крутые бока Моро, я стрелой вылетел на прогалину и очутился перед Изолиной.

Глава XLV ПРИЗНАНИЕ

Мое появление удивило Изолину. Я покраснел под ее взглядом, так как поведение мое было далеко не безупречным.

Как оправдаться? Как объяснить нашу встречу? Сослаться на случайность? Притвориться, что и для меня она неожиданна? Это слишком неправдоподобно! Мне все равно не обмануть проницательную девушку.

«Не стану таиться, — решил я, — выложу всю правду».

— Где же ваш проводник? — внезапно спросила Изолина, прервав мои размышления. — Неужели вы сами нашли дорогу?

— Это было нетрудно, сеньорита: я придерживался ваших следов.

— Неужели? Я не ждала вас так скоро!

— Но вы ждали кого-то другого?

— Разумеется. Я думала, что Чипрео опередит вас.

— Чипрео?

— Ну да, Чипрео.

— Сеньорита, если этим новым именем вы называете своего кузена, то предупреждаю, что ему лучше не показываться здесь.

— Моего кузена? Ему лучше не показываться здесь? Я вас не понимаю, сеньор.

Изолина вопросительно взглянула на меня. Легкая краска залила ее щеки.

Я смутился не меньше Изолины, но, приступив к объяснению, я решил довести его до конца.

— В таком случае, сеньорита Варгас, я выражусь яснее. Если Рафаэль Ихурра придет сюда, то один из нас не вернется в долину. Ваш кузен покушался на мою жизнь, и я поклялся убить его, где бы я его ни встретил.

— Искренно желаю вам успеха, сеньор!

— Как! Что вы говорите? Ведь он — ваш кузен!

— Рафаэль Ихурра — мой злейший враг... и не только мой, но и моего отца.

— Неужели? Значит, вы его не ждали?

— Конечно нет! Я, правда, не труслива, но все же не хотела бы очутиться с глазу на глаз с Рафаэлем Ихуррой.

— Сеньорита, прошу вас, скажите...

— Любезный капитан... Вы задали мне такую загадку... Не вам следует спрашивать, а мне, вы же должны смиренно отвечать. Я устроила это свидание, чтобы лично поблагодарить вас за чудесного мустанга. А вы раздражены: глаза ваши искрятся гневом... вы осыпаете меня горькими упреками.

— Вы устроили это свидание? Я не ослышался, сеньорита?

— По известным вам соображениям я не могла пригласить вас к себе в га-сиенду. Вот почему я избрала для встречи эту уединенную лужайку. Не находите ли, капитан, что она прелестна?

— В нашем обществе, сеньорита, самое неприветливое и пустынное место покажется мне раем.

— Опять! Вы, верно, позабыли желтое домино. Умоляю вас, довольно лести. Мы не на маскированном балу, сеньор! Будем же откровенны и просты.

— Q_T всего сердца принимаю ваше предложение. Я приехал сюда, чтобы ис-

поведаться перед вами.

— Вот как! В каких же грехах?

— Позвольте только раньше задать вам один вопрос, сеньорита.

— Час от часу не легче! Вы метите в мои духовники?

— Да, сеньорита.

— Bravo, капитан! Продолжайте! Я отвечу вам с подобающей серьезностью.

— Прежде всего я хочу вас спросить: кто такой этот Чипрео, о котором вы упомянули?

— Чипрео? Да разве вы не знаете? Мальчик, которого я за вами послала. Что за странный вопрос?

— Вы посылали за мной?

— А вот и сам гонец. Сюда, Чипрео! Можешь возвращаться домой. Капитан, вы оказались удивительно проворным. Я ждала вам не раньше, как через полчаса. Но военные люди легки на подъем. Одно мгновение — и солдат в седле. Тем лучше, потому что уже поздно, а я должна рассказать вам столько вещей.

Внезапно я все понял. Мексиканский мальчик, которого я встретил в темной роще, был послан за мной. Вот почему он окликнул меня.

Тревога моя улеглась, и сердце исполнилось радостью.

Еще не обнаружилось, что я явился самовольно. Чипрео убежал, не сказав ей ни слова, а неожиданно быстрый мой приезд вменялся в заслугу Моро.

Я собирался уж все объяснить, как Изолина внезапно напомнила мне про обещанную исповедь.

Признание мое было несложным. Оно требовало только трех коротеньких слов на одном из двух языков, наиболее распространенных в Америке.

Я избрал тот, который словно создан для влюбленных. Нагнувшись к красавице и заглянув в ее широко раскрытые глаза, я прошептал слова, не утратившие своей прелести, несмотря на то что их повторяют на все лады:

— J te amo! (Я тебя люблю!)

Улыбка, освещавшая обычно лицо Изолины, исчезла. Нежным румянцем вспыхнули ее щеки. Стрельчатые ресницы опустились, и я не мог прочесть ее взгляда. Лицо ее омрачилось: шаловливый ребенок внезапно превратился в женщину.

Сначала выражение ее лица испугало меня, но смущение, краска стыда на щеках и высоко вздымавшаяся грудь — все это было добрым знаком.

Минута молчания показалась мне вечностью.

— Сеньор, — промолвила наконец Изолина, и впервые со времени нашего знакомства голос ее дрогнул, — сеньор, вы обещали мне быть откровенным. Но могу ли я верить в вашу искренность?

— Я говорю от всего сердца.

Она подняла глаза; в них светилась любовь. Взгляд ее наполнил мою душу блаженством. Даже солнечный луч не обладает такой живительной силой!

На подвижном, выразительном лице снова заиграла улыбка, но я приписал ее равнодушию и снова встревожился.

— Скажите, сеньор, — продолжала Изолина, — чего ждете вы от меня?

Я опешил.

— Быть может, вы ждете ответного признания?

— Увы! Разве я смею надеяться? Вы не можете...

— Вы ни о чем не спрашиваете меня?

— Нет, сеньорита! Мне страшен ваш ответ.

— С каких пор вы стали таким робким? Как обидно, что на мне нет маски. Не опустить ли вуаль, чтобы придать вам смелости?

Мне было больно и грустно. Я опустил глаза, как подсудимый, ожидающий тяжкого приговора.

Изолина рассмеялась, и в ее голосе мне послышались насмешливые нотки.

Внезапно услышал я топот и, подняв глаза, увидел, что Изолина удаляется.

Она направилась к центру лужайки. На самой вершине холма она остановилась.

— Сюда, капитан! — крикнула Изолина, махнув рукой.

Машинально я последовал за девушкой.

— Итак, капитан, вы без боязни бросаетесь в бой, но робеете перед женщиной, не решаясь спросить, любит ли она вас.

Печальная усмешка была единственным ответом на ее шутливую болтовню.

— Bravo, капитан! Вы меня удивляете. Не раз, наверное, задавали вы другим женщинам этот вопрос. Боюсь, что часто, слишком часто повторялись на вашем веку подобные сцены.

Она произнесла эти слова с нескрываемой горечью. Улыбка снова исчезла. Взгляд был устремлен вдаль.

— Не стоит заглядывать в прошлое, — продолжала Изолина. — Будем жить настоящим. Повторите, капитан... да, да, скажите мне еще раз, что вы меня любите.

— Я люблю вас... люблю, сеньорита!

— Меня одну? Только меня?

— Я никогда не взгляну ни на одну женщину.

— Спасибо, спасибо!

— Неужели, у вас не найдется для меня ничего, кроме холодной благодарности?

Молча отвернулась она, словно переживая какую-то внутреннюю борьбу.

— Я сумею доказать вам свою признательность, — сказала наконец Изолина. — Сами судите, оценила ли я вашу любовь. Три вещи могу я подарить вам...

— Не томите, Изолина.

— Я обещала ничего не скрывать от вас. Слушайте же. Я тоже пришла сюда, чтобы открыть вам свою душу. Видите, вдали белеет дом. В нем родилась я. Если вы захотите, вы войдете в него хозяином.

— Изолина!

— Еще я могу предложить вам свою руку.

Она протянула мне свою руку, которую я крепко сжал.

— А третий дар, Изолина?

— Третьего я не в состоянии вам отдать, потому что оно уже принадлежит вам. Вы похитили его.

— Что же это?

— Мое сердце.

Наши кони, чуткие, умные животные, внимали, казалось, разговору. Они медленно приближались друг к другу, и в то мгновение, когда я услышал последние слова Изолины, морды их соприкоснулись, и зазвенели стальные уз-

дечки.

Они стояли бок о бок, словно впряженные в одну упряжь. Видно, они понимали, чего хотят прелестная всадница и счастливый спутник. В безмолвном порыве мы с Изолиной нагнулись друг к другу — и первый поцелуй скрепил нашу любовь.

Глава XLVI В ЛЕСУ

Мы расстались, так как неблагоприятно было показываться вместе. Изолина ускакала первая, оставив меня на лужайке. Прощаясь, мы сговорились встретиться на следующий день.

Я медлил, не желая покидать холма, отныне священного для нас с Изолиной.

Буйная радость победы сменилась глубоким покоем и беспредельным лучезарным счастьем. Заветная мечта исполнилась.

В жизни нет блаженства, равного разделенной любви. Только счастливый влюбленный без страха глядит в лицо будущему.

Внешний мир гармонировал с моим душевным состоянием. Никогда цветы не благоухали так сладко, как в этот день. Они сверкали ослепительными красками, а хлопотливое жужжание пчел и птичий гомон сливались в дивную мелодию.

Я охотно задержался бы на лужайке, но служебные обязанности призывали меня в селение.

Солнце уже склонилось к закату, когда я въехал под сень шелковистых мимоз.

Поглощенный своим счастьем, я ни на что не обращал внимания.

Мне следовало опустить поводья, предоставив коня самому себе. Моро инстинктивно привез бы меня в поселок. Но, в рассеянности дергая поводья, я заставил его свернуть с прямого пути.

Что бы там ни было, но я очутился в густом лесу, без малейшего признака тропы, не зная даже, верное ли я взял направление. Вскоре я убедился, что еду не в ту сторону, так как иначе уже выбрался бы на дорогу.

Не тратя времени на размышления, я повернул коня. Разведка моя не увенчалась успехом: я покрыл около мили, но тропы не обнаружил. Вторично предпринял поиски в новом направлении, но вторая разведка кончилась так же неудачно, как и первая.

Местность была лесистой и плоской; кругозор со всех сторон ограничен деревьями, сориентироваться было невозможно.

Я безнадежно заблудился.

Приятно днем блуждать по лесу, но час был поздний, солнце уже село, и мрак быстро сгущался.

Через несколько минут наступит полная темнота. Очевидно, мне придется заночевать в лесу.

Казалось, можно приятно провести время, вспоминая радостные события сегодняшнего дня. Отчего бы не помечтать об Изолине?

Увы! Тело сильнее духа, и любые грезы, даже любовные, блекнут, когда человек голоден, как волк.

Ночь будет отвратительная: холод и голод помешают уснуть. Надвигается гроза, и уже накрапывает дождь, я промокну до костей.

После третьей неудачной попытки я остановил коня и прислушался. На этот раз мне повезло: в лесу, шагах приблизительно в ста, раздался выстрел.

Находясь во вражеской стране, я мог испугаться стрельбы, но по сухому короткому разряду я узнал, что стреляют из охотничьего карабина, неупотребляемого в Мексике. Больше того, вслед за выстрелом послышался глухой шум, словно что-то с высоты упало на землю. Любитель охоты, я не мог ошибиться в характере этого звука: подбитая птица свалилась с ветки на землю.

Стрелок, несомненно, янки. Двое или трое среди рейнджеров вместо ружей военного образца получили в интендантстве охотничьи карабины. То были профессиональные охотники, которым сделали это поблажку.

Итак, мне предстоит встреча с одним из моих солдат.

Без колебаний я поехал в сторону выстрела.

Прошло несколько минут. Место, откуда стреляли, осталось, должно быть, позади, но я никого не встретил. Я хотел уже повернуть обратно, но за моей спиной раздался знакомый голос:

— Черт возьми! Да ведь это же наш приятель — капитан!

Я обернулся. Двое трапперов вылезли из-за кустов. Услыхав топот, они благоразумно спрятались в засаду.

Рубби держал крупного индюка, а Гаррей тащил на спине отборные куски оленины.

— Удачная, видно, была охота, — заметил я, когда они приблизились.

— Вы правы, капитан! — кивнул Гаррей. — Мы обеспечены теперь продовольствием. Я не хочу сказать, что рейнджеры отказываются кормить нас, но мы обязались самостоятельно добывать себе пропитание.

— Да, да! — подхватил Рубби. — Мы — вольные горцы и не желаем никого обременять.

— К тому же, капитан, — подхватил Гаррей, — я не в восторге от вашего стола. Кормят вас, надо сказать, скудно. Примите от нас в подарок индюка и олений окорок. О нас не беспокойтесь: мы обойдемся. Не правда ли, Рубби?

— Верно! — лаконически подтвердил старый траппер.

Я не стал церемониться, тем более что деревенский трактир не отличался изысканной кухней.

Итак, я охотно принял подарок, и мы втроем двинулись в путь.

С такими проводниками, как трапперы, я ничего не боялся.

Приятели мои тоже возвращались в лагерь. В лесу они бродили с полудня, а лошадей оставили в поселке.

Сделав около полумили, мы выбрались на узкую тропу.

Здесь приятели мои, мало знакомые с местностью, в недоумении остановились, не зная, куда идти.

Стояла крошечная тьма. Как и вчера, изредка сверкали молнии. Эта ночь отличалась от прошлой только тем, что шел проливной дождь. Мы совершенно вымокли и дрожали от холода.

Свинцовые тучи заволакивали небо.

Когда блеснула молния, Рубби склонился к земле. Мне показалось, будто он изучает следы. То была глубокая колея, пробитая тяжелыми колесами повозки.

Опытный следопыт быстро справился со своей задачей. Ему понадобилось не больше времени, чем на прочтение надписи на дорожном столбе.

— В ту сторону! — закричал Рубби, выпрямляясь и указывая рукой направление.

Мы двинулись в путь.

Любопытствуя, каким образом он разобрался в следах, я пристал к нему с расспросами.

— Видите ли, друг мой, — ответил Рубби, — колея оставлена мексиканской повозкой. Всем известно, что они двухколесные, однако я подметил следы четырех колес. Одна и та же повозка дважды проехала по дороге, так как обе колеи одинаковы. Не трудно сообразить, что обратная колея ведет в деревню.

— Но как же вы узнали, которая из них обратная?

— Это проще, чем выпить стакан вина, — усмехнулся Рубби. — Обратная колея свежее первой, так как пробита на несколько часов позже.

Мне осталось только преклониться перед чутьем траппера.

Через некоторое время снова раздался голос Рубби, опередившего нас на несколько шагов.

— Мы на правильном пути, — сказал он. — У меня есть приметы почище направления колеи.

— Какие же? Что вы еще нашли? — спросил я.

— Воду! — откликнулся Рубби. — Вы усомнились в моей догадливости, но я оказался прав. Прислушайтесь как следует.

Журчал ручеек на твердом грунте.

— Слышу плеск, — сказал я. — Но какие вы делаете из этого выводы?

— Это потоки дождевой воды, — пояснил траппер. — Мы идем по течению, спускаясь в долину. Там легко найти дорогу. Проклятый ливень! Я промок до нитки. В этом потоке захлебнется и водяная крыса.

Мы пошли дальше. Через десяток ярдов быстрый ручеек перерезал тропу и затем уклонился в сторону. Образовался он в течение нескольких часов и вился в одном направлении с тропой.

Еще полмили — и мы выбрались из лесу на дорогу, которая вела в селение.

Напрасно радовались мы, надеясь отогреться под кровом: у самого поселка нас остановил властный окрик часового:

— Кто идет?

— Друзья! — ответил я. — Это вы, Квакенбосс?

Я узнал голос солдата-ботаника и в блеске молнии увидел под деревом его нескладную фигуру.

— Стойте! Пароль!

Таков был решительный ответ Квакенбосса.

Пароля я не знал.

Выезжая днем из лагеря, я совершенно позабыл справиться про пароль. Теперь я поплатился за свою оплошность.

— Мы не знаем пароля, но это я, Квакенбосс. Вы разве не узнали...

И я назвал свое имя и звание.

— Что мне до этого? — угрюмо проворчал увалень. — Без пароля никого не пропущу.

— Ах ты, дурень! — в раздражении закричал Рубби. — Ведь перед тобой капитан!

— Возможно, — отозвался несговорчивый солдат. — Но все же я не пропущу его.

Тут только я понял всю трудность положения.

— Пошлите за начальником караула или за кем-нибудь из лейтенантов, — сказал я упряму.

— Нет у меня рассыльных, — раздался из темноты голос Квакенбосса.

— Я сам пойду, — вызвался Билли Гаррей.

В наивности своей траппер полагал, что его беспрепятственно пропустят в лагерь, и смело двинулся к часовому.

Но тотчас последовал громовой возглас Квакенбосса:

— Стой! Стой! Еще шаг — и я стреляю!

— Это еще что? — вспыхнул Рубби, бросаясь вперед. — Ты собираешься стрелять в моего товарища? Проклятая ослиная башка! Если ты спустишь курок, прощайся с жизнью! Видишь эту игрушку?

И Рубби поднял карабин.

Зная меткость его стрельбы, я испугался и закричал во все горло:

— Остановитесь, Квакенбосс! Не стреляйте! Мы подождем.

В то же время я схватил своих спутников за руки и оттащил их в сторону.

Повелительная интонация моего голоса смутила Квакенбосса, а может, при свете внезапной молнии он узнал меня и трапперов. Прежде чем воцарилась темнота, я заметил, что он опустил ружье. Обрадованный его миролюбием, я облегченно вздохнул.

Однако пропустить нас он по-прежнему отказывался.

Продолжать переговоры было бесполезно, так как в лучшем случае они привели бы к словесной перепалке между Квакенбоссом и трапперами. С трудом восстановив мир, я решил безропотно ждать, пока случайно не явится на помощь кто-нибудь из караульных.

К счастью, на площади показался один из рейнджеров.

Квакенбосс соблаговолил подзвать, а я, пустив в ход все свое красноречие, уговорил солдата сбегать за начальником караула.

Появление капрала положило конец этому нелепому спору, и мы беспрепятственно миновали караульный пост.

Проходя мимо рьяного часового, старик Рубби шепнул ему:

— Черт побери твою ослиную башку! Плохо тебе придется, если мы встретимся когда-нибудь в прериях!

Глава XLVII ПРОЩАНИЕ

В течение двух недель мы с Изолиной упивались счастьем. Лишь изредка мимолетная печаль омрачала нас: то было предчувствие разлуки. Но тучи рассеивались при мысли о новом свидании. Никогда не расставались мы, не условившись о следующей встрече. Утром мы говорили друг другу «до вечера», а вечером «до завтра».

Я не тяготился однообразием своей жизни. Дни я проводил в сладком опьянении. Но — увы! — всему бывает конец.

Наступил горестный час, когда мы простились на неопределенное время, быть может, до конца войны.

Изолина умоляла меня остаться, но я был тверд. Нелегко мне было оторваться от милой моей невесты. На лужайке обменялись мы последними клятвами. Не в первый раз повторяли мы священные для влюбленных слова, но в первый раз в слезах и горе.

Когда Изолина скрылась за густой листвой, мне показалось, что померкло солнце.

Недолго оставался я после нее на лужайке. Долг призывал меня к моим рейнджерам. Уже смеркалось, а наутро мы выступали в поход.

Я собирался уже спуститься по хорошо знакомой тропинке. Изолина ускокала в другую сторону, напрямик к гасиенде. Из предосторожности мы всегда возвращались разными дорогами. Но местность была пустынной. Даже ваке-ро редко забредали в эту сторону, и никто не знал про наши встречи — так по крайней мере думали мы с Изолиной. Вот почему в последнее время мы осмелели и не так тщательно скрывали свои свидания.

Лишь несколько часов назад я узнал, что жители селения проникли в наш секрет. Сообщил мне об этом Уитлей со слов Кончитты. Лейтенант, между прочим, посоветовал мне не удаляться от стоянки без провожатых.

Я принял бы к сведению его слова, ли бы мы не получили уже приказа о выступлении.

Поглощенный мыслью о предстоящей разлуке и не ожидая ни с чьей стороны нападения, я отправился к Изолине.

К тому же Ихурра — мой злейший враг — давно уже исчез из окрестностей гасиенды. После стычки у мезы его отряд соединился, как мы узнали из достоверных источников, с гверильей знаменитого Каналеса, который орудовал между Комарго и Мотерей. Если бы Ихурра появился около поселка, ему не удалось бы ускользнуть от бдительного ока Холлингсворта и рейнджеров.

Итак, я собирался уже свернуть на обычную тропинку, но внезапно мне захотелось еще раз взглянуть на Изолину.

Она, наверное, уже в гасиенде. Я проеду мимо белого дома, и, быть может, она помашет рукой с азотеи и крикнет: «Прощай!»

Моро, словно проникнув в мои мысли, свернул на тропинку, по которой уехала Изолина.

Глава XLVIII

УГРОЗЫ

Голос Ихурры был мне прекрасно знаком. Он врезался в мою память с того знаменательного дня, когда я услышал его с мезы.

Казалось бы, Изолина стояла вне подозрения, но к стыду своему должен признаться, что я испытывал чувство, похожее на ревность.

Несмотря на вздохи, слезы и клятвы, я ревновал к Ихурре! Могу сказать в свое оправдание, что отвратительное чувство овладело мной лишь на одно мгновение.

Осторожно соскочив с седла, я направился к прогалине, откуда доносились голоса. Моро стоял как вкопанный, хотя я не привязал его.

Я шел крадучись, с величайшей осторожностью раздвигая ветки. Собеседники не замечали моего приближения.

Притаившись за карликовыми пальмами, я увидел свою невесту и ее двоюродного брата.

Изолина сидела верхом. Ихурра стоял у стремени, одну руку положив на седло, а в другой сжимая поводья.

Тут только я понял, что то была случайная и нежелательная встреча, по крайней мере для Изолины. Ихурра, завладев поводьями, силой удерживал Изолину.

— О, я не жду от вас ничего приятного. Но делать нечего. Говорите. Я слушаю.

— Хорошо. Для начала вот несколько документов, компрометирующих вас и вашего отца.

Он вытащил из кармана какие-то бумаги, развернул и показал Изолине.

— Вот пропуск, выданный главнокомандующим американской армией на имя донны Изолины де Варгас. Вероятно, вы его знаете. А вот письмо дона Рамона де Варгаса генеральному секретарю той же армии. Оно лежит в одном конверте с письмом того же комиссара к вашему флибустьеру. Как видите, доказательство измены налицо.

— Хорошо, сеньор! Дальше!

— Хорошо? Совсем не так хорошо, как вы полагаете. Президент не оставит безнаказанной эту предательскую переписку. Достаточно показать Санта-Анне эти документы, и я немедленно получу приказ задержать вас и, разумеется, использую его. Больше того, арест повлечет за собой конфискацию вашего имущества, которое перейдет в мои руки. Да, именно в мои.

Ихурра усмехнулся.

Изолина молчала.

Я не видел ее лица, но чувствовал, что угрозы испугали ее.

Ихурра продолжал:

— Вы поняли теперь свое положение. Выходите за меня замуж, и я немедленно уничтожу документы.

— Никогда!

Решительный отпор обрадовал меня.

— Никогда? — повторил Ихурра. — Берегитесь! Как только страна будет очищена от проклятых янки, я завладею нашим поместьем.

— Ошибаетесь, Рафаэль Ихурра! — ответила Изолина с презрительной улыбкой. — Вы не так дальновидны, как воображаете. Земли моего отца расположены на тexasском берегу Рио-Гранде, и прежде, чем страна будет очищена от янки, они проведут границу по этой реке. Кто конфискует наши земли? Во всяком случае не вы и не ваш трусливый диктатор.

Ответ Изолины разъярил Ихурру.

— Даже в этом случае, — кричал он, — вы никогда не будете наследницей Варгаса! Послушайте, Изолина, я вам открою еще одну тайну. Знайте, сеньорита, что вы — незаконная дочь дона Рамона.

Изолина вздрогнула.

— У меня есть доказательства, — продолжал Ихурра. — Если Соединенные Штаты восторжествуют над Мексикой, вы уже наверное не будете узаконены. Не быть вам наследницей де Варгаса!

Изолина молчала.

— Теперь, сеньорита, вы понимаете, что я ни в чем не заинтересован, предлагая вам свою руку. Больше того: я вас никогда не любил. Я лгал и лицемерил, объясняясь вам в любви.

Но лгал Ихурра, не признаваясь в любви, а сейчас, отрекаясь от нее. На издевательства его подстрекала ревность. Как бы ни была груба его страсть, он любил Изолину.

— Как я мог полюбить вас... дочь жалкой индианки... метиску...

Чаша переполнилась. Белые в Америке гордятся своим европейским происхождением. Хуже заразы боятся примеси цветной крови. Даже в Мексике, несмотря на множество смешанных браков и на фактическое преобладание метисов, две расы не могут примириться друг с другом.

— Посторонитесь! — крикнула Изолина. — Отпустите поводья!

— Подождите! — ответил Ихурра. — Я имею кое-что вам сообщить.

— Негодяй! Оставьте меня!

— Не отпущу, пока вы не обещаете, пока вы не поклянетесь...

— Назад, иначе я стреляю!

Я бросился на помощь Изолине. В руке ее сверкнул пистолет.

Она нацелилась в голову Ихурре.

Зная решительный характер своей кузины, Ихурра не на шутку струсил. Он отскочил в сторону. Поводья выскользнули из его рук. Изолина пришпорила мустанга. Горячий конь понесся стрелой. Одно мгновение — и всадница скрылась из виду.

Я опоздал, сеньорита не нуждалась уже в моей помощи. На поляне я застал одного Ихурру.

Глава XLIX ЛОВУШКА

Ихурра, стоя ко мне спиной, глядел с бессильной яростью вслед Изолине. Голоса моего он не слышал и не заметил, как я подошел.

Саблю я держал наготове. Ихурра теперь в моей власти. Еще минута — и он валялся бы у моих ног, но мексиканец родился под счастливой звездой.

Посудите сами: я встретился с негодяем, покушавшимся на мою жизнь, со смертельным врагом моей возлюбленной, с презренным убийцей, в отношении которого закон чести не писан. Велик был соблазн поступить с ним по заслугам; однако я не поддался искушению и ограничился тем, что хлопнул Ихурру по плечу.

Он вздрогнул, словно подстреленный, и резко обернулся. Краска бешенства на щеках его сменилась бледностью. В глазах засветился страх. Ихурра растерялся. Обнаженная сабля грозила ему смертью.

Мы столкнулись лицом к лицу впервые. Ихурра был выше и сильнее, но лицо его нервно подергивалось, и губы дрожали.

Хозяином положения был я.

— Вы — Рафаэль Ихурра?

— Да, сеньор, — ответил он после некоторого колебания, — что вам угодно?

— Вы завладели принадлежащими мне документами, — произнес я, указывая на письма, судорожно зажатые в руке. — Потрудитесь вернуть их!

— Вы — капитан Уорфильд? — спросил он, выдерживая паузу и делая вид, что внимательно изучает подпись на письме комиссара.

— Да, я — капитан Уорфильд! Странно, что вы этого не знаете!

Ихурра оставил мою колкость без ответа.

— Вот адресованный вам пакет, — сказал он. — Я подобрал его на дороге. Рад с вами встретиться.

С этими словами он протянул мне приказ комиссара.

— Здесь должно быть письмо, — заметил я. — Благоволите передать его мне!

— Письмо за подписью Рамона де Варгаса? Разве оно было вложено в этот конверт?

— Конечно!

— Ах, да, совершенно верно! Вот оно, сеньор!

— В ваших руках остается пропуск, выданный американским командованием одной леди. Прошу вас, синьор Ихурра, не отказать в любезности передать его мне. Я отошлю его по принадлежности!

Ихурра украдкой оглянулся. Я зорко за ним следил. Каждую минуту он мог меня ударить.

— Правильно! — ответил он, помолчав. — Пропуск мне не нужен. Он к вашим услугам, капитан!

Принужденно улыбаясь, Ихурра протянул мне пропуск.

Я спрятал на груди драгоценные документы, взмахнул саблей и предложил Ихурре защищаться.

Хотя сабля рослого мексиканца была тяжелее моей, я не страшился поединка с презренным противником.

Но Ихурра колебался и не вытаскивал сабли.

— Вы должны драться! — повелительно крикнул я. — Я зарублю вас, если вы не будете защищаться! Низкий трус! Защищайся, если не хочешь быть убитым!

Губы Ихурры дрожали, глаза беспокойно блуждали по сторонам. Он был рад провалиться сквозь землю.

И вдруг — представьте мое изумление — малодушный авантюрист расхрабрился и бурно выхватил саблю из ножен: Ихурра принимал вызов. Растерянности его как не бывало. В глазах сверкнуло бешенство. Он сделал первый выпад.

Клинки скрестились, посыпались искры.

Я едва успел отскочить, но, случайно оглянувшись, увидел в пятнадцати шагах бегущих к нам двух гверильясов с саблями наголо. Вот объяснение храбрости Ихурры! Он удачно выбрал момент для начала поединка!

— Эй вы, там! — закричал он, поймав мой взгляд. — Эль-Зорро, Хозе! Ко мне! Смерть янки! Смерть негодяю!

Три сабли против одной! Неравные шансы! Подоспевшие были серьезными противниками — не чета трусу, с которым я сражался!

Отступать поздно. Лошадь — далеко, и путь к ней отрезан!

Гверильясы в беге равны индейцам. На бегство надежды никакой. Они уже близко! Сейчас на меня набросятся и зарубят на месте.

Не размышляя, я отступил на несколько шагов и дал отпор всем трем. Клинки зазвенели с еще большим ожесточением.

Не помню, как протекал неравный бой. Выпады следовали беспорядочно один за другим. Удары сыпались со всех сторон. Кровь залила мне лицо. С каждой секундой силы таяли, и ловкость меня покидала.

Вот Эль-Зорро заносит клинок, обагренный моей же кровью... Роковой удар! Я не в силах его отпарировать! Крик отчаяния вырывается из моей груди. Я погибаю!

Но что же случилось? На лицах противников — ужас, сабли их дрогнули. Неужто гверильясов устрасил мой крик?

Треск ружейного выстрела. Рука Эль-Зорро повисла...

Я как бы очнулся от тяжелого сна: гверильясы спасались кто куда и через несколько минут исчезли в чаще.

Какой-то человек с ружьем пересекал поляну. Это стрелял он. Бегущий был в одежде мексиканца, — конечно, гверильяс. Стреляя в меня, он случайно ранил товарища. Не сомневаясь в правильности своей догадки, я приготовился к защите и вытер кровь, струившуюся по глазам.

Длинные обезьяньи руки и кривые ноги Элии Квакенбосса я узнал лишь в последнюю секунду, уже направив на него острие сабли.

Квакенбосс, разрядив ружье, бросился мне на помощь, чтобы разогнать противника ударами приклада, но гверильясы исчезли, как дым, вообразив, что на них напали многочисленные враги.

Любовь Квакенбосса к ботанике спасла мне жизнь. Он собирал в лесу гербарий и прибежал на шум.

— Спасибо, Квакенбосс, спасибо, храбрый друг! Вы появились вовремя.

— Сожалеею о промахе, капитан! Так хотелось раздробить череп рыжему дьяволу или всадить ему пулю в брюхо. Он дешево отделался.

— Гверильяс все-таки наказан: вы прострелили ему руку!

— Увы, я промахнулся. Но, я вижу, вы ранены, капитан? Вам дурно?

— Пустяки! Не опасно, — пролепетал я, шатаюсь. — Чутьочку ослабел от потери крови. Умоляю вас, позаботьтесь о моем коне, он там... там... Приведите Моро! — Ия потерял сознание.

Когда я пришел в себя, Моро стоял возле. Раны мои были перевязаны. Любитель ботаники изорвал на бинты свою рубашку. Квакенбосс приводил меня в чувство, усердно поливая водой из ботфорта.

Кое-как с помощью Квакенбосса я взобрался на лошадь и с трудом удержался в седле. Мы поехали в селение. Лошадь вел мой спутник.

Тропинка пролегла вблизи гасиенды. Ночь укрывала меня.

Так лучше. Мой жалкий вид мог вызвать бесполезную тревогу. В пути мы не встретили ни души, и через полчаса я был в безопасности в доме алькада.

Глава L ОБРЕЧЕННЫЕ

Невеста верна мне. Как я мог хотя бы на минуту в ней усомниться? Впредь обуздаю свои подозрения.

Сейчас я тревожился за безопасность Изолины.

Перед самым выступлением американцев из селения в окрестностях гасиенды появился Ихурра со своей шайкой. Стратегический план нашего штаба был, очевидно, ему известен. Слухи, переданные Уитлем, оправдались.

На форт прибыл новый главнокомандующий. Три четверти оккупационной армии вошли в состав экспедиционного корпуса, который направлялся в Вера-Круц. Честолюбивый начальник подбирал лучшие полки и включил рейнджеров в списки своего корпуса. Однако большинство солдат предпочитало остаться с храбрым ветераном, столько раз водившим нас к победе. Так думал Уитлей, так рассуждал и я. То же можно сказать о Холлингворте, хотя у него были особые основания помедлить на берегах Рио-Гранде: красотка Кончитта удерживала его!

Американский корпус уже выступил. Пехота и кавалерия двинулись к Рио-Бразос, Сант-Яго и Тампико, где они должны были погрузиться на барки, чтобы плыть на юг. Все участники экспедиции получили соответствующие приказания.

Окончательно покидать Рио-Гранде мы не собирались, но нам было предписано в целях сокращения фронта эвакуировать не только поселок, но и соседний городок, где стояла целая дивизия; теперь на пятьдесят миль в окружности не останется ни одной нашей части. Возможно, что в это глухое селение уже никогда не заглянет американский солдат.

Одна мысль об этом приводила меня в глубокое уныние.

Я не сомневался, что противник в курсе наших передвижений. Окрестное население, например, знало о завтрашнем выступлении и с каждым часом глядело неприветливее. Открытая враждебность жителей уже вызвала несколько конфликтов.

Наши друзья — аянкиядо — получили анонимные письма с угрозами всякого рода, вплоть до конфискации имущества. Даже алькад не был застрахован от подобных посланий.

Все это меня волновало. По слухам, повсюду, где мы останавливались, уже циркулировали «черные списки» с именами наших доброжелателей. Тщетно ломал я голову, как обеспечить безопасность Изолины на время моего отсутствия.

Может, Холлингсворту удастся арестовать Ихурру? Я послал его в погоню за ним с небольшим отрядом и с нетерпением ждал теперь возвращения товарища.

Из раздумья меня вывел голос Уитлея.

— В чем дело, лейтенант?

— Вас спрашивает какой-то симпатичный мальчуган.

Он ввел Чипрео.

Мальчик протянул мне конверт. Я его вскрыл: в нем оказалась веточка можжевельника, на коре которого было нацарапано: «Тиуа!»

Я понял.

Туземцы называют можжевельник «Тиуа». В устах женщины это словечко звучит по-испански как «Ваша!», «Твоя!» или «С тобой!».

— Всё? — спросил я. — Больше тебе ничего не передавали?

— Нет, сеньор капитан, мне приказано только узнать, благополучно ли вы доехали.

Я разломал веточку, кусочек с начертанием «Тиуа!», спрятал на груди, а на другой нацарапал «Твой!» и, прижав к губам, передал Чипрео.

В полночь вернулся с разведки Холлингсворт с рейнджерами. Они никого не встретили.

Глава LI ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД

Лунная ночь сменилась робким мерцанием зари. Звуки труб разбудили Рейнджеров.

В бледных лучах рассвета сновали люди, выводившие лошадей. Горнист скомандовал: «В седло!» Рейнджеры выстраивались на площади, готовясь к выступлению.

В центре — наш единственный фургон, запряженный цугом мулами. В нем багаж и раненые.

Барабанщик скрестил палочки над барабаном.

В последний раз поднялся я на азотею и окинул взглядом площадь. Кони фыркали и прядали ушами, всадники свертывали плащи. Часть рейнджеров уже села на лошадей, другие только седлали коней, некоторые подкреплялись вином на пороге кабачка. Звенели прощальные кружки.

Но в селении мы оставляли не только друзей: за решетками окон и на порогах притаились злорадные туземцы, кутаясь в сарапе, бродили угрюмые леперо, прячась по углам и бросая свирепые взгляды из-под широкополых шляп. Большинство леперо примкнуло к гверилье, но и оставшихся было достаточно, чтобы омрачить картину выступления. Девушки глядели испуганно.

Под влиянием личных неприятностей все казалось мне еще мрачнее, чем было на самом деле. Всю ночь я терзался опасностью, грозившей моей будущей жене. Опасностью, надвигавшейся, неуловимой, как призрак. Зловещие предчувствия одолевали меня. Воля расшаталась. Несмотря на свойственный

мне скептицизм, я был глубоко убежден, что Изолине грозит серьезная беда со стороны Рафаэля Ихурры.

Кроме того, в стране было неспокойно.

Несколько лет междоусобия, набеги индейцев и бурные смены мексиканских правительств разоряли пограничную область.

Изолина — этот прекрасный цветок — выросла в самый разгар борьбы. Удивительно, что до сих пор цветок не растоптан.

Сеньорита де Варгас, при всей ее храбрости, лишь ничтожная былинка в вихре событий.

Ихурра способен на вероломство. Холлингсворт дал ему самую нелестную характеристику.

Неужели отказаться от командования рейнджерами? Невозможно. К тому же, затерявшись среди враждебного населения, я сам не могу считать себя в безопасности.

Наконец я решил повидать Изолину и дона Рамона и убедить их ехать с нами.

Досадно, что эта мысль так поздно пришла мне в голову. Дон Рамон, по всей вероятности, будет возражать. Как уломать упрямого старика? Он знал о моей любви к Изолине и не препятствовал нам. Удастся ли мне доказать гидуальго, что жизнь его самого и дочери в опасности?

С другой стороны, Изолина не допускает мысли, что из-за такого труса, как ее двоюродный брат, надо бежать из родительского дома. Она не боится Ихурры и не разделяет моей тревоги.

Что делать? Приказано выступить на заре. Я еще успел бы съездить к сеньорите Варгас: до гасиенды недалеко.

Ради таких исключительных обстоятельств можно, пожалуй, нарушить приличия и вломиться в дом на рассвете.

Эскадрон уже выстроился в походном порядке. В последнюю минуту ко мне подошел Холлингсворт и посоветовал оставить Изолине письмо.

Я последовал совету боевого товарища, отправил сеньорите записку, полную тревоги и сомнений, и подал знак к выступлению.

Далеко разнеслись пронзительные звуки кавалерийского рожка. Я вскочил в седло. Музыка боевой тревоги и радостное ржание коня вернули мне самообладание.

Глава LII С ДРУЗЬЯМИ

Вновь мной овладела тоска... Тщетно пытался я вздохнуть полной грудью. Холодные доводы разума не убеждали меня.

Не только разлука была повинна в дурных предчувствиях и угнетенном состоянии. Война вступила в свои права: я могу пасть на поле битвы. Могу погибнуть от эпидемии. Будущее мрачно и неопределенно.

Нет, я останусь жив. Мучителен страх не встретить больше Изолины.

Не раз я готов был повернуть коня, но, стиснув зубы, продолжал путь. Возвращаться одному в селение было к тому же небезопасно.

Крики «Смерть техасцам!» неслись нам вслед, когда мы покидали площадь. Стоило большого труда сдерживать возмущенных рейнджеров.

Гверилья время от времени подавала признаки жизни.

С холмов по отступающим стреляли, но разведчики наши возвращались, никого не обнаружив. Лишь однажды заметили двух всадников, скакавших во весь опор. Они принадлежали, вероятно, к банде Ихурры.

Поблизости бродил также Каналес. Встреча с его значительным и хорошо дисциплинированным отрядом сулила худшие последствия, чем перестрелка с гверильясами, но мысль о ней вызывала в наших рядах подъем настроения. Захват Каналеса, этой «лисицы зарослей», рисовался блестящей победой, уступавшей в заманчивости только пленению самого Санта-Анны.

Надежда на столкновение с Каналесом на время отвлекла меня от мрачных предчувствий.

Города мы достигли благополучно. Каналес уклонялся от встречи. Его слазняла не боевая слава, но обоз с ценным добром, а рейнджеры располагали лишь американскими вшивыми одеялами. Даже гверильясы гнушались подобной добычей.

В городе мы с удивлением узнали, что дивизия еще не выступила: приказом из штаба поход отсрочивался на неделю.

Новость эта меня чрезвычайно обрадовала. А вдруг нас отошлют обратно в селение? Вскоре, однако, выяснилось, что нам предписано остаться при дивизии.

Во всех сколько-нибудь пригодных помещениях были уже расквартированы войска. Рейнджеры считались иррегулярной частью, и нам пришлось расположиться под открытым небом, в полумиле от городка. Здесь, на берегу ручья, разбили палатки и, привязав лошадей, умыли запыленные лица.

Чтобы узнать о дальнейших намерениях штаба и немного развлечься, я отправился в город.

Почти в каждом полку я оставил старых друзей. Отчего не возобновить знакомство?

В штаб-квартире я получил подтверждение тому, что раньше мы не выступим.

Просияв, я побрел в гостиницу — обычное место свидания армейских кутил — и в беседе с друзьями на время забылся.

Тут меня посвятили в очередные сплетни и злободневные истории, и я хотел с приятелями до упаду.

Жители города относились к нам дружелюбно, так как американцы вели себя прилично.

За время нашей стоянки в селении в городе было одержано немало любовных побед. Один из офицеров обручился с богатой сеньоритой. Свадьбу отпраздновали пышно, и у счастливица нашлось не мало подражателей.

Глава LIII РАЗРУШЕННОЕ РАНЧО

В лагере я сразу помрачнел и долго бродил, скучая, вокруг своей палатки и свалился на койку, обуреваемый прежними страхами. Наконец я решил: с двадцатью отборными рейнджерами нагряну на гасиенду и заставлю Изолину покинуть опасные места. Возможно, что хозяйева гасиенды уже вняли моим советам и дом опустел. Тем лучше, но скорее всего дон Рамон заупрямился.

Отобрав рейнджеров, я приказал им готовиться к вечернему выступлению. По двум причинам удобнее было действовать ночью. Во-первых, экспедиция предпринималась на мой собственный риск, в штаб-квартире не должны были о ней подозревать, хотя рейнджеры пользовались большей свободой, чем регулярные части, и большую часть времени проводили в рекогносцировках. Во-вторых, этого требовало благоразумие. Ночью мы никого не встретим, и весть о нашем прибытии не опередит нас.

Когда стусились сумерки, мы сели на лошадей и молча выехали из кустарника, окаймлявшего лагерь. Тропинка вывела нас на широкую дорогу, тянущуюся до самого селения.

На разведку пустили вперед Рубби и Гаррея. Они вышли пешком, оставив своих лошадей в лагере. Мы ехали шагом, принаравливаясь к пешеходам.

Рубби с Гарреем ползли на четвереньках, то и дело припадая к земле и внимательно изучая следы.

В лунном свете мы четко различали опередивших нас разведчиков.

Местность была глухая, только одно ранчо лежало на полпути — деревянный домишко с небольшим участком возделанной земли, где когда-то росла кукуруза. Хозяйева ранчо давно бежали. Грабители не раз сюда наведывались, и осколки статуэток домашнего алтаря валялись вперемежку с обрывками олеографий.

Еще накануне это ранчо произвело на меня тяжелое впечатление. «Какие жалкие, — подумал я, — развалины!»

Но теперь, подъезжая, мы издали уловили смешанный гул женских и мужских голосов и сделали остановку, чутко прислушиваясь.

Шум усилился. Ветер донес к нам чьи-то вопли.

— Это женщины плачут, — сказал один из рейнджеров.

Пришпорили коней и тронулись рысью, но Гаррей, возвращавшийся с разведки, вторично остановил нас.

В сумерках мне удалось заметить тревожное выражение лица Гаррея.

— Скверные вести, капитан! — сказал он вполголоса.

Я вздрогнул.

— Говори, Гаррей! Что случилось?

— Все пошло к черту! Селение погибло! Убедитесь сами, капитан. Рубби успокаивает женщин возле ранчо.

Предчувствия меня не обманули.
Я помчался во весь опор.
В две минуты я у ранчо. Взорам открылось жуткое зрелище.

Глава LIV ЗВЕРСТВО

Пять-шесть молодых женщин и несколько мексиканцев обступили Рубби, изъяснявшегося на ломаном испанском языке.

Женщины были полураздеты, в грязи и в пыли, как будто их только что протащили по земле. Пышные черные волосы в беспорядке падали на плечи и на лица. На руках и груди чернела запекшаяся кровь.

Я подъехал к одной из несчастных. Лоб ее был свежее заклеямен раскаленным железом, кожа вздулась и побагровела. Всмотревшись, я различил буквы «USA» — те же, что на пуговицах моего мундира. Всех женщин заклеямили знаком «USA» — начальными литерами официального наименования Соединенных Штатов.

Какая-то мексиканка с плачем, откинув густые волосы, крикнула:
— Взгляните!

Мурашки пробежали у меня по коже: у мексиканки не было ушей!

Так варварски изувечены были почти все женщины, но и мужчины не избегли той же участи, двоим отрубили левые руки.

Я с удивлением вглядывался в лица, до неузнаваемости искаженные страданием. Потрясенные рейнджеры окликали приятелей по имени.

Но с первой минуты мне бросилась в глаза одна молоденькая девушка, одетая богаче других и державшаяся в стороне.

«Быть не может, — думал я, — она совсем ребенок. Неужто негодяи и ее не пощадили?»

— Как ваше имя, сеньорита?

— Кончитта, сеньор: я дочь алькада.

Слезы брызнули из ее глаз и смешались с кровью, струившейся по щекам. Несчастный Уитлей скоро узнает о постигшем его ударе.

Рейнджеры выкрикивали проклятия, требуя, чтобы я немедленно вел их вперед. С трудом они согласились выслушать подробности происшествия.

Пострадавшие кричали, перебивая друг друга.

Связного рассказа нам удалось добиться лишь от одного Педро.

Вскоре после нашего отъезда в селение ворвались гверильясы с криками: «Да здравствует Санта-Анна! Да здравствует Мексика! Смерть янки!»

Первым делом они разбили кабачки и напились мицкалю и других крепких напитков. К ним присоединились леперо и часть местных жителей. Особенно бушевали кузнец и мясник. Немало было в толпе и женщин.

Возбужденная толпа с ревом: «Смерть аянкиядо!» — начала обход подозрительных домов.

— Выволакивай их! Бей!

С проклятиями, свистом и руганью мужчин и женщин, скомпрометированных близостью к американцам, влекли на площадь.

Им плевали в лицо, награждали позорными кличками, забрасывали комьями грязи и дынными корками. Кому-то пришлось под конец в голову заклеить

мить несчастных, чтобы друзья-техасцы повсюду их узнали.

Предложение встретили с энтузиазмом; мужчин подстрекали расвирепевшие женщины.

— Эй, кузнец, тебе работа!

— Клещи достань! Клещи!

Другие вопили:

— Мясник! Отрезать им уши!

Кузнец и мясник повиновались толпе.

Один клеймил предателей раскаленным железом, другой рубил им секачом уши.

Большинство гверильясов было в масках. Коноводы наблюдали за происходившим с крыши домов алькада.

Педро узнал Эль-Зорро, несмотря на маску, — по огромному росту и рыжим волосам, и, хотя о других он говорил лишь предположительно, мы не сомневались, что селение разгромила банда Рафаэля Ихурры, прочно им завладевшая, меж тем как Педро с товарищами по несчастью вырвался из рук толпы и скрылся в зарослях с намерением бежать в американский лагерь. Наши разведчики столкнулись с беглецами у разоренного ранчо.

Покинуть селение удалось далеко не всем. Алькад, по слухам, был убит.

Расспрашивать об этом я не посмел из сострадания к Кончитте.

Что теперь делать? Вызывать подкрепление или прямо идти на поселок?

Большинством голосов решили идти вперед. Все жаждали мести и горели одушевлением.

Тем лучше!

Пострадавшие побрели к американскому лагерю, но Педро мы взяли с собой для опознания виновных.

Едва мы двинулись, как впереди кто-то перебежал дорогу и юркнул в кусты.

Рубби с Гарреем бросились за ним вдогонку и вскоре привели еще одного мексиканца, спасшегося из селения.

— Ну, как? Гверилья ушла? — посыпались вопросы на запоздалого беглеца.

— Да, гверильясы очистили селение.

— В какую сторону они направились?

— Вдоль речки, к гасиенде Рамона де Варгаса. Я пропустил их мимо, затаившись в зарослях: они проскакали шагах в десяти с угрожающими криками.

— Что же они кричали?

— «Смерть изменникам! Смерть старику и девчонке! Смерть Изолине де Варгас!»

Глава LV РАСПЛАТА

Пришпорив коня, я помчался во весь опор. Рейнджеры с трудом за мной поспедали.

Роль разведчиков кончилась. Трапперы, вскочив на коней, примкнули к нам. Лишь бы поспеть!

Кавалькада мчалась по берегу реки к гасиенде дона Рамона.

Миновали селение. Вернемся после! Скорее в гасиенду!

Всадники покрывали милью за милей.

Неужели опоздаем?

Сколько времени прошло с тех пор, как Педро видел гверильясов? Час или больше?

Он пробежал пять миль с остановками, прячась в зарослях, пока мстители не скрывались из виду. Значит, могло пройти и больше часа, может быть, два? Но и часа довольно, чтобы разгромить гасиенду!

Цокали подковы, звенели мундштуки, бряцали стальные ножны. Взмыленные лошади одолевали, задыхаясь, преграды.

В пять минут доскакали до перепутья. Дорога в селение была безлюдна: мы свернули направо, к гасиенде.

Последняя миля. Сейчас покажется дом, заслоненный деревьями.

Вперед!

Но откуда это зарево? Или солнце поднялось с запада? Или горят заросли? За деревьями полыхает желтоватое пламя.

Гасиенда горит.

Но это немыслимо: постройка каменная, деревья в ней почти нет.

В чем же дело?

Мы вынырнули из кустарника. Гасиенда вся перед нами. На белых стенах играют желтые блики. То не пожар: огромный костер, разложенный у ворот, освещал заросли.

Огонь пожирал все топливо, заготовленное хозяином гасиенды.

По какому поводу торжество? Вокруг костра оживление: мужчины, женщины, оседланные кони, собаки. Большие куски мяса шипят на горячих угольях, и поджаренные, тут же уничтожаются. Может, костер развели индейцы?

Нет! Лица видны хорошо. У мужчин кожа белая, бороды. Они в плащах, сомбреро, серапе, суконных куртках, бархатных кальцонеро. Женщины — в платьях из бумажной материи. Они горланят и пьют. Слышны звуки фанданго.

Гверильясы! Те самые, которых мы преследуем!

«Надо рассыпаться в прерии и зарослях, чтобы оцепить их!» — подсказывало благоразумие, но кровь кипела. Не хотелось терять и минуты. Страшно было опоздать.

Кое-кто из рейнджеров советовал помедлить, остальные, в том числе и я, рвались в бой.

Я скомандовал.

Мы ринулись на гверильясов, точно свора борзых, спущенных с привязи.

Враги, хорошо знакомые с громовым «виват» техасских рейнджеров, кину-

лись врассыпную, как стадо косуль.

Одолеваем холм. Усталые кони замедляют бег. Мы на возвышенности: главные силы гверияльсов исчезают во мраке.

Наши пули сразили человек шесть. Столько же захвачено в плен, не считая женщин. Ихурре опять удалось ускользнуть.

Преследовать беглецов по окрестным лесам не имело смысла, и, мучимый нетерпением, я въехал в патио.

Двор, освещенный отблесками костра, являл картину полного разгрома. На плитняке и на веранде — обломки мебели.

Зову Изолину, дона Рамона — и мне отвечает эхо. Соскочив с коня, поднимаюсь на веранду: полная тишина. Как безумный метался я из комнаты в комнату: из куарты в дуало, из дуало в сагуан. Даже на азотее в капилле — ни души!

Исчезли даже слуги.

Вдруг меня осенила мысль: что если друзья последовали моему совету и скрылись до появления гверильясов?

Допросил пленных.

Но мексиканцы упорно отмалчивались.

Обойдя гасиенду, мы наткнулись на пекановое дерево: шестеро повешенных качались на его ветвях, а именно: мясник и кузнец, опознанные Педро, и четверо «пеладос» из городка, участвовавшие в налете гверильясов.

Это была свежая работа наших рейнджеров. Перекинув лассо через ветви пекана, они вздернули шестерых без суда и следствия.

Ничего не узнав от пленников, уцелевших от солдатской расправы, я обратился к женщинам. Одни были пьяны, другие обезумели от ужаса.

В ответ на расспросы они лишь трясли головой, упрямо отворачивались и наотрез отказывались что-либо сообщить о судьбе дона Рамона и его дочери.

Угрозы не действовали: женщины были слишком запуганы или же искренно ничего не знали.

Вдруг показалась тень, крадущаяся вдоль стены. Я вскрикнул от радости:
— Чипрео!

— Он самый, — ответил мальчик, подбегая.

— Куда все девались, малыш?

— Хозяина куда-то увезли разбойники.

— А сеньорита? Сеньорита?

— Не смею сказать, капитан, такой ужас...

— Говори же! Не бойся, Чипрео.

— Люди в черных масках взломали ворота и увели хозяина. Донью Изолину выволокли из патио. Страшно сказать, что было потом. Бедная сеньорита! Гверильясы вывели из конюшни мустанга и привязали к нему сеньориту, раздетую и окровавленную...

— Продолжай! Что было дальше?

— Дальше они вплавь пустили лошадь через поток. Меня грозили убить, но я все видел, спрятавшись в зарослях.

— Дальше!

— Потом к крупу мустанга привязали петарды и подожгли. Лошадь понеслась. Я следил за ней, пока не потерял из виду. Увы, сеньор, донья Изолина погибла!

У меня потемнело в глазах. Сделав два-три шага по направлению к фонтану, я упал без сознания.

Глава LVI ЛАГЕРЬ ГВЕРИЛЬИ

Обморок объяснялся сильной потерей крови во время вчерашнего поединка. Нового потрясения я не вынес.

Холодная вода привела меня в чувство. Возле меня стояли Рубби, Гаррей и рейнджеры. Друзья поливали меня так усердно, что я совершенно вымок. В рот влили немного агвардиенте.

Патио наполнилось народом. На каменных плитах звенели подковы. К нам присоединялись все новые и новые рейнджеры, так как женщины, изувеченные гверильясами, успели добрести до лагеря и поднять тревогу.

Уитлей прибыл одним из первых.

Бедняга! Веселость покинула его. Жизнерадостная улыбка исчезла.

Вдруг раздался пронзительный женский вопль.

Я вскочил и бросился к пленницам. Большинство женщин стояли обнаженные до пояса. Солдаты стегали их ремнями и поводьями.

Рейнджеры не подвергли их тем пыткам, какие пришлось вынести другим от гверильясов.

Все же понадобился весь мой авторитет, чтобы положить конец отвратительному зрелищу.

Женщины получили разрешение идти и моментально скрылись в темноте.

Солдаты подняли крик: «В поселок! В поселок!» Немедленно образовался отряд, который во главе с Холлингсвортом и Уит-леем помчался в деревню. Педро поехал с ними.

Я решил не ждать их возвращения.

В первые минуты мне трудно было что-нибудь придумать. Но, придя в себя, я недолго колебался.

Первым побуждением была месть. Преследовать злобного Ихурру день и ночь, даже если бы пришлось попасть в лапы неприятелю!

Нужно уметь подавлять жажду мести, пока не пробьет ее час! Следовало временно откинуть, всякие помыслы о гверилье и искать Белого мустанга.

Посадил Чипрео на лошадь и отобрал шестерых солдат. Все это заняло не больше пяти минут.

Мы спустились с холма и переплыли реку. На другом берегу кудрявился лес. Пересекли его и очутились в прерии.

Чипрео указал нам место, где разыгрался первый акт трагедии.

Почва взрыта копытами. Обрывки почерневшей от пороха бумаги, куски трубок от ракет валялись во множестве по траве.

Луна светила ярко. Мы попали на след белой лошади и помчались по нему.

Целая миля без остановок. Время дорого.

Хорошая память у Чипрео! Вот холмик, за которым исчез Белый мустанг. Роль Чипрео кончилась, и я вернул его обратно.

За холмиком напали на отчетливые следы. Рубби, Гаррей и я немедленно разгадали их. На земле ясно отпечатались три подковы, четвертая — передней левой ноги — имела легкий изъян. Часть подковы оторвалась.

Лошадь потеряла ее во время страшного прыжка на скалистое дно лощины.

Снова идем по следу. Сейчас двигаемся с большими предосторожностями. Дожди совсем недавно прошли по прерии, и следы дают ясные отпечатки. Временами попадались более сухие участки, и приходилось соскакивать с лошади. Обычно это делали Рубби или Гаррей, почти не задерживавшие, благодаря своей опытности, отряд.

Согнувшись пополам, пристально взглядываясь в землю, они походили на ищеек. Двигались бесшумно, не произнося ни слова.

У меня тоже не было охоты говорить. В горе люди молчаливы.

Прежде чем пуститься в путь, я расспросил Чипрео о подробностях. Сомнений не было! Мясник изуродовал ее.

Чипрео видел кровь на шее и груди девушки. Вся ее одежда была окровавлена. Злодеяние произошло, наверное, в ее комнате.

Чипрео видел около нее и кузнеца, но не знал, заклеймил ли он ее.

Без сомнения, да. Иначе, что делали бандиты столько времени в ее комнате?

Несмотря на горькие мысли, я вспомнил предание о Мазепе. Хотя Украина далека от Рио-Гранде, но предводитель гверильясов знаком с преданием славян. Мысль привязать девушку к лошади принадлежала его злобной фантазии.

Бедняжку положили на лошадь вниз лицом. Руки обвили вокруг шеи мустанга. Кисти рук крепко связали, закрепили ремень, обхватывавший ее тело, под брюхом лошади, ноги привязали к крупу.

Изолину привязали с гениальной жестокостью. Никакой надежды, что пути ослабевут. Ремень никогда не развяжется...

Лошадь и ее ноша расстанутся, только когда их освободят жажда, голод, смерть... Нет, даже смерть их не разлучит!

Вот судьба той, чья любовь стала моей жизнью!

Сердце готово разбиться. Я ехал безучастно, опустив голову, предоставив Моро самому следовать за отрядом.

Глава LVII ПРЕПЯТСТВИЕ

Мы ехали. Один из спутников приблизился ко мне и шепнул несколько ободряющих слов.

Я узнал голос Гаррея.

— Не беспокойтесь, капитан, — сказал он, — не беспокойтесь, мы с Рубби найдем ее прежде, чем случится несчастье. С ношей Белый мустанг далеко не уйдет. Она испугалась петард. Понемногу она успокоится, остановится, и тогда...

— И тогда... — машинально повторил я.

— Появимся мы, и ваш черныш догонит ее в несколько прыжков!

Луч надежды мелькнул и исчез.

— Нам нужна только луна, — продолжал Гаррей.

— Черт поberi эту луну! — раздался чей-то голос. — Она, кажется, подведет нас.

Голос принадлежал Рубби.

Все посмотрели на небо.

Круглая светлая луна сияла почти над нашей головой в безоблачном небе. Было полнолуние. Она скроется не раньше утра.

Что хотел сказать своим восклицанием старик Рубби?

— Взгляните-ка туда, — сказал он, — видите эту черную линию? Совсем низко над прерией.

На востоке виднелась тонкая полоса.

— Это не лес, не холм, не что другое, — продолжал Рубби. — Это туча. Подождите десять минут, и вы увидите, как проклятая туча закроет луну. Небо станет чернее кожи негра.

— Боюсь, что он прав, капитан! — вздохнул Гаррей. — Я уже думал об этом. Небо чересчур благоприятно для нас. Если все хорошо, жди перемен.

Что же делать? Луна скроется, и нам придется прекратить погоню. В темноте не найти следов Белого мустанга.

Предсказание старого траппера сбылось. На небе появились тучи. Сперва они шли отдельными клочьями, и лунный свет прорывался сквозь них. Затем они заволокли небо.

Прерия погрузилась во мрак.

Мы остановились. Не видно было земли, не только что следов. Начали обсуждать, что делать дальше.

Совещание не отняло много времени.

Все участники экспедиции были хорошо знакомы с лесом и прерией. Они недолго думали. Нужно или прекратить погоню до утра, или продолжать путь с факелами.

Мы остановились на последнем предложении.

Ночь только начиналась. До утра много времени. Его нельзя терять даром. Хотя и медленно, но мы будем продвигаться вперед. На душе станет легче.

— Факелы! Факелы!

Опять препятствие! У нас не было с собой никакого горючего материала. В прерии кругом ни деревца! Даже Рубби не мог ничего придумать.

— Капитан, послушайте! — закричал по-французски солдат Леблан. — Послушайте! Я стрелой помчусь назад, — продолжал он на скверном английском языке, — и привезу из деревни что-нибудь подходящее!

Канадец подал хорошую мысль. Мы были всего в пяти или шести милях от селения.

— Я знаю место, где спрятаны великолепные свечи, — говорил он. — Три громадные восковые свечи!

— Как? Свечи?

— Да, да! Огромные свечи, как палки! Можно сказать, специально для прерии!

— Где они? Вы могли бы их достать, Леблан?

— Да! Свечи лежат в церкви, в ризнице!

— А-а! В церкви?

— Капитан, разрешите Квакенбоссу поехать со мной! Мы привезем свечи! Ручаюсь!!

В церкви имелся склад свечей.

Ни я, ни товарищи не возражали.

Леблан и Квакенбосс уехали.

Мы спешили и расположились на земле в ожидании их возвращения.

Глава LVIII НОЧЬ

Я предался горьким размышлениям. Перед взорами вставали картины одна страшнее другой.

Белый мустанг мчится по прерии, преследуемый волками. Коршуны тучей вьются над ним.

Он бросается в чащу кустарника. Встречается с пантерой или серым медведем... Продирается сквозь густые кусты... Колючки акаций и тамарисков рвут тело девушки.

Кровь бежит ручьями. Я видел истерзанные ноги Изолины, разорванную в клочья одежду, распустившиеся до земли волосы, бледные губы, полные муки глаза.

Не думать!

Я вскочил и, как бешеный, зашагал по прерии.

Траппер нагнал меня.

— При свете факела или свечи, — сказал Гаррей, — мы поедem не медленнее, чем днем. Может быть, удастся нагнать лошадь еще до наступления зари. Теперь ее нетрудно будет поймать. А если трудно, все равно ей от нас не уйти. Сеньорите ничто не угрожает. Ведь ни волки, ни медведи не знают, что она совершенно беспомощна. Мы догоним ее еще до темноты. Она устанет, проголодается... Как только силы ее восстановятся, все опять пойдет хорошо.

Гаррей утешал меня. Я стал поджидать Квакенбосса и канадца с более спокойной душой.

Они не теряли времени.

Им было дано два часа сроку. Они приехали раньше. Леблан держал в руках две великолепные свечи. Они предназначались, вероятно, для освещения алтаря в большой праздник.

— Вот, капитан! — воскликнул канадец. — Вот свечи! Бог простит! — засмеялся он.

Они привезли новости.

Рейнджеры казнили в деревне еще несколько человек. Деревья украсились висельниками.

Товарищи стояли в селении и горели желанием присоединиться к нам. Я приказал им вернуться в лагерь. Чем меньше отсутствующих, тем труднее заметить исчезновение нескольких человек. Мне придется еще отвечать за тех, кто поехал со мной.

Во всяком случае, мы скоро вернемся в лагерь. Там подумаем, как захватить главное действующее лицо и автора разыгравшейся трагедии.

Мы зажгли свечи и отправились дальше.

К счастью, дул очень легкий ветерок. Свечи горели ярко, и мы ехали по следу так же быстро, как при луне.

Вскоре выяснилось, что мы находимся в знакомой местности. Во мраке обрисовались контуры мезы. В надежде, что скакун сделает около нее остановку, мы пришпорили лошадей.

Вот и высокие белые скалы. Не теряя следа, мы подъехали с большими предосторожностями.

Ни у подошвы холма, ни в окрестностях не было видно ни одного живого существа.

Белый мустанг здесь останавливался. Он подошел к мезе шагом. Дальше след прерывался.

Мы обошли мезу несколько раз, освещая все кругом свечами. Нашли скелеты лошадей и людей, черепа, обрывки одежды, обломки оружия — остатки боя с гверильей.

Заглянули в приютивший нас камень, посмотрели на борозду, по которой поднимались: ремень еще висел.

Следы белого скакуна исчезли.

Может быть, при более ярком свете нам бы и удалось их увидеть, но нам помешало одно обстоятельство.

Тяжелые капли, падавшие время от времени, перешли в ливень. Вода низвергалась с неба потоками, точно там решили устроить нам душ. Началась буря.

Свечи моментально потухли.

Мы молча стояли под скалой.

Даже стихии против меня! Я проклинал их от всей души.

Глава LIX СОМБРЕРО

Наши лошади, замороженные трудным переходом в пыльное, жаркое утро и бешеным ночным галопом, стояли, понуриив головы, под ледяным дождем: бедняги спали стоя.

Люди были не менее измучены. Некоторые держали лошадей на поводу, прячась от ливня под навесом скалы, другие дремали, прислонившись спиной к каменной глыбе.

Один только я не знал ни сна, ни покоя. Мне и в голову не пришло прятаться от дождя. Ледяные потоки струились мне на плечи.

Лил настоящий северный дождь. Однако не пронзительный норте, ни палящий сирокко не способны были вывести меня из оцепенения. Между тем я готов был приветствовать физическую встряску, поскольку она заглушит мои нравственные муки. Мудрая испанская пословица гласит: «Un clavo saca otro clavo», что означает: клин вышибается клином!

Увы, леденящее дыхание непогоды не только не заглушало моей тревоги, но даже усугубляло ее.

Во-первых, гроза остановила наши поиски; во-вторых, если ливень затянется, мы окончательно собьемся со следов.

В глубокой печали я прижался к моему верному Моро, дрожавшему от холода.

Равнодушный ко всему происходящему вокруг, я застыл, предаваясь мрачным мыслям.

Звук голосов заставил меня встрепенуться. Двое товарищей не поддались отчаянию и усталости. Они разговаривали. Я узнал голоса трапперов. Эти храбрые, неутомимые люди, закаленные в приключениях и борьбе со стихиями, не признавали себя побежденными до последней минуты, пока оставалась хоть малейшая надежда, и, как вы знаете, их упорство и блестящая изобретательность нередко торжествовали.

Из первых же слов их беседы я понял, что они не оставили надежды напасть на след, и обсуждают, как найти его и довести до конца наше предприятие.

Я прибодрился и начал чутко прислушиваться.

Трапперы разговаривали вполголоса. Говорил Гаррей:

— Ты прав, Рубби! Конь, по всей вероятности, промчался мимо, а в этом случае неизбежно нападём на его следы. Помнится, грунт по берегам водоема топкий и вязкий. Копыта на нем хорошо отпечатались. Захватим с собой свечу, прикрытую сомбреро.

— Правильно! — откликнулся старый траппер. — Но, если я не ошибаюсь, обойдемся и без свечи и без сомбреро. Погляди-ка, — прибавил Рубби, указывая на просвет в тучах. — Держу пари, что ливень закончится через десять минут, и наступит великолепная лунная ночь.

— Тем лучше, старик! — ответил Гаррей. — Но не разумнее ли сразу выйти на поиски? Ведь время дорого.

— Будь по-твоему! — согласился Рубби. — Добывай свечу и сомбреро — и марш в дорогу! наших ребят будить нечего: пусть храпят. В помощниках мы

не нуждаемся.

— Эй, ты немчура! — крикнул Гаррей, обращаясь к Квакенбоссу. — Одолжи-ка нам шляпу!

Ответом почтенного натуралиста был звучный храп; он спал, свесив голову на грудь, под каменным навесом.

— Проклятый ботаник! Спит, как сурок! — с раздражением воскликнул Рубби. — Пощекочи его кончиком ножа, Билли. Не действует? А ну-ка, приласкай его хлыстом. Не помогает? Дай ему пинка ногой в живот. И этого мало? Встряхни его изо всей силы. Должен же когда-нибудь проснуться этот чурбан!

Гаррей усердствовал.

— Эй, ты, немец, ученый лоб! — кричал он, встряхивая спящего. — Даешь ты нам свое сомбреро?

Но Квакенбосс ответил совершенно несуразной речью:

— Ай-яй-яй! Проклятая скотина! Держите ее! Сейчас она меня сбросит! Никак не могу соскочить! Шпоры сцепились под брюхом у лошади! Помогите! Остановись, несчастная!

Слушая сонный бред Квакенбосса, Рубби с Гарреем расхохотались, но зычный хохот трапперов не разбудил спящего: Квакенбосс по-прежнему боролся во сне с горячим индейским мустангом, который так досадил ему на днях.

— Вот дубовая голова! — воскликнул Рубби, вдоволь нахохотавшись. — Пусть спит, если ему так хочется. Сдирай с него шляпу, Билли! Ведь не он нам нужен, а его сомбреро.

В голосе Рубби звучало явное раздражение: он не мог простить достойному рейнджеру прямолинейности, с которой тот исполнял долг часового.

Отчаявшись разбудить спящего, Гаррей бесцеремонно завладел его шляпой. Затем, захватив свечу из нашего запаса, Гаррей и Рубби, не говоря ни слова, удалились.

Довольствуясь слышанным, я воздержался от всяких расспросов. Рейнджеры мои не сумели подавить в себе любопытство, но трапперы лишь огрызнулись в ответ на их приставания.

Зная характер моих друзей, я понимал, что в такую решительную минуту они не потерпят постороннего вмешательства, и вполне доверился их опыту и чутью.

Трапперы пошли от мезы вправо, но я не сумею сказать, как долго они держались этого направления. Свечи они не зажигали и через двадцать — тридцать шагов исчезли во мраке за плотной завесой ливня.

Глава LX

СЛЕДЫ БЕЛОГО МУСТАНГА

Погадав о замыслах трапперов, солдаты снова улеглись. Они так измучились за день, что холод не помешал им уснуть.

Вскоре большинство солдат было разбужено выкриком Квакенбосса. Мирно храпевший под воркотню Гаррея, он раскрыл глаза, когда дождевые капли защекотали ему лысину.

— Где моя шляпа? — раздраженно спрашивал он, шаря по камням в поисках своего сокровища. — Где моя шляпа? Эй, вы, сонные олухи! Не видал ли кто моей шляпы?

Солдаты заворочались.

— Какая у вас была шляпа? — спросил один из них.

— Черная шляпа, хорошая. Мексиканское сомбреро.

— Вот как! Черная, говорите? Нет, не видал я черной шляпы.

— Чертов немец! Неужели он думает, что в такую темень можно отличить черную шляпу от белой? Ложитесь-ка поскорей спать! — огрызнулись соседи.

— Надоели мне ваши шутки! — обиделся Квакенбосс. — Я спрашиваю: где моя шляпа? Кто взял ее?

— Да была ли у него вообще шляпа? — усомнился какой-то солдат.

— Ветер унес его сомбреро! — послышалось из темноты.

— Скажите, мистер Квакенбосс, — вмешался канадец на ломаном англо-французском диалекте, — вы ищите вашу прелестную широкополую шляпу? Неужели она пропала? Какое несчастье! Уж не волки ли ее стянули? Может, они сожрали ваше сомбреро?

— Не морочьте мне голову, — рассердился Квакенбосс. — Болтливый французишка! Говорите прямо: вы взяли шляпу?

— Я? Вашу шутовскую шляпу? Разумеется, нет. Клянусь честью, я не трогал ее.

— А вам она случайно не попадалась, Стенфильд? — обратился наш ученый ботаник к охотнику из Кентукки.

— Черт побрал бы вашу шляпу! На что мне она? У меня есть своя, на чужое добро я не зарюсь.

— Может, она у вас, Билли Блэк?

— Нет! — отозвался Билли. — Я ношу только собственную шляпу, но она не черная. Впрочем, в такую ночь все может показаться черным.

— Я вам все объясню, приятель Квакенбосс: вы потеряли шляпу, когда скакали на своем знаменитом мустанге.

Солдаты расхохотались. В веселый хор диссонансом вривался визгливый голос Квакенбосса, который, не стесняясь выражениями, проклинал свою шляпу, а заодно и товарищей. Не отчаиваясь, он продолжал ощупью искать злополучное сомбреро, а солдаты дружно глумились над ним.

Приподнятое настроение отряда не заразило меня. Глаза мои были прикованы к блестящему пятнышку на небосводе, на которое Рубби указал Гаррею. Я успокаивался по мере того, как сияние становилось более ярким.

По-прежнему шел дождь, но на востоке завеса туч постепенно редела.

Если так будет продолжаться, то через несколько минут небо, как предска-

зывал Рубби, очистится, и луна засверкает во всей своей славе.

В этой мысли я черпал утешение.

Время от времени я окидывал взглядом прерию и прислушивался к шорохам, желая уловить голоса трапперов или их шаги, но ничего не слышал.

Я начал уже тревожиться, когда внезапно на равнине вспыхнул огонек. Он тотчас потух, но через мгновение появился на том же месте или, может быть, даже немного ближе к нам, мерцая в темном море кустарника, как одинокая звезда.

Несколько секунд огонек колебался, потом медленно поплыл, словно кто-то нес его, согнувшись.

В огоньке не было ничего таинственного.

Один только Квакенбосс ничего не понимал. Остальные солдаты, еще не спавшие, когда Рубби уходил с Гарреем, догадались, что это свечи, зажженные нашими друзьями трапперами.

Огонек то приближался, то отступал. Через короткие промежутки он менял направление, описывая причудливые дуги.

Между нами и трапперами в темноте блестела водная гладь — не то широкий пруд, не то большая лужа после ливня в прерии.

Огонек остановился; кто-то нас окликнул — все узнали любимое проклятие старого траппера, которым начиналась каждая его фраза.

Снова заколыхался огонек, быстро углубляясь в прерию.

Мы с интересом следили за маневрами разведчиков. Огонек удалялся, и товарищи мои предположили, что трапперы напали на потерянный след.

Подоспевший Гаррей подтвердил их догадку. Его стройная фигура вырисовывалась в тумане. Мы не видели его лица, но чутье нам подсказывало, что он принес хорошие новости.

Гаррей спокойно сказал:

— Рубби напал на следы; они уводят туда, к огоньку. Вскоре Рубби скроется из виду. Мы должны торопиться, чтобы нагнать его.

Не вдаваясь в рассуждения, мы оседлали лошадей и поскакали на мерцающий в тумане огонек, служивший нам путеводной звездой.

Рубби шагал освещая дорогу фонарем. Чтобы дождь не потушил свечи, над верхним отверстием фонаря в виде зонтика было прикреплено знаменитое черное сомбреро.

Старый траппер в ответ на все наши вопросы достаивал нас только отрывочными восклицаниями. Он явно гордился своей удачей.

Зато Гаррей охотно удовлетворил любопытство рейнджеров. На ходу он подробно рассказал им, каким образом Рубби добился таких замечательных результатов. Вся заслуга, по его словам, принадлежала старику.

Рубби вспомнил про ручей, который берет начало на холме. Источник разбух от дождя, и его-то мы и заметили, когда наблюдали за огоньком в прерии. Предположение траппера о том, что Белый мустанг отправился на водопой к ручью, блестяще оправдалось: конь поскакал по гальке кратчайшим путем к воде. Дальнейшая дорога вела по бугру с жестким каменистым грунтом. Конь замедлил бег, и следы оборвались. Вернее, они были настолько слабы, что мы не заметили их при свете факела. К счастью, Рубби не забыл про болотистый участок на нижнем течении ручья, где лошадиные копыта должны были оставить более глубокие отпечатки. Для этой экспедиции, как сказал траппер, ему

не хватало только покрышки на фонарь.

Огромная шляпа Квакенбосса заменила зонт.

На топком берегу ручья трапперы снова напали на следы, но лошадь, утолив жажду, тотчас во всю прыть понеслась к западу от холма.

Гаррею, как я понял из разговора, была известна причина, побудившая лошадь к этой бешеной скачке. Он долго отмалчивался, и мне пришлось немало потрудиться, пока я выудил его к признанию.

В конце концов с явной неохотой он ответил на мои настойчивые расспросы:

— Вдоль отпечатков копыт ведут волчьи следы...

Глава LXI ВОЛКИ

Следопыты обнаружили около ручья отпечатки волчьих лап; следы были двух родов: одни принадлежали крупным тexasским, другие — пятнистым степным волкам — койотам. Судя по множеству следов, целая стая гналась за несчастной лошадей.

Противоположный берег ручья был обрывистый и крутой. Несмотря на это, конь, напившись воды, одним прыжком перескочил ручей. Волки ринулись вслед за ним, и когти их отпечатались на влажной глине.

Царапины в почве указывали на то, что звери прыгали с разбега. Они, конечно, не отважились бы на такой прыжок, если б перед ними не маячила добыча.

Кроме волков и Белого мустанга, ни одно животное не оставило здесь своих следов. Значит, стая хищников гналась за степным скакуном. К тому же волчьи следы отпечатались поверх лошадиных.

Я содрогнулся при этом открытии.

Волки почти никогда не преследуют здоровых и крепких степных лошадей. Они нападают только на старых или искалеченных, а чаще всего на беременных кобыл и еще не окрепших жеребят.

И крупные, и пятнистые волки одарены лисьей проницательностью. Инстинктивно чувствуют они, когда животное тяжело ранено или ослабло. Они травят раненого оленя, ускользнувшего от охотника, но, если пуля только слегка задела быстроногое животное, волки отказываются от погони.

На этот раз чутье подсказало им, что всадник не управляет Белым мустангом.

Заметив некоторые странности в поведении лошади и надеясь, что она рано или поздно свалится в изнеможении, волки бросились за нею в погоню, оглашая воздух свирепым голодным воем.

По нашим сведениям, волки водились во множестве в районе мезы, что подтверждало догадку о волчьей облаве на скакуна.

К ручью ходили на водопой олени, антилопы и другие дикие животные. Сюда же вакеро пригоняли свои полудикие табуны, и молодые бычки нередко падали жертвой тexasских и пятнистых волков.

Была еще одна причина, почему волки блуждали по ночам вокруг мезы: они еще не забыли трупов, брошенных здесь после недавней нашей стычки с индейцами и мексиканцами. Немало ночей пировали здесь голодные стаи.

Испробовав конины и человечины, они упорно возвращались к холму, надеясь на новую поживу.

Силы белого скакуна, обремененного к тому же тяжелой ношей, иссякнут в неравной борьбе. Хищники настигнут его после бесконечного пробега по болотам и прериям. Трагическая развязка неизбежна: конь падет, побежденный жестоким и неутомимыми преследователями.

Волки вопьются клыками в его крутые бедра, искусают ноги коня, а потом настанет очередь женщины, привязанной к крупу лошади. Конь и его живая ноша будут опрокинуты, растерзаны в клочья...

При этой мысли я глухо застонал.

— Взгляните сюда, — обратился ко мне Гаррей, указывая на землю и опуская свечу, — здесь поскользнулась лошадь, а вот след крупного волка, отпечатавшийся на том же месте...

Я рассмотрел следы.

На влажной глине было еще много волчьих следов, но один из волков мощным прыжком опередил всю стаю, словно желая с разбега вскочить на круп мустанга.

Отряд подгонял лошадей. И рейнджеры, и трапперы разделили мое лихорадочное нетерпение и беспокойство.

Вскоре погода прояснилась.

До сих пор приходилось шляпами защищать свечи от дождя, и большинство всадников ехало с обнаженными головами. Теперь эта предосторожность была излишней: гроза утихла, ливень прошел так же внезапно, как и начался, и тучи быстро рассеивались.

Еще несколько минут — и покажется луна. Уже лучи ее, пробивались сквозь поредевшие облака, слегка освещали прерию.

Время было слишком дорого, и мы не стали дожидаться, пока луна засияет во всей своей красе.

Наконец выглянула полная луна, необычайно яркая, словно омытая дождем.

В прерии стало светло, как днем. Одной заботой меньше: потушив свечи, мы еще сильнее погнали лошадей, не спуская глаз со следов, освещенных лунной.

Белый мустанг промчался здесь галопом и ушел от нас на много миль, а по пятам за ним гналась хищная волчья стая, на что указывали многочисленные следы когтистых лап.

Внезапно мы услышали журчание быстрых струй. Оно доносилось с той стороны, куда вели следы.

С легкостью покрыли мы расстояние, отделявшее нас от потока. В лунном блеске мерцала прозрачная пелена воды, и к ней напрямик вели следы Белого мустанга.

Мы вышли к реке. Вода каскадом падала с камней; поток вздулся и ревел, взбивая белую пену вокруг порогов.

Трапперы тотчас узнали приток Рио-Гранде, который берет начало на степном плато и течет к югу.

Поспешно подъехали мы к реке и взглянули на вспененную бурливую воду. Следы вывели нас на самый берег грозной реки.

Отпечатки копыт тянулись вплоть до откосов и все были обращены впе-

ред. Обратных следов, несмотря на тщательные поиски, мы не обнаружили. Лошадь бросилась в стремительный поток.

Глава LXII ПЕРЕПРАВА

Надменный степной скакун опрометью кинулся в поток в том месте, где быстрее, чем всюду, кружилась белая пена, и течение, образуя водовороты, с грохотом разбивалось о камни.

Отпечатки копыт указывали на место прыжка, и глубина следов в рыхлой почве свидетельствовала о стремительности мустанга.

Трудно надеяться на благополучную переправу. Она почти невысказана.

В этом месте быстрое течение могло увлечь не только человека, но даже лошадь. К тому же река была настолько глубока, что не представлялось возможности перейти ее вброд.

Кое-где над водой возвышались серые камни, но то были отдельные глыбы, между которыми стремительно проносился поток.

Если Белый мустанг остушился или вынужден был пуститься вплавь, течение закружило его и увлекло вместе с Изолиной.

Первые утешительные слова я услышал от самого старого и мудрого из нас.

— Лошади не пришлось переправляться вплавь...

— Почему вы так думаете, Рубби?

— А вы уверены в этом? — наперебой спрашивали рейнджеры.

— Я в этом убежден, — ответил Рубби, несколько обиженный недоверчивой интонацией рейнджеров. — Куда годятся ваши глаза? Неужто вы ослепли? Сколько вас здесь, а никто ничего не заметил! Вглядитесь повнимательнее. Какого цвета вода? Около водопада она черна, как шкура бизона, — значит, она недавно накопилась в водоеме; перед дождем река была вдвое мельче... Мустангу было также легко перейти вброд, как разжевать клочок овса. Ручаюсь, что они благополучно перебрались на тот берег.

— По-вашему, переправа происходила до дождя?

— Да! Это так же верно, как то, что пуля из моего карабина всегда попадает в цель! Когда здесь проходил мустанг, земля была совершенно суха, в противном случае копыта глубже врезались бы в податливую глину. Лошадь перешла через поток, не смочив не одного волоска на крупе! Она не утонула, не беспокойтесь, мой юный друг! Хорошенькая сеньорита где-нибудь скачет, так же как и мы с вами.

— А волки? Не переправились ли они вслед за лошадьёю?

— Вы про волков? Ну, нет! Они настолько умны, что никогда не решились бы на такое безумие. Лапы их слишком коротки, чтобы достать до дна, а пусть они вплавь, течение унесло бы их на добрую милю отсюда. Хитрые звери прекрасно все поняли и остались на этом берегу. Вот их следы. У них отличное чутье, у серых злодеев. Чертовы рога! Берег истоптан, как овечий загон!

Действительно, земля была испещрена отпечатками волчьих лап. Многоголовая стая сбилась в кучу на берегу. Затем, если судить по следам, расходившимся во всех направлениях, волки рассеялись по прерии.

Разобраться во множестве следов было не легко, но Рубби настаивал на сво-

их выводах. Слепо доверяя ему, я несколько успокоился за участь Изолины. Никто среди рейнджеров не мог соперничать в искусстве следопыта со старым траппером.

Интересно лишь было выслушать, что думает Гаррей по поводу этого.

Рассмотрев следы, он подтвердил слова Рубби. Ободренный обоими трапперами, я воспрянул духом. Еще не потеряна надежда спасти Изолину!

Надо было действовать. Я вскочил в седло. Товарищи последовали моему примеру, и отряд поскакал вдоль берега, разыскивая место для переправы.

Поблизости не было брода. Быть может, он существовал во время мелководья в верховье, где переправилась лошадь, но сейчас, после дождя, река набухла и грозила закружить в водовороте всадников, как кору пробкового дуба.

Черная вода, бурлившая между порогами, водовороты, отмеченные белой пеной, — все это не располагало к переправе.

Мы разбились на две группы: одни поднялись к верховью, другие поскакали вниз по течению, чтобы выбрать подходящее для переправы место. Вскоре мы соединились снова, опечаленные и смущенные: никто не нашел брода!

Терпение мое иссякло. Надо действовать!

Несколько ниже порогов течение замедлялось. При свете луны я увидел противоположный берег — низменный и отлогий. Выйти не трудно: только бы удалось доплыть!

Я не стал рассуждать. Моро переплывет несколько сотен шагов; не впервые рассечет он сильной грудью бурный поток.

Я пришпорил Моро, и мы погрузились в воду.

Тотчас за моей спиной раздался плеск: рейнджеры последовали моему примеру. Один за другим благополучно выбрались мы на противоположный берег.

Я пересчитывал своих людей по мере того, как они выходили из воды. Одного не хватало.

— Кто задержался?

— Рубби, — ответили мне рейнджеры.

Я оглянулся на реку. За траппера я не боялся: по словам Гаррея, такая переправа была для него детской забавой. Что же его задержало? Умеет ли или, вернее, не разучилась ли плавать его старая кобыла?

— Она плавает, как рыба, уверяю вас, как рыба! — успокаивал нас Гаррей. — Только Рубби, щадя свою лошадь, не захочет переправляться верхом. Да вот он, смотрите!

На середине реки мы различили два силуэта. Оба они медленно приближались.

Впереди плыла поседевшая от старости кобыла, а вслед за ней — ее хозяин.

Луна освещала их головы, торчавшие над черной пеленой воды. Это было настолько комическое зрелище, что солдаты не могли удержаться от смеха.

При переправах через реки Рубби придерживался особой системы, отчасти из желания пооригинальничать, отчасти для того, чтобы не стеснять движений своей кобылы.

Осторожно вошел он в воду и остался в седле, пока лошадь не потеряла дна. Тогда соскользнув на круп, а оттуда в воду, Рубби ухватился зубами за лошадиный хвост. Кобыла повлекла его за собой, как рыбу, попавшую на крючок, а траппер, энергично барахтаясь, плыл вслед за животным. Как только

лошадь снова нащупала дно, Рубби взобрался в седло.

Худой как скелет, в мокрой, плотно облегающей одежде траппер торжественно въехал на берег верхом на своей кляче под звонкий хохот рейнджеров.

Не успело смолкнуть эхо, как я уже скакал во главе отряда к верховью. Около порогов рассчитывали мы найти следы, оборвавшиеся на правом берегу.

К радости своей, увидел я отпечатки копыт против того самого места, откуда степной жеребенок ринулся в поток.

Догадка Рубби подтвердилась: Белый мустанг перешел реку вброд.

Изолина не утонула.

Глава LXIII КАРЛИКОВЫЙ ЛЕС

Три радостных открытия: во-первых, Белый мустанг со своей живой ношей благополучно выбрался на сушу; во-вторых, волчья стая осталась на левом берегу, напуганная грохочущим водопадом и порогами; в-третьих, утомленный мустанг переменял галоп на шаг.

— Здесь мустанг шел шагом, — заметил Билли Гаррей, указывая на следы.

— Неужели шагом?

Это обычный аллюр мустангов, быстрый, но плавный. С этой минуты всадница перестала страдать от тряски. Хоть от этого мучения она избавлена!

Горячий конь, ускользнув от преследования хищной стаи, в конце концов остановился. Измученный крутым бегом, он, наверное, испытывает потребность в отдыхе и приляжет на какой-нибудь лужайке, а тогда...

Рейнджеры все до одного еле держались в седлах от усталости, но надежда поймать беглеца окрыляла нас, и отряд скакал без передышки.

Увы! В этот день мне суждено было попеременно ликовать и отчаиваться.

Недолго радовался я и на этот раз.

Отъехав на несколько шагов от реки, мы натолкнулись на новое препятствие, едва не разрушившее все наши планы.

Мы натолкнулись на карликовый дубовый лес. Куда ни кинешь взгляд, кудрявые дубы, имеющие в вышину не больше тридцати дюймов.

Однако это не какая-нибудь особая кустарниковая порода, а настоящие дубы: каждое дерево имеет отдельный ствол, ветви, крону и приносит вполне развитые желуди.

— Карликовые дубы! — в один голос воскликнули трапперы, выехав на опушку своеобразного леса.

— Новое осложнение! — раздраженно проворчал Рубби. — Спешивайтесь, друзья, пусть ваши лошади отдыхают. Придется пробираться ползком между этими дурацкими дубами.

Сказано — сделано. Несколько часов подряд, изнывая от усталости, мы на четвереньках ползли по лесу, чтобы не потерять следов Белого мустанга.

Они отпечатались достаточно явственно, и днем наша задача упростилась бы в сто раз. Но карликовые дубы росли тесно, правильными рядами, словно посаженные человеком. Пышная листва не пропускала лунных лучей. Сплошной шатер ветвей отбрасывал на землю густую тень. Кое-где сломанная ветвь служила вехой на нашем пути, в других местах Белый мустанг сбил копытом

часть листвы, и сейчас карликовое деревцо стояло омытое лунным светом. Но подобные вехи попадались редко, на больших расстояниях друг от друга, потому что Белый мустанг проходил по лесу медленно и спокойно.

Странствие по лесу, самые высокие деревья которого доходили нам до плеча, показалось бесконечно длинным.

У нас было ощущение, будто мы прокладываем дорогу в огромном питомнике молодого леса.

Еще не вышли мы на опушку, когда луна начала медленно гаснуть, и на востоке занялась заря.

Карликовый лес преобразился. Пошли прореди, деревья росли уже небольшими группами, рассеянными по прерии, и наконец совсем исчезли, уступив место буйным степным травам.

Следопыты облегченно вздохнули.

Взошло солнце. Теперь проводники уже не задерживали отряд, кропотливо разыскивая следы; колючие кустарники и деревья больше не встречались на нашем пути, и мы погнали лошадей полным аллюром.

Эту часть дороги Белый мустанг тоже пробежал галопом.

Выйдя на опушку карликового леса, он первое время шел шагом, но внезапно характер следов резко изменился: лошадь почему-то рванулась и поскакала во всю прыть.

Чего ж испугался чуткий мустанг?

Мы решительно ничего не понимали. Даже трапперы были поставлены в тупик.

Трава была молодая, и на много миль вокруг расстилался зеленый мягкий ковер. В некоторых местах трава росла не так густо, и между зыбкими стеблями просвечивала голая земля, еще влажная после недавнего дождя.

Даже волк, несмотря на легкую свою поступь, оставил бы на ней отпечатки своих лап, а зоркий траппер не преминул бы их заметить. Мустанг прошел здесь после дождя, но ни волки, ни другие хищники не гнались за ним.

Я молча строил догадки. Быть может, причины тревоги мустанга таятся в нем самом? Он не забыл про то, как грубо с ним обращались, и возбуждение его еще не улеглось. А может, путы терзают бока, горяча мустанга как шпоры? Или какой-нибудь отдаленный шум напомнил ему крики разъяренной толпы и вой волков, гнавшихся за ним по пятам? А может...

Восклицание проводников, скакавших во главе отряда, прервали мои размышления.

Трапперы указывали на землю. Они не произнесли ни одного слова, но никто из нас не нуждался в объяснениях. Все поняли, отчего мустанг пустился вскачь!

Трава измята и истоптана... На земле чернеет множество следов. Мы увидели отпечатки не четырех копыт, а нескольких сотен. Они были не менее свежи, чем следы Белого мустанга. Невозможно отличить, которые из них оставлены конем.

— Табун диких лошадей! — в один голос сказали трапперы.

На копытах не было подков, но по этому признаку еще нельзя судить о диком состоянии лошадей. Ведь индейцы не подковывают своих лошадей. Но оба траппера утверждали, что лошади, о которых шла речь, не знали еще узды. В табуне были маленькие жеребята и совсем юные кони. Дело ясное: здесь

прошла кабальяда.

На том месте, где стоял наш отряд, дикие кони пустились вскачь; Белый мустанг смешался с табуном, приблизившись к нему под прямым углом.

— Дело ясное, — заметил Рубби. — Напуганные Белым мустангом, кони удирают от него. Вот отпечатки его копыт — в хвосте табуна. Он бежит вслед за дикими родичами. Здесь он догнал отставших, — продолжал траппер, продвигаясь вперед, — мустанги шарахнулись во все стороны. Вот они скачут дальше — один впереди, другие позади Белого мустанга. Держу пари, что они уже освоились с видом пришельца и перестали его бояться. Так и есть: он бежит в самом центре табуна!

Невольно поднял я глаза, решив, что траппер увидел кабальяду. Но я ошибся. Старик трусил рысцой во главе отряда. Свесившись в седле, он не спускал взгляда с земли.

Все сведения, сообщенные им, он вычитал в сложном узоре следов.

В этих непроницаемых для меня иероглифах ему легче было разбираться, чем в раскрытой книге с четкой печатью.

Я знал, что толкование его абсолютно правильно: Белый мустанг поскакал вслед за табуном, догнал его и затесался между дикими лошадьми.

При этой мысли сердце мое тревожно заныло. Новая смертельная опасность угрожала Изолине.

Я представил себе беспомощную всадницу, врезающуюся в табун диких лошадей. Бешеное ржание, глаза мустангов мечут искры, красные ноздри раздуваются от злобы. Растет раздражение против белого скакуна, который вторгся к кобылицам. Ревнивые жеребцы ярятся... В слепой ярости бросаются они на чужака, обнажив плоские желтые зубы. Они становятся на дыбы, лягают Белого мустанга, храпят...

С потрясающей ясностью возникла эта сцена в моем воображении. Мрачные предчувствия терзали меня.

Как ни кошмарна была картина, нарисованная мною, она являлась точным, хотя и бледным отображением действительности.

Чутье подсказывало мне истинный ход событий. Я еще ничего не видел, но все знал. Сцена, которую я представил себе, уже разыгралась невдалеке от нас.

Через несколько минут с вершины холма я увидел беснующийся табун.

Глава LXIV КАБАЛЬЯДА

Не слушая предостережений, я пришпорил коня и, галопом спустившись с холма, помчался на табун.

Действовал я без всякого плана и даже не пытался поискать прикрытия, чтобы врасплох напасть на мустангов. Впрочем, у меня не было времени на рассуждения. Надо как можно скорее разогнать жеребцов и, если еще не поздно, спасти Изолину от ударов копыт и желтых плоских зубов.

Надежда не покидала меня — я заметил, что вокруг Белого мустанга сохраняется пустое каре: жеребцы пока что держались в некотором отдалении.

Если бы моя задача ограничивалась поимкой Белого мустанга, я проявил бы большую осторожность. Но сейчас мне было не до этого: минута промедления могла все погубить.

Трапперы и рейнджеры, руководствуясь теми же соображениями, погнали лошадей галопом. Я не намного опередил отряд.

Довольно большое расстояние отделяло нас от табуна. Ехали мы против ветра; уже половина пути осталась позади; но дикие лошади все еще не почували нас.

Я кричал во весь голос, желая спугнуть их и обратить в бегство; спутники мои надрывали глотки, но ветер относил все звуки в сторону, и лошади ничего не услышали.

Тогда я придумал более верное средство: схватив из-за пояса револьвер, я несколько раз выстрелил в воздух.

Я переусердствовал: достаточно было и одного выстрела. Дикарки встрепнулись и, оставив в покое чужака, рассеялись по прерии. Одни кони умчались, другие опустив голову и оглашая воздух неистовым ржанием, бросились нам навстречу. Передовые были уже на расстоянии выстрела, когда внезапно повернули обратно и стремительно ускакали. Теперь на месте, где только что неистовствовал табун, оставался лишь Белый мустанг со своей ношей.

Он не шевелился, словно потрясенный исчезновением своих негостеприимных родичей. Но Белый мустанг наравне с прочими слышал выстрелы и, может, один из всего табуна понял, что означает этот странный грохот. Он знал, что приближается человек, его исконный враг, но все-таки не двинулся с места. Неужели он смиренно и покорно отдастся нам в руки? Увы! Меня постигло разочарование...

Я был в ста ярдах от мустанга, когда он вскочил на дыбы, волчком повернулся на задних ногах и бросился бежать.

До меня донеслось его бешеное ржание: мне почудились в нем издевательские и мстительные ноты. Издевательство над бесплодной погоней и месть за то, что недавно я захватил его в плен.

Сейчас все зависело только от быстроты. Нужно догнать Белого мустанга и вырвать из когтей смерти всадницу, если она еще жива...

Не время, однако, предаваться горестным размышлениям. Откинув помыслы, я сосредоточил все свое внимание на погоне.

Ласково поощрял я Моро, называл его по имени, гладил, сжимал коленями и лишь изредка впивался шпорами в его крутые бока.

Вскоре я убедился, что верный мой конь начинает ослабевать. Это открытие повергло меня в ужас.

Сказывались последствия неистовой скачки, продолжавшейся круглые сутки. По его грузному аллюру я чувствовал, до какой степени устал Моро: уже не так звонко, как обычно, стучали копыта, ударяясь о твердый грунт. По сравнению с моим конем, степной жеребец был еще совершенно свежим.

Но на карту поставлена жизнь Изолины, а может, и моя собственная: ведь я не переживу своей невесты! Она должна быть спасена любой ценой! Нужно безжалостно шпорить Моро! Любой ценой я должен догнать Белого мустанга!

Местность была неровная. Почва вздымалась и опускалась, словно застывшие волны океана. Мы скакали наперерез пригоркам, которые тянулись параллельными цепями на небольшом расстоянии друг от друга.

Конь мой то взлетал вверх, то спускался по склонам, ни на секунду не замедляя бега.

Скачка эта была суровым испытанием для моего бедного Моро.

Неужели никогда не кончится жестокая погоня? Неужели никогда не иссякнут силы Белого мустанга?

Конечно, когда-нибудь он устанет и остановится. Несомненно, Моро превосходит его в быстроте и выносливости. Но у степного жеребца двойное преимущество: он находился в родных прериях и не был переутомлен.

Я не спускал с него глаз.

Меня охватил суеверный страх: я боялся, что мустанг исчезнет. Мне вспомнилась первая охота за ним и легенды, сложенные мексиканцами о неуловимом белом коне. В эту секунду я верил всем басням!

С какой радостью одолел я последний пригорок и увидел, что передо мной расстилается безбрежная прерия.

В скачке без препятствий перевес перешел на мою сторону.

Расстояние между мной и беглецом таяло. Моро находился уже в трехстах ярдах от него. Я разглядел несчастную подневольную всадницу. Ноги ее по-прежнему были вытянуты во всю длину и привязаны к крупу лошади. Развевались порванные одежды, а длинные, черные, тугие косы свисали почти до земли. Я уже видел бледное лицо Изолины.

Погоня продолжалась. Время от времени дикий мустанг поворачивал назад голову и злобно ржал.

Слабый румянец проступил на щеках Изолины.

Я подскакал настолько близко, что она могла меня услышать. Громко кричал я, звал ее по имени, вглядываясь в ее черты, и с замирающим сердцем ждал ответа.

Мне показалось, будто она приподняла голову.

Но слабый голос ее не донесся до моего слуха; он был, вероятно, заглушен звонким стуком копыт.

Снова закричал я изо всех сил. Тысячу раз повторял я ее имя.

На этот раз она, безусловно, услышала меня.

Да, голова ее, запрокинутая на загривок лошади, шевельнулась.

Воочию убедился я в том, что Изолина жива!

Едва успела девушка подать мне знак, как лошадь моя осела подо мной, словно провалилась в землю.

Движимый инерцией, я упал, перекинувшись через голову коня; Моро спо-

ткнулся о кочкообразную нору сурка и тяжело рухнул на землю.

Падение не испугало и не лишило меня энергии. Через секунду я был уже на ногах. Схватив узду, я вскочил в седло. Но когда повернул лошадь, собираюсь продолжить погоню, я ничего не увидел перед собой.

Белый мустанг исчез.

Глава LXV ЗАРОСЛИ

Трудно представить себе мой гнев и отчаяние!

На этот раз в исчезновении мустанга не было ничего таинственного: передо мной расстилались заросли кустарника.

Я, правда, не видал мустанга, но зато отчетливо слышал его.

Звонко отдавались удары копыт о твердую землю, под его ногами хрустели сухие ветки и шелестела раздвигаемая им листва.

Не взглянув даже, куда ведет след, я стремглав бросился в ту сторону, откуда доносились звуки.

Второпях я не разыскал прореди и направил Моро прямо в чащу.

Раздвигая грудью высокие кусты, доходившие ему до шеи, перепрыгивая через ветки, мой славный боевой товарищ продвигался вперед. Но не успел он сделать и тридцати шагов, как я раскаялся в своем опрометчивом поступке.

Шаги Моро заглушали звонкий стук копыт, хруст хвороста и свист зеленых ветвей.

Мы ехали вслепую, но, когда останавливались, я еще различал тяжелую поступь Белого мустанга, с трудом пробивавшегося сквозь заросли. Шум постепенно ослабевал и удалялся. С каждым разом ой доносился глуше, и, лишь напругая слух, я улавливал его.

Снова пришпорил я коня, почти наугад повернув его в сторону. Но через сотню приблизительно шагов мне пришлось вторично задержаться, чтобы проверить направление.

Тщетно прислушивался я: ни шороха, ни звука.

Быть может, белый конь стоит, притаившись где-нибудь невдалеке, или — второе предположение значительно вероятнее — он настолько обогнал меня, что до меня уже не долетает стук его копыт.

Почти невменяемый, раздраженный на собственную глупость, я потерял способность хладнокровно рассуждать; не думая о последствиях, снова пришпорил я коня и еще дальше углубился в чащу.

Еще несколько сотен шагов — и полное отчаяние овладело мной: таким путем я ничего не добьюсь! Никогда не поймать мне Белого мустанга!

Снова остановил я Моро. Прислушался. Передо мной простиралась необозримые заросли, нависла гробовая тишина. Даже птицы не порхали в кустах. Все как будто вымерло.

Я проклинал свою неосторожность. Если бы я не поторопился, а спокойно разыскал следы, я не потерял бы из виду Белого мустанга! Какой бы путь ни избрал степной жеребец, он был доступен и для Моро.

— А теперь, — в отчаянии повторил я, — я не знаю, куда он скрылся... Все погибло по моей собственной вине!

Пытаясь разыскать следы, я метался во все стороны.

Сначала я поехал в одном направлении, потом в другом.

Напрасно терял я время: ни отпечатков копыт на земле, ни сломанных ветвей я не находил.

Наконец я решил вернуться в прерию и оттуда продолжать погоню по следам, оставленным Белым мустангом.

Такой образ действий был самым разумным; впрочем, выбора у меня не было: поневоле пришлось отступить. Я был убежден, что с легкостью найду след мустанга, если вернусь на опушку кустарника.

С этим намерением я повернул коня и двинулся в ту сторону, где, по моему убеждению, лежала прерия.

Прошло около получаса, и я покрыл больше мили: опушки нет! Снова повернул и проехал не меньше двух миль в обратную сторону, метался вправо и влево и наконец, изнемогая от усталости, остановил коня.

Сомнений нет: я заблудился!

Заблудился в зарослях. В непроходимых выжженных солнцем джунглях, где каждое растение вооружено шипами и защищает свою землю от вторжения чужака. Вплоть до трав, здесь всякое растение ранит путника: ведь даже узловатые стебли мез-кита покрыты острыми колючками.

Я поплатился за свою смелость: пробираясь в зарослях, я в клочья разорвал одежду и до крови расцарапал ноги.

Расцарапал ноги... Каково же бедной Изолине?! Что случилось с ее стройными ножками, нежно округленными руками, гладкой кожей? Тысячи шипов вонзились в ее тело!

Только стремительные действия могли отвлечь меня от этих мрачных мыслей. Снова натянул я узду и погнал Моро вперед.

Глава LXVI

ВСТРЕЧА С ДИКИМИ КАБАНАМИ

Как мог я проверить направление? Смутно помнил я, что мы продвигались с трапперами на запад. Следовательно, прерия лежит на востоке от зарослей.

Но как отличить запад от востока, когда перед тобой расстилается безбрежное море кустарника, а небо обложено свинцовыми тучами, сквозь которые не пробиваются солнечные лучи?

В северном лесу задача моя упростилась бы: дуб, вяз, клен, бук, дикая смоковница или ясень заменили бы мне компас.

По стволу любого из этих деревьев я определил бы, где юг. Но в густых зарослях, где росли одни колючие кустарники, я совершенно растерялся.

Своеобразная растительность, свойственная безводным местностям, была мне чужой. Существуют, конечно, знатоки, которые, очутившись в кустарнике, с легкостью указывают часть света, не справляясь с компасом и не глядя на небо. Но, к сожалению, я был не из их числа.

Я не мог придумать ничего лучшего, как довериться своей лошади.

Не раз, заблудившись в темном лесу или в незнакомой степи, я полагался на инстинкт Моро, и верный конь мой спасал меня из безвыходного, как мне казалось, положения.

Моро вывез бы меня на дорогу, по которой мы приехали, если б путь этот вел домой. Но ни у меня, ни у лошади моей не было дома. В этой стране мы были пришельцами. Мы с Моро — бродячие рейнджеры. Много лет уже мы переезжаем с места на место, и каждое наше очередное пристанище отстоит от предыдущего на сотни, на тысячи, а иногда и на десятки тысяч миль.

Давно уже забыл Моро конюшню на своей родине.

Если где-нибудь поблизости протекает река, Моро вывезет меня к ней, так как оба мы в равной степени нуждаемся в воде. Затем, следуя по течению, мы выберемся в населенную местность...

Итак, опустив поводья, я предоставил Моро выбор пути.

До этого я кричал до хрипоты, надеясь, что на зов мой откликнутся рейнджеры. Ни на чью другую помощь я не рассчитывал, ибо откуда возьмутся люди в зарослях, которых избегают даже дикие звери?

Только рогатая ящерица, гремучая змея, броненосец и пятнистый волк населяют эти безводные джунгли. Время от времени здесь проходят стада диких кабанов. Но и эти животные здесь — редкие гости. Всадник, странствующий по Мексике, может проехать десятки миль по зарослям, не встретив ни одного живого существа. Кустарник — царство смерти и тишины.

Изредка ветер зашелестит листвой акации, кузнечик пронзительно застрекочет в сухой траве, но снова нависает гробовая тишина. Ни одного звука не услышит утомленный путник, кроме своего собственного голоса и тяжелого топота своего коня.

Я не терял надежды, что товарищи услышат мои крики. Они, конечно, придерживаются моих следов. К моменту въезда в лес я значительно опередил их, но, несмотря на это, они должны бы уже догнать меня.

Я сомневался только в том, последуют ли они за мной или за Белым му-

стангом. В обоих случаях я не имею права ехать дальше. Ведь, удаляясь от рейнджеров, я увлекаю их в длительные поиски. Я усложняю и без того трудную задачу.

Скорее всего они погонятся за мной, считая, что я не без оснований отклонился от первоначального плана. Они решат верно, что я поскакал наперерез Белому мустангу. Отчего бы не двинуться им навстречу?

На этот раз, сжалившись над своей взмыленной лошастью, я побрел пешком, ведя Моро под уздцы.

Время от времени я кричал, звал на помощь, стрелял в воздух из револьвера, но никто не откликался.

Друзья мои, очевидно, далеко, раз они не услышали стрельбы. В противном случае они, конечно, ответили бы мне тем же способом, так как все вооружены карабинами и пистолетами.

Где они? У них было достаточно времени, чтобы нагнать меня. Снова я выстрелил в воздух, но, как и раньше, только эхо ответило мне.

Они не последовали за мной, бросившись, очевидно, в погоню за Белым мустангом. А может, они просто задержались в пути?

Внезапно внимание мое было привлечено птичьим гомоном. Я узнал пронзительный писк голубой сойки и стрекотание кардинала. Птицы встревоженно кричали, почуяв какую-то опасность. Должно быть, на их гнезда покушается черный северный боа. А что если они напуганы приближением всадников или диким мустангом, который, подобно мне, блуждает в зарослях?

Вскочив в седло, я взглянул в сторону, откуда доносились крики.

На некотором расстоянии от меня в ветвях металась сойки и кардиналы, встревоженные какой-то сценой, разыгрывающейся на земле у подножия кустов. В то же мгновение я услышал другие, незнакомые звуки.

Новое разочарование: то было не ржание коней и не человеческие голоса.

Что бы там ни было, я решил выяснить, отчего всколыхнулись безмолвные до сих пор дебри.

Я погнал коня. Моро проложил себе дорогу в густом кустарнике, и перед моими глазами предстало неожиданное зрелище — битва между красным кугуаром и стадом диких мексиканских кабанов — так называемых явали.

Смелые маленькие кабаны окружали кугуара, мужественно отбивавшегося от их клыков.

Несколько явали лежали на земле, смертельно раненные могучими когтями американского тигра. Но остальные, не смущаясь гибелью своих родичей, со всех сторон окружали кугуара. С громким хрюканьем они нападали на него и терзали гладкую шерсть своими острыми клыками.

Эта сцена пробудила во мне охотничьи инстинкты. Сняв с плеча карабин, я не торопясь прицелился.

Выбор мишени не вызвал во мне никаких колебаний: кугуар всегда привлекательнее для охотника, чем явали. Я спустил курок. Пуля пробила череп кугуару, и он свалился замертво, к удивлению хрюкающего стада.

Не прошло и минуты, как я раскаялся в своем выборе.

Именно кугуара следовало мне пощадить. Я должен был воздержаться от стрельбы или нацелиться в одного из кабанов с бурой взъерошенной щетиной. Теперь, когда кугуар вышел из игры, его враги ополчились против меня. Перебросившись на новый фланг, они бросились к моему коню, яростно скаля

клыки, которыми только что терзали кугуара.

Нельзя даже проучить неблагоприятных тварей: карабин я не успел вторично зарядить, а все револьверные патроны я расстрелял в воздух.

Лошадь, испуганная внезапной атакой и странным обликом наших врагов, неистово заржала и заметалась. Вслед за ней побежало по меньшей мере двадцать кабанов. Они подпрыгивали, хрюкали, становились на задние лапы и впивались в ноги Моро.

На свое счастье, я сумел удержаться в седле. Свались я на землю, кабаны в одно мгновение растерзали бы меня.

Спасти можно было только бегством.

Пришпорив лошадь и отпустив поводья, я предоставил Моро выпутываться из беды.

Однако между густыми зарослями кабаны пробивались с такой же скоростью, как лошадь.

Сделав приблизительно сто шагов, я обернулся: стадо кабанов гналось за нами по пятам, на бегу кусая ноги моего коня.

Но тут я услышал человеческие голоса и увидел всадников, прокладывающих себе дорогу среди кустов.

К радости своей я узнал Стенфильда, Квакенбосса и других рейнджеров.

Через минуту они были около меня и открыли револьверный огонь по кабанам. Вскоре половина явали была перебита, остальные обратились в бегство и с громким хрюканьем скрылись в чаще.

Глава LXVII ДЫМ

Среди спасителей моих не было ни Рубби, ни Гаррея.

На мой вопрос рейнджеры ответили, что Рубби с Гаррем отправились по следам Белого мустанга.

Как обрадовала меня находчивость моих друзей! Они поступили именно так, как сделал бы я на их месте. Они не бросили меня на произвол судьбы и в то же время продолжают преследование Белого мустанга.

Товарищи мои немало потрудились, пока нашли меня. Час назад, расставшись с трапперами, они углубились в заросли. Следы мои были так запутаны, что им не раз приходилось спешиваться и, ползая на четвереньках, искать отпечатки копыт.

К счастью, они оказались предусмотрительнее своего капитана и запомнили дорогу.

Теперь мы с легкостью могли вернуться на опушку.

Это было самое благоразумное: только оттуда мы могли двинуться на соединение с Рубби и Гаррем. Проводником нашим был опытный охотник, лесной бродяга Стенфильд.

На обратном пути нам не пришлось искать моих запутанных следов. Уроженец Кентукки вывел нас почти прямой дорогой в прерию.

Выехав на опушку, мы, не делая привала, вторично углубились в кустарник по следам Рубби и Гаррея.

Это было нетрудно. Заботливые трапперы оставили на своем пути вежи, «осветив», как выражаются охотники, дорогу.

Почти повсюду копыта трех лошадей явственно отпечатались на земле. Но кое-где — на каменистой почве и даже на сухой траве, выжженной солнцем, — следы были едва заметны.

Но в таких местах нам указывала дорогу сломанная ветка акации, расщепленный стекловидный стебель алоэ, покрытый цветами, или свежая зарубка на стволе сочного кактуса.

Знаки эти бросались в глаза, и мы спокойно ехали, не боясь заблудиться.

Мы проделали этот путь значительно быстрее трапперов, так как на каменистых и покрытых галькой участках им приходилось спешиваться, чтобы разыскать следы Белого мустанга и отмечать дорогу для нашего отряда.

Тревожно вглядывался я вдаль, с лихорадочным нетерпением ожидая встречи с трапперами.

Впрочем, бывали минуты, когда я готов был оттянуть свидание, — так боялся я услышать дурные новости...

Мы покрыли уже около пяти миль, когда я почувствовал странное раздражение в глазах. Они слезились, и веки как будто припухли и зудили. Приписав это явление бессоннице, я не обратил на него особого внимания.

Вскоре спутники мои также начали жаловаться на таинственную боль в глазах. Вскоре мы догадались, в чем дело: в воздухе потянуло дымом. Это дым разъедал глаза.

Жители прерий не могут не взволноваться, почуяв дым. Раз пахнет дымом, значит, поблизости что-то горит, а нет ничего опаснее пожара в безбрежных прериях Запада.

Даже лесной пожар не так страшен. Можно, находясь недалеко от горящего леса, любоваться великолепным зрелищем, чувствуя себя в полной безопасности. Иначе обстоит дело со степным пожаром. От него некуда укрыться, потому что огонь распространяется с невероятной быстротой.

Некоторые виды прерий, правда, представляют туго воспламеняющийся материал. Очень редко, например, вспыхивает низкорослая и сочная бизоно-вая трава. В случае пожара низкотравной прерии люди, бизоны и антилопы убегают по тлеющему ковру.

Погибают в таких случаях только пресмыкающиеся.

Но почти невозможно ускользнуть от гибели, когда загораются высокие травы, достигающие лошади до загривка. Положение еще осложняется тем, что стебли опутаны бесчисленными усиками вьюнков.

В период засухи пожар несет за собой смерть для всех обитателей прерий.

По неуверенным движениям своих спутников я понял, что они напуганы. Однако непосредственная опасность нам пока что не угрожала.

Чем дальше мы ехали, тем больше тревожились рейнджеры.

Небо потемнело. Дым стучался вокруг нас и все больше разъедал глаза.

— Лес горит! — воскликнул Стенфильд.

Стенфильд некогда был лесником, вот почему все мысли его вращались вокруг леса.

Не знаю, горела степь или кустарник, но пожар распространялся быстро.

Ветер в прерии на многие мили относит дым, но по некоторым признакам я заключил, что пожар бушует вблизи нас.

Хлопьями кружился в воздухе белесоватый пепел, а дым был едкий и густой.

Впрочем, не расстояние, отделяющее нас от пожарища, интересовало меня, а то, в каком направлении горит прерия.

Ветер дул нам прямо в лицо, и горячее дуновение его было отравлено дымом: значит, следы Белого мустанга уводят к горящей прерии.

С каждой минутой дым сгущался. Прямо против нас на небе загоралось зарево. Мне казалось, будто я слышу свист бушующего пламени.

Воздух был сухой и раскаленный. Дыхание затруднено. Мы раскрывали рты, борясь с удушьем.

Стемнело, или, вернее, нас слепил дым. С огромным трудом различали мы следы.

Рейнджеры хотели остановиться, но я настаивал на дальнейшем продвижении. Поощряя их собственным примером, я поскакал во главе отряда, громко зовя Гаррея и Рубби.

— Ау! Ау! — послышалось в ответ.

Я услышал низкий голос младшего траппера.

Мы поспешили в ту сторону, откуда донесся голос Гаррея.

В центре небольшой прогалины мы различили сквозь дым силуэты верховых.

С какой тревогой вглядывался я в эту группу!

Но, к разочарованию своему, я убедился, что там находятся только двое всадников — Гаррей и Рубби.

Глава LXVIII ЖАЖДА

— А, мистер Рубби! — воскликнул канадец, подъезжая к трапперам. — Откуда этот проклятый дым? Неужели лесной пожар?

— Лесной? — повторил Рубби, окинув француза презрительным взглядом. — Где вы нашли здесь лес? Это горит прерия. Разве вы не чувствуете неприятный запах горелой травы?

— Не может быть! Неужели? Прерия? Вы не ошибаетесь, мистер Рубби?

— Не ошибаюсь ли я? — возмущенно перебил траппер. — Как я могу ошибаться! Что вы болтаете? Неужели вы думаете, что мне не знаком запах степного пожара?

— Простите, мистер Рубби! — смиренно пробормотал француз. — Я хотел только спросить, не горят ли заросли. Быть может, эти кусты...

Робкий вопрос канадца смягчил траппера.

— Нет, это горит прерия. Успокойтесь: вы здесь в полной безопасности.

Эти слова обрадовали не только канадца, но и всех рейнджеров, но меня они мало утешили.

Я без того знал, что в кустарнике почти никогда не возникают пожары. Правда, некоторые сухие деревья вспыхивают как труты, но огонь не распространяется, потому что заросли на три четверти состоят из своеобразной, свойственной только им сочной растительности. Именно такие растения окаймляли прогалину, избранную трапперами для привала. Она представляла собою лужайку, со всех сторон защищенную высокими кактусами. Здесь мы находились в полной безопасности, словно пожар свирепствовал на сто миль от нас. Мы страдали только от дыма, валившего теперь клубами. Атмо-

сфера сгустилась, и было темно, почти как ночью.

Итак, за жизнь своих спутников и свою я не тревожился. Мысли мои были заняты другим.

Мало внимания обратил я на разговор Рубби с канадцем. Ко мне подошел Гаррей, и с замирающим сердцем слушал я его донесение.

Рассказ его был короток.

Рубби с Гарреем проследили путь Белого мустанга до опушки кустарника и продолжили погоню в прерии. Прогалина наша находилась недалеко от опушки. Уже в прерии трапперы увидели прямо перед собой огонь. Благодаря ветру пожар распространялся с ужасающей быстротой. Друзьям моим пришлось отступить, и они еле спаслись от надвигающейся опасности, вернувшись галопом в кустарник.

А Белый мустанг? Не видели ли его трапперы? Что знают они о беглеце?

Взглядом спрашивал я трапперов и по выражению их лиц угадал ответ.

Друзья мои хранили молчание. Оба они были печальны и озабочены. Я понял, что они ничего не знают о Белом мустанге.

Вынужденное безделье меня раздражало, но двинуться дальше мы не могли. Издали доносился шум пожара и треск горящих стеблей, напоминающих ружейную стрельбу.

Время от времени мимо нас стрелою пробежал испуганный олень. Стадо антилоп промчалось по прогалине и остановилось недалеко от нас. Дрожавшие дикарки растерялись, не знали, куда укрыться от огня. Вслед за ними появилась стая степных волков. Не обращая внимания на антилоп, они расположились в нескольких шагах от них. Затем пришли черный медведь и кугуар. Хищное зверье и кроткие антилопы держались почти бок о бок. Стихийное бедствие заглушило кровожадные инстинкты хищников.

В ветвях металась с пронзительным криком птицы; встревоженные орлы парили в вышине. Черные кондоры летали над пожарищем, но не спускались на землю за добычей.

Только человек остался верен самому себе.

Спутники мои проголодались. Они зарядили карабины. Грянули выстрелы. Меткие стрелки уложили медведя и одну антилопу.

Рейнджеры освежевали и разрубили обе туши. Разложили костер на прогалине. Вместо вертела использовали саблю, и вскоре зарумянились медвежьи окорока и филейные части антилопы.

Когда жаркое было готово, рейнджеры отдали ему должную честь. Придя в хорошее настроение, они шутили и смеялись над своим чадным очагом.

Я тоже был голоден и взял свою долю жаркого, не разделяя, конечно, общего веселья. Самая остроумная шутка не вызвала бы у меня улыбки, вряд ли оценил бы я в эту минуту даже самое изысканное жаркое.

Утолив голод, мы почувствовали жажду. Несколько часов подряд у нас не было во рту ни капли воды, но бешеная скачка заглушила все ощущения. Сейчас жажда обострилась под влиянием сухости воздуха, жары и дыма.

За весь день после переправы через речку мы не встретили ни одного ручья. В кустарнике не бывает проточной воды. В прерии трапперы тоже не нашли источника. Нас окружала настоящая безводная пустыня. Сознание, что нельзя утолить жажду, усугубляло наши страдания.

Некоторые из рейнджеров прикладывали к губам камешки и холодные пу-

ли, другие напились крови убитых животных. Но что действительно смягчало жажду — это сочные стебли кактуса и агавы.

Но облегчение было только временным. Растительный сок освежает воспаленные губы и язык, но почти всегда в нем заключается едкое вяжущее вещество. Как только сок проникает в желудок, жажда становится более мучительной. Так было и с нами.

Кое-кто среди рейнджеров уже поговаривал о том, чтобы отказаться от погони и отправиться в поиски за водой; это было равносильно возвращению к реке, от которой мы отошли на двадцать миль.

В подобных обстоятельствах я не мог прибегнуть к своему авторитету: какая там дисциплина, когда люди изнемогают от жажды! К тому же погоня за Белым мустангом была моим частным делом.

Впрочем, все эти пересуды не особенно тревожили меня. Я мог обойтись без помощи рейнджеров, поскольку трапперы не собирались покидать меня.

К счастью, в критическую минуту дым начал рассеиваться.

Вся трава выгорела. Пожар подходил к концу.

Снова вскочили мы на лошадей и, придерживаясь следов, отчетливых на протяжении нескольких сотен шагов, выехали из зарослей в опустошенную огнем прерию.

Глава LXIX ВЫЖЖЕННАЯ ПРЕРИЯ

Нет зрелища печальнее прерии после пожара.

Безбрежный океан, по которому катятся вспененные валы, сожженная солнцем вересковая луговина, болотистая равнина после внезапных заморозков — все это тяготит путника своим однообразием. А все же каждая волна имеет свой облик, вереск играет лиловатыми оттенками, и даже болото, покрытое кочками, иногда оживляется древесной растительностью!

Не такова выжженная пожаром прерия. Она бесформенная и бесцветна. Взгляд блуждает по безграничному пространству. Пейзаж, насыщенный далью, утомляет до головокружения. Даже голубой купол неба кажется мрачным в сочетании с черно-бурой землей. Глаз, отравленный степной печалью, уже не воспринимает сияния небосвода.

Зеленеющая прерия наводит скуку, несмотря на яркие свои цветы. Когда мне случалось пересекать подобные равнины, я тосковал по какому-нибудь холму или пригорку, который разделит бы линию горизонта. Так мечтает моряк о встречном корабле или берегу, не обращая внимания ни на фосфоресценцию воды, ни на причудливые группы водорослей.

Само по себе сочетание оттенков не может удовлетворить человека.

Цветущая прерия, на первый взгляд прекрасная, быстро надоедает путнику, потому что в ней нет ни жизни, ни движения.

Нетрудно себе представить, до чего однообразна и печальна прерия после пожара. Не подобрать даже слов для описания этого гнетущего пейзажа.

Огонь уже погас. Дым уже не клубился. Лишь кое-где подымался пар над землей. Но справа и слева, вплоть до горизонта, повсюду расстилалась однообразная черно-бурая пустыня, покрытая налетом серебристого пепла.

Все звуки стихли. Воцарилась жуткая тишина. Казалось, будто земля умер-

ла и на нее накинута огромный черный саван.

При других обстоятельствах я, наверное, остановился бы, чтобы поглядеть на эту безотрадную картину, хотя она давала мало пищи воображению. В сущности, в ней не было ничего потрясающего, но даже великолепное и трагическое зрелище не отвлекло бы меня от моих мыслей.

Трапперы значительно опередили отряд. Их лошади подымали облако пыли.

Первое время они ехали напрямик, не разыскивая следов Белого мустанга: они уже проделали эту часть пути до пожара и поэтому знали, какого нужно держаться направления.

Вскоре они остановились, свесились на седлах, они разглядывали землю.

Я усомнился в том, что после пожара можно будет найти следы. Неглубокие отпечатки копыт, наверное, завалены грудой пепла и кучами горелой травы.

Оказалось, однако, что для опытного следопыта эта задача не представляет никаких трудностей.

После минутного колебания трапперы снова тронулись в путь.

Всматриваясь в землю, я замечал только легкие, еле приметные впадины. Сам я никогда не догадался бы, что это отпечатки копыт.

Мы находились в самом сердце прерии. Пожаром было выжжено огромное пространство.

В одном месте следы были запутаны и неясны; нам пришлось сделать короткий привал, чтобы трапперы не торопясь наметили дальнейший путь Белого мустанга.

Движимый любопытством, я окинул взглядом окрестность. Мрачное зрелище представилось мне. Исчезла из виду даже колючая растительность зарослей. Со всех сторон расстилалась обугленная прерия, черная и дикая, которой, казалось, не было конца.

Взгляд мой покоился на безбрежной пустыне. Я впал в какое-то странное оцепенение. Что это, сон или смерть? Неужели все кончено — любовь и страдание?

Голоса спутников вернули меня к действительности. Следы были найдены, и рейнджеры уже двинулись в путь.

Глава LXX

РАЗГОВОР ТРАППЕРОВ

Пришпорив коня, я догнал моих спутников. Не обращая внимания на черную пыль, которую поднимали их кони, я поехал вслед за трапперами, прислушиваясь к их разговору.

Вольные горцы, как они себя с гордостью именовали, были, по правде сказать, большими чудаками.

Надо сказать, что они не раскрывали своих замыслов даже мне. Еще более высокомерно держались они с остальными рейнджерами, которых считали «желторотыми птенцами и молокососами». Этой кличкой они величали всех, кто не странствовал по великой прерии.

Стенфильд с Блэком были профессиональными лесничими и охотниками, Квакенбосс — первоклассным стрелком, Леблан — путешественником, немало перевидавшим на своем веку, и все остальные рейнджеры — мужественными и бывалыми людьми.

Но трапперы обращались с ними как со школьниками. Чтобы заслужить их уважение, нужно было умирать с голоду в саваннах, охотиться за бизонами на Иеллоу-ривер или Ла-Плате — двух реках, протекающих в пустыне, сражаться с индейцами, отморозить уши во время зимовья на порогах Зеленой реки или увязнуть в снегах на Скалистых горах. Только исполнив все или, по крайней мере, часть этих подвигов, молокосос, по мнению Рубби, превращался в вольного горца.

Как это ни странно, но из всего отряда я был единственным, кого Рубби с Гарреем не считали «желторотым птенцом». Изредка они даже посвящали меня в тайны своего ремесла, хотя я был лишь новичком и дилетантом.

С своей стороны, я преклонялся перед авторитетом трапперов и, поскольку мы находились в прериях, не пытался даже оспаривать их первенство. Как мог я использовать здесь свое классическое образование, красивую военную форму и умение поддерживать изящный разговор? Без трапперов я, конечно, погиб бы.

Подъехав к трапперам, я не стал их расспрашивать, боясь услышать неутешительный ответ. Дело в том, что оба они были озабочены и печальны.

Я держался рядом с ними, боясь пропустить хоть слово из их разговора. Когда я догнал их, Рубби говорил Гаррею:

— Нет, Билли, не думаю. Это невозможно. Прерию подожгли. Но не могла же она вспыхнуть сама собой?

— Конечно нет! Я вполне согласен с тобой, старина!

— Некогда в Арканзасе я знал одного человека. То был большой чудака. Вечно он бродил по прерии, собирая травы, которые засушивал и перекладывал белыми листьями бумаги. Он называл сухую траву гербарием, точь-в-точь как голландский ученый, которого мы встретили однажды летом по ту сторону Рио-Гранде...

— Да, да, припоминаю.

— Он был болтлив, как сорока, и по целым дням твердил про... Как он это называл? Ах, да, про тепловые лучи.

— Верно, я помню его рассказы.

— Но не в этом дело. Мой ботаник утверждал, будто прерия может вспыхнуть без всякой причины. А я ему не верил. Само собой разумеется, что во время грозы возникают иногда степные пожары. Этого никто и не оспаривает: ведь молния — тот же огонь. Поднеси такое огниво к сухой траве, и она вспыхнет, как пунш в бокале. Но я спрашиваю: каким образом возникает пожар, если существует первоначальная искра? Вот в чем вопрос! Что ты скажешь, Билли?

— Сам не понимаю, — глубокомысленно пробормотал Гаррей.

— Нет, нет! Никогда еще не загоралась саванна, если в траву не попадала искра из костра, если ее не выжигали индейцы или во время грозы в нее ударила молния.

— Ты считаешь, Рубби, что прерию подожгли краснокожие?

— Наверное не знаю... Сейчас я изложу тебе свои соображения. Грозы, как тебе известно, сегодня утром не было. Мы далеко уклонились на запад. Здесь нет поселков белых — я говорю, разумеется, про техасцев. На западе живут только мексиканцы, но я их белыми не считаю. Но к делу! Думаю, что здесь нет и мексиканцев. Слишком далеко мы зашли на север. В это время года они не посмеют показать сюда носа, так как у команчей сейчас «мексиканская луна». К тому же мексиканцам известно, что команчи воюют с липанами. Итак, из всего сказанного следует, что мексиканцы не могли поджечь прерию. Остается выбор между краснокожими и этой чертовой басней про тепловые лучи.

— Да ничего другого быть не могло.

— Отлично! В пожар, возникающий сам собой, я не верю. Очевидно, во всем виноваты индейцы. Убежден, что это они подожгли прерию.

— Правильно! — поддержал Гаррей.

— Раз так, — продолжал Рубби, — краснокожие должны быть неподалеку. Мы можем в любую минуту натолкнуться на них, а они, как известно, большие любители скальпов. Надо поберечь свои прически... Вот и все, что я хотел тебе сказать, Гаррей!

— Надо быть осторожней! — отозвался Гаррей, который всегда соглашался с Рубби.

— Надо тебе сказать, Билли, — продолжал Рубби, — что в последнее время в индейцев вселился дьявол. Никогда они не были так свирепы. Наша война с мексиканцами всколыхнула их ряды, а теперь они затаили злобу против янки. Главнокомандующий оскорбил индейцев, отказавшись от их союза в борьбе с мексиканцами. Если мы встретим в прерии команчей или липанов, мы перебьем их всех до одного или будем скальпированы. Вот что нам предстоит, мой друг!

— А на какого черта они спалили прерию? — спросил Билли Гаррей.

— Я долго ломал голову над этим вопросом, — усмехнулся Рубби. — Сначала я приписывал пожар несчастному случаю: могла же попасть в траву искра из бивуачного костра. Ведь краснокожие небрежно обращаются с огнем. Но, поразмыслив, я пришел к другому выводу... Помнишь, что рассказывали, вернувшись из поселка, голландец с французом? Их слова проливают свет на это дело...

История, на которую ссылался Рубби, была мне известна.

Квакенбосс с Лебланом слышали в поселке смутные толки о нападении индейцев на мексиканский городок, расположенный невдалеке от нашей быв-

шей стоянки. Дело произошло, по слухам, в день нашего отъезда. Краснокожие — команчи или липаны — разгромили городок, захватили богатую добычу и множество пленных. Главные силы индейцев прошли невдалеке от покинутого нами селения. Между прочим, отряд индейских воинов заглянул в гасиенду и довел до конца грабеж, начатый партизанами.

Больше ничего нашим посланцам узнать не удалось.

— Ты намекаешь на индейский набег? — осведомился Гаррей.

— Конечно! — отозвался Рубби. — Вполне вероятно, что набедокурили те самые бездельники, которые получили от нас хорошую взбучку три недели назад в схватке у подножия мезы. Они, конечно, не вернулись в горы, как мы предполагали. Никогда не осмелились бы они показаться дома после позорного поражения, без лошадей и скальпов. Воинственные скво выгнали бы их с улюлюканьем из родных вигвамов.

— Пожалуй, ты прав.

— Не так ли? Вот еще что я тебе скажу, Билли. После схватки эти джентльмены спрятались в прерии. Дождавшись удобного момента, они напали на мексиканский городок, застав беспечных жителей его врасплох.

— Все это очень правдоподобно, Рубби! Одного я не понимаю: зачем они выжгли прерию?

— Неужели до сих пор не сообразил? Это ясно как день...

— Нет, — покачал головой Гаррей, — ничего не понимаю.

— Слушай же: у индейцев и сейчас болят бока, которые мы им намяли в схватке под холмом. Они не забыли урока, полученного под мезой. Силы их, должно быть, невелики. Думая, что мы по-прежнему стоим в поселке, они боются, как бы, узнав о разгроме гасиенды, мы не бросились за ними в погоню.

— Значит, они подожгли прерию, чтобы замести свои следы?

— Ты попал в точку!

— Ничего не могу возразить тебе, Рубби! По-моему, ты прав. Но куда побежал Белый мустанг? Он как будто не был застигнут пожаром.

Я склонился в седле, с дрожью в сердце ожидая ответа. С облегчением я выслушал старого траппера:

— Нет, Белый мустанг не спалил ни одного волоска. Следы ведут почти по прямой линии. Если б пожар начался прежде, чем мустанг выбрался из прерии, он успел бы вернуться в заросли. Этого он не сделал. Все говорит за то, что он счастливо избежал опасности: поджог был произведен лишь после того, как конь прошел по этим местам.

Эти слова подбодрили меня, вернув мне надежду, что конь со своей живой ношей живы и невредимы. Тревога улеглась, и с легким сердцем я тронулся в путь.

Глава LXXI

КТО ПОДЖЕГ ПРЕРИЮ

После короткой паузы разговор трапперов возобновился; я слушал с прежним интересом.

Неслучайно держался я в стороне.

Третье лицо могло стеснить трапперов, а я хотел проникнуть в их намерения. Оставаясь незамеченным, я слышал каждое слово. Трапперы не оборачивались, чтобы не глотнуть пыли, поднимаемой нашими лошадьми. Плотный покров пепла глушил стук копыт, и кони, казалось, скользили по серебристому ковру.

— Вот так дела! — воскликнул Гаррей. — Прерия была подожжена индейцами; огонь распространялся по ветру. Ветер сейчас дует нам в лицо: направление мы выбрали неудачно, Рубби!

— Да, друг мой, Билли. Худшего направления мы выбрать не могли.

— После поджога прошло немного времени, значит, краснокожие еще недалеко! Готов отречься от белой расы, если, придерживаясь этих следов, мы не столкнемся в конце концов с индейцами...

— Да, да, — процедил сквозь зубы старый траппер, — если ваш черномазый приятель не ошибается, мы врежемся в лагерь краснокожих.

Услыхав такое зловещее предсказание, я вздрогнул и переспросил Рубби.

Старый траппер неопределенно промычал.

— Умоляю, скажите, — настаивал я, — впереди индейцы, а Белый мустанг у них в лагере?

— Не знаю, где мустанг, и не ручаюсь, что перед нами индейцы, хотя похоже на это. Как иначе объяснить возникновение пожара? Мы с Билли ничего другого не можем придумать. Сомневаюсь также, чтобы конь сам прискакал к индейцам. Скорее всего его пригнали в лагерь...

— Значит, он был захвачен краснокожими?

— Пожалуй...

— На чем основано ваше предположение?

— Просто мне так кажется.

— Умоляю вас, Рубби, объяснитесь! — проговорил я, взглянув в глаза трапперу.

Я боялся, что траппер уклонится от прямого ответа. Но старик, к счастью, снизошел к моей мольбе.

— Видите ли, мой бедный друг, Белый мустанг прошел здесь за несколько минут до пожара. Поджигатели, кто бы они ни были: краснокожие или белые, должно быть, заметили его. А кто же, увидав взмыленного коня и девушку, привязанную к его спине, не бросится в погоню? Индейцы, безусловно, погнались за мустангом. В ловле коней они большие ловкачи и, наверное, накинули лассо на нашего красавца. Бьюсь об заклад, что дело происходило именно так.

— Значит, они завладели мустангом?

— Конечно! Ведь конь изнемогал от усталости, если только в него не вселился дьявол. Мне кажется... Проклятье! Вот подтверждение моим словам. Взгляните сюда.

— Что это? — спросил я, увидав, что мой собеседник внезапно остановился и указывает на землю. — Что это, Рубби? Что тут особенного?

— Вы не видите отпечатков копыт? Присмотритесь! Вся земля устлана ими, словно здесь прошло стадо баранов. Сотни следов!

Действительно, я заметил легкие углубления в почве, почти засыпанные пеплом. Никогда не догадался бы я, что это следы копыт.

— Так и есть! — пробормотал Рубби. — Это индейские лошади. Догадка моя верна.

— Откуда вы знаете, Рубби, что это не дикий табун? — спросил один из рейнджеров, только что подскакавший к нам.

— Вы — не солдат, а дикий осел! — краснея от возмущения, воскликнул траппер. — Видали ли вы когда-нибудь дикого мустанга? А может, вы думаете, что я слеп, как крот? Стой смирно, старая попрыгунья! — крикнул Рубби своей кляче и соскочил на землю. — Ты больше смыслишь, чем этот долговязый бездельник. Ты раздуваешь ноздри, почуяв лошадей. Подожди минутку, старуха, пока я не докажу молокососам, что горцы умеют разбираться в следах. Дикие мустанги! Нечего сказать: умный народ!

Произнося эту тираду, траппер стал на четвереньки, нагнулся над самой землей и со всей силой подул на пушистый легкий пепел.

Тем временем подоспели остальные всадники и, окружив нас, с любопытством наблюдали за Рубби.

Старый траппер очистил от пепла одно из углублений, действительно оказавшееся отпечатком лошадиного копыта.

— Что скажете, приятель? — с торжеством обратился он к рейнджеру, неосторожно вступившему с ним в спор. — Вот след копыта, да еще с подковой! Встречали вы когда-нибудь подковы на диких лошадях, мулах или ослах? Если да, то вы знаете больше Рубби Раулингса, несмотря на то что он сорок лет провел в прериях.

Возражать было нечего. Рейнджеры молча спешили, чтобы лучше разглядеть следы.

Действительно, к копыту была прибита подкова, вернее, кусок дубленой буйволиной кожи, заменяющей подкову.

Такой способ подковывать лошадей распространен только среди индейцев, населяющих прерию.

Вывод напрашивался сам собой: до нас здесь прошли индейцы.

Глава LXXII

ОТКРЫТИЕ РУББИ

Мы сделали привал и устроили совещание, к участию в котором призвали всех рейнджеров. Но, по обыкновению, мы только слушали рассуждения обоих трапперов и особенно внимательно Рубби.

Старый траппер все еще сердился и сначала отказывался разговаривать. Он всегда приходил в бешенство, если кто-нибудь противоречил ему или выказывал недоверие к его словам. По-своему он был прав: мы действительно были молокососами по сравнению с ним. Конечно, и Рубби иногда ошибался, но раз чутье обманывало даже его, значит, любой следопыт был бы введен в заблуждение. В данном случае рейнджер, легкомысленно переспросивший его, был одним из самых юных в отряде, что усугубляло, по мнению Рубби, его вину.

— Да, вы еще щенок! — ворчал Рубби, бросая сердитые взгляды на своего оскорбителя. — Какой-то мальчишка смеет со мной спорить! Лучше бы вам проглотить язык, чем вмешиваться в разговоры старших!

Бедняга рейнджер ничего не ответил на суровую отповедь, и гнев траппера понемногу смягчился. Окончательно успокоившись, старик перешел к делу.

Теперь уже не оставалось сомнений, что невдалеке расположились индейцы.

Мексиканцы никогда не прибивают к копытам своих лошадей кожу, а подковывают их железом.

О диких мустангах говорить не приходится, а тexasскую и американскую лошадь легко отличить как по обыкновенным подковам, так и по сильно развитым копытам.

Лошади, прошедшие здесь, были не дикие, не тexasские и не мексиканские. Значит, они принадлежали какому-нибудь индейскому племени.

Хотя осмотр первого отпечатка дал вполне определенный результат, мы решили проверить его на других следах.

Присутствие краснокожих грозило серьезными осложнениями. Не праздное любопытство руководило моими спутниками, когда они с напряженным вниманием изучали следы.

Очистив от пепла множество отпечатков, мы рассмотрели их, а Рубби с Гарреем сделали целый ряд новых открытий.

Кто бы ни были таинственные всадники, они проскакали здесь галопом и долго кружили на сравнительно небольшом участке.

Было их человек двадцать.

Трапперы потратили около десяти минут на изучение следов, разбросанных по прерии.

Чтобы не мешать нашим руководителям, мы остались на месте.

Наконец трапперы вернулись. Одно из сообщений их было важнее всех других.

Нам было известно, что индейцы находились в прерии еще задолго до пожара. Трапперы с легкостью установили, что они проехали здесь в этот же самый день, после рассвета. Но как определить час?

К моему удивлению, Рубби выяснил не только час, в котором здесь прохо-

дил Белый мустанг, но и то, что индейские всадники гнались именно за ним.

На этот раз старый траппер оказался словоохотливее, чем обычно. Индейцы расположились по соседству. Требуется срочно принять меры предосторожности. При подобных обстоятельствах нельзя пренебрегать советами и содействием даже самых робких молокососов. Наш отряд настолько немногочисленный, что каждый человек должен быть на учете.

Вот почему трапперы откровенно поделились с рейнджерами своими открытиями.

Мы обступили Рубби и Гаррея.

— Белый мустанг, — сказал Рубби, — прошел здесь приблизительно четыре часа назад: я учитываю длину пути и скорость его бега. Он нигде не останавливался, покинув заросли. Остальную часть пути он пробежал галопом. Вычислить время, занятое пробегом, как видите, не трудно. После того как мы выехали из кустарника, тоже прошло около четырех часов. Немногим меньше, немногим больше — это значения не имеет. Индейцы появились в прерии в одно время с Белым мустангом, заметили его и поскакали за ним. Больше ничего узнать не удалось, но мы с Билли ругаемся, что индейцы охотились именно за нашим мустангом.

— Откуда у вас такая уверенность?

— По следам, недогадливый вы юнец! Разве мы не ползали по земле?

— Какие признаки указывают на ловлю Белого мустанга?

— Очень просто. Белый мустанг прошел здесь на несколько минут раньше индейских коней.

Не теряя времени, мы отправили трапперов вперед, а сами двинулись вслед за ними.

Проехав около мили, мы увидели, что следы, до сих пор шедшие порознь, смешались. Индейцы не вытянулись, по своему обычаю, в цепи, а поскакали сплоченными рядами.

Еще через сотню шагов разведчики наши спешили и, опустившись на колени, приступили к осмотру следов.

Мы остановились на почтительном расстоянии от трапперов, чтобы не мешать им.

Первым делом Рубби с Гарреем смели пепел с одного ряда отпечатков.

Затем они двинулись дальше, продолжая счищать пепел, пока следы не обнажились на протяжении десятка шагов. Как разобраться в этом хаосе? Следы переплелись, одни отпечатались поверх других, и контуры их почти стерлись.

Рубби вернулся к первому ряду, затем медленно, на четвереньках, пополз вперед, устремив глаза на землю и порознь рассматривая каждый отпечаток.

Не добравшись еще до Гаррея, который счищал пепел, Рубби выпрямился и закричал товарищу:

— Эй, Билли! Прекрати работу! Они накинули на мустанга свое проклятое лассо.

Глава LXXIII ЛАССО

Я был вполне подготовлен к удару, так как был посвящен в искусство, в котором мои друзья трапперы были непревзойденными мастерами.

Подобно трапперам, я увидел, что все следы внезапно сошлись в одной точке, а затем индейские всадники поехали шагом, держась друг подле друга.

Все это, конечно, не ускользнуло от внимания старого траппера. На этих наблюдениях он основывался, утверждая, что индейцы накинули лассо на Белого мустанга.

— Безусловно, они поймали мустанга, — сказал Рубби. — Вот его следы. Окружив его со всех сторон, индейцы накинули лассо. Конь попал почти в центр оцепления. Часть всадников обогнала его, другие скакали позади. Вот здесь они опередили Белого мустанга, — продолжал Рубби, указывая на следы. — Их было двадцать человек, а может, и больше. Если я не ошибаюсь в расчетах, это не все индейские силы. Только небольшая часть отделилась для ловли мустанга. Ставлю в заклад свой карабин против скверного мексиканского штуцера, что где-то вблизи стоят краснокожие. Белый мустанг со своей живой ношей попал в плен к индейцам.

Это событие вызвало во мне самые противоречивые чувства.

Сначала я обрадовался. Ведь сердцам индейцев доступна жалость. Правда, пленник принадлежит к вражеской белой расе, но она — женщина, и они не станут жестоко обращаться с ней.

Напротив, жалкое ее состояние пробудит в них симпатию и сочувствие. Ведь, как никак, Изолина — жертва гнусной мести их собственных врагов — мексиканцев. Сняв пленницу с седла, они снабдят ее всем необходимым, залечат ее раны, окружат бережным уходом.

Таков первоначальный ход моих мыслей, но радость вскоре рассеялась. Дальнейшие размышления повергли меня в глубокую скорбь. Я вспомнил о том, к кому попала Изолина. Если то была банда, разгромившая пограничный мексиканский город, — она принадлежала к южным племенам команчей и липанов. Правда, маваны, делавросы, а также кикапу и тexasские черокезы доходят в своих кочевьях до берегов Рио-Гранде. Но по образу действий они резко отличаются от своих южных родичей. Издавна ведя торговлю с белыми, северные племена цивилизовались, и родовая ненависть к бледнолицым исчезла. Не в их обычаях грабеж и убийство. Быть может, в мексиканский город вторглось племя «Дикая кошка», или семиналь, расселившееся на границе Техаса? Нет, это скорее похоже на апачей. Но не все ли равно — команчи или апачи? Во всяком случае, индейцы, на следы которых мы напали, принадлежали к племени апачей, команчей, липанов или дружественных им нейгуасов, вокосов или риктпаунсов. Кто бы они ни были, я имел все основания тревожиться! Как не похожи характером и обычаями южные индейцы на своих северных собратьев! Как далеко им до идеального типа индейца — мудрого и спокойного, воспетого поэтами и описанного романистами! За свою жизнь я наслушался рассказов о жестокости владык южных прерий.

Спеша на выручку Изолине, мы подгоняли лошадей.

Была еще одна причина, толкавшая нас вперед: нас мучила жажда, и, наде-

ясь найти источник, мы понукали измученных коней.

В конце концов мы выехали к лесу. Зеленая листва показалась нам еще свежее и прекраснее по сравнению с выжженной черной прерией. То была роща хлопчатников, тянувшаяся вдоль реки и пощажженная пожаром. И люди, и лошади обрадовались проточной чистой воде. Кони весело заржали, заглушая громкие крики всадников.

Карьером подскакали рейнджеры к берегу, спешились, скинули одежду и, не боясь утонуть, по самую грудь вошли в воду. Одни пили пригоршнями, другие в нетерпении жадными ртами припадали к воде, как лошади.

Трапперы действовали с большей осторожностью, чем рейнджеры. Прежде чем подойти к реке, они оглядели оба берега и кинули взгляд на лес.

Невдалеке от места, где мы сделали привал, я заметил нечто вроде просеки в лесу. На земле отпечатались бесчисленные следы. Рубби тоже увидал их, и глаза его вспыхнули необычайным блеском.

— А ведь я был прав! — сказал он после беглого осмотра. — Вот следы индейцев. Это тропа войны!

Глава LXXIV ИНДЕЙЦЫ

В течение пятидесяти лет... Что я говорю! — в течение трех столетий, то есть с самого покорения Мексики Фернандо Кортесом, — северная ее граница постоянно подвергалась набегам. Ацтеки, создавшие свою культуру, и другие оседлые индейцы почти без борьбы покорились испанцам. Не так обстояло дело с дикими племенами — свободолюбивыми охотниками великих прерий. В безграничных степях, раскинувшихся на равнинах Северной Америки, обитают индейские племена, вернее, народы, которые никогда не попадали под иго чужеземцев и признавали авторитет только собственных своих вождей. Даже во время своего расцвета Испания не могла покорить «индиос бравое» на своих границах. Они сохранили свою дикую волю. Я говорю не о сильных народах северной прерии — сиуксах, чайнах, «черных ногах», «воронах» и арапао. Испанские завоеватели никогда не приходили с ними в соприкосновение. Слова мои относятся исключительно к племенам, чьи набегі постоянно тревожили Мексику. Это команчи, липаны, утахи, апачи и наваха.

Ни в одной испанской летописи не упоминается о хотя бы временном порабождении одного из этих народцев.

Ни оружием, ни проповедью Евангелия покорить их не удалось. Индейцы прерии не попадали под власть белых и вполне сохраняли свою независимость, словно каравеллы Колумба никогда не входили в Карибское море.

Защищая свою свободу от покушений белых в течение трех веков, они не знали покоя. Все триста лет прошли в непрерывных войнах. Между краснокожими кочевниками и белыми потомками древних иберов ни на минуту не воцарялся мир. На границах Мексики со времен Фернандо Кортеса до сегодняшнего дня идет неустанная борьба.

На северной границе кочуют дикие индейцы. А на юге их порабощенные вырождающиеся братья — мирные индейцы — живут не в походных шатрах, а в городах победителей — испанцев. Одни свободны, как степной ветер, другие подчинены белым и влачат цепи, не менее тяжкие, чем у рабов.

Между двумя враждебными народами — мексиканцами и вольными индейцами — простирается нейтральная полоса. С одной стороны она защищена фортами с сильными гарнизонами — presidios, с другой ее охраняет от вторжения неприятеля безводная и дикая пустыня.

С недавних пор наблюдается редкая перемена в отношениях индейцев и испанских колонистов: краснокожие вторглись во владения бледнолицых. Гигантскими шагами завоевывают они мексиканские земли, отбирая сразу целые провинции.

После крушения испанского владычества в Мексике белые потеряли свое первенство над индейцами. После отделения Мексики гарнизоны были выведены из фортов, и северная граница обнажилась. В результате нейтральная полоса исчезла. Все северные провинции — Сонора, Чигуагуа, Синалоа и Леон — представляют собою пустыню, опустошенную индейцами. Больше того, краснокожие смельчаки продвигаются на юг, тревожа своими набегами центральные штаты, и заглядывают даже в порты, например в Дуранго.

Около трех тысяч белых находятся сейчас в плену индейцев на севере Мексики. Почти все пленники — испанцы. Главным образом это женщины, которые живут в качестве жен-рабынь со своими поработителями.

Нередко попадаются и мужчины, похищенные в ранней юности и возмужавшие среди индейцев. Самое замечательное, что большинство пленников — мужчин и женщин — не обнаруживают ни малейшего желания вернуться к прежней жизни. За многих внесен выкуп, но они добровольно остаются у индейцев.

На границе нередко приходится наблюдать душераздирающие сцены. Отцы, нашедшие своих сыновей у индейцев, напрасно взывают к их сыновним чувствам и умоляют вернуться домой. В несколько лет, а иногда и месяцев пленники, позабыв обо всем, что связывало их с родиной или семьей, привыкают к новому образу жизни.

Недавно еще я был свидетелем подобного перерождения.

Раненый индеец, взятый в плен после битвы у мезы, оказался мексиканцем. Несколько лет назад он был похищен команчами из одного поселка на Рио-Гранде. Мы вернули ему свободу в полной уверенности, что он воспользуется счастливым случаем и вернется к родителям. Однако он обманул наши ожидания. В ту же ночь он бежал в прерии, украв прекрасного коня у одного из рейнджеров.

Так обстоят дела в Мексике на Рио-Браво.

Из индейских владений в Мексику ведет множество троп, имеющих сотни миль в длину. В некоторых случаях они проторены по течению речек, в других пересекают огромные безводные пространства. Пути эти отмечены множеством следов мулов, лошадей и пленников. Здесь часто находят побелевшие костяки людей и животных, погибших во время перехода. Странные и жуткие дороги!

Этими тропами пользуются команчи и капчуя во время «мексиканской луны».

Один из таких путей обнаружил старый траппер, когда в глубоком волнении воскликнул:

— Тропа войны!

Глава LXXV ТРОПА ВОЙНЫ

Наскоро утолив жажду, я верхом переправился через ручей, чтобы тщательно обследовать противоположный берег.

Трапперы сопровождали меня: перед лицом опасности они никогда не ступывались на задний план.

Оба они искренно ко мне привязались. Я на опыте убедился, что ради меня они готовы поставить на карту свою собственную жизнь.

Лично я от всего сердца полюбил мужественного и сильного Гаррея. Он был прекрасен в подлинном смысле этого слова и отличался на редкость благородным характером. Гаррей в свою очередь считал меня настоящим другом.

Определить наши отношения со старым траппером значительно труднее. Он вызывал во мне восторг, и я преклонялся перед его умом и проникательностью, но в целом его нравственный облик не внушал мне большой симпатии.

Правильнее говорить не об умственных способностях Рубби, а об его поразительном чутье, ибо руководил его действиями голый инстинкт.

Я знал, что Рубби не только уважает меня, но дружелюбно ко мне расположен. Подобно Гаррею, в любом положении он пришел бы ко мне на помощь. Но всякое открытое проявление чувств он презирал, считая его непростительной слабостью. Больше всего, пожалуй, Рубби ценил во мне то, что я никогда не спорил с ним и не пытался даже соперничать в знании прерий. Я был только учеником, полагавшимся на суждение учителя.

Помимо дружбы еще одна пружина побуждала трапперов к действию: горячее увлечение теми обязанностями, которые они выполняли в нашей экспедиции. Как гончие, они любили самый процесс выслеживания. Добровольно прекратить погоню они способны были, лишь умирая от голода, жажды и усталости.

Подобно мне, они поспешно напились воды и переправились на другой берег. Здесь все втроем мы внимательно изучили следы.

Настоящая тропа войны! Индейцы не волокли за собой шестов от палаток, за ними не бежали собаки. Нетрудно отличить тропу войны от мирного кочевья. В ином случае мы обнаружили бы следы индейских женщин.

Жены команчей, так называемые скво, пешком пересекают прерии, перетаскивая на себе тяжести, как вьючные животные.

Индианки остались дома, но вдоль берега быстрой речки прошли другие женщины. Никогда не спутаешь легкие отпечатки маленьких узких ног со следами полудиких скво. Мы не отметили резкого расширения от пятки к ступне, а кость большого пальца почти не выдавалась. К тому же среди женщин ни одна не была обута в мокасины. Нежные следы принадлежали мексиканкам, которые по праву гордятся самыми маленькими ногами в мире.

— Это пленницы! — соболезнующе вздохнул Рубби. — Краснокожие заставили их идти пешком, хотя у них было множество свободных лошадей. По-моему, захвачено не меньше двух десятков пленниц. Жалко мне этих чернокудрых красоток! Нечего сказать, в хорошем обществе будут они коротать свой век! Приятная жизнь им предстоит, черт возьми!

Рубби не сознавал, как жестоко ранят мою душу его неосторожные слова...

Больше сотни лошадей и столько же мулов оставили здесь свои следы. Многие были подкованы, но мы не сомневались, что именно индейцы гонят этот многоголовый табун: животные составляли часть военной добычи команчей.

На основании этих данных спутники мои сделали ряд заключений, до которых я самостоятельно никогда бы не додумался.

Прежде всего, индейцы возвращались после похода домой. Они не налегке, а нагруженные военной добычей и гнали перед собой захваченных лошадей, мулов и женщин. Среди пленников были также дети: мы нашли отпечатки крохотных ребячьих ног.

До этого я дошел и своим умом, но спутники мои увидели значительно больше. Только сейчас окончательно выяснилось, что индейские воины принадлежат к племени команчей.

Трапперы подняли брошенный мокасина и по узору на тисненой коже определили, к какому племени принадлежал его хозяин.

Следы были еще свежие. Несмотря на сухость воздуха, топь на берегу речки еще не затянулась. Индейцы двинулись в обратный путь непосредственно после начала пожара.

Всадники, чьих следов мы держались в прерии, представляли лишь небольшой отряд, отделившийся для ловли Белого мустанга. Лишь после переправы соединились они с основным ядром индейского войска, сторожившего гурт пленниц и табун лошадей.

Все это было вполне очевидно, но такие важные вещи нельзя принимать на веру. Вот почему мы решили разыскать следы коня с обломанной подковой.

Однако на вязком берегу ручья мы ничего не находили.

Быть может, один из индейцев вел его под уздцы впереди и отпечатки его копыт затоптаны табунами мулов и лошадей?

Тем временем к нам присоединился Стенфильд. Переправившись через ручей, он внезапно остановился и указал нам на отпечаток подков.

— Как так, ваша лошадь?

— Черт возьми! — закричал он. — Моя лошадь! Я никогда не вернусь в Кентукки, если это не моя кобыла!

— Что вы говорите? Вы уверены, что это ваша лошадь?

— Конечно, уверен. Я сам ее подковывал и узнал бы ее следы даже во сне. Каждый гвоздь держал я в руках. Это моя кобыла!

Рубби выразительно прищелкнул языком.

— Это открытие проливает свет на всю историю. Я так и думал! Проклятый отщепенец! — прибавил он, нахмутив брови. — Я знал, что его нельзя отпускать. Жалко, что мы не сняли с него скальп и не перерезали ему глотку.

Мы поняли, о ком говорит траппер. Рубби настаивал на казни мнимого индейца, захваченного у мезы, но самые мягкосердечные среди рейнджеров заступились за пленника. Сейчас Рубби сообщил нам все, что слышал о странном мексиканце.

— Это настоящий ренегат, — сказал он, — во всей прерии вы не найдете такого безжалостного врага белой расы, в частности техасца. Он участвовал в убийстве семьи Вильсона, жившей в поселке на Рио-Бразос, а перед резней отличился в схватке. Это еще не все. Он похитил дочь несчастного Вильсона и

взял ее себе в скво. Негодяй опаснее любого индейца, потому что он знает, с кем воюет. Это безумие, что вы отпустили предателя. Ваше счастье, Стенфильд, что в придачу к кобыле он не похитил вашего скальпа.

Как я уже говорил, пленник похитил лошадь Стенфильда. Сейчас мы обнаружили ее следы.

Теперь все стало ясно. Перед нами прошли воины, встреченные нами у мезы, но индейцы, очевидно, успели получить подкрепление. Именно они разгромили мексиканский городок и гасиенду. А ренегат...

Я вспомнил странную подробность. После того как мы отпустили пленника под честное слово, я встретил его, возвращаясь с Изолиной с верховой прогулки. Он сидел на дороге, и меня поразило, с какой ненавистью он взглянул на мою спутницу. В раздражении я обругал его и предупредил, чтобы впредь он не попадался мне на глаза.

В двадцатый раз вскочил я в седло и, отдав распоряжение рейнджерам, поскакал по тропе войны.

Глава LXXVI ЛИСТ АГАВЫ

Теперь мы уже не нуждались в проводниках: идти по тропе войны было не труднее, чем по шоссе.

Быстрота передвижения зависела от наших лошадей, но бедные животные изнемогали от усталости. Один за другим всадники отставали, и последнюю часть пути лошади шли шагом на расстоянии сотни ярдов одна от другой.

Понукать их было бесполезно. Всадники, тоже утомленные, все же стремились вперед, но ни хлыстом, ни шпорами нельзя было подбодрить лошадей.

Мой несравненный Моро, единственный во всем отряде, еще сохранял силы, но отделяться от спутников и скакать вперед было бессмысленно.

Надвигался вечер. Уже смеркалось. Небо было обложено тучами, и предстояла безлунная ночь. Зажечь факелы мы боялись. Сам я мало дорожил жизнью и готов был на любой риск, но на мне лежала ответственность за моих спутников. Я не имел права жертвовать своим отрядом.

Пришлось остановиться. Не без вздоха соскочил я с седла, пустил Моро пасти на лугу, а сам сел на траву.

Один за другим подъезжали рейнджеры и, не говоря ни слова, спешили, привязывали лошадей и подсаживались ко мне. Усталость взяла свое: через четверть часа все спали, прикорнув на земле.

Я один не мог заснуть. Меня томила бессонница. Мрачные мысли не давали мне покоя, и сон не приходил, хотя я бодрствовал уже не первые сутки. Убежден, что в эту ночь на меня не подействовало бы ни одно снотворное средство.словно пьяница в белой горячке, я не находил себе места.

Долго бродил я по лужайке, натыкаясь на спящих рейнджеров и пробираясь мимо коней. В нескольких шагах от нас журчал ручей. Несмотря на полную путаницу мыслей и чувств, я сообразил, что нужно делать привал около воды, чтобы поутру напоить лошадей.

В десятый раз подойдя к ручью, я омыл голову студеной водой. Умывание освежило меня, и, успокоившись, я присел на берегу. Ручей струился по желтому песчаному ложу. В прозрачной воде мелькали серебряные рыбки. Я не

спускал с них глаз, и в конце концов веки мои начали слипаться. Монотонное журчание усыпляло меня, и я, наверное, уснул бы, но внезапное открытие разогнало сон.

Около меня росла дикая агава. Один из длинных, похожих на шпагу, листьев был переломан и беспомощно свисал, а шип на конце его отсутствовал.

Вряд ли я обратил бы на это внимание. До нас здесь прошли индейцы, и одна из их лошадей могла надкусить по дороге лист. Но я сидел под самой агавой, и мне бросилось в глаза, что на листе нацарапаны письмена. Согнув лист, я прочел при свете огнива несколько слов.

«...В плену у команчей... Воины... Множество пленных — женщин и детей... несчастные!.. Держим путь на северо-запад... Спаслась от смерти, но — увы! — боюсь...»

На этом обрывалось послание. Подписи не было, да я и без того знал, что писала Изолина Варгас. Она сорвала шип и второпях нацарапала несколько слов на листе агавы.

«...Спаслась от смерти...»

Какое счастье! Как я рад за нее!

«... но — увы! — боюсь...»

Несколько раз я перечитывал эти строки. Затем осмотрел остальные листья агавы, но больше ничего не нашел. Изолина не успела закончить письма.

Глава LXXVII ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Изолина не только спаслась от гибели, но находится в полном сознании. Раз она способна была написать записку, значит, она не ранена и не больна. Очевидно, индейцы хорошо обращаются со своей пленницей, если они не связали ей рук. Ей известно, что я следую за ней: она видела меня перед тем, как Белый мустанг бросился в заросли. Тогда до меня донесся крик Изолины. Она меня узнала и звала на помощь. Изолина писала письмо в уверенности, что я продолжаю погоню.

Мысли мои сосредоточились на ее похитителях. Я думал об индейцах, населяющих прерию, столь не похожих на своих северных родичей. Между этими племенами такая же разница, как между странами, в которых они живут.

Климат, влияние испанской цивилизации, резко отличающейся от североамериканской, частые победы над бледнолицыми, смешение, наконец, с белыми потомками завоевателей, пришедших с Фернандо Кортесом, — все это отразилось на нравственном облике индейцев. У них больше общего с жителями Андалузии, чем Соединенных Штатов. Их столица — Мехико, не Бостон и не Нью-Йорк.

Я почувствовал прилив энергии и силы. Бездействие тяготило меня. Охотно вскочил бы я на коня и поскакал на выручку Изолины. Но что мог сделать я один?

А чем помогут мне мои немногочисленные друзья?

Только сейчас во всей ясности встал передо мной этот вопрос. Что предпринять, как действовать? Что будет, когда мы догоним индейцев? Обремененные военной добычей, они идут медленнее нас, и рано или поздно столкновение неизбежно.

Нас было девять человек, а преследовали мы по меньшей мере сотню вооруженных индейских воинов, цвет и гордость своего племени, опьяненных недавней победой и затаивших против нас злобу за поражение у мезы.

В случае победы индейцев мы не можем рассчитывать на пощаду. В случае победы индейцев?.. В открытой схватке они, конечно, перебьют нас. Девять человек против сотни! Дело заранее обречено на неудачу.

До сих пор я действовал сгоряча, не размышляя. У меня была одна цель: поймать Белого мустанга, лишь несколько часов назад я узнал, что Изолина спаслась, но из одной беды попала в другую. Она спаслась от смерти, но сейчас ей угрожало бесчестье.

Глава LXXVIII ХОЛОД

Темнота постепенно сгущалась. На небе не зажглось ни одной звезды. Я не различал уже своих спутников, хотя они лежали в нескольких шагах от меня.

Рейнджеры по-прежнему спали, растянувшись на земле. Голодные лошади щипали траву, в изобилии разросшуюся на лужайке. Я слышал, как они фыркали и жевали. Они отдыхали. Через несколько часов они будут свежие и сильные.

Сидя у ручья, я продрог. Бриз, постепенно крепчая, к ночи превратился в ледяной ветер. Температура упала на 15° по Фаренгейту.

Некогда я отлично перенес суровую канадскую зиму, пересекал замерзшее озеро, путешествовал по ледникам, спал на снегу в дикой пустыне на земле Руперта, но больше всего от холода страдал на севере Техаса благодаря резким колебаниям температуры.

Возможно, что я был восприимчивее к холоду из-за длительного отсутствия отдыха и сна и трудного дневного перехода по раскаленной, выжженной пожаром прерии. Днем я обливался потом, а сейчас замерзал.

Мне пришлось закутаться в буйволиную шкуру, потерянную одним из индейцев по дороге. Спутники мои были одеты не теплее меня. Снимаясь с лагеря, мы не подозревали, что нам предстоит ночлег под открытым небом, и поэтому выехали налегке. Только двое или трое привязали к седлам плащи. Сейчас они были вознаграждены за свою предусмотрительность.

Северный ветер разбудил рейнджеров. Одни ощупью искали плащи, другие улеглись под кусты, прячась от ветра. К счастью, с нами были лошадиные попоны.

Лошади страдали не меньше людей. Повернувшись задом к ветру, они легли на землю, подобрав под себя ноги. Бедные кони дрожали, тяжело вздымались их крутые бока. Они перестали даже щипать траву.

Мы могли развести костер, так как вокруг нас было много горючего материала. Кое-кто среди рейнджеров уже собирал хворост, но благоразумные товарищи остановили их. Особенно резко возражали против костра трапшеры. Ни холод, ни ветер, ни темнота, говорили они, не мешают индейцам бродить по прериям. Часть краснокожих могла вернуться за буйволиной шкурой, то была не простая шкура, а парадный плащ одного из вождей. На изнанке чернели иероглифы, — должно быть, описание подвигов краснокожего героя.

Костер привлечет внимание индейцев, и мы поплатимся жизнью за свою неосторожность. Лучше померзнуть немного, чем лишиться кожи на макушке.

Таков был совет трапперов.

Однако Рубби не собирался погибать от холода. Он умел разводить костры в открытой прерии, незаметные даже с близкого расстояния.

Я с интересом следил за его маневрами.

Он собрал целую грудку сухих листьев и травы, хворосту и сучьев, выкопал яму в один фут глубиной и десять дюймов в диаметре. Положив на дно траву и листья, он высек из кремня огонь и с помощью трута и огнива, с которыми никогда не расставался, развел в яме костер. Поверх пылающей травы он набросал щепок, затем уложил рядами крупные сучья. Наконец яма была полна до краев. Тогда траппер, как крышкой, накрыл яму заранее приготовленным куском дерна, вырытым вместе с землей. Присев на корточки над костром, Рубби накинул на плечи ветхую попону, плотно укутался и завернул в нее ноги.

Траппер был похож на колокол, установленный на грядке. Легкий дымок выбирался из-под рваной попоны, но огня не было видно. Рубби добился своего: он больше не страдал от холода.

У него нашлись подражатели. Гаррей соорудил такой же подземный костер, и рейнджеры воспользовались остроумным и простым изобретением Рубби.

Гаррей пригласил меня к своему «очагу». Присев рядом с младшим траппером, я закрылся огромной буйволиной кожей. Стало тепло, словно я грелся у жаровни. В другое время я, безусловно, посмеялся бы над комическим зрелищем вместе со своими товарищами. Девять человек сидели на корточках на небольшом расстоянии друг от друга, и сизый дым выбивался из-под попон и плащей, окружая ореолом их головы. Можно было подумать, что люди медленно тлеют.

Всю ночь дул леденящий ветер, шел дождь и мелкий град. Царила полная темнота. Пускаться в путь было невозможно, так как ветер задул бы факелы, если бы мы решились их зажечь. Нечего было думать о выступлении до рассвета, если не стихнет ветер.

Подземные костры мы разложили около полуночи.

Бюллетень погоды: град, дождь, ветер и темнота.

Спутники мои дремали, уткнувшись головами в колени. Но для меня не было ни отдыха, ни сна. Я отсчитывал часы и минуты, но секунды казались мне часами.

Казалось, что ветер, дождь и град составляют неотъемлемую сущность ночи. Пока длилась темнота, бушевала непогода. Но к утру тучи рассеялись, и засверкало солнце.

Наскоро позавтракав дикой индейкой, убитой накануне, и окороком явали, рейнджеры оседлали лошадей, и мы поскакали вслед за индейцами по тропе войны.

Глава LXXIX

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ

Путь лежал на северо-запад, как было сказано в записке Изолины. Должно быть, пленница, понимавшая наречие команчей, подслушала дальнейший образ действий индейцев. К тому же большинство команчей говорит по-испански. Дело в том, что в старину к ним проникали миссионеры, пытаясь мирным путем покорить вольнолюбивые племена. Наконец, благодаря смешанным бракам, в жилах многих индейцев течет испанская кровь.

Через два часа мы добрались до места, где ночевали Команчи.

С тысячью предосторожностей подкрались мы к покинутому становищу. Если бы нас увидел хоть один индеец, дело наше было бы проиграно. Узнав, что по тропе войны пробираются белые, команчи вернулись бы обратно и перебили всех нас. Возможно, что кое-кто среди нас или даже мы все ускользнули бы от опасности, но рухнул бы план спасения Изолины.

Я говорю «план», потому что он созрел у меня ночью. Бессонная ночь не пропала даром.

Итак, мы подошли к ночному лагерю индейцев. Еще дымились под золою сучья. Людей мы не встретили, только стая пятнистых волков рыскала вокруг лошадиных костей и шкуры.

По виду лагеря можно определить, к какому племени принадлежат наши недруги.

Торчали шести снятой палатки, под которой ночевал, вероятно, вождь. То были свежесрубленные стволы, вбитые в землю по окружности и связанные сверху ремнем. Затянутая парусиной палатка представляла правильный конус. Такие палатки разбивают только команчи.

Рубби не преминул похвастать своими познаниями.

— У кикапу, — сказал он, — палатки цилиндрические. Уаку и витчиту наклоняют колья, но оставляют сверху пустое пространство, чтобы вытягивало дым от костра. Делавары и паунайсы разбивают палатки так же, как и белые, но они иначе раскладывают костры: поленья соединяются в центре и лучами расходятся во все стороны, как спицы в колесе. Черокезы и чоктаусы кладут дрова параллельными рядами и поджигают их только с одного края, подвигая полено по мере того, как оно сгорает. Видите, как здесь лежат дрова: они горели целиком. Так поступают одни команчи.

Рубби определил также, что индейцы снялись с лагеря на рассвете, в одно время с нами. Нас отделяло расстояние, которое можно покрыть в два часа. Торопились они не оттого, что боялись преследования. Мексиканские войска были отвлечены войной с Техасом, а с нашей стороны команчи не ожидали нападения, считая, что мы не заинтересованы в судьбе пленных.

Команчи, должно быть, спешили, чтобы успеть поохотиться на бизонов, которые с началом северных ветров уходят в горы.

Последняя догадка была высказана трапперами.

В волнении проезжал я по лагерю. Среди брошенных индейцами вещей попадались предметы мексиканского обихода: осколки чашек; сломанные музыкальные инструменты, порванные книги, шелковые и бархатные тряпки и, наконец, маленькая сатиновая туфелька рядом с забрызганным грязью мока-

сином — эмблемы городской цивилизации и бродячей индейской жизни.

Среди этого хлама я искал вещественного напоминания о своей невесте. Где она провела ночь? В беспокойстве я бросал взгляды на палатку вождя. Изолина, наверное, досталась ему. Разве кто-нибудь мог соперничать с ней в красоте? Краснокожий вождь не мог не заметить прекрасной пленницы.

— Мой юный друг, — сказал подошедший ко мне Рубби, — я не силен в грамоте, но ставлю бобровую шкурку против хвоста водяной крысы, что это послание предназначалось вам. Оно нацарапано замечательными чернилами. Некогда я умел разбирать почерки, а по печатному читал великолепно. В те годы, надо вам сказать, один почтенный старец держал в Вороньей бухте знаменитую школу. Моя покойная матушка, миссис Раулингс, отправляла меня туда изучать Библию. В школе я читал об одном предателе. О нем рассказывается в Евангелии. Звали его Иудой Искарриотом. Он выгодно продал чей-то скаल्प. Негодяй! Если я с ним встречу, то срежу с его макушки кожу вместе с шевелюрой!

Я не слушал рассуждений траппера. То, что он держал в руках, представляло для меня больше интереса, чем история миссис Раулингс, ее сына и Иуды Искарриота.

Траппер протянул мне листок бумаги, сложенный вчетверо. Вместо адреса — одно слово: Уорфильд.

Рубби нашел записку около палатки. Она была вложена в расщепленную камышинку, воткнутую в землю.

Не удивительно, что Рубби обратил внимание на странные чернила. Письмо было написано кровью.

«Генри! Я жива и здорова, но оплакиваю судьбу. На что может надеяться беспомощная пленница? Час еще не пробил... но я не покорюсь своей участи. Лучше смерть, чем позор. Я покончу самоубийством. Пока что я невредима... Меня спас счастливый случай. Двое предъявляют на меня права. Один — сын вождя, другой — мексиканец, которому вы вернули свободу. Белый неукротимее, подлее и злее краснокожего. Это дьявол во плоти. Оба участвовали в поимке Белого мустанга, и каждый считает меня своей добычей.

Спор еще не разрешен. Индейцы устроят совет, чтобы решить, которому из двух я должна принадлежать. Кто бы ни оказался моим хозяином, меня ждет страшный жребий. Но еще худшее предстоит мне, если я не достанусь ни одному из них. Вы, наверное, слышали про обычай объявлять женщину общественной собственностью? Но этого не будет! Я призываю смерть. Не бойтесь, Генри, я не оскверню вашу любовь. Ценою жизни я сохраню чистоту. Моею кровью захлебнется победитель. Я плачу над этими строками... за мной идут... Прощайте!..»

Не говоря ни слова, я спрятал письмо и, созвав рейнджеров, поскакал по тропе войны.

Глава LXXX СТАНОВИЩЕ

Спутники ехали вслед за мной.

Мы не спешили, так как не было надобности засветло догонять индейцев. Только в темноте я мог привести в исполнение свой план. К полудню команчи должны были сделать привал: даже выносливые индейские кони нуждались в дневном отдыхе во время больших переходов.

По дороге мы вычисляли скорость, с которой передвигались индейцы.

Пленниц, как мы убедились по следам, по-прежнему гнали пешком; следовательно, индейцы ехали шагом.

Трапперы сообщили, что множество лошадей и мулов шли порожняком. Индейцы вели их под уздцы.

С печалью вглядывался я в отпечатки детских и женских ног, думая о пленницах, утомленных непосильным переходом.

Где же следы Изолины? Одни показались мне знакомыми. Все подходит — и размер, и овал пятки, и высокий подъем, и ровные маленькие пальцы, оставившие легкий нажим на песке.

«Это ступня юной девушки», — подумал я.

Ехали мы медленно, как я уже говорил, чтобы дать время индейцам сняться с лагеря. Сами мы не останавливались, потому что бездействие слишком тяготило меня: движение заглушало тревогу.

Индейцы не принимали никаких мер предосторожности. Они не оставляли за собой разведчиков и, очевидно, никого не посылали вперед. Они шли сейчас по собственной территории, в самом сердце владений команчей. Здесь им некого было бояться.

Мы же посылали вперед разведчиков, которые следили за каждым изгибом дороги, осматривали каждый куст и на всякую возвышенность поднимались ползком. Все эти меры замедляли наше движение.

Наконец мы добрались до дневной стоянки индейцев. Мы подошли, прячась под прикрытием деревьев, и увидели, что индейцы уже ушли.

Снова я принялся за поиски, но траппер и на этот раз опередил меня.

— Еще одна записочка, мой юный друг!

Я вырвал у него листок. Вторая записочка оказалась короче первой.

«Наколола руку и пишу кровью. Совет собирается сегодня вечером. Через несколько часов выяснится, чья рабыня.

Какой ужас! Попытаюсь бежать. Руки у меня свободны, но ноги связаны. Я хотела распутать веревку, но мне это не удалось. О, если б достать нож! Я подсмотрела, куда они прячут один из ножей. Попробую добыть его, но откладываю это на крайний случай: неудача может погубить меня. Генри, я приняла твердое решение... Вот почему я не отчаиваюсь. Тем или иным способом я защищу свою честь. Шаги!.. Негодяй подсматривает за мной... Нельзя...»

Должно быть, к Изолине приблизились сторожившие ее индейцы. Она успела только спрятать листок и, скомкав его, бросить в траву.

Мы провели на лужайке около часа, чтобы отдохнуть и напоить лошадей. Здесь дорога от ручья сворачивала, и мы рисковали остаться без воды.

Солнце уже близилось к закату, когда в последний раз мы вступили на тро-

пу войны.

Глава LXXXI ИНДЕЕЦ НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Впереди шли трапперы. Мы подъехали к подошве холма, когда увидели наших разведчиков, притаившихся за кустами на вершине.

Мы остановились, ожидая, что будет дальше.

По повадкам трапперов и напряженному вниманию, с которым они вглядывались в дорогу, рейнджеры поняли, что они обнаружили врага.

Внезапно разведчики бегом спустились с пригорка, делая нам знаки, чтобы мы скрылись в чаще.

Мы спрятались за деревьями, уведя с собой лошадей трапперов.

Рубби с Гарреем быстро нагнали нас.

— Что случилось? — спросили мы у запыхавшихся трапперов.

— Индеец возвращается по тропе войны.

— Сколько их? — осведомился один из рейнджеров.

— Разве я сказал — индейцы? — рассердился Рубби. — Говорят вам, что один краснокожий. К черту всех болтунов! Нечего тратить время на праздные разговоры. Где лассо, Билли? А вы, проклятые молокососы, опустите ружья: выстрелы привлекут внимание команчей. Накинь лассо, голубчик Билли, на индейца, тебе поможет капитан. Если же вам не удастся поймать его, то от меня индеец не ускользнет. Слышите, друзья? Ни одного выстрела! Если придется пустить в ход карабин, это сделаю я. Стреляйте только, если я промахнусь. Впрочем, мой карабин бьет без промаха. Ты готов, Билли? А вы, капитан? Отлично! Внимание! Смотрите в оба! Ловите его, как зайца на болоте. Вот он скачет прямо в западню!

Все это было сказано залпом в одну минуту.

В это время за пригорком показалась голова индейца. Вот уже вырисовывалась фигура всадника на пятнистом мустанге.

Лошадь скакала галопом. Таков обычный аллюр индейских всадников.

Он был один. За пригорком расстилалась голая прерия, и, если бы кто-нибудь сопровождал команча, трапперы заметили бы его спутников.

Всадник приближался. Если б то был разведчик, он держался бы иначе. Быть может, гонец? Но к кому его послали? Позади не оставалось индейцев.

Наше недоумение разрешил канадец.

— Он возвращается за щитом.

— Щит? Какой щит?

— Как, вы не заметили? Огромный щит из бизоньей кожи, отделанный свежими окровавленными скальпами мексиканцев. Посмотришь на него и невольно вздрогнешь.

Леблан нашел щит в кустах на месте привала. Индеец позабыл его вместе с трофеями.

У нас не было времени на разговоры. Всадник уже находился у подошвы холма. Билли и я стояли по обе стороны тропы, держа в руках свернутый ремень. Гаррей в совершенстве владел лассо, да и я был достаточно ловок.

Рубби сторожил с карабином в руках. Рейнджеры зарядили ружья на случай, если нас троих постигнет неудача.

Нельзя было упустить индейца. Куда бы ни ушел — вперед, назад или в лес, — все было одинаково опасно. Мы должны взять его в плен или убить!

Что касается меня, я не желал ему зла и предпочел бы взять его в плен. Злобы против него я не испытывал и охотно предоставил бы его собственной участи, если б он не мог нам повредить.

Товарищи держались других взглядов. Убить команча для них было все равно, что волка, медведя или кугуара. Траппер запретил стрелять не из человеколюбия, а из боязни, что выстрелы будут услышаны.

Пока индеец приближался, я успел разглядеть его.

То был стройный юноша, должно быть, один из лучших воинов племени. Размалеванное лицо казалось страшной маской. Индеец был высок ростом, плечист, пропорционально сложен. Держался на лошади он прекрасно.

Вот он уже подъехал к засаде.

Стрелой вылетел я из-за деревьев. Взметнул лассо, накинул мертвую петлю и затянул узел немного пониже талии индейца.

Пришпорив лошадь, я поскакал в обратную сторону и по сопротивлению веревки убедился, что держу индейца. Обернувшись я увидел, что лассо Гаррея обвилось вокруг шеи мустанга.

Лошадь и всадник взяты в плен!

Глава LXXXII МОЙ ПЛАН

Индеец упорно сопротивлялся. Инстинкт жизни у краснокожих силен, как у вольных зверей.

Бедняга соскользнул с коня, и ударом ножа перерубил опутавшие его ремни.

Еще секунда — и он исчезнет в зарослях. Но не успел индеец рвануться, как его схватили шесть дюжих рук. Яростно отбивавшегося, полузадушенного пленника повалили на землю, не обращая внимания на сверкавший у него в руке длинный испанский кинжал.

Спутникам моим не терпелось расправиться с индейцем. Некоторые уже обнажили сабли, чтобы зарубить его на месте и, несомненно, сделали бы это, если б не вмешался я.

Мне претило зверское убийство, и благодаря моему заступничеству индейца оставили в живых.

Но чтобы обезвредить команча, его так прикрутили к дереву, что самостоятельно выкрутиться он не мог.

Стенфильд — бродяга лесов — распорядился этой операцией. Указанный им способ был надежен и прост.

Выбрали дерево толщиной в один обхват. Когда на этот ствол наложили руки пленника, пальцы его едва соприкоснулись.

Кисти рук индейцу стянули ремнями из сыромятной кожи, по несколько раз пропустив каждый ремень сквозь пробуравленные в других ремнях дырочки; так же точно скрутили у щиколоток ноги пленника.

Чтоб помешать индейцу извиваться и корчиться и трением о древесную кору порвать постепенно привязь, концы ремней закрепили на колышках, вбитых вокруг дерева.

Эта печальная работа была в своем роде образцовой. Самый опытный вор, специалист по развязыванию чужого багажа, спасовал бы перед остроумной системой Стенфильда.

Индейца предполагалось оставить в этом положении и освободить на обратном пути, но было сомнительно, чтобы мы вернулись той же дорогой.

В ту минуту я не подумал о жестокости нашего поступка.

Мы сохранили индейцу жизнь. С точки зрения моих товарищей, это было необычайное великодушие, а я, озабоченный судьбой близких, не сокрушался о бедном команче.

Из осторожности мы привязали индейца подальше от места, где он был захвачен: ведь соплеменники могли его обнаружить и помешать нашим планам.

Индейца завели в дремучий лес, чтобы воины не услышали его криков.

Впрочем, пленнику оставили лошадь. Это был конь Стенфильда, которому вздумалось обменяться лошадьми с краснокожим.

Рейнджер, недовольный своей кобылой, с жестокой иронией заявил, что индейцу «неудобно будет отказаться от маленькой сделки». Расчетливый кентуккиец привязал к соседнему стволу дряхлую, негодную клячу и, торжествуя, увел мустанга команчей.

— Теперь, — похвалялся Стенфильд, — я угоноюсь за любым индейцем.

Сцена эта была мне противна. Лучше бы Стенфильд совершил эту «сделку» с предателем, похитившим у него боевую лошадь.

Мы собрались уже покинуть эти места, когда меня осенила блестящая идея: отчего не воспользоваться личиной пленника?

План освобождения невесты созрел у меня давно: я обдумывал его в бессонные ночи и днем, в дороге, а встреча с индейцем его окончательно оформила.

Опять меня выручила моя звезда. Еще не все потеряно.

План между тем был очень прост; он требовал больше отваги, чем хитрости. Но я поневоле был героем.

Прокрасться ночью в лагерь команчей, разыскать там пленницу, освободить ее, если удастся, и бежать с нею...

Лишь бы проникнуть в лагерь! Там видно будет. Близость Изолины меня вдохновляет.

Даже ночное внезапное нападение с горсточкой людей на лагерь команчей обречено было на неудачу, кроме того, мы и на будущее время лишаемся возможности помочь пленнице: потревоженные индейцы снимутся с бивуака и уйдут в прерии.

Спутники с этим соглашались, хотя по первому моему слову каждый готов был бы броситься в гущу врагов.

Многим не терпелось изведать опьянение борьбы, но благоразумнее было пустить меня одного.

Самый смелый помощник увеличивал риск. Не в силе успех, а в искусной тактике, и лишь в последнюю минуту все решит стремительность.

Индейцы зорко стерегут Изолину, причем охраняют ее не только воины, но два ревнивца, поспорившие за обладание мексиканкой.

Главное — задержать команчей, пока Изолина отбежит подальше.

В слепую удачу я верил больше, чем в тесак и в пистолеты.

Оставалось распорядиться, чтобы нас ожидали поблизости вооруженные верховые на случай бегства или перестрелки.

Глава LXXXIII МАСКАРАД

Смешавшись с толпой команчей при ярком свете костров, я в несравненно меньшей степени рисковал быть опознанным, чем на подступах к лагерю в темной прерии. Мне предстояло миновать наружные пешие посты, затем дозорных верховых и, наконец, пройти мимо табуна, принадлежавшего команчам.

Больше всего я боялся лошадей. Индейская лошадь — великолепный, чуткий сторож. Дозорный может сплоскаться или заснуть, но лошадь никогда! Почуввав запах белого человека или заметив фигуру, крадущуюся в темноте, индейский мустанг звонким, тревожным ржанием разбудит весь лагерь и в пять минут поднимет его на ноги. Как часто искусно задуманные набеги на индейцев срываются благодаря тревожным сигналам чутких мустангов.

Я не хочу сказать, что лошадь прерии особенно привязана к индейцу. Это было бы странно, так как лошадь не знает более деспотичного хозяина, более жестокого укротителя и беспощадного властелина, чем краснокожий всадник.

Скорее здесь проявляется врожденная верность коня своему господину, кто бы он ни был, — инстинкт, заставляющий лошадь предупреждать человека о всякой опасности.

Трапперы спокойно засыпают в прерии под охраной четвероногих часовых.

Дело могли осложнить собаки. Никакое переодевание их не обманет: собаки индейцев нюхом отличают белого от краснокожего.

Я склонен думать, что псы, натасканные индейцами, не без основания ненавидят пришельцев кельтского и англосаксонского происхождения. Даже в дни перемирия, когда белый в качестве гостя является в лагерь индейцев, его с трудом оберегают от ярости собачьих свор.

Индейские псы — настоящие волки.

Однако, насколько мы догадывались, собак у команчей не было: лая, по крайней мере, мы не слышали. Команчи, вступая на тропу войны, оставляют собак в вигваме с женщинами и детьми.

Надо было переодеться. Не идти же к индейцам в форме американского капитана! Мундир меня выдаст даже во тьме, а тем более в полосе костров.

Маскарад неизбежен. Вопрос в деталях.

Находка буйволиной шкуры была для меня приятной неожиданностью: она составит важную часть моего туалета, но не хватало много другого: наколенников, мокасин, пучка перьев, ожерелья, не говоря уже о длинных черных космах, медно-красной коже на груди, руках и лице, размалеванном мелом, углем и киноварью. Как быть со всем этим?

В суматохе, сопровождавшей захват индейца, я думал о другом.

Теперь я осмотрел пленника с новой точки зрения: замшевые наколенники, мокасины, ожерелье из кабаньих клыков, пестро разукрашенные орлиные перья и широкий ягуаровый плащ...

Только горячкой похода объяснялось бескорыстие моих рейнджеров. Сол-

даты косились на ягуаровый мех, алчные огоньки блестели у них в глазах, но тяжелая шкура была обременительна ввиду предстоящих стычек, и чудный боевой плащ оставили индейцу.

Заглушая стыд, я подошел к беспомощному пленнику и, не глядя ему в лицо, снял с него ягуаровый плащ, прикрыв его плечи скромной буйволиной кожей.

Но этого еще мало, чтобы сойти за индейца.

Дело в том, что на тропу войны команчи выходят с обнаженным торсом. Рубаху надевают только на охоте и в будничных случаях.

Как воссоздать этот медный оттенок кожи, эту бронзу мускулистых рук и полосатую расцветку груди? А лицо, размалеванное в три краски: оранжево-красную, белую и черную?

Только красящие вещества могли мне помочь, но где их взять?

— А это что? — воскликнул Рубби, потрясая сумкой из волчьего меха, с художественной отделкой из перьев и жемчужин — походной аптечкой индейца. — В саквояже этого джентльмена, капитан, вы найдете все, что вам требуется.

И, запустив руку в разукрашенную сумку индейца, Рубби с торжеством извлек из нее ряд кожаных пакетиков. Судя по ярким пятнам на них, это подушечки заключали в себе разноцветные красящие порошки. Из того же вороха Рубби вытащил — угадайте, что? — осколок зеркала.

Ни я, ни трапперы не удивились набору этих странных косметических принадлежностей в странном мешочке. находка была вполне естественной, так как уважающий себя индейский всадник никуда не выезжает из вигвама без зеркальца и красок. Это обычай мирного и военного времени.

Краски, найденные в сумке, в точности соответствовали расцветке кожи пленного воина.

Мгновенно мне сбрили усы, развели на жиру краски и, обнажив меня по пояс, поставили рядом с индейцем. Пленный команч служил моделью, а кожа моя — холстом для копии.

Художником был Рубби.

Лоскут оленьей кожи заменил кисточку, а широкая ладонь Гаррея — палитру.

Недолго меня обрабатывали. Через двадцать минут я был двойником индейца. Копия могла поспорить с оригиналом. Не хватало лишь одного, и притом самого главного для полноты превращений: длинных черных, змеящихся волос, столь характерных для всякого воина-команча.

И это осложнение удалось обойти: лезвие ножа послужило бритвой, а Гаррей взял на себя роль цирюльника. Голову индейца обрили, и великолепные змеевидные космы, поступили в мое распоряжение.

Индеец вздрогнул от прикосновения холодной стали. Он был убежден, что его хотят скальпировать.

В самом деле, Рубби, наблюдая за работой Гаррея, ворчал:

— Нечего с ним церемониться! Снимай ему патлы вместе с кожей! Во-первых, он того заслуживает, а во-вторых, это практичнее, Билли: нам нужен готовый парик. Если ты его не скальпируешь, будет лишняя возня... Говорю тебе, сдирай с него кожу!

Рубби отлично знал, что никто не слушает его варварских советов, но

старый траппер оставался верен себе, выдерживая стиль.

Кое-как изготовили аляповатый парик и нацепили его мне на голову, прикрыв к моим собственным, достаточно длинным и черным, как у индейца, волосам.

Индеец с кривой улыбкой наблюдал за нашей работой. Ко-манч слова не вымолвил, пока его брили и грабили.

В этой сцене, если откинуть унижение пленника, не было ничего трагического, и я не мог удержаться от смеха.

Оригинальное переодевание, комическая серьезность наших приготовлений и обритый наголо индеец могли хоть кого рассмешить. Спутники мои, жадные до развлечений, как все солдаты в походе, хохотали до упаду.

Под конец мне водрузили на голову пучок перьев. Нам повезло, что парадный головной убор оказался у пленного воина: обычно индейцы не носят перьев в походе.

Орлиные перья довершили метаморфозу: парик мой благодаря им сойдет за настоящие волосы даже при ярком дневном свете.

Актер загримирован. Игра начинается.

Осторожнее и медленнее, чем когда-либо, мы двинулись по тропе, получив успокоительные сведения от двух разведчиков.

Судя по свежим следам, индейцы прошли здесь только недавно. Каждую минуту мог показаться арьергард их маленького отряда.

Глава LXXXIV ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ НА ИНДЕЙСКОЙ ТРОПЕ

Мы боялись, что обнаружим индейцев до захода солнца. Настигнуть их в пути было крайне нежелательно. Какой-нибудь отставший воин мог предупредить своих о нашем приближении и сорвать весь план.

Вот почему мы замедлили шаг, чтобы в лагерь успело вернуться не только ядро краснокожих, но и отбившиеся от него одиночки.

Со всех точек зрения спешить не имело смысла. Совет старейшин, по сведениям Изолины, должен был состояться сегодня вечером, а развязка зависела от его решения. Необходимо было поспеть к решительной минуте.

Совещание начнется сейчас же по прибытии в лагерь. Так как дело идет о сыне вождя и о самом вожде, поскольку перебежчик возведен команчами в этот сан, вопрос не может оставаться долго открытым.

Я поставил себе задачей достигнуть индейского стана в сумерки, чтобы предпринять с друзьями разведку до наступления ночи. Необходимо изучить местность и выбрать наилучшее направление для побега, если похищение удастся.

Мы доверялись следам. Разведчики наши с точностью до минуты устанавливали давность последних отпечатков; они крались бесшумно, с глазами, прикованными к земле.

Я между тем беспокойно поглядывал на небо. Перемена погоды могла явиться серьезной помехой. Как условны наши желания! Как изменилось мое отношение к погоде за последние два дня! Свинцовое пасмурное небо, еще недавно меня раздражавшее, было теперь желанным. Вчера я от души проклинал облачность, а сегодня призывал тучи, мрак, грозу.

Я готов был приветствовать каждое облачко, но твердь была совершенно чиста.

Ни пятнышка на небе! Безбрежная чистая лазурь!

Через час небосвод покроется гроздьями сверкающих созвездий, взойдет великолепная луна, и ночь будет ясной, как день.

Трудно описать смущение, с каким я глядел на голубое небо. Сова, которой мрак необходим как воздух, которую мучит и раздражает свет, испытывает днем то же самое. При луне предприятие вдвойне опасно, и шансы на успех почти исчезают.

Была середина лунного месяца, и прекрасная спутница земли должна была выплыть сейчас же после захода солнца, большая, почти округлая, похожая на багровый шар утреннего солнца, и ничто не смягчит ее ровного, холодного света. Лунная ночь, увы, обеспечена.

Вся надежда на грим. Недаром мы потратили столько времени для кропотливого воссоздания подробностей индейского туалета. В грозном сиянии луны я мог рассчитывать лишь на спасительный эффект переодевания.

Но зоркость индейцев прославлена. У них утонченный нюх. Вряд ли помогут мне заемные перья, если придется говорить. Наконец, благодаря удачной копии и близости ее к оригиналу друзья моего двойника не могут меня не окликнуть! Как же буду я изворачиваться, зная лишь несколько слов на языке команчей?

Вечерело. Солнце склонилось к западу. Это был час великой тревоги.

Разведчики задержались впереди, и, в ожидании их указаний, мы сделали передышку в рощице. Перед нами был довольно высокий холм с обнаженными склонами, но шапкой леса на вершине. Тропа войны вела через этот холм; разведчики, поднявшись на него, исчезли в чаще.

Нам ничего не оставалось, как ждать их возвращения у подошвы холма.

Внезапно один из разведчиков показался на опушке. Это был Гаррей. Он поманил нас знаком.

Лошади побрели пологим склоном, и вскоре нас охватила чаща. Проехав немного по тропе, мы с нее свернули. Ловкий разведчик вел напрямик, чтобы сократить перевал. Противоположный склон холма был почти безлесен, однако мы не спустились с холма верхами, но спешили и привязали лошадей к деревьям.

Дальше мы поползли на карачках и, достигнув нижней границы леса, внимательно сквозь листву рассмотрели равнину.

Дымки на поверхности прерии, Огни костров. Палатка из звериных шкур посредине. Шевелятся какие-то тени. Пасутся лошади.

Под нами лагерь команчей.

Глава LXXXV

ЛАГЕРЬ КОМАНЧЕЙ

Мы подъехали вовремя. В сгустившихся сумерках нас было трудно разглядеть под прикрытием деревьев, тогда как мы с высоты отчетливо видели расположение врага на равнине.

Лагерь команчей лежал как на ладони. Вся окружающая прерия маячила в полусвете. Холм, который господствовал над равниной, — род внушительного, потерянного в прерии «седла», — был единственной возвышенностью на много миль кругом. Команчи разбили свой лагерь у подошвы холма, к которому примыкала необъятная прерия.

Это был так называемый пекан, то есть прерия, усеянная лесистыми островками, с преобладанием кустарника по имени пекан. Среди пекановых куп росли там и сям другие деревья с широколиственными кронами.

Эти деревья в сочетании с деревцами пекана, похожего на парковый кустарник, создавали иллюзию искусственного ландшафта, подчеркнутую извилистым ручейком, сверкавшим в лучах вечернего солнца.

Но перед нами не был английский парк, но торжественная пустыня.

Рука человека не прикасалась к карликовым купам. Искусство садовника не участвовало в создании очаровательного пейзажа.

Лагерь команчей лежал на берегу ручья, в полумиле от подошвы холма.

Даже при беглом взгляде бросался в глаза удачный выбор стоянки, не столько удобной для обороны, сколько предохранявшей от нападения врасплох.

Если допустить, что палатка расположена в центре становища, то центральная точка лагеря приходится на опушку рощицы, смежной с ручьем. От палатки к ручью прерия спускается пологим скатом, напоминающим вал земляного укрепления. Площадь лагеря, оцепленная огнями от самой рощицы до ручья, представляла собой сочный луг, и на зелени его выделялись меднокожие воины. Одни стояли, другие бродили, кто лежал на траве, кто сидел у костра, приготовляя ужин.

Участок каждого воина отмечался воткнутым в землю копьём. Копья образовывали геометрически правильную фигуру. Их тонкие пятифутовые древки торчали, как стройные корабельные мачты с флажками, цветными перьями и скальпами.

У основания каждого копья были сложены парадный щит, колчан и лук, а также сумка с красками и лекарственными травами. Какие-то фигуры держались обособленно от индейцев; чутье нам подсказывало, что это белые женщины.

Да, это были пленницы! С каким щемящим чувством я на них глядел!

Но на таком расстоянии и сквозь дымку вечера даже зоркий глаз влюбленного не узнает черт лица.

Лошади чернели на флангах лагеря. Их привязали снаружи, за линией костров, чтобы им было привольнее пастись, и мустанги, разгуливая на длинной привязи вокруг колышков, к которым были прикреплены лассо, занимали обширную площадь. Конное окружение лагеря с двух сторон огибало рощу, так что лагерь оказывался как бы замкнутым в форму лука, тетивой которого

был ручей, а дугою — живая стена мустангов. За пределы этого «лука» лагерь не простирался.

Как я уже заметил, выбор места предохранял от нападения врасплох. Рошица, в которую упирался лагерь, была единственной на тысячу шагов кругом.

По ту и другую сторону ручья тянулась безлесная обнаженная прерия: ни бугорка, ни кустарника, которым мог бы воспользоваться как прикрытием враг.

Индейцы, разбившие лагерь с такой стратегической мудростью, вряд ли опасались неожиданностей. Но осторожность у них в крови, и остроумное расположение стоянки скорее всего объяснялось врожденным инстинктом команчей. Рошица доставляла им топливо, ручей — воду, прерия была отличным пастбищем. Немного конины на ужин — вот и все, что было нужно индейцу в походе.

Я сразу оценил всю выгодность расположения команчей, понятную не столько солдату, сколько охотнику и партизану, привыкшему к уловкам иррегулярной войны.

С военной точки зрения стоянка индейцев отнюдь не годилась для обороны, но подойти к ней можно было, лишь оставаясь незамеченным. Индейский всадник вечно боится быть захваченным врасплох. Все, что угодно, только не это! Дайте ему пять минут на сборы — и он неуязвим. Если превосходство сил на вашей стороне, вы обратите индейца в бегство, но где найдете вы лошадей, способных догнать мустанга? Вот почему команчи предпочитают выжидательную тактику и воздерживаются от активной обороны, кроме тех случаев, когда имеют дело с мексиканцами. На мексиканцев они идут уверенно, с осознанием своего превосходства.

С печальными мыслями глядел я на лагерь врагов. Проникнуть в него можно лишь под покровом черной ночи. Самый хитроумный лазутчик не проберется в него. Лагерь казался мне недосягаемым.

То же самое думали мои спутники. Двое разведчиков, припавших к земле, хмурились и молчали. Мы понимали друг друга без слов.

Глава LXXXVI КОЛЕБАНИЯ

Прилегающая равнина на расстоянии тысячи шагов поросла невысокой травой. Даже мелкая дичь не могла в ней притаиться, не то что всадник.

Я готов был проползти на четвереньках полмили до индейской стоянки, но и это привело бы к неудаче: дозорные индейцев или мустанги заметят ползущего врага. А если я проберусь в оцепление и найду Изолину, разве нам удастся бежать незамеченными? Конечно нет!

Несомненно, будет погоня и жестокая расправа на месте. Нас умертвят томагавками и копьями.

Я решил подвести лошадь как можно ближе к индейскому лагерю, оставить ее под прикрытием и, вскочив на седло с Изолиной, галопом вернуться к друзьям.

Товарищи должны были ждать где-нибудь неподалеку, в засаде.

Но топография индейского лагеря разрушила весь этот план, составленный в расчете на деревья, кустарники или какие-нибудь бугры. Не считая поросли, в которой мы спрятались, и рощицы, примыкавшей к индейскому лагерю, прерия была обнажена, а добежать до этой рощицы — то же самое, что до становища индейцев.

Стоило нам проползти еще несколько шагов до голой прерии — и враги нас увидят так же ясно, как мы видим их. На волосок от гибели, мы не смели шелохнуться.

Еще раз с робкой надеждой взглянул я на небо. Все та же прозрачная звездная ночь.

Неужели я откажусь от освобождения женщины, связавшей свою судьбу с моей?

Вдруг меня осенила идея, весьма рискованная, но все же выполнимая. Опасностью я пренебрегал. Все, что не грозило верной смертью, было для меня приемлемо, и даже смерть лучше неудачи.

С нами была лошадь пленного команча; Стенфильд, если помните, обменял ее на свою кобылу. Что, если верхом на мустанге команчей проникнуть с тылу в лагерь? Эта поправка была лишь развитием первоначального плана. Все равно мне придется разыгрывать роль индейского воина, очутившись в стане врагов. Теперь роль моя начнется немного раньше, еще в прерии, и весь успех будет зависеть от эффектного дебюта. Так выходило драматичнее и интереснее.

Но я не гнался за театральными эффектами, а думал только о сути дела.

Измененный план имел одно крупное неудобство: я ворвусь в лагерь на индейском мустанге. Все взоры обратятся на меня. Воины опознают во мне своего товарища. Начнутся вопросы, восклицания. Кровь леденела в жилах при мысли об этой опасности.

Я знал десяток слов на языке команчей. С этим крошечным словарем немислимо поддержать разговор. Наконец, меня выдадут голос и произношение. Был, правда, выход: отвечать по-испански. Многие команчи владеют этим языком, но испанские реплики покажутся им подозрительными.

Еще одно тревожное соображение: как довериться индейскому мустангу?

Он чуть не сбросил Стенфильда в пути, брыкался, становился на дыбы, как будто всадник обжигал ему бока. Если лошадь взбунтуется при моем триумфальном въезде в лагерь, это привлечет внимание дозорных, проснутся подозрения. Индейцы начнут меня разглядывать в упор...

Допустим, я прорвусь за черту огней, не вызову подозрений и найду Изолину; допустим, что я ее вырву из рук индейцев, но можно ли положиться на капризную, норовистую лошадь в минуту погони? А вдруг она заупрямится и позволит себя настигнуть другим быстроногим скакунам или, покругив в прерии, понесет нас обратно в лагерь, для нее — домой, для меня — на верную смерть?

О, если б я мог подвести своего жеребца к самой цепи костров!

О, если б мог спрятать поблизости Моро!

Но это были праздные вздохи.

Приходилось войти в роль до конца и сесть на индейскую лошадь. Я заинтересовался мнением товарищей.

Все нашли мой план рискованным, а два-три человека настойчиво меня отговаривали. Это были люди, не посвященные в мою тайну, не знавшие, что меня окрыляет страсть. Большинство моих спутников были чужды героической романтике. Эти суровые люди любили просто, без крайностей и безумств, Но я был глух к благоразумным советам.

Некоторые, признавая опасность, соглашались, что другого выхода нет. Впрочем, два-три человека поддержали меня.

Только один из спутников еще не высказался, между тем его мнение было мне дороже мудрости всех товарищей, вместе взятых.

Еще не сказал своего слова старый траппер.

Глава LXXXVII

СОВЕЩАНИЕ С РУЖЕЙНЫМ ДУЛОМ

Рубби стоял в стороне от отряда в своей излюбленной позе: он припал к карабину, упираясь прикладом в дерево, причем дуло ружья щекотало ему переносицу.

Так как длина карабина почти равнялась росту Рубби, ружье и его хозяин издали походили на опрокинутую римскую пятерку.

Трудно было сказать, глядит ли Рубби в дуло карабина или же смотрит в прерию — на лагерь индейцев.

Уже не впервые наблюдали мы его в этой странной позе: она означала умственное напряжение.

Рубби совещался со своим оракулом, обитавшим в темном дуле ружья системы «Баргутса».

Все приумолкли, глядя на старого траппера. Люди понимали, что я ни на что не решусь без одобрения Рубби, и терпеливо ждали его веского слова.

Прошло добрых десять минут, но старый траппер молчал. Даже губы его не шевелились, и лицо было неподвижно. Только блеск беспокойных зрачков выдавал умственную работу. Если б не глаза, можно было подумать, что перед нами истукан, вернее, пугало, подпираемое палкой. Длинный карабин, почерневший в непогодах, ничуть не вредил сходству.

Оракул не спешил с изречением.

Рубби глядел попеременно в ружейное дуло и на индейский лагерь.

Он обращался к внешнему миру за необходимыми данными и вновь уходил в созерцание.

Люди, заинтересованные в исходе этого тайнодействия, начинали терять терпение. Слишком многое зависело от совета Рубби.

Однако никто не осмеливался потревожить старого чудака.

Никому не хотелось навлечь на себя язвительную брань траппера. В гневе он был страшен.

Наконец Рубби прищелкнул языком в знак того, что демон ружейного дула удостоил его ответом. Гаррей с робостью подошел к старику.

Как я любил энергичный кивок и причмокивание, которым Рубби обычно заканчивал свою консультацию с дулом. Узел разрублен. Старый траппер решил шахматную задачу!

Мы с Гарреем не стали спрашивать Рубби; это было не принято. В таких случаях старый траппер вещал без приглашения. Мы только уселись у ног старика, выжидательно на него глядя.

— Скажи-ка мне, Билли, — начал Рубби, в последний раз пытая наше терпение, — скажи-ка, сынок, как вы смотрите с капитаном на это проклятое дело? Дурной оборот, не правда ли, юнцы?

— Дело скверное! — кратко ответил Гаррей.

— Вначале я тоже так думал, — прибавил я.

— Увы! — горько вздохнул молодой траппер. — В лагере нам не бывать...

— Не бывать? — возмутился Рубби. — Ах, вы, молокососы! Кто внушил вам такой вздор?

Я не выдержал:

— Есть один план... довольно рискованный... Мы только что его обсуждали.

— Выкладывайте его! — ехидно улыбнулся Рубби. — Посвятите меня, детки, в ваш замечательный план. Но торопитесь: времени у нас чертовски мало. Каждая минута дорога.

— В двух словах: капитан хочет въехать в лагерь на индейской лошади.

— Так просто въехать? Совершенно открыто?

— Конечно! Какой ему смысл прятаться за деревьями? Индейцы все равно увидят его сбоку.

— Увидят, говоришь ты? Будь я проклят, если они что-нибудь увидят, кроме своих костров. Меня, сынок, они не увидят, будь у них тысяча глаз, как у Аргуса.

— Объяснитесь! — не вытерпел я. — Неужели вы полагаете, что можно подкрасться к лагерю незаметно?

— Да, мой молодой друг! Но не совсем так. Я не хочу сказать, что кто-нибудь из вас способен на эту проделку, но говорю, что Рубен Раулингс, старый траппер со Скалистых гор, проберется в лагерь индейцев так же незаметно, как гусеница на кочане капусты! Краснокожие, со всей их прославленной зоркостью, меня проморгают... А ты, сынок, не веришь?

— Однако, Рубби, ваш план граничит с чудом. Не мучьте нас! Вы знаете, как я...

— Спокойнее, сынок! Горячиться вредно. Советую запастись лошадиным терпением, иначе не суждено вам погреться у индейских костров. Но ручаюсь вам, детки, что вы побываете в лагере, если будете смотреть в оба, держать язык за зубами и слушать советов старого Рубби. Согласны? Вижу, что да. Вы — тонкие ребята: с вами и лису перехитришь. Итак, до конца доверяетесь Рубби?

— Обещаем слепо повиноваться!

— Вот это умно! Дьявольски умно! Так и быть, не оставлю вас без совета.

Рубби направился к опушке, поманив за собой меня и Гаррея.

На самом краю поросли Рубби опустился на колени за кустами очитка.

Мы с Гарреем тоже припали к земле.

Луна проливала ровный, холодный свет на индейский лагерь и прерию.

Немного помолчав, старый траппер удостоил нас беседой по существу.

Глава LXXXVIII

СОВЕТЫ СТАРОГО ТРАППЕРА

— Билли Гаррей и вы, молодой друг! Не видите ли вы тропинки, которая ведет в самое сердце лагеря — прямая, как хвост замерзшей крысы? Не видите... а?

— Тропинку? — спросил недоуменно Гаррей.

— Замаскированную от первого до последнего фута!

Мы впились глазами в лагерь и в прерию. Ничего похожего на защищенный подступ к стану.

Вновь я окинул пытливым взглядом небо.

Ни одного настоящего облака! Пылающая твердь.

Кое-где намечались легкие перистые тучки. Они скользили по диску луны, не закрывая ее. Эти медленно ползущие барашки были скорее признаком установившейся погоды.

Наш старый оракул не мог рассчитывать на темноту.

— Не вижу я никакого прикрытия, — заметил, помолчав Гаррей. — Ни кустарника, ни высокой травы...

— Кустарники! Заросли! — презрительно фыркнул Рубби. — Кто там говорит о кустах и траве? Очень нам нужно зарываться в них носом! Знаешь, Билли Гаррей, я начинаю думать, что ты поглупел от любви, как наш молодой товарищ.

— Ничего подобного, Рубби!

— Боюсь, дружище, меня не проведешь! Ведь был у тебя разговор с девушкой в поселке?

— Что такое?

— Сам знаешь! Ты говорил красотке, что любишь ее без памяти, что страсть тебя подхлестывает, как погонщика мула? Говорил или нет?

— В шутку, Рубби!

— Молчал бы лучше! Вот я вернусь в форт Бент и расскажу твоей Бишетт, как ты шутишь. Задаст она тебе головомойку!

— Ты сам не знаешь, что мелешь, Рубби!

— Нет, что-то есть! Недаром ты поглупел, бедняга Билли! Вот уж несколько дней от тебя не слышно путного слова. Кустарники! Заросли! Эх, ты, слепой крот, не видишь откоса?

— Откоса? — повторили мы в один голос с Билли.

— Ну да! — рассердился Рубби. — Речонка у вас перед глазами, а вы, слепые котята, не видите откоса!

Начиная понимать Рубби, мы с Билли отыскивали глазами ручей.

Ручей замыкал подкову индейского лагеря. Речка бежала в нашу сторону, огибая подошву с холма. Лагерь, если считать по течению, расположился на левом берегу, а с нашей точки зрения — на правом. Значит, надо перебраться на левый берег и, миновав посты, вмешаться в табун мустангов, привязанных у ручья.

Я уже взвесил шансы такого пути. При известной ловкости можно было, держась под водой, доплыть против течения в лагерь, но, разумеется, без ло-

шади; в этом все осложнение. Как обойтись без коня в решительную минуту?

Вот почему этот план был мною забракован.

Рубби держался другого мнения: отвергнутый мною план казался ему выполнимым.

— Ну что, увидели откос?

— Откос неважный, — механически заметил Гаррей.

— Это тебе, конечно, не скалистый берег Миссури и не кручи Змеиной реки! Но берег растет, с каждой минутой он поднимается — верьте старому Рубби!

— Берега поднимаются? Как это понять?

— Безусловно поднимаются, или, что то же самое, вода убывает.

— Убывает?

— Да, к счастью для нас, уровень ее дюйм за дюймом снижается, и через час обрывистый бережок перед лагерем достигнет полуфута высоты.

— И мы прокрадемся в лагерь вдоль этой «траншеи»?

— Несомненно! Кто вам помешает? Это легче, чем подстрелить зайца.

— Но лошадь! Как подвести лошадь?

— Тем же способом. Русло речонки достаточно глубоко, чтобы укрыть в нем самую рослую кобылу. Сейчас, после ливня, ручей набух, но не смущайтесь этим: лошадь пойдет по дну или пустится вплавь. Крутой бережок заслонит ее от индейцев. Оставьте лошадь в воде. Для большей верности привяжите ее к кольшку. Не подводите ее слишком близко к лагерю с подветренной стороны: мустанги индейцев могут почуять ваш запах. Перебежка должна быть самое большее в двести шагов. Освобождайте девушку, бегите с нею напрямик к лошади и спасайтесь галопом к рощице на холме, где мы будем ждать вас в засаде. Горе краснокожим, если они приблизятся к нам на расстояние выстрела! Вот и всё!

План Рубби был довольно складный. Снижение уровня речонки увеличивало шансы. От меня это обстоятельство ускользнуло, но зоркий глаз Рубби его заметил. Вот почему старый траппер так долго медлил с ответом. Опершись о дуло карабина, Рубби наблюдал за убылью воды. В самом деле: за полчаса речка сильно обмелела.

Лишь бы русло ручья оказалось достаточно глубоким, чтобы провести по нему лошадь. Остальное зависит от моей ловкости и счастливой звезды.

— Въезжать в лагерь на индейской лошади по меньшей мере глупо, — прибавил Рубби. — Дело выйдет дрянь: проклятые мустанги ржанием, фырканием и топотом натравят на вас все население лагеря. Кто-нибудь из опытных воинов с глазами рыси распознает переодетого белого...

Рубби положил конец моим колебаниям.

Глава LXXXIX В ВОДЕ

Приготовление было коротки: я подтянул подпругу седла и, осмотрев пистолеты, привязал их с охотничьим ножом сзади к поясу, чтобы оружие было прикрыто ягуаровой шкурой. В пять минут я собрался.

Рубби советовал ждать, пока речка совсем обмелеет, но мне не терпелось. Приближался час совещания. Мог ли я дольше ждать?

При свете луны обозначалась темная песчаная полоска, отмечающая убыль воды. Она виднелась отчетливо между зеленью прерии и серебряной лентой ручья. Вода в речонке спадала.

Я вскочил на коня. Вокруг теснились товарищи, пожимали мне руку и желали успеха. Некоторые прощались со мной навсегда — это звучало в их голосе, — но кое-кто надеялся. Все клялись за меня отомстить.

Рубби с Гарреем проводили меня до подошвы холма. Рожица на вершине выделяла клин, спускавшийся к ручью. Пользуясь этим прикрытием, мы достигли излучины. Подошва холма тоже была окаймлена кустарниками, так что при желании можно было придвинуть засаду к лагерю. Но это прикрытие было менее надежно, чем на вершине: в случае погони придется скакать по обнаженному склону холма и выдать индейцам свою слабость. После короткого совещания решили оставить людей на прежнем месте.

От излучины, у которой мы стояли, до самого лагеря индейцев речонка бежала прямо, сверкая, как полоса латуни. Кустарники здесь кончались. Еще шаг — и мы очутимся в поле зрения врага.

Здесь надо было погрузиться в воду. Я спешил, готовясь к ночному купанию.

Трапперы снабдили меня последними указаниями. Рукопожатия были выразительнее слов.

Младший товарищ Рубби сказал:

— Мы с Рубии будем неподалеку! Когда вы начнете отстреливаться, мы бросимся вам навстречу и так или иначе соединимся на полпути. А если вы не вернетесь, — патетически заключил Гаррей, — индейцы дорого заплатят за вашу жизнь!

— Ого! — воскликнул Рубби. — На прикладе моего старого баргутса появится до зимы не одна свежая зарубка! Вперед, приятель! Не бойтесь! Будьте зорки, внимательны — и выберетесь благополучно из осинового гнезда! Затем положитесь на нас. Но скачите прямо на холм, как будто вас преследует конница дьявола.

Уже не слушая друзей, я взял под уздцы Моро и, выбрав пологий спуск, бесшумно повел коня в речку. Умный конь повиновался; через мгновение он был по грудь в воде.

Ручей имел как раз желаемую глубину. Откос поднимался на полфута, укрывая с головой человека и лошадь. Если русло речонки так же глубоко в верхнем течении, я с легкостью подберусь к лагерю.

Перья индейского головного убора слегка торчали над травами, и так как они выделялись своей яркой расцветкой, я снял их и зажал в руке.

Кроме того, я свернул ягуаровую шкуру, чтобы она не вымокла в воде, и по-

заботился о сухости пистолетов.

Это отняло две-три минуты.

Чем глубже ручей, тем лучше! Лошадь и человек даже в глубокой воде передвигаются сравнительно бесшумно. Ночь, к сожалению, стояла слишком спокойная, и малейший всплеск был бы слышен далеко, но несколько выше по течению бурлили маленькие пороги, полностью заглушая шум. Я даже не слышал, как ступает по каменистому руслу Моро. Впрочем, пускаясь в дерзкое предприятие, я учел эту «звуковую маскировку».

В двухстах шагах от поросли я оглянулся, чтобы крепко запомнить место засады. Если погоня подойдет вплотную, малейшая ошибка может стать роковой.

Место засады было очень удачно выбрано: гребень холма, там, где спрятались Рубби с Гарреем, порос деревцами особой породы.

Индейцы, поднимаясь из прерии на холм, могли вообразить, что перед ними целый отряд. Длинные, лучеобразные листья зонтичных крон поразительно напоминали военные плюмажи. Большинство этих деревьев, родственных юкке, имело футов шесть в высоту, и при оголенных стволах толщиной с человека и густых кронах, похожих, как сказано, на каску с перьями, рожицу легко было принять за спешившихся кавалеристов.

Если я успею доскакать до Рубби и Гаррея, залп из зарослей юкки остановит самую многочисленную индейскую погоню. Десяток ружейных выстрелов и пять-шесть револьверных в связи с зрительным впечатлением напугают индейцев. Нам поможет причудливость юкки.

Глава XC ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Мы двигались медленно. Довольно вялое течение было все же помехой, так как вода доходила мне до пояса. Я мог бы идти и быстрее, но приходилось нагибаться и следить за головой Моро.

Борьба с течением и невозможность выпрямиться вызвали сильную одышку. Для отдыха я выбирал ямы, где можно было расправить плечи.

Страстно хотелось взглянуть на лагерь, определить оставшееся от него расстояние и освоиться с его топографией, но осторожность не позволяла. Трава на откосе была редкая, как на скошенном лугу, а линия берега настолько плавная, что при свете луны враги могли заметить даже случайно взметнувшуюся руку.

Я жался к левому берегу; откос, согласно предсказанию Рубби, на добрых полфута поднялся над водой. Кроме того, левый восточный берег при низком состоянии луны отбрасывал черную тень почти до середины ручья. Я двигался в этой дружественной тени, укрывавшей меня и лошадь.

По моим расчетам, я подошел к индейской стоянке, но убедиться в этом не смел ввиду острой опасности. Ветер дул от ручья к лагерю. Подведя коня к самой стоянке мустангов, я рисковал, что его учуют индейские лошади. Несомненно, они оповестят весь лагерь звонким ржанием о близости Моро. Ветерок был легкий. Тем хуже! По волнам его плыли тончайшие запахи, в то же время он не заглушал глухого плеска воды, рассекаемой Моро, и стука его копыт по каменистому ложу речки.

Опасность была двусторонняя: нельзя высунуться для разведки — увидят, и нельзя идти дальше — загубит предательский ветерок.

В величайшей нерешительности я остановился. Откуда мне было знать, вести ли Моро вверх по течению или сейчас расстаться с конем? Напрасно прислушивался я к смутным шорохам, долетавшим из лагеря; по ним ничего нельзя было заключить.

Тогда я попробовал оглянуться на холм. Увы! Нет возможности определить расстояние. Глаза мои покоились на уровне ручья.

В отчаянии я обратился к востоку.

Здесь нашел я необходимую веху. В отдалении белел круп мустанга, привязанного к колышку. Лошадь паслась, нагнувшись к травам.

Какое счастье! От меня до мустанга шагов двести! Пастбище означает границу индейского лагеря.

От стана меня отделяло двести шагов, то есть расстояние, на котором я собирался оставить лошадь.

Я был настолько предусмотрителен, что захватил с собой обструганный колышек для привязи коня — предмет, необходимый для всадника в прериях. Моро никогда не срывался с привязи, даже самой непрочной, и я лишь слегка вогнал колышек в землю.

Колышек для Моро был скорее символом, означавшим, что надо стоять на месте. Итак, условно привязав Моро, я простился с ним как с другом и побрел дальше.

Пройдя шагов двенадцать, я заметил, что откос впереди размыт. Прерию пересекала балка, образовавшаяся от стока дождевых вод. Навстречу ей с холмистого берега шла другая.

«Вот, — подумал я, — отличная лазейка для индейцев!»

Вначале открытие меня смутило. Я испугался опасного места. Однако в точке пересечения высохшей балки и ручья промоина оказалась достаточно глубокой.

Я мог не только спокойно миновать балку, но даже извлечь из нее пользу.

Положение, в котором остался Моро, было весьма ненадежным. Мне будет трудно вывести коня на берег, имея индейцев за плечами. Сесть на Моро не составит для меня затруднения, так как хребет его находится на уровне ручья, но вряд ли мой доблестный конь даже отчаянным прыжком, без разбега, выскочит на берег.

Теперь, когда обнаружилась балка, Моро выберется из речного русла так же легко, как в него вошел.

Довольный моим открытием, я вернулся и, отвязав Моро, повел его к промоине. Поставив коня под хорошим заслоном на новом месте, я вторично простился с любимцем.

На сердце полегчало, но я удвоил предосторожность.

Индейский лагерь был так близок, что малейший плеск мог меня погубить.

Я решил выйти из воды не раньше, чем благополучно миную пасущихся на берегу индейских мустангов. Это было безопаснее, чем идти через табун, охраняемый воинами. Внутри лагеря лошади, имея перед глазами множество индейцев, не обратят на меня внимания, а дозорных мой живописный костюм введет, конечно, в заблуждение.

Но, с другой стороны, не в моих интересах было появиться перед лицом

всего лагеря, против костров.

Еще с вершины холма я заметил довольно широкую полосу между лагерем и пастбищем мустангов. На этом участке, не утыканном копьями, лишь изредка показывались случайные воины, и я избрал его для дебюта в роли индейца.

Мне удивительно повезло. Крадучись по воде, я прошел под самым носом у мустангов — до того близко, что слышал, как они фыркают и жуют у меня над головой. Однако я подвигался так тихо, что ни один не заржал и не поднял тревоги.

Мустанги через несколько минут остались позади и больше меня не стесняли.

Только теперь я дерзнул поднять голову и увидел скат прерии, на котором расположился лагерь.

Ни души по соседству! В ста шагах от меня индейцы группируются у костров. Они смеются, оживленно беседуют. Никто не оглядывается в мою сторону.

Ухватившись руками за откос, я начал подниматься, подобно черту, вылезавшему через люк из театральной преисподней.

Медленно встал я с колен в самом сердце лагеря команчей — таким же индейцем, как любой из краснокожих воинов.

Глава ХСІ ЛАГЕРЬ

Я не смел шелохнуться, чтобы не привлечь внимания караульщиков табуна и копошившихся у костров команчей.

Еще вылезая из воды, я напялил на голову парик команча с орлиными перьями. На берегу первой заботой моей было прикрепить сзади к поясу пистолеты...

Я сам удивился проворству, с каким это выполнил; так же стремительно я развернул ягуаровый плащ-Мех, скатанный у меня за плечами, остался сухим. Он закрыл насквозь промокшие плечи и верхнюю часть тела, с которых струилась вода. У мокасинов был довольно жалкий вид, но это меня не печалило. В прерии, на бивуаке, возле ручья, никому не покажется подозрительным индеец с мокрыми мокасинами.

Впрочем, оленья кожа, выделанная по индейскому способу, почти непромокаема. Вода быстро стечет с моих мокасинов, а если и останется влажный глянец, не беда.

Место, где я стоял, было освещено багровыми бликами костра и матовым сиянием луны. Два разнородных источника света боролись, и смешанное освещение было туманным и фантастическим. Меня нетрудно было заметить из середины лагеря, но я был индеец, как все. Никто ко мне не подойдет, беспокоиться нечего.

Но я простоял на месте лишь столько, сколько требовалось, чтобы в общих чертах ознакомиться с обстановкой.

Костров было много. Ночь выдалась холодная. Индейцы зябли и жались к огню. Только немногие бродили поодаль.

Один из костров отличался размерами. В нем было что-то праздничное. Такие костры раскладывают на севере Европы крестьяне в Иванов день. Боль-

шой костер пылал в двенадцати шагах от входа в центральную палатку лагеря. Багровые отблески ударили мне прямо в лицо.

Воины обступили бивуачный огонь. Я видел лица стоявших напротив и спины остальных.

До мельчайших подробностей разглядел я черты раскрашенных физиономий, цветные эмблемы на щеках и на груди и одежду индейцев.

В одежде этих людей было что-то странное. Я приготовился увидеть индейских воинов в мокалинах, с пучками перьев на голове, в бизоньих шкурах, накинутах на плечи, но далеко не все индейцы соответствовали этому описанию. Многие были в серапе и плащах из грубого сукна, в кальцонеро и в настоящих мексиканских сомбреро. Краснокожие в мексиканском наряде!

Кое-кто щеголял военной формой: блестели каски, так называемые шако. Мелькали яркие голубые и красные мундиры, казавшиеся особенно нелепыми в сочетании со штанами и мокалинами из темной оленьей замши.

Я понял причину этого странного маскарада, вспомнив, с какой целью команчи выступили в поход и откуда они возвращаются: на индейцах была одежда убитых и разграбленных горожан.

В чем бы я ни появился, даже в своем военном мундире, я не выделялся бы среди этого пестрого сброда. Единственное, что могло меня выдать, — это цвет моей кожи.

К счастью, несколько человек сохранили свой национальный костюм, но я едва не оказался единственным индейцем в стане команчей.

Все эти любопытные подробности не отвлекали меня от основной моей цели: через минуту я уже искал взглядом Изолину. Где она? Испытуяюще всматривался я в группы людей, толпившихся вокруг костра. Я заметил множество пленниц, но Изолины среди них было.

«Она в палатке», — подумал я и решил обследовать расположение лагеря. С тылу он был опоясан буйной растительностью. Тотчас понял я, какие преимущества дает мне этот тенистый укромный приют.

Единственная палатка, как я уже говорил, была раскинута на опушке леса, а против нее разложили самый большой костер. Здесь был центр лагеря, средоточие жизни и движения.

Изолина должна находиться недалеке от палатки; там следует искать ее.

Глава ХСII

ПРИЯТЕЛЬ МОЕГО ДВОЙНИКА

В это мгновение один из индейцев что-то провозгласил, и толпа сразу зашевелилась. Слов я не понял, но по тону сообразил, что это сигнал или какое-то важное сообщение.

Команчи принялись ходить вокруг пылающего костра, пропуская друг друга и по временам останавливаясь. Медлительные и сосредоточенные, они, казалось, выделяли фигуры обрядовой пляски. Со всех сторон к костру лагеря сбегались зрители.

Мне представилась возможность незаметно скрыться в зарослях. Я побрел к опушке, подражая неловкой походке команчей, лишенный грации и открытых мужественных манер, характерных для шаванов, гуронов и ирокезов.

Очевидно, я блестяще справился со своей ролью, потому что один из индейцев, шедший с поляны, где были привязаны лошади, к костру, окликнул меня по имени моего двойника.

— Уаконо! — закричал он.

— В чем дело? — ответил я по-испански, подделываясь под индейское произношение.

Игра была опасной, но, промолчав, я, безусловно, навлек бы на себя беду.

Команч слегка удивился испанской реплике, но тотчас продолжал:

— Разве ты не слышал призыва, Уаконо? Отчего ты не идешь к костру? Хиссоо-Ройо уже там. Сейчас собирается совет.

Интонации и жесты индейца помогли мне понять смысл его увещаний. Впрочем, некоторые слова были мне знакомы, и я случайно слышал, что Хиссоо-Ройо — Испанский Волк — прозвище ренегата. Но к ответу я не подготовился. Вторично заговорить по-испански я побоялся, так как не знал, насколько силен мой двойник в звучном языке, привезенном в Америку с берегов Гвадалквивира.

Я попал в тупик. Назойливый индеец, должно быть, друг настоящего Уаконо. Он не отступится от меня, не получив ответа.

Спасительная мысль пришла мне в голову. Надменно, с видом человека, потревоженного в своих размышлениях, я сделал прощальный жест рукой и, повернувшись спиной к незнакомцу, неторопливо зашагал прочь.

Индеец с явной неохотой отступился от меня. Повернувшись в его сторону, я увидел, что, неодобрительно покачав головой, он направился к костру. Поведение Уаконо показалось ему, очевидно, загадочным.

Спрятавшись за деревьями, я окинул взглядом лагерь. Мой приятель уже смешался с воинами, собравшимися вокруг костра. Я облегченно вздохнул.

Происшествие это, незначительное на первый взгляд, обеспокоило меня; но в то же время я получил драгоценные сведения: во-первых, я узнал свое имя, во-вторых, то, что сейчас собирался совет, имеющий какое-то отношение к ренегату Хиссоо-Ройо.

Сопоставив все это с сообщениями Изолины, я пришел к следующим выводам: совет должен разобрать спор ренегата с сыном вождя. Он только сейчас собирается, значит, я не опоздал. Ни один из претендентов — ни белый, ни краснокожий — не получил еще права на мою невесту. Никто из них до реше-

ния совета не осмелился бы посягнуть на ее честь. Нелепое соперничество до сих пор спасало Изолину. Ее охраняла злоба двух грызущихся псов.

Какое счастье, что я вовремя подросел!

Я стоял в лесу. Передо мною, как на ладони, расстилался весь лагерь. Со своего наблюдательного поста я рассматривал людей вокруг костров, но среди них не было Изолины.

Где она? Не в палатке ли? А что, если ее отделили от прочих пленниц и спрятали в роще до решения совета? В таком случае нужно переменить тактику. Прежде всего мне придется обыскать рощу. В таком случае задача моя упрощается. Если ее сторожат индейцы, я уложу их на месте. У меня два револьвера, и в каждом по шести зарядов — шесть, а может, и двенадцать человеческих жизней у меня в руках. Большинство команчей, вполне уверенные в полной безопасности, были не вооружены. Надо надеяться, что стража Изолины не станет стеречь женщину с карабинами в руках.

Кто знает, может, она одна... Все воины сбежались на собрание старейшин из простого любопытства или в надежде повлиять на его решение. Все они были заинтересованы в судьбе пленницы... Все... Я вспомнил про обычай, о котором писала Изолина...

Я углубился в заросли. Идти было нетрудно: деревья росли на некотором расстоянии друг от друга среди редкого кустарника. Так что мне не пришлось пробираться ползком. Бесшумно ступал я мягкими мокасинами, а густая листва скрывала меня от вражеских взглядов.

В рощице преобладали вечнозеленые невысокие деревца. Кое-где лунные лучи, пробиваясь сквозь листву, освещали искривленные стволы, и в общем в роще царил такая тьма, словно стояла безлунная ночь.

Однако и темнота не помешала мне увидеть отвратительную сцену.

Я ошибся в своих расчетах: не все команчи сошлись у бивуачных костров. Внезапно я заметил нескольких индейцев, тащивших в рощу беззащитных пленниц. Женщины плакали, отбивались.

При виде их я пришел в бешенство и едва не выхватил револьвер, но меня удержала мысль об Изолине. Какая судьба ждет ее, если меня убьют?

Занятые пленницами, негодяи не обратили на меня внимания, и я беспрепятственно прошел мимо них.

Я обшарил всю рощу, заглядывал в кусты, добрался до противоположной опушки, видел немало заплаканных мексиканок, но Изолины не нашел.

Несомненно, она в палатке.

Пробравшись к палатке, я обошел ее и, раздвинув ветки, осторожно выглянул из-за кустов.

Вот она, Изолина!

Глава ХСIII

СОВЕТ

Она была здесь, Изолина, моя невеста! Я видел ее, я мог услышать ее голос, мог дотронуться до нее рукой, но не смел шелохнуться и еле отважился поднять на нее глаза.

Руки мои дрожали, сердце билось, комок подступал к горлу.

Не сразу заметил я Изолину. Странное зрелище привлекло мое внимание. Картина резко изменилась за то время, что я блуждал по роще. Невольно поддался я очарованию живописной сцены.

Костер догорал. Мерцали обуглившиеся сучья, но их было так много, что красный полусвет заливал весь лагерь.

Команчи собрались вокруг костра. Они уже не толпились беспорядочными кучками, как раньше, а сидели на одинаковом расстоянии друг от друга.

Их было около двадцати человек, но точно я не сосчитал. Все они были одеты в национальные костюмы: мокасины, штаны из оленьей замши и головные уборы из перьев, браслеты из раковин, серьги, вампумы, ожерелья. Торсы были размалеваны охрой, мелом и красным соком растения уруку.

Я сразу сообразил, что передо мной старейшины. Остальные индейцы в мексиканской одежде разбились на небольшие группы по три человека и вполголоса разговаривали в некотором отдалении от костра.

Вдали мелькали черные силуэты воинов.

Когда глаза мои привыкли к необычному освещению, я увидел, что в цепи индейцев вокруг костра, прямо против входа в палатку, оставлено свободное пространство в пять или шесть футов.

Почва равномерно возвышалась от палатки к ручью. Здесь-то, выступая из линии круга, между костром и палаткой полулежала на волчьей шкуре Изолина. Руки ее были свободны, ноги связаны. Я не мог разглядеть ее черты, потому что она была усажена лицом к совету и спиной к палатке, но все же я тотчас узнал ее.

По другую сторону костра, против Изолины, белел степной жеребец. Он не был привязан, и один из команчей держал его под уздцы. Мустанг, так же как его хозяйка, был предметом разбирательства.

В стороне, не смешиваясь с толпой индейцев и не примыкая к членам совета, стоял ренегат Хиссоо-Ройо.

Пестрая раскраска придавала индейцам страшный облик, но ни у одного из них черты не дышали такой злобой, как у мексиканца.

От индейцев он перенял обычай размалевывать кожу. На его лбу был нарисован череп и две скрещенные кости, а на груди — кровавый скальп, символ жестокости Мексиканского Волка.

Дикое впечатление производили эти рисунки на белой коже мексиканца. Красная, черная, желтая и синяя краски резко выделялись на светлом фоне его кожи.

Тщетно искал я соперника Хиссоо-Ройо. Быть может, он стоит в отдалении со своими товарищами? Или не явился к костру? Он — сын вождя, может, он находится в отцовской палатке? Последнее предположение было самым вероятным.

Принесли большую трубку совета, зажгли ее от костра, и она пошла вкруговую. Из уважения к священной трубке каждый член совета затягивался только по одному разу и передавал ее соседу. Таков был церемониал...

Глава ХСІV ШАНСЫ НА СПАСЕНИЕ

Позиция моя была исключительно выгодной: я видел костер, членов совета, индейских воинов, — словом, весь лагерь, но, главное, меня никто не мог заметить. Вдоль опушки рос буйный кустарник, точно такой, как на противоположном берегу. Густая листва не пропускала лунных лучей, а палатка защищала меня от красноватых отблесков костра.

Сразу освоился я со своим положением и учел все, что могло сыграть роль в минуту моего бегства.

Нет ни малейшей возможности тайно похитить пленницу, на которую обращены все взгляды. Исход один: открыто вырвать ее у индейцев. Спасение в быстроте и в натиске.

Когда же приступить к делу?

Изолина находилась в ярдах десяти от меня. Я не успею подбежать к ней и разрезать веревки: индейцы в мгновение окружат нас. Слишком близко сидят члены совета, и почти рядом с пленницей держится Мексиканский Волк. Он не отступает ни на шаг. На поясе его блестит клинок длинной рапиры. Негодяй заколет меня, пока я буду распутывать веревки. Еще не настало время действовать. Подождем, может, представится удобный случай.

Я вспомнил напутствие Рубби. Траппер советовал не торопиться и взвешивать каждый свой шаг.

— Если вынуждены будете пойти на отчаянный шаг, — сказал он, — лучше отложите выступление на последнюю минуту.

Хуже быть не могло: оставалась надежда, что впоследствии обстоятельства сложатся благоприятнее, и я вооружился терпением.

Из-под прикрытия рассматривал я Хиссоо-Ройо, членов совета и воинов. Время от времени взгляд мой останавливался на Изолине.

Как я уже говорил, она сидела ко мне спиной. Но внезапно я вспомнил кузнеца, и меня охватило неодолимое желание взглянуть ей в лицо.

Судьба улыбнулась мне: пленница повернула голову. Ни на лбу, ни на щеке Изолины не оказалось шрамов. Нежная кожа была гладкой и бархатистой, как всегда. Кузнец сжалился над ее красотой. А мясник из поселка, не обезобразил ли он мою невесту?

Этого выяснить мне не удалось. Густые черные волосы Изолины закрывали шею, грудь и плечи. Но Чипрео собственными глазами видел кровь: Изолина безусловно была ранена.

Бросив взгляд в мою сторону, Изолина отвернулась.

Она тревожно озиралась. Я понял, кого она ждет. О, если бы шепнуть ей хоть одно слово, успокоить ее, сказать, что она не покинута!

К сожалению, это было невозможно: слишком зорко следили индейцы за пленницей. Они не спускали с нее глаз. К тому же в лагере царила полная тишина, и всякий шорох был бы услышан индейцами.

Совет еще не приступил к разбирательству.

Наконец раздался пронзительный голос глашатая, объявившего, что совет открывается.

Церемониал был настолько торжественным, что, если бы дело происходило не под открытым небом, при свете костра, среди размалеванных индейцев, я поверил бы, что это верховный суд в цивилизованной стране.

По-своему это так и было, несмотря на отсутствие судей. Судопроизводство велось, если можно так выразиться, присяжными. Примитивное правовое сознание не нуждается в посредниках. Не было также адвокатов. Заинтересованные стороны сами защищали свои права.

Таков верховный суд в прериях.

Трижды и раз от разу громче прокричал глашатай имя Хиссоо-Ройо. Гарольд мог пощадить свои легкие: Мексиканский Волк стоял в двух шагах от него, готовый выступить перед судом.

Еще не умолкло эхо, когда отозвался ренегат. Он вышел на середину круга, выпрямился и скрестил руки. В таком положении оставался он до самого конца.

Не пора ли мне броситься к Изолине, чтобы тотчас решить свою судьбу? Сидящие воины были безоружны. А от ренегата нас отделял огромный костер.

К счастью, я вовремя вспомнил о толпившихся на заднем плане команчах. Сбегая к ручью, я столкнусь с ними, а многие из них вооружены.

«Никогда не проложить дорогу среди такого множества врагов!» — подумал я.

Мудрый совет Рубби снова пришел мне на память, и я отказался от безумного проекта.

Глава ХСV ИСПАНСКИЙ ВОЛК

Около минуты длилась торжественная тишина.

Наконец один из членов совета встал и знаком предложил Хиссоо-Ройо говорить.

— Братья мои, краснокожие воины Хиетана! — начал ренегат. — Я буду скуп на слова. Юная мексиканка должна принадлежать мне. Кто оспаривает мое право? Мне принадлежит также Белый мустанг, так как я изловил его.

Хиссоо-Ройо умолк, словно ожидая дальнейших распоряжений совета. Тотчас заговорил один из воинов:

— Хиссоо-Ройо требует юную мексиканку и Белого мустанга. На чем основывает он свои права? Пусть он выскажется перед лицом совета.

Говорил стоявший перед костром член совета. Очевидно, он руководил церемониалом. Он был старше всех, и возраст давал ему преимущество над остальными. У индейцев старость в большом почете.

— Братья, — продолжал Хиссоо-Ройо, — мое требование справедливо. Всех вас призываю в судьи. Ведь вы не закроете своих ушей перед словом истины! Нужно ли вам напоминать, что по закону пленник принадлежит тому, кто захватил его? Таков закон вашего и моего племени, ибо мы братья и члены одного племени.

Раздались одобрительные восклицания.

— Кожа у меня белая, но сердце того же цвета, что у вас. Вы усыновили ме-

ня, приняли в свое лоно. Вы удостоили меня великой чести, назвав воином, а потом одним из вождей. Дал ли я вам повод раскаяться в вашей доброте? Обманул ли ваше доверие?

Толпа взволнованно загудела.

— Я верю в ваше правосудие. Белый цвет моей кожи не ослепит вас, ибо вы знаете цвет моего сердца.

Красноречие ренегата произвело впечатление на команчей: они шумно приветствовали бледнолицего брата.

— Слушайте! Я требую девушку и коня! Не стоит напоминать, как они были захвачены: вы сами были свидетелями моей удачи. Сейчас возникло какое-то сомнение, хотя множество воинов участвовало в ловле. Я настаиваю на своем праве. Именно мое лассо затянулось на шее мустанга. Я остановил его крутой бег. Конь и девушка — мои пленники. Поймать лошадь — все равно, что взять в плен всадницу. Кто оспаривает мои права? Пусть он покажется.

Голос нового Демосфена звучал самоуверенно и вызывающе. Закончив речь, он застыл посреди лагеря, скрестив руки на груди.

Снова наступила пауза. Престарелый воин положил ей конец, подав знак глашатаю, который выкрикнул пронзительным фальцетом:

— Уаконо!

Я вздрогнул. Ведь он звал меня! Ведь это мое имя Уаконо! Трижды прокричал глашатай и раз от разу громче:

— Уаконо! Уаконо! Уаконо!

Внезапно я понял, в чем дело. Соперник мексиканца Уаконо — тот самый индеец, чей ягуаровый плащ накинут на мои плечи, чьи мокасины на моих ногах, чей убор из крашенных перьев венчает мою голову. Я загримирован под Уаконо.

Трудно описать чувство, овладевшее мною при этом открытии. Я попал в исключительно опасное положение. Дрожащими руками я закрыл лицо, не смея взглянуть на людей, сидевших вокруг костра.

Несколько минут сидел я, боясь шелохнуться и прислушиваясь к каждому шороху. В лагере, казалось, все затаили дыхание, ожидая появления Уаконо.

Глашатай повторил свой троекратный вызов:

— Уаконо! Уаконо! Уаконо!

Новая пауза. До меня донеслись разочарованные возгласы, когда выяснилось, что Уаконо не откликается на вызов.

Один я знал, что настоящий Уаконо лишен возможности предстать перед советом, а его двойник предпочитает прятаться в кустах.

Положение было настолько забавным, что, несмотря на опасность, я едва не рассмеялся. Раздвинув ветки, я взглянул на лагерь.

Среди индейцев произошло некоторое замешательство: выражаясь по-военному, «Уаконо внесен в рапорт как отсутствующий». Члены совета, однако, по-прежнему сидели неподвижно, ничем не выдавая своего волнения, но молодежь шумела и в беспокойстве сновала по лагерю.

В критическую минуту из палатки вышел какой-то старик почтенной наружности. Лицо у него было все в морщинах, а волосы белы, как снег. Я удивился. Седой индеец — все равно, что белая ворона. Даже у дряхлых стариков волосы почти никогда не белеют.

В обращении старика чувствовалось, что он пользуется большим влияни-

ем на своих единоплеменников. Уаконо — сын вождя. Очевидно, старик — его отец.

Догадка оказалась правильной.

Седовласый индеец приблизился к костру и знаком приказал молчать.

Все повиновались. Разговоры умолкли. Воины насторожились.

Глава ХСVI КРАСНОРЕЧИЕ КОМАНЧЕЙ

— **Х**иетаны! — начал престарелый вождь. — Хиетаны, дети мои и братья! Я ваш вождь, но не склоняйте сердца в мою пользу только потому, что я старший среди вас. Уаконо — мой сын. Я жду от вас только справедливости. Да, я больше ни о чем не прошу. Уаконо — смелый воин. Кто не знает этого? Щит его украшен скальпами ненавистных бледнолицых, наводнивших наши земли. Бахрома на его одежде сделана из волос утахи, пауики, арамахо. Кто осмелится сказать, что мой сын Уаконо не смелый воин?

Толпа одобрительно загудела.

— Испанский Волк — тоже воин, смелый и достойный воин. Рука у него сильная, сердце непреклонное. Он скальпировал немало врагов хиетанов. Я чту его доблесть. Кто среди вас не согласен со мной?

Целый хор гортанных голосов. Совет и воины взволнованно кричали. По общему воодушевлению я понял, что симпатии команчей на стороне Хиссоо-Ройо, а не Уаконо.

Восторженные возгласы покоробили вождя. Когда шум утих, он продолжал свою речь, но уже в другом тоне. Он дал портрет Хиссоо-Ройо, сгустив и без того темные краски. В словах его сквозила враждебность.

— Итак, я уважаю Мексиканского Волка. Я чту его за то, что сердце у него каменное, а руки сильные. Слушайте меня, дети мои и братья Хиетаны! Все в природе двойственно: день сменяется ночью, лето — зимой, зеленая прерия — голой пустыней. Таков же язык Хиссоо-Ройо. Он раздвоен, как у гремучей змеи, и одна половина отличается от другой, как свет от тьмы. Не доверяйте ему!

Вождь замолчал. Очередь была за Мексиканским Волком.

Он не стал защищаться против обвинения вождя; язык, видимо, у него действительно был раздвоенный. Но все об этом давно знали, и популярность его не пошатнулась. Большим лгуном был Хиссоо-Ройо, настоящим бахвалом, раз он безропотно проглотил обиду.

Ренегат ничуть не возмутился: верно, он был согласен с вождем. Выступив на шаг вперед, он сказал:

— Если язык Хиссоо-Ройо раздвоенный, пусть совет не придает веры его словам. Вызовите свидетелей. Немало команчей подтвердят показание Хиссоо-Ройо.

— Сначала выслушаем Уаконо! Где Уаконо? Говори, Уаконо! — перебивая друг друга, закричали члены совета.

Ударив в тамтам, глашатай завопил во все горло:

— Уаконо! Уаконо! Уаконо!

— Братья! — заговорил вождь. — Помедлите с решением. Сына моего Уаконо нет в лагере. Он отправился к прежней стоянке по тропе войны и еще не

вернулся. Не знаю, что с ним, но за него не беспокоюсь. Уаконо — смелый воин и сумеет защититься. Отлучка его долго не продлится. Завтра он будет с нами. Вот почему я прошу отложить суд.

Команчи ответили на просьбу вождя неодобрительным ропотом. Сторонники ренегата брали верх над друзьями Уаконо.

Тогда Хиссоо-Ройо снова обратился к собранию.

— Эта безделица отняла у вас и так слишком много времени, Хиетаны! Дважды садилось солнце, а вопрос еще не разрешен. По нашим обычаям, нельзя бесконечно оттягивать решение совета. Пора распределить военную добычу. Свидетели подтвердят мое право на девушку и коня. Уаконо не может представить никаких доказательств в свою пользу, иначе он давно явился бы сюда. Ему стыдно с голыми руками предстать перед советом, вот почему он исчез в такой важный день...

— Уаконо не исчез, — крикнул кто-то из зрителей, теснившихся на заднем плане, — Уаконо вернулся в лагерь!

Слова эти произвели большое впечатление. Седовласый вождь удивился не меньше других.

— Кто говорит, что Уаконо вернулся? — громко спросил он.

Один из индейцев выступил вперед. Я узнал команча, остановившего меня на опушке.

— Уаконо в лагере! — повторил он. — Я видел юного вождя, разговаривал с ним.

— Когда же?

— Только что...

— Где ты его видел?

Товарищ моего двойника указал рукой на рошу.

— Он шел в ту сторону. Мы встретились на границе лагеря, и с тех пор я потерял его из виду.

Изумлению не было предела. Никто не понимал, отчего Уаконо, вернувшись в лагерь, скрылся и не отстаивает своих прав.

Отец Уаконо смутился. Он не пытался да и не мог объяснить странного поведения сына.

Несколько человек предложили разыскать пропавшего воина и привести его в лагерь.

Я не на шутку испугался. Меня немедленно схватят, потому что одежда Уаконо бросалась в глаза, и никто, кроме него, не носил ягуарового плаща. Искусный грим не спасет, а только ухудшит мое положение. Мнимого Уаконо потащат к костру, и обман обнаружится. Меня убьют, растерзают или, узнав о том, как мы обошлись с настоящим Уаконо, подвергнут мучительным пыткам.

Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове. Ответ Мексиканского Волка тотчас успокоил меня.

— К чему искать Уаконо? — сказал он. — Он знает свое имя. У него есть уши. Его громко звали, но он не пришел. Позовите еще раз, если хотите. Если он в лагере, он услышит зов.

Рассуждение было вполне логичным. Все согласились с Мексиканским Волком, и глашатай в четвертый раз вызвал юного вождя.

Выждали несколько минут. В лагере царила глубокая тишина. Все напря-

женно прислушивались.

— Что вы скажете? — торжествующе воскликнул ренегат. — Ведь я прав! Воины, я требую немедленного решения!

Команчи не сразу ответили ему. Все молчали: и совет, и зрители.

Наконец один из старейшин поднялся и, закурив священную трубку, затянулся и передал ее своему соседу слева. Когда трубка, обойдя весь круг, вернулась к первому индейцу, он отложил ее в сторону и вполголоса, чтобы не слышали воины, произнес несколько слов. Началось совещание. Каждый член совета высказал по очереди свое мнение, а затем старшина огласил приговор.

Он был неожиданным и достаточно нелепым. Не желая никого обидеть, совет принял половинчатое решение.

Лошадь присудили Уаконо, а девушку — Мексиканскому Волку.

Глава ХСVII МЕКСИКАНСКИЙ ВОЛК

Решение совета удовлетворило всех. Мексиканский Волк радостно оскалил зубы, но улыбка его была похожа на отвратительную гримасу. Он был доволен: ему оказали явное предпочтение.

Седовласый вождь просиял. Должно быть, коня он считал более ценным призом, чем женщину. Вряд ли Уаконо придерживался его точки зрения! Думаю, он пришел бы в отчаяние от мудрого приговора совета.

Хиссоо-Ройо завладел редкостным сокровищем. Он не скрывал своего восторга. С торжествующим видом направился он к пленнице.

Покончив с трудным делом, старейшины поднялись со своих мест. Одни разошлись, другие подсели к костру, и между ними завязался мирный разговор. Они смеялись, болтали, жестикулировали.

Все, казалось, совершенно забыли о недавних событиях, о суде, соперничестве, спорах...

Белого мустанга передали другу Уаконо, девушку Хиссоо-Ройо, и лагерь вернулся к обыденной жизни.

Быть может, кто-нибудь из юношей, разочарованный решением, бросал тревожные взгляды на прелестную пленницу. Не сомневаюсь, что многие завидовали ренегату, но они затаили свои чувства.

Мексиканского Волка и бледнолицую скво предоставили собственной судьбе.

С этой минуты я не спускал глаз с ренегата. Все мои мысли были заняты Волком и его жертвой.

Седовласый вождь удалился в палатку. Изолина осталась одна. Но я не успел выхватить охотничьего ножа, как к моей невесте подошел Хиссоо-Ройо.

Он обратился к ней по-испански, не желая, очевидно, чтобы его поняли команчи.

— Что скажешь, Изолина Варгас? Слыхала решение совета? Я знаю, ты понимаешь язык команчей: это твой родной язык!

Ренегат издевался над пленницей.

— Ты принадлежишь мне душой и телом. Ты слышишь?

— Слышу.

— Ты должна быть довольна. Я белый, как и ты. Я спас тебя от объятий

краснокожего. Ты довольна, Изолина Варгас?

— Да, я довольна.

Голос Изолины звучал твердо. Ее ответ поверг меня в недоумение.

— Это ложь! — вскричал ренегат. — Ты хитришь, лукавая сеньорита! Вчера еще ты пренебрегала мной. Ты презираешь меня!

— Я не имею права презирать вас: я ваша раба.

— Вот это правильно! Ты не смеешь презирать своего владыку и в чем-либо отказать ему. Твои чувства меня не интересуют. Люби меня или питай ненависть — твоя воля. Со временем, пожалуй, ты привяжешься ко мне. Но это твое дело, сеньорита! А пока что ты моя душой и телом, и я наслажусь своей добычей...

Кровь кипела в моих жилах. Я судорожно сжимал рукоятку ножа, я собирался одним ударом покончить с негодяем и окровавленным лезвием разрезать путы пленницы.

Обстоятельства не благоприятствовали моему плану. Человек двадцать индейцев грелось у костра. Даже если мне удастся сразить ренегата, мы не успеем убежать с Изолиной.

Вопреки благоразумию, я готов был броситься на Хиссоо-Ройо, но следующая реплика удержала меня от безумного плана.

— Вставай! — обратился ренегат к Изолине. — Иди за мной, сеньорита! Здесь слишком много народу, а я хочу поболтать с тобой с глазу на глаз. В роще есть чудесные лужайки с высокой травой. Мы насладимся тишиной и уединением. Поторопись, подружка!

Несмотря на наглый тон Хиссоо-Ройо, я обрадовался его словам. Под сенью рощи, в тишине и уединении, о которых он мечтал, мне легче будет справиться с негодяем.

Я насторожился, прислушиваясь к ответу Изолины.

Она указала взглядом на свои ноги, перетянутые у щиколоток ремнями.

— Как же я последую за вами? — спросила она спокойно и с некоторым удивлением.

Только сейчас я понял ее миролюбие: она подготавливалась к бегству, рассчитывая на собственные силы.

— Ах, да! — пробормотал ренегат, вытаскивая из-за пояса нож. — Черт возьми! Я забыл, что ты связана. Но этому делу можно помочь...

Но внезапно он остановился, заподозрив пленницу в хитрости. После минутного колебания он взглянул ей в глаза и спрятал нож.

— Не следует доверять быстроногим ланям, — сказал он. — Но я не выпущу тебя. Приподнимись! Вот так! А теперь — в рощу!

С этими словами он нагнулся над Изолиной, обнял ее за талию и понес на руках.

Я видел все это, но не спустил курка. Сам не понимаю, как я сохранил хладнокровие. Дух мой закалился в испытаниях, и ни на секунду не терял я надежды.

Не шевелясь, следил я за Хиссоо-Ройо. Еще не время действовать.

Глава ХСVIII

РЕШИТЕЛЬНАЯ МИНУТА

Хиссоо-Ройо поднял пленницу и понес, что я говорю, потащил, поволок... Обнаженные, туго связанные ноги Изолины беспомощно свисали.

Он прошел мимо палатки и направился к роще.

Индейцы, заметив его маневр, с хохотом прокричали ему что-то вслед.

Под прикрытием кустов я прокрался вдоль опушки, чтобы перерезать путь негодяю.

Я опередил его и, спрятавшись за деревом, приготовился к встрече.

Задыхаясь под тяжестью ноши, Хиссоо-Ройо шел медленно. В десяти шагах от меня он остановился.

Отчего бы не расправиться с ним, не откладывая?

Но Хиссоо-Ройо, смелый Мексиканский Волк, двинулся дальше, прямо в мою сторону.

Приближалась решительная минута, но она наступила скорее, чем я думал. В трех шагах от меня Хиссоо-Ройо свалился на землю с диким воплем. Пленница упала рядом с ним.

Если бы не крик индейца, я подумал бы, что он попросту споткнулся. Но дело обстояло иначе.

На траве завязалась борьба. Одно мгновение — и девушка вскочила. В руках ее сверкнул нож. Она разрубила путы и побежала.

Я — вслед за ней, мимо ренегата. Он был легко ранен и уже опомнился от потрясения. Громко кричал он, призывая на помощь. Я мог покончить с ним, но не хотел терять ни секунды. У меня была одна мысль: как можно скорее догнать Изолину.

В лагере тем временем поднялась тревога. Полсотни команчей бросились к роще.

На бегу я заметил Белого мустанга. Какой-то индеец, обкрутив вокруг шеи коня лассо, привязывал его к кольшку.

Изолина мчалась к коню. Я понял ее намерение.

Через мгновение она схватила лассо. Индеец сопротивлялся. В воздухе мелькнуло окровавленное лезвие.

Команч отскочил в сторону, но все еще не выпускал лассо. Изолина перерезала его. Конец лассо остался в руках индейца. Изолина, вскочив на коня, уже неслась галопом.

Индеец схватил лук и колчан. Загудела тетива.

Я слышал свист стрелы. Мне показалось, что на попала в цель, но Белый мустанг не дрогнул.

На дороге валялось брошенное копьё. Я поднял его и вонзил в спину индейца, прежде чем он успел пустить вторую стрелу.

Захватив с собой копьё, я побежал дальше.

Вот уже лужайка, где пасутся мустанги. Часть была стреножена, другие скакали в траве. Испуганные сторожа таращили глаза, не понимая причины волнения. Белый мустанг благополучно миновал их.

Со всей силы гнался я за ним по пятам. За мной неслись индейцы, оглашая воздух диким криком.

— Уаконо! Уаконо! — вопили они, но я сильно опередил их.

— Уаконо! — восклицали конюхи, расступаясь передо мной.

Я не терял из виду Белого мустанга, но он был уже далеко. К моей радости, Изолина держала путь к зарослям юкки на холме.

По берегу ручья я добежал до крутого откоса и спрыгнул вниз, рассчитывая найти Моро.

Каково же было мое удивление, когда вместо Моро я увидел пятилетнего мустанга!

Я оглянулся: нигде не видно Моро!

Судите сами о моем раздражении и горе! Я ничего не понимал. Только товарищи мои могли произвести замену, но с какой целью?

Как объяснить их странный поступок? Но времени на размышления не было. Я вывел коня из воды и вскочил в седло.

Очутившись на уровне прерий, я заметил индейских всадников, преследовавших Изолину. Один из них значительно опередил других. Он приближался ко мне. При свете луны я узнал Хиссоо-Ройо.

— Раб! — злобно закричал он на языке команчей. — Это ты подстроил бегство пленницы! Негодяй! У тебя сердце жалкой скво! Но ты умрешь! Белая девушка принадлежит мне! Ты слышишь, Уаконо? Ты...

Он не закончил фразы.

По-прежнему я держал в руках копьё. Вот когда мне пригодился опыт, приобретенный во время службы в уланском полку. Послушный мустанг понес меня на врага.

Хиссоо-Ройо упал на землю, пронзенный копьем, а лошадь его шархнулась в сторону и без всадника поскакала в прерию.

Индейцы были уже в десяти ярдах от меня. Их было человек двадцать. Гибель неминуема.

Меня осенила блестящая мысль.

Я заметил, что меня принимают за Уаконо. Воины кричали мне вслед: «Уаконо!», сторожа мустангов окликали меня: «Уаконо!», «Уаконо!» — звали меня всадники, гнавшиеся за Изолиной.

Все говорило в пользу моего тождества с Уаконо: пятилетний мустанг, ягуровый плащ, перья на голове и белый крест на груди.

Остановив коня и подняв руку, я угрожающе закричал:

— Я — Уаконо! Смерть тому, кто последует за мной!

Не легко мне было составить эту фразу на языке команчей. Не ручаюсь, что выговор мой был безукоризненным. Однако меня поняли, быть может, благодаря выразительной жестикуляции.

Во всяком случае, команчи в смущении остановились.

Круто повернул я коня и поскакал галопом.

Глава ХСІХ

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ

Белый мустанг скакал сравнительно медленно. При свете луны я и на большем расстоянии заметил бы его. По моим расчетам, он должен был опередить на большее расстояние. Но в конце концов убийство Хиссоо-Ройо и беседа с команчами заняли не больше двух минут, а за это время он не мог скрыться из виду.

Изолина скакала к подножию холма.

Я пустил индейского коня во всю прыть. Нож заменял мне шпоры и хлыст. Копье не стесняло больше моих движений, оно осталось в теле Хиссоо-Ройо.

Взгляд мой был устремлен на Белого мустанга. Он несся к роце, окаймлявшей подошву холма. Изолина находилась уже недалеко от излучины, откуда я начал свое путешествие по руслу ручья. Вскоре беглянка скроется в зарослях.

Внезапно она повернула налево, в голую прерию. Маневр Изолины удивил меня. По-моему, ей следовало скрыться в чаще.

Не пытаясь даже объяснить ее поступка, я поскакал по диагонали. К великой досаде моей, индейский мустанг не отличался резвостью. Нельзя было даже сравнить его с моим драгоценным Моро.

Белый мустанг оставил далеко позади себя холм. Я не только не нагнал его, но расстояние между нами увеличивалось с каждой минутой.

Но тут я заметил всадника в темноте, который скакал мне наперерез. Он несся с необычайной быстротой вдоль зарослей у подошвы холма. Издали услышал я хруст ветвей.

Внезапно узнал я своего Моро, а в седле — худощавую фигуру траппера.

Мы встретились на границе зарослей.

Не говоря ни слова, мы обменялись лошадьми.

Какая радость, что опять я шпорю крутые бока Моро!

— Скачите, как сто тысяч дьяволов! — крикнул мне вслед Рубби. — Ловите свою любезную сеньориту! А мы отправимся по вашим следам. Видно, все обойдется благополучно! Скорее! Не теряйте времени!

Я не нуждался в понуканиях Рубби: Моро летел как ветер, и слова траппера замерли в воздухе.

Только сейчас я понял, зачем произвели подмену лошадей. То была остроумная уловка траппера. Расчет его оправдался: верхом на пятнистом мустанге я блестяще довел до конца свою роль индейца. Но какое счастье, что мне вернули Моро!

В третий раз соперничали в беге два благородных скакуна — вороной и белый.

Белый степной скакун сильно опередил меня. Если бы не яркая луна, я, наверное, потерял бы его из виду. Но мы скакали по открытой прерии, под звездным шатром неба. Как на маяк держал я курс на белоснежного мустанга.

Вскоре я убедился, что Моро выигрывает расстояние. На этот раз Белый мустанг не развивал полной быстроты, на которую был способен.

О, если б всадница знала, кто гонится за ней! Если бы она могла услышать мой зов! Но я был слишком далеко...

Молча скакал я вперед. Я приближался к своей цели. Расстояние быстро таяло, если только меня не обманывал неверный свет луны.

Мне казалось, что Белый мустанг с самого начала скачки идет тяжелым аллюром.

Мне казалось? Нет, я это знал.

Три сотни ярдов разделяют нас.

Изолина услышит меня, узнает мой голос...

Я громко звал мою невесту, кричал ей, что я Уорфильд, но не получал ответа.

Внезапно Белый мустанг пошатнулся и тяжело рухнул вместе с всадницей.

Я не сдержал Моро и подлетел прямо к распростертой на земле Изолине.

Спешившись, я увидел, что Изолина уже высвободилась из-под лошади.

Девушка отпрянула от меня и замахнулась ножом.

— Не подходи ко мне, негодяй! — воскликнула она по-команчски.

— Изолина! Я...

— Генри! Генри!

И она бросилась в мои объятия.

Взмыленный Моро раздувал точеные ноздри и грыз уздечку.

У наших ног лежал Белый мустанг. Отравленная стрела индейца ранила его. Древко торчало в боку скакуна. Глаза его были открыты, но взгляд стеклянный. Кровь еще струилась из ноздрей, но тонкие ноги были неподвижны.

Вдали показались всадники. Я издали узнал своих рейнджеров. Они приблизились галопом и глядели нас с высоты своих седел.

Индейцы оставили нас, очевидно, в покое. Но мы не были гарантированы, что они не снарядят погоню по следам братоубийцы — Уаконо.

Бросив прощальный взгляд на павшего мустанга, мы прищипорили своих коней.

Только перед рассветом сделали мы в кустарнике привал, но предварительно подожгли прерию, чтобы уничтожить свои следы.

Расположились мы в зарослях акации. Утомленные рейнджеры прикорнули на траве и вскоре уснули.

Один я не спал. Изолина задремала, положив голову мне на колени. Вместо подушки я подстелил шкуру ягуара.

Густая коса соскользнула вниз. Я увидел...

Матадор — чудовищный мясник — пощадил красавицу, а может, от него удалось откупиться: шрама нет! Только на ухе ранка: это вырвали во время грабежа серьги из ушей Изолины. Вот почему Чипрео заметил кровь.

Последняя ночевка в прерии.

К вечеру следующего дня мы переправились через Рио-Гранде, где стоял американский штаб. Поручив свою невесту покровительству военных властей, я вернулся к рейнджерам.

Что же касается команчей, я больше с ними не сталкивался. Лишь впоследствии узнали мы о горькой судьбе одного из команчских воинов.

Несчастный Уаконо! Что может быть кошмарнее его жребия!

Много говорили в войсках о мертвом индейском воине, которого нашли привязанным к дереву.

Уаконо погиб бесславной смертью.

Я почувствовал угрызение совести.

Гибель Уаконо — одно из самых тяжелых воспоминаний в моей жизни.

Фабульная композиция рассказа требует, чтобы в виде развязки было сообщено о смерти Ихурры. Мало того, Ихурра должен умереть от руки Холлингсворта.

К моему удовольствию, так и произошло в действительности: лейтенант отомстил за своего брата.

После страшной ночной резни, о которой говорилось выше, Холлингсворт приобрел союзника в лице Уитлея, тоже жаждавшего мести.

Оба лейтенанта с горсточкой смельчаков бросились в погоню за гверильясами. Проводником их был Педро. Преследуя гверилью, они глубоко врезались в тыл противника.

Подобно гончим, днем и ночью бежали они по следам, пока не накрыли гверильясов в их логове.

Завязалась жестокая рукопашная схватка. Рейнджеры победили отчаянно сопротивлявшихся партизан.

Холлингсворт убил Ихурру, а рыжий бандит Эль-Зорро пал от руки тexasского лейтенанта, достойно отплатившего за бедную Кончитту.

Но кровавая месть не утешила моих лейтенантов. Всю жизнь хранили они воспоминания о своих потерях.

Экспедиция рейнджеров принесла и другие плоды. В штабе мексиканской гверильи они нашли множество пленных, в том числе дона Рамона де Варгаса.

Почтенного джентльмена привезли в американский лагерь, где он встретил свою дочь и будущего зятя, вернувшихся из большого путешествия по великой прерии.

ВОЖДЬ ГВЕРИЛЬЯСОВ

роман

Глава I

СЕРРО-ГОРДО

— **В**оды! Хоть каплю воды!
Я услышал эти слова, лежа в палатке, разбитой на Серро-Гордо.

Это было в ближайшую ночь после битвы при Серро-Гордо, происшедшей между американской и мексиканской армиями в апреле 1847 года.

Преследуемая нашими войсками главная масса неприятелей отступила на дорогу, ведущую в Халапу. Но многие мексиканцы спустились по почти отвесным скалам, возвышающимся над Рио-дель-Планом, и, благополучно избежав погони, притаились в диких ущельях Перотэ.

Среди этих-то отважных беглецов, или, вернее, во главе их, находился сам «железный вождь». Он руководил отступлением. Такова была его излюбленная тактика после проигранных битв.

Если бы не малодушие полковника, которому я и мои солдаты обязаны были повиновением, Санта-Анна сделался бы в тот день моим пленником. Из всех американцев, участвовавших в битве при Серро-Гордо, я один видел, как вождь Мексики покинул поле сражения. Я видел также, в какую сторону он направился. При таких условиях мне ничего не стоило перерезать ему путь и захватить его.

Строго говоря, я не участвовал в битве при Серро-Гордо. Щеголеватый полковник, в распоряжении которого я состоял, откомандировал меня к батарее горных гаубиц, установленных на вершине скалы, обрывающейся над Рио-дель-Планом. Пункт этот находился вне поля сражения и был расположен против вражеской батареи, стоявшей на такой же высокой горе по другую сто-

рону реки.

С раннего утра до того момента, как мексиканцы обратились в бегство, мы не прекращали огня. Но расстояние между нами было огромное, и эти выстрелы их мало беспокоили, до тех пор, по крайней мере, пока на их батарею не упали со свистом ракеты, удачно пущенные нашим артиллеристом Рипли, дослужившимся впоследствии до чина генерала.

Что касается нас и нашей батареи, то, признаться, мы чувствовали себя в полной безопасности. Нападение врага представлялось нам не более вероятным, чем возможность быть сметенными со скалы хвостом какой-нибудь кометы. На нашем берегу не было ни одного мексиканского солдата, а чтобы добраться до нас с того берега, враги должны были бы или прибегнуть к помощи воздушных шаров, или сделать обход приблизительно миль в двенадцать.

Для большего спокойствия педант полковник все время держался вблизи нашей маленькой батареи: с этой позиции он не сдвинулся бы ни на шаг даже ради того, чтобы взять в плен всю мексиканскую армию.

Волноваться мне было нечего. Многочисленные лазутчики единогласно уверяли, что батарею не грозит ни малейшей опасности. Проклиная судьбу, забросившую меня на скалу, расположенную так далеко от того участка земли, где произрастали лавры, пожинаяемые не мною, а другими, я перестал обращать какое-либо внимание на Рипли и его гаубицы, взобрался на самую вершину скалы и сел на камень.

На скалистом обрыве росла прямая, крепкая юкка. Огромная шапка остроконечных листьев, пышно разросшихся над ее сморщенным стволом, бросала густую тень на траву, зеленевшую на самом краю пропасти.

Если бы мне не случилось бродить по Андам, я, по всей вероятности, не рискнул бы искать прохлады под тенью этого дерева. Но горы, как бы высоки и круты они ни были, давно уже перестали вызывать во мне головокружение. Думая только о том, чтобы избежать лучей тропического солнца, поднимавшегося к зениту, я двинулся вперед, обхватил руками ствол юкки, спустил ноги вниз, достал из кармана гаванскую сигару, закурил и принялся наблюдать за битвой, разыгравшейся на противоположном берегу реки.

Благоразумный путешественник, следящий за охотой на тигров из окна второго этажа, или зритель, любующийся боем быков с верхнего яруса, не могли бы чувствовать себя в большей безопасности. На мою долю выпало редкое счастье смотреть на битву с высоты птичьего полета, ничем при этом не рискуя.

Я видел атаку регулярной дивизии Ворта, подкрепленной эскадронами Гарнея, бригаду Туигса, этого седовласого болтуна, получившего прозвище Предатель Техаса, я видел тесно сплоченные ряды превосходно вооруженных драгун, проскакавших вперед на своих светло-серых конях под предводительством Филиппа Кирнея, образцового джентльмена, лучшего кавалерийского офицера в Америке, отважного, гордого Кирнея, лишившегося на моих глазах правой руки в битве при Сан-Антонио-де-Абад, несчастного Филиппа Кирнея, сделавшегося впоследствии жертвою междоусобной войны, или, вернее, нелепой политики МакКлеллана, этого твердолобого притворщика, невежественная и глупая «стратегия» которого до сих пор еще продолжает слыть гениальной.

Я видел, как полки регулярных солдат и добровольцев, пешие и конные,

один за другим выступали вперед. Я видел, как они приближались к холму Эль-Телеграфо. Я видел, что они двигались все быстрее и быстрее и, наконец, получив соответствующий приказ, стремглав бросились в атаку.

Я отчетливо слышал сигнал к наступлению и громкие крики, раздавшиеся ему в ответ. Я видел дым, внезапно покрывший серовато-пурпурными клубами подножие холма; эти клубы образовали как бы цепь, отдельные звенья которой быстро слились между собой. Над вершиной холма стоял дым от выстрелов противника. По мере того как мексиканцы в синих плащах отступали вниз по склону, этот дым становился все бледнее и бледнее.

Постепенно клубы его превратились в легкое прозрачное облачко. Еще одно мгновение виднелось за этой воздушной завесой трехцветное мексиканское знамя. Потом флажок склонился к земле, словно опущенный чьей-то невидимой рукой, и тотчас же поднялся снова. Колеблемое ветром звездное знамя возвестило об окончании битвы при Серро-Гордо.

Глава II

БЕГСТВО САНТА-АННЫ

Подобно ряду белых муравьев, спускающихся по крутому «склону» муравейника, вытянутой линией ползли по противоположной скале какие-то живые существа. На расстоянии мили с небольшим они казались такими же крохотными, как термиты. Как термиты, они отличались грязно-беловатой окраской. Тем не менее я знал, что передо мною люди. Это были солдаты мексиканской инфантерии, одетые в дешевые холщовые куртки.

С первого же взгляда мне стало ясно, что я вижу беглецов, покинувших поле сражения. Им все равно было, куда идти. Они хотели во что бы то ни стало ускользнуть от торжествующего противника.

Двигающаяся линия не вытягивалась прямо по отвесной скале, но образовывала на ней ряд зигзагов. Я готов был поручиться, что зигзаги эти соответствуют какой-нибудь тропинке.

Внизу, почти у самого берега реки, виднелась группа людей в темных мундирах. Издали они казались черными. На этом черном фоне ярко выделялись какие-то блестящие точки — золотые или вызолоченные пуговицы, эполеты, стальные ножны сабель и галуны.

Роскошь, с которой были одеты эти люди, не оставляла места сомнениям. Я понял, что они принадлежат к командному составу. В качестве офицеров они руководили отступлением и шли впереди своих солдат.

Поспешно вынув из футляра бинокль, я стал всматриваться в противоположный берег. Внимание мое было устремлено на темную голову громадной гусеницы, довольно быстро сползавшей по каменистому склону.

С помощью бинокля я отчетливо разглядел людей, шедших во главе беглецов. К одному из них все обращались с особенным почтением. В нем не трудно было угадать мексиканского Цезаря. Спускаясь по крутой тропинке и переступая с камня на камень, он сильно прихрамывал. Эта хромота выдавала его с головой. Ей он был обязан прозвищем Эль-Койо.

В глубине ущелья стоял оседланный мул. Спустившись вниз, Санта-Анна подошел к нему. Я видел, как он вскочил в седло; его подчиненные усердно помогали ему. Я видел, как он поехал дальше, сопровождаемый беспорядоч-

ной толпой. Совершив трудный спуск, наши враги добрались до спасительного ущелья.

Я тщательно осмотрел долину реки. Высокие крутые скалы обступали ее со всех сторон. Но на том берегу, где мы установили нашу батарею, на расстоянии приблизительно мили от моего наблюдательного пункта, темнел густой лесок, напомнивший мне о существовании боковой лощины, ведущей по направлению к Оризаве. Отступающие полки Санта-Анны должны были или устремиться к этой лощине, предварительно переправившись через реку, или же повернуть назад, рискуя снова встретиться с неприятелем.

Не медля ни минуты, вернулся я к нашей батарее и доложил обо всем, что мне довелось увидеть. Будь наш полковник человеком другого закала, я сделал бы из него генерала и героя.

— Мой план чрезвычайно прост, полковник. Мы должны перерезать дорогу. Посмотрите-ка туда! Видите черную полоску? Это лес. Мы можем подойти к опушке раньше них.

— Вздор, капитан! Нам приказано защищать батарею. Мы не имеем права отлучаться отсюда.

— Отпустите со мной одну только роту!

— Нет. Я не отпущу с вами ни одного человека.

— Дайте мне пятьдесят солдат!

— Не могу.

— Ну, хоть двадцать! Не пройдет и часа, как я приведу к вам Санта-Анну!

— Это невозможно! У него масса людей. Я буду почитать себя счастливым, если они не вздумают повернуть в нашу сторону. Нас только триста. Их же больше тысячи.

— Вы отказываетесь дать мне двадцать человек?

— Я не дам вам ни одного человека. Нам могут понадобиться все наши солдаты. И я допускаю, что даже всех их окажется мало.

— В таком случае я пойду один.

Этот чересчур благоразумный дурак стал на пути между мною и славой. А она казалась мне в этот момент такой доступной!

Я настолько потерял душевное равновесие, что готов был тотчас же пуститься со скалы и броситься очертя голову прямо в толпу бегущих врагов.

Я отошел от батареи и, повернувшись спиной к моему непосредственному начальнику, медленно зашагал по краю скалы. Остановился я только тогда, когда передо мной открылось боковое ущелье, являвшееся естественным выходом из речной долины. Спрятавшись за густыми кустами, я увидел, как по лесу проехал на своем муле разбитый мексиканский вождь. К сожалению, расстояние между нами было довольно значительным и убить его выстрелом из винтовки не представлялось возможным. За ним следовало около тысячи человек. Глядя на них, я окончательно убедился в том, что мои смелые замыслы были вполне осуществимы и что с помощью нескольких десятков решительных людей мне удалось бы захватить их в плен.

Судьба отказала мне в этом торжестве. Единственный подвиг, совершенный мною в сражении при Серро-Гордо, заключался в том, что я назвал моего полковника трусом. За это меня, конечно, привлекли к ответственности. Однако перед началом следующего сражения мне снова позволили исполнить мои обычные обязанности. По всей вероятности, начальство решило, что я

принесу больше пользы на поле битвы, чем в тюрьме, в которую не преминул бы отправить меня военный суд.

Вот какого рода мысли роились в моей голове, в то время как я лежал в одной из палаток, разбитых на поле Серро-Гордо в ночь после сражения.

— Воды! Хоть каплю воды!

Вторично достигнув моего слуха, этот голос прервал нить моих размышлений.

Но не один только звук этих слов нарушил тишину спокойной тропической ночи. Со всех сторон раздавались более или менее отчетливые голоса, звучавшие так же жалобно, проникнутые таким же отчаянием.

Я слышал предсмертные стоны, глухой шепот, проклятия. Раненые бойцы напрягали последние силы для борьбы со смертью и тщетно взывали о помощи: никто не отвечал на их мольбы.

В эту ночь на поле Серро-Гордо не мало людей было вычеркнуто из списка живых. Много храбрецов уснуло с незакрытыми глазами сном, за которым никогда уже не наступает пробуждение.

Когда нас отозвали от батареи, над Серро-Гордо уже спустились сумерки. При тусклом их свете я обошел раненых, находившихся поблизости от моего поста.

Но отыскать всех мне не удалось, так как поле битвы было, в сущности, не полем, а лесом или, скорее, кустарником. Я не сомневался, что многие остались мною не замеченными.

С помощью нескольких десятков людей — солдат моей роты — я сделал все, что мог, для облегчения участи несчастных страдальцев. Они были нашими противниками, но ни я, ни мои спутники не испытывали к ним ни малейшей злобы. Утром эти люди действительно были нашими врагами. Но с заходом солнца вражда исчезла, уступив место состраданию.

Повинуясь голосу простого человеколюбия, я переходил от одного раненого к другому и перевязывал раны, из которых многие были смертельными. Наконец усталость взяла свое: ноги отказывались дольше повиноваться мне, я шатался от слабости. Меня отвели в палатку, где я должен был провести ночь.

После глубокого сна, продолжавшегося приблизительно до середины ночи, я внезапно проснулся. Воспоминания об истекшем дне тотчас же обступили меня. Вот тут-то я и услышал впервые голос, молящий о воде.

Я слышал также другие, более далекие голоса, душераздирающие стоны, заунывный лай койотов и страшное завывание мексиканских волков. В этом ужасном хоре человеческие голоса звучали как-то особенно жалобно и злоеще.

— Воды! Хоть каплю воды!

В третий раз услышал я эту печальную мольбу. Признаться, она несколько изумила меня. Мне помнилось, что я поставил по кружке с водой около каждого раненого, лежавшего вблизи моей палатки. Неужели же один из них остался без воды?

Может быть, он уже выпил свою порцию и снова томится жаждой? Так или иначе, страдальческий тон, которым бедняга повторял свою просьбу, красноречиво свидетельствовал о том, что муки его нестерпимы.

Я подождал еще немного. Печальный зов повторился в четвертый раз. И я снова услышал его.

На этот раз я прислушался к нему с большим вниманием и уловил некоторый провинциализм в произношении, изобличавший в незнакомце крестьянина. И не только крестьянина вообще, но обитателя определенной местности.

В тех нескольких простых фразах, которые он повторял, гласные звуки скрадывались и звучали невнятно. По этой характерной особенности я узнал в раненом мексиканце уроженца побережья Вера-Круц и Тиерры-Калиенте. Жители этой местности известны под названием «харочо».

Страдалец лежал, по-видимому, довольно близко от моей палатки. Нас разделяли какие-нибудь сто — двести шагов.

Я не мог больше слушать равнодушно его печальную мольбу.

Вскочив с катре, походной кровати, стоявшей у меня в палатке, я ощупью отыскал кружку, захватил с собой фляжку с виски, распахнул полог палатки, вышел на свежий воздух и направился к тому месту, где, по моим предположениям, лежал человек, так настойчиво умолявший о помощи.!

Глава III СТРАШНАЯ УГРОЗА

Палатка, из которой я вышел, стояла посреди небольшой поляны. В десяти шагах от нее начинался чапараль, то есть густой колючий кустарник, состоящий из акации, кактусов, агав, юкк и копайских деревьев, перемешанных и сплетенных между собой лианами, а также ветвями смилакса, сассапарили, ялапы и вьющейся бромелии. Тут не было тропинок, за исключением тех, которые протоптали дикие звери: робкий мексиканский мазама и его известный враг — коварный койот.

Одной из этих тропинок я и решил довериться. Извилины ее не замедлили сбить меня с толку. Несмотря на то что на безоблачном небе ярко сияла луна, я ухитрился заблудиться и скоро окончательно перестал понимать, где находится моя палатка и в какую сторону мне следует идти.

Перед глазами моими не было никакого предмета, который мог бы служить мне путеводной звездой. Я остановился, выжидая каких-нибудь звуков.

Несколько секунд царило глубокое молчание, не прерываемое даже стонами раненых. Многие из них, по всей вероятности, уже замолкли навеки. Отвратительного завывания волков тоже не было слышно. Я объяснил это себе тем, что голодные звери заняты пожиранием мертвых.

Эта тишина производила более тягостное впечатление, чем печальные звуки, предшествовавшие ей. Я почти желал снова услышать стоны и крики.

Но ужасное молчание продолжалось недолго. Его нарушил уже знакомый мне голос. На этот раз, однако, он произнес совсем другие слова:

— Я умираю, Лола... Лолита! Я никогда не увижу тебя больше, никогда!

— Никогда! — быстро повторил кто-то совершенно другим тоном.

Принять это повторение за эхо было невозможно.

— Да, никогда! — продолжал второй незнакомец, говоривший на том же наречии, что и первый. — Никогда больше не видать вам Лолы, Калрос Вергара! Вы помешали мне сделаться ее мужем! Вы настроили ее против меня...

— Ах, это вы, Райас! Что привело вас сюда? Неужели вы пришли, чтобы мучить умирающего?

— О нет, я пришел не для этого. Мне хотелось убедиться собственными глазами, что вы действительно умираете. Виценте Вилагос, которому удалось спасти свою шкуру, сообщил мне, что вас угостили хорошей порцией свинца. Я пришел сюда, чтобы проверить его слова. Он говорил, будто ваша рана смертельна.

— О! Неужели, Рамон Райас, это единственная цель вашего появления?

— Нет, у меня есть и другая цель. Иначе я не рискнул бы бродить вокруг лагеря этих проклятых американцев. Ведь им может прийти в голову пустить пулю и в меня.

— Какая же у вас цель?.. Что вам надо от меня? Я тяжело ранен. По всей вероятности, часы мои сочтены.

— Во-первых, как я сказал вам, мне надо убедиться в том, сочтены ли, действительно, ваши часы. А во-вторых, пока вы еще не умерли, я хочу узнать, что вы сделали с Лолой.

— Ну, нет! Умру или останусь в живых — этого вы от меня никогда не узнаете. Уходите, умоляю вас, уходите! Не тревожьте умирающего в его последние минуты.

— Ах, Калрос Вергара, будьте благоразумны! вспомните, мы росли вместе! Нас секли в одной школе. Ваша песенка спета. Вы не можете больше охранять Лолу. Зачем же мешать мне? Ведь я люблю ее больше жизни. Я вовсе не такой дурной человек, как говорят. Правда, меня обвиняют в пристрастии к большой дороге, но в этом виновато наше скверное правительство. Будьте благоразумны, не делайте напоследок глупостей и не оставляйте Лолу без защитника. Скажите, куда вы ее спрятали?..

— Нет, нет!.. Уходите, Райас... Уходите! Если мне действительно суждено умереть... Пощадите меня! Дайте умереть спокойно.

— Вы не ответите на мой вопрос?

— Нет!.. Нет!..

— Хорошо же. Я обойдусь без Вас. Убирайтесь к дьяволу! Берегите свою тайну! Если только Лола находится где-нибудь в пределах Мексики, я отыщу ее. Она не уйдет от разбойника Райаса.

Услышав, как затрещали кусты, я решил, что второй незнакомец удалился.

Вдруг снова стало тихо, И почти тотчас же до моего слуха опять стали доноситься жестокие слова.

— Карамба! — воскликнул тот, кого звали Рамоном Райасом. — Я чуть не забыл самого главного. Ведь я пришел, чтобы убедиться, смертельно ли вы ранены. Дайте-ка мне посмотреть, правду ли сказал этот плут Вилагос... Где ваша рана?

Ответа не было. По некоторым признакам я понял, однако, что мучитель подошел к распростертому на земле человеку и, нагнувшись, стал рассматривать его рану.

Сделав несколько поспешных шагов к тому месту, где лежал несчастный, я круто остановился. До меня снова донесся голос Райаса.

— Черт возьми! — воскликнул он тоном, в котором одновременно звучали и удивление и разочарование. — Рана-то у вас, оказывается, вовсе не смертельная. Вот так история! Вы можете выздороветь, если...

— Вы полагаете, что я могу выздороветь? — взволнованно спросил раненый, цепляясь за надежду, поданную ему врагом.

— Да, вы можете выздороветь. Я в этом уверен. Пуля прошла поверх бедра. Но это пустяки, Крупная артерия даже не задета. Будь она затронута, вы давно бы истекли кровью. Кость тоже цела. Иначе вы не могли бы пошевелинуть ногой. Я уверен, что вы выздоровеете. Выздоровеете, если...

Наступило молчание. Райас как будто не решался докончить фразу. Особая выразительность, с которой он сделал ударение на слове «если», свидетельствовала о том, что пауза сделана им умышленно.

— Если что, Райас?

В голосе раненого, задавшего этот вопрос, надежда боролась с сомнением.

— Если... — медленно и веско ответил Райас, — если вы скажете, где спрятана Долорес.

— Какое влияние может это иметь на мое выздоровление? — дрожащим голосом спросил Вергара. — Если мне суждено умереть, ничто уже не спасет меня. Если же судьба поможет мне пережить этот печальный день...

— Нет! — твердым, громким голосом перебил его Райас. — Нет! Вы умрете... сейчас... сию минуту... если не откроете тайны, которая так дорога вам. Где Долорес?

— Я не скажу вам этого. Лучше умереть, чем допустить, чтобы она попала в руки такого бессовестного негодяя. После подобной угрозы... Нет, ни за что!

— Умри же! Счастливого пути в преисподнюю! Умри, Кал-рос Вергара!..

В продолжение последней части этого необычайного диалога я медленно прокрадывался по извилистым тропинкам кустарника. Голоса собеседников доносились до меня с каждой минутой отчетливее. Как раз в тот миг, когда прозвучало роковое: «Умри же!», я увидел и негодяя, с уст которого сорвалась эта угроза, и страдальца, к которому она была обращена.

Оба они находились на противоположной стороне небольшой поляны, внезапно открывшейся передо мною. Калрос Вергара неподвижно лежал на траве. Райас наклонился над ним: в занесенной правой руке его блистал длинный клинок. Увидев это, я вынул из ножен мою саблю и бросился вперед, но почти тотчас же остановился, При взгляде на расстояние, отделявшее меня от Вергары, мне стало ясно, что я не успею вовремя добежать до него.

С быстротою молнии я бросил саблю на землю и выхватил пистолет.

Взвести курок, прицелиться и выстрелить было делом одного мгновения. Раздался выстрел, сверкнул огонь, поднялось облако дыма, прозвучал крик бешенства и боли... В ту же минуту на противоположной стороне поляны послышался громкий треск ломаемых сучьев. Кто-то пробирался сквозь густой кустарник, не дав себе даже труда отыскать тропинку, с единственной мыслью убежать как можно дальше от неподвижной фигуры, по-прежнему распростертой на траве.

Имя раненого уже было мне известно. Его звали Карлос, или, говоря языком его земляков, Калрос. Человек, с трудом прокладывавший путь сквозь кустарник, был не кто иной как Райас, только что грозивший ему смертью.

Успел ли злодей привести в исполнение свое намерение? В тот момент, когда я выхватил из-за пояса пистолет, клинок его сабли блеснул как-то особенно ярко, Успел ли он нанести удар? Я не видел этого, но, разумеется, это было весьма вероятно.

С замирающим от страха сердцем бросился я бежать по маленькой поляне. Да, сердце мое сильно билось, Почему-то — я сам не мог бы объяснить поче-

му — во мне пробудилась горячая симпатия к Калросу Вергаре.

Может быть, причиной этому послужили неясные, мрачные, но выразительные слова, подслушанные мною: «Я умираю... Лола! Лолита!.. Я никогда больше не увижу тебя на этом свете!..» Невольное восхищение вызвал во мне этот благородный человек, предпочитавший умереть, чем выдать тайну, от которой зависело благополучие его возлюбленной Долорес.

Я не думал больше о злодее Райасе, скрывшемся в кустарнике. Все мое внимание устремилось на юношу, сделавшегося или чуть не сделавшегося жертвой негодяя. Я горел нетерпением узнать, жив ли он, помешал ли мой выстрел Райасу осуществить преступное намерение.

Стремительно перебежав небольшую поляну, я остановился возле распростертого на земле мексиканца и наклонился над ним. Рука моя все еще сжимала пистолет, и палец лежал на курке, как в то мгновение, когда я выстрелил.

— Вы живы? — спросил я на мексиканско-испанском наречии, которым владел с грехом пополам. — Он не успел?..

— Убей меня, злодей! Пронзи мне сердце, если хочешь... О, Долорес!.. Лучше мне умереть... лучше тебе быть в могиле, чем в объятиях Рамона Райаса! Ах, какая мука... Какая нестерпимая мука! Я умираю! Я умираю!.. Прощай, Лола! Лолита... До... ро... гая...

Постепенно голос Калроса опустился до шепота и произносимые им слова сделались так невнятные, что, даже приложив ухо к самым его губам, я ничего не мог разобрать.

Вскоре он и совсем замолчал. Я поднял голову и внимательно посмотрел в лицо Калроса Вергары. Губы его больше не шевелились. Открытые глаза, блестящие при лунном свете, казалось, уже ничего не видели. Несчастный больше не принимал меня за своего врага. По-видимому, он был мертв.

Глава IV ДИВНЫЙ ГОЛОС

Несколько минут я неподвижно стоял перед бездыханным телом. Это было тело красивого, совсем еще молодого человека. Он лежал на спине. Луна ярко освещала его необыкновенно привлекательное лицо. Несмотря на мертвенную бледность, оно сияло тонкой и мужественной красотой. Правильные черты, смуглая кожа, нежные, гладкие щеки, темный пушок, отчетливо выступавший над верхней губой, большие прекрасные глаза, лоб, обрамленный блестящими черными кудрями, спускавшимися на крепкие плечи, — все это невольно приковывало внимание. Сложен Калрос был безупречно. Полувоенный, полукрестьянский костюм его, лишний раз доказывавший мне, что он действительно харочо, сидел на нем превосходно. Догадавшись о принадлежности юноши к этому племени по его своеобразному говору, я несколько не был удивлен при виде роскошно вышитой рубашки из тончайшего полотна, запахнутой на его груди, широкого пояса из китайского шелка, обвивавшегося вокруг стройного стана, бархатных штанов, украшенных множеством блестящих пуговиц и сапог со шпорами, очевидно, серебряными.

Меня ничуть не удивила нарядность этого костюма. Так одеваются все мексиканские крестьяне. Некоторые части одежды юноши — шляпа из пальмовой соломы и клетчатый платок, лежавшие около него, — указывали на то, что покойный принадлежал к числу обитателей побережья, известных под названием «харочо».

Окинув беглым взглядом фигуру Калроса, я снова склонился над ним, чтобы осмотреть рану, нанесенную ему разбойником. Я думал, что эта рана была причиной смерти молодого харочо.

Однако, к немалому моему изумлению, свежей раны на теле юноши не оказалось. Сквозь разорванные бархатные штаны виднелось темное пятно засохшей крови на левом бедре. Но это была, несомненно, кровь от раны, полученной в сражении.

Где же рана, которую ему нанес саблей Райас? Я отчетливо видел пятно только что пролитой крови. Сомнениям тут места не было. Кровь адела на белой полотняной рубашке, темные пятна ее виднелись и на складках груди и на рукавах, даже на бледных щеках мертвого юноши застыло несколько красных брызг.

Откуда же взялась эта кровь? Я терялся в догадках. На теле харочо не было ни одной свежей раны, ни одной свежей царапины.

Может быть, разбойник не успел исполнить свое жестокое намерение? Может быть, смерть его жертвы была вызвана раной, полученной в бою? Может быть, страшная угроза Райаса только сократила уже начинавшуюся агонию?

В то время как различные предположения проносились в моей голове, я заметил какой-то блестящий предмет, валявшийся в траве. Сделав несколько шагов, я поспешил поднять его. Это было мачете, оружие, представляющее собою нечто среднее между саблей и охотничьим ножом. Такие мачете можно увидеть в каждом мексиканском доме и за поясом у каждого мексиканского кабальеро.

Принадлежало ли мачете мертвому юноше? Или я только что видел его

сверкающий клинок в руках сальтеадора?

Подняв мачете с земли, я внимательно осмотрел его. Клинок ярко блестел. На светлой поверхности его не было ни единого пятнышка.

Вертя в руках изящную роговую рукоятку, я почувствовал, что мои пальцы становятся влажными. Что это? Может быть, роса, покрывавшая траву, на которой лежало мачете?

Нет! При свете луны, падавшем на меня, я разглядел нечто гораздо более темное, чем капли росы. И рукоятка и мои пальцы, сжимавшие ее, покраснели, словно рубины.

Это была кровь. Свежая кровь, только что пролившаяся из человеческого тела.

Это или кровь Калроса, или кровь Райаса. Итак, выстрел мой попал в цель.

В то время как я размышлял об этом, вдалеке зазвенел голос, так же не похожий на голос Калроса и Райаса, как музыка не похожа на уличный шум.

— Калрос, дорогой Калрос! Не ты ли звал меня? Ответь же мне поскорее! О, этот выстрел! Неужели же кто-нибудь стрелял в него? Нет, быть не может! Я ведь слышала, собственными ушами, как он разговаривал после этого. Калрос! Ответь же! Здесь ли ты? Ведь это я зову тебя! Я, твоя Лола!

Не знаю, откуда звучал этот чудесный голос — из чащи кустарника или с неба? Но я знаю, что самая дивная музыка не показалась бы мне слаще и не наполнила бы мою душу более странным трепетом.

Несколько секунд я колебался, не зная, что ответить на призывный крик незнакомой девушки. У меня не хватало мужества показать ей Калроса. Ведь это было бездыханное тело, уже распростившееся с жизнью.

Какое печальное зрелище представилось бы глазам возлюбленной Долорес... любящей Долорес! Я был уверен в том, что сердце ее горело любовью. Глядя на статного юношу, сохранившего всю свою красоту даже на ложе смерти, я не удивлялся той тоске, которая звучала в женском голосе, призывавшем «дорогого Калроса».

Голос этот зазвенел снова. В нем смешались отчаяние и страсть:

— Калрос! О, Калрос! Почему ты не отвечаешь мне? Ведь это я, Лола, твоя Лола!

— Лола! — крикнул я, охваченный непонятным волнением. — Идите сюда! Идите ко мне! Калрос здесь!

В ответ раздалось ликующее восклицание, и мгновение спустя женщина вышла из-за кустов и остановилась на краю поляны.

Глава V

ТЯГОСТНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Было полнолуние. Мне всегда казалось, что мексиканская луна с особым наслаждением взирает на красивых женщин. Но никогда еще лучи ее не ласкали женщины прекраснее той, которую я увидел.

У нее был особый тип красоты, характерный для той страны, где я с ней встретился, и особенно для провинции, которую мексиканцы называют Тиера-Калиенте, то есть для береговой области Вера-Круц.

Образ Лолы крепко запечатлелся в моей памяти именно таким, каким он представлялся мне тогда. Потом, когда я ближе познакомился с ней, он занял громадное место в моем сердце.

Волшебная картина открылась моим глазам. В голубоватых мягких лучах лунного света стояла девушка, обещавшая стать совершенством, или, вернее, уже достигшая совершенства. Более прекрасного существа я не могу себе представить.

Она была среднего роста и нисколько не походила на воздушную сальфиду. Ее вполне уже сформировавшаяся фигура казалась гибкой, сильной, даже внушительной. Отчетливо выделяясь на зеленовато-черном фоне окутанного мраком кустарника, она поразила меня необычайной гармонией линий. Голова Лолы, щеки, шея, плечи, грудь, талия и ноги — все отличалось удивительным изяществом. Каждый изгиб тела девушки дышал грацией и силой. И все очертания сливались между собой, образуя одну живую прихотливую линию, похожую на красивую движущуюся змею.

Угадывая прелесть этих линий, Хогарт постоянно стремился изобразить их в своих картинах. Но попытки его следует признать неудачными. Очаровательная девушка, которую я впервые увидел при свете луны на поле Серро-Гордо, была воплощением предчувствуемой им красоты.

Одежда не скрывала восхитительных очертаний ее тела. Впрочем, скрыть их было бы трудно даже в том случае, если бы она носила чудовищно сложное модное платье. К счастью, Лола не гналась за модой. Белоснежная батистовая рубашка без рукавов и прозрачное платье из тонкого муслина, давали возможность

*...являть свободно красоту
во всех ее живых оттенках.*

Легкая голубовато-серая шаль, покрывавшая голову девушки, обвивалась вокруг ее плеч, слегка приподнимаясь на груди. Сзади из-под этой шали виднелись две густые косы, оканчивавшиеся ярко-красным бантом и спускавшиеся до самой талии.

Бросив на девушку беглый взгляд, я решил, что она ходит босиком. Сквозь батистовую рубашку и муслиновое платье просвечивали голые до колен ноги, похожие на ноги античной статуи. Чулок Лола действительно не признавала. Но скоро я рассмотрел атласные туфельки, спрятавшиеся в высокой траве. Вид обнаженных ног и легкой, но дорогой обуви, весьма мало приспособленной для прогулки по колючему кустарнику, нисколько не удивил меня. Я знал, что все местные жительницы носят такую обувь и обходятся без чулок.

В эту минуту, впрочем, я думал не об этом. И внимание мое и глаза мои бы-

ли устремлены на прелестное лицо Лолы.

Она показалась мне поразительно красивой. Но, к сожалению, я не мастер описывать такие вещи.

Разумеется, я мог бы сказать, что смуглая кожа Лолы отливала золотом, что на щеках ее играл румянец, что губы походили на два прижавшихся друг к другу лепестка пунцовой розы, что иногда лепестки эти приоткрывались, показывая два ряда жемчужных зубов, что темные, как ночь, брови изгибались наподобие лунного серпа, что черные глаза искрились ярким и теплым светом, что нос принадлежал к типу носов, прозванных «орлиными», что шея у нее была круглая и изящная. Но все это было бы лишь сухим перечнем, не дающим ни малейшего понятия о необыкновенной прелести Лолы. Красота состоит не в правильности той или иной черты, а в определенном сочетании черт, в их взаимной гармонии, в их выражении. Именно такой настоящей красотой наделила природа Лолу.

Она произвела на меня большое впечатление. И несмотря на то что сердце мое в то время было не совсем свободно, я поддался очарованию. Мне не хотелось двигаться с места. Я задумчиво любовался Лолой. Она стояла в нескольких шагах от меня: луна светила ярко, и я отчетливо видел лицо девушки. Я рассмотрел его во всех подробностях, уловил множество сменяющихся на нем выражений, заметил, как сбежал румянец с ее золотисто-смуглых щек, уступив место смертельной бледности.

Молча глядел я на неожиданное и прекрасное видение. Удивление, быстро уступившее место восторгу, не позволяло мне заговорить.

В течение нескольких минут молодая девушка молчала тоже. Но у нее для этого были совсем иные мотивы.

Глаза ее не отрывались... не от меня, нет!., от тела, лежавшего у моих ног. На меня она посмотрела только один раз, да и то мельком. Взгляд ее тотчас же устремился на неподвижную фигуру Калроса.

Сперва этот взгляд был полон недоумения. Впрочем, недоумение продолжалось недолго. Минуту спустя в глазах девушки появилось выражение смертельной муки. Она узнала Калроса, своего любимого Калроса. Он лежал на земле с забрызганным кровью лицом. Он безмолвствовал, хотя и не спал. Он был неподвижен и нем. Может быть, он умер?

— Умер! Неужели умер?

Эти слова как бы невольно сорвались с уст Лолы.

Вдруг глаза ее сверкнули. Их выражение сразу изменилось. Страдание уступило место исступленному гневу.

Я тотчас же понял, что объектом этого гнева является моя скромная особа. Сперва я только удивился. Мне еще ни разу не пришло в голову, что пребывание мое на маленькой поляне может казаться подозрительным. Я по-прежнему стоял около окровавленного тела молодого харочо. Каких-нибудь пять минут тому назад Калрос еще разговаривал... Издалека, должно быть, был слышен его возбужденный голос... И другой голос что-то отвечал ему.

Потом раздался выстрел. Из дула пистолета, который я все еще держал в правой руке, выходила тоненькая струйка дыма. Калрос, по-видимому, умер. Кто же, кроме меня, мог убить его?

Я услышал слово «убийца» и несколько других не менее страшных эпитетов. Потом молодая девушка бросилась к тому месту, где я стоял. Будь у нее

оружие, она убила бы меня, не задумываясь. Взглянув на ее крепко сжатые кулаки, я решил, что она собирается ударить меня, и отступил на несколько шагов.

Два-три мгновения стояла она передо мною, не двигаясь и пристально глядя на меня. Сквозь полураскрытые, слегка дрожащие губы виднелись два ряда ровных зубов. Эти зубы, соперничавшие белизною с жемчужинами, угрожающе сверкали в лунном свете. Прекрасные пылающие глаза метали молнии.

— Я не виновен! — воскликнул я. — Не я сделал это... Не я.

— Убийца! Чудовище!.. Как смеешь ты отрицать то, что произошло чуть ли не при мне? Какие тут могут быть сомнения? У тебя в руках пистолет... а тут... тут свежие пятна крови!

— Это не его кровь, — поспешно перебил я ее.

Но Лола не слушала меня. Быстро обернувшись, бросилась она к распростертой на земле фигуре. Я пробовал продолжать. Дикая вопли заглушили мой голос.

— Умер!.. Калрос!.. Дорогой Калрос! Ты умер? Скажи мне хоть одно слово. Прошепчи, что ты еще жив. Горе мне! Неужели же это правда? Ты ничего не отвечаешь... Ты даже не дышишь... Где же рана, лишившая тебя жизни, а меня единственного друга? Где?.. Где?

И не переставая издавать отрывистые восклицания, она, как бы машинально, начала осматривать рану без чувств распростертого харочо.

Глава VI ЛЮБЯЩАЯ ДЕВУШКА

Мое положение было не из приятных. Все как будто говорило против меня. Необходимо было объясниться.

Сделав несколько шагов вперед, я подошел к молодой девушке и, как только она замолчала, повторил свои уверения.

— Это не его кровь, — сказал я. — Это кровь другого человека. Ваш друг не был ранен... по крайней мере, теперь. Я не причинил ему зла. Его смерть вызвала вот эта рана. — Я показал на темное пятно на бедре Калроса. — Он был ранен пулей во время сражения.

— Но вот эта кровь на груди его, на щеке... Смотрите! Она еще не успела высохнуть.

— Повторяю, это не его кровь. Верьте мне.

Мой убедительный тон, казалось, произвел на нее впечатление.

— Но чья же это кровь? Чья? — спросила она, пытливо глядя на меня.

— Того человека, который собирался убить Калроса. Мой выстрел помешал ему осуществить это намерение. Но разговор с ним очень расстроил вашего друга. Негодяй хотел пронзить его этим мачете.

Я взял мексиканский нож и показал его девушке.

— Смотрите! Рукоятка запачкана кровью. Это кровь человека, который сделался бы убийцей Калроса, если бы моя пуля не подоспела вовремя. Знакомо вам это оружие?

— О, сеньор, я, право, затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Ведь это мачете, Все они совершенно одинаковы.

— Слыхали ли вы когда-нибудь имя Рамона Райаса?

Лола громко вскрикнула:

— Это был он?

— Да.

— Рамон Райас! Еще бы мне не знать его! Это наш заклятый враг. Он поклялся убить Калроса. Неужели же он сдержал свою клятву? О, Калрос! Калрос!

Девушка снова наклонилась над телом харочо и, опустившись на колени, страстно прильнула губами к его окровавленной щеке. Руки ее нежно обвились вокруг бездыханного тела.

Если бы юноша был жив, находился в сознании и мог рассчитывать на выздоровление, я бы, наверное, позавидовал ему. Но мертвым не завидуют. Иное, более бескорыстное чувство пробудилось в моей душе.

Калрос не нуждался в чьей-либо помощи. Но живое существо, рыдавшее над его телом, я мог и должен был утешить. Действительно ли он мертв? Я начинал сомневаться в этом.

В то время как я стоял подле Лолы, до слуха моего донесся звук, весьма похожий на вздох. Во всяком случае, это не было тихое рыдание бедной девушки. Как раз в ту минуту она подняла голову и отвернулась.

Звук, привлечший мое внимание, раздался с другой стороны. Мне показалось, что он сорвался с губ человека, которого мы считали умершим.

Я приложил ухо к его рту и стал ждать повторения этого звука. И действительно, он повторился. Это был подавленный вздох...

Я понял, что дыхание с трудом вырывается из стесненной груди раненого.

— Лола, — шепнул я. — Ваш Калрос не умер. Он еще дышит.

Но Лола и без слов догадалась о моем открытии. Подобно мне, приложила она ухо к губам юноши. И по внезапно посветлевшему лицу ее я понял, что Калрос снова вздохнул. Она так жадно ожидала следующего вдоха, словно от этого зависела ее собственная жизнь.

Еще ниже склонилась она над молодым харочо и еще теснее прижала свое ухо к его губам, машинально отталкивая меня.

Я ласково заставил ее приподняться.

— Надо действовать, Лола. По-видимому, ваш друг в глубоком обмороке. У меня есть с собою лекарство, которое может привести его в чувство. Позвольте мне поухаживать за ним.

Я достал из кармана фляжку, которую, к счастью, не забыл захватить. Она была наполнена каталонской водкой, одним из самых крепких спиртных напитков на свете.

Не говоря ни слова, Лола поспешно отошла в сторону и замерла на месте, наблюдая за каждым моим движением с напряженным вниманием любящей сестры, присутствующей при том, как доктор оказывает первую помощь больному брату.

Я нащупал пульс раненого. Несмотря на крайнюю ограниченность моих медицинских познаний, мне скоро стало ясно, что он слабый, но довольно ровный и что в нем нет тех перебоев, которые так похожи на мигание готовой погаснуть лампы.

Лола прочла надежду в моем взгляде. Глаза ее тотчас же загорелись радостью.

Откупорив свою походную фляжку, я приложил ее к губам раненого и влил

ему в рот несколько глотков каталонской водки.

Действие ее сказалось почти немедленно. Грудь Калроса расширилась, дыхание стало гораздо свободнее, в потускневших зрачках вспыхнул живой огонек.

Мне с трудом удалось отстранить девушку, кинувшуюся обнимать своего возлюбленного.

В глазах Калроса появилось сознательное выражение. Мне показалось даже, что он узнал Лолу. Его губы зашевелились. По-видимому, он хотел что-то сказать, но не был еще в состоянии издать хотя бы звук.

Я вторично приложил фляжку к его рту и влил ему в горло почти стакан каталонской водки.

Не прошло и десяти секунд, как эта новая порция лекарства произвела должное действие. Молодой харочо сделал несколько движений и зашептал что-то.

Девушка снова рванулась к нему. Ей страстно хотелось осыпать его своими ласками. Судя по той радости, с которой она приветствовала его воскресение, любовь ее была безгранична.

— Отойдите от него, — сказал я, отстраняя девушку. — В его теле почти не осталось крови. Это и было причиной его обморока. Потеря крови и душевное потрясение, пережитое им во время разговора с... — Мне не хотелось лишний раз оскорблять ее слух ненавистным ей именем. — Всякое волнение может оказаться для него роковым. Если вы действительно любите этого человека, отойдите подальше и старайтесь не попадаться ему на глаза, пока он не окрепнет и не будет в силах спокойно пережить счастья встречи с вами.

Какими ненужными и жалкими показались мне собственные слова: «Если вы действительно любите этого человека»! Вид молодого харочо, смертельно бледного, но все-таки прекрасного, исключал всякое другое предположение.

А прелестная Лола, одинаково пленительная в моменты горя и злобы, отчаяния и надежды, каждым своим движением доказывала, что Калрос Вергара был ее единственным избранником.

— Отойдите подальше, — повторил я. — Очень прошу вас не приближаться к раненому до моего возвращения. Он крайне слаб. Ночной воздух для него вреден. Я позову людей, которые помогут мне перенести раненого в мою палатку. Заклинаю вас, сеньорита, не обнаруживайте своего присутствия. Как я уже говорил, малейшее потрясение может оказаться для него роковым.

Взгляд, брошенный девушкой в ответ на эти слова, произвел на меня сильное и странное впечатление. Мне почудилось в нем что-то радостное и в то же время скорбное.

Мое разыгравшееся воображение тотчас же принялось строить воздушные замки. Что, если в глазах Лолы, устремленных на меня, светилась не одна только благодарность?

Признаюсь, я обрадовался. Даже в этот печальный час мне стало изумительно легко при мысли, что когда-нибудь я заменю в сердце Лолы живого или мертвого Калроса Вергару.

Глава VII

ОГРАБЛЕНИЕ МЕРТВЕЦА

Я разбудил человек шесть солдат, погруженных в глубокий сон. Один из них долгое время служивший в госпитале, был немного знаком с хирургией.

В палатке моей стояло катре — походная кожаная кровать, являющаяся обычной принадлежностью лагерной мебелировки офицеров мексиканской армии. Укрепив эту кровать на двух шестах, мы превратили ее в превосходные носилки.

Быстро покончив с приготовлениями, я провел моих людей через чапараль. Они уложили раненого на катре с такой бережной осторожностью, как будто он был не врагом их, а товарищем.

Калрос уже пришел в себя, но я позволил ему увидаться с его «дорогой Лолой» только после того, как он очутился в моей палатке, где фельдшер заботливо перевязал его рану.

Опасаясь последствий внезапного потрясения — неожиданное счастье бывает иногда губительным, — я уговорил Лолу не подходить к раненому... Несмотря на мучительное желание поговорить со своим любимым Калросом, она свято исполнила мою просьбу.

Когда импровизированный хирург уверил меня, что молодому харочо не угрожает никакой опасности, что рана его не смертельная и что длительный обморок был вызван чрезвычайной слабостью, связанной с потерей громадного количества крови, только тогда разрешил я Лоле подойти к носилкам. Признаться, не легко мне было дать это разрешение.

Минуту спустя прекрасная Лола уже обнимала своего возлюбленного.

Сцена эта была так трогательна, что даже мои суровые товарищи по оружию, стоявшие около катре, проявили при виде ее некоторое волнение. Слушая, как влюбленные обмениваются нежными и счастливыми словами, я испытывал какое-то грустное, даже мучительное чувство. Ревность терзала меня. Я завидовал ласкам, расточаемым юному харочо.

Скоро солдаты удалились в свою палатку, намереваясь продолжать внезапно прерванный сон. Бывший фельдшер ушел вместе с ними, Я остался в обществе Калроса и Лолы.

Я не мог не завидовать раненому. Ради того, чтобы за мной ухаживала такая сестра милосердия, я охотно поменялся бы с ним ролями.

Лола слышала, как фельдшер уверял меня, что рана Калроса отнюдь не смертельна. Она поспешила сообщить об этом своему другу. Страх смерти больше не мешал им свободно обмениваться мыслями.

Может быть, они горели нетерпением сказать друг другу несколько слов без свидетелей? Подумав, что мое присутствие им в тягость, я решил уйти. По правде говоря, сделать это мне было нелегко.

Набросив на плечи плащ, я вышел из палатки. Влюбленные остались вдвоем.

Ночь была тиха. Безмолвие ее показалось мне еще более торжественным, чем прежде. Ни один звук не нарушал его. Даже стоны раненых, которых не успели или не сочли нужным подобрать, почти непрерывно раздававшиеся час тому назад, совершенно замолкли.

Несколько удивленный этим, я погрузился в глубокую задумчивость. Уж не выстрел ли мой был причиной их непонятной сдержанности? Может быть, они вообразили, что на поле битвы бродят грабители, и решили страдать молча, чтобы не привлекать своими стонами внимание этих отвратительных коршунов? Иного объяснения царящей вокруг меня тишины я не мог придумать.

Погуляв в течение некоторого времени по чапаралю, я снова подошел к своей палатке. Этот кусок холста, натянутый на колья и озаренный светом только что зажженной лампы, притягивал меня к себе, словно магнит. Искушение было слишком велико. И, не устояв перед ним, я скоро очутился у входа в палатку.

Полог был распахнут. Мне было видно все, что происходило внутри. Вытянувшись во весь рост, раненый неподвижно лежал на катре в той позе, в какой я оставил его четверть часа назад.

Склонившаяся над ним Лола не спускала с него пристального взгляда, И несмотря на то что Калрос спал, прекрасные глаза девушки горели самой пылкой любовью.

Мне было слишком больно смотреть на эту трогательную картину. С трудом преодолевая волнение, я отвернулся. Кроме того, меня мучил стыд.

Решив продолжать прогулку, я снова принялся бродить по Серро-Гордо, где еще недавно стояли лагерем наши враги. Кое-где виднелись мексиканские палатки. Впрочем, их было немного. Почти все солдаты Санта-Анны жили в шалашах, сделанных из сплетенных между собою веток и покрытых камышом или травой.

Палатки являлись исключительной привилегией высшего командного состава. К моменту нашего появления их осталось не больше дюжины.

В некоторые из них я заглянул. Они давно уже пустовали. Владельцы палаток бросили их на произвол судьбы. Но в трех или четырех из них я нашел человеческие трупы. Вытянувшись на катре или просто на земле, лежали мертвецы, роскошные мундиры которых указывали на то, что эти люди еще недавно играли важную роль в мексиканской армии.

Один из мертвецов лежал так близко от входа в палатку, что лучи полного месяца, свободно проникавшие через откинутый полог, падали прямо на его лицо. Это был человек могучего сложения, безжизненные черты которого все еще сохраняли поразительную красоту. Я невольно залюбовался темно-оливковым цветом его лица, безупречно правильными чертами, черной, как смоль, бородкой и небольшими усами. Костюм его представлял странную смесь статского платья и военного, но, по знакам отличия на эполетах, мне стало ясно, что передо мною дивизионный генерал. Впоследствии я узнал его имя. Это был генерал Васкец, один из самых отважных наших противников, до последней минуты мужественно защищавший свою позицию на вершине холма Эль-Телеграфо. Пуля, попавшая ему в живот, оборвала и жизнь его, и блестяще начатую карьеру. Он умер вскоре после того, как его перенесли в палатку.

Доблестному мексиканцу даже не сделали перевязку. По всей вероятности, положение его было признано безнадежным. К тому же во время паники, всегда сопутствующей беспорядочному отступлению, на раненых, даже в том случае, когда они принадлежат к высшему командному составу, обращают

чрезвычайно мало внимания.

Брюки Васкеца были немного спущены; очевидно, кто-то все-таки осматривал его рану. Небесно-голубой мундир пестрел пятнами засохшей, почерневшей крови. Ее неприятный, едкий запах отравлял воздух.

Я собирался уже выйти из палатки, в которую вошел, привлеченный благородной наружностью этого мертвеца, как вдруг одно странное, даже больше — поразительное обстоятельство пригвоздило меня к месту.

Тело мексиканского генерала лежало на земле, голова была приблизительно на середине палатки, а ноги высывались наружу. Ноги-то и привлекли мое внимание. При виде своеобразных сапог, в которые они были обуты, я невольно наклонился, чтобы рассмотреть их. Такие изящные желтые сапоги носили щеголи времен Карла II. В наши дни их можно изредка видеть только на сцене. Блестящие шпоры ярко сверкали при лунном свете.

Если бы я не видел только что человека, которому принадлежала эта странная обувь, я подумал бы, что в палатке покоится какой-нибудь рыцарь былых времен. Взглянув на эти необычайные сапоги, я захотел посмотреть и на их владельца.

Но то поразительное явление, которое заставило меня замереть в неподвижности у выхода из палатки, бросилось мне в глаза уже после того, как я внимательно оглядел Васкеца.

Чтобы выбраться из палатки, мне нужно было пройти вплотную мимо трупа и даже перешагнуть через него. Я уже проделал это, когда входил в палатку. Не успел я, однако, на этот раз занести ногу, как мне почудилось, что покойник шевелится.

Крайне изумленный, я отдернул ногу и остановился. Мне стало немного страшно.

В следующий момент испуг, охвативший меня, перешел в настоящий ужас. Это не было плодом фантазии или обмана зрения: труп действительно шевелился.

Если бы я даже не видел его движения, изменившаяся поза мертвеца все равно убедила бы меня в том, что это не галлюцинация. Голова, первоначально покоившаяся на середине палатки, лежала теперь значительно ближе к холщовой стене. Мало того, она медленно, но явно подвигалась к входному отверстию.

Последние мои сомнения рассеялись, когда я увидел, как все тело мертвеца рванулось вперед.

Я не был в состоянии остаться дольше в палатке и одним прыжком выскочил из нее.

Как только я очутился на свежем воздухе, подмеченное мною явление перестало казаться мне сверхъестественным. Все сразу стало ясно: какой-то человек снимал с генерала Васкеца сапоги!

Со стыдом узнал я американского стрелка.

Должен сказать, что негодяй неоднократно подвергался наказанию за различные преступления, а впоследствии во время одной из битв предательски выстрелил мне в спину.

— Лаундрих! — воскликнул я. — Какая низость! Как ты смеешь грабить мертвеца!

— Да ведь он мексиканец, наш враг!

— Подлец! Немедленно прекрати это гнусное занятие! В противном случае я накажу тебя так, что ты позавидуешь участи человека, к благородным останкам которого ты осмелился прикоснуться. Прочь отсюда! Прочь, говорю я!

Мародер неохотно исполнил мое приказание. Он казался крайне раздосадованным.

Никогда еще я не испытывал такого желания убить своего ближнего, как в эту минуту. И это избавило бы меня от тяжелой раны и нескольких серьезных неприятностей, виновником которых был не кто иной, как Иоганн Лаундрих.

Глава VIII ПРИЯТНОЕ ОТКРЫТИЕ

Происшествие, о котором я только что рассказал, заставило меня на некоторое время забыть о моей палатке и о двух случайных ее обитателях.

Но только на некоторое время. Вскоре перед моим мысленным взором снова встал прелестный образ Лолы. Томление по ней с новой силой охватило меня.

Уступая чувству, в котором я едва еще отдавал себе отчет, я вернулся к ряду палаток, еще недавно служивших местопребыванием мексиканского главного штаба.

У входа в мое временное жилище я остановился.

Если бы раненый еще спал, я, пожалуй, не решился бы побеспокоить его, но он уже проснулся и разговаривал. Собеседником его не мог быть никто, кроме Лолы.

Но я все-таки еще колебался. В то время как я размышлял, следует мне войти или нет, часть диалога, происходившего между молодым харочо и его подругой, невольно донеслась до моего слуха. По уже знакомому мне имени, упомянутому Калросом, я догадался, о чем идет речь. Это было имя Рамона Райаса.

— Да, дорогая Лола, — сказал больной, по-видимому, отвечая на какой-то вопрос, — это был негодяй Райас. Измучив тебя своими низкими предложениями, он стал преследовать меня. Встреча наша произошла на поле битвы. Знаешь ли ты, что он собирался добить меня? Карамба! Я был уверен, что он сделает это. Он стоял надо мною, приставив свое мачете к моей груди. Я был слишком слаб, чтобы сопротивляться, и не мог поднять руки, чтобы отразить его удар. Но по какой-то неизвестной мне причине удара не последовало. Вместо этого раздался выстрел... Несколько мгновений спустя я снова увидел его. Он держал в правой руке пистолет и пристально смотрел на меня. О, как это было страшно! Больше я ничего не знаю. Ведь я потерял сознание.

— Милый Калрос! Человек с пистолетом в руке был не Райас.

— Как? Не Райас? Не он? Не Рамон Райас? Это был Райас, Лола. Я видел его. Я разговаривал с ним. Я помню его угрозы. Он хотел заставить сказать ему... Какие тут сомнения! Разумеется, это был он.

— Да, он угрожал тебе. Это верно. Но человек, державший в правой руке пистолет, и он — два разных лица. Этот человек, которого я сначала приняла за врага, относится к нам дружелюбно.

— Кто же это? — спросил раненый с явным недоумением в голосе.

— Американец, приказавший перенести тебя в палатку.

— Который именно? Их было несколько подле меня. Может быть, тот, который перевязал мою рану?.. Он, по всей вероятности, доктор. Перевязка сделана очень искусно.

— Нет, это не он.

— Так кто же, Лола?

— Не заметил ли ты среди них офицера... молодого красивого офицера?

Мое сердце забилося от приятного волнения. С жадным любопытством впился я глазами в лицо раненого. Однако мне не удалось подметить на нем выражения ревности. Черты молодого харочо остались невозмутимо спокойными.

— Этот офицер, должно быть, очень храбр, — продолжала девушка. — Как ловко справился он с Райасом.

— Справился с Райасом? Что ты хочешь сказать этим, Лола?

— Видишь ли ты пятна крови на своей рубашке? Такие же пятна были у тебя на лице. Я смыла их. Сперва я думала, что это твоя кровь.

— А что же оказалось?

— Это свежая кровь: посмотри внимательно на свою рубашку. Пятна еще даже не потемнели. Нет, к счастью, это не твоя кровь, Калрос. Если бы ты потерял еще немного крови, ты бы умер. По крайней мере, так утверждает фельдшер.

— Карамба! Чья же это кровь?

— Дона Рамона.

— Неужели? Расскажи мне все, Лола.

— В то время как он собирался пронзить тебя своим мачете, раздался выстрел. Помнишь? Выстрелил не Райас, а молодой американский офицер. Пуля была предназначена не тебе, а твоему врагу. Очевидно, она попала в цель. Рукоятка мачете, валявшегося подле тебя, была запачкана кровью. По всей вероятности, Рамон ранен. О Калрос, любимый брат мой! Если бы не этот храбрый американец, тебя не было бы уже в живых, и я осталась бы одна, без защитника.

«Брат Калрос!»

Точно тяжелый камень свалился с моего сердца. У меня было такое чувство, словно из него безболезненно вытащили стрелу, причинявшую мне мучительные страдания.

«Брат Калрос!»

Я больше не удивлялся стоическому хладнокровию, с которым молодой харочо выслушал все то, что говорила обо мне Лола.

«Нет, Лола Вергара! — мысленно воскликнул я. — Нет, прекрасная харочо! Пока я жив, ты никогда не останешься без защитника».

Давая такое обещание самому себе, я готов был броситься в палатку и повторить его вслух...

Глава IX

ДУРНЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Подслушанный мною разговор, из которого выяснились истинные отношения, существовавшие между Калросом и Лолой, сразу излечили меня от зарождавшейся ревности. Эта ревность обещала стать со временем чрезвычайно мучительной.

Пробуждение ее доказывало, что я влюблен в Лолу. Впрочем, никаких доказательств тут не требовалось. Я знал это и так.

Да, я любил Лолу Вергара. Я полюбил ее с первого взгляда, с первой минуты — с той минуты, как на меня обратился ее грозный и негодующий взор и сквозь сжатые зубы вырвались жесткие слова, обвинявшие меня в убийстве. Разгневанная, бледная, взволнованная, она показалась мне почти такой же очаровательной, как потом, когда я увидел ее улыбающейся.

Да, я видел улыбку на ее губах. Она улыбнулась, узнав, что Калросу не грозит смертельная опасность. Она улыбнулась, молчаливо благодаря меня за спасение брата. В этой улыбке было нечто большее, чем благодарность. И в сердце моем пробудилась надежда, а вместе с надеждой и ревность, становившаяся с каждым мгновением все сильнее и сильнее.

Надежда моя укрепилась, когда я услышал, что Лола назвала красивого хароcho братом.

Мне сразу стало ясно, что отношения между молодыми людьми носят совсем иной характер, чем я предполагал, что сердце Лолы свободно, что к Калросу она испытывает лишь горячую родственную привязанность.

Неужели мне суждено завоевать ее любовь? Неужели меня ожидает такое счастье?

Несколько слов ее, подслушанных мною, наполнили меня радостью.

Я все еще не решался войти в палатку. Мне не хотелось прерывать разговор, принесший мне такое облегчение, и в то же время я страстно жаждал снова очутиться лицом к лицу с прекрасной мексиканкой.

Во всяком случае заниматься дальше подслушиванием я не мог. Неблагодарство этого стало для меня очевидно с той минуты, как мое сердце успокоилось и перестало нуждаться в каком-либо лекарстве.

Я должен был или войти в палатку, или удалиться. Я решил войти.

Но, прежде чем сделать это, я поправил фуражку, тщательно пригладил растрепавшиеся волосы и закрутил усы.

Конечно, это была слабость с моей стороны. Я придавал слишком большое значение внешности. Слова «красивый молодой офицер», произнесенные девушкой, которую я любил, казались мне слаще меда. Я готов был на все, чтобы оказаться достойным столь лестного отзыва.

Войдя в палатку и увидав свою дорогую Лолу, я почувствовал себя страшно смущенным. Присутствие Калроса только увеличило это смущение.

Удивляйтесь, сколько вам угодно. Впрочем, понять мое тогдашнее состояние нетрудно. Я вошел в палатку с мыслями, которые трудно назвать безупречными. Глядя на них обоих — на брата и сестру, — я испытывал некоторые укоры совести. К стыду своему должен признаться, что мне хотелось только поиграть любовью прекрасной Лолы. Я прекрасно понимал это, хотя и ста-

рался заглушить голос совести.

Правда, сделать это было еще легко: он звучал слабо, еле слышно. Я не обращал на него внимания, увлеченный порывом сильной страсти, предметом которой была Лола Вергара. Я надеялся, что эта страсть захватит и ее.

Ведь она, по всей вероятности, уже посвящена в тайны Купидона. Женщины ее племени редко достигают зрелого возраста, не познакомившись с любовью. Лола нравилась мне. С таким соблазном бороться было трудно.

Да я и не пытался противиться искушению. Наоборот, я дал себе слово покорить сердце девушки и приступил к этому предприятию с рвением, достойным лучшей участи.

Я хотел завоевать ее сердце. Хотел этого потому, что мое было уже покорено ею. Иные, более дерзкие мысли даже не приходили мне в голову. Иных, более бесчестных намерений у меня не было. Но и ту цель, которую я поставил себе, трудно назвать благородной. Ведь я не собирался предложить Лоле свою руку.

Я хотел только ее любви. Но, конечно, мне было хорошо известно, что, покорив сердце девушки, от нее легко добиться и всего остального.

В то время эта истина казалась мне непреложной. Я много раз повторял ее на опыте. И я готов был еще раз проверить ее на своем романе с Лолой Вергара.

Впоследствии мне стало ясно, что мои тогдашние убеждения были не только ошибочны, но и неблагородны.

Я вошел в палатку. Девушка, сердце которой было для меня лишь прелестной игрушкой, поднялась со стула и скромно приветствовала меня. В ее скромности мне почудился укор. Она подняла на меня взгляд, светящийся благодарностью. Как мало я заслуживал ее.

— Сеньор, — сказала она, ответив на несколько моих вопросов о состоянии раненого, — надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я немного резко говорила с вами? Теперь мне самой странно, что я могла так ошибиться. Увидав вас около моего брата, я решила, что это вы убили его. О сеньор, простите ли вы меня?

— Мне нечего прощать вам, прекрасная Лола. Ваша ошибка кажется мне вполне естественной. К счастью, никому не удалось убить вашего брата. Я рад, что пуля американского стрелка не оказалась для него роковой.

— Ах, сеньор, — воскликнул Калрос, — если бы не вы, я получил бы другую, смертельную рану! Лола только что рассказала мне все. Это мачете (он показал на окровавленное оружие, валявшееся на земле) вонзилось бы в мое сердце. Я знаю это. Я в этом уверен. Он хотел убить меня. О, проклятый!

— Вы говорите о Рамоне Райасе?

— Разумеется! Откуда вы узнали его имя?

— Из ваших собственных уст, Калрос Вергара. А ваше имя я узнал из уст Райаса. И оба вы называли третье имя, наиболее приятное для моего слуха.

Я взглянул на Лолу. Она ответила на мой взгляд приветливой улыбкой.

Калрос недоумевающе смотрел на меня. Очевидно, он не понял моих слов.

— Вы забываете, — объяснил я, — что в разговоре, происходившем между вами и Рамоном Райасом, вы называли друг друга по именам, а также упоминали о третьем лице, с которым я имел удовольствие познакомиться позднее. Я говорю о вашей сестре. Ведь это ваша сестра?

— Да, сеньор капитан. Лола — моя сестра.

— Она достойна быть вашей сестрой, сеньор Калрос. Девушка, следующая за братом на поле битвы, разыскивающая его между ранеными, рискующая жизнью ради облегчения его страданий, заслуживает названия сестры солдата. Ах, почему у меня нет такой сестры!

Произнося эти слова, я взглянул на лицо девушки. Взгляд мой был очень нежен. Мне показалось, что и она смотрит на меня далеко не равнодушно. Но только пронизательность, свойственная влюбленным, помогла мне угадать это.

В течение одного короткого мгновения были устремлены на меня глаза Лолы. Потом длинные ресницы снова опустились, делая невидимыми их нежное мерцание.

Когда я окончил свою речь, Лола выпрямилась.

— Простите, сеньор, — сказала она и, не поднимая взора, быстро скользнула к выходу.

На пороге она остановилась и объяснила что идет за каким-то лекарством для брата.

Если бы не это, я мог бы подумать, что моя нежность показалась ей оскорбительной. Но попросить у нее прощения я все равно не успел бы. Она поспешно скрылась.

Глава X БЕСПОЩАДНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

На глазах моих развертывались события, оставшиеся для меня в значительной мере непонятными.

Я нашел на поле битвы раненого, почти мальчика, ни по костюму, ни по манерам, ни по лицу не похожего на простого солдата, но вместе с тем лишенного всех отличительных знаков, которые позволили бы мне судить о его принадлежности к командному составу.

В ту минуту, когда я впервые увидел его, он разговаривал со своим врагом, и этот враг, бывший его соотечественником и даже школьным товарищем, грозил ему тем, что не удалось осуществить американскому стрелку, — грозил лишить его жизни, которую я спас только благодаря чистой случайности.

Почти тотчас же вслед за этим подле него появилась женщина. Она несколько не походила на тех отвратительных мегер, которые бродят по опустевшим полям сражений, обкрадывают мертвецов и, подобно коршунам, набрасываются на неподвижные тела. Нет, это была молодая девушка с звенящим голосом и неотразимо привлекательным личиком, представлявшая собою полный контраст всей окружающей обстановке. Появление ее казалось таким неожиданным, таким странным, что я готов был принять ее не за человеческое существо, сотворенное из крови и плоти, а за доброго гения, явившегося с целью облегчить те страдания, которые причиняли друг другу обезумевшие от взаимной ненависти люди.

И это восхитительное создание оказалось сестрой, а не возлюбленной того человека, жалобные крики которого подняли меня с походной кровати!

Я не мог прийти в себя от изумления. Мне случалось встречать на полях битв любовниц раненых или убитых солдат. Но сестры, насколько это было

мне известно, не имеют обыкновения рисковать жизнью ради своих братьев.

Появление Лолы удивило бы меня еще больше, если бы утром того же самого дня мне не пришлось быть свидетелем необыкновенного зрелища. На поле, прилегавшем к одной из деревень, расположенных в долине Эль-Плана, я видел четыре тысячи человек из армии Санта-Анны, взятых нами в плен при Серро-Гордо. Добрая половина их состояла из женщин, которые, как я узнал впоследствии, проделали весь поход с начала до конца.

По большей части это были сестры и матери наших врагов.

Я не мог удержаться, чтобы не сравнить это смешанное войско с армией победителей, к которой принадлежал сам. Женский пол был представлен у нас полдюжиной мегер, носивших название маркитанток, полдюжиной таких же мегер, исполнявших обязанности прачек, и двух-трех весьма подозрительных девиц.

Воспоминание о пленниках, запертых в ранчерию Эль-Плана, несколько помогло мне освоиться с присутствием сестры Калроса Вергары на поле битвы. Я удивлялся не столько ее появлению, сколько ее красоте.

Оставшись вдвоем с молодым харочо, я не устоял перед соблазном попросить у него объяснения таинственных событий, которые так внезапно и неожиданно развернулись передо мной.

Мое вмешательство в его судьбу давало мне право на расспросы.

— По-видимому, — начал я, как только молодая девушка скрылась из виду, — по-видимому, этот Рамон Райас не принадлежит к числу ваших друзей?

— Это мой злейший враг, сеньор.

— Во всяком случае, он вряд ли питает враждебные чувства к вашей сестре. Судя по его собственным словам, он относится к ней дружелюбно и даже влюблен в нее. Как она смотрит на это?

— Моя сестра ненавидит его.

— Вы в этом уверены?

— Вы чужой нам человек, сеньор капитан. Но благодаря услуге, которую вы оказали мне прошлой ночью, у меня такое чувство, точно я разговариваю со своим другом. Простите эту вольность. Я — бедный харочо. Все мое достояние заключается в небольшом ранчо, садике, лошади, седле, оружии... я чуть не прибавил: «и свободе». Но это было бы неверно. Ведь если бы я обладал свободой, меня не оторвали бы от родного дома и не заставили бы принимать участие в войне, до которой мне нет никакого дела. Может быть, вы скажете мне то, что говорят в таких случаях наши офицеры. Может быть, вы тоже находите, что я обязан сражаться за родину. Но какой прок проливать кровь за порабощенную страну? Не за родину я сражался на поле Серро-Гордо и не из-за родины был подстрелен, как собака. Меня заставили драться за тирана Эль-Койо.

— Как? Вы участвуете в войне не по собственному желанию?

— Карамба! Да, разумеется, нет, сеньор капитан. Меня завербовали, как и всех остальных, Мексика давно уже забыла, что такое свобода. Я, по крайней мере, никогда не пользовался ее благами. Зато у меня есть сокровище, которое я ценю больше всего на свете, — больше богатства и больше свободы, Его оставили мне в наследство мои покойные родители.

Калрос замолчал, как бы не решаясь быть вполне откровенным со мной.

— Что это за сокровище? — спросил я.

— Лола, моя сестра.

— Надеюсь, вам не грозит опасность потерять ее?

— В том-то и дело, что грозит. Сегодня ночью вы сами имели случай убедиться в этом.

— Да, я слышал что-то похожее на угрозы. Но почему вы боитесь человека, не имеющего никакой власти ни над вами, ни над вашей сестрой? Вы сказали, что она терпеть не может его. Если это так, я не понимаю, о какой опасности вы говорите.

— Ах, сеньор капитан. Сразу видно, что вы не знаете нашей страны. Человек, о котором идет речь, обладает большой властью.

Калрос многозначительно посмотрел на испачканное кровью мачете.

— Властью? Какой?

— Он — мой капитан. Я служу в отряде гверильясов, набранном из жителей нескольких деревень. Дон Рамон Райас — наш начальник. Он получил свое назначение от самого диктатора, дона Антонио Лопец де Санта-Анны. Каким образом удалось ему добиться этого назначения, я не знаю. Ни для кого не тайна, что до начала войны с американцами он был настоящим сальтеадором.

— То есть, попросту говоря, разбойником?

— Совершенно верно, сеньор капитан.

— Я слышал, что вы бросили ему в лицо это слово. Но почему, собственно, покушался он на вашу жизнь?

— Потому что я мешаю ему. Если бы меня не стало, Лола, моя бедная сестра Лола скорее бы... Карамба!.. Должно быть, вы понимаете, что я хочу сказать...

Объяснения были излишни, но Калрос все-таки счел нужным договорить.

— Сеньор капитан, — продолжал он шепотом, боясь очевидно, чтобы кто-нибудь не услышал его, — я буду вполне откровенен с вами. Вы видели мою сестру. Говорят, ваши белокурые женщины поразительно прекрасны. Может быть, моя Лола не показалась вам уж такой...

Я не перебил его и не признался ему, какой неотразимо очаровательной показалась мне его Лола.

— Хоть я и брат ей, но все-таки скажу, что у нас она считается красавицей.

— Она везде считалась бы красавицей.

— К сожалению, — сказал Калрос, видимо, польщенный моим замечанием, — красота часто приносит девушкам больше горя, чем радости, особенно в тех случаях, когда у них нет денег.

— Больше горя, чем радости? Но почему же?

Я ждал ответа на мой вопрос с нетерпением, о котором и не подозревал молодой харочо.

Неужели же Лола стала жертвой своей красоты?

— Видите ли, сеньор капитан, — продолжал Калрос, — в числе людей, обративших внимание на мою сестру, находится и Рамон Райас.

— Он ваш школьный товарищ, не правда ли?

— Да, мы учились вместе. Это было очень давно. С тех пор мы не видели его до самого последнего времени. Он покинул нашу деревню и поселился в Пуэбло. Проклятый город! Его называют «городом ангелов». Но я знаю, что там творится. Много лет мы ничего не слышали о Рамоне Райасе. Потом пронесся слух, что он сделался сальтеадором.

— А из сальтеадора превратился в офицера мексиканской армии?

— Да, это очень странно. Впрочем, нет. Нам, знающим дона Антонио, это не кажется таким уж поразительным. Рамон Райас не единственный разбойник на его службе. Как я уже сказал вам, я не видал этого человека с тех пор, как мы оба кончили школу. И вот в один прекрасный день он явился к нам с поручением набрать... нет, что я говорю... принудить силою молодых крестьян записаться в солдаты. Я попался вместе с остальными. Из нас составили гверилью, и Райас был назначен нашим капитаном. Вот тут-то он и обратил внимание на Лолу.

— Разве сестра ваша последовала за вами на войну?

— Да, с нами было много женщин. Почти всех моих товарищей сопровождали жены или сестры. Они помогали нам и старались сделать нашу походную жизнь хоть сколько-нибудь сносной. Таков обычай нашей страны, сеньор. Говорят, у вас это не принято?

— Нет, мы считаем, что женщины на войне являются только обузой.

— Пожалуй, это верно, сеньор капитан. Моя бедная сестренка причинила мне немало хлопот. Я принужден был все время защищать ее.

— Защищать? Но от кого же?

— От нашего капитана, дона Рамона Райаса. Он преследовал мою сестру ежедневно, ежечасно, с какой-то жестокой назойливостью. Наконец это стало совершенно нестерпимо. Тогда я...

— Вы отослали ее куда-нибудь?

— Да. Один из моих друзей согласился приютить ее. Он обещал мне заботиться о ней до заключения мира, который снова превратит меня в свободного гражданина республики.

— Что же заставило ее прийти сюда сегодня ночью?

— Любовь ко мне, сеньор капитан, — гордо ответил юноша. — Беглецы рассказали ей, что я ранен и остался на поле сражения. Она решила отыскать меня, чтобы предать земле мое тело или же ухаживать за мною. Благодаря вам ей удалось застать меня в живых.

Наступило короткое молчание. Раненый погрузился в задумчивость.

— А ведь Райас непременно убил бы меня, — снова заговорил он. — О, как это было бы ужасно! Да, не будь вас, сеньор, меня бы уже не существовало. Лола бродила бы в это время по кустарнику и громко звала меня. Он бы услышал ее голос. Она бы подошла к нему. Волк и овечка встретились бы лицом к лицу во мраке чапаралья!

Фантазия молодого харочо разыгралась, Встреча Лолы с Райасом так ярко представилась его воображению, что он приподнялся на походной кровати и с ужасом посмотрел вокруг.

Едва он успел немного успокоиться, как мы услышали громкое восклицание.

Я сразу узнал серебристый голос Лолы. Раненый тотчас же соскочил с катре и несколько мгновений простоял на ногах, пошатываясь из стороны в сторону.

Слабость его, однако, была так велика, что он снова упал на постель. В это мгновение Лола вбежала в палатку, самым своим появлением доказывая, что с ней не произошло ничего дурного.

— Кто напугал тебя, дорогая? — поспешно спросил Калрос.

Я задал ей тот же вопрос.

— Он! Капитан Райас! Он бродит вокруг нашей палатки.

— Если он действительно бродит вокруг нашей палатки, прекрасная Лола, я обещаю вам, что его присутствие никогда больше не потревожит вас.

Я обнажил саблю и бросился к выходу.

— Подождите! Умоляю вас. Подождите! Не ходите туда один! Дон Рамон — злодей, но он храбрый и опасный противник.

Эти странные слова были произнесены Лолой.

— Храбрый? — переспросил я, с мрачным удивлением глядя на нее. — Разве такой негодяй может быть храбрым?

Горькое сомнение закралось в мою душу. Что, если ненависть Лолы к Райасу — только плод фантазии Калроса?

— Надеюсь, у него хватит храбрости подождать меня. Посмотрим!

С этим гордым заявлением я вышел из палатки и пустился на поиски дона Рамона.

Несколько проснувшихся от шума солдат поспешили присоединиться ко мне. Мы исходили чапараль вдоль и поперек. Но никаких следов негодяя нам не удалось обнаружить.

Удвоив количество часовых и приняв целый ряд предосторожностей на случай возвращения непрошеного гостя, я вернулся в палатку, служившую убежищем молодого харочо и его сестре.

Успокоив раненого, я помог ему устроиться по возможности комфортабельно и снова направился к выходу. Молодая девушка решила спать на земле около катре, на котором лежал ее брат. Я предоставил в ее распоряжение свое шерстяное одеяло.

— Не бойтесь, дорогая Лола, — прошептал я, пожелав ей наконец спокойной ночи. — Человеку который, вздумает потревожить ваш покой, придется перешагнуть через мой труп. Я буду спать у входа в палатку. До свидания. Не бойтесь ничего. Приятных снов!

— Приятных снов! — отозвалась она.

Весь облик ее дышал такой невинностью, таким доверием, что мои дурные помыслы должны были бы рассеяться, как дым.

Глава XI

МЕКСИКАНСКИЙ ВРАЧ

Исполняя обещание, данное Лоле, я улегся на земле у самого входа в палатку. Офицерский плащ заменил мне одеяло. Заснуть мне помешала не ночная прохлада, а близость красивой девушки, от которой меня отделял только кусок тонкого полотна.

Не буду рассказывать о мыслях, волновавших меня в эту ночь. Они недостойны того, чтобы упоминать о них. Время от времени я впадал в дремоту. Но и во сне образ прекрасной харочо не переставал преследовать меня.

Долго лежал я неподвижно, чутко прислушиваясь к малейшим звукам. Но ничего необычного вокруг меня не происходило. Ночь уже готова была уступить место дню, и ужасные стоны, оглашавшие ее, давно замолкли. Несчастные страдальцы как будто устали от собственных жалоб.

Лишь насмешливые крики сов, сидевших на верхушках акаций, нарушали предутреннюю тишину.

Но эти крики, как, впрочем, и все другие звуки, раздававшиеся извне, мало занимали меня. Даже ружейный выстрел вряд ли мог бы отвлечь мое внимание от того, что творилось в палатке.

Сперва я слышал только тяжелое дыхание раненого. Потом он кашлянул и беспокойно заворочался на походной кровати. Вслед за этим я услышал нежный серебристый голосок Лолы, которая сначала задала Калросу несколько вопросов, а потом стала ласково успокаивать его.

По легкому шуму в палатке я догадался, что девушка встала и подошла к брату.

Скоро, однако, воцарилось молчание. Лола покончила со своими обязанностями сестры милосердия и улеглась спать.

По всей вероятности, она ни на минуту не задумалась о человеке, который сторожил вход в палатку, готовый в любую минуту превратиться из ангела-хранителя в демона и погубить ее.

По мере того как летели часы, я проникался все большим уважением к Лоле Вергара и все большим презрением к себе.

Нежность, почудившаяся мне в ее взгляде, была вообще присуща ей, являлась естественным отражением ее дивной красоты, Придавать какой-то тайный смысл этому беглому взгляду было нелепо. Я вообразил, будто он полон страсти. Теперь мне стало ясно, что я заблуждался и что мое заблуждение было оскорбительным для молодой девушки.

Придя к этому заключению, я наконец заснул. Сероватый свет наступающего утра медленно проникал во мрак чапарала.

Должно быть, спал я недолго. Не успели солнечные лучи достигнуть полной яркости, как глаза мои открылись им навстречу. На этот раз мне помешали спать не шум внутри палатки, а мужские голоса, раздававшиеся неподалеку. Сперва я услышал окрик часового, потом разговор его с какими-то посторонними людьми.

Из того странного диалога, который я привожу здесь целиком, мне стало ясно, что в наш лагерь забрели мексиканцы. С часовым они объяснялись на ломаном английском языке... Вот этот диалог:

— Кто идет?

— Друзья!

— Пароль?

— Сеньор часовой... мы лекари... врачи, как принято говорить у вас... Врачи из мексиканской армии.

— Из мексиканской армии? В таком случае берегитесь! Что вам здесь надо?

— Мы доктора... врачи...

— Врачи? Гм... Если это действительно так, для вас тут найдется работа. Множество ваших солдат погибло от недостатка медицинской помощи. Но без пароля я все-таки не позволю вам ступить ни шагу дальше, до тех пор, по крайней мере, пока не переговорю с капралом.

Обернувшись в ту сторону, откуда раздавался голос, я увидел группу людей, просивших у строгого часового разрешения пройти. Группа эта состояла из двадцати человек. Но только один из них носил военную форму. На нем был синий длиннополый мундир с вызолоченными пуговицами, малиновым кантом и золотыми шнурами. Вместо военной фуражки или кепи на голове его красовалось черное сомбреро с широкими полями. Остальные части его одежды представляли собою смесь статского и военного платья. Во время похода такая смесь, конечно, допустима, но мексиканцы сильно злоупотребляли ею.

Прочие члены группы были одеты различно: одни — в полувоенных костюмах, другие — в обыкновенном платье, если только какую-либо одежду мексиканцев можно назвать обыкновенной. Некоторые из них держали в руках носилки. Остальные несли хирургические инструменты, бинты и склянки с ярлыками. Все это показывало, что они составляли персонал военного госпиталя.

Их начальник и вел переговоры с часовым.

Появление медиков на поле битвы не нуждалось в объяснении. Их можно было пропустить без всяких формальностей.

Сообразив это, я крикнул часовому, чтобы он позволил им пройти, не спрашивая на то разрешение капрала.

Когда я вышел из палатки, ко мне приблизился мексиканский врач, только что изъяснявшийся с часовым на ломаном английском языке.

— Сеньор капитан, — сказал он, приветствуя меня по-военному, — я слышал, что вы говорите по-испански. Позвольте же мне перейти на мой родной язык и от души поблагодарить вас за доброту, которую вы выказали по отношению к нашим раненым. Мы не питаем к вам никаких враждебных чувств.

— Незначительные услуги, которые мне удалось оказать вашим соотечественникам, вряд ли заслуживают благодарности. Боюсь, что большинству этих несчастных они принесли мало пользы. По всей вероятности, многие из них скончались в течение ночи.

— Вы напомнили мне, что нам не следует терять времени. Вот пропуск, скрепленный подписью американского главнокомандующего.

С этими словами мексиканец протянул мне какой-то документ.

— Спрячьте вашу бумажку, — сказал я. — Звание врача для меня убедительнее всех пропусков.

— Хорошо, сеньор капитан. В таком случае я приступаю к исполнению своих обязанностей. От имени Мексики еще раз приношу вам благодарность за ваше человеколюбие.

Произнеся эти слова, он направился со своими спутниками к тому участку поля битвы, где его раненные соотечественники провели такую ужасную ночь.

Облик и манеры мексиканского врача отличались необыкновенным изяществом. Это был человек лет пятидесяти, с белоснежными волосами и смуглым, женственно тонким лицом. Большие ясные глаза, нежный музыкальный голос, маленькие выхоленные руки и благородная скромность осанки — все доказывало мне, что я только что разговаривал с настоящим джентльменом.

Обнаруженное им знание английского языка, правда, далеко не совершенное, не редко встречающееся среди его соотечественников, свидетельствовало о том, что это человек образованный, а может быть, и путешествовавший по чужим странам. Наружность этого мексиканца внушила мне доверие к его медицинским талантам.

Я вспомнил о раненом, лежавшем в моей палатке. Вот кто несомненно нуждается в помощи врача!

Но не успел я окликнуть удалявшегося мексиканца, как выбежавшая из палатки Лола предупредила мое намерение. Услышав диалог между мной и своим земляком, она прежде всего подумала о брате.

— О, сеньор! — умоляющим голосом сказала она. — Попросите, чтобы мексиканский доктор осмотрел Калроса.

— Я только что собирался вернуть его, — ответил я. — Смотрите! Он сам догадался сделать это.

Действительно, мое посредничество оказалось совершенно излишним. Услышав голос молодой девушки, изящный мексиканец остановился как вкопанный и обернулся к нам. Спутники его тоже обернулись. Взоры всех устремились на прекрасную харочо.

— Сеньорита, — сказал врач, сделав несколько шагов по направлению к палатке и вежливо приподняв шляпу, — никогда еще не случалось мне видеть на залитых кровью полях сражений такой прекрасный цветок. Если слух не обманул меня, вы желаете, чтобы я осмотрел какого-то раненого. Должно быть, это близкий вам человек?

— Это мой брат, сеньор.

— Ваш брат? — повторил мексиканец, с некоторым изумлением глядя на Лолу. — Где же он?

— В палатке, сеньор. Калрос! Дорогой Калрос! Сейчас тебя осмотрит настоящий доктор.

Сообщив раненому это известие, девушка быстро вбежала в палатку. Мексиканский врач последовал за ней.

Глава XII

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Я тоже хотел войти в палатку. Но несколько слов, произнесенных одним из спутников доктора, так поразили меня, что я замер на месте.

— Это Лола Вергара, — сказал санитар. — Можете верить мне на слово. Человек, имевший счастье хоть раз видеть эту девушку, уже никогда не забудет ее и всегда будет рад случаю встретиться с нею вторично.

— Ты прав, Энтон Чико. Я сам знаю парня, который охотно дал бы несколько золотых за один ее взгляд. С удовольствием дал бы!

— Кто это? Кто это?

Санитары были живо заинтересованы.

— Храбрый капитан гверильясов Райас. Мне доподлинно известно, что ему очень бы хотелось увидеть эту девушку.

— Да ведь брат красотки служит в отряде Райаса. Она проделала с ним весь поход. Три дня назад я видал ее собственными глазами около Пуэнте-Националь.

— Совершенно верно. Я тоже видел ее, — заметил первый санитар. — Она была там вместе с другими женщинами, сопровождавшими гверилью. Но потом я потерял ее из виду. Она исчезла неизвестно куда. Так же как и другие, капитан Райас не имеет понятия о ее местопребывании. Иначе зачем бы ему понадобилось предлагать золотой за сообщение о том, где она находится?

— Он давал за это золотой?

— Ну да. Я сам присутствовал при этом.

— Кому же он предлагал это?

— Тому отвратительному метису, который все время вертелся вокруг нашего лагеря. Дело было, как я уже сказал, в Пуэнте-Националь. Я стоял под мостом у последней сваи. Начинало темнеть. Вдруг вдали показались две фигуры. Я узнал капитана Райаса и метиса. Разговор у них шел об этой самой красавице. Несколько раз доносилось до моего слуха ее имя. Что именно говорили они о ней, я не знаю, так как мне приходилось держаться на почтительном расстоянии, чтобы меня не заметили. Но это предложение я слышал вполне отчетливо.

— Какое предложение?

— То самое, о котором я уже говорил вам. Райас пообещал метису золотой. «Узнай, Сантучо, — сказал он, — куда он спрятал девушку».

— Да кто ее спрятал-то?

— Карамба! На этот вопрос я не берусь ответить. А впрочем, кто же мог спрятать ее, кроме ее родного брата Калроса?

— Во всей этой истории есть что-то нехорошее, — задумчиво заметил один из санитаров.

— Во всяком случае не девушка, — шутливо отозвался Энтон Чико.

— Зато метис в достаточной мере противен. Не правда ли, товарищи?

— Человек, пользующийся его услугами, тоже не слишком привлекателен, — сказал санитар, до тех пор не принимавший участия в разговоре. — В прошлом его много черных пятен.

Говоривший подошел к своим приятелям и понизил голос до шепота.

— Готов побиться об заклад, что его физиономия мне знакома. Да, я столкнулся однажды с Райасом нос к носу. Но тогда он был в маске.

— В маске? — переспросило несколько голосов.

— Да, в черной шелковой маске. Я встретил его во время моей предпоследней поездки. Я сопровождал караван Хозе Виллареса. Мы везли товары в Калле-де-Мерседерос. В Пинале, между Перотой и Пуэбло, на нас напали разбойники. И пока они развьючивали наших мулов и растаскивали наше добро, все мы, не исключая Хозе, принуждены были лежать на животе, уткнувшись лицом в траву. Негодяи забрали только самые ценные товары. Но все-таки бедный Хозе совершенно разорился, и с тех пор ему так и не удалось снова стать на ноги.

— При чем тут все это, друг? — спросил один из присутствующих, видимо, желая вернуться к основной теме разговора. — Какое отношение имеет это к капитану Райасу?

— Я и забыл про капитана Райаса! — воскликнул рассказчик. — Впрочем, моя разбойничья история имеет к нему ближайшее отношение. Сальтеадоры, напавшие на наш караван, были замаскированы. Просматривая украденные у Хозе бумаги, предводитель на минуту приподнял свою черную шелковую маску. Я успел бросить беглый взгляд на его гнусную физиономию. Но одного этого взгляда было достаточно, чтобы она навсегда запечатлелась в моей памяти. Увидев в нашем лагере Райаса, я сразу понял, с кем мы имеем дело. Он и предводитель разбойников, ограбивших Хозе, — одно лицо. Это так же верно, как и то, что я умею отличить вино от воды.

— А если и так! — воскликнул один из санитаров, не страдавший, по-видимому, избытком нравственной строгости. — Что за беда, если капитан Райас и в самом деле немного погулял по большой дороге? В нашей армии много таких офицеров. Я берусь назвать нескольких генералов, которые в свое время тоже нападали на караваны с криком: «Кошелек или жизнь!»

— Замолчи, приятель, — перебил его другой. — Доктор выходит из палатки. Осторожней! Рассуждения такого рода считаются изменой.

Любопытство, с которым я прислушивался к этому интересному разговору, помешало мне войти в палатку. В надежде, что я не понимаю их языка, санитары говорили довольно громко. Каждое слово их отчетливо доносилось до меня. Чтобы не возбудить у них подозрений, я делал вид, что шепотом беседую с одним из американских солдат, стоявших поблизости.

С появлением доктора тотчас же воцарилась тишина. Сделав несколько шагов ему навстречу, я осведомился о здоровье раненого.

— Благодаря вам, кабальеро, состояние его не оставляет желать ничего лучшего. Но, судя по тому, что он поведал мне и что вы, по-видимому, тоже знаете, дальнейшее пребывание его здесь невозможно.

Из этих слов я вывел заключение, что Калрос рассказал доктору происшествия минувшей ночи.

— Сколько времени предполагаете вы еще простоять здесь? — спросил мексиканец.

— Я получил приказ сняться с лагеря и ровно в полдень двинуться дальше.

— Вероятно, в Халапу?

— Да, в Халапу.

— В таком случае молодого человека лучше всего отправить в Эль-План.

Должно быть, часть вашей армии останется здесь?

— Таково намерение нашего главнокомандующего.

— В Эль-Плане раненый будет чувствовать себя превосходно. Маленькое путешествие на носилках не причинит ему вреда. Я могу прислать за ним полдюжины санитаров или, если это окажется затруднительным, несколько мирных крестьян.

— Не лучше ли отвезти его в Халапу? — спросил я. — К тому же и климат там гораздо лучше.

— Это верно, — согласился со мною врач. — Но до Халапы очень далеко. У нас нет ни одной санитарной кареты. Кто согласится нести туда простого солдата?

— Это на редкость симпатичный юноша. Я думаю, что мои товарищи с удовольствием перенесли бы его, если только вы...

Говоря это, я оглянулся в надежде, что кто-нибудь услышит и поддержит меня.

Лицо молодой харочо, стоявшей у входа в палатку, светилось глубокой благодарностью. Должно быть, благодарность эта относилась к доктору, обещавшему скорое выздоровление ее брату. Но, по обыкновению, я принял все на свой счет. В блеске ее прекрасных улыбающихся глаз мне почудилось согласие на мое предложение.

Разумеется, доктор не понимал, почему я проявляю такое горячее участие к судьбе раненого харочо.

Гораздо больше занимал меня вопрос о том, догадывается ли об этом Лола. Одаренная пронизательностью, свойственной ее расе, она, по всей вероятности, уже заподозрила истину.

Ласковая полуулыбка, игравшая на ее устах в то время, как она слушала мое предложение, как будто подтверждала это.

Но, может быть, вся ее ласковость была только проявлением признательности за мое дружеское отношение к Калросу?

— Против отправки раненого в Халапу мне возразить нечего, — после некоторого размышления заявил доктор.

Он пристально посмотрел на меня.

— Вы очень добры, кабальеро. Великодушие чужестранца и врага особенно ценно.

Легкая усмешка появилась на его лице.

— Впрочем, продолжая быть гуманным, вы только останетесь верны себе.

Усмешка на его губах стала немного явственнее. Она сопровождалась быстрым взглядом в сторону Лолы.

— Прежде всего, — продолжал он, заметив мое смущение, — нам следует поговорить о предстоящем путешествии с самим пациентом. Не правда ли, сеньорита?

— Да, сеньор, — ответила девушка. — Я сейчас поговорю с братом. Калрос, — сказала она, повернувшись лицом к палатке, — молодой офицер, спасший тебе жизнь, предлагает отправить тебя в Халапу. Согласен ли ты ехать туда? Доктор утверждает, что воздух Халапы будет тебе полезнее здешнего.

С сильно бьющимся сердцем ждал я ответа раненого.

Ждать мне пришлось довольно долго. Калрос, очевидно, размышлял.

«Что-то будет?» — мысленно восклицал я.

— По-моему, тебе следует согласиться, — решительно заявила девушка. — В Эль-Плане слишком жарко.

«Благодарю тебя, дорогая Лола!» — подумал я, ожидая решения Калроса с таким же нетерпением, с каким преступники ждут приговора.

Глава XIII РАЗЛУКА

Если бы на раненого не оказали давления со стороны, он, по всей вероятности, выбрал бы Халапу, представлявшую своего рода санаторий для всех обитателей Тиерры-Калиенте.

Не знаю, успело ли сложиться в его душе какое-нибудь решение. Во всяком случае он его не высказал. В то время как я, стоя около катре, пытался подкрепить своими доводами простодушные советы его сестры, к палатке подошли какие-то мужчины, изъявившие желание повидаться с Калросом Вергарой.

— Это наши друзья! — воскликнул молодой харочо, услышав знакомые голоса. — Друзья из Лагарто! Выйди к ним, Лола, и скажи, что я здесь.

Девушка скользнула к выходу.

— Ты прав, Калрос, — сказала она, бросив взгляд на пришельцев. — Это Виценте Вилагос, Игнацио Вальдец, Розарио Трес-Виллас и маленький Паблито.

— Вот счастье-то! — воскликнул больной, приподнимаясь на своем ложе. — Наверное, они пришли сюда, чтобы перенести меня домой.

— Ты угадал, — отозвался высокий, статный харочо, только что вошедший в палатку. — Ты угадал, Калрос. Мы пришли именно для этого. Я очень рад, что пуля янки не уложила тебя в могилу. Ты скоро поправишься. Так сказал нам доктор, которого мы встретили. Он сказал также, что тебя можно перенести в Лагарто. Не беспокойся. Мы будем нести тебя очень осторожно. Захватим с собой и Лолу. Не желаете ли прокатиться на моих плечах, сеньорита?

К этому времени и остальные мексиканцы вошли в палатку. Их было шесть или семь человек. Толпясь около катре, на котором лежал их земляк, они по очереди здоровались с ним и кланялись его сестре. Рыцарская изысканность их поклонов напоминала времена Сиды.

Стоя в стороне, я с любопытством наблюдал эту дружескую встречу. Впрочем, мною руководило не одно только любопытство. Другие, более серьезные мотивы заставляли меня внимательно присматриваться к мексиканцам. Я дрожал при мысли, что один из них окажется моим соперником.

Особенно беспокойно было у меня на душе в то время, как они приветствовали Лолу. Со страхом смотрел я на ее прекрасное лицо. К счастью, мне не удалось подметить на нем ничего необычайного.

Посетители Калроса, стройные, высокие, смуглые, черноволосые молодые люди, точно сошли с полотен Сальватора Розы. У всех были остроконечные бородки, как на портретах Ван-Дейка.

Старшему из них вряд ли было больше тридцати лет. Все они показались мне более или менее красивыми. Но, несмотря на это, ни один из них не внушал мне того неприятного чувства, которое обычно возникает у влюбленных при виде возможного соперника.

Постепенно я пришел к убеждению, что заклятый враг Калроса, Райас, го-

раздо опаснее для меня, чем друзья молодого харочо.

Главную роль среди пришельцев играл, по-видимому, старший из них, Виценте Вилагос.

О путешествии Калроса в Халапу больше не могло быть и речи. Обитателям Лагарто оно показалось бы величайшей нелепостью. И со стороны Лолы было бы неразумно настаивать на нем.

Девушка стояла потупившись. Сознание того, что приход односельчан не особенно радует ее, доставляло мне большое удовольствие.

Окруженный ее восторженными друзьями, я некоторое время не имел возможности заговорить с ней. Мне приходилось быть в высшей степени осторожным. Представители этого племени на редкость наблюдательны. В качестве хозяина я невольно привлекал их внимание. Правда, они смотрели на меня довольно благосклонно. Очевидно, им были уже известны кое-какие подробности о происшествиих минувшей ночи.

— Пора! — сказал наконец Вилагос, поговорив в течение нескольких минут со своими друзьями. — Мы должны немедленно тронуться в путь. Ведь отдохнуть в тени пальм Лагарто нам удастся не раньше солнечного заката.

Эта поэтическая фраза нисколько не удивила меня. Я знал, что подобные выражения употребляют все харочо.

Калроса положили на носилки и тотчас же вынесли из палатки. Несколько банановых листьев, укрепленных над ним в виде зонта, защищали его от палящих лучей солнца.

Валагос подошел ко мне с дружески протянутой рукой.

— Вы спасли жизнь одному из наших односельчан, — сказал он. — Благодарю вас, сеньор чужестранец. Пока вы еще наш враг. Надеюсь, война скоро кончится. Но во время войны и во время мира вы будете для нас другом. Если судьба когда-нибудь занесет вас в маленькую ранчерию Лагарто, мы докажем вам, что двумя хорошими чертами харочо могут похвастать, во всяком случае. Я разумею благодарность и гостеприимство... До свидания.

Остальные мексиканцы столь же сердечно попрощались со мной.

Прощаться с Долорес так, как мне этого хотелось, было невозможно. Присутствие ее друзей стесняло меня.

Четыре коротких словечка я все-таки успел шепнуть ей:

— Я люблю вас, Лола...

Ответа не последовало. Тщетно ждал я от Лолы слова или хотя бы вздоха. Но из больших темных глаз ее, похожих на глаза мазама, струился горячий и нежный свет, пронизавший все мое существо.

Произнося последнее «прощайте», я был почти в бреду. При расставании мексиканцы обычно говорят друг другу: «С Богом» или «Счастливого пути». Я не сказал ни того, ни другого. На английском языке эти слова прозвучали бы совсем иначе, чем по-испански.

Но я дал себе клятву во что бы то ни стало отыскать Лолу Вергара.

Скоро прекрасная харочо была уже далеко.

«Встречусь ли я с ней когда-нибудь?»

Этот вопрос не давал мне покоя.

Может быть, она предпочла бы идти по дороге в Халапу?

В этом я был почти уверен.

Во всяком случае, она исчезла, не дав никакого обещания, не оставив мне

ничего, — ничего, кроме воспоминания о своей волшебной красоте, глубоко запечатлевшейся в моем сердце.

«Встречусь ли я с ней когда-нибудь?»

Опять и опять всплывал передо мной этот вопрос.

И в ответ на него мне каждый раз слышалось: «Может быть, никогда».

В самом деле рассчитывать на вторичную встречу с прекрасной харочо было довольно трудно. Хладнокровно обдумав положение вещей, я волей-неволей пришел к этому печальному выводу. Правда, я знал название родной деревни Лолы и дал себе клятву во что бы то ни было разыскать ее.

Но что из этого? В связи с продолжавшейся войной мне предстояло направиться как раз в противоположную сторону. У меня было приблизительно столько же шансов погибнуть, сколько и остаться в живых. Когда при таких условиях удастся мне попасть в Лагарто?

На этот вопрос возможно был только один ответ: «При первом же благоприятном случае». Эта мысль служила мне некоторым утешением.

Глаза мои все еще были устремлены на поворот дороги, где широко раскинувшиеся ветви акции внезапно скрыли от меня постепенно удалявшуюся фигуру Лолы. В течение некоторого времени ее светлое платье еще мелькало на фоне зеленой листвы. Я видел, как бахрома шали, накинутой на ее плечи, внезапно взметнулась кверху. Должно быть, это было вызвано не порывом ветра, а быстрым движением руки. Да, она обернулась в мою сторону, махнула рукой и взглядом сказала мне: «Прощай навеки!»

«Каким безумием с моей стороны было не воспротивиться этой разлуке!» — думал я, машинально посылая Лоле воздушный поцелуй.

Я вернулся в палатку и бросился на катре, еще так недавно занятое раненым. Уныние овладело мною.

Последнюю ночь мой сон тревожили страстные мысли. Предпоследнюю я не спал из-за проклятых гаубиц, которые пришлось втаскивать на крутые скалы Эль-Плана. Все это до крайности утомило меня. И, несмотря на отчаяние, терзавшее мое сердце, я отдался во власть Морфея, божка, как известно, не менее могущественного, чем сам Купидон.

Глава XIV

ВОЗМУТИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Вряд ли кто-нибудь остается совершенно безучастным к приходу почтальона, особенно в том случае, когда следы этого посещения обнаруживаются при пробуждении в виде письма, засунутого под подушку или лежащего на стуле рядом с кроватью.

Совсем особое удовольствие доставляют раздушенные маленькие конвертики, надписанные изящным женским почерком.

Такое же сильное, хоть и гораздо менее приятное, впечатление производят голубоватые казенные конверты, запечатанные синим сургучом.

Отлично выспавшись в палатке, еще недавно служившей убежищем его превосходительству дону Антонио Лопец-де-Санта-Анна, я открыл глаза и, убедившись в том, что уже светло, хотел было начать одеваться.

Но не успел я вскочить с кровати, как взгляд мой упал на валявшееся на земле письмо.

При виде этого письма, не похожего ни на любовную записку, ни на служебный приказ, я невольно вздрогнул. Оно было адресовано мексиканскому тирану. Имя и звание его полностью красовались на конверте.

«Его превосходительству сеньору дону Антонию Лопец-де-Санта-Анна, главнокомандующему мексиканской армией».

Присутствие этого письма объяснялось в высшей степени просто. Я спал на той самой походной кровати, на которой в предыдущую ночь покоился анагуакский деспот. Вероятно, письмо выпало из-под кожаного катре, куда Санта-Анна засунул его после прочтения.

Чувство, овладевшее мною при виде этого письма, нельзя назвать простым любопытством. Конечно, ознакомиться с перепискою такого важного, хотя и не внушавшего мне уважения человека, каким был диктатор Мексики, казалось весьма заманчивым. Но гораздо больше волновали меня надежды на то, что таинственный конверт заключает в себе какое-нибудь донесение, могущее принести пользу американскому главнокомандующему.

Совесть несколько не мучила меня. Письмо было уже распечатано. Впрочем, если бы оно даже и не было распечатано, я вскрыл бы его без колебаний. Мне казалось смешным проявлять какую бы то ни было деликатность по отношению к человеку, который, по моему глубокому убеждению, являлся не только врагом Америки, но и всего человечества.

Вынув из конверта четвертушку бумаги, написанную в достаточной мере скверным почерком, я прочитал следующее:

«Высокоуважаемый сеньор! Молодая девушка исчезла из нашего лагеря. По всей вероятности, это дело рук ее брата. Предложение, переданное мною от имени вашего превосходительства, красотка выслушала чрезвычайно благосклонно. Я сделаю все возможное, В ближайшем будущем она будет спать в палатке вашего превосходительства.

Это так же верно, как и то, что меня зовут
Рамоном Райасом».

Чтение этого возмутительного письма окончательно разогнало мой сон. Мне стало ясно, о ком идет речь. Красотка, о которой писал Райас, была Доло-

рес Вергара.

Разумеется, среди девушек, сопровождавших мексиканскую армию, нашлись бы и другие красотки, имеющие братьев. Но недавнее исчезновение избранницы Санта-Анны из лагеря красноречиво свидетельствовало, что это была именно Лола.

Более, чем всякая другая девушка, она могла возбудить в мексиканском тиране чувственное желание, — конечно, это было только сластолюбие, об удовлетворении которого так заботился сводник Райас.

Я удивлялся не столько содержанию обнаруженного мною письма, сколько обстоятельствам, благодаря которым я нашел его и разобрался в его смысле.

Характер Санта-Анны, хорошо известный всем, вполне соответствовал тому впечатлению, которое создавало письмо его корреспондента. Это был необыкновенно чувственный человек, насчитывавший в своем прошлом не меньше любовных приключений, чем политических интриг. Добрую половину досугов он посвящал местным Далилам. А в подобного рода женщинах его родина не испытывала недостатка.

Даже потеря ноги — следствие раны, полученной при Вера-Круце, — не излечила его от таких наклонностей. Со времени знаменитой осады прошло десять лет, а он оставался все таким же легкомысленным. Но с приближением старости ему приходилось все чаще и чаще прибегать к помощи различных негодяев.

Обычно он действовал путем подкупа. Многие молодые офицеры были обязаны своими эполетами исключительно красоте своих сестер.

Таков был дон Антонио Лопец-де-Санта-Анна, диктатор и генералиссимус Мексики.

Имея о нем некоторое представление, я не особенно удивился содержанию прочитанного мною «конфиденциального» письма. Если бы моя собственная совесть была чиста, я, по всей вероятности, дал бы волю охватившему меня негодованию. Но ведь и мои намерения относительно сестры Калроса не отличались безупречностью. Вследствие этого я не чувствовал себя вправе бесспорно осуждать кого бы то ни было.

Я с трудом представлял себе человека, который, встретившись с Лолой, остался бы равнодушен к ее красоте и не пожелал бы стать ее мужем или любовником. Будучи женат, Эль-Койо не мог предложить ей руку и сердце. Но, занимая высокое положение в обществе и обладая большой властью, он, разумеется, имел все основания рассчитывать стать любовником Лолы.

Со стыдом признаюсь, что все это мало удивило меня и что негодование, овладевшее мною, относилось не столько к намерениям Санта-Анны, сколько к тому способу, при помощи которого он хотел осуществить их. Негодование это было вызвано в равной степени и старым сластолюбцем, и его клеветом.

— Презренные негодяи! — невольно воскликнул я, комкая в руках письмо. — Какая низость! И этот отвратительный Райас уверял Лолу в своей любви, предлагая ей выйти за него замуж! Впрочем, он, наверное, и в самом деле не прочь жениться. Ведь таким образом он получит двойную плату за свои труды. Подлец! Трудно допустить даже, что такие люди живут на свете!

Я ходил взад и вперед по палатке, то раздражаясь громкими проклятиями, то предаваясь мрачным размышлениям.

Кроме отвращения к диктатору и его помощнику меня волновало другое,

более мучительное чувство. Какое основание имел Райас утверждать, что «красотка» благосклонно выслушала предложение, сделанное им «от имени его превосходительства»? Характер этого предложения был совершенно очевиден.

Несмотря на то что я ни в какой мере не доверял дону Рамону, в душу мою закрались подозрения, а вместе с ними и тоска.

Эти подозрения были вызваны не самой Лалой — я еще слишком мало знал ее, — а некоторым знакомством с другими девушками из племени харочо. Трудно было допустить, чтобы под знойным небом Тиерры-Калиенте такая очаровательная и пылкая девушка могла жить без любви.

В том, что она пользуется успехом, я не сомневался. Я не сомневался и в том, что поклонников у нее легион. Неужели же ни один из них не внушил ей страсти? После двенадцатилетнего возраста сердце ее соотечественниц редко остается свободным. А Лоле, по всей вероятности, было уже лет шестнадцать.

Беспокойство, овладевшее мной, лишний раз доказывало, что я полюбил молодую мексиканку. Самая мучительность моих подозрений говорила о том, что я продолжал бы любить ее, даже если бы убедился в их справедливости.

Моя любовь грешила недостатком благородства. Это не мешало ей быть сильной. Обвинение, возведенное на Лолу в письме низкого сводника, не потушило, а разожгло пожар, пылавший у меня в груди. Допуская, что в словах негодяя таится доля правды, я горько раскаивался в своем слишком почтительном отношении к прекрасной харочо. Что, если оно показалось ей ненужным и смешным?

Однако я не был до конца испорченным человеком. Вскоре эти грубые, пошлые мысли показались мне недостойными. В памяти моей ярко всплыли прекрасные черты, невинные глаза, движения, полные грации и скромности.

Я вспомнил, какую трогательную привязанность питала эта девушка к своему брату. И подозрения мои рассеялись, как дым. Для меня стало ясно, что внутренний образ Лолы Вергара так же соответствует внешнему, как низкая душа Райаса соответствует его поступкам.

Несколько успокоенный этим выводом, я овладел собою и стал более хладнокровно размышлять о содержании мерзкого письма.

Оно являлось наглядным доказательством низости обоих — и того, кто писал его, и того, к кому оно было обращено. Но на Лолу письмо это не бросало ни малейшей тени. Ложь Райаса объяснялась, должно быть, желанием польстить тщеславию патрона или успокоить его нетерпение.

Вторичное чтение письма пробудило во мне другую тревогу. Если не сердцу Лолы, то чести ее во всяком случае грозила серьезная опасность. Жестокий негодяй, собиравшийся убить своего товарища по школе, раненого и беспомощного Калроса, вряд ли остановится перед каким бы то ни было препятствием. И так же упорно будет преследовать свою цель тот, кто обещал щедро вознаградить его за труды.

Я не мог не испытывать тяжелого беспокойства за судьбу девушки, единственным защитником которой был раненый юноша.

При наличии двух таких противников, как разбойник Райас и Санта-Анна, пользовавшийся еще достаточной властью, жизнь Калроса подвергалась не меньшей опасности, чем честь Лолы.

Правда, старый интриган, только что бежавший с поля битвы, был теперь

занят делами, гораздо более важными и неотложными, чем похищение красивой деревенской девушки. Зато Райас мог всецело посвятить себя этому предприятию.

Если бы связь между диктатором и его клеветом порвалась, если бы негодяй потерял надежду на близкое вознаграждение, он, вероятно, начал бы действовать за свой собственный счет, что также грозило гибелью Лоле Вергара.

Эти тревожные размышления так взволновали меня, что я приказал немедленно оседлать лошадь. План мой был очень прост. Я хотел догнать кортеж, сопровождавший Калроса, и сообщить ему и сестре его о так неожиданно открытом мною заговоре.

С момента их ухода прошло около пяти часов. Однако, принимая во внимание медленное движение носилок, они вряд ли могли быть дальше, чем на несколько миль от эльпланского моста. Догнать их было не трудно.

Но какой был бы в этом прок? Конечно, можно посоветовать им быть настороже.

Но ведь они и без меня знают о грядущей опасности и о необходимости соблюдать всяческую осторожность.

К тому же молодой харочо направляется в родную деревню, где у него множество друзей. При таких условиях ему и Лоле как будто нечего бояться.

Моя тревога неразумна, Зачем я приказал оседлать коня? Может быть, я сделал это совсем не потому, что считал нужным предупредить Калроса, а по иным, более сокровенным мотивам?

А вдруг Лола поймет эти мотивы, будет недовольна мною, найдет меня навязчивым? Может быть, ей уже известно все, о чем я собираюсь рассказать ей? Может быть, ей известно гораздо больше? Если так, она не поблагодарит меня за непрошеное вмешательство.

В то время как я стоял в нерешительности у моей палатки, мне доложили, что, согласно отданному накануне приказу, нам пора сниматься с лагеря и спешить навстречу американской армии, расположившейся в Халапе.

Мои солдаты уже выстроились, готовые двинуться в путь. Мне пришлось присоединиться к ним.

Ровно в ту минуту, как солнце достигло зенита, горнист протрубил «вперед». Заняв свое место во главе маленького отряда, я простился с Серро-Гордо, где люди воздвигли жертвенник войне, а я научился поклоняться другому, более светлому божееству,

Глава XV ДВА НЕГОДЯЯ

Оставив за собою Серро-Гордо, мы двинулись по следам разбитой мексиканской армии.

Она отступала в полном беспорядке. Мы убедились в этом при виде тех печальных картин, которые постепенно развертывались перед нашими глазами.

Мы проехали мимо лошадиного трупа, непомерно вздувшегося из-за жары; единственная уцелевшая нога его торчала кверху.

Недалеко валялось тело всадника, тоже страшно вздувшееся. Пальцы на руках его почти слились с ладонью, образуя бесформенную массу, более похожую на перчатки, надеваемые при боксе, чем на человеческие руки.

Несмотря на то что жизнь покинула этого человека всего каких-нибудь тридцать часов тому назад, тело его уже почти совершенно разложилось. Причиной этого было тропическое солнце, весь предыдущий день непрерывно сиявшее над мертвецами.

Я заметил, что наши мертвые враги уже были потревожены кем-то. Посетители, являвшиеся к ним, не сочли нужным предать их земле. Единственной целью этих негодяев был грабеж.

На трупах не осталось ни одной ценной вещи. Мародеры украли у них все, вплоть до одежды.

Некоторые мертвецы были раздеты догола. На вздувшейся блестящей коже их зияли почерневшие раны, нанесенные холодным или огнестрельным оружием. Одежду сохранили только те из них, чьи мундиры были разорваны и запачканы кровью. Эти жалкие лохмотья так плотно облегали обезображенные тела, что снять их было уже невозможно.

Заговорившись с охотниками, случайно присоединившимися к моему отряду, я немного отстал и скоро очутился в самом арьергарде. Последним, не считая капрала, ехал плотный, сутулый и мешковатый солдат. Руки и ноги его болтались как-то нелепо, а фуражка все время съезжала с головы. Словом, более жалкого кавалериста трудно было себе представить. Я нарочно заглянул ему в лицо. Оно производило такое же неприятное впечатление, как и вся фигура всадника.

На этом продолговатом мертвенно бледном лице тускло светились стекло-видные глаза. Длинная борода солдата, с застрявшими в ней остатками пищи и крошками табака, низко свисала на грудь. Неестественно красные губы не закрывали громадных белых зубов. Большой нос, вдавленный посередине, загибался к левому углу рта.

Впрочем, мне не нужно было видеть лицо этого человека, чтобы узнать его. Рассмотрев как следует его спину, я решил, что солдат, ехавший передо мною, не кто иной, как Иоганн Лаундрих.

— Что вы нашли в нем? — спросил я шепотом.

— А разве у вас нет своих глаз, капитан? Взгляните-ка на эти сапоги. Говорят, прошлой ночью вы помешали ему стащить их с какого-то покойника. Но он все-таки завладел ими. Что вы на это скажете?

Рэб снова сделал легкое движение рукой, указывая мне на скатанную и

прикрепленную к седлу шинель кавалериста.

Между полами этой небрежно скатанной шинели торчали два желтых сапога, вряд ли составлявшие часть амуниции Иоганна Лаундриха.

С первого же взгляда я убедился в том, что это те самые сапоги, которые Лаундрих пытался снять с мертвого мексиканского генерала.

Мое вмешательство не достигло цели. Дождавшись моего ухода, негодяй вернулся в палатку Васкеца и закончил свое гнусное дело.

Мое громкое и гневное «стой» сразу остановило маленький отряд.

Я приказал Лаундриху выехать из рядов, отвязать от седла шинель и встряхнуть ее. Он повиновался. Пара светло-желтых сапог тотчас же упала на землю.

Двукратное нарушение дисциплины так возмутило меня, что я не совладел с собою и, подъехав к негодю, ударил его саблей плашмя по голове.

Он не сделал ни малейшей попытки избежать удара, а получив его, не тронулся с места. Только белые зубы его оскалились, как у наказанного пса.

Когда Лаундрих снова уселся на лошадь, мы собрались двинуться в дальнейший путь. Вдруг ко мне подъехал капрал.

— Простите, капитан, — сказал он, прикладывая руку к козырьку. — Среди наших солдат есть негодяй почище этого. Он позорит весь наш отряд. В его ранце спрятана вещица поинтереснее сапог.

— Как зовут этого солдата?

— Булли.

— Прикажите Булли подъехать ко мне.

Получив от капрала соответствующее приказание, Булли крайне неохотно покинул свое место в ряду других кавалеристов.

Наружность его показалась мне почти такой же неприятной, как и наружность Иоганна Лаундриха. Но они принадлежали к двум совершенно различным типам людей. Англичанин Булли обращал на себя внимание круглой, как шар, головой, бычачьим лицом и полным отсутствием растительности на щеках и подбородке. Кожа его, менее смуглая, чем у Лаундриха, лоснилась и производила впечатление грязной. Копна соломенно-желтых волос почти совсем закрывала низкий четырехугольный лоб. Вздернутый нос с широко раздувавшимися ноздрями придавал Булли сходство с чистокровным бульдогом, а глаза напоминали злую молосскую собаку.

Этого человека никто не называл иначе, как Булли[6]. Было ли это его настоящее имя, на которое он отзывался на переключках, или только прозвище, данное ему товарищами, я теперь не помню.

В его облике было что-то тупое и грубое, в то время как наружность Лаундриха дышала хитростью и злобой.

Это были худшие солдаты моего отряда. Я имел основания думать, что они бежали в Америку, спасаясь от каторги. На прошлое людей, добровольно вступавших в действующую армию, у нас в те дни смотрели сквозь пальцы.

— Булли, — сказал я, когда он подъехал ко мне, — покажи-ка, что у тебя в ранце?

Циничная усмешка появилась у него на губах.

— Что у него там? — спросил я капрала, горя нетерпением узнать, какой предмет, помещающийся в обыкновенном солдатском ранце, может покрыть позором целый отряд.

— Кусок человеческого мяса, — ответил капрал.

В этот момент Булли уже вытащил из ранца свое сокровище. Зная, что некоторые товарищи проникли в его тайну, он решил, что обмануть начальство не удастся, и, не тратя времени на проволочки, сразу показал мне интересовавший меня предмет.

Это был человеческий палец с массивным золотым кольцом, глубоко врезавшимся в раздувшееся тело. Благодаря тому что его обрубили очень неискусные руки, на нем осталась часть двух соседних пальцев. Сделано же все это было исключительно потому, что снять кольцо оказалось невозможным.

Вид отрубленного пальца был поистине ужасен. Я приказал всыпать негодяю изрядное количество ударов плетью. Кто-то сообщил мне, что кольцо принадлежало тому же генералу, с которого Лаундрих стащил сапоги.

Распорядившись выбросить жалкий кусок гниющего человеческого мяса, я спрятал кольцо с намерением вернуть его при случае родственникам покойного и двинулся в дальнейший путь. Оба происшествия, имевшие место в моем отряде, произвели на меня удручающее впечатление.

Глава XVI ЛОШАДЬ БЕЗ СЕДОКА

Приблизительно на половине дороги в Халупу мы сделали привал в местечке Коррал-Фалсо, что в переводе с испанского значит «Ложная ограда».

Происхождение этого названия мне неизвестно. Во всяком случае большая каменная, постепенно разрушающаяся ограда и до сих пор стоит на вершине незначительной возвышенности, на которой расположена деревня.

В былые дни ограда эта служила, должно быть, загоном для скота или местом нагрузки для вьючных мулов, но в описываемое мною время ею больше не пользовались. Густо поросшая кустами и травами, она производила впечатление развалины.

Самая деревня тоже, по всей вероятности, знавала более счастливые времена. Но в тот жаркий летний день, когда мы сделали в ней привал, она представляла собою крохотную ранчерию, то есть совокупность нескольких хижин, носящих в Мексике название ранчо.

Отступающая мексиканская армия и преследующие ее американские войска спугнули немногочисленных обитателей Коррал-Фалсо. Крестьяне спрятались в густом чапарале, окружавшем ранчерию.

Однако, пробыв там сутки, они так проголодались, что вынуждены были вернуться в свои разоренные хижины. Голод придал им мужества.

Итак, мы застали население Коррал-Фалсо на местах. Представители обоих полов, молодые и старые, одинаково трепетали при нашем приближении и, видимо, бесконечно обрадовались уже тому, что мы не обнаруживали желания их съесть.

Я так подробно останавливаюсь на описании Коррал-Фалсо не потому, что она заслуживает внимания читателя, а потому что именно в этом месте произошел инцидент, благодаря которому я потерял двух солдат и чуть не погиб сам.

Сделали мы привал для того, чтобы покормить наших лошадей. Нам пришлось прибегнуть к собственным запасам, так как овсом, оставшимся в ран-

черии, вряд ли удалось бы насытить даже цыпленка.

Вскоре после нашего приезда в Коррал-Фалсо мне доложили, что одна из лошадей отказывается от пищи и, по-видимому, находится при последнем издыхании.

От солнечного удара или от какой-то другой, неизвестной причины у нее начались судороги. В конце концов она упала на дорогу и забилась в предсмертной агонии.

Эта лошадь принадлежала лейтенанту моего отряда.

В обычное время гибель бедного животного прошла бы почти незамеченной. Но при данных условиях это заурядное, казалось бы, событие поставило передо мной довольно трудную дилемму. Я решил дать лейтенанту лошадь одного из солдат. Но как быть с этим солдатом? В полученном мною приказе говорилось, что мы должны прибыть в Халапу не позже вечера. Не могло быть и речи о том, чтобы какой-нибудь из моих стрелков оказался в состоянии утнаться за нами пешком.

Конечно, проще всего было бы посадить этого солдата на круп лошади одного из его товарищей. Но все наши лошади были так измучены долгим походом, что среди них вряд ли нашлась хотя бы одна, способная выдержать двойную ношу.

В то время как мы с лейтенантом обсуждали создавшееся положение, к нам на помощь пришел случай.

Я уже сказал, что к маленькой ранчереи вплотную подходил густой чапараль, как бы сжимавший ее в своих колючих объятиях.

Однако далеко не вся окружающая местность была покрыта кустарником и лесом. Чапараль тянулся лишь на небольшом расстоянии. По обеим сторонам его расстилались обширные луга, поросшие густой травой, среди которой виднелись кактусы, высокие, сочные агавы и множество диких, необыкновенно ароматных цветов.

Впрочем, мы совершенно равнодушно смотрели на любопытнейшие экземпляры растительного царства Мексики. Оно уже успело порядочно надоесть нам. Гораздо больше заинтересовал нас громкий топот несущейся галопом лошади, внезапно раздавшийся из чапарала. Следует заметить, что торфяная почва Коррал-Фалсо отличается необыкновенной твердостью.

Едва успел долететь до моего слуха звонкий стук копыт, как я увидел лошадь, мчавшуюся по склону холма по направлению к ранчереи.

На ней было седло, но не было ни уздечки, ни всадника.

Благородное животное оказалось великолепным мустангом серовато-стальной масти. Серебряные украшения на седле свидетельствовали о том, что оно принадлежит или, вернее, принадлежало какому-нибудь офицеру, по всей вероятности, полковнику или генералу.

Вид оседланного коня, скачущего во весь опор по пустынной местности, несколько не поразил нас. В продолжение похода мы часто встречали лошадей, блуждавших по окрестностям и буйно радовавшихся свободе. В то время как они наслаждались жизнью, их хозяева спали непробудным сном там, где их настигла шальная пуля.

Если бы этот мустанг попался нам на глаза в другую минуту, мы вряд ли обратили на него внимание. Но при данном положении вещей лошадь была нам необходима. И вот прямо на нас мчался оседланный конь, как будто пред-

лагавший нам свои услуги.

Едва ли, впрочем, мустанг был полон таких великодушных намерений. В этом я окончательно убедился, когда, приблизившись шагов на двадцать к месту нашей стоянки, он остановился как вкопанный, громко фыркнул и с тревожным ржанием поскакал на вершину холма.

Высокие тощие лошади, которые стояли на деревенской улице, опустив морду в мешки с овсом, очевидно, показались ему не сородичами, а врагами.

Что касается наших коней, то они просто не заметили беспокойного пришельца. У них не было никакой охоты взбираться по крутым склонам. Они не испытывали ни малейшей потребности ржать по пустякам; как бы понимая, что отдых будет продолжаться недолго и что каждая минута его дорога, они невозмутимо продолжали жевать овес.

Добравшись до вершины холма, мустанг остановился и, закинув голову назад, снова заржал. Мне почудилось, что он насмехается надо мной и бросает мне вызов.

Только одна из наших лошадей была способна догнать этого мустанга, и только один всадник мог овладеть им.

Рискуя показаться хвастуном, я все же назову читателю имя этой лошади и этого всадника. Это были мой гордый скакун Моро и я, капитан Эдуард Уорфилд, начальник вольного стрелкового отряда.

Охотясь сперва на зайцев и лисиц у себя на родине, а потом на оленей в лесах, покрывающих склоны Аллеганских гор, я привык безукоризненно твердо сидеть в седле. Долгие скитания по вольному Западу научили меня искусству владеть лассо, этим изумительным оружием прерий и пампасов.

Я так часто пользовался им, что мало-помалу оно стало так же необходимо мне, как уздечка. Без него я не мог ступить ни шагу. И даже во время войны, будучи начальником отряда, по характеру своему в равной мере напоминающего и гверилью, и эскадрон, я всюду возил с собою блестящее тонкое лассо, сделанное из конского волоса.

Это оружие казалось мне таким же ценным, как и пистолет, торчавший у меня за поясом. Обычно оно было прикреплено к луке моего седла. Разговаривая в Коралл-Фалсо с лейтенантом, лишившимся лошади, я машинально смотрел на лассо, поблескивавшее у гривы Моро, который спокойно пережевывал свой овес.

Лейтенант заметил это и бросил на меня умоляющий взгляд. Я без труда прочел его мысль.

Моему товарищу страстно хотелось овладеть красивым серовато-стальным мустангом.

Но поймать его могли только я и Моро.

Я понял взгляд лейтенанта. В ту пору я был очень тщеславен и радовался каждой возможности отличиться на глазах подчиненных мне солдат.

Они тоже посматривали на меня. Не долго думая, я вскочил в седло и пустился в погоню за мустангом.

Глава XVII

ОХОТА НА МУСТАНГА

Моро, как будто понимал, что я нуждаюсь в его помощи. Не ожидая моих указаний, он свернул к холму, на вершине которого стоял все еще продолжавший ржать мустанг.

Держась под прикрытием кактусовых растений, я осторожно въехал на холм. Если бы мне удалось приблизиться к мустангу, не спугнув его, мое лассо не замедлило бы обвиться вокруг его шеи.

Но на такую легкую победу нельзя было рассчитывать.

Мустанг находился в возбужденном состоянии. Я понимал, что мне предстоит взять его хитростью или измором.

Решив, что проще всего подкрасться к нему из-за деревьев, подле которых он остановился, я продолжал тихонько ехать вперед.

Однако из этого ничего не вышло. Занимая удобную позицию на вершине холма, мустанг видел все, что творилось на склонах. Не успел я проделать и половины намеченного мною пути, как он повернулся ко мне спиной и с пронзительным ржанием обратился в бегство.

Пришпорив Моро, я поспешил к месту, где только что находилось животное.

Когда я достиг вершины холма, глазам моим открылась малоутешительная картина. Мустанг был уже далеко. За то время, что я поднимался в гору, он проскакал добрых полмили и теперь мчался галопом по направлению к Рио-дель-Плану.

Я остановился в нерешительности. Погоня за ним могла завлечь меня в глубь страны. Время было мне крайне дорого. Я получил приказание явиться в главный штаб до наступления вечера. В американской армии того времени кавалерия была очень малочисленна; всяким даже самым незначительным отрядом ее очень дорожили. Я не имел права бесконтрольно распоряжаться моими стрелками. Ввиду всего этого мне, разумеется, следовало немедленно повернуть обратно.

И я готов был уже сделать это, когда одно неожиданное обстоятельство заставило меня изменить мое намерение.

В то время как я смотрел на убежавшего мустанга, который, казалось, с минуты на минуту должен был скрыться в густом лесу у подошвы холма, он внезапно остановился, взглянул в мою сторону и, высоко подняв голову, громко заржал.

Его ржание, гордо закинутая голова и независимый вид, казалось, говорили мне: «А ну-ка, попробуй!»

Да, в поведении мустанга бесспорно было что-то вызывающее.

Присутствие стрелков, наблюдавших за каждым моим движением, еще больше подзадоривало меня.

Чувство долга приказывало мне немедленно вернуться к ним и продолжать прерванный путь. Но страстное желание довести до конца дело, за которое я взялся с таким жаром, оказалось сильнее чувства долга. Махнув рукой на все, я решил погнаться за мустангом.

Увидев, что я приближаюсь к нему, он снова обратился в бегство, но вместо

того, чтобы углубиться в лес, поскакал вдоль по опушке, по направлению к юго-востоку.

Это было как раз то, что мне нужно. Я считал, что на открытом месте могу догнать и его, и всякого другого мексиканского скакуна. Только бы он не догадался воспользоваться каким-нибудь прикрытием.

В прериях Техаса мне часто случалось охотиться на его диких сородичей. Но такого быстрого мустанга я не преследовал еще никогда. Скоро сомнение в возможности успеха овладело мною.

Я проехал уже по крайней мере милю вдоль опушки леса, а расстояние между мною и моим врагом нисколько не уменьшилось. Вера в Моро начала покидать меня. Печальнее всего было то, что он добросовестно мчался во весь опор, тогда как мустанг, казалось, берег свои силы.

— Это достойный соперник, Моро, — не без досады промолвил я. — Большой вопрос еще, кто из вас двоих одержит победу.

Понял ли Моро мой упрек? Я вполне допускаю это. А может быть, он сам думал то же, что и я. Как бы то ни было, он прибавил ходу. Вскоре расстояние между ним и мустангом стало заметно уменьшаться.

Причиной этого было одно обстоятельство, о котором я в ту минуту не подумал. Первую милю Моро пришлось скакать вниз по склону холма. Между тем он был чистокровной арабской лошадей. Его предки, жившие в Сахаре, передали ему по наследству способность изумительно быстрого бега на ровном месте. Мустанг же, бывший по рождению и навыкам типичным жителем гор, проявлял во всем блеске свои качества именно при подъемах и спусках.

Галопируя вниз по склону холма, он с легкостью удерживал выигранное им расстояние. Но как только мы выехали на ровное место, Моро стал так быстро нагонять его, что я невольно схватился рукой за луку седла, к которому было прикреплено мое лассо.

Быстро проскакали мы вторую милю. С каждой минутой я отчетливее видел перед собой сверкающие копыта мустанга. И вдруг произошло нечто совершенно необъяснимое. Мустанг внезапно исчез из виду.

Глава XVIII

РОКОВОЕ ЛАССО

В исчезновении беглеца не было ничего таинственного. Я пришел к заключению, что он просто повернул вправо и скрылся в лесу, вдоль опушки которого я до тех пор преследовал его.

Лучше всего было бы перерезать ему дорогу и встретиться с ним лицом к лицу. Но я не решился на это, боясь заблудиться в чаще и потерять след животного.

Скоро я доехал до того места, где, как мне показалось, он свернул в лес.

Однако мне это только показалось. Мустанг свернул не в лес, а в аллею, или, вернее, в просеку, по которой и мчался во весь опор.

Без колебаний последовал я за ним. Возбуждение, охватившее меня, дошло до такой степени, что я совершенно перестал думать о возможных последствиях моей затеи. Моро был настроен так же легкомысленно, как и его хозяин. Мы быстро углубились в лес, становившийся с каждой минутой все мрачнее и мрачнее.

Судя по шелковистому пушку, устилавшему землю, он состоял преимущественно из бавольника. Одновременно с этим наблюдением я сделал другое, гораздо более существенное. И в то же самое время в мозгу моем промелькнула мысль: «Не слишком ли далеко заведет меня эта бешеная скачка?»

Проносясь галопом по лесной дороге, я заметил, что она испещрена следами лошадиных копыт. Не могло быть сомнений в том, что какие-то всадники проскакали здесь, придерживаясь одинакового со мной направления.

Сперва я подумал было, что следы эти оставлены табуном лошадей, принадлежащих владельцу одной из гасиенд, которые в этой полулесистой, полустепной местности насчитывались десятками, но мне скоро пришлось отбросить это предположение, так как при ближайшем рассмотрении оказалось, что на земле отпечатались не просто копыта, а копыта *подкованные*.

Я знал, что владельцы гасиенд никогда или почти никогда не держат в своих табунах подкованных лошадей. Следовательно, лошади, проскакавшие впереди меня по лесной дороге, были оседланы, и на них ехали люди.

Прежде чем прийти к этому выводу, я успел уже довольно далеко углубиться в лес.

При таких условиях мой охотничий пыл в значительной мере остыл. Передо мной проехал отряд мексиканцев. Это было для меня совершенно очевидно. Я находился на расстоянии добрых трех миль от большой дороги, соединяющей Вера-Круц с Халапой. В сторону от этой дороги не уклонялся ни один из наших кавалерийских отрядов.

К тому же подмеченные мною следы несомненно принадлежали мустангам, или мексиканским лошадям, отличающимся от обыкновенных меньшими размерами копыт.

Итак, здесь проехал кавалерийский отряд наших противников, разбитых при Серро-Гордо. В этом направлении американцы не преследовали их, и потому им нечего было особенно торопиться.

Раскаяние в собственном легкомыслии начало овладевать мною. Полумашинальным движением я дернул поводья, чтобы повернуть назад, как вдруг

приманка, завлекшая меня так далеко, предстала передо мною в новом, еще более соблазнительном свете.

Я заметил то, чего не замечал раньше, — уздечку, прикрепленную к седлу мустанга.

Мне сразу стало ясно, почему он блуждает без седока по чапаралю. Если бы он был взнуздан, можно было бы подумать, что владелец его погиб при Серро-Гордо или во время беспорядочного отступления мексиканской армии.

Но уздечка, спускавшаяся с луки седла, уздечка с мундштуком, цепочкой и наглазником исключала возможность такого предположения и всем своим видом доказывала, что мустанг убежал с какой-нибудь временной стоянки, где его разнуздали, чтобы дать ему корм.

На мое решение продолжать охоту повлияла, конечно, не эта догадка, а то обстоятельство, что спускавшиеся с седла поводья уже начинали волочиться по земле. Рано или поздно они неминуемо должны были обвиться вокруг ног мустанга и замедлить его бег.

Мне предстояло восторжествовать над врагом благодаря чистой случайности. Но я не особенно огорчился этим, так как вокруг меня не было ни души.

Товарищи мои никогда не узнают, каким способом мне удалось достигнуть цели. Не с пустыми руками и потупленным взором вернусь я к ним. Нас — меня и Моро — встретят как триумфаторов. А за нами будет идти на поводу серовато-стальной мустанг.

Опьяненный радужными мечтами, я еще раз вонзил шпоры в бока моего славного коня, что было совершенно излишне, так как он и сам рвался вперед. Как будто понимая, что я сделал это машинально, Моро безропотно стерпел мою напрасную жестокость.

Она была тем более ненужной, что в то самое мгновение, когда я совершил ее, беглец запутался в собственной уздечке и упал на бок.

Не успел он подняться, как Моро очутился подле него. Я соскочил на землю, накинул на шею мустанга лассо, и таким образом он стал моим пленником.

Оставалось только радоваться удаче: именно ей и ничему другому я был обязан этим торжеством.

Укрепив на шее мустанга лассо, я решил взнуздать его и повести за собою на поводу в Коралл-Фалсо.

Радость кружила мне голову. При мысли об одержанной победе я невольно улыбался и заранее переживал восторг, который мне суждено было испытать по возвращении в ранчерию.

Обратный путь мало смущал меня. Я должен был только привязать красавца пленника к моему седлу, вскочить на своего коня и спокойно ехать по направлению к «Ложной ограде».

Я забыл о том, что жизнь полна неожиданностей.

Как только я подошел к Моро с намерением сесть на него и повернуть по направлению к ранчерию, раздался странный свистящий звук. Кровь застыла у меня в жилах.

Громкий крик, последовавший за странным звуком, мало удивил меня. Я почти ожидал его.

Этот звук мне случалось слышать очень часто: это был свист рассекающего воздух лассо. Неистовый крик, раздавшийся мгновение спустя, доказывал, что кто-то чувствовал себя вполне удовлетворенным собственной ловкостью.

Я поспешно оглянулся. Безграничное отчаяние охватило меня. Надо мною повисла целая паутина оканчивавшихся петлями веревок.

Все дальнейшее произошло с молниеносной быстротой. В то самое мгновение, когда слышался свист, я почувствовал, что в тело мое впиваются веревки, а следующее мгновение ноги мои подкосились, и я со всего размаха упал на спину.

Глава XIX САЛЬТЕАДОРЫ

Несмотря на всю внезапность и неожиданность этого нападения, я сразу понял, с кем имею дело. Меня захватили в плен мексиканцы.

Вокруг теснилась группа всадников. Их было человек сорок. На регулярный кавалерийский отряд они походили мало, но все были вооружены с головы до ног. По всей вероятности, они заметили меня в то время, как я мчался по длинной просеке, не подозревая, что какое-либо живое существо следит за мной.

Возможно также, что они не видели меня, но догадались о моем приближении по громкому стуку копыт Моро или же обратили внимание на мустанга, убегающего от чьего-то преследования.

Во всяком случае, мое появление не было для них неожиданностью; они поспешили устроить засаду, спрятавшись за деревьями, теснившимися по обеим сторонам просеки.

В голове моей промелькнула совершенно фантастическая мысль. Я подумал, что серый мустанг был нарочно подослан ко мне в виде приманки.

Побарахтавшись некоторое время на одном месте, я наконец встал на ноги. Мексиканцы окружили меня со всех сторон. Многочисленные лассо, обвивающиеся вокруг моего тела и сжимавшие, словно тисками, мои руки, шею, ноги и талию, больно давали мне чувствовать, что я в плену.

Всякая попытка освободиться от этих тонких и крепких веревок была обречена на неудачу. При первом же подозрительном жесте с моей стороны меня бы снова бросили на землю. Сопrotивляться было бессмысленно.

Отлично понимая это, я молча покорился своей участи и стал наблюдать за моими врагами.

Вид у них был в достаточной мере живописный. Крайнее разнообразие костюмов придавало им сходство с труппой странствующих комедиантов. Среди них не нашлось бы и двух человек, одетых совершенно одинаково. Но я обнаружил это лишь при ближайшем рассмотрении. Сначала мне бросились в глаза только широкополые сомбреро и бархатные штаны, делавшие всадников несколько похожими друг на друга.

Некоторые из них носили вокруг шеи длинные шарфы, спадавшие на грудь. Все были превосходно вооружены. Кроме длинных охотничьих ножей (мачете) и пик мое внимание привлекли небольшие ружья (эскопеты), прикрепленные к седлам.

— Гверилья! — пробормотал я сквозь зубы, полагая, что меня захватили в плен гверильясы.

К сожалению, это предположение оказалось неправильным. Скоро мне пришлось сознаться в собственной ошибке. Хищное выражение лиц, грубые

движения, ругань, ежеминутно срывавшаяся с уст моих врагов, и некоторые другие особенности — все доказывало, что я попал не в руки партизан, а в когти саль-теадоров, то есть разбойников с большой дороги.

Это открытие было не из приятных, и я почувствовал себя не на шутку встревоженным.

Как общее правило, мексиканских бандитов трудно упрекнуть в кровожадности. С людьми, покорно отдающими им свои кошельки, они обращаются вполне сносно. Целью их существования является грабеж, а не убийство. Жизни одиноких путников, на которых они обычно нападают, опасность угрожает только в том случае, если эти несчастные оказывают сопротивление.

Но в описываемое мною время, когда вся Мексика была на военном положении, сальтеадоры жестоко разделялись с американцами, имевшими несчастье попасть в их руки. Пленники подвергались разнообразным и мучительным пыткам.

Глядя на свирепые физиономии окружавших меня бандитов, я понял, что мне грозит смертельная опасность. По всей вероятности, меня сожгут живым или четвертуют. А может быть, с меня сдерут кожу. А может быть... Словом, десяток предположений, одно ужаснее другого, вихрем пронесся в моем мозгу.

Два-три подошедших ко мне разбойника обыскали меня с ног до головы. Сделали они это в достаточной степени грубо.

Мгновение спустя к нам подъехал человек, пользовавшийся среди них, по видимому, известным авторитетом. Слово «капитан», произнесенное несколькими голосами при его появлении, указывало на то, что он был предводителем шайки. Его наружность как нельзя более соответствовала этому.

Это был высокий, широкоплечий человек со смуглым лицом, густой бородой и длинными усами. Необыкновенная роскошь его одежды невольно обращала на себя внимание. На нем был национальный костюм из дорогого материала, украшенный узорчатыми золотыми галунами, пуговицами в виде бубенчиков и тонкой вышивкой.

Лицо разбойника показалось бы мне красивым, если бы его не портило выражение крайней жестокости. Злоба, которой дышало это лицо, придавала ему нечто сатанинское.

Из-под черных, как смоль, усов блестели ослепительно белые зубы. В тот момент, когда вождь сальтеадоров подошел ко мне, они были ослаблены и на полных губах играла довольная улыбка, сильно напоминавшая гримасу.

Его радость была мне понятна. Еще бы! Ведь ему удалось захватить в плен одного из врагов его родины! Мне и в голову не приходило, что он заинтересован именно моей персоной.

Однако одно обстоятельство несколько удивило меня. Когда предводитель обратился с каким-то приказанием к стоявшему рядом со мною разбойнику, мне показалось, что я уже слышал где-то его голос.

Не могу сказать, чтобы звук этого голоса был слишком приятен. Он сразу вызвал во мне какое-то неопределенно тягостное чувство. Но почему у меня появилось такое чувство, я не знал.

Еще задолго до начала кампании я основательно изучил Мексику и ее население. Знание испанского языка ставило меня в особо выгодные условия и позволяло близко сходить с мексиканцами. Но я встречался с таким количеством их, что не мог бы узнать какого-нибудь случайного знакомого по одно-

му лишь звуку его голоса.

В данном случае это было особенно трудно, так как, насколько мне помнилось, я никогда еще не имел дела с сальте-адорами.

Я рассмотрел лицо начальника настолько внимательно, насколько это позволяли обстоятельства. Ни одна черта его не показалась мне знакомой.

Неужели же я ошибся?

Желая проверить первое впечатление, я стал прислушиваться. Ждать пришлось недолго. На этот раз предводитель обратился не к своим товарищам, а ко мне.

— Добро пожаловать, кабальеро! — воскликнул он, подходя к тому месту, где я стоял, и торжественно улыбаясь. — Добро пожаловать! Очень рад вас видеть. Тем более рад, что считаю своим приятным долгом отплатить вам за услугу, которую вы оказали мне прошлой ночью.

С этими словами сальтеадор сбросил с себя плащ и показал мне свою правую руку. На бинте, которым она была перевязана, виднелись следы крови.

Память моя внезапно прояснилась. Я сразу понял, почему голос сальтеадора показался мне таким знакомым. Это был тот самый голос, который я слышал прошлой ночью, тот самый голос, который угрожал брату Лолы, тот самый голос, который воскликнул: «Умри, Калрос Вергара!»

Если бы не мое неожиданное вмешательство, злодей привел бы в исполнение свою угрозу.

Никаких объяснений больше не требовалось. Передо мной стоял Рамон Райас.

— Как вы себя чувствуете? — продолжал он насмешливо. — О, современный Дон Кихот, защитник слабых и угнетенных! Ха-ха-ха!

Райас громко расхохотался.

— Черт возьми! — продолжал он, оборачиваясь и глядя на красавца Моро, опутанного таким же количеством веревок, как и его хозяин. — У вас, однако, есть большое преимущество перед Ламанчским рыцарем. Великолепный конь. Я с удовольствием буду на нем ездить. Карамба! Он создан как будто специально для меня.

Сальтеадор сделал знак разбойнику, державшему Моро под уздцы.

— А ну-ка, Сантучо! Замени это дурацкое седло моим. Давно я мечтал о такой лошади. Спасибо, сеньор американо! Могу предложить вам в обмен свою. Она ничего не будет иметь против. К тому же, вы прокатитесь на ней только один раз. А потом вам предстоит совершить прыжок в бездну вечности. Ха-ха-ха!

На все эти язвительные речи я отвечал гробовым молчанием. Слова мои произвели бы на Райаса не большее впечатление, чем шорох листьев. Отдавая себе отчет в этом, я воздерживался от всяких реплик.

— На коней, черти! — крикнул Рамон Райас, грозно поглядывая на своих товарищей. — Возьмите пленника! Покрепче привяжите его к лошади и зорко следите за тем, чтобы он не удрал. Если это случится, вы дорого заплатите за свою небрежность и лишитесь возможности полюбоваться приятным зрелищем, которым я собираюсь развлечь вас, как только мы приедем в Ринконеду.

С этими загадочными словами Райас вскочил на моего славного коня. Моро шархнулся в сторону, раздраженный не только непривычной тяжестью мек-

сиканского седла, но и тем, что его коснулась рука человека, в котором он сразу почувствовал врага.

Грубо взвалив меня на спину одной из своих лошадей, разбойники крепко прикрутили к седлу мои руки и ноги. Начальник скомандовал: «Вперед!»

По обеим сторонам от меня ехали два всадника, неотступно следившие за каждым моим движением. Всякая возможность бегства была исключена.

Глава XX СПУТНИК РАМОНА РАЙАСА

На небольшом расстоянии от того места, где на меня напали разбойники, дорога выходила из лесу и сворачивала в чапараль.

До сих пор густая тень огромных деревьев мешала мне хорошенько рассмотреть лица моих врагов. Как только лесной сумрак остался позади, я поспешил наверстать потерянное время.

Да, меня окружали настоящие сальтеадоры.

Впрочем, я знал это с самого начала. Последние мои сомнения рассеялись в ту минуту, когда обнаружилось, кто является их предводителем. Калрос говорил мне, что большинство гверильясов, находящихся под командой Райаса, — бывшие разбойники.

Отряд, захвативший меня в плен, представлял собою не целую гверилью, а лишь ее остатки. Он состоял исключительно из людей, до начала войны разбойничавших вместе с Райасом.

Их было не сорок, как мне показалось сначала, а всего только около тридцати. Но чем больше я присматривался к их грубым и свирепым физиономиям, тем больше я склонялся к убеждению, что таких типичных и таких живописных бандитов мне еще не случалось встречать... Они смело могли соперничать со своими знаменитыми итальянскими собратьями.

Разбойники ехали в стройном порядке, по два в ряд. Но к этому их принуждала скорее узкая дорога, чем требовательность Рамона Райаса.

Время от времени, когда навстречу нам попадались прогалины, ряды моих спутников расстраивались. Порядок водворялся только в силу необходимости при новом сужении дороги.

Что касается меня, я по-прежнему ехал под конвоем двух угрюмых молодцов, вооруженных длинными блестящими ножами. При малейшем моем подозрительном движении они убили бы меня без колебаний.

Впрочем, о попытке к бегству не могло быть и речи. Руки мои были закручены за спиной, веревки крепко впивались в мое тело, и я чувствовал себя совершенно парализованным. Даже лошадь, на которой меня везли, была на привязи: продев в цепочку ее уздечки лассо, мои телохранители прикрепили конец его к седлу самого Райаса.

Мы ехали по дороге в Оризаву.

Ошибиться относительно направления было невозможно. Прямо перед нами, четко вырисовываясь на безоблачно синем небе, виднелась белоснежная вершина великого Цитлапетля.

С вершины холма, через который мы перевалили вскоре после того, как кончился лес, я тщательно осмотрел окружающую местность. Мы находились совсем близко от Серро-Гордо, настолько близко, что, оглянувшись назад (мы

ехали в противоположную сторону), я увидел реющий над возвышенностью Эль-Телеграфо американский флаг с полосами и звездами.

Погоня за мустангом увлекла меня на несколько миль от Коррал-Фалсо. Как оказалось, я все время ехал не вперед, а назад, почти параллельно главной дороге, по которой двигались наши войска. Только углубившись в лес, я несколько свернул в сторону по направлению к Оризаве.

Когда я сообразил все это, мне стало совершенно ясно, каким образом я попал в руки Райаса и его банды.

Дождавшись окончания битвы, сальтеадоры спрятались где-нибудь в окрестностях Серро-Гордо. По всей вероятности, они сделали это с целью грабежа. Во всяком случае, рядовыми членами шайки вряд ли руководили другие побуждения. Но у предводителя их была, несомненно, иная цель. Мне предстояло скоро убедиться в этом.

Характер местности, со всех сторон окружавшей Серро-Гордо и представлявшей собою обширные пространства, сплошь покрытые густым кустарником, как нельзя более соответствовал планам грабителей. В чапарале им не грозила опасность быть настигнутыми. Они великолепно знали, что американские войска преследуют мексиканскую армию по дороге в Халапу. Беглецы, спрятавшиеся в глубине страны, могли быть совершенно спокойны.

Осуществив планы (какие именно, я не знал), удерживавшие их поблизости от поля битвы, разбойники направились в другое место.

Преследуя мустанга, так неожиданно завлекшего меня в засаду, я мчался не навстречу им, а вслед за ними.

Да и теперь, будучи их пленником, я продолжал ехать за ними. Позади меня скакали только четыре всадника.

Впереди, во главе всего маленького отряда, гарцевал на моем Моро Райас. Мне казалось странным, что негодяй не обращает на меня никакого внимания и не пристает ко мне со своими жестокими насмешками.

Я объяснил себе это исключительно его терпеливым характером и тем, что час моих мучений еще не пробил.

В том, что меня ожидают какие-то страшные мучения, в след за ними и смерть, я ни минуты не сомневался. Вражда, возникшая между мною и предводителем разбойников, могла окончиться только гибелью одного из нас. Судьба как будто решила принести меня в жертву. Если бы даже я не видел отвратительной усмешки на лице Райаса, если бы он не издевался надо мной, говоря об услуге, которую я оказал ему, все равно я знал бы, что мне предстоит умереть.

Недаром он обещал сразу же после прибытия в Ринконаду развлечь своих товарищей каким-то любопытным зрелищем. Я был уверен, что в этом зрелище мне отведена роль главного героя, или, вернее, главной жертвы.

Некоторое время я ехал, погружившись в глубокую печаль. Размышления мои были не из приятных. Но вдруг нить их прервалась. Мой рассеянный взгляд случайно упал на Райаса.

До той минуты я как-то не обращал внимания на странного всадника, ехавшего рядом с ним. По всей вероятности, это происходило потому, что он был приблизительно на целую голову ниже остальных сальтеадоров и они закрывали его от меня.

После того как мы перевалили через вершину холма и начали спускаться

по противоположному склону, мне стало гораздо виднее все происходящее в авангарде. Вот тут-то маленький спутник Райаса и привлек мое внимание. Правильнее было сказать не «привлек», а «приковал». Все остальное сразу перестало существовать для меня, решительно все, вплоть до мыслей о собственной печальной участи.

С первого взгляда я принял спутника Рамона за юношу или мальчика-подростка. На голове его было самое обыкновенное мужское широкополое сомбреро. Седло под ним тоже было мужское.

Всмотревшись внимательнее, я почувствовал себя не способным оторвать взор от этого юноши. На мужское седло падали две длинные темные косы. В позе и фигуре всадника не было ничего угловатого, грубого, мужественного. Я понял, что товарищем начальника разбойничьей шайки была женщина.

По правде говоря, это открытие не особенно удивило меня. Амазонок в мужских шляпах каждый день можно встретить не только на мексиканских дорогах, но и на улицах больших мексиканских городов. Это явление давно уже стало для меня привычным.

И все-таки я чувствовал себя взволнованным до крайности. Во всем облике этой женщины или девушки мне чудилось что-то знакомое. Где я мог встречаться с нею?

Я видел только ее спину, плечи и затылок. Но и этого оказалось достаточно, чтобы одна смутная догадка промелькнула в моем воспаленном мозгу.

Однако мне не пришлось тратить время на предположения. Дорога, по которой мы ехали, сделала неожиданный поворот, и лица передних всадников повернулись ко мне профилем. Я отчетливо разглядел лицо девушки.

Выстрел в сердце не причинил бы мне такой мучительной боли и не заставил бы меня так похолодеть, как вид этого знакомого и милого лица.

Рядом с Райасом ехала Лола Вергара!

Глава XXI

МРАЧНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ

Не могу выразить словами той горести, которая охватила меня при виде молодой харочо.

В первую минуту я отказывался верить собственным глазам и думал, что меня ввело в заблуждение какое-нибудь случайное сходство.

Но при втором повороте дороги, гораздо более крутом, чем был первый, девушка почти совсем повернулась лицом в мою сторону. Последние мои сомнения исчезли. Рядом с Райасом действительно ехала Лола Вергара.

Лицо ее было слишком своеобразно и слишком красиво, чтобы даже в этой стране красавиц мог существовать ее двойник.

К тому же я узнал ее платье, то самое, которое было на ней, когда мы расставались шесть часов тому назад. Сомбреро же она надела, вероятно, желая защититься от горячих лучей тропического солнца.

Едва успел я окончательно прийти к убеждению, что в сотне шагов от меня находится Лола Вергара, как мы доехали до подошвы холма. Дорога перестала описывать зигзаги. С этой минуты до самого конца нашего путешествия мне только изредка удавалось бросить взгляд на предводителя шайки и его прекрасную спутницу.

Я не имел возможности наблюдать за лицами Рамона Райаса и Лолы Вергара. Но беспокойные мысли продолжали терзать меня. В течение получаса, оставшегося до нашего прибытия на место, я строил одно предположение за другим. На душе у меня становилось все тяжелее и тяжелее.

Первая мысль моя естественно вылилась в форму вопроса. Добровольно ли сделалась молодая харочо спутницей вождя сальтеадоров?

Ответ как будто напрашивался положительный. Громкие уверения Лолы, что она боится Райаса, могли быть в конце концов лицемерными. Впрочем, возможно, что она говорила правду. Но что из этого? Страх не помешал ей оказаться в его обществе.

Мне приходилось иметь довольно много дела с женщинами. Я знал, что страх нередко прокладывает в их сердцах дорогу нежности и что, обладая неограниченной властью над ними, сравнительно легко превратить их ненависть если не в любовь, то, во всяком случае, в чувство, очень к ней близкое.

Мне пришли на память все те выражения, в которых Лола говорила о Райасе. Прошлой ночью я не совсем понял их. И все-таки во мне зародилось сомнение в искренности ее антипатии к этому человеку.

Каким образом очутилась Лола подле Райаса? Мне казалось, что она едет рядом с ним не по принуждению, а добровольно.

Какое, однако, имел я право утверждать это? Беглый взгляд, брошенный на лицо Лолы, должен был убедить меня в обратном. Бледность покрывала ее щеки, глаза печально мерцали, плотно сжатые губы свидетельствовали о душевной скорби.

Правда, мне удалось увидеть ее лицо только мельком. Я дорого дал бы, чтобы проверить это мимолетное впечатление. Но как раз в ту минуту, когда я устремил на девушку пристальный взор, дорога выпрямилась, и Лола снова скрылась с поля моего зрения. Воспоминание о ее грустном лице вдохнуло в

меня немного бодрости.

Одно обстоятельство в равной степени изумляло и огорчало меня.

Почему Лола не оборачивается?

За все то время, что я смотрел на нее, она ни разу не повернула головы. Это казалось мне очень странным.

Знает ли она, что спутники ее захватили в плен американского офицера? Знает ли она, кто именно сделался их жертвой?

Все это было покрыто для меня мраком неизвестности. Во всяком случае, она не оборачивалась. Между тем, что бы она ни чувствовала, простое любопытство должно было бы заставить ее бросить взор назад.

Она ни разу не сделала этого. Почему? Мне казалось, что после событий минувшей ночи она не может отнестись равнодушно к моему бедственному положению, не может не заинтересоваться американским мундиром, резко отличавшимся от костюмов сальтеадоров.

На такое безразличие не способна ни одна женщина, к какой бы национальности она ни принадлежала.

Чем больше я думал об этом, тем больше я убеждался, что молодая харочо даже не подозревает о моем присутствии. На душе у меня немного просветлело.

Мне было бы бесконечно тяжело узнать, что Лола Вергара является постоянной спутницей разбойников, что она посвящена во все их гнусные замыслы, что ей известно, кого везут в арьергарде, крепко связанного по рукам и ногам.

Мои подозрения были для нее оскорбительны. К счастью, они постепенно рассеивались.

Предположение, что Лола даже и не подозревает о моем присутствии, подтверждалось обстоятельством, на которое я в свое время обратил недостаточно внимания.

Едва успели мы отъехать на расстояние полумили от места, где я был взят в плен, как разбойники сделали маленький привал, во время которого к ним присоединилось еще несколько всадников. По всей вероятности, среди них находилась и Лола. Если так, она свободно могла не знать, что произошло в ее отсутствие.

Такое объяснение казалось вполне правдоподобным. Оставалось только горько сожалеть о том, что, погруженный в тяжелую задумчивость, я не рассмотрел как следует лиц присоединившихся к нам всадников.

Как бы то ни было, это объяснение удовлетворило и обрадовало меня.

Да, иначе быть не могло. В сотый раз события прошлой ночи всплыли в моей памяти. После того как я спас жизнь ее брату, выказал столько участия, дал понять, что мое отношение к ней горячее и глубже простой симпатии, после того как она сама нежно смотрела на меня, после всего этого Лола Вергара не могла быть моим врагом.

Я чувствовал, что вокруг меня творится что-то загадочное.

Скоро, однако, все разъяснилось, Разбойничья шайка достигла цели своего путешествия и остановилась в маленькой ран-чери, бедные хижины которой казались совершенно необитаемыми. Очевидно, крестьяне разбежались при приближении разбойников.

Это была та самая Ринконада, о которой говорил Райас. Доехав до главной

площади, сальтеадоры смешались в одну беспорядочную толпу. Арьергард вплотную подошел к авангарду.

Я очутился рядом с Лолой.

Невыразимая радость наполнила мою душу, когда я увидел, что она привязана к седлу. Итак, ее держат в плену так же, как и меня. Наши глаза встретились. И с уст ее сорвался легкий крик, показавшийся мне слаще самых чудесных песен.

Обменяться хотя бы одним словом нам не удалось. Едва успели мы посмотреть друг на друга, как молодую харочо сняли с лошади и понесли в одну из маленьких хижин.

Глава XXII АДСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Времени на размышления у меня было мало. В течение нескольких минут, оставшихся в моем распоряжении, я попытался разобраться в планах моих врагов или, вернее, их предводителя.

С площади Ринконады открывался прекрасный вид на Цитлапетль. С его крутого склона взор как бы невольно переходил на лазурь небес.

Девственно-чистый снег, блиставший в вышине и обычно навевавший на меня мысли о невинности, в этот раз не вызвал во мне ничего, кроме тоски.

На склоне величественного Цитлапетля виднелась Оризава, главный город местности. Мне одному было известно — товарищи мои не знали этого, — что Эль-Койо бежал именно туда и нашел верное убежище в этой горной твердыне.

Разумеется, я не забыл содержание гнусного письма, найденного мною около катре в палатке, служившей временным убежищем мексиканскому главнокомандующему. Обещание Райаса ни на минуту не выходило у меня из головы: «В ближайшем будущем она будет спать в палатке вашего превосходительства».

Я слишком хорошо помнил эти слова.

План, приводимый в исполнение Райасом, стал мне совершенно ясен. Санта-Анна прятался или в самой Оризава, или в ее окрестностях. Следовательно, Оризава и была конечным пунктом нашего путешествия.

Чтобы осмыслить прошлое и будущее, особой проницательности не требовалось. Молодая харочо была взята в плен по дороге из Серро-Гордо в Лагарто. Может быть, разбойники напали на нее несколько минут спустя после нашей разлуки. Может быть, я сам был косвенно виноват в этом. Ведь Лола отстала от своих земляков, чтобы обернуться и сделать мне прощальный знак. Может быть, ее захватили в то время, как она шла рядом с носилками. Может быть, спутники ее разбежались при виде сальтеадоров. Может быть, несчастный Калрос...

На этом мои размышления оборвались. Ко мне подошел Райас. Его глаза горели жестоким торжеством. Он обещал развлечь своих товарищей каким-то интересным зрелищем. Ничто, казалось, не мешало ему исполнить свое обещание.

Я не знал и до сих пор не знаю, что должно было представлять собою это зрелище. При мысли о нем вспоминаются спектакли, возвещенные на афи-

шах, а потом отмененные. К счастью, этому спектаклю суждено было быть отмененным навсегда.

Рамон Райас приказал развязать меня и поставить на землю. Двое разбойников, до сих пор исполнявшие роль моих телохранителей, тотчас же исполнили его приказание.

Они развязали меня, грубо стащили с седла, снова связали в двух местах мои ноги и швырнули меня на землю. Мне казалось, что я превращаюсь в куль с мукой.

Все это время предводитель шайки стоял подле меня, наслаждаясь своей победой, издеваясь над моей беспомощностью и осыпая меня самыми отборными ругательствами, какие только существуют на испано-мексиканском языке.

С особенным удовольствием говорил Райас о своей красивой пленнице. Он иронически предлагал мне стать ее защитником и употреблял невероятно циничные выражения, неоднократно принимаясь описывать предстоявшую ей участь.

Более страшной пытке он не мог меня подвергнуть. Я предпочел бы всякую физическую боль, как бы мучительна она ни была. Отчаяние начало овладевать мною. Ведь я любил эту девушку!

Да, я любил ее. Несколько минут тому назад это чувство вспыхнуло с новой силой. Тяжелый камень упал с моей души, когда я понял, что Лола сопровождает сальтеадоров не по доброй воле, а по принуждению. Легкий крик, сорвавшийся с ее губ в ту минуту, как она узнала во мне товарища по несчастью, доказывал, что я ей тоже далеко не безразличен.

Взгляд, который она успела бросить на меня, был не менее красноречив. Наряду с удивлением и горечью в нем чувствовалось что-то невыразимо нежное.

Думая о Лоле, я в то же время невольно строил всевозможные предположения относительно зрелища, в котором мне, по-видимому, была уготована главная роль. В том, что апофеозом этого зрелища явится моя смерть, я не сомневался. Участь Лолы мне тоже была известна. Но как именно все это произойдет? Какие именно пытки ожидают меня?

Между тем Райас отошел от меня и направился к хижине, в которой была заперта прекрасная харочо.

Оба моих телохранителя продолжали стоять на страже. На лицах их появилась какая-то особенная усмешка.

Такое выражение мне случалось видеть у людей, наслаждающихся каким-нибудь забавным и в то же время жестоким зрелищем.

Точно так же усмехались остальные разбойники, толпившиеся у крыльца хижины, в дверях которой только что скрылся их предводитель.

Впрочем, он исчез не совсем: сквозь щели между стволами бамбуков, образовавших стены, можно было наблюдать все, что происходило внутри. Я отчетливо видел четыре человеческие фигуры. Три из них все время находились в движении. Четвертая оставалась неподвижной. Двигались, разумеется, Райас и два разбойника, принесшие девушку в хижину. Сама Лола сидела, опустив голову в руки. Ее поза свидетельствовала о глубоком отчаянии.

Что означало все это? Сальтеадоры явно ждали чего-то. Я видел это по довольным взглядам, которыми они все время обменивались между собой.

Мне стало ясно, что дьявольский спектакль начнется через несколько минут. Скоро мне стало ясно и другое. Главным действующим лицом в этом спектакле суждено было быть не мне, а Лоле Вергара.

Девушку, несомненно, ожидало что-то позорное.

Догадки одна страшнее другой с молниеносной быстротой проносились в моем мозгу. Я мучительно размышлял о том, что бы это могло быть, как вдруг Райас указал своим товарищам на неподвижную фигуру Лолы. Сразу поняв это молчаливое приказание, негодяи бросились к девушке и схватили ее за руки.

Она порывисто вскочила с места и вступила с ними в отчаянную борьбу. Громкие крики ее, доносившиеся из хижины, заставили меня содрогнуться, а у бесчувственных негодяев, толпившихся около крыльца, вызвали громкий взрыв хохота.

Смутно видя движение людей, находившихся в хижине, я долго не понимал смысла борьбы, происходившей между ними и Лолой. Мне показалось, что они раздевают ее или, вернее, стаскивают с нее одежду.

Не прошло и нескольких мгновений, как я убедился, что зрение не обмануло меня. Раньше, чем я успел отдать себе отчет в ужасе, совершавшемся на моих глазах, разбойники вытащили молодую харочо на крыльцо. Единственным покровом, защищавшим ее от наглых взглядов целой шайки разбойников, была тонкая сорочка, едва доходившая ей до колен.

В тот же миг два сальтеадора вынесли из хижины бамбуковую кровать и поставили ее как раз против того места, где я лежал. К этой-то кровати и потащили девушку.

Намерение негодяев угадать было нетрудно. Так вот на каких подмостках предстояло разыграть ужасной драме!

Роль палача готовился взять на себя сам Райас.

Веки мои невольно опустились. Я не мог смотреть ни на злодея, ни на его жертву. Рыдания Лолы, способные смягчить даже каменное сердце, не производили на Райаса никакого впечатления.

Я лежал на спине, устремив взор в небо. Яркая синева его казалась мне холодной и пустой. О, если бы на нем были грозные тучи! Я благословил бы молнию, которая бы поразила меня.

Лица моих телохранителей расплылись в отвратительные улыбки.

Заметив, что я невыносимо страдаю, они стали осыпать меня грубыми насмешками.

Но мне недолго пришлось выносить это. Один из негодяев, тот, который особенно злобно издевался надо мною, замолчал на полуслове.

Глухой крик вырвался из его груди; он зашатался и упал на землю.

Не прошло и секунды, как его товарищ, сраженный таким же образом, грохнулся на него.

Лица обоих были залиты кровью. Рядом со мной лежали два трупа.

Глава XXIII

БЕГСТВО САЛЬТЕАДОРОВ

Я больше обрадовался, чем удивился этому неожиданному и на первый взгляд даже таинственному обороту событий.

Впрочем, в них, конечно, не было ровно ничего таинственного. Я понял это, услышав два выстрела из винтовок, быстро последовавшие один за другим.

Приподняв голову, я посмотрел по тому направлению, откуда раздавались выстрелы. Никого не было видно. Но голубоватый дымок, клубившийся над опушкой чапарала, шагах в двадцати от меня, объяснил мне все. Относительно происхождения этого дыма сомнений быть не могло.

Пораженные разбойники огласили воздух дикими воплями: они совершенно растерялись и явно не знали, что предпринять.

Только после того как раздались вторые два выстрела и еще двое негодяев упали, как подкошенные, на траву, уцелевшие члены шайки пришли в себя и опрометью бросились к своим лошадям.

В тот же миг смятение их увеличилось еще больше. За маленькой ранчерией раздалось громовое «ура» и послышался тяжелый стук копыт. По дороге, быстро приближаясь к нам, мчался во весь опор отряд вольных стрелков.

Один только Райас не потерял присутствия духа.

В его хладнокровии было что-то поистине дьявольское.

Поняв, что ему грозит опасность, он тотчас же бросился к молодой харочо, поднял ее с бамбуковой кровати и направился с ней к своей лошади.

Ни один из товарищей не счел нужным помочь ему. Охваченные паническим страхом, негодяи думали только о своей шкуре.

Чтобы справиться с отбивавшейся от него Лолой, Райасу пришлось пустить в ход обе руки. Он быстро сбросил мешавшую ему перевязь.

Несмотря на сопротивление прекрасной пленницы, он втащил ее на коня, а потом вскочил на него и сам.

Мгновение спустя он уже мчался во весь опор, одной рукой держа уздечку, а другой крепко прижимая к своей груди полуобнаженное тело девушки. Напрасно пыталась она вырваться из его объятий: злодей крепко ухватился зубами за ее длинные темные косы.

Более страшной минуты я не запомню.

Между тем стрелковый отряд уже въезжал в деревню. Еще несколько раз грянули выстрелы. Я видел, как спасающиеся бегством сальтеадоры один за другим падали со своих лошадей. Но Райас оставался цел и невредим. Из страха подстрелить девушку никто не решался метить в него. Злодей прекрасно учитывал это.

Он ехал на моем славном Моро. Я знал, что никому из стрелков не удастся нагнать его, и это сознание сводило меня с ума.

— Целься в лошадь! — крикнул кто-то. — Лишь бы он очутился на земле. А там мы уж справимся с ним!

Наступила тишина. Я ждал выстрелов. Но они не раздались. Это объяснялось тем, что все стрелки заряжали свои винтовки.

Не будь этой короткой передышки, я бы вырвал из рук злодея мою возлюбленную, но лишился бы лучшего в мире коня. К счастью, от меня не потребо-

валось такой жертвы.

Наступившая тишина дала мне возможность собраться с мыслями.

С трудом приподнявшись на локтях, я напряг все свои силы и испустил громкий призывный крик, хорошо знакомый моему коню.

Моро услышал этот крик и понял его. Не успело смолкнуть гулкое эхо, как умное животное круто повернуло назад и помчалось в мою сторону.

Тщетно пытался Райас принудить его к повиновению. Моро больше слушался моего голоса, чем шпор сальтеадора.

Всецело поглощенный борьбой с конем, Райас перестал обращать внимание на свою пленницу. Тяжелые косы девушки выскользнули из его зубов. Воспользовавшись этим, Лола сделала отчаянное усилие и высвободилась из сжимавших ее объятий.

Мгновение спустя она очутилась на земле и пустилась бежать по направлению к ранчереи.

Райас с невыразимой досадой посмотрел ей вслед. Поняв, однако, что дело его проиграно и что справиться с Моро ему не удастся, он соскочил с седла и стремглав бросился в сумрак чапаралья, образующего в этом месте почти непроходимую чащу.

Выстрелив несколько раз ему вслед, мои молодцы отправились на поиски. Но, как это ни странно, никаких следов Райаса обнаружить не удалось.

По всей вероятности, он вскочил на одну из лошадей, которые в это время во множестве бродили поблизости.

Остальное можно рассказать в двух словах. Обеспокоенные моим долгим отсутствием, стрелки решили, что со мною случилось что-то недоброе, и поехали разыскивать меня. Благодаря таким превосходным проводникам, как охотники Рэб и Гари, им все время удавалось держаться правильного направления.

Выехав на лесную дорогу и увидав многочисленные следы подкованных лошадей, они встревожились не на шутку. Охотники без труда нашли то место, где я был взят в плен, и по некоторым признакам догадались обо всем, что со мною произошло.

Мои товарищи прищипорили коней и поскакали быстрым галопом. Медлительность разбойников, не подозревавших о погоне, и в особенности сделанная ими остановка позволили стрелкам сравнительно скоро догнать их.

Рэб и Гарри, как настоящие разведчики, все время держались в авангарде.

На небольшом расстоянии от ранчереи мои товарищи соскочили с лошадей и притаились в кустах.

Двойной залп из винтовок, так поразивший сальтеадоров, послужил сигналом к атаке.

Что касается присутствия молодой харочо в разбойничьей шайке, то мое предположение оказалось совершенно правильным. По пути между Серро-Гордо и Лагартто, расположенном на Рио-дель-Плане, она несколько отстала от кортежа, сопровождавшего ее брата. Воспользовавшись поворотом дороги, разбойники устроили засаду, неожиданно набросились на девушку, заткнули ей рот и унесли ее.

Все эти необыкновенные события разыгрались на протяжении суток.

Раньше, чем солнце успело зайти вторично, я уже скакал во главе моего маленького отряда по дороге в Халапу, между тем как прекрасная Лола, в серд-

це которой пробудились нежные чувства к ее спасителю, ехала под надежной охраной в родную ранчерию.

Расставаясь, мы дали друг другу обещание встретиться снова. Нужно ли говорить, что это обещание было исполнено!

ГАСПАР ГАУЧО

роман

Глава I

ЭЛЬ-ГРАН-ЧАКО

Разложите перед собой карту Южной Америки и обратите внимание на слияние двух больших рек; Саладо, текущей с вершин Анд к югу, и Параны, направляющейся с севера. Поднимитесь вверх по первой реке до города Сальта, в древней провинции Тукуман; затем, направляясь по второй реке и ее притоку Парагваю, идите до бразильской крепости Коимбры; соедините эти две точки кривой линией, обращенной выпуклостью к большой цепи Анд, — и у вас получится граница страны, менее всего известной, но в то же время одной из наиболее интересных стран Американского материка. Страна эта столь же романтична в своем прошедшем, сколь таинственна в эпоху, когда лодки Мендозы тщетно старались подойти к ней в Куско, пытаясь исследовать ее с запада. Это страна Эль-Гран-Чако. Вероятно, вам приходилось слышать это название, и если вы изучали географию, то вам, хотя бы только по имени, должна быть известна эта территория. Но если бы даже вы знали о ней столько же, сколько и пограничные жители, вы все же немного будете знать об Эль-Гран-Чако. Все, что они знают об этой стране, можно выразить двумя словами: горе и страдания.

Вы, наверно, еще в детстве слышали, что народы, в жилах которых течет испанская кровь, в дни их величия и славы завоевали весь Американский материк или, по крайней мере, ту часть его, которую они намеревались колонизовать и которая местами и донныне еще осталась под их владычеством. Но это историческая ошибка, каких, впрочем, немало.

Разыскивая золото, под охраной сильных военных экспедиций, завоевате-

ли прошли большую часть покоренной территории, но, несмотря на это, остались все-таки громадные пространства, куда они никогда не проникали и где до последнего времени нельзя было найти и следа европейцев. Такова, например, На-вахоса на севере, страна Гуахиро в Центральной Америке, Патагония и Араукания на юге и обширные степные пространства, лежащие между цепью Анд в Перу и берегами Парагвая, то есть Эль-Гран-Чако. Вся эта местность не только не была колонизирована, но даже осталась совершенно неисследованной, если не считать нескольких неудачных экспедиций, которые так же быстро предпринимались, как и возвращались обратно, отказавшись от дальнейших исследований с первых же шагов. Почти то же можно сказать о слабых попытках в этом направлении со стороны отцов иезуитов или отцов францисканцев. Дикари Эль-Гран-Чако с тем же упорством отказались подчиниться кресту, как и мечу.

Чему же следует приписать такую заброшенность этой территории? Может быть, это такая же бесплодная пустыня, как большая часть страны апачов и команчей, как равнины Патагонии и горы Араукании? Может быть, это болотистый непроницаемый лес, периодически заливаемый водой, подобно обширной равнине Амазонки или дельте Ориноко?

Ничуть не бывало. Напротив, в Гран-Чако есть все, чем можно было бы привлечь колонистов: обширные пастбища, покрытые роскошной травой; целые леса тропических деревьев, преимущественно из породы пальмо; здоровый климат, благотворное влияние которого не подвержено сомнению; почва, способная производить все необходимое для удовлетворения потребностей земледельца, — одним словом, ее можно сравнить только с обширным парком или громадными живописными садами, уход за которыми предоставлен заботам Создателя.

Почему же в таком случае она остается до сих пор незаселенной, как другие земледельческие местности?

Ответ простой: потому что она принадлежит не земледельцам, а охотникам.

Весь этот край остался в руках краснокожих, первоначальных властителей этой земли, в руках воинственной индейской расы, сохранившей свободу и сумевшей отразить все попытки поработить ее с помощью солдат, рудокопов, миссионеров и мамелюков.

Свободные дикари на своих неутомимых конях, которыми они управляют с ловкостью кентавров, с быстротой птицы носятся по равнинам Чако. Всеми силами своей души ненавидя оседлую жизнь, они кочуют по зеленым равнинам и благоухающим лесам и разбивают свои палатки только там, где их привлекает красота и удобство места.

Хотя их называют дикарями, но кто не позавидует подчас их беззаботному поэтическому существованию? Если хотите покороче познакомиться с ними и узнать их жизнь, следуйте за мной в Гран-Чако.

Переливаясь под лучами полуденного солнца блестящими цветами сапфира и бирюзы, расстилается изумрудно-зеленая равнина. Но, несмотря на яркие краски, вид ее однообразен: несколько белых рассеянных облачков да золотой шар солнца, блестящий в зените, — вот и все, что несколько оживляет эту картину. Изредка только глаз останавливается и как бы отдыхает на небольших группах пальм или на паре больших птиц с оранжевой шеей и алым греб-

нем — это цари из породы коршунов. Но птицы, паря в воздушных высотах, одинаково принадлежат как небу, так и земле.

Таков вид Гран-Чако, куда еще почти никогда не ступала нога белого, — свежий, девственный, как и в первый день творения.

Я говорю «почти не ступала», а между тем в то самое время, как мы восхищенным взором любуемся открывающимся перед нами видом, на отдаленном горизонте показались две фигуры. Пока они еще кажутся не больше точки, и можно подумать, что это пара страусов или самец и самка гуазити[7], потому что они неодинакового роста. Но нет, это не животные; вернее всего, это человеческие существа. Вот они направились в середину равнины и понемногу приближаются... Теперь уже можно разглядеть двух всадников, а вот они и совсем близко, видны их белые лица. Один из них выше ростом и одет в живописный и великолепный костюм. На плечи у него накинуто пончо, то есть плащ, который составляет необходимую принадлежность костюма жителей равнины Ла-Платы; пончо ткут из шерсти и ярко раскрашивают белыми, голубыми и красными полосами. Под плащом у этого всадника надет камзол, украшенный богатым шитьем и пезетами, или монетами в четвертак с изображением Аргентинской Республики. Широкие панталоны из бумажной материи закрывают ноги до сапог, оставляя часть колена обнаженной. Тяжелые шпоры и шляпа с широкими полями и яркой лентой дополняют костюм всадника, в котором теперь уже нетрудно узнать гаучо. Все у него было особенное — не такое, как у других: сбруя на лошади, уздечка с серебряными бляхами, наконец чепрак, весь расшитый разнообразными шелками.

На его спутнике также надет плащ, но из темной материи и такой широкий, что под ним не видно остальной одежды. Его ноги, на деревянных стременах, обуты в сапоги, которые почти до самого носка закрыты бархатными шароварами, на голове у него сомбреро, почти такое же, как и у его спутника. Его конь, с менее богатой упряжью, чем у гаучо, идет спокойным шагом.

Хотя оба всадника едут рядом, касаясь стременами один другого, ни одного слова еще не было произнесено между ними с тех пор, как они показались на равнине.

Впрочем, только один из них, гаучо, и способен говорить. Спутник же его хотя и крепко сидит в седле, но голову держит несколько странно, точно она с минуты на минуту упадет на грудь, склонясь направо. И хотя тень от шляпы, падающая на его лицо, почти вовсе скрывает его, все-таки можно рассмотреть, что глаза его закрыты. Должно быть, он заснул. Такое предположение не было бы странно по отношению к гаучо, потому что эти полукентавры редко оставляют седло для отдыха. Другой всадник хотя и не гаучо, но, может быть, также искусный наездник. В этой части Южной Америки все превосходно ездят верхом. Кроме странной посадки в нем бросается в глаза еще цвет кожи, совершенно белый, что составляет редкость в южных странах. Даже губы совершенно бесцветны. Спит ли этот всадник или нет, несомненно одно — он не совсем здоров. Весьма возможно, что он спит, потому что даже не правит лошадью, которая, впрочем, идет совершенно спокойно. Его руки повисли вниз, скрытые под плащом, и брошенные поводья покоятся на гриве лошади. Животное не нужно направлять, оно идет нога в ногу рядом с конем гаучо. И тот и другой подвигаются медленно и кажутся точно погруженными в летаргию от палящего зноя солнца. Путники могут быть спокойны: они вовремя достигнут

цели своего путешествия. По всему видно, что они не торопятся, особенно это заметно по наружности гаучо. Доехав до середины равнины, он вдруг остановил свою лошадь и, подняв голову, стал смотреть на солнце.

— В нашем распоряжении еще целых шесть часов, а через три часа пути, хотя бы и таким черепашьим шагом, мы доберемся до места, — пробормотал он. — Да и зачем приезжать туда засветло? Бедная сеньора! Пусть уж лучше увидит она ночью то, что ей суждено увидеть.

Хотя глаза гаучо и были обращены на его неподвижного спутника, но слова эти, видимо, не относились к нему, точно так же и остановка не пробудила его. Слова гаучо были произнесены мрачным тоном, составлявшим резкий контраст с его обычно веселым и добродушным лицом. Его загорелое лицо, совершенно бронзового цвета, по-видимому, было вовсе не из тех физиономий, на которых могут надолго запечатлеться мрачные думы.

— Что делать? — продолжал он, говоря сам с собою. — Прежде всего надо мне отделаться от этого пончо, под которым я положительно задыхаюсь: жара страшная!

С этими словами он снял плащ и перекинул его через седельную луку; затем, посмотрев на своего спутника, сказал:

— Ему — увы! — незачем снимать своего плаща... ему теперь решительно все равно, что жар, что холод.

Гаучо задумчиво поник на седле, затем, подняв голову, пытливый взгляд окинул равнину, точно отыскивая что-нибудь; взгляд его остановился на группе деревьев альгорробас, растущих неподалеку. Между их стволами переплелись сеть ползучие растения, так что издали они походили на остров, выступавший на поверхность этого неподвижного зеленого моря.

— Теперь я могу позволить себе отдохнуть под их тенью, — проговорил гаучо. — Богу известно, как мне нужно подкрепить силы, чтобы выполнить свой долг. Бедная сеньора! Бедные дети! Какое ужасное известие несу я ей! Какими глазами я на нее взгляну!

Между тем второй путешественник по-прежнему хранил молчание, от которого, казалось, его ничто не могло пробудить; его глаза не открылись даже и тогда, когда лошадь сделала неожиданный поворот в сторону, заставив его качаться в седле.

Доехав до альгорробасов, гаучо соскочил с лошади, привязал ее к дереву рядом с лошадью своего спутника, не сказав ни единого слова всаднику в плаще, сидевшему по-прежнему неподвижно в седле. Затем гаучо развел небольшой огонь и приготовил себе скудный обед, который и съел молча, не предлагая своему спутнику подкрепиться пищей. Он старался не смотреть на него, не говорил с ним и оставлял его все так же сидеть на лошади погруженным в глубокий сон.

Глава II

УЕДИНЕННАЯ УСАДЬБА

Три большие реки: Саладо, Вермехо и Пилькомайо — орошают Гран-Чако; они берут начало на Андах и текут сначала почти параллельно к югу, а затем в разных местах впадают в Парану и Парагвай. Реки эти малоизвестны, только за последние годы часть Саладо была исследована. Она составляет южную границу Чако; берега ее очень редко посещаются путешественниками и то только в верхней ее части, которая орошает колонии округов Сант-Яго и Тукумана. Да путешествовать здесь и небезопасно, особенно по южному берегу близ устья, из-за нападений дикарей из Гран-Чако, которые часто переплывают реку во время своих разбойничьих набегов.

Все-таки более исследована река Саладо, за ней идет Вермехо, а Пилькомайо почти и совсем неизвестна. Обе они походят одна на другую в верхней части течения, где пробегают по необитаемой местности Аргентинской Республики и Боливии, но затем о них уже ничего не говорится в учебниках географии, потому что реки эти текут по неисследованной стране Чако из Парагвая. Пилькомайо — самая длинная и самая северная из этих трех рек; от верховья и до устья считают больше тысячи миль. Она впадает в Парагвай двумя рукавами, из которых северный вливается в Парагвай почти напротив города Асунсьона, а куда впадает южный рукав — до сих пор еще неизвестно. Вот все, что знают о Пилькомайо, несмотря на неоднократные попытки миссионеров и рудокопов проникнуть в эту местность. В последнее время была послана даже экспедиция под покровительством боливийского правительства. Но экспедиция не имела успеха, и пока что приходится довольствоваться рассказами индейцев, не заслуживающими особенного доверия.

Судя по рассказам, река эта орошает почти совершенно ровную поверхность, состоящую из саванн, поросших травой, с кое-где встречающимися рощицами пальм и других тропических деревьев; равнина окружена одинокими вершинами гор, похожими на высокие остроконечные башни. Река то быстро течет среди резко очерченных берегов, то переходит в болото или образует лагуны с солоноватой водой, напоминающие собой внутренние моря. Впрочем, это случается только во время разлива.

Хотя устье Пилькомайо находится всего на расстоянии ружейного выстрела от столицы Парагвая, первого города, основанного испанцами в этой части Южной Америки, но ни один парагваец не пытался подняться по ней, и жители Асунсьона столько же знают об окружающей их стране, как и в тот день, когда, по приказанию Азаро, его лодку целых сорок миль тянули против быстрого течения. Никому не приходило в голову устраивать колонии на берегах Пилькомайо; исключения в этом случае составляют верховья реки, где имеются отдельные эстанции[8], то есть усадьбы. В Чако нет ни одного города, основанного белыми. Ни разу звук церковного колокола не разносился по волнам реки. А между тем в 18... году от Рождества Христова каждый путешественник, поднимаясь вверх по этой таинственной реке, на двенадцать миль дальше пункта, исследованного испанским натуралистом, увидел бы на одном из ее берегов дом, который мог быть выстроен только белым или, по крайней мере, человеком, знакомым с обычаями цивилизации.

Дом был простой, деревянный, с бамбуковыми стенами и покрыт листьями пальмы. По своим размерам дом значительно превышал обыкновенную величину индейской хижины в Чако, вокруг дома шла веранда — как раз под навесом крыши. Довольно большое пространство огороженной земли занято было скотным двором и огородом, засеянным маисом, мальвой, бананами и другими растениями. Только уже по одному этому можно было заключить, что обитатель дома — человек кавказской расы. Это была не простая хижина, а богатая эстансия.

Внутреннее убранство дома еще яснее говорило о белой расе владельца. Там была мебель, хотя и грубой работы, но все же указывавшая на знакомство с современной цивилизацией: стулья и табуреты из канабрава, или южноамериканского бамбука; кровать с белыми одеялами; на полу пальмовые циновки; несколько книг и карт, гитара — все это говорило о привычках и вкусах, незнакомых индейцам. В некоторых комнатах, так же как и на веранде, можно было заметить интересную коллекцию предметов, которые незачем было бы собирать туземцу. Там были шкуры диких зверей, чучела птиц, насекомые, приколотые к кусочкам коры, бабочки и блестящие жуки, пресмыкающиеся, сохранившие свой отталкивающий вид, с образчиками деревьев, растений и минералов окружающей местности. Всякий входящий в дом, не задумываясь, сказал бы, что это жилище натуралиста и что, кроме человека белой расы, никто другой не станет заниматься естественной историей в этой стране.

При таких условиях это было нечто необыкновенное и особенное. По всей округе до Асунсьона на пятьдесят миль нигде не было видно жилища белого человека, да и по всей территории от дома до города и даже в десять раз больше этого расстояния к северу, югу и западу можно было встретить только индейцев Чако, ее первоначальных обитателей, давших клятву вечной ненависти к бледнолицым с того дня, как их лодки впервые прорезали волны Параны.

Если же остается еще какое-либо сомнение относительно обитателей этого уединенного жилища, то оно немедленно исчезнет при взгляде на троих, которые в эту минуту выходят и садятся на веранде. Один из них — женщина, на вид ей не больше тридцати лет. Хотя цвет ее лица имеет слегка оливковый оттенок, свойственный испано-мавританской расе, в ней сразу можно узнать женщину кавказской расы: она очень красива, ее манера держать себя, ее большие полузакрытые глаза говорят о том, что ей знакомы горе и забота. Лицо ее выражает сильное внутреннее волнение, лоб нахмурен, и она то ходит по веранде, то неподвижно останавливается у балюстрады, взгляд ее, как бы с вопросом, неподвижно устремлен на равнину, расстилающуюся далеко перед домом. Двое других — юноши, почти ровесники: один — лет пятнадцати, другой — немного старше; они несколько отличаются друг от друга по росту и сложению. Младший стройнее и худощавее, и цвет его кожи был бы совершенно белый, если бы не загар; его светлые волосы локонами падают на плечи, а черты лица указывают на принадлежность его к северной расе. Другой же выше ростом и кажется чрезвычайно энергичным и жизнестойким. Его лицо почти такого же темного цвета, как у индейца, а густые черные волосы отливают цветом воронова крыла, но, очевидно, он принадлежит также к белой расе, к которой причисляет себя большая часть американских испанцев, хотя это и весьма сомнительно относительно парагвайцев. Молодой чело-

век — парагваец, а красивая женщина, которую мы видели на веранде, — его тетка, также парагвайка. По всему видно, что она хозяйка уединенного жилища. Юноша со светлыми волосами называет ее матерью, что немного странно, если принять во внимание разницу цвета их кожи; но ни у кого не осталось бы ни малейшего сомнения на этот счет, если бы его увидели рядом с отцом, которого в данную минуту нет дома. Отсутствие мужа вместе с другой, одинаково дорогой сердцу особой сильно беспокоит находящуюся на веранде парагвайку.

— Ах! — прошептала она, устремив взор на равнину. — Что бы могло их так долго задержать?

— Не беспокойтесь так, дорогая мама. Наверно, отцу посчастливилось встретить какую-нибудь редкую птицу, интересное растение, новую дичь; поэтому он так и запоздал и, по обыкновению увлекшись, не замечает, что зашел слишком далеко.

Этими словами юноша, видимо, старался только успокоить свою мать.

— Нет, милый Людвиг, — отвечала она, — одно это не могло бы его задержать. Ведь он не один, с ним Франческа. Ты знаешь, что твоя сестра не привыкла к большим экскурсиям, и он не рискнул бы ехать так далеко с ней. Я положительно не могу даже представить себе, чем объяснить такое продолжительное отсутствие. Самое меньшее, чего я боюсь, — это то, что они заблудились в Чако.

— Это очень может быть, мама. Гаспар уже уехал их разыскивать, а ведь ему известен каждый уголок этой страны на пятьдесят миль в окружности; во всей Южной Америке не найдешь никого, кто бы лучше его сумел выследить кого бы то ни было, и, если они заблудились, он их скоро отыщет и привезет с собой; положитесь на нашего гаучо.

— Ах, что, если они заблудились, Мать Божья! Это самое худшее из всех предположений, — вскричала бедная женщина.

— Почему, тетя? — спросил племянник, который до этой минуты хотя и не произнес ни одного слова, но был взволнован не меньше их обоих.

— Почему так, мама? — спросил ее одновременно и сын. — Мы, по крайней мере, раз двадцать сбивались с дороги с отцом, и никакого же несчастья от этого с нами не случилось.

— Вы забываете, дети, что теперь нет вблизи наших защитников. Нарагуана со своим племенем покинули свой последний лагерь и ушли внутрь страны, даже ваш отец — и тот не знает, куда они ушли.

— Да, правда, — согласился чернокудрый юноша, — я слышал, как разговаривали об этом дядя и Гаспар; даже и гаучо ничего не знает. Он думает только, что они поднялись немного вверх по реке и поселились в одном из своих прежних поселков.

— Но это не настолько важно, мама, Франческа не одна, а с отцом, и потом с ними гаучо... Я уверен, что с ней ничего дурного не может случиться, — сказал Людвиг, сам не веря тому, что говорит.

Он знал не хуже матери, что кроме племени вождя Нара-гуаны, товасов, состоявших по какому-то исключительному случаю в дружеских отношениях с жителями эстансии, еще и другие индейские племена бродили в этом углу Чако. Племена мбаясов, гуанкурусов и ангитосов часто посещали эту страну и были смертельными врагами всех бледнолицых. Юноша говорил так только

для того, чтобы успокоить мать, но слова его не произвели на нее никакого впечатления. Солнце склонилось уже к западу за обширной равниной, а владелец эстансии, отправившийся еще с восходом в сопровождении своей единственной дочери — прелестного четырнадцатилетнего ребенка, до сих пор так и не возвратился. Несомненно, случилось несчастье, потому что даже Гаспар, посланный на розыски отсутствующих, тоже до сих пор не вернулся.

— Madre de Dios![9] — повторяла беспрестанно несчастная мать и жена. — Что такое с ними случилось? Что могло их задержать?

Наступил вечер, а за ним ночь. Склонившись перед образом Богородицы, воссылая к ней бедная мать свою горячую мольбу:

— Святая Матерь Божья, возврати мне моего мужа, возврати мне дочь!

За всю эту долгую ночь никто не сомкнул глаз в жилище натуралиста, исключая, может быть, нескольких индейцев-пеонов[10] (рабочих) из племени гуаносов. Племя гуаносов в Чако резко отличается от воинственных товасов и гуанкурусов. Они скорее напоминают мирных ацтеков и пуэблосов в Мексике. Гуаносы занимаются торговлей и часто поступают в услужение к белым жителям Парагвая и Корриентеса.

Мать так и не сомкнула глаз всю ночь. Юноши также не спали, напряженно, с бьющимся сердцем прислушиваясь к малейшему шуму, не осмеливаясь передать друг другу свои опасения. Только по временам с губ их срывались слова:

— Отец!.. Сестра!.. — говорил сын.

— Дядя!.. Кузина!.. — повторял Циприано.

На следующий день яркое солнце озарило своим светом зеленые пампасы, поднимаясь на востоке над горами Парагвая.

Несчастливая женщина, погруженная в свои безотрадные думы, смотрела безучастно перед собой на восходящее светило. Но скоро ее глаза снова обратились на запад, откуда должны были приехать дорогие ее сердцу люди и где она могла их увидеть.

Когда золотые лучи солнца заблестели в зеленых ветвях большого дерева омбу, закрывавших своими широкими листьями весь дом, на веранде, как и накануне вечером, стояли трое — мать, сын и племянник. Лица всех были обращены на запад, и глаза с беспокойством осматривали равнину. Душа их была наполнена мучительным предчувствием, и даже Людвиг, все время такой спокойный, с виду по крайней мере, и тот не мог найти слов для утешения матери. Каждый молча думал про себя о причинах такого долгого отсутствия отца и сестры, которые должны были вернуться еще накануне. Каждый говорил себе, что Гаспару давно пора было привезти известия. Всем приходили на ум ужасные случаи, которым могли подвергнуться дорогие им существа при встрече с враждебными индейцами; наконец, каждый представлял себе и тысячи других опасностей, которыми грозило путешествие по Чако, и старался этим объяснить долгое отсутствие путешественников. Прошел еще час; солнце, поднимаясь все выше на середину неба, осветило уже равнину. По ней по временам пробегал только страус в высокой траве или лань, испуганная приближением пятнистого ягуара, вдруг вскакивала со своего места, но не видно было ни одного существа, сколько-нибудь похожего на человека, ни одного всадника.

В душе троих не осталось даже того беспокойства, к которому всегда при-

мешивается слабый луч надежды, — ничего, кроме невыносимой, мучительной тоски. Циприано не мог уже больше сдерживаться, его живое воображение сейчас же рисовало перед глазами растерзанных дядю и кузину, умирающих, а может быть, уже и мертвых.

— Я больше не могу оставаться здесь, — воскликнул он, — я не нужен здесь, позвольте мне отправиться за ними, тетушка. Людвиг останется с вами. Кто знает, может быть, я вовремя приеду к тем, кого мы ждем... Не бойтесь за меня... позвольте мне, умоляю вас!

Ни Людвиг, ни его мать не стали противиться великодушному предложению Циприано.

— Поезжай, дитя мое, — сказала его тетка, — и да хранит тебя Бог!

— Да, поезжай, — шепнул Людвиг ему на ухо. — О, как бы я хотел поехать с тобой! Но я боюсь оставить мать одну в этом доме, где некому ее защитить, кроме меня.

— Она и не пустила бы тебя, — ответил ему Циприано, заключая его в свои объятия.

Глава III ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЖА

Если Гаспару не посчастливилось отыскать натуралиста и его дочь, то это еще не причина, чтобы не удалось это другому. К тому же Циприано в совершенстве знал окружающую местность. Юноша быстро ушел с веранды и спустя десять минут уже скакал на своем небольшом, но сильном коне по равнине, точно вся его жизнь зависела от успеха его предприятия. Оставшиеся на веранде мать и сын молча следили за ним взглядом, пока он совершенно не скрылся из глаз; целый день они не сходили со своего наблюдательного поста, почти не дотрагивались до еды, только перекусили немного для подкрепления своих сил, в которых они так нуждались. Солнце еще раз скрылось за горизонтом, но на равнине по-прежнему было безлюдно. Луна взошла на небе, а они все еще ждали. Но вот наконец их ожидание, кажется, вознаграждено: в широкой серебристой полосе лунного света показались приближавшиеся темные фигуры. Можно было различить трех всадников, из которых двое были высокого, а третий небольшого роста. Радостный крик сорвался с губ Людвига.

— Они! — закричал он, потом сразу остановился, точно сообразив что-то. — Странно, — сказал он, — их только трое; это, конечно, отец, Гаспар и Франческа. Значит, Циприано разъехался с ними и ищет их по степи...

Это замечание казалось вполне разумным, но оно не убавило беспокойства матери. Недоброе предчувствие и какой-то невольный страх, овладевшие ее душой, остановили крик радости, готовый сорваться с ее губ. Молча, неподвижная, точно статуя, напряженно смотрела она на три приближавшиеся тени. О, как они медлят! Но вот путники уже близко, вот они у ограды; но, прежде чем они подъехали к дому, мать и сын стремительно бросились им навстречу. При лунном свете можно было увидеть плащ мужа и живописный костюм гаучо. Но что такое? Третий путешественник тоже в мужском костюме; это Циприано.

Раздался раздирающий душу крик:

— Где Франческа?

Ответа не было: ни муж, ни Гаспар, ни юноша не вымолвили ни слова, точно окостенев на своих конях.

— Где моя дочь? — твердила она. — Почему муж мой не отвечает мне?.. Циприано, почему вы все молчите?

— Боже! — простонал Гаспар. — Это слишком, слишком ужасно! О, сеньора, сеньора!

— Несчастный, неужели вы мне ничего не можете сказать, кроме этого? Муж мой, слышишь ли ты меня? Что это значит? Почему ты опустил голову? Разве теперь время думать о сне? Может ли думать о сне отец, возвращающийся к своей жене без дочери, которую она ему доверила?

Говоря это, она быстро приблизилась к всаднику в одежде ее мужа. Ее рука легла на неподвижно висевшую через седло руку мужа, и бледное лицо с закрытыми глазами, освещенное таинственным светом луны, приковало к себе ее взор. Несчастной не нужно было говорить, почему опущены веки ее мужа. Ее муж спал вечным сном смерти. Она вскрикнула и без чувств упала на землю.

Среди моих молодых читателей немного, вероятно, найдется таких, которые никогда не слышали рассказов о парагвайском диктаторе Франсиа. Диктатор Франсиа (Хозе-Гаспар-Родригес) родился в Асунсьоне в 1758 году от отца-француза и матери-креолки и умер в 1840 году. В 1811 году он был назначен секретарем революционной хунты (испанский совет), которая выгнала испанцев из Буэнос-Айреса. Затем он был избран сначала консулом, потом временным диктатором и наконец диктатором на всю жизнь. Несмотря на его тиранию, Парагвай обязан ему своей организацией, мануфактурой, торговлей и цивилизацией. Об историческом имени человека, управлявшего в течение четверти века с жестокой строгостью прекрасной страной — Парагваем, я думаю, слышали многие из моих читателей. Имена Парагвай и Франсиа тесно связаны с третьим именем — именем человека, наделенного всеми достоинствами и добродетелями, свойственными человеку. Это имя — Амедей де Бонплан.

Кроме «Путешествия по Америке» Гумбольдта, в котором он редактировал отдел ботаники, Бонплан издал «Описание редких растений» Мальмезона, «Виды Кордильер» и «Туземные монументы Америки». Надеюсь, что не многим из моих читателей надо говорить, кто такой был Амедей де Бонплан, или просто Эме Бонплан, — имя, которым часто его называли и которое так подходило этому великому человеку. Каждый знает его как друга и сотоварища по путешествию Гумбольдта, как помощника этого знаменитого ученого в его научных исследованиях, таких обширных и точных, как терпеливого исследователя, собравшего большую часть ученой коллекции, наконец, как человека в высшей степени скромного, благодаря чему заслуга его собственных открытий приписывалась часто его товарищу, больше, чем он, гонявшемуся за славой. Для меня ничье другое имя не звучит так приятно, как имя Амедея Бонплана. Я вовсе не собираюсь рассказывать биографию человека, останки которого покоятся, почти всеми забытые, на берегах Параны, среди любимой им природы; но беспристрастный историк всегда присоединит это имя к славе и почестям, воздаваемым Гумбольдту. Он удалился от людей и поселился на берегах Параны — не на территории Парагвая, а в Аргентинской Республике, на другом берегу реки, и в этом скромном убежище, не оставляя занятий есте-

ственной наукой, занялся, между прочим, обработкой травы йербы, из которой готовят напиток, известный под именем матэ.

Всем известное добродушие и честность Бонплана привлекли к нему колонию мирных индейцев-гуаносов, которые охотно подчинились ему и стали помогать ему разводить йербу, то есть устраивать чайные плантации. Дело это обещало большие выгоды, и ученый, сам того не ведая, очутился на пули к богатству. Рассказы о его удачах дошли до слуха Гаспара Франсиа, диктатора Парагвая. Этот человек, помимо своих деспотических теорий, придерживался еще такого взгляда, что возделывание йербы должно принадлежать исключительно его стране, то есть ему самому.

Темной ночью четыреста солдат, посланных диктатором, перешли Парану, окружили плантацию Бонплана, убили часть пеонов и увели Бонплана пленником в Парагвай.

Государство Аргентинское, ослабленное внутренними раздорами, перенесло эту обиду. Бонплан, француз по рождению, следовательно, иностранец, чужой человек, оставался в продолжение девяти лет пленником в Парагвае.

Ни представитель Англии, ни комиссар, посланный от Французской академии наук, не могли возвратить ему свободу. Положим, он не был пленником в полном смысле слова — он жил, как хотел, потому что и тут Франсиа сумел извлечь пользу из его обширных знаний; но это не только не успокоило тирана, а, напротив, только ускорило гибель ученого. Всеобщее уважение, с каким относились к Бонплану парагвайцы, вызвало зависть в сердце деспота. Однажды ночью Бонплана схватили, разгромили все его имущество и выгнали из дома, а затем и из Парагвая. Бонплан поселился около Корриентеса, где в безопасности от нападений тирана снова бодро принялся за свои сельскохозяйственные занятия. Здесь, на руках нежно любимой жены, уроженки Южной Америки, окруженный многочисленными и счастливыми детьми, кончил он на восьмидесятом году свою полезную и беспорочную жизнь. Если я позволил себе сделать этот легкий очерк жизни Амедея Бонплана, так это единственно потому, что она во многих отношениях походила на жизнь Людвиг Хальбергера, историю которого я намерен рассказать. Имя Хальбергера указывает, по видимому, на германское происхождение, в действительности же Людвиг Халь-бергер был эльзасец по происхождению и пенсильванец по рождению, потому что он родился в Филадельфии.

Подобно Бонплану, это был страстный любитель природы и так же, как французский ученый, отправился в Америку, где думал найти для себя более широкое поле деятельности или, по меньшей мере, новую страну, где бы он мог отдаться своим любимым занятиям естественной историей.

Около 18... года он устроился в столице Парагвая, сделавшейся центром его деятельности и занятий. Асунсьон был как бы главной базой его научных и практических работ, отсюда он часто отправлялся в соседнюю страну, и в особенности в Гран-Чако, где думал встретить редкие образцы как животного, так и растительного мира, еще не известные ученым, потому что опасность останавливала всякое исследование. Но эти-то опасности только еще более влекли его. С львиной храбростью скромный натуралист исследовал даже те места пустыни, куда не отваживался проникать ни один из солдат страшного диктатора Франсиа.

В то время как уроженец Пенсильвании был занят раскрытием тайн при-

роды, сердце его не оставалось чуждо любви и желанию семейного счастья. Он выбрал себе в подруги жизни молодую и прекрасную девушку в Парагвае, которая по своим достоинствам действительно могла составить его счастье. Десять лет прожили они самой счастливой жизнью, и после нескольких лет супружества их жизнь украсилась появлением сначала прелестного мальчика, а затем девочки необыкновенной красоты, точь-в-точь портрет своей матери; жилище охотника-натуралиста оживилось их веселым лепетанием и играми. Впоследствии семья увеличилась еще одним членом: малюткой-сиротой Циприано, который называл детей братом и сестрой.

Жилище Хальбергера, находившееся приблизительно в миле расстояния от города Асунсьона, было очень красиво; все, что украшает и делает жизнь приятной, все это можно было встретить там, потому что натуралист, поселяясь в Южной Америке, обладал не одной только охотничьей сумкой и ружьем, но и довольно кругленьким капиталцем. Эти деньги он вывез с собой из Соединенных Штатов и мог на них отлично устроиться вместе семьей, да, кроме того, он зарабатывал довольно большие деньги, собирая редких насекомых и продавая их, а также и чучела зверей. Каждый год посылал он в Буэнос-Айрес для выставки в Соединенных Штатах целую коллекцию всевозможных животных, деньги от продажи которых шли на улучшение домашнего хозяйства. Вероятно, не один музей, не одна коллекция обязаны ему самыми редкими экземплярами. Научные изыскания натуралиста удачно подвигались вперед, а семейная жизнь его была полна тихого счастья. Но в эту счастливую пору его существования точно какой-то злой гений позавидовал его безобидному существованию, и темное облачко омрачило его счастливые годы.

Необыкновенная красота его жены была известна везде и всюду; к несчастью, красота эта зажгла пламя страсти в груди диктатора. Вполне заслуженная репутация честной женщины всякого заставляла относиться к ней с полным уважением, но Франсиа принадлежал к числу людей, которые не останавливаются ни перед чем. Вскоре натуралист и его жена поняли, что их семейному счастью грозит опасность и что им не остается другого выхода, как покинуть Парагвай. Но бегство не только было трудно, но даже решительно невозможно. Парагвайский закон запрещал всякому иностранцу, женившемуся на парагвайке, увозить жену из ее родной страны без особого на то разрешения, добыть которое было не так-то легко. Но Людвиг Хальбергер и думать не мог получить такое разрешение, так как неограниченным повелителем страны в это время был все тот же тиран Франсиа. Это безвыходное положение заставило его искать убежища в Чако, где он действительно и нашел себе приют. Всякому иному на его месте подобное предприятие показалось бы сумасшествием. И в самом деле, для представителя кавказской расы поселиться среди дикарей Чако значило обречь себя на верную гибель. Но у натуралиста был повод думать несколько иначе. Между дикарями и жителями Парагвая выпадали счастливые промежутки мира, во время которых индейцы, торговавшие шкурами и другими продуктами охоты, имели обыкновение смело прогуливаться по городу и совершать мену на улицах Асунсьона. В одно из таких перемирий вождь воинственных товасов напился гуарапе[11], одуряющего действия которого он не подозревал. Опьянев, дикарь отделился от своих товарищей и был окружен толпой парагвайской молодежи, подшучивавшей над ним. Этот вождь славился своими военными доблестями, и Хальбергер,

видя, как молодежь издевается над стариком, пожалел его и, отбив его у юных палачей, увел в свое жилище. Дикари умеют ненавидеть, но зато умеют и любить; гордый старик, тронутый оказанной ему услугой, поклялся в вечной дружбе своему защитнику и в то же время предложил ему жить в Чако.

В минуту опасности Хальбергер вспомнил о приглашении вождя и ночью с женой и детьми в сопровождении нескольких пеонов, захватив только самые необходимые вещи, переправился через Парану и направился к Пилькомайо, на берегах которого надеялся найти стоянку вождя товасов. Поднимаясь вверх по реке, ему не нужно было самому работать; на веслах сидели старые его слуги, гуаносы, а верный Гаспар, его всегдашний спутник в научных экскурсиях, сидя на руле, управлял лодкой. Если бы вместо лодки было четвероногое животное лошадиной породы, Гаспар, наверное, управлял бы им гораздо лучше, потому что он был гаучо в полном смысле этого слова. Впрочем, уже не первый раз случалось ему бороться с быстрым течением Пилькомайо, поэтому ему и было вверено управление лодкой.

Путешествие окончилось благополучно. Натуралист достиг деревни товасов и по соседству с ними выстроил себе жилище — хорошенький домик на северном берегу реки, который вскоре сделался богатой эстансией, где он мог считать себя в безопасности от преследований куартелеросов диктатора Франсиа.

Здесь он пользовался самым полным счастьем в течение пяти лет; весь отдавшись своим любимым занятиям, он, подобно Эме Бонплану, жил счастливо и спокойно в кругу своей семьи и верных слуг, следовавших за своим господином. Среди этих последних ближе всех к нему был добрый Гаспар, его помощник в исследованиях и постоянный спутник в экскурсиях. Теперь, конечно, понятно, что неподвижно сидевший всадник был Людвиг Хальбергер, которого Гаспар привез к жене и сыну, пораженным горем и отчаянием.

Глава IV

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДОМ

Долго не приходила в себя несчастная женщина. Когда наконец к ней вернулось сознание, глазам ее представилось ужасное зрелище: на кровати неподвижно лежало тело ее мужа, на лицо которого смерть наложила печать спокойствия; платье на его груди окрашено было кровью из раны, нанесенной ударом копья и унесшей его жизнь.

С помощью слуг Гаспар отвязал от седла окоченевшее тело своего господина и отнес его в комнаты. Тут гаучо поведал госпоже о результатах своей поездки; но горе ее было и так слишком велико, чтобы слова его рассказа могли увеличить его; она слушала его в каком-то оцепенении — ужасное зрелище надломило ее силы. Гаспар быстро напал на след отсутствующих и шел по нему до группы альгорробасов, росших на берегу реки. Там, к его величайшему ужасу, он увидел труп своего господина, убитого изменнической рукой, и рядом с ним его лошадь, каким-то чудом не попавшую в руки убийце. Умное животное стояло около убитого господина, словно ожидая, что вот-вот он снова сядет в седло. Рядом с трупом лежал также букет великолепных цветов. Гаспар видел также и дерево, с которого были сорваны цветы. Очевидно, смертельный удар поразил натуралиста во время его любимых занятий. Не было видно никаких других следов, кроме следов лошадей Хальбергера и дочери. Идя по ним, Гаспар увидел другие следы, указывавшие, что здесь останавливалась целая группа всадников. Вероятно, убийцы, спрятавшись за ветвями альгорробаса, пешком проследили свою жертву и, выбрав удобный момент, неожиданно бросились на него, когда несчастный ничего не подозревал. Так, по крайней мере, думал гаучо.

— А моя дочь? — вскричала несчастная мать, прерывая печальный рассказ гаучо. — Неужели и Франческа также убита?

— Нет, сеньора, нет, — быстро ответил Гаспар. — Я уверен, что наш ангел жив! Клянусь всеми святыми! Даже у дикарей Чако не хватило бы духу убить ее. Если бы действительно убили, были бы какие-нибудь следы, а я ничего не заметил: ни кусочка одежды, никакого признака борьбы. Вы сами можете видеть это по тому, как они поступили с господином. Они не унесли бы труп барышни, если бы она действительно была убита. Нет, сеньора, клянусь вам, барышня жива!

— О, я лучше хотела бы видеть ее мертвой! — вскричала вдруг несчастная мать.

Лицо бедной матери при этих словах отразило весь ужас при одной мысли о плене дочери.

— О, мама, не говори этого! — вскричал Людвиг, обвивая руками ее шею. — Во всем свете не найдется такого низкого человека, который осмелился бы сделать что-нибудь дурное такому чистому существу, как Франческа. Мы ее разыщем, мама, непременно найдем, чего бы нам этого на стоило!

Циприано также подошел к тетке и, наклонясь к ней, проговорил:

— Обязанность найти Франческу я беру на себя и клянусь вам всеми святыми, милая тетя, я отыщу нашего дорогого ангела... или погибну! А ты, брат, — сказал он затем, обращаясь к Людвигу, — должен остаться с матерью!

На это, со слезами на глазах, Людвиг возразил:

— Я тоже считаю себя обязанным идти на помощь сестре. Боже, что делать?

— Довериться мне и Гаспару. Ведь ты же знаешь нашего Гаспара! Бог поможет освободить нам ее, и мы непременно ее привезем. Клянусь тебе не возвращаться без нее!

Решительный и непоколебимый тон молодого парагвайца показывал, что он ни перед чем не отступит и выполнит свою клятву.

Когда первые минуты жгучего горя сменились более спокойным состоянием, Гаспар поспешил увести несчастную женщину от тела ее мужа в другую комнату, оставив с ней молодую девушку-индианку, преданную господам всей душой и сопровождавшую их во время бегства с территории диктатора.

Между тем гаучо с помощью индейцев-пеонов приготовил все необходимое для погребения останков своего господина, а Циприано и Людвиг, теперь сирота, вели беседу, отыскивая средства для успешного окончания их предприятия. Несмотря на все их горе, они не могли перестать думать о Франческе, и ужас, охвативший их при виде бездушного тела отца и друга, не внес в их душу отчаяния, но скорее возбудил их энергию. Едва вышедшие из детского возраста, выросшие среди родительских ласк, они сразу точно сделались взрослыми и преобразились при одной мысли о предстоящей им обязанности, о борьбе и трудах, которые их ожидали. Горе и забота сразу сделали их взрослыми людьми, способными думать и действовать; оба готовы были идти вперед, отдать свою жизнь на исполнение священной обязанности, выпавшей на их долю.

Окончив печальные приготовления, Гаспар пришел к молодым людям, и они стали втроем обсуждать, что и как им делать. Во всех подробностях они исследовали и обсудили обстоятельства убийства Хальбергера. Преступление было совершено индейцами; у гаучо на этот счет не было никакого сомнения, судя по следам лошадей; но они не находили ничего невозможного и в том, что индейцы эти были подкуплены солдатами диктатора. Действительно, хотя и вдали от деспота, но никогда натуралист и его семья не чувствовали себя в безопасности от происков этого ужасного человека. А перекочевка вождя товасов некоторым образом оставила их без охраны, и Франсиа, узнав об этом, мог послать отряд своих квартелеросов для выполнения низкой мести. Но все же, считая диктатора способным на всякую низость, Гаспар не приписывал ему совершенного преступления. Если бы действительно следы принадлежали лошадям квартелеросов, то видны были бы следы подков, а он далеко проследил их — до самого того места, где они совершенно исчезали, — и, рассмотрев самым тщательным образом, узнал только, что убийцы были индейцы и что они похитили Франческу живой; след же подков принадлежал, очевидно, пони Франчески. Но какие индейцы совершили это преступление? Гаспар знал только товасов; но ведь было много и других племен. Исполнителями этого преступления не могли быть товасы, престарелый и уважаемый вождь которых бывал частым гостем на эстанции. Да разве такая долгая и испытанная дружба могла окончиться этой ужасной и неожиданной катастрофой? Ни Гаспар, ни Людвиг ни на минуту не верили этому; только Циприано, как это ни странно, был противного мнения. Он представил даже доказательства. Последние шли скорее из глубины его сердца, чем из головы, но между тем он допускал их. Он припомнил, что у вождя товасов был сын, немного старше

его, — это было известно и Гаспару, и Людвигу. Циприано, кроме того, заметил еще, что не раз глаза молодого индейца с восхищением останавливались на прелестных чертах Франчески. Наблюдениями Циприано руководила ревность, которая и заставила его угадать то, чего ни брат, ни Гаспар, да и никто другой не мог заметить. Как ни было молчаливо и почтительно внимание, с каким молодой индеец относился к его кухне, которую Циприано обожал, оно не только не нравилось, но было особенно неприятно юноше. В душе его осталось воспоминание, охватившее его всего в ту минуту. Отец молодого индейца был другом Хальбергера, но у сына не было никаких обязательств считать эту дружбу священной. Это был юноша мрачного и горячего темперамента. Циприано, проводя целые дни вместе с Франческой, привязался к ней, не признаваясь в этом ни себе, ни другим. Иногда в мечтах он видел в будущем подругу своих детских игр спутницей всей своей жизни. Разве молодой индеец не мог думать так же? Разве он не мог вообразить, что если похитить Франческу в этом полудетском возрасте, то она, живя среди его племени, со временем забудет привычки цивилизованной жизни?

Ни Людвиг, ни Гаспар не отрицали доли правды в предположениях Циприано, и оба пришли к заключению, что его мнение может быть основательным.

Как бы то ни было, следовало отправиться разыскивать товасов на их новом месте жительства. Гаспар был уверен, что, если все племя или хотя бы часть его были участниками в этом двойном преступлении, начальник Наратуана не задумается произвести суд даже над собственным сыном. Если же убийство и похищение были совершены индейцами другого племени, Наратуана поможет своим друзьям отомстить убийце и освободить молодую девушку.

Если бы семья Хальбергера жила на границе Арканзаса или Техаса, гаучо и молодые люди собрали бы вокруг себя отряд отважных трапперов из своих ближайших соседей и с ними отправились бы преследовать дикарей. Но в Чако ближайшие соседи семейства Хальбергера жили в Асунсьоне. Если даже предположить, что они в состоянии были бы оказать помощь, заранее можно было быть уверенным, что они не осмелятся сопутствовать им из боязни навлечь на себя гнев диктатора. Поэтому никто и не обратился за помощью в Парагвай. Они надеялись только на самих себя и на дружбу товасов. Решено было отправиться немедленно на поиски пропавшей девушки. Тщетно пытался Циприано убедить Людвига не принимать участия в путешествии.

— Он прав, — сказала мать, — мне ничего не нужно, кроме Франчески. Чтобы охранять дом, достаточно и слуг. Да и что еще может случиться хуже этого? Я хочу, чтобы ты ехал, — повторила она, обращаясь к сыну.

Еще одна бессонная ночь прошла в доме натуралиста; только сам владелец эстанции покоился непробудным сном смерти.

Первые лучи солнца озарили еще влажную почву вырытой могилы. Земля еще не успела высохнуть, а трое всадников, отправляясь в долгое путешествие, удалялись от одинокой эстанции; на веранде на коленях стояла женщина в трауре, воссылая к небу горячие молитвы за успех предприятия.

Глава V

КОНВОЙ ПЛЕННИЦЫ

Вернемся немного назад. Пока бездыханное тело Людвиг Хальбергера лежало под тенью альгорробаса, невдалеке можно было заметить отряд всадников, направлявшихся через пампасы подальше от места своего злодеяния. По костюму и цвету их кожи легко было узнать в них индейцев; но один из них отличался и своим лицом, и одеждой. Это был белый, по-видимому, кастильской расы. Остальные всадники — молодые люди, из которых ни одному не было больше двадцати лет; каждый из них держал в руке дротик и болу[12], перекинутый через плечо или привязанный к седельной луке. Все они сидели на небольших горячих лошадях с длинным хвостом и гривой. У двух из них были рекадо — седла, употребляемые южноамериканцами, а у остальных седло заменялось куском бычьей или оленьей кожи. Во всем отряде ни у одного всадника не было стремян или шпор; вместо уздечки — простой ремень из сырой кожи, обмотанный вокруг нижней челюсти лошади, что не мешало всадникам править своими лошадьми с таким же искусством, как и мамелюкским мундштуком.

Отряд насчитывал двадцать всадников. Девятнадцать из них — в одинаковой одежде из различной материи. Костюмы их не отличались изысканностью. Туловище до половины бедер покрывала короткая накидка, похожая на одежду дикарей Северной Америки, но только сделанная не из материи, а просто из шкуры дикого зверя.

У одних накидка была красная — из кожи пумы, у других — из пятнистого меха ягуара и агуарунди, или серой кошки пампасов, из волчьего меха и меха выдры или же из темной шкуры муравьеда. Глядя на них, можно было пересчитать всех известных четвероногих в Чако. Эти дикари отличались от краснокожих Севера тем, что не носили ни панталон, ни мокасинов (североамериканская обувь), от этого избавлял их теплый климат, да к тому же индейцу Чако незачем обуваться, так как он очень редко ступает на землю, проводя целые дни на спине своей лошади. По обеим сторонам седла свешивались их обнаженные ноги, словно отлитые из бронзы или изваянные резцом Праксителя; верхняя часть тела также была обнажена; в противоположность их северным братьям, они не были ни раскрашены, ни татуированы; блеск здоровой кожи темного цвета, несколько раковин и браслеты из бус на шее и руках составляли их единственное украшение. Их волосы, черные как смоль, коротко остриженные на лбу, свободно ниспадали назад, густой волной падая на плечи. У некоторых они доходили до крупа лошади.

Только два всадника на рекадо из всего отряда были одеты иначе, чем остальные.

Первый — молодой индеец — был, по-видимому, предводителем отряда. На нем был надет вокруг талии род пояса, а на плечах, небрежно развеваясь, был перекинут плащ, своей формой напоминавший пончо, хотя и непохожий на шерстяную накидку гаучо. Это было индейское манто, сшитое из выделанной оленьей кожи и великолепно украшенное перьями гуакамайя[13] и других птиц.

На голове у него было надето нечто вроде каски, сделанной из лошадиной

кожи, белоснежного цвета с рядом перьев реа, поставленных вертикально. Украшения одежды, сбруя лошади — все ясно указывало на него как на вождя отряда. С ним были только молодые люди, но он также был еще юноша и, конечно, не старше своих товарищей. Единственный белый среди них, о котором раньше было сказано, что он похож на кастильца, представлял собой действительно замечательный тип.

Черты его лица выражали собой смесь жестокости и хитрости, что также отражалось и на лице молодого вождя, скакавшего рядом с ним. Его одежда представляла смесь одежды индейской и цивилизованной, и его самого можно было принять за гаучо, взятого в плен дикарями. Но, очевидно, не таково было его положение: он ехал на почетном месте, по правую руку начальника. Его вид и манеры выдавали его преступные деяния в цивилизованных странах и бегство в Чако под покровительство диких. Длинное копье, висевшее сзади, было окрашено на конце чем-то красным — это была запекшаяся сухая и потемневшая от солнечных лучей кровь. Это самое копье поразило в грудь Людвиг Хальбергера. Если бы явилось сомнение на этот счет, оно бы быстро рассеялось при взгляде на третье лицо, двигавшееся немного позади и, очевидно, находившееся под стражей.

Это была молодая девушка, на вид лет пятнадцати, хотя ей было всего только четырнадцать. Но в ней уже была заметна женственность, что нередко бывает в Испанской Америке, где зрелость наступает раньше, чем в нашем холодном климате. Овальное нежное личико, миловидный ротик, слегка оттененный нежным пушком, глаза с длинными ресницами и тонкими дугообразными бровями, оливковый цвет лица и изящные формы, которыми так гордятся андалузские женщины, — вот какова была Франческа Хальбергер, дочь натуралиста. Выражение глубокой грусти, проглядывавшее во всей ее фигуре, не умаляло ее красоты. Надо заметить, что взгляд испанской женщины никогда не бывает так прекрасен, как в минуту опасности. Пленница видела отца, изменнически пораженного копьем убийцы, и его предсмертный крик: «Моя дочь... Мое бедное дитя!..» — еще раздавался в ее ушах. Прежде чем она успела дать себе отчет в опасности, как была уже схвачена, и всякая попытка к бегству была отрезана; ее окружила толпа вооруженных людей... Она по-прежнему сидела на своей лошадке, но один из индейских всадников завладел поводьями и не позволял ей править.

Кавалькада медленно подвигалась вперед. Ей незачем было торопиться: дикари не боялись погони. Исполнители этого преступления знали хорошо, что им не грозит месть за совершенное злодеяние.

По временам кто-нибудь из всадников поднимался на лошади и с минуту осматривал равнину; но это делалось не из боязни преследования, а просто из любопытства.

Однако нечто вроде беспокойства шевелилось в сердцах этих дикарей, по крайней мере в сердце их начальника, о чем можно было судить по нескольким словам, которыми он обменялся с белым, скакавшим рядом с ним. Индеец говорил неуверенным тоном, и в его взгляде можно было прочесть раскаяние в только что совершенном поступке. Ответы свирепого ренегата, бывшего не только руководителем, но и исполнителем злодеяния, казалось, были направлены на то, чтобы успокоить индейца. Фаталист, как вообще все дикари, молодой предводитель на все насмешки ренегата ответил только:

— Что сделано, то сделано.

И всю остальную дорогу больше уже не думал ни об угрызениях совести, ни о раскаянии.

Разговор между двумя другими дикарями, ехавшими позади отряда, скорее объяснит причину беспокойства их предводителя.

С чувством восхищения и жалости говорили они о красоте своей пленницы и о дружеских отношениях между их старым вождем и Хальбергером.

— Нам придется раскаяться в том, что мы сделали, — сказал один из них.

— В чем раскаяться? — спросил его товарищ. — Разве отец молодого вождя не умер?

— Если бы Нарагуана был жив, он никогда бы не допустил этого.

— Но он уже умер.

— Это правда, но сын его Агвара — такой же молодой человек, как и мы. Он еще не выбран вождем нашего племени. Старики, вероятно, будут недовольны, потому что некоторые из них, как и Нарагуана, были друзьями убитого. Почему знать, не будем ли и мы наказаны за это убийство?

— Не бойся, партия молодого предводителя самая сильная, да потом этот проводник, — сказал дикарь, подразумевая ренегата, — все возьмет на себя. Он объявил нам, что это дело касается его одного, так как между ним и натуралистом были свои счеты. Он говорил, что бледнолицый человек, собиравший растения, поступил с ним нехорошо. Может быть, это и правда? С таким защитником Агвара выйдет сух и невредим.

— Будем надеяться, — возразил другой. — А если это прекрасное создание станет нашей царицей, то, во всяком случае, не воины нашего племени будут жалеть об этом, но молодые девушки товасов останутся недовольны!

Разговор был прерван криком, донесшимся из авангарда.

Это был крик тревоги, и в ту же минуту каждый товас, привстав на седле, беспокойным взглядом окинул равнину.

Только девушка по-прежнему неподвижно сидела на своем седле. Казалось, ничто не могло уже испугать этого несчастного ребенка. Ее не страшили новые удары судьбы.

В это время кавалькада проезжала по пустынному пространству, так называемому *traviesas*, что значит «бесплодная почва», которую не редкость встретить в Чако. Такие земли в продолжение известного времени года наводняются разливом соседних рек, но с наступлением лета, под палящими лучами солнца, они снова высыхают и остаются покрытыми слоем серовато-белого цвета — результат выветривания различных солей после испарения воды.

Путешественники выбрали эту дорогу, чтобы миновать изгибы реки. Когда раздался крик тревоги, они были приблизительно в десяти милях от реки и на таком же расстоянии от ближайшего леса. Крик этот испустил проводник, ехавший впереди. В ту же минуту он остановил свою лошадь и выпрямился на стремянах.

Глава VI ТОРМЕНТА

Однако ничего особенного не было видно. Солнце спокойно совершало свой путь по безоблачному небу, бросая черные тени от всадников и лошадей. На далеком расстоянии, куда только хватал глаз, не было ни одного живого существа; даже птицы не нарушали своим криком безмолвия пустыни, и хотя синее небо было безоблачно, однако при усиленном внимании можно было заметить легкий пар, подымавшийся на отдаленном горизонте прямо впереди всадников. Он был едва различим, и только опытный глаз проводника заметил его и понял приближавшуюся опасность.

— Что такое? — спросил молодой предводитель, подъезжая на своей лошади к проводнику.

— Карамба! Разве вы не видите?.. — ответил испанец, показывая на горизонт.

— Кроме маленького облачка, я ничего не вижу.

— Так-таки ничего больше?

— Ничего. Можно было бы даже принять это облако за дым, но этого не может быть: на десять миль в окружности нельзя найти ни былинки, чтобы развести огонь. Впрочем, чего же нам бояться, разве мы здесь не у себя дома?

— Это не дым и не огонь, а гораздо хуже — пыль.

— Пыль! В таком случае это отряд всадников.

— На этот счет мы можем быть покойны; это не люди и не враги, но нечто другое. Если бы это был отряд всадников, мы могли бы, вернувшись немного назад, скрыться от нападения в лесу. Но эта пыль поднята не лошадьми. Если мои глаза меня не обманывают, это идет тормента[14].

— Тормента! — в один голос воскликнули индейцы тоном, показывавшим, что им хорошо знакомо это ужасное явление.

— Да! — снова сказал проводник, всмотревшись еще раз в облако. — Нет никакого сомнения в том, что это тормента, а не другое что-нибудь. Проклятие!

Облако заметно растянулось вдоль горизонта и быстро разрасталось на голубом фоне неба. Оно было темно-желтого цвета, похожего на смесь пара и дыма, какая поднимается от пламени наполовину угасшего костра. По временам оно прорезывалось светлыми полосами молний.

Между тем в том месте, где остановились всадники, солнце ярко блистало и не было ни малейшего ветерка.

Но это спокойствие было обманчиво. В воздухе стояла тяжелая, удушливая жара, на которую перед тем жаловались некоторые из индейцев. Едва ли они успели дать себе отчет в угрожающей опасности, как в одно мгновение жесткие порывы холодного ветра с такой яростью обрушились на них, что некоторые из всадников, потеряв равновесие, покатались на землю, увлекаемые этой невидимой силой.

Скоро ясный день сменила ужасная тьма, окутавшая всю равнину непроницаемым мраком.

Облако пыли прошло перед солнцем, закрыв его совершенно. Испуганные этим первым приступом, некоторые из индейцев предложили скакать назад к

деревьям, но о бегстве уже нечего было и думать. Раньше чем они успели бы проскакать десять миль, ураган настиг бы их.

Проводник знал это, потому-то он и посоветовал действовать иначе.

— Скорей слезайте с лошадей, — крикнул он, — и становитесь за ними, положив на голову хергас[15]! Делайте, как я говорю, если не хотите ослепнуть. Живей, а то будет поздно!

Индейцы, доверяясь вполне опытности бледнолицего, поспешили исполнить его приказание.

В одну минуту все, спрятавшись за своих лошадей, столпились один к другому. Пленницу же сам вождь поместил позади всех.

Быстрым почтительным движением он снял ее с лошади и, положив на землю, сказал ей на своем наречии, которое она понимала:

— Не трогайтесь и не подымайтесь. Повернитесь лицом к земле и ничего не бойтесь. Это вас защитит.

С этими словами он снял со своих плеч плащ из перьев и, повернув его верхней стороной, накрыл им голову и плечи девушки.

Франческа машинально повиновалась требованию своего похитителя, но невольно содрогнулась от отвращения, почувствовав себя в руках человека, допустившего или даже совершившего убийство ее отца.

Едва успели принять эти предосторожности, как ураган разразился с ужающей силой, срывая с лошадей тех, кто не успел растянуться на земле.

Совет закрыть глаза не был излишним. Действительно, тормента не только поднимала пыль, но и бешено вертела все кругом, унося с собой даже камни и обломки деревьев. Кроме того, в столбах вихря носились легкие песчинки, которые проникали всюду, ослепляя глаза и вызывая удушье.

Через час ураган еще более усилился. В ушах людей отдавался страшный вой ветра. Песок проникал в кожу. Иногда порывы ветра поднимались с такой силой, что люди не могли удержаться на земле. Со всех сторон вокруг них сверкали, перекрещиваясь, непрерывные молнии.

Казалось, вся атмосфера была наполнена огнем; гром то гремел короткими, быстрыми ударами, то грохотал продолжительными раскатами. Затем полил такой холодный дождь, точно он лил со снежных вершин Кордильер.

Спустя еще полчаса темное облако исчезло, ветер так же быстро утих, как и начался, — тормента миновала.

Солнце снова заблестало на голубом, по-прежнему ясном небе, точно урагана никогда и не было.

Молодые товасы, с которых ручьем текла вода, поднялись на ноги. Некоторые были окровавлены, но с беззаботностью, свойственной их расе, они скоро оправились. Затем стали внимательно осматривать коней, чтобы узнать, в состоянии ли они продолжать путь. По знаку предводителя воины перекинули свои хергасы на спины лошадей и ждали сигнала отправиться в путь.

Франческа неподвижно и безучастно стояла в плаще молодого предводителя, и, когда он приблизился к ней за этим знаком своего достоинства, она даже не взглянула на него. Он было хотел посадить ее в седло, но она с презрительным жестом оттолкнула его и с легкостью птицы вскочила на лошадь.

Вся орда невольно испустила крик восхищения: эта молодая девушка достойна быть их царицей — она не испугалась даже урагана.

Между тем все было готово к отъезду, и похитители, вскочив на коней, про-

должали свой путь по равнине, покрытой теперь водой. Они направлялись в прежнем порядке к стоянке своего племени.

Оставим их пока и займемся другими.

Далеко от того места, где происходила только что описанная нами сцена, на берегу реки разложен огонь. Вокруг веселого пламени костра сидят три фигуры. Люди эти провели ночь здесь. Кое-что из вещей разбросано там и сям; три еще не оседланные лошади привязаны тут же ко вбитым в землю колышкам.

Двое из этих людей еще юноши, только вступающие в зрелый возраст; третий — постарше, на вид лет тридцати.

Я думаю, незачем говорить, что эти три путешественника не кто другие, как Гаспар, Людвиг и Циприано.

Нам уже известно, что сама вдова Хальбергера потребовала, чтобы сын ее сопровождал своего кузена и Гаспара. Собственно говоря, и трех-то человек было слишком мало для исполнения задуманного предприятия, тогда как сама она на эстансии, под охраной верных слуг, была в полнейшей безопасности.

Путники доехали только до Пилькомайо, на расстоянии всего одного дня пути от места их отправления.

Их привели сюда следы убийц; но, утомленные быстрой ездой и двумя бессонными ночами, они расположились бивуаком на этом месте. Теперь, отдохнув немного, они снова собираются в путь, торопясь окончить свой незатейливый завтрак.

На плоском камне, раскаленном докрасна, жарятся несколько маисовых колосьев, и тут же на вертеле готовится жаркое, которое, на взгляд европейца, показалось бы, пожалуй, не особенно привлекательным.

Это обезьяна из породы *guaridas*, которая, увидев огонь, осмелилась приблизиться к нему, как бы для того, чтобы дать Гаспару возможность застрелить себя.

Из нее-то и готовят путешественники свой утренний завтрак. Не подумайте, что запасы их истощились. Нет, у них есть еще солонина; но Гаспар питает слабость к жареной обезьяне и предпочитает ее всему другому, притом же им необходимо по возможности беречь свои запасы.

Недалеко от камня, на горячей золе, стоит чашка с кипящей жидкостью. Это вода для чая, настоящего парагвайского матэ, три чашки из скорлупки кокосового ореха с трубками для всасывания жидкости лежат тут же на траве.

Среди всевозможных дорожных вещей: седел, попон, трех ножей, трех ласо, трех пар боласов, трех охотничьих ружей — виднеются различные съестные припасы.

Несмотря на такое изобилие, в лагере нет веселья.

Путники голодные, но запах жареного мяса и аромат чая не возбуждают их аппетита. У всех троих тяжело на сердце. Предприятие их не простое развлечение или охота: они преследуют убийц и похитителей сестры и спешат нагнать их.

Быстро окончив завтрак, молодые люди вскочили на лошадей.

Но что это делает гаучо? Какая причина удерживает его на месте?

Молодые люди нетерпеливым взглядом спрашивают Гаспара о непривычной для него медлительности.

Солнце только что взошло, окрасив пурпуром верхушки деревьев, но им нельзя терять ни минуты.

Еще во время завтрака, седлая лошадей, юноши заметили в чертах Гаспара, по обыкновению таких открытых, непривычное для них выражение заботы и раздумья.

Очевидно, его беспокоило что-то другое, кроме общего их горя, которое — они в этом не сомневались — верный гаучо чувствовал так же глубоко, как и они сами.

Но что это значит? Во время завтрака он несколько раз вставал с места и подходил к одному дереву, с особенным вниманием осматривая его. И даже в последнюю минуту, уже занеся ногу, чтобы вскочить в седло, он, к величайшему их удивлению, еще раз подошел к нему и, пока они перекидывались словами по этому поводу, снова пристально оглядел это дерево.

Что он нашел интересного в нем?

Это было не очень высокое дерево, с легкими зелеными листьями, по-видимому из семейства мимоз. На его длинных ветвях висели целые букеты прекрасных желтых цветов.

Эти-то цветы и приковали к себе взгляд гаучо, в котором юноши легко могли прочесть отражение всевозрастающего душевного беспокойства.

Глава VII ДЕРЕВО-БАРОМЕТР

— В чем дело, Гаспар? — спросил, наконец, с нетерпением Циприано. — Нам каждая минута дорога; мы теперь были бы уже далеко отсюда.

— Я знаю, господин; но, если только это дерево говорит правду, нам лучше не торопиться. Подойдите и посмотрите на эти цветы.

— Что же в них особенного? — спросил Циприано. — Я ровно ничего не вижу.

— А я так кое-что заметил, — сказал Людвиг, приобретший от отца некоторые познания в ботанике, — венчик теперь полузакрыт, но он не был таким полчаса тому назад. Я это заметил еще раньше.

— Подождите, — сказал Гаспар, — посмотрим еще.

Юноши послушались и через пять минут увидели, что венчик цветка еще больше закрылся, а лепестки свернулись и сжались.

— Ах, Боже! — воскликнул гаучо. — Теперь уж нет сомнения, будет буря!

— А! Так это дерево — питау. Отец часто говорил мне о нем.

— Ваша правда, молодой господин. Видите, цветы еще больше закрываются, и меньше чем через час от них останутся только бутоны. Что нам делать? Остаться здесь — нельзя; ехать дальше — все равно мы этим ничего не выиграем. К тому же нельзя точно сказать, когда нагрянет буря, но, судя по барометру, она обещает быть жестокой.

— Нельзя ли нам укрыться в лесу?

— Это простительно только индейцу — в лесу искать лекарства, которое хуже самой болезни. Да если только это идет торmenta, для нас же сто раз лучше оставаться среди равнины, хотя и здесь тоже небезопасно. Но все-таки, оставаясь на равнине, мы меньше подвергаемся опасности, чем под деревьями, которые могут нас раздавить своим падением. Я видел вырванные торментой гро-

мадные альгорробасы... Их кружило бурей и кидало во все стороны, точно страусовые перья.

— Что же нам делать?

— Самое лучшее, — ответил гаучо. — сесть на лошадей и скакать вперед. А там будь что будет! На коней, детки, и скачите за мной! Я недаром был пленником у индейцев Чако: я должен знать хоть немного эту страну. Если только я не ошибаюсь, мы можем отыскать себе какое-нибудь убежище на берегу реки; к несчастью только, это довольно далеко отсюда. Но больше нечего делать... приходится рисковать. Увидим, что будет дальше, а теперь помолимся Богу.

И с этими словами гаучо, став на колени, перекрестился и прочел «Отче наш». Юноши повторяли за ним слова молитвы.

— Ну а теперь, — вскричал гаучо, поднимаясь, — на коней и вперед!

Все трое быстро вскочили на седла и, пришпорив лошадей, скоро оставили далеко позади бивуак, где еще тлели остатки костра.

Во весь дух убегая от грозящей опасности, трое всадников все время скакали по следам дикарей, которые вели, как раз к тому месту, где Гаспар рассчитывал найти защиту от бури.

Они ехали вдоль берега реки, там и сям перерезанного более или менее крупными возвышенностями.

Несмотря на всю опасность, которой грозило наступление торменты, они не переставали думать о главной цели своего путешествия — настигнуть убийц.

Как уже известно, мнения Людвиг и Циприано на этот счет резко расходились; они и теперь еще продолжали свой вчерашний спор о том, кто убийца. На основании своих тайных предчувствий Циприано не сомневался, что похититель его кузины принадлежал к племени товасов и был не кто иной, как сын их вождя.

Людвиг, слишком доверчивый, не соглашался с этим мнением. Это казалось не только невозможным, но просто чудовищным прямодушному мальчику.

Неужели Нарагуана, старый вождь, давнишний друг его отца и его защитник, мог сразу сделаться изменником и согласиться на подобное злодеяние?

— Но, может быть, все было сделано без его ведома, — сказал Циприано. — Я думаю, что он не допустил бы этого, и возможно, что он и не знал, да и теперь ничего не знает. Но нам известно, что уже не раз старейшины этого племени собирались на совет и творили суд над преступниками их племени. Немало найдется негодяев среди дикарей, как и у нас. Уже не раз молодые воины наполняли ужасом страну своими нападениями и покушениями на жизнь путешественников, рисковавших проходить по этим местам. Какой-то внутренний голос говорит мне, что причина всех наших несчастий — эти проклятые индейцы во главе с Агварой, сыном их вождя. Я почему-то всегда считал его способным на преступление. Когда я увидел дядю и Франческу, отправляющихся на эту несчастную экскурсию, только ложный стыд удержал меня рассказать им о моем предчувствии. Однако я должен сознаться, что этот презренный негодяй оказался даже хуже, чем я подозревал. Никогда я не считал его способным на убийство друга его отца, чтобы достигнуть своей цели.

Слова Циприано напомнили Людвигу его двойное несчастье, и он некото-

рое время ничего не отвечал своему двоюродному брату.

Сцена возвращения его отца во всех своих ужасных подробностях воскресла в его уме. Углубившись в это воспоминание, он, казалось, не мог сразу выйти из него, но, наконец, сделав усилие, чтобы оторваться от этой печальной картины, он перешел к настоящему положению дел.

— Циприано, — сказал он, — может быть, лучше, что все произошло так, как ты предполагаешь.

— Почему лучше, Людвиг?

— Потому что тогда мы хоть можем надеяться найти Франческу. Если старый вождь невиновен, он не замедлит приказать возвратить нам ее, хотя бы похитителем был и его собственный сын.

— Я в этом сомневаюсь, — печально возразил Циприано.

— Тем не менее это наша единственная надежда, — продолжал Людвиг. — Если бы преступление было совершено каким-нибудь другим племенем, враждебным нам, как белым, а ведь известно, что все остальные племена Чако — наши враги, то нам еще труднее было бы возвратить сестру. Рассчитывать отнять ее силой — невозможно. Это было бы безумием с нашей стороны. Такая попытка будет стоить ей жизни или, что еще хуже, приведет ее к вечному плену у дикарей.

— Твоя правда, — отвечал Циприано. — Я вижу, что без помощи Нарагуаны нечего рассчитывать на успех нашего предприятия. Но мы скорее можем надеяться на счастливый исход, если нам понадобится помощь против других племен, против гуанкурсов, например, или мбаясов и ангитосов. Вождь товасов поможет нам, наверное, в борьбе с ними, хотя это племена индейцев. Чако всегда заключают союз, когда дело идет о походе на белых, но часто также между отдельными племенами существует смертельная вражда. Моя надежда основывается скорее на этом предположении, чем на чем-нибудь другом. Если же, напротив, нам придется иметь дело с товасами...

— Это товасы! — прервал его слова Гаспар, не терявший ни на минуту из виду следов неприятеля, хотя он и слушал разговор братьев.

В эту же минуту он остановил свою лошадь, что-то рассматривая на земле около ее копыт.

— Смотрите, — воскликнул он, — вот доказательство виновности товасов!

Людвиг и Циприано приблизились, чтобы посмотреть на предмет, который им показывал гаучо.

Гаспар держал в руках предмет величиной приблизительно с апельсин и темно-коричневого цвета.

Оба юноши тотчас же узнали в нем болу — круглый камень, покрытый прежде сырой, а теперь ссохшейся бычьей кожей.

— Что же это за доказательство, Гаспар? — спросил Циприано. — Это не что иное, как бола, которую кто-нибудь потерял, оттого что оборвался ремень. Что же это, по-твоему, доказывает? Разве не все индейцы в Чако имеют такие болы?

— Все, но только не такие. Посмотрите-ка, — сказал гаучо и, наклонившись в седле, поднял болу. — Найдите то место, где она оборвалась. Нет, она никогда не была прикреплена к ремню.

Молодые люди рассматривали шар, не находя в нем ничего особенного.

Это был тяжелый камень, обтянутый бычьей кожей, когда она еще была

сырая, и которая, высохнув, сжалась без всяких складок. Никакого следа оторванного ремня на нем не было видно. Заметен был только рубец кожаной обертки.

— Потерянная бола! Я никогда об этом ничего не слышал, — сказал Людвиг.

— Я также, — отвечал Циприано.

— Я кое-что слышал и даже видел ее в деле, — возразил гаучо. — Это индейское оружие, которым они владеют с поразительной ловкостью. Они кидают его дальше чем на тридцать метров, ударяя им в голову неприятеля с такой силой, как пулей из ружья. Я видел раздробленные им черепа — не хуже, как если бы они были разбиты ударом палицы. Да, сеньоры, уверяю вас, бола — не детская игрушка.

— Но почему вы думаете, что она потеряна товасами?

Вопрос этот предложил Людвиг.

— Кроме них, его некому потерять, потому что только они одни и употребляют это оружие. Никакое другое племя не имеет такой болы. Верьте мне, дети мои, бола потеряна изменником-товасом.

Молодые люди кивком головы изъявили свое согласие, и с этой минуты они уже не сомневались, что идут по следам товасов.

Неожиданная разгадка произвела различное впечатление на каждого из путешественников.

В Людвиге она возбудила если не радость, то хоть луч надежды найти сестру, между тем как Циприано погрузился в еще более мрачное отчаяние.

— Кроме товасов, кроме презренного убийцы, — сказал он, — есть еще другой, еще больший виновник, на которого падает ответственность за все наши несчастья.

— Да, — ответил Людвиг, — злодей Франсуа.

— Он, конечно, и я не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу ему за все зло.

— Бог накажет его. А мы, милый Циприано, что сами мы можем сделать этому человеку?

— Ничего в данную минуту, без сомнения. Но впоследствии — мы увидим.

Перемена атмосферы отвлекла их внимание в другую сторону.

Все вокруг них потемнело и приняло угрожающий оттенок.

— Скорее, скорей! — кричал Гаспар, гоня свою лошадь во весь опор. — Если мы не доберемся до грота, мы погибли. Живей, если вам дорога ваша жизнь!

Молодые люди пустили во весь дух своих лошадей следом за лошадью Гаспара.

— Слава Богу, мы добрались как раз вовремя. Благодарение Богу, мы спасены!

Восклицание это сорвалось с уст Гаспара в тот момент, когда он, в сопровождении своих спутников, въезжал на своей лошади в отверстие пещеры. Эта пещера находилась на отвесной скале, возвышавшейся над арройо[16], который немного ниже впадал в Пилькомайо. Вход в пещеру был обращен к ручью на некотором расстоянии от потока.

— Да, мы успели вовремя, — повторял гаучо, вздыхая с облегчением. — Карамба! Слышите? Посмотрите-ка, что творится там!

Он еще продолжал говорить, но раскаты грома заглушили его голос.

Началась буря — торmenta. Раскаты грома, повторяемые эхом ущелья, раз-

давались со страшной силой. Облака пыли крутились по равнине и, казалось, неслись на них.

— Скорей сходите с лошадей! — кричал Гаспар своим спутникам, первый подавая пример. — Несите пончо, дети, свяжем их вместе и закроем ими хорошенько вход в пещеру, чтобы не задохнуться от пыли!.. Живей!..

Юношам не надо было повторять приказание два раза. Они сами знали, что нельзя терять ни минуты. Не первый раз уже видели они торменту и в Асунсьоне были свидетелями ее ужасных последствий.

Они слышали звон разбивающихся от падения камней окон, заставлявший дрожать двери на петлях; видели пыль, проникающую в щели и замочные скважины, словно ужасное дыхание урагана; они видели вырванные с корнем деревья, сломанные точно былинки; видели животных и людей, которых вихрем поднимало на воздух и уносило на далекое расстояние.

И прежде чем гаучо успел сказать еще слово, они были уже на ногах и помогали ему размещать лошадей и закрывать вход в пещеру с помощью связанных вместе пончо, которые они прикрепили к скале ножами.

Их наполовину ослепило пылью и едва не опрокинуло ветром во время этих приготовлений.

— Теперь, — сказал Гаспар, едва они успели закрыть вход в пещеру, — мы можем считать себя в безопасности, и я решительно не вижу причины, почему бы нам не устроиться в пещере с возможными удобствами. Ураган, чего доброго, задержит нас здесь три-четыре часа, — другими словами, всю ночь. Что касается меня, я голоден, как коршун. Этот переезд заставил меня позабыть о завтраке, и я предлагаю докончить остатки гварибы. Наша столовая немного темна, и нам едва ли можно будет вскипятить чай, но я надеюсь немного осветить ее.

С этими словами гаучо направился к своей лошади и, пошарив под рекадо, добыл оттуда огниво.

Глава VIII

МЕЖДУ ТИГРОМ И ПОТОКОМ

Гаспар стал высекать огонь о камень, и несколько искр уже блеснуло в темноте, как вдруг какой-то дикий вой на минуту заглушил даже рев бури. Гаучо вздрогнул и стал прислушиваться.

Его спутники также слышали этот вой, а лошади в испуге дрожали, фыркали и били землю копытом.

Снова до их слуха донесся вой. Точнее, это был ужасный рев, не оставивший никакого сомнения ни у людей, ни у животных: зловеющий голос подавал тигр, как зовут здесь ягуара.

Сначала им показалось даже, что ужасное животное находится в гроте, но, когда опять раздался тот же вой, они поняли, что тигр был у входа в пещеру позади пончо. Во всяком случае, слабая защита из плащей едва ли смогла бы укрыть их от когтей свирепого животного; для тигра это было все равно что паутина, если только, как они предполагали, он пришел искать в пещере убежища от бури.

Нечего было и рассчитывать, что его остановит такая преграда.

Сначала, как будто удивленный неожиданным препятствием, заслонившим вход, тигр отошел на минуту.

— Не говорите ни слова, — сказал один из юношей, — пещера довольно велика; может быть, из нее есть другой выход наружу, и тигр пройдет в другое отверстие, не заметив нас.

— Ягуарето — кошка, он видит одинаково хорошо как днем, так и ночью, — тихо сказал Гаспар. — И если он проникнет сюда, то у нас останется только один выход — убить его.

Все трое быстро схватили ружья и осмотрели за поясом пистолеты.

Ягуар был еще снаружи. Он испускал глухой рев, точно требуя, чтобы ему отворили; его, видимо, удивило неожиданное препятствие, загоразивавшее вход в его жилище.

Тигры, несмотря на их свирепость очень осторожны.

Так и этот, стоя перед пещерой, обдумывал, как ему лучше поступить, Но рев зверя, принимавший все более и более грозные оттенки, говорил, что нерешительность его скоро кончится и он не замедлит броситься в пещеру.

Необходимо действовать, иначе и люди и животные сделаются его добычей.

Трое путешественников приготовились к нападению, стали рядом друг около друга близ входа с оружием в руках.

Лошадей они поместили позади себя.

— Не попробовать ли выстрелить через пончо в том направлении, где движения нашего врага обнаруживают его присутствие?

Это вопрос предложил Циприано; но едва успел он кончить фразу, как страшный рев, раздавшийся как бы в ответ на эти слова, огласил пещеру, и вслед за тем юноши покатались на спине в глубину грота, опрокинутые ужасным скачком животного, которое со всей силой бросилось на загороженный вход и сбило с ног своих противников.

Устоял только один Гаспар.

— Святой Антоний! — воскликнул он. — Глупое животное запуталось в наших плащах! Не двигайтесь, лежите смирно, я сейчас выстрелю.

Блеснул огонек, и раздался выстрел из пистолета.

Убитый тигр покатился на землю.

— Отличный выстрел! — воскликнул Гаспар, догадавшись по шуму падения, что выстрел попал в цель. — Теперь вставайте, дети, и помогите мне освободить нашу дичь от пончо. Не бойтесь, берите смелее, это только труп ягуара.

Гаучо высек огнивом огонь и вместе с молодыми людьми подошел к ягуару. Здесь они увидели, что выстрел гаучо был как нельзя более удачен: каким-то чудом пуля угодила в сердце.

— Наши бедные пончо! — сказал Гаспар. — Они сослужили свою службу. Кто знает, чем бы еще кончилось дело, если бы мне пришлось стрелять в разверстую пасть проклятого зверя? Наши пончо помешали ему сделать верный скачок. Это сама Пресвятая Дева направила мою руку, дети. Мы должны поставить ей в благодарность свечку.

Между тем через свободное отверстие ветер, пыль и холод ворвались в пещеру и гуляли на просторе.

Путешественники поспешили высвободить свои пончо из-под туловища животного и, еще раз прикрепив их ножами к скале, защитились от торменты.

Когда это было сделано, Гаспар снова принялся разводить огонь, намереваясь закусить при свете огня; но вдруг ему в голову пришла новая мысль, и он отложил на время свою работу.

— Где показался один ягуар, там можно ожидать и другого. Эти милые звери охотятся не поодиночке. Мы убили тигрицу, но было бы гораздо хуже, если бы пришлось иметь дело с тигром, который, надо полагать, бродит где-нибудь в окрестностях и может каждую минуту явиться сюда на ночлег. Чтобы оградить себя от его вторжения, придется несколько покрепче припереть дверь.

— Но чем? наших седел недостаточно.

— Разумеется, нет, сеньоры, я это отлично знаю. Не седла я имел в виду, но здесь, конечно, найдутся глыбы камней, которые нетрудно будет сдвинуть. Из них-то мы и можем устроить себе отличную стену.

Действительно, когда юноши упали, отброшенные прыжком ягуара, они почувствовали, что пол пещеры был весь усеян острыми камнями. Ссадины и царапины на теле также указывали на то, что в пещере нет недостатка в строительном материале. Наконец при слабом свете, падавшем снаружи, можно было увидеть наваленные груды камней.

— Ну, теперь поскорее примемся за постройку баррикады! — сказал Гаспар. — Мы будем ее делать, не трогая пончо, до тех пор пока она не будет достаточно высока. Но не надо терять ни минуты. Вы носите мне камни, а я буду их складывать.

Людвиг и Циприано не заставили себя ждать и с жаром принялись за дело, подкатывая к гаучо громадные обломки, из которых тот выстроил нечто вроде грубой стены, и, хотя работа происходила в темноте, все же стена была достаточно крепка и могла выдержать нападение какого угодно животного, кроме слона, конечно. Но слоны не водятся в Чако, поэтому нашим путешественникам нечего было их и бояться.

Так, по крайней мере, думал Гаспар, еще раз принявшийся за свое огниво.

— У меня есть огарок восковой свечи, — сказал он, — которую я взял, да простит мне Бог, в церкви в Асунсьоне. Она горела над гробом моей матери, и я хотел сохранить ее как память о покойной. О, Господи! Думал ли я когда-нибудь, что придется зажечь эту свечку при таких обстоятельствах? Но нельзя же есть в потемках. Я никогда этого не любил, да и еда идет не в пользу, когда ешь впотьмах.

Гаспар старался говорить шутливым тоном, надеясь развеселить своих товарищей и хоть немного отвлечь их мысли от тяжелого горя.

Но ни тот, ни другой не отозвался на его шутки.

Гаучо высек огонь и зажег, наконец, без их участия свою свечку.

Это был большой огарок, длиной дюймов в шесть. Подобные свечи употребляются в церквах в Парагвае. Приготавливают их из воска дикой пчелы.

Яркое пламя осветило все находившиеся предметы в пещере: путешественников, их коней, все их дорожные вещи и лежавшего у входа убитого ягуара, который резко выделялся на темном фоне пещеры своей пятнистой шкурой.

Но едва только пламя разгорелось как следует, глаза наших путешественников с ужасом остановились на второй шкуре ягуара, не такой пятнистой, как у первого, но зато более яркой и блестящей.

Это был второй ягуар, не мертвый, но живой, лежавший на самом отдаленном выступе скалы. Он был, по крайней мере, вдвое больше первого и свирепее на вид.

С первого же взгляда Гаспар узнал в нем самца-тигра, о котором упоминал раньше.

— Это самец, — проговорил он, как только пламя свечи позволило ему рассмотреть зверя. — Для нас крайне опасно такое соседство.

Его спутники, пораженные неожиданным зрелищем, хранили молчание.

— Я удивляюсь только, — сквозь зубы проговорил гаучо, — что он остается так долго совершенно спокойным. Должно быть, тормента изменила его. Кто знает, что происходит в голове этого зверя и что заставляет его лежать неподвижно. Верить ему нельзя; он сразу может броситься на нас, а такому громадному зверю, друзья мои, пуля все равно что удар хлыста. Посмотрите-ка, ведь он почти с лошадь. Редко случаются два чуда в один день. Если пуля его только ранит, а не убьет, это еще больше придаст ему ярости.

Молодые люди стояли, держа в руках винтовки.

— Стрелять или нет? — спросили они.

— Боже вас сохрани! Лучше попытаться уступить ему свое место, если только состояние оцепенения и страха, в которое тормента повергает часто самых энергичных и самых свирепых животных, даст нам возможность убраться вовремя. Дождь льет как из ведра, но это ничего не значит в сравнении с опасностью оставаться с этим молодцом. А раз идет дождь, значит, пыли больше нет, а это главное. Может быть, нам удастся спастись через отверстие в баррикаде, оставив ему в жертву лошадей... он в него не пролезет. Но что же мы будем делать без коней? Они нам нужны не меньше нас самих, да, наконец, подло отдать наших добрых животных этому разбойнику. Остается один исход — разобрать работу наших собственных рук... К делу! Циприано пусть стоит на стороже с ружьем. При первом же движении ягуара пустите в него пулю.

И в то время как Людвиг держал свечу, Гаспар с удвоенной от угрожающей

им опасности энергией принялся разбирать стену.

Когда было сделано отверстие, достаточное для того, чтобы пропустить людей и лошадей, гаучо раздвинул пончо и бросил взгляд наружу.

Между тем из уважения ли к Циприано, не спускавшему глаз со зверя, или под влиянием бури, но только ягуар не двигался. Его блестящие, неподвижные глаза не покидали Циприано, но неустрашимый юноша не струсил, хотя самым опасным моментом было именно отступление. У людей и у животных отступление противника служит как бы сигналом к нападению.

В эту минуту восклицание гаучо привлекло внимание Людвига.

— Что случилось? — спросил он.

— А то, — с отчаянием проговорил Гаспар, — что нельзя выйти. Посмотрите!

Вода в ручье поднялась выше обыкновенного уровня футов на шесть и бурным потоком неслась около пещеры.

У входа в грот не осталось ни одного дюйма земли, где могли бы пройти люди и животные. Всякое отступление было отрезано. Положение было критическое: оставаться в пещере значило сделаться жертвой ягуара.

Прояснившееся небо озарило своим слабым светом глубину пещеры и свирепое животное, продолжавшее оставаться в своей подозрительной неподвижности. Казалось, тайный инстинкт подсказывал ему, что его жертвы не уйдут от него, и зверь с невозмутимым презрением глядел на их тщетные усилия уйти от его когтей.

В это время ураган немного утих, и раскаты грома слышались уже вдали. Приближался момент, когда животным снова овладеет притупившаяся в нем на время свирепость и оно одним прыжком бросится на них.

Борьба становилась неизбежной.

Гаспар и юноши с отчаянием в душе приготовились к битве, держа в руках винтовки, а в зубах охотничьи ножи.

Людвиг и Циприано ждали только сигнала стрелять.

Гаспар все еще медлил подавать его; без сомнения, он отдал бы все, чтобы только одному и самому иметь дело со свирепым животным. Но вдруг он с лихорадочной поспешностью стал что-то искать в сумке своего рекадо.

Он вспомнил, что в сумке у него было спрятано оружие, какое берут во время боя быков. Он взял его отчасти из предосторожности, думая, что оно пригодится ему для устрашения или для развлечения индейцев.

Это один из маневров пограничных жителей, который часто имеет успех у дикарей.

— Не шевелитесь, — шепнул он на ухо своим друзьям, — стойте на своих местах... Предоставьте действовать одному мне. Я придумал одну штуку.

Оба молодых человека остались на местах у входа в пещеру подобно двум мраморным изваяниям.

Глава IX НА АВОСЬ

Несмотря на весь ужас своего положения, Людвиг и Циприано сильно заинтересовались словами гаучо и взглядом спрашивали один другого, что такое придумал их друг.

Время было слишком драгоценно, и гаучо в ту же минуту принялся за исполнение своего проекта.

Быстро подошел он к свече, которую Людвиг укрепил в углублении на камне, и, крикнув своим спутникам, чтобы они плотнее прижались к стене и не загоразживали выхода из пещеры, сам поднес к свече ракету и затем бросил ее в ягуара.

Вся пещера вдруг осветилась фантастическим огнем; горящая ракета со свистом, точно огненная змея, устремилась на ягуара, попала ему в бок, запуталась в шерсти и завертелась, осыпая зверя тысячами искр.

По всей вероятности, ягуару в первый раз в жизни приходилось видеть фейерверк, устроенный к тому же в честь его самого.

С ужасным ревом, от которого задрожали своды пещеры, громадное испуганное животное вскочило со своего ложа, в три прыжка перелетело пещеру и бросилось в клокочущие воды потока.

Иначе, впрочем, тигр и поступить не мог, если хотел потушить вертящуюся в его шкуре ракету и вместе с тем избавить путешественников от своего присутствия. Не больше как через минуту ягуар уже исчез из виду, уносимый быстрым течением потока.

Гаспар взобрался на выступ, только что оставленный ягуаром, и крикнул оттуда своим друзьям:

— Ну, теперь мы можем сесть за стол, и я надеюсь, нас уже никто больше не потревожит.

Людвиг и Циприано долго не могли прийти в себя от изумления перед такой неожиданной выходкой гаучо, которому так остроумно удалось отделаться от тигра.

— Такие вещи не сразу приходят в голову, — скромно ответил храбрый гаучо на похвалы своих спутников. — С этого мне нужно было бы начать, и тогда незачем было бы складывать и разбирать эти бесполезные укрепления.

Юноши пожалели в глубине души, что не удалось им убить такого великолепного зверя, но они не высказали этого сожаления вслух, чтобы не огорчать своего друга, радость которого на этот раз была беспредельна, и он больше гордился своей счастливой выдумкой, чем удачным выстрелом.

Когда путешественники окончили свой обед, буря совершенно утихла.

Торmenta отличается от темпораля тем, что первая так же быстро проходит, как и наступает, а второй, наоборот, затихает постепенно, сопровождается туманами и сыростью, наполняющей окружающую атмосферу, и длится иногда несколько дней. Но не такова торmenta, или пыльный ураган. Ей не предшествуют никакие другие явления, кроме тех, например, которые заметил Гаспар на венчике цветка дерева-барометра.

Подойдя к выходу из пещеры и выглянув наружу, они увидели, что не осталось никаких следов от урагана, точно его никогда и не было.

Над противоположным берегом ручья виднелось прекрасное лазоревое небо, и солнечные лучи по-прежнему ярко сияли, как будто темные тучи ни на минуту не заволакивали солнца.

Торmenta продолжалась не больше часа, и, если бы не разрушения, произведенные ею, можно было бы подумать, что это был сон. Повсюду перед их глазами виднелись ясные следы бури: деревья, то вырванные с корнем, то расшатанные и наклонившиеся к земле, груды наломанных ветвей, выдранные с корнями кусты, и среди всего этого, вместо прежнего ручейка, который не больше часа тому назад перешли вброд лошади, теперь бушевал бурно пенящийся поток.

Не будь этого препятствия, они тотчас же отправились бы в путь, но одного взгляда на ручей довольно было, чтобы отказаться от исполнения этого намерения, на некоторое время конечно.

Они очутились в положении крестьянина в известной басне, переживавшего на берегу убыли воды в реке, с той только разницей, что перед ними была не река, а разлившийся ручей.

— Это ненадолго, детки, — сказал гаучо, видя их нетерпение и желая утешить их. — Нет, — продолжал он, с минуту посмотрев на поток, — нам придется недолго ждать. Это наводнение, произведенное торментой, так же быстро пройдет, как и началось. Теперь вода уже понизилась на полфута — видите следы ее на камнях.

И он указал пальцем на оставшиеся маленькие лужицы мутной воды.

Это был весьма утешительный признак для путешественников, которые в ожидании спадения воды вернулись в грот собрать свои вещи и оседлать лошадей, на которых торmenta подействовала точно так же, как и на ягуара.

Когда все приготовления были окончены, гаучо, точно вспомнив что-то, ударил себя кулаком в грудь и воскликнул;

— Боже! Я совсем потерял голову. Не бросать же так шкуру такого прекрасного ягуара! Такая шкура стоит недешево. А как хорош был другой ягуар, самец! Никогда я не видал такого великолепного зверя. Ах, если бы...

Но он вдруг остановился. Вероятно, он хотел сказать, что, если бы их отец был здесь, он не дал бы зверю уйти из пещеры.

Гаспар был не только охотник в душе и хороший стрелок, но к тому же никогда не завидовал искусству других, а убитый Хальбергер далеко превосходил его в искусстве стрелять из ружья.

Будь он один, он и сам, пожалуй, не задумался бы вступить в борьбу с тигром; но мог ли он хоть на минуту забыть об этих детях, судьбу которых доверила ему несчастная мать. Честный гаучо хранил про себя эти мысли, не желая вызывать всю горечь воспоминаний в молодых людях упоминанием дорогих их сердцу имен.

— Карамба! — проговорил он, очнувшись от этих мыслей. — Я ведь не намерен, в самом деле, оставлять тигрицу в добычу муравьям, волкам и другим зверям, которым вздумается забрести сюда. Кто знает, может быть, нам еще придется заглянуть и в другой раз в эту пещеру. Что бы ни случилось, а я нарочно заеду сюда за этой шкурой. А теперь, кстати, пока спадет вода, я сниму шкуру со зверя. Итак, за работу!

Он возился недолго. Великолепная шкура с черными полосами быстро отделялась под его искусными пальцами, и скоро только ободранный остов зве-

ря лежал на земле.

— Ну а что касается этого, — сказал он, показывая на дымящееся мясо тигра, — то мне нисколько не будет жаль, если оно послужит завтраком диким зверям. Бывали случаи, что и христиане не брезговали им. Я помню одно время, когда и сам бы не отказался от кусочка такой дичи. Да, молодые господа, в этом самом Чако мне пришлось раз питаться целую неделю остовом viscacha [17], не говоря уже о том, с каким трудом удалось мне его поймать.

— Когда это было, Гаспар? — спросил Людвиг, заинтересованный, несмотря на свою грусть, словами гаучо.

Вообще в этом юноше сказывались наклонности его отца: все, что касалось природы или борьбы с нею, глубоко его интересовало.

— Случилось это, юноша, немало времени тому назад. Это очень длинная история, и я не успел бы рассказать ее вам сегодня. К тому же теперь надо еще позаботиться о том, куда поместить эту шкуру так, чтобы она могла высохнуть, не смущая ничьих нескромных взоров, а затем на коней — и в путь.

Достав затем четыре бечевки и проделав небольшие отверстия на концах тигровой шкуры, он повесил ее на сталактитах, которые избавили его от необходимости вбивать гвозди.

— Здесь, — сказал гаучо, глядя на мех над своей головой, — она высохнет как следует и будет в безопасности от волков и других зверей, и, если только, кроме них, никто не сунет носа сюда, она может висеть целые недели. Подобные вещи не так легко портятся в пещерах, как на чистом воздухе. Не знаю, почему это происходит, может быть, оттого, что солнце не проникает сюда.

Людвиг, без сомнения, мог бы объяснить это явление своему другу, но было несколько поздно давать научное объяснение, да он и не пытался. Для Гаспара опыт был лучшей наукой.

Выглянув еще раз наружу, они увидели, что вода значительно убывла и им можно было проехать по берегу.

Не тратя понапрасну времени, они вывели лошадей из грота, вскочили в седла и снова поехали искать следы товасов.

Они спустились, следуя по течению ручья, до его впадения и уже взобрались на берег реки, а между тем не было видно следов похитителей.

Пронесшийся ураган и разлив воды уничтожили все следы, что заставило гаучо немало призадуматься.

— Проклятье! — воскликнул он, когда они все трое остановились, держа под уздцы своих лошадей, и переводили глаза с земли друг на друга, спрашивая взглядом, что делать. — Проклятье! Вы также ничего не видите?

— Не остановиться ли нам? — спросил Людвиг, видя беспокойство своих друзей.

— Остановиться! Что ты говоришь, Людвиг? — воскликнул Циприано. — Остановиться, отказавшись от преследования!

— Нет, я совсем не то хотел сказать.

— Чем отказаться от преследования, — продолжал молодой парагваец, не дожидаясь ответа Людвига, — я лучше соглашусь всю жизнь рыскать в Чако. Я ведь дал клятву твоей матери, Людвиг, не возвращаться на эстансию без твоей сестры, а моей кузины.

— Я решил поступить точно так же, и ты это знаешь, — проговорил Людвиг. — Но Чако велико, а блуждать наудачу — вряд ли это приведет к цели.

Нам нужно обдумать свое положение.

— Известно, — продолжал Циприано, — что Франческа у товасов. Племя это довольно многочисленное, и они не могут все укрыться в одной норе; да, наконец, товасы не в состоянии даже оставаться на одном месте: всегда несколько человек из них находятся в каком-нибудь походе, и мы, наверно, их встретим, а нам только это и нужно, чтобы узнать место стоянки главного отряда.

— К несчастью, — печально ответил Людвиг, — нам придется слишком долго ждать, прежде чем мы встретим хоть одно живое существо в этой пустыне. Что станет с моей матерью до нашего возвращения? Я не могу думать о ней; каково ей теперь одной перед могилой отца! Наше долгое отсутствие она может счесть за гибель в пустыне! Если бы можно было послать кого-нибудь к ней сказать, что мы все живы и здоровы.

Голова юноши при этих словах склонилась на грудь и слезы невольно выступили на глазах.

Людвиг обожал свою мать, и мысль, что ей грозит какая-нибудь опасность в его отсутствие, положительно повергала его в уныние. Сердце его было глубоко потрясено картиной горя, в каком он оставил ее, и эта мысль везде неотвязно следовала за ним.

Даже участь сестры, какая бы ужасная она ни была, не могла доставить ему такого мучения и такой заботы. По его мнению, сестра его была неземное существо, которому никто, даже дикарь, не в состоянии причинить зло, и единственная опасность, которая могла угрожать ей, — это продолжительный плен.

Конечно, ее сердце тоже съедает забота; ей, может быть, пришлось увидеть собственными глазами еще более ужасное зрелище. Но Людвиг, ничего не знавший о смерти Нарагуаны, продолжал твердо верить, что дружба между его отцом и вождем товасов была верным залогом спасения его сестры.

Ему даже казалось, что виновники злодеяния, жертвой которого сделался его отец, уже наказаны Нарагуаной. Кто знает, может быть, в то время как они преследуют похитителей, этот верный и испытанный друг уже возвратил сестру их матери?

Он обратился к Циприано.

— Послушай, Циприано, — сказал он, — ты рано остался сиротой и не знаешь, может быть, что значит отец и мать, которую я имел неосторожность покинуть.

— Я знаю, Людвиг, — ответил парагваец, — что значит для тебя и для меня тот, кого мы так неожиданно потеряли; знаю, что значит для тебя твоя мать. Но разве она не была в то же время и моей матерью? Я разделяю твою горе и так же, как и ты, хотел бы одновременно быть и на эстансии, чтобы плакать вместе с тетушкой, и среди племени товасов, чтобы вырвать у них Франческу. Но из двух обязанностей, одинаково важных, надо сделать выбор, а раз он сделан, не надо отступать. Твоя мать окружена верными и преданными слугами, Франческа же в руках убийц твоего отца. Можно ли колебаться в выборе?

Людвиг, приподнявшись на стременах и глядя по направлению стансии, послал рукой воздушный поцелуй той, чей образ не покидал его ни на минуту.

— Только ты, моя дорогая мама, поняла бы мои сомнения и мое душевное волнение! — сказал он и, хлопнув по плечу Гаспара, оставившегося во время

этого разговора погруженным в глубокое размышление, добавил: — Едем! Хоть на авось, если так надо!

— Не совсем на авось, господин, — прервал гаучо, — не совсем так. У нас есть проводник, может быть, и не очень хороший и не особенно надежный, но лучше что-нибудь, чем ничего.

— Какой? — спросили оба брата.

— Река! — ответил Гаспар. — Я думаю, что пока мы можем довериться ей: судя по следам, оставленным разбойниками до того момента, как мы их потеряли, я уверен, что они следовали вверх по течению Пилькомайо и укрылись где-нибудь, как и мы, во время торменты; и если только они не покинули берега реки до начала бури, то мы непременно нападём на их следы, которые яснее будут видны на сырой почве. А раз мы нападём на следы, то поскачем в погоню и, быть может, до наступления ночи нагоним индейцев. Я уверен, что они прошли здесь до восхода солнца и, очевидно, не спешили, не ожидая нашей погони.

— Дай-то Господи! — воскликнул Циприано в ответ на слова гаучо. — Вперед! — стремительно повторил он и, не дождавсь ответа Гаспара, прищиприл своего коня и пустился по берегу реки.

За ним последовали его спутники.

Глава X ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ УГРИ

Путники отъехали добрую милю от своей последней стоянки, когда высокие берега Пилькомайо стали понижаться и почти сравнялись с уровнем воды.

Холм, по которому они до сих пор ехали, продолжался и на другом берегу, точно он был перерезан внезапно течением реки, образующей в этом месте пороги; вода здесь шумела и кипела.

Спустившись вниз по скату, путешественники продолжали ехать по течению реки, как вдруг неожиданное препятствие загородило им дорогу.

Это был небольшой, медленно текущий ручеек, который, смотря по времени года, то впадал в Пилькомайо, то, наоборот, вытекал из нее.

Теперь он казался неподвижным, потому что главная река, сильно вздущаяся во время урагана, остановила его течение.

Вода в ручейке была желтоватого цвета, как будто с примесью земли и песка. Чтобы узнать его глубину, нужно было въехать в него на лошади, но это было небезопасно. Нечего было и думать обогнуть его выше или найти брод. Риачо тянулся прямо, как канал, и, простираясь, по крайней мере, на десять миль в глубь равнины, везде казался одинаковой ширины и, вероятно, глубины.

Что делать?

Подняться вверх значило потратить половину дням, а пожалуй, и целый день.

Циприано был слишком нетерпелив, чтобы думать об этом, да и Гаспар также не желал терять времени даром.

Попытаться перейти ручей вброд в том месте, где они стояли, было рискованно: может быть, придется добираться вплавь. Это все же не остановило бы их, если бы противоположный берег был достаточно отлог и лошади могли бы

выбраться на него, но, к несчастью, берег поднимался совершенно отвесно больше чем на два фута над водой; к тому же было решительно невозможно определить глубину на глаз, так как вследствие тор-менты вода была мутная.

В нерешительности стояли они возле реки. Впрочем, Циприано, будь он один, не задумываясь ринулся бы в поток, но Гаспар, взяв под уздцы его лошадь, проговорил:

— Подождем! Не мешает подумать, прежде чем решиться на что-нибудь.

Так стояли они с четверть часа, глядя то на ручей, то друг на друга.

— Бог мой! — воскликнул вдруг гаучо.

В тоне его восклицания слышалась такая радость, что молодые люди сразу догадались, что гаучо нашел выход из затруднительного положения.

— Что такое вы придумали, милый Гаспар? — спросил Циприано.

— Посмотрите-ка вон туда, — сказал Гаспар, указывая рукой в том направлении, где приток сливался с рекой, — что вы там видите, сеньоры?

— Ничего особенного, кроме нескольких больших птиц с длинным носом, похожих на журавлей.

— Это и есть журавли, так называемые журавли-солдаты. Ну, и что же, это вам ничего не говорит?

— Мне представляется, что они плавают.

— Плавают? И не думают даже, солдат никогда не плавает. Он переходит ручьи вброд, сеньоры, да, а не плавает!

— Ну, так что же из этого? — спросил Людвиг.

— Как что? Я удивляюсь, право, как это вы, натуралист и ученый, привыкший рассуждать, не понимаете того, что ясно как Божий день.

— Чего же это я не понимаю? — наивно произнес молодой ученый.

— Не понимаете того, что, как говорится в песне: «где прошли утки, пройдем и мы», иначе сказать, теперь мы можем перебраться через риачо. У журавлей, правда, длинные ноги, но где прошел солдат, там свободно пройдет лошадь. Да, мои милые дети! Мы пройдем там, где теперь занимаются рыболовством эти белые птицы. Может быть, мы перебрались бы и здесь, но зачем рисковать попусту. Очевидно, в том месте находится мель, вот почему и журавли стоят в воде. Бурей нанесло туда рыбы, это-то и приманило журавлей. Все, как видите, устраивается к лучшему, и нам остается только воспользоваться результатом опытности этих птиц.

Гаучо действительно был прав.

Журавли самым усерднейшим образом занимались рыбной ловлей: одни погружали свои длинные носы в воду, другие, закинув голову, показывали под шеей свои громадные, пурпурного цвета мешки, раздувшиеся от рыбы, которую они силились проглотить.

— Жаль тревожить их, — сказал гаучо, — а в особенности после оказанной нам услуги. Но Боже мой! Не виноваты же мы в том, что иначе поступить не можем. Вперед, сеньоры! Спускайтесь смело за мной! Дорогой попросим извинения у журавлей, что осмелились их побеспокоить.

Вслед за тем Гаспар направился к месту слияния потока с рекой; его спутники без возражений последовали за ним. Сделав шагов двести, они уже приблизились к журавлям.

Громадные птицы, испуганные приближением существ, не похожих на тех, которых они привыкли видеть ежедневно, поторопились проглотить содер-

жимое своих красных мешков и, взмахнув большими крыльями, с криками поднялись в воздух, точно протестуя против неожиданной помехи. С минуту они покружились над головами всадников, испуская свои пронзительные крики, как бы надеясь отстоять переход через ручей, но, когда лошади вошли в воду, птицы, видя, что их рыбная ловля кончена, смолкли одна за другой и отправились на поиски другого, более удобного места.

Как Гаспар думал, так и вышло: между главной рекой и ее притоком существовала отмель. Они не могли бы никаким образом переправиться выше или ниже этого места, и даже здесь, в самом неглубоком месте, стремяна погружались в воду; всего приходилось им сделать по воде около ста метров, потому что в этом месте поток разливался очень широко.

Путешественники сделали уже две трети этого пути и считали себя почти на другом берегу, когда лошади вдруг остановились, задрожав всем телом, и в ту же минуту каждый из всадников одновременно почувствовал какое-то странное сотрясение во всем теле. Всадники невольно вскрикнули в испуге. Только один Гаспар догадался о причине этих неожиданных толчков.

— Карамба, — воскликнул он, — это же электрические угри, да не один, а целые сотни! Они кружатся около нас, это видно по лошадям... Пришпорьте коней, сеньоры, а то наши испуганные животные ни за что не дойдут до берега!

Молодые люди со всей силой вонзили шпоры в бока лошадей, но животные, дрожа от страха, нерешительно шли вперед. Всадники также не избегли влияния электричества. Ток, сообщенный животным, перешел и на людей, причинив им неприятное ощущение. Их смущала борьба с силой, против которой они не имели средств. Только один Гаспар не потерялся.

— Сильней пришпорьте лошадей! Если мы через несколько минут не будем на том берегу, угри совсем одолеют нас. Лошади пойдут ко дну как камни, и мы сами, если только не освободимся от этих адских животных, совершенно погибнем. Вперед, сеньоры! Действуйте хлыстом и шпорами, как если бы от этого зависело спасение ваших душ!

Но Людвиг и Циприано не нуждались в понукании. Они отлично понимали, что каждая минута только увеличивает опасность. Они изо всех сил прищипывали и хлестали своих лошадей. Первый достиг берега Гаспар, за ним Циприано; но когда оба обернулись к Людвигу, то увидели, что тот отстал от них на несколько метров. Лошадь его вся дрожала и отказывалась идти дальше; всадник положительно терял голову, видя бесполезность своих усилий. Вдруг лошадь его совершенно перестала двигаться, и гаучо с Циприано увидели, как она стала понемногу тонуть.

Людвиг был не в состоянии удержать ее.

Циприано хотел сойти с лошади и броситься на помощь к брату, но гаучо остановил его.

— Берегитесь этого! — воскликнул он. — Вы только погибнете оба; есть еще другое средство помочь Людвигу.

И с этим словом он отвязал от седла лассо и, взмахнув им над головой, бросил на Людвига. Петля обвилась вокруг юноши, и через несколько минут он живой и невредимый вышел на берег. Не теряя ни минуты, гаучо снял лассо с Людвига и, снова закрутив его, бросил на лошадь, которая уже наполовину была в воде. На этот раз широкая петля затянула шею животного, захватив

вместе с нею и часть испанского седла, которое было на коне. Намотав конец лассо покрепче на руку, Гаспар, сделав полуоборот на своей лошади и понукая ее громкими криками, помчался по берегу.

Глава XI СТРЕЛЯЮЩАЯ РЫБА

Среди потока происходила жестокая борьба. Лошадь Людвиг ободрилась, почувствовала помощь и сильно рванулась к берегу; еще одно усилие — и лошадь наконец выбралась на берег.

Странная картина представилась бы глазам зрителей при виде этих дрожавших лошадей, еле державшихся на ногах, и трех всадников, находившихся не в лучшем состоянии. Впрочем, самый старший из них сохранил еще остаток сил, но далеко не чувствовал себя таким же крепким, как прежде. Никогда в жизни не приходилось ему подвергаться такому сильному нападению электрических угрей. Такую силу электричества он мог приписать только происшедшей буре, еще больше возбудившей в угрях электрическую энергию, всегда находящуюся в них в скрытом виде; электрический угорь, иногда совершенно безвредный, по временам бывает самым опасным речным животным.

Не сразу отделились лошади от страданий, причиненных им гимнотами, да и всадники, не исключая и Гаспара, чувствовали себя не особенно хорошо, хотя гаучо не замедлил вернуть свое обычное благодушное настроение, еще более усилившееся от успеха этого двойного ужения арканом, первого в своем роде. Его веселое настроение ободрило и его юных спутников.

Отдохнув немного, снова пустились они в путь, все время направляясь вдоль берегов Пилькомайо. Дорогой Гаспар сообщил своим товарищам все, что знал об электрических угрях.

Гаучо называет их скатами, но сеньор Людовико (Гаспар называл так отца Людвиг) называл их гимнотами (электрический угорь); должно быть, под этим именем они известны натуралистам.

— Да, — ответил Людвиг, заинтересовавшийся словами гаучо, — это настоящее научное название угрей.

— Видели ли вы когда-нибудь вблизи этих отвратительных чертенят? — спросил Гаспар.

— Нет, — отвечал Людвиг, — но я не раз слышал рассказы о них от отца.

При слове «отец» легкая тень набежала на лицо юноши, и он, по-видимому, уж не думал о гимнотах.

— А я часто их видел, — сказал Гаспар, — еще в детстве, когда мы с другими детьми забавлялись электрическими скатами, отправляясь для этого к соседним рекам, где они водились во множестве. Но мы все-таки очень боялись их, и вы увидите, что это было не без основания. Однажды я был свидетелем печального зрелища: в реку упал старый бык, у которого был только один глаз. Прежде чем быка унесло течением, я успел зацепить конец веревки за его рога; тут мы все — около двенадцати мальчишек — стали тянуть изо всей силы, рассчитывая, что в состоянии будем вытащить животное из пучины, но, конечно, мы ничего не могли поделать, и несчастный бык на наших глазах вдруг скрылся под водой, точно пораженный неожиданным выстрелом из ру-

жья. Никогда я не забуду, с каким отчаянием смотрел его единственный глаз, — у этих животных взгляд чрезвычайно выразительный! Я также никогда не забуду, как отблагодарил нас хозяин этого быка, обвинив нас в гибели животного. Это был наш школьный учитель — человек, сказать правду, довольно-таки жестокий, которого нельзя было умиловить ничем. «Вы поступили, как дураки, — кричал он, — вы взялись за непосильную работу вместо того, чтобы позвать на помощь или разыскать меня, тогда как я был всего в двух шагах. Позови вы меня — и мой бык остался бы жив. Всякий должен знать, что можно и чего нельзя; необходимо соотносываться со своими силами, а чтобы вы не забывали этого полезного правила, я каждого из вас награжу кое-чем, что всегда останется в вашей памяти». Каждый из нас получил по дюжине ударов. Никогда наказание не выполнялось с большим пристрастием.

— Какой злой человек был ваш учитель, — воскликнул Циприано.

— Крут немножко, это правда, — ответил Гаспар, — но это был прежде всего человек рассудительный и справедливый, и его линейка не раз помешала мне сделать глупость в моей жизни; и, сказать правду, ее очень и очень следовало бы пустить в дело, когда мы собрались было стрелять в другого тигра в пещере. Тут я вспомнил про линейку: дело было рискованное, и я, благодаря памяtnому уроку моего старого учителя, предпочел ракету целому залпу ружей, который, наверное, не произвел бы такого эффекта. В то время, о котором я вам рассказываю, я никогда не думал, что мне придется когда-нибудь иметь дело с гимнотами, да еще при таких обстоятельствах. Поверьте, милый Людвиг, что воспоминание о быке и энергичный урок, полученный за него, к счастью, пришли мне на ум в то время, когда я на буксире тащил вашу лошадь.

— Бедный Гаспар, — сказал Циприано, — пожалуй, мы действительно должны благословлять твоего старого школьного учителя. Я тоже видел электрических угрей!

— Ты говоришь, что видел электрических скатов, Циприано? — спросил Людвиг. — На кого они похожи?

— Гаучо лучше меня может рассказать тебе об этом.

— На что они похожи, Гаспар?

— Ну, — сказал гаучо, — если бы меня попросили описать этих отвратительных тварей, я сказал бы, что они ни на что не похожи. Наверное, самое некрасивое животное в мире не было бы польщено сравнением с ними. По всей вероятности, подобные им твари водятся только в аду, если только, конечно, там есть вода.

— Это, однако, вовсе не объясняет, на кого похож электрический скат, — перебил глухо Людвиг, в котором любовь к естественным наукам жаждала более точного описания.

— Конечно, ничего, — возразил гаучо. — Но не легко описывать рыбу, которая может быть, и не рыба, хотя и живет в вода.

— Я отвечу на этот вопрос. Гимнот не что иное, как рыба, — сказал молодой натуралист. — Но какой он формы, какого цвета, какой величины?

— На это я вам могу ответить, сеньор Людвиг. Возьмите обыкновенного ската, длиной приблизительно в одну вару[18], и, ничего не изменяя в его длине, увеличьте в шесть раз его толщину; тогда вы получите гимнота, хотя их можно встретить, конечно, и гораздо длиннее. Цвет кожи у него оливковый, с

рассеянными повсюду красными и желтовато-зелеными крапинками, более блестящими над горлом и на брюшке, хотя цвет их меняется, смотря по возрасту и цвету воды, в которой живут гимноты. Голова у них широкая, рот полон острых зубов, хвост плоский, и около шеи пара плавников — вот и все описание ската. Если бы вода в потоке не была такой мутной, вы бы сами могли их разглядеть.

— Правда ли, что они очень вкусны? — спросил молодой парагваец. — Я никогда их не пробовал.

— Вкусны ли они, мой милый? Ответить на это только утвердительно, — значит, сказать слишком мало. Едва ли даже найдется другое, более лакомое и нежное блюдо. Но прежде чем жарить их, необходимо, как мне говорил сеньор Людовико, ваш дядя, отрезать губчатую часть их тела, которая сообщает им электрическую силу. Я знаю индейцев, которые мясо ската предпочитают всем другим рыбам наших рек; они даже ловят их для продажи.

— Каким же образом они их ловят? — спросил Людвиг.

— Различными способами, — ответил гаучо. — Иногда гимноты выплывают на поверхность воды; тогда рыболову нетрудно их поймать: достаточно пустить в их довольно крупное туловище зубчатой острогой, которая привязана к длинной веревке и к палке, которую забрасывают на другой берег, где их и находят. Попасть в них ничего еще не значит. Как только удастся рыболову попасть острогой, он быстро выпускает веревку и перехватывает ее за сухой конец: без этой предосторожности ему пришлось бы испытать страшные удары электрического тока. И заметьте, что удар чувствуется только в том случае, если веревка смочена. Это ведь прелюбопытно, не правда ли? Только мокрая веревка передает электричество, а сухая нет. Я не знаю почему, но только это верно.

— Это, — ответил Людвиг, — самый простой закон электричества. Но рассказывайте дальше, Гаспар.

— Я дальше ничего не знаю, мой дорогой господин. Добавлю только, что угрей несколько пород; но это не все знают, а в особенности гаучо, у которых есть иные дела, кроме наблюдений над этими отвратительными тварями. Об этих разных породах я слышал от сеньора Людовико; он даже сделал такую вещь, которой я никогда не поверил бы, если бы сам не видел ее собственными глазами. Однажды мы собирали водяные растения и поймали одного гимнота громадной величины, почти в две вары. Сеньор Людовико растянул его на песке, пока он еще был жив, и прикрепил к его хвосту аппарат, употребления которого я не знаю. И знаете, что вышло?

Циприано и Людвиг сделали знак отрицания.

— Я вам сейчас скажу. Он зажег небольшую кучку пороха, приготовленную заранее. Порох вспыхнул, точно к нему поднесли горячий уголь, хотя я знал, что не было ни одной искорки огня. Порох воспламенился от прикосновения к телу гимнота.

Циприано выразил удивление, но Людвиг сейчас же понял причину явления, так поразившего их.

После полудня путешественники поднялись по реке, все еще не отыскав следов.

Хотя это была самая пустынная и ненаселенная часть страны, тем не менее вдоль берега Пилькомайо шла тропинка. Вероятно, ее проложили люди и жи-

вотные, если не те и другие вместе. Как бы там ни было, но на ней нельзя было разобрать следов... Ураган все уничтожил, и о тропинке можно было догадаться только по пробитой почве да по росшей местами траве. Их не удивили также несколько громадные кучи пыли, нанесенной во время бури. Они знали, что после продолжительной засухи в пампасах не только земля обращается в пыль, но также и трава, листья и толстые стебли чертополоха. Животные тысячами гибнут в это время, человек с трудом может найти себе пищу. После такой долгой засухи наступает буря, по окончании которой нередко находят засыпанных и погребенных под кучами пыли животных, умерших от недостатка пищи и воды.

Гаспар рассказал своим молодым спутникам, что из-за таких бурь между землевладельцами возникают часто споры, потому что ураган иногда уничтожает пограничные столбы.

— Если это так, — сказал Людвиг, — то мы долго не отыщем следов, и каким образом узнаем, что едем по настоящей дороге?

Гаспар всеми силами старался рассеять беспокойство своего молодого хозяина.

— Я согласен, — сказал он, показывая на реку, — что мы едем наудачу. Но что же нам остается делать? Отдалиться от реки — значило бы еще больше ухудшить свое положение, и в таком случае мы шли бы совсем на авось, а тогда уж благоразумнее было бы вернуться домой. Но я не думаю, чтобы у вас было такое намерение.

— Нет, нет! — воскликнул Циприано. — Ни за что не вернусь, пока не отыщу сестру!

— Конечно нет, — подтвердил и Людвиг, — возвратиться без Франчески — значит обречь мою мать на вечную печаль. Мы до последнего издыхания будем преследовать цель нашего путешествия, пока силы не изменят нам окончательно.

— Верно, Людвиг, — проговорил Циприано, — я люблю, когда ты так говоришь.

— Мы все так думаем, — добавил Гаспар, — мы должны найти Франческу, и если...

Он хотел сказать «если она жива», но побоялся вызвать сомнения в душе юношей и не окончил фразы.

— Вы знаете, сеньоры, — продолжал он, быстро меняя разговор, — что индейцы в Чако редко живут вдали от реки: они любят купание. Ничего нет интереснее, как видеть их — старых и молодых — всех вместе в воде. Эти дикари ныряют и плавают, как утки. Я видел одного индейца из Чако, нырнувшего с одного берега широкой реки и вынырнувшего на другом берегу.

Циприано знаком подтвердил, что он также был свидетелем подобного примера.

— Итак, сеньоры, — продолжал гаучо, — я вот что думаю: индейцы — настоящие утки; они не поселятся никогда далеко от берега реки, а такой рекой должна быть Пилькомайо или один из ее притоков.

— Исследуем все, — сказал Циприано.

— Отлично, сеньор Циприано, но это не сократит нашей дороги, просто потому, что и справа и слева от реки много притоков. Но я надеюсь, что достаточно будет подняться по одному из них, вместо того чтобы исследовать все. У

нас десять шансов против одного найти след индейских всадников, направляясь все прямо и держась вблизи берегов реки. Будьте покойны, дети: как только нападем на след, гаучо выследит их до самого логовища.

Ободренные этими словами, путешественники продолжали путь. Гаспар ехал впереди, рассматривая почву глазами опытного следопыта.

Гаучо только для поддержания бодрости в своих детках говорил с такой уверенностью. На самом же деле он лучше их знал всю трудность такого предприятия; знал, как мало можно рассчитывать на успех их поисков; но от этого вовсе не следовало приходить в отчаяние, и честный гаучо предпочитал хранить про себя свои сомнения, ничем не выдавая своей тревоги. Принятое им решение — не покидать русла реки — было самое благоразумное из всех остальных.

Глава XII ПОТЕРЯННЫЙ МЕШОК

Гаспар предложил остановиться отдохнуть, пока еще не скрылось солнце; товарищи его тотчас же изъявили на это согласие.

Предложение гаучо и согласие его спутников объяснялись их нравственным и физическим утомлением; кроме того, лошади также нуждались в отдыхе после такого тяжелого дня. Даже нетерпеливый Циприано не возражал. Надо заметить еще, что они положительно умирали от голода, потому что их завтрак в пещере был слишком скуден.

Вот почему все были не прочь остановиться отдохнуть и, кстати, закусить. Выбрав место поудобнее на опушке пальмового леса, они быстро соскочили на землю, расседлали лошадей и сняли с них весь багаж, чтобы бедные животные могли отдохнуть после всех трудов. Но тут они сделали неожиданное открытие: все их припасы исчезли!

Мешок с провизией, где лежали сушеная говядина, маисовые лепешки, парагвайский чай, — все, что заботливо мать положила туда перед отъездом, — исчез бесследно.

Мешок, как обыкновенно, был привязан за седлом Людвига: лошадь его была сильная, а сам он легче всех. Где мог он обронить его? С этим вопросом они обращались по очереди друг к другу.

В риачо! В этом не могло быть никакого сомнения. Их драгоценный мешок исчез в потоке. Они вспомнили, какие усилия употребляла лошадь, чтобы освободиться от гимнотов и выбраться на берег; в это самое время, вероятно, ремни, которыми был привязан мешок, лопнули и он упал в воду. Циприано говорил, что отлично помнит, как Людвиг по выходе из грота привязывал мешок. Никаким другим обстоятельством нельзя было объяснить его исчезновение, и теперь их припасы лежат на дне грязного риачо и станут добычей гимнотов и журавлей.

Нечего делать, расседлали лошадей и не без зависти смотрели, как животные с радостным ржанием бросились к зеленой и густой траве.

— Мы не можем есть траву, и нам остается потуже стянуть пояса, — с философским спокойствием сказал Людвигу Циприано, с трудом сдерживая улыбку, когда заметил, что тот был готов в буквальном смысле последовать его совету.

Гаспар сильно был огорчен потерей провизии. Нос его страшно вытянулся, его здоровый желудок предъявлял свои права.

Трое всадников неподвижно стояли, обмениваясь взглядами, ясно выражавшими неприятную перспективу остаться без обеда.

Порешили лечь спать с пустым желудком. Циприано и Людвиг уже выбрали себе местечко для отдыха, и только один гаучо, по-видимому, не намерен был отказаться от надежды чем-нибудь заморить червячка. Он пристальным взглядом оглядывал окружающую местность. Быть может, он вспоминал о манне небесной в пустыне, только взгляд его постоянно переносился от деревьев к зеленеющим саваннам, расстилавшимся широко перед ними, словно в надежде найти что-нибудь. Вдруг он сделал какой-то странный жест.

— Что такое, Гаспар? — спросил его Циприано.

— Нашел! Ура! Нашел, хотя еще сам не знаю что! — сказал гаучо, указывая на равнину. — Вы разве ничего не видите там?

Солнце еще не зашло, и его яркие лучи прямо ударили в глаза путешественникам. Циприано, прикрыв рукою глаза, посмотрел в указанном направлении.

— Теперь вижу!.. Оно поднимается над высокой травой и похоже как будто на два стебля cardon[19] с шапкой листьев на верхушке?

— Да, да, — ответил Гаспар.

— Что это может быть? — спросили вместе оба юноши.

— Два страуса, самец и самка, насколько я могу судить по их длинным шеям, превышающим самые высокие стебли травы.

— По-видимому, вы правы, Гаспар, — сказал Людвиг. — Смотрите-ка, они двигаются! Действительно, это страусы. Теперь они стоят на открытом месте, и мы можем видеть их с ног до головы. Какие они громадные!.. А! Теперь они опустили головы. Что это значит, по-вашему?

— Наверное, они так же, как и мы, отыскивают себе обед, и я уверен, что их поиски увенчались успехом, потому что они не слишком-то разборчивы на еду; они довольствуются кореньями и травой.

Гаучо остановился, точно обдумывая что-то; Людвиг также находился в размышлении. Слова Гаспара пробудили в нем инстинкты натуралиста, и он хотел услышать от него еще какие-нибудь сведения об этих птицах. Но молодой парагваец, который совершенно не интересовался образом жизни страусов, ограничился вопросом:

— Их мясо съедобно, Гаспар?

— Можно ли его есть, сеньорито? Разве человек, умирающий от голода, разбирает, что вкусно и что невкусно? Дело не в этом, а в том, как их поймать! Если бы мне удалось накинуть лассо на одного из них — самца или самку, для меня безразлично, — я бы приготовил княжеский обед. Господи! Что делать? К ним нельзя подойти даже на выстрел! Нет ни одного хоть бы маленького кустика, за который можно было бы спрятаться!

— Станем на четвереньки и поползем по траве, — предложил Циприано, аппетит которого, по-видимому, с каждой минутой все больше увеличивался.

— Проползти-то ничего не значит, но выйдет ли из этого толк, вот в чем дело! Из всех животных, птиц и четвероногих, встречающихся в саваннах, нет ни одного пугливее и осторожнее этих больших птиц. Они моментально скроются из глаз, прежде чем подпустят нас к себе на выстрел.

Гаучо замолчал и усиленно начал тереть себе лоб, придумывая план атаки. Остальные также молчали, изыскивая средство овладеть страусами. Наконец гаучо первый прервал молчание.

— Бог мой! — воскликнул он. — Я, кажется, нашел способ. Соберите дров и разведите костер. Прежде чем он разгорится, может быть, в моих руках уже будет страус... Где моя белая рубашка?

Говоря так, гаучо направился к вещам, разбросанным по земле, и начал развязывать один из мешков, прикрепленных к его седлу.

При его словах «Где моя белая рубашка?» Людвиг и Циприано переглянулись с изумлением.

— Если только Гаспар не сошел с ума в настоящее время, — сказал Людвиг, — я боюсь, что он недалеко от этого.

— По-моему, на него действует голод, — проговорил Циприано, — оставим его в покое. Если ему нравится подобный маскарад, тем лучше для него.

Гаучо недолго мучил товарищей загадочностью своего поведения. Выложив из сумки все содержимое, он достал свою праздничную рубашку, всю расшитую вышивками и белую как снег. В одну минуту он скинул с себя пончо и надел рубашку.

В продолжение этой операции Людвиг и Циприано с всевозрастающим беспокойством и удивлением смотрели на гаучо. Между тем Гаспар прервал свои странные приготовления, как будто новая мысль блеснула в его голове.

— Сеньор Циприано, — сказал он, — я думаю, что вы лучше меня выполните этот маневр.

— Что такое? — воскликнул Циприано. — Уже несколько минут, как мы спрашиваем себя, Гаспар, в порядке ли ваша голова.

— Успокойтесь, дети мои, — ответил он с хохотом. — Мой план очень прост. Все дело в том, чтобы надеть мою рубашку или вашу, если это вам более по вкусу, и превратиться в журавля, то есть изобразить его.

— В журавля?

— Ну да, в журавля.

— Но зачем же это?

— Затем, чтобы добыть кусок страусового мяса нам на ужин. Я слишком велик ростом для того, чтобы играть такую роль, а вы, сеньор Циприано, как раз подходящих размеров. И я готов держать пари на мою лошадь против осла, что в рубашке вы приблизитесь к этим длинноногим птицам и не вызовете в них ни тени подозрения.

— Ради Бога, говорите яснее, Гаспар, я ничего не понимаю! Допустим, что я превращусь в журавля, ну а затем?

— Сейчас узнаете. Сначала снимите вашу куртку и позвольте надеть на вас эту рубашку.

Циприано не стал возражать; молча снял он свою куртку и встал перед гаучо. Тот надел рубашку на молодого человека и задрапировал ее так, что образовалось нечто вроде белого хвоста; затем он взял длинный конец веревки и обмотал широкие панталоны так, чтобы они казались как можно тоньше, потом снял мягкую войлочную шляпу с парагвайца, воткнул в ее передний край длинную заостренную на конце палку, которую окрасил мокрым порошком в синевато-черный цвет и нахлобучил шляпу на голову юноши.

Циприано в этой шляпе, с длинным черным клювом, длиной, пожалуй,

больше фута, представлял грубое подобие журавля. Небольшой слой мокрого пороха покрыл смуглые щеки парагвайца, и этим закончилось преобразование головы.

Затем, вынув из кармана шелковый ярко-красный платок, какие всегда носят с собой гаучо, он обвязал его вокруг шеи Циприано, сделав из него род красного мешка на груди.

— Ну, теперь, сеньор, надеюсь, что вы можете сойти за журавля-солдата. Теперь вас не только страусы, но и сами журавли не отличат от своих собратьев. Идите и добудьте нам ужин.

— Повторяю вам, Гаспар, что я вас не совсем еще понимаю. Что же мне теперь делать? Нужно подойти поближе к страусам, но я совсем не знаком с такого рода охотой. Одним словом, ваше намерение серьезно или нет? Или это переодевание, за неимением обеда, доставляет вам развлечение?

— Мой бог! Сеньорита, вы меня положительно удивляете! Как это вы, сами — местный житель, и задаете мне такие вопросы! Разве вы не родились, чтобы быть гаучо? Даже gringo[20], нарядившись так, сразу догадался бы, в чем дело.

Циприано бросил вопросительный взгляд на Людвигу, но последний знаком ответил ему, что не может дать никакого совета в этом случае. Оба были одинаково поражены странными словами Гаспара.

— Ах! — со вздохом воскликнул Гаспар. — Неужели вы оба действительно не понимаете, что заставило меня проделать все это? Я вам объясню, сеньор Циприано. Вы одеты журавлем, ну, так и надо подражать ему. Во-первых, приблизьтесь к страусам насколько возможно. Возьмите с собой ружье или болу; последнее лучше, так как вы кидаете ее хорошо. В этом, я знаю, вы не похожи на гринго. Не бойтесь, птицы не заподозрят вас. Видите, вон там болото, около которого бродят эти птицы? Обойдите его кругом и держитесь в этом направлении; они примут вас за журавля и попадутся в руки. Ну, теперь я думаю, вы поняли, в чем дело?

— Да, да! — воскликнул Циприано, понявший наконец цель Гаспара. — Теперь я знаю, что делать, Гаспар, и постараюсь схватить за ногу одного из них... Прощайте!

С этими словами парагваец взял болу и ружье и, спрятав их под рубашку, направился к страусам.

Глава XIII СТРАУСЫ

— **Ч**ерт! — послышалось восклицание гаучо, когда Циприано отошел от них шагов на двести. — Ну, разве наш милейший юноша не похож теперь на журавля? Если бы я не знал, что на нем моя рубашка, я сам бы принял его за птицу.

Людвиг ничего не ответил: он весь был поглощен созерцанием своего кузнеца, медленно шагавшего, слегка покачиваясь, точь-в-точь как это делают журавли.

Молодой парагваец играл свою роль безукоризненно, точно всю жизнь только и занимался этим; он то смело делал шаг вперед, то вдруг останавливался, опуская свой длинный клюв к земле как бы для того, чтобы схватить слизня, ужа, ящерицу или другое какое-нибудь пресмыкающееся, которыми питаются журавли. Прodelывая эти шутки, юноша держал руки под рубашкой, так же как и болу. Но вместо того чтобы прямо идти к страусам, он, по совету гаучо, сделал обход, обогнув болото. Когда, наконец, Циприано был уже на одной линии с птицами, то и тут он не пошел к ним прямо, а продолжал осторожно приближаться, подражая движениям журавля: он то вдруг останавливался и встряхивал своими белыми крыльями, то вытягивал клюв, точно глотая рыбу или ужа, и затем делал вид, что отыскивает новую добычу.

Собственно говоря, ничего нет удивительного, что птицы оставались спокойными. Иногда таким образом удается обмануть животных даже более смышленных, чем страусы, как, например, пампасскую пуму, ягуара.

Подозрение у птиц явилось только тогда, когда поддельный журавль был уже около них. Тут они сразу перестали щипать траву и, вытянув свои длинные шеи, испустили пронзительный крик.

Самка, как всегда, оказалась более хитрой и боязливой. В ту минуту, как раздался крик, она быстро отскочила назад, оставив своего товарища одного перед опасностью.

Последний стал выказывать враждебные намерения к неожиданно появившемуся пришельцу, подражая гусям, которых чем-нибудь раздражили: он вытянул вперед шею и задвигал ею, но это, конечно, ему нисколько не помогло; раздался свист, и, прежде чем страус успел сделать какое-нибудь движение, его ноги были опутаны арканом, и сам он упал на землю, беспомощно взмахнув крыльями.

С быстротой молнии устремился к нему мнимый журавль и одним ударом в голову, нанесенным с ловкостью, которой научил парагвайца гаучо, сразу парализовал все движения птицы; страус неподвижно вытянулся на земле, между тем как его испуганная подруга, подняв крылья, с необычайной быстротой неслась по высокой траве пампасов.

Людвиг с живейшим интересом смотрел на это зрелище, а Гаспар радостным криком приветствовал успехи парагвайца. Оба они, не медля ни минуты, поспешили к Циприано, чтобы помочь ему дотащить такую громадную дичь.

Гаучо вырезал самые лучшие куски из страуса, и все трое с особенным удовольствием принялись за приготовление обеда, на который они положительно не рассчитывали час тому назад.

Между тем не было ни огня, ни дров; Гаспар с Людвигом не подумали об этом, всецело заинтересованные движениями Циприано.

Они помогли парагвайцу перетащить добычу на свой бивак. Помощь их в этом не была излишней: страус оказался весом с хорошего барана.

Гаучо тотчас же принялся разрезать своим ножом дичину на куски; Людвиг собирал дрова для костра, а Циприано снимал с себя маскарадный костюм. Ему пришлось довольно долго повозиться над собой, чтобы снова принять человеческий образ: мокрый порошок не отставал от лица юноши. По счастью, недалеко от лагеря протекал ручей; впрочем, не будь вблизи ручья, путешественники не расположились бы здесь биваком.

Никому в голову не придет остановиться биваком далеко от воды, кроме разве тех случаев, когда нет другого выхода.

Пока парагваец снимал с себя рубашку, Гаспар распутал веревки, которыми были обмотаны его ноги, а пока юноша отмывал в ручье лицо, огонь успел разгореться, и нарезанные куски страуса уже поджаривались, распространяя вокруг аппетитный запах поджаренного мяса. Чайник кипел тут же. По счастью, мешок со всеми принадлежностями для чая не был потерян, как сначала думали путешественники. Гаучо привязал его, как потом оказалось, по ошибке к своему седлу, где он был незаметен за многочисленными ремнями рекадо. Не будь этого, драгоценное содержимое мешка очутилось бы вместе с другими вещами на дне риачо. А без этого ничто не мило парагвайцу.

Все трое, довольные драгоценной находкой, были в самом приятном настроении, насколько, конечно, это было возможно в их печальном положении. Природа, казалось, хотела отвлечь их от тяжелого горя, направляя их мысль в другую сторону и рассеивая их целым рядом неожиданных происшествий во время их пути. Иначе несчастье окончательно сломило бы их. Теперь они наслаждались отдыхом, сидя вокруг пылающего костра в ожидании, пока вскипит вода и достаточно зарумянится жаркое. Разговор не умолкал ни на минуту. Гаспар не хотел, чтобы печальное раздумье вновь охватило его молодых товарищей, и старался отвлечь их, переходя от одного предмета к другому.

Понятно, в эту минуту разговор шел о страусах. Тема эта представляла большой интерес для Людвига; он рассказал своим товарищам весь запас научных знаний, вынесенных частью из книг, частью из бесед с отцом, и перечислил все породы страусов, живущих на земном шаре.

Самая крупная порода — африканская, которую римляне называли *struthio* и орнитологи — *camelus*, потому что своим общим видом птица эта действительно напоминает верблюда. Это сходство в самом деле настолько поразительно, что голландские колонисты с мыса Доброй Надежды, не знакомые с научным названием страуса, также заметили это сходство с верблюдом и прозвали страуса «птица-верблюд».

Людвиг сообщил также, что, хотя африканский страус гораздо больше южноамериканского и отличается от него цветом оперения, но по строению тела и образу жизни и тот и другой совершенно одинаковы. Оба живут на равнинах и весьма редко встречаются в лесистых и скалистых местностях или по склонам гор. Правда, американский страус попадает в Кордильерах на высоте восьми тысяч футов над уровнем моря, но опять-таки только на плоскогорьях, простирающихся между горными цепями, но не на горах. Они любят так

называемые бесплодные и пустынные пространства, хотя встречаются также и на плодородных равнинах, поросших травой, как, например, в пампасах Ла-Платы и в саваннах Чако. Самец-страус, подобно нашему петуху, охраняет нескольких самок с той только разницей, что они, в отличие от наших кур, кладут свои яйца в одно гнездо, на которое и садится самец во время высиживания яиц. Самки, впрочем, не всегда кладут свои яйца в гнездо, случается, что они кладут их прямо в песок, или на траву, или куда придется, не заботясь вообще нисколько о судьбе своих яиц.

Много существует предположений относительно этих заброшенных яиц. Одни говорят, что самка кладет их около гнезда как пищу молодым детенышам, которые в первое время не в состоянии еще сами отыскивать себе пищу.

Людвиг, как и его отец, отрицал такое назначение этих брошенных яиц, утверждая, что самка просто роняет их.

Гаспар поддерживал это мнение, говоря, что птицы никогда даже не подходят к таким яйцам и что последние остаются лежать на земле, пока не сгниют. Он полагал также, что самки бросают яйца за недостатком места в гнезде; высиживает яйца самец, а кладут их несколько самок, и поэтому получается, что яиц оказывается гораздо больше, чем может поместиться в гнезде.

Поговорив о привычках, свойственных всем страусам, молодой натуралист сообщил собеседникам, что третья порода принадлежит большому материка Новой Голландии, обыкновенно называемому Австралией. Этот страус по своему образу жизни очень походит на страусов Африки и Южной Америки. Правда, он отличается от них по своему внешнему виду, но подобная разница существует и среди африканских страусов между самцом и самкой.

— Сравнивая между собой эти три породы, — заметил Людвиг, — можно сказать, что из них африканская — самая крупная, а австралийская — самая маленькая; страусы же Южной Америки, иначе называемые нанду, занимают середину, и хотя все они распределены в различных частях земного шара, но, несмотря на это, принадлежат к одной и той же породе. Я слышал много раз от отца, что решительно нет никакого смысла разделять их на несколько видов; только натуралисты из любви к научному труду различают в них три породы; африканский слывет под именем *struthio camelus*, а южноамериканский — *rhea americana*, вместо *struthio rhea*, как бы они должны были называться по-настоящему.

Ни Гаспар, ни Циприано не прерывали ни одним словом натуралиста, радуясь, что он хоть на минуту оторвался от тяжелых дум.

Людвиг продолжал:

— Есть еще другие птицы, принадлежащие к семейству страусов или, по крайней мере, близкие к ним, но сведения о них очень незначительны в сравнении с остальными тремя породами: это страус, встречающийся главным образом на больших островах архипелага восточной Индии. Кроме того, есть очень любопытный экземпляр страуса без крыльев, открытый недавно в Новой Зеландии. Натуралисты делят их даже на два вида и предполагают, что есть третий, если не четвертый, вид в лесистых горах островов Маори. Его причисляют к страусам, которых он напоминает в некоторых отношениях; главным же образом сходство это выступает нагляднее всего в устройстве крыльев, недостаточно развитых для поддержания его туловища во время полета. Но эту классификацию далеко нельзя назвать точной, хотя его и можно

присоединить скорее к семейству *struthio*. В действительности же все-таки существует только три вида страусов: африканский, австралийский и американский.

— Только три вида! — воскликнул Гаспар. — Что вы говорите, сеньор Людвиг? Даже в пампасах их существует два.

— Вы ошибаетесь, Гаспар, — спокойно ответил Людвиг.

— О нет, сеньор Людвиг, я сам видел и даже ловил много раз, когда был с генералом Розасом в походе против южных индейцев. Это было приблизительно миль на сто к югу от Буэнос-Айреса, около Рио-Колорадо. Там-то и встречается другой вид, который мы, гаучо, называем *retise*[21]. Величиной они приблизительно с две трети этих страусов, но яйца их почти одинаковой величины, только у *retise* форма несколько иная и окраска бледнее. Ноги у них короче, и перья спускаются на несколько дюймов ниже голени, отчего они бегают не так быстро, как *hea*.

Эти сведения были совершенной новостью для Людвиг и Циприано. Хотя они выросли в Южной Америке, но никогда не слыхали о каком-либо другом виде страусов, кроме того, который им обыкновенно приходилось встречать в своих экскурсиях.

Гаспар рассказал им еще кое-что о них. Он говорил, что яйцо самой большой породы страусов весит каждое больше полутора дюжин обыкновенных куриных яиц и что в гнезде бывает от двадцати до тридцати штук яиц, а иногда и до пятидесяти.

Между прочим, он подтвердил также слова Людвиг относительно высиживания яиц самцом. Он рассказывал, что самец ухаживает за птенчиками первое время, пока они нуждаются в защитнике.

Во время высиживания самец не отходит далеко от гнезда и остается на своем посту даже в том случае, если проезжает кто-нибудь и ему грозит опасность быть раздавленным копытом лошади. Когда его беспокоят, он сердится и может быть опасен. Гаспар вспомнил даже пример, когда страус бросился на всадника. Нападая, он прыгает и наносит удары своими длинными и сильными ногами, не переставая громко шипеть, точь-в-точь как рассерженный гусь.

Звук при этом настолько странен, что нельзя даже определить его происхождения, и едва можно поверить, что он произведен птицей, если вы не видите страуса перед собой.

Тут Людвиг прервал Гаспара, сказав, что то же самое делает и африканский страус, и путешественники часто принимают это сильное шипение, похожее на звук рожка, за рычание льва или другого дикого зверя. При этом Гаспар добавил, что страусы вообще очень пугливы и редко подпускают к себе близко; когда же их испугают, они бегут всегда против ветра, чем пользуются гаучо, чтобы настичь их. Для этого они отправляют кого-нибудь им навстречу.

Видя себя окруженным всадниками, страус совершенно теряется и бежит куда попало; тогда уже нетрудно поймать его арканом.

Беседа путешественников тянулась до тех пор, пока ночь не окутала равнину своим темным покровом.

Затем, растянувшись на своих «диванах» и покрывшись сверху пончо, они заснули крепким сном.

Глава XIV ВИСКАЧИ

На другой день на рассвете путешественники уже были на ногах и, закусив остатками жареного страуса, оседлали лошадей и отправились в путь, по-прежнему следуя по берегу Пилькомайо.

За ночь их лошади отдохнули, совершенно оправившись от влияния электрических угрей, и всадники быстро подвигались вперед, насколько возможно ускоряя шаг при мысли о дорогой для них Франческе. Но им казалось, что они едут все-таки недостаточно быстро, когда они прибыли к тому месту, где Пилькомайо огибает большое пространство, бесплодное и лишенное растительности.

Гаспар знал немного эту местность. Он на этот раз решил уклониться от принятого направления и, вместо того чтобы по-прежнему ехать по берегу реки, предпочел пересечь пустыню и затем уже снова ехать по берегу, когда местность станет возвышаться.

Он, по своей опытности, думал, что если индейцы и шли по берегу реки, то им тут не было никакого расчета огибать реку, следуя по ее течению. Спутники его были такого же мнения, и все трое въехали в обнаженную пустыню. Гаспар держался впереди, указывая дорогу.

Этот переход представлял два затруднения. Первое заключалось в том, чтобы не уклониться от главного направления; проводник их один раз только, да и то очень давно, был в этой местности. На всем протяжении не было заметно ни малейшего следа тропинки. По-видимому, буря здесь свирепствовала ужасная и совершенно уничтожила все следы. Впереди не видно было ни деревьев, ни холмов, ничего, что могло бы хоть отчасти служить указанием дороги. Гаспар руководствовался единственно направлением солнца; к счастью, небо было безоблачно, как, впрочем, оно и бывает почти всегда в льяносах Гран-Чако. Второе затруднение было другого рода: на каждом шагу путь замедлялся большими пространствами земли, испещренными отверстиями, проделанными в земле, наподобие тех, которые делают кролики. Около каждого из таких отверстий навалены были куски всевозможного мусора, и путники сейчас же узнали в них жилища вискачей[22]. Они даже видели несколько сотен этих зверьков, сидевших у входа в свои подземные жилища и спокойно, без всякого страха смотревших на приближение всадников, что все вместе производило довольно забавное зрелище.

Животные убегали или скрывались только тогда, когда лошади почти наступали на них копытами. При этом они неловким и тяжелым движением отклонялись в сторону, как бы считая это делом скучным и бесполезным.

Эти животные больше кроликов, и передние зубы их гораздо длиннее, а своим большим хвостом и короткими передними лапами они скорее походят на огромных крыс. Свои норы они строят не в бесплодных местах равнины, а там, где более или менее плодородная почва покрыта грубой растительностью.

Агути[23], другое животное Южной Америки, принадлежит к тому же виду, встречающемуся исключительно в сухих и безводных пустынях. Но вискачи, которых встречается много видов, предпочитают строить свои жилища на

равнинах, где есть трава и вода.

Гаспар говорил, что они питаются чертополохом, который вырывают своими крепкими лапами о трех пальцах. Кроме того, они собирают и тащат к своей норе все, что увидят; поэтому-то у входа в их пещеры навалены всегда целые кучи всякого мусора, которым можно было бы наполнить несколько корзин. В кучах этих попадаются камни, стебли растений, рога или кости животных, комки сухой земли, куски дерева и т. д., одним словом все, что только можно найти в окружающей местности. Эта привычка вискачей собирать всякую дрянь до сих пор ничем еще не объяснена.

Гаспар только мог подтвердить это явление, но больше он ничего не знал. По этому поводу он рассказал забавную историю, случившуюся с одним гаучо, который, потеряв свое mate и bombilla[24], решил поискать пропажу в колонии вискачей. Он не ошибся и отыскал потерянные вещи в куче разных отбросов, лежащих около входа в одну из нор.

Если бы все эти предметы были съедобны, пожалуй, еще можно было бы подумать, что вискачи собирают их про запас на случай голода, как это, например, делают белки, сурки и другие животные; но ничего подобного нет, и часто в целой такой куче нельзя найти ничего, обо что даже голодная крыса стала бы точить свои зубы.

Еще одна странность заинтересовала наших путешественников, в особенности Людвиг.

Проезжая через колонию вискачей, путешественники, кроме грызунов, видели здесь же и живущих обыкновенно вместе с ними маленьких сов[25]; при приближении всадников птицы испуганно скрывались в норы вместе с вискачами.

Странные птицы эти виднелись всюду; они то поодиночке, то парами сидели на холмиках около нор, точно их нарочно поставили тут караулить вход в общее жилище. Некоторые из них, завидя всадников, не прятались в норы, а с пронзительным криком отлетали на несколько метров и опускались на другой холмик.

Людвигу много приходилось читать об образе жизни сов, населяющих обширные пампасы или прерии Северной Америки, где эти птицы находят себе приют в норах сурков или луговых собак, как и южноамериканская порода в жилищах вискачей.

Дорогой он рассказал своим спутникам все, что знал о совах и о сурках.

Гаспар, со своей стороны, сообщил молодому натуралисту все, что знал об образе жизни вискачей.

У Людвигу было нечто вроде сыновней привязанности к тому, чем интересовался его так безвременно погибший отец. Хальбергер оставил после себя неоконченные работы, и Людвиг питал надежду рано или поздно докончить начатый труд.

— Ну, да это ничего не значит, — сказал в заключение Гаспар, — что эти животные загораживают нам дорогу и не позволяют скоро ехать; зато они очень вкусны, и, когда наши съестные припасы выйдут, мы легко можем поймать одного из них.

Гаспар имел полное основание говорить, что вискачи загораживают дорогу, потому что норы их были серьезным препятствием и не давали лошадям быстро двигаться; ноги коней то и дело погружались в рыхлую землю, не вы-

держивавшую тяжести их тела, и всадникам каждую минуту грозила опасность опрокинуться.

Медленно подвигались путешественники вперед через колонию вискачей; они не прочь были вернуться назад и объехать колонию, но боялись, что это слишком замедлит их путь.

Впрочем, продолжая подвигаться даже таким образом, они все же находили некоторое развлечение, наблюдая любопытных грызунов и их странные привычки.

Без особых приключений выбрались они, наконец, из колонии, за которой дальше простиралось обнаженное бесплодное пространство. Картина пустыни сильно поразила всех, и некоторое время они стояли в молчании.

Гаспар, не желавший выражать вслух свое мнение, видимо, сильно беспокоился, верным ли они идут путем; он то взглядывал на солнце, то устремлял глаза на землю, внимательно всматриваясь в малейшие неровности почвы, по которым можно было бы судить о том, что здесь прошли индейцы. Вдруг лицо его прояснилось, послышалось радостное восклицание:

— Наконец-то! Слава Богу!

— Что такое, Гаспар? — спросили оба молодых человека.

— Карамба, сеньоры! Следы разбойников! Посмотрите-ка! Видите, здесь они останавливались!.. А вон место, откуда они уехали. А... теперь все понятно! В этом самом месте негодяев застигла та буря, которая загнала нас в пещеру! Надо поискать, не найдем ли еще каких-нибудь признаков, по которым по-вернее можно было бы определить, когда они отсюда уехали!

С этими словами он соскочил с лошади и начал рассматривать следы.

Людвиг и Циприано также заметили следы. На земле, на большом пространстве, виднелись следы, оставленные лошадиными копытами. Немного дальше следы смешивались и, наконец, шли дальше по узенькой тропинке, точно всадники проехали здесь друг за другом, по два в ряд. В том месте, где земля была больше всего утоптана, следы разделялись, перекрещиваясь во всех направлениях, очевидно, отряд делал здесь продолжительную остановку; но там, где следы смешивались, они все шли к одному месту. Все это ясно отпечатывалось на густом слое пыли, превращенной дождем в грязь. Не оставалось ни малейшего сомнения: индейцы Чако проходили здесь в то время, когда начиналась торmenta, и, застигнутые бурей, останавливались здесь переждать ее, а затем сели на лошадей и отправились дальше.

Одного взгляда довольно было для Гаспара, чтобы понять, в чем дело; с седла же он сошел для того, чтобы посмотреть, не увидит ли он среди всех этих следов отпечаток копыт маленькой лошадки, на которой ехала дочь его хозяина.

Циприано и Людвиг также принялись рассматривать следы.

Глава XV НАЙДЕННЫЙ СЛЕД

В продолжение нескольких секунд господствовало глубокое молчание; каждый из путешественников, наклонившись к земле, разглядывал следы; наконец голос молодого парагвайца первый нарушил тишину.

— Я так и знал! — произнес он, как будто нашел объяснение тайны или доказательство своего сомнения.

— В чем дело, Циприано? — спросил Людвиг, который был недалеко от него.

— Вот следы лошади Франчески!

— Ты в этом уверен?

— О да! Я узнал бы их из тысячи других!

— Ваша правда, — сказал гаучо, взглянув на указанное место, — нет сомнения, это отпечаток копыт пони сеньориты Франчески.

— А вот еще кое-что! — воскликнул вновь Циприано, глаза которого загорелись огнем. — Посмотрите-ка!

И он поднял конец ленты, запачканной грязью и лошадиными копытами. Циприано сразу узнал эту ленту, которую Франческа носила на голове; это был обрывок банта, которым она завязывала концы своих длинных кос.

— А? Что вы на это скажете? — снова заговорил он задыхающимся от ярости голосом. — О, Матерь Божья! Я этого и ожидал. Все, что я тебе говорил, Людвиг, оказывается, правда!

Этот внезапный взрыв гнева вызван был в Циприано обрывком красного пера, поднятым им в луже. В пере еще виднелось отверстие — след иголки, которой пришивалось это украшение к одежде индейца. По всей вероятности, обрывок принадлежал плащу из перьев индейского предводителя и оторвался во время бури.

Циприано знал еще больше. Ему был известен владелец плаща, и он отлично помнил, что видел такой плащ на плечах Аг-вары, поэтому в нем ни на минуту не оставалось сомнения, что перо принадлежало не кому иному, как вождю товасов. Итак, его предчувствие оправдалось. Его спутникам оставалось только поверить подозрению, высказанному им еще в начале путешествия.

Теперь не только Циприано, но и Людвиг убедился, что они открыли виновника ужасного преступления.

Людвиг, веривший до этой минуты в преданность Нарагуаны его отцу, был положительно уничтожен этим доказательством измены старого вождя или его сына, что, в сущности, было одинаково.

— Да, — сказал Циприано, — двойное преступление, совершенное ими, ужасно; просто не верится этому, а между тем это именно так. Бог не оставит этого преступления без наказания. А теперь на коней! Мы не должны отдыхать ни минуты, пока не настигнем их и не воздадим им должного по закону справедливости.

— Да, едем, — воскликнул Людвиг в свою очередь, — нечего терять время!

Напрасно Гаспар говорил им, что если верно предположение Циприано и молодой вождь действительно намерен сделать Франческу своей женой, то ей не грозит ни малейшей опасности до тех пор, пока не будут выполнены все

необходимые в таких случаях обряды, которые требуют довольно продолжительного времени. Но слова верного гаучо не могли успокоить молодых людей.

Для большей ясности рассказа нам пришлось покинуть похитителей Франчески и пленницу, теперь же мы оставим пока гаучо и его товарищей продолжать свой путь и возвратимся немного назад, чтобы объяснить причины, вызвавшие убийство Хальбергера.

Поступок молодого вождя товасов совершенно ясен: он похитил бледнолицую девушку, желая сделать ее царицей своего племени. Без сомнения, он был свидетелем убийства отца той, которая должна была сделаться его женой, но прямого участия в выполнении этого злодеяния он не принимал. Виновником был ехавший рядом с Агварой бледнолицый, вооруженный копьем, острие которого еще хранило на себе следы недавнего преступления.

Индейцы звали его «проводником», настоящее же его имя было Рубино Вальдец. Он тоже был парагваец по рождению. Для объяснения его отношений к индейцам и мотивов, почему он совершил это преступление, нам нужно вернуться к тому времени, когда натуралист под покровом ночи бежал от козней парагвайского диктатора. Свидание, происходившее тогда между Франсиа и его приверженцем Рубино Вальдецем, объяснит всю эту историю.

Дело происходило приблизительно неделю спустя после бегства Хальбергера из Асунсьона.

— Ваше превосходительство приказали мне явиться к вам, — сказал Вальдец, — я жду ваших приказаний.

— Нужно немедленно отправиться на поиски беглеца. Я говорю о Людвиге Хальбергере. Могу ли я рассчитывать на вас, что вы найдете способ захватить непокорного?

— С разрешения вашего превосходительства, я постараюсь исполнить это поручение, но свет велик, и я думаю, что настичь его будет нелегко.

— Это уж дело ваше, Вальдец!

— Если только я буду в силах довести это дело до конца.

— Пять тысяч пиастров сделают все возможным для такого умного человека, как вы, Вальдец.

— Я готов ехать, ваше превосходительство, и, если уж говорить правду, не одна награда, обещанная вами, заставляет меня согласиться. У меня есть еще другая причина с особенным удовольствием повиноваться вашим приказаниям, но, когда я настигну беглеца...

— Вы хотите знать мои намерения относительно этого человека?

— Совершенно так, ваше превосходительство, я не сделаю ни больше, ни меньше того, что вы прикажете.

С минуту Франсиа хранил молчание, точно ему необходимо было обдумать свой ответ.

— Когда вы настигнете беглеца, — проговорил он наконец, — вы известите меня и тотчас же получите часть обещанной вам награды. Если же вы приведете его живым, получите всю сумму сполна. Если вам не удастся привести его живым, привезите мне его голову, уши, руку, — одним словом, что-нибудь, чтобы доказать мне, что его нет уже больше в живых; и когда в моих руках будут эти неоспоримые доказательства того, что мои приказания были в точности исполнены вами, вы немедленно получите всю сумму. Но слушайте, Руби-

но Вальдец, Хальбергер убежал не один. Я удвою сумму, если с немецким ученым вы привезете и женщину, увезенную им, которую он похитил вопреки законам нашей страны; закон требует, чтобы она вернулась опять на свою территорию, и надо во что бы то ни стало исполнить требование закона.

За время своего тиранического правления Гаспар Франсиа никогда еще не жаждал так мести, как в этот раз, когда жертва так неожиданно ускользнула из его рук. Привыкший встречать повсюду только одну рабскую покорность, он не мог допустить мысли, чтобы кто-нибудь осмелился уехать из Парагвая без его позволения.

Несмотря на заступничество влиятельных иностранцев, он осмелился держать Амедея Бонплана пленником в течение нескольких лет, а теперь его оставил в дураках какой-то иностранец без имени и связей! Одна мысль об этом приводила его в ярость. Он походил на тигра, от которого неожиданно целой и невредимой ускользнула его добыча. Это было больше, чем простой обман, — это было унижение его власти, вызывавшее в душе его все самые низкие инстинкты и возмущавшее его дикую гордость.

С самого первого дня исчезновения Хальбергера полицейские были на ногах, рыская по стране во всех направлениях, поднимаясь и спускаясь по реке вплоть до границ Уругвая. В Чако они не искали, потому что не осмеливались. Да и кому же пришло бы в голову, что Хальбергер найдет себе приют у индейцев и, избежав одной опасности, ринется в еще большую?

Франсиа, как и все его приближенные, совершенно ничего не знал о дружественных отношениях, существовавших между натуралистом и вождем товасов. Решиться белому проникнуть в эту дикую и неизвестную страну — значило идти на верную смерть.

Так, по крайней мере, думал деспот Парагвая, вследствие чего он и не послал в Чако экспедиции в погоню за беглецом.

Вальдеца он знал как человека, способного на все, и потому, истощив все средства, обратился к его услугам. Ему нетрудно было найти в нем сообщника.

Вальдец дал клятву диктатору исполнить его поручение и, не откладывая дела в долгий ящик, принялся за розыски с прозорливостью и неутомимостью охотничьей собаки.

Но, несмотря на это, несмотря на всю его ненависть к благородному характеру Хальбергера, вполне естественную при испорченной натуре Вальдеца, несмотря на высокую награду, назначенную Франсиа за смерть или взятие в плен беглеца, тайна Хальбергера, вверенная вождю товасов, не была известна никому, и Вальдец употребил целых пять лет на бесплодные поиски.

Без всякой пользы спускался он вниз по реке до Корриен-теса, Сан-Розарио, Санта-Фе и даже до городов Буэнос-Айреса и Монтевидео. Производя свои поиски в противоположном направлении до крепости Коимбры и Уругвая, он нигде не мог открыть ни малейшего следа пребывания натуралиста.

Хальбергер увел с собой всех своих преданных и отважных слуг, а кроме них, никто не знал его тайны. Кроме того, из Асунсьона он уехал на лодке и, следовательно, не оставил за собой следов, по которым можно было бы судить о принятом им направлении. Это сбило с толку даже самого Франсиа, и его самые искусные разведчики напрасно употребляли свои усилия отыскать следы беглеца.

Мы уже сказали, что никто из них не мог себе даже представить, чтобы бе-

лый стал искать приюта в Чако. Для них такой поступок беглеца казался одинаково рискованным: это было все равно что, спасаясь от ягуара, попасть в когти льва. Только после пяти лет бесплодных розысков, истощив все средства, Рубино Вальдец решился, наконец, искать несчастного в Чако.

Собственная ненависть бандита к Хальбергеру еще больше, чем обещанная награда, возбуждала в нем такую невероятную настойчивость; совершенно отчаявшись в успехе, он решил направить свои поиски в пустыню Гран-Чако — в страну, неизвестную ему: он проезжал уже по ней, принимая участие в одной экспедиции, снаряженной диктатором Парагвая.

Снабженный деньгами и всеми необходимыми припасами, он кончил тем, что поехал к племени товасов, находившемуся в то время в дружественных отношениях с диктатором.

Хотя это племя было враждебно белым, но он ничего не боялся, потому что за время своего пребывания у товасов оказал им некоторые услуги, доставившие ему их дружбу. К тому же он не принадлежал к числу людей, действующих на авось.

Во время его пребывания в крепости Коимбре, на бразильской границе, до него дошел слух из Чако о том, что там поселился какой-то бледнолицый, находившийся под защитой начальника племени товасов; узнал он при этом еще и другие подробности о колонисте. Ему рассказали, что белый человек имел жену и детей, что он изучал растения, птиц и даже самых ничтожных букашек.

Этих сведений было совершенно достаточно, чтобы узнать в этом бледнолицем Хальбергера, и Вальдец несколько не сомневался, что напал наконец на след человека, погубить которого он дал клятву Гаспару Франсиа.

Вальдец уехал из Коимбры и после месячного переезда через большую пустынную равнину прибыл к реке Пилькомайо, находившейся недалеко от прежней деревни товасов. Здесь, зная местность, ему не трудно было разыскать индейцев.

От краснокожих он в первый раз получил верные сведения о беглецах. Наконец-то его пятилетние розыски увенчались успехом, теперь оставалось только вернуться в Асунсьон, взять с собой отряд и с его помощью захватить в плен натуралиста вместе с семьей.

Вальдец знал, что хотя прошло и много времени со дня бегства Хальбергера, но ненависть к нему Франсиа не улеглась: за время своих пятилетних поисков, когда ему приходилось ненадолго возвращаться в Асунсьон, он имел возможность убедиться, что деспот Парагвая не забывает и не прощает обид никогда. Поэтому их тайный договор сохранял прежнюю силу.

«Проводник» не нуждался в помощнике для отыскания жилища натуралиста. Для него было довольно сведений, сообщенных индейцами, да к тому же у него был сообщник — сын вождя товасов Агвара, который в это время как раз собирался в поход вниз по реке в сопровождении своих молодых воинов, и Вальдец решил отправиться вместе с индейцами.

Старшины племени не препятствовали этому. Они имели весьма смутное понятие о законных правах ренегата, не знали ничего о его ненависти к Хальбергеру и, конечно, даже и не подозревали о черных замыслах Вальдеца.

Заветные мечты молодого предводителя нам уже известны. Вальдец и он были созданы друг для друга. Но справедливость требует сказать, что Агвара

отправлялся в экспедицию, вовсе и не думая совершить жестокое преступление, и даже не принимал непосредственного участия в убийстве Хальбергера. Он не осмелился бы сделать этого уже из одного опасения навлечь на себя гнев старейшин своего племени. Даже сам Вальдец, несмотря на всю свою низость, не дошел бы, может быть, до убийства, не сложились так обстоятельства. Смерть Хальбергера и похищение девушки без матери лишали его большей части награды, обещанной настоящим виновником этого злодейского преступления.

Убийство произошло благодаря чисто случайным обстоятельствам.

Вальдец с индейцами неожиданно для самих себя встретили Хальбергера во время одной из его экскурсий. Вид врага вызвал в ренегате давнишнюю ненависть, и, прежде чем кто-либо успел вымолвить слово, удар копья изменнически пронзил спину Хальбергера, и тот бездыханным упал на землю.

Все произошло в одну минуту.

Вид мертвого Хальбергера и беззащитной девушки снова пробудил страстное желание в душе дикаря.

Не считая себя нравственно ответственным за кровавое дело, отдавшее девушку в его руки, Агвара счел возможным воспользоваться его результатами и, не колеблясь, решил увезти Франческу в свое селение.

Читателю покажется, может быть, странным, что Вальдец, вместо того чтобы направиться прямо к эстансии, где он мог бы завладеть женой Хальбергера, решил вернуться в Чако вместе с предводителем товасов, тогда как его путь шел в совершенно противоположном направлении. Поручение его еще не было исполнено во всех пунктах. Он это знал. Знал он также, что на эстансии были и защитники, которым, без сомнения, скоро станет известно об убийстве и которые примут меры на случай нечаянного нападения на них. Таким образом, он даже и рассчитывать не мог захватить живой жену натуралиста. Кроме того, он еще не был свободен в своих действиях. В данное время сам он был наполовину пленником и почти поневоле должен был сопровождать индейцев; в противном случае он, конечно, отправился бы к жилищу натуралиста, чтобы хорошенько изучить местность.

Индейские воины и главным образом их предводитель, боясь ответственности за случившееся перед старейшинами племени, настояли, чтобы vagueano принял ответственность за убийство на себя; это-то и принудило его сопровождать краснокожих.

Он придумал в оправдание своего поступка сказать товасам, что между ним и Хальбергером существовала вражда в течение многих лет, и этого было совершенно достаточно: он отлично знал, что обычаи индейцев в этом случае оправдывали его.

Кроме того, Агвара в случае его отказа силой заставил бы его ехать вместе с собой, и Вальдец предпочел беспрекословно повиноваться ему. Но в душе он решил не отступать от своего гнусного намерения. Может быть, он отправится на эстансию даже не один, а прихватит с собой двух или трех таких злодеев, которых нетрудно будет найти. Рано или поздно, а сеньора Хальбергер должна быть в его руках. Молодой начальник, со своей стороны, придумал, как объяснить похищение молодой девушки: он просто оказал ей покровительство. Мог ли он бросить ее в пустыне, где ей грозила неминуемая гибель? Но, несмотря на это, в глубине души он был далеко не спокоен. Он боялся об-

винения со стороны старейшин племени, друзей его покойного отца и, следовательно, друзей натуралиста, так изменнически убитого Вальдецем в нескольких шагах от молодого вождя, который ничем не выразил своего протеста против такого страшного преступления.

Глава XVI СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД ТОВАСОВ

На берегах прекрасного озера, отражавшего в своих водах высокие стволы и густую листву пальм, ютилось селение племени товасов или той части его, которая считала издавна Нарагуану своим кациком.

Деревня была расположена на зеленой равнине, на берегу озера, окруженного группами пальм и кустами акаций.

С одной стороны озера возвышалась поросшая лесом уединенная гора, поднимавшаяся на несколько сотен футов над равниной. Между подошвой горы и озером шло открытое безлесное пространство площадью около половины квадратной мили, на котором ближе к лесу были расположены жилища индейцев.

Постройка этих жилищ носила совершенно первобытный характер. Это были палатки из парусины, натянутой на колья, все совершенно одного и того же типа. Некоторые из палаток, впрочем, составляли исключение и больше походили на вигвамы прерий, с той только разницей, что покрыты они были не буйволиными шкурами, а кожами диких лошадей. Затем кроме палаток тут были просто грубые шалаши, подпертые согнутыми палками и покрытые листьями пальмы. Такие хижины служили жилищем для пленников и для беднейших из племени товасов.

Несмотря на непрочность вигвамов, эта деревня все же была лучше походного лагеря. Большое здание со стенами из пальмовых стволов указывало на более оседлую жизнь. Оно стояло на самом виду, его окружала просторная площадь, как вообще в городах и селениях Южной Америки, где среди такой площади обыкновенно строится церковь.

Но главное здание не служило для религиозных церемоний, а скорее было местом общественных собраний. Это был дом совета, очень похожий на такие же дома в индейских деревнях Северной Америки.

Кроме этого здания были еще и другие доказательства того, что настоящая резиденция товасов вовсе не временный лагерь. В этом можно было удостовериться, поднявшись на холм, возвышающийся над озером. Там на большой площадке, закрытой густой листвой низких пальм, виднелось нечто вроде подмостков на столбах, поддерживавших двойную платформу. Нижняя платформа напоминала кровать на четырех гигантских ножках, верхняя заменяла крышу.

Не без труда можно было взобраться на первую платформу по бревну с зарубками, заменявшему лестницу. Поднявшись на платформу, любопытные увидели бы скелет, покрытый морщинистой обтянувшейся кожей; и тут же целая коллекция всевозможных предметов, принадлежавших покойному: копье, дротик, матакана, или военная палица; пестрое пончо вместо савана покрывало скелет. Если умерший был старейшиной, то около него клали еще великолепный плащ из перьев и другие знаки его достоинства. От дождя такую

воздушную могилу защищала вторая платформа, служившая крышей.

Холм около деревни товасов весь был покрыт этими странными постройками, из них некоторые относились к очень древнему времени. Действительно, это селение было одним из древнейших городов товасов, то есть той части племени, вождем которой был Нарагуана.

Деревня эта не была для них постоянным местопребыванием, потому что обитатели пампасов никогда не имеют оседлого жилища, тем не менее они считали ее своей резиденцией и хранилищем останков своих предков. Где бы ни умер индеец из племени товасов, за исключением пленника или незначительного индейца, зависящего от племени, друзья относили его останки в священный город и клали их рядом с умершими ранее членами семьи на вершине горы. Когда же приближалось время смерти кацика или другого знатного индейца из племени, весь народ бросал свои дела, бросал предпринятые экспедиции и спешил в деревню, оставаясь там до последней минуты жизни умирающего.

Часто индейцы в подобных случаях бросали свою кочевую жизнь и надолго, иногда на несколько лет, отказывались от походов по Чако и в особенности за границу пустыни.

Такой же случай произошел недавно и в племени Нарагуаны.

Согласно древнему обычаю, старый кацик, предчувствуя близкий конец, отправился в долину Пилькомайо к могилам своих предков. Он хотел сообщить об этом своему другу-натуралисту, но не мог. Накануне отъезда индейский вождь был неожиданно поражен приступами уже давно угрожавшей ему болезни. Его умственные и физические силы были сразу парализованы, так что уже в бессознательном состоянии его понесли на носилках в священный город. Там безжизненное тело его отнесли на гору мертвых и с известными почестями, в присутствии всего народа положили на самой высокой площадке рядом со скелетами его предков...

Обычно лазурно-голубое небо равнины Гран-Чако приняло пурпуровый отблеск приближающихся сумерек; тени пальм удлиннились на поверхности светлого и спокойного озера, постепенно исчезая с приближением ночи.

Девушка медленно подошла к озеру и села на камень почти у самого берега. По эту сторону озера находились хижины зажиточных товасов, и девушка вышла из одной такой хижины. Она была индианка и, судя по ее замечательной красоте, по наряду, по бусам и браслетам на ее шее, руках и ногах, принадлежала, вероятно, к знатной и богатой семье.

Невдалеке между хижинами и на равнине, расстилавшейся вблизи, виднелись мужчины, женщины и дети. Разделившись на группы, они предавались различным занятиям, свойственным их возрасту или полу.

Перед вигвамами сидели женщины и молодые девушки; некоторые из них держали корзины, сплетенные из ветвей пальм, другие складывали мед, принесенный их мужьями и братьями, остальные — кто приготавливал обед на воздухе, кто плел гамак или искусной рукой украшал разноцветными перьями шкуры ланей, приготавливая из них плащи, которыми так славятся в целом свете туземцы Америки.

Дети играли около матерей, образуя группы, достойные кисти знаменитых художников. Мужчины разговаривали о текущих событиях. Пойманная рыба, убитая дичь и разные припасы были сложены у входов в хижины.

По равнине, составлявшей общее пастбище, скакало несколько индейцев, стоня лошадей, овец и другую скотину. Индейцы-товасы настолько цивилизованы, что даже занимаются скотоводством. Вероятно, лошади, овцы и весь этот скот были украдены у белых, но такое воровство не считается преступлением у дикарей: война у них не имеет другой цели, кроме удовлетворения своих потребностей.

В деревне и в долине царили мир и тишина. Это была не жизнь дикарей с грубыми нравами и зверскими страстями, но картина тихого пастушеского счастья.

Население индейских деревень живет исключительно только животной жизнью, повинуетя только животному инстинкту и не имеет ни малейшего понятия о том, что в цивилизованных странах принято называть общественной нравственностью.

Глава XVII ИНДЕЙСКАЯ КРАСАВИЦА

Девушка, сидевшая на берегу озера в грациозной позе, с длинными косами, отражавшимися в спокойной поверхности воды, на взгляд художника, показалась бы олицетворением мира и тишины. Но между тем в сердце этой индианки бушевала, быть может, более дикая страсть, чем у всех, вместе взятых, обитателей соседней хижины. Неподвижно устремленный взгляд ее черных глаз выражал глубокую ненависть; грудь порывисто и тяжело вздымалась, с уст ее по временам срывались отрывистые слова.

— Он ушел к ней... полюбоваться на ее бледное лицо, которое ему кажется красивее моего... Может быть, он хочет сделать ее царицей племени?.. Если так... — прошептала индианка, выпрямляясь и протягивая руку к озеру, — если меня ждет это несчастье, если такое унижение должна перенести дочь индейского народа, тогда, Дух вод, прими лучше Насену в свое лоно!

С минуту она оставалась неподвижной, точно ожидая ответа на свою мольбу, но вдруг иные мысли зашевелились в ее мозгу, и она выпрямилась.

— Нет! — воскликнула она. — Сын великого вождя, теперь уже спящего могильным сном, не имеет права пренебрегать девушкой, почти равной ему по происхождению. Если его клятва, данная перед лицом Нарагуаны, не будет исполнена, Насена отомстит. Она знает, как умирают и как предают смерти... Она умрет, но не одна... Нет, Дух вод, Насена не будет твоей раньше, чем смерть соединит в своих объятиях соперницу и изменника!

Окончив эту горячую тираду к невидимому духу, индианка встала, но зловещие думы не оставляли ее.

За минуту перед тем она просила смерти с отчаянием в сердце, теперь она напоминала собой молодую тигрицу, готовую разрушить своими зубами и когтями всякую преграду.

В то время как она стояла в угрожающей позе, из поселка разнесся по долине резкий крик; глаза девушки повернулись в ту сторону, и еще большая ненависть загорелась на ее лице.

В деревню въезжал отряд всадников, и первые ряды остановились перед малоккой. Во главе их был человек, которого она узнала с первого же взгляда, — это был Агвара, молодой предводитель товасов. Рядом с ним была де-

вушка в европейском костюме. Она впервые оказалась здесь, но Насена видела ее раньше и теперь тоже сразу узнала. Впрочем, она не стала подробно разглядывать ее — ей достаточно было бросить взгляд на ее белое лицо и светлую одежду.

Из глубины разбитого сердца Насены вырвался дикий вопль, и она точно мертвая упала на берег; но это был только минутный порыв злобы и отчаяния. Несколько мгновений спустя индианка уже не кричала, и ни один вздох не сорвался с ее уст. Сжав губы, она поднялась с берега и медленной, но твердой походкой пошла к деревне. Решение ею было принято: она задумала даже ценою собственной жизни отомстить бледнолицей девушке и изменнику!

Между тем Гаспар и его спутники, скача все время по следам похитителей, близко подъехали к городу товасов. Они узнали его издали по поднимавшимся над верхушками пальм струйкам дыма от многочисленных костров. День клонился к вечеру, в воздухе было тихо, и дым прямо поднимался к небу.

Путники остановились посоветоваться, как им лучше незаметно приблизиться к городу: прямо ли въехать в него, объяснив свои намерения, или подождать?..

Циприано и Людвиг, хотя и движимые различными чувствами, поступили бы именно так. Первый с нетерпением желал узнать о судьбе своей кузины и невесты. Людвиг, беспокоившийся не менее его, еще надеялся на благоприятный исход. Он верил в дружбу Нарагуаны, о смерти которого ему еще ничего не было известно. Он хотел просить старого вождя наказать убийц его отца, нисколько не сомневаясь, что тот по справедливости накажет их, кто бы они ни были.

Гаспар, более всех спокойный, посоветовал выждать немного и хорошенько рассмотреть неприятельский стан, во всяком случае действовать с величайшей осторожностью. По его мнению, только таким путем можно будет добиться желаемого успеха.

С того места, где они остановились, дорога огибала подошву горы. Им виден был только дым, самый же город был скрыт от них чащей пальмовых деревьев. Но с вершины горы, наверное, можно было видеть весь город. Гаучо одним взглядом сообразил все эти обстоятельства. Он не упустил из виду, что гора была вплоть до вершины покрыта лесом и, следовательно, во время подъема на нее нельзя было заметить путников снизу из долины.

С их стороны подъем на гору шел отлого, и лошади легко могли взобраться наверх. Всех этих условий было достаточно для Гаспара, чтобы составить план дальнейших действий.

— Именно здесь нам надо взбираться, — проговорил он уверенным тоном, указывая на гору. — За день мы достигнем вершины, а раз мы будем там, мы высмотрим все, что надо, и будем знать, как действовать. Вперед, сеньоры!

И Гаспар вонзил шпоры в бока своего коня. Остальные последовали за ним. Несмотря на свое нетерпение, они чувствовали справедливость его слов, и скоро все трое очутились под тенью высоких пальм, длинные ветви которых простирались над их головами подобно громадным веерам, совершенно заслоня небесный свод. Тропинок не было, и они ехали по руслу, по-видимому, высохшего потока; кончился поток, кончилась и ложбина, и они продолжали путь посреди ползучих растений, которые Гаспар называл лианами. Иногда упавшее дерево преграждало им дорогу, и приходилось делать объезд; места-

ми приходилось пробираться через густой колючий кустарник. В таких случаях гаучо слезал с лошади и пускал в дело свой острый нож, пролагая таким образом путь.

Ночь наступила прежде, чем они добрались до вершины горы, но блестящий свет луны, сменивший сумерки, дал им возможность подвигаться дальше, сновавшие кругом мухи светили им в темноте. Около вершины растительность была не так густа, и путники могли видеть небо и луну.

Когда они достигли, наконец, вершины, глазам их представилось странное зрелище, заставившее их натянуть поводья. Молодые люди едва сдержали крик удивления, готовый сорваться с их губ.

Над их головами подымались странные подмости, и тень от них далеко отбрасывалась по земле.

Циприано и Людвиг невольно содрогнулись от ужаса при этом зрелище. Гаучо, удивленный вначале не менее их видом этих построек, скоро, однако же, понял, в чем дело. Он узнал индейское кладбище, видеть которое приходилось ему не раз.

В коротких словах рассказал он своим спутникам назначение этой горы.

Путешественники остановились под постройкой, отбрасывавшей наибольшую тень. Лошадей они привязали к столбам; тень защищала их от любопытных взглядов. Впрочем, это место вряд ли привлекло бы к себе даже ночных бродяг: ни один индеец не осмелится пойти на кладбище, настолько еще велико у них почитание своих предков.

Гаспар и оба молодых человека снова стали совещаться относительно дальнейших действий.

Прошло уже добрых полчаса с тех пор, как село солнце, но яркий свет тропической луны на безоблачно-ясном небе позволял различать окружающую местность. Впрочем, это не очень радовало Гаспара. Будь ночь темнее, он, без сомнения, проскользнул бы в селение, чтобы узнать, где находится Франческа, и, может быть, даже нашел бы способ известить ее, что друзья близко и идут к ней на помощь.

Товасы, подобно большей части дикарей Южной Америки, не ставят, как их североамериканские братья, часовых вокруг лагеря. В глубокой пустыне Чако им не грозит нападение белых, а большие расстояния между отдельными племенами делают излишней такую бдительность.

Гаучо знал хорошо привычки товасов и был уверен, что можно пробраться в деревню незаметно под покровом ночи, но при подобных обстоятельствах трудно рассчитывать на успех предприятия. Несмотря на всю ловкость Гаспара и на беспечность индейцев, лунный свет тотчас выдал бы его им.

С места стоянки путешественникам видны были костры, на которых индейцы приготавливали себе ужин. По временам пламя костров затемнялось человеческими фигурами, казавшимися с их места теньями, и, хотя от них до деревни было около мили, они различали голоса мужчин, женщин и детей, доносившиеся до них в безмолвном спокойствии ночи.

Из лагеря доносилось мычание быков, лай собак и иногда ржание лошадей. Боясь, что их лошади ответят на это ржание, Гаспар, из предосторожности, покрыл им головы свернутым одеялом так, чтобы они не могли слышать. К этим звукам примешивались еще зловещие крики сов, пролетавших по временам вблизи воздушных могил, тяжело махая своими крыльями. Путешественни-

ки, нерешительные и взволнованные, вернулись к своим лошадям и, став в тени, снова принялись обсуждать план будущих действий.

Циприано, как и прежде, основываясь на своих предположениях, настаивал на том, чтобы немедленно пробраться в город товасов. Людвиг присоединился к его мнению. В нескольких шагах от них шла тропинка, проложенная, вероятно, индейцами на кладбище. По ней они свободно могли идти в город, и Людвиг продолжал уверять, что Нарагуана примет их и не откажет в своей помощи.

— Конечно, — возразил Гаспар, — старый кацик не задумался бы помочь нам, обратиться мы к нему раньше, но в настоящую минуту, мой дорогой Людвиг, он не имеет возможности оказать нам защиту.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Людвиг, удивленный словами гаучо и бросая на него испуганный взгляд.

Глава XVIII ШЕБОТА

Гаспар, не отвечая на вопрос Людвига, влез на столб, подпиравший подмости, и стал рассматривать труп, лежавший на платформе.

— Предчувствие не обмануло меня, — проговорил он наконец. — Нарагуана умер. Вот он лежит неподвижно в своем наряде кацика. Да, я не ошибся, это действительно лицо старого кацика: я узнаю его из тысячи.

Гаспар спустился на землю, предоставляя своим товарищам убедиться в справедливости его слов. Каждый из них рассматривал убранные дорогими тканями тело покойника, покрытое великолепным плащом из перьев, этим отличительным знаком достоинства кацика. Луна, спускавшаяся к горизонту, освещала своими бледными лучами спокойное лицо умершего. Молодые люди сразу узнали его и, сняв шляпы, с уважением поклонились останкам достойного старца, бывшего при жизни верным другом их семьи; затем оба они со стесненным сердцем спустились к Гаспару.

К несчастью для них, уже не было в живых того, кто оказал бы им помощь, покровительство и правосудие.

— Теперь все ясно, — проговорил Гаспар, — Нарагуана умер; вместо него вождем племени сделался молодой волк. Бог мой! Хорошо, что мы действовали осторожно! Старого Нарагуаны уже больше нет в живых... некому было бы защищать нас от разбойников. Впрочем, у меня еще остались друзья среди старейшин племени. Не все же индейцы так испорчены. Я оказал когда-то услугу одному знатному воину, и он, наверное, не откажется помочь нам в трудную минуту. Он и при жизни Нарагуаны пользовался властью и, вероятно, и теперь сохранил ее. Мне почему-то даже кажется, что сын старого кацика здесь не всемогущ и не пользуется такой любовью, как его отец. Еще и раньше я слышал толки, что племя против назначения его кациком. Да, впрочем, хотя бы он был и главой племени, его власть не безгранична. Ни один кацик не может действовать самостоятельно, без согласия старейшин. Вождь индейцев не всевластный деспот, но правитель, избранный своим народом; следовательно, у нас еще остается некоторая надежда.

Сообщив своим слушателям все эти соображения, гаучо несколько минут стоял погруженный в задумчивость. Затем он продолжал:

— Нам следует действовать очень и очень осторожно, и главное — не торопиться. Поспешность может испортить все дело. Надо прежде всего хорошенько изучить местность. Через час луна скроется за пампасами, и только уже тогда, когда совершенно стемнеет, я попытаюсь...

— Что ты задумал, Гаспар? — воскликнули в один голос оба юноши. — Ты советовал нам осторожность, будь же и сам осторожен. Не рискуй собою без крайней необходимости! Сообщи нам свои планы в этом деле, которое больше касается нас, чем тебя. Ты не имеешь права действовать один, оставляя нас в стороне.

— Не беспокойтесь, — ответил Гаспар, — у меня не такой характер, да я уже и не настолько молод, чтобы, не взвесив сначала всех обстоятельств, рисковать жизнью, когда она необходима всем вам. Прежде всего, я хочу один проникнуть в город!

— Один! — воскликнул Циприано. — Ты хочешь идти один, рискуя жизнью для нас, и без нас? Не говорил ли ты сам сейчас, что будешь осторожен? Нет, мы не позволим тебе этого!

— Конечно нет, — ответил в свою очередь Людвиг. — Если кто-нибудь и должен рискнуть, так это прежде всего я и Циприано.

— Ни один из вас не может и думать о том, чтобы проникнуть к индейцам, — возразил Гаспар. — Какой же толк будет из того, если вы пойдете со мной? Это было бы совершенно бесполезно. Втроем нас наверное заметят. Что же касается меня, я надеюсь пробраться в темноте, не возбуждив подозрения, и разузнать там обо всем. Для меня безразлично — застану ли я их спящими или нет, мне только нужно узнать, где находится девочка, и это уже будет шаг к освобождению, а в остальном я полагаюсь на Божью волю.

Доводы гаучо были вполне справедливы. Ничего нельзя было возразить против намеченного им плана действий. Юноши волей-неволей должны были согласиться с ним. Им отлично было известно хладнокровие гаучо, и надежда на успех невольно закралась им в сердце. Они не сомневались, что Франческа находится у товасов, и им казалось возможным, раз известно, где она, хитростью освободить ее из плена. План гаучо ободрил молодых людей, но приходилось дожидаться захода луны.

Все трое, не сходя с края площадки, смотрели на тропинку, спускавшуюся к городу.

Между тем огни в городе погасли, но это не служило доказательством, что индейцы заснули. Огни разводились только для приготовления ужина, а затем их тушили. Теплый климат Чако избавляет жителей от необходимости разводить на ночь костры. Индейцы не спали: на это указывали доносившиеся до слуха Гаспара голоса. Но это отнюдь не воспрепятствовало бы его намерению пробраться в город товасов после захода луны. Он изменил, насколько возможно, свой костюм, чтобы больше походить на индейца-товаса. Ему не надо было покрывать лицо темной краской — цвет кожи у него был почти такой же бронзовый, как и у индейца.

Наконец луна скрылась за пампасами; гаучо уже готов был отправиться в свою рискованную экспедицию и давал своим друзьям последние наставления относительно осторожности и молчания, как вдруг их внимание привлек слабый шум, по-видимому приближавшийся к ним. Как будто кто-то легкими шагами поднимался по тропинке и остановился у подъема на гору. Неужели

они открыты и врагу известно их местопребывание?

Гаспар шепнул несколько слов на ухо своим спутникам, и все трое, поднявшись со своего места, поползли под густые ветви громадной фиговой пальмы.

Недолго они оставались в неизвестности; скоро глаза их различили взбравшуюся человеческую фигуру, в которой нетрудно было узнать женщину-индианку по ее росту и легкой причудливой одежде.

Сделав несколько шагов по площадке, индианка остановилась и посмотрела вокруг, точно ища кого-то и удивляясь его отсутствию. Когда же она повернулась и последний свет луны упал на нее, путники ясно разглядели черты ее лица. Все трое сразу узнали девушку: перед ними была Насена!

Зачем ей понадобилось прийти в такой поздний час и в такое глухое место?

Впрочем, им не было до этого никакого дела. Первое, что пришло на ум Гаспару, — взять ее в плен, если это было нужно, а чтобы заглушить ее крики — зажать ей рот. Он знал, что Насена — дочь могущественного вождя и, став пленницей, будет служить им заложницей, пока не удастся возвратить Франческу. Но, подумав немного, Гаспар решил, что такой способ действий неподходящий. Во-первых, добраться до Насены можно было только по открытому месту, и, следовательно, она заметит их прежде, чем они успеют приблизиться к ней, а ее крик сейчас же откроет их присутствие. Однако гаучо решил во что бы то ни стало извлечь пользу для себя из этой встречи с Насеной, прибытие которой в такой неурочный час служило как бы вмешательством судьбы. Зачем эта индианка станет желать гибели Франчески? Может быть, даже она не откажется сделаться их союзницей для освобождения той, к которой они стремились всеми своими помыслами.

Гаучо сообщил на ухо эти соображения своим товарищам; те также считали Насену скорее другом, чем врагом. Юноши знали ее так же хорошо, как и ее отца; она часто приходила к ним на эстансию и нередко во время экскурсий Хальбергера принимала участие в их детских играх.

Пока они так рассуждали, спрятавшись под густыми листьями пальмы, девушка не могла заметить ни их, ни лошадей, которые были отведены немного подальше в лесок.

Гаспар с товарищами еще не решил, что надо делать, как вдруг новый шум, похожий на первый, донесся до их слуха. Наверно, кто-то взбирался по тропинке на гору.

Девушка также слышала шаги и повернулась в ту сторону, откуда они доносились, но на лице ее не отразилось никакого удивления. Очевидно, она именно за этим пришла сюда. Но приближение того, кого она ждала, не радовало индианку — скорее страх, смешанный с нетерпением, отразился в ее чертах.

Шаги все приближались, но медленно и как бы останавливаясь. Наконец другая женщина появилась над краем площадки.

Вид ее действительно мог внушить страх и даже ужас: седая, вся в морщинах, сторбленная старуха, с каким-то особенным отпечатком торжественности и мрачности во всей фигуре. Это создание было, вероятно, одним из тех жалких и в то же время могущественных существ, созданных индейским суеверием, которые под конец и сами начинают верить в свою сверхъестественную силу. Другими словами, это была колдунья. Такие предсказательницы буду-

щего имеются у многих индейских племен Америки, где они пользуются, к несчастью, большим почетом.

Заметив колдунью, девушка поторопилась ей навстречу и, приблизившись на шаг, упала на колени.

Зрелище это поистине было странно. Луна, наполовину уже скрывшаяся, слабо освещала местность, принимавшую все более мрачный характер, и среди всей этой обстановки девушка, распростертая на земле у ног ужасной колдуньи, казалось, испрашивала у нее жизнь или прощение в каком-нибудь великом преступлении.

В продолжение двух или трех минут Насена оставалась на коленях перед колдуньей, которая, бормоча какие-то невнятные слова, протягивала к небу свою руку на все четыре стороны и затем проводила ею по лицу девушки, точно магнетизируя ее.

— Насена страдает? — проговорила она наконец, делая ударение на словах.

— Да! — тихим голосом ответила девушка.

— Свое горе она скрывает от всех, иначе она не просила бы Шеботу прийти сюда.

— А! Это чертова гадина! Колдунья Шебота! — тихо проговорил гаучо. — Какую еще чертовщину затевает она? Тише, сеньоры, мы сейчас услышим любопытные вещи!

Юношей нечего было просить молчать. Не шевелясь, с величайшим удивлением смотрели они на колдунью, стараясь не пропустить ни одного ее жеста.

— Правда, — проговорила Насена, — мне нужна помощь Шеботы, и я не хочу, чтобы кто-нибудь знал об этом.

— Ха-ха! — прошамкала колдунья, показывая свою беззубую челюсть. — Молодые красавицы нуждаются иногда в старухах. Значит, ты признаешь, что мало быть прекрасной, нужны еще другие, более могущественные чары, кроме молодости и красоты?

— Я признаю, — ответила Насена, по-прежнему стоя на коленях.

— Хорошо, — проговорила колдунья. — Шебота все знает. Она знает, чего ждет от нее Насена: ты хочешь вернуть Агвару к себе. Молодой предводитель оставил город своего племени для молодой парагвайки с белым лицом. Он хочет пренебречь дочерьми своего народа и сделать царицей чужеземку, но Насена не хочет этого допустить.

Девушка, видимо, колебалась ответить.

— Если дело только в этом, — продолжала колдунья, — Шебота исполнит желание Насены.

Девушка по-прежнему молчала. Она приподнялась и стояла напротив колдуньи. По-видимому, она была испугана, чувствуя себя во власти колдуньи, но, однако, хладнокровие снова вернулось к ней.

Гаспар и его товарищи ясно видели ее лицо и читали на нем все, что волновало молодую девушку.

— Матушка Шебота, — проговорила она наконец, — средство, которое вы дали, чтобы привлечь Агвару, ни к чему не привело. Насена не верит больше в чары, она хочет просить у вас другого средства, более верного.

Последние слова девушки были произнесены глухим голосом, свидетельствующим о внутренней борьбе.

— Ты не хочешь больше пользоваться чарами, правда? Чего же ты хочешь? — спросила колдунья. — Может, Насена желает напиток, который усыпил бы ее в бессонные ночи?

— Нет, мне нужно не это, — ответила молодая индианка. — Разве лучше спать ночью для того, чтобы днем страдать?

— Кого же ты хочешь усыпить? — медленно спросила колдунья. — Может быть, Агвару?

— Нет, не его!

— Кого же? Может быть, девушку с бледным лицом?

— Да, ее, — ответила Насена.

— Она много ехала, ее тело и душа истерзаны, — возразила колдунья, — конечно, ей нужно хорошенько отдохнуть. На сколько времени хочет Насена усыпить ее?

Индианка инстинктивно поняла значение ее вопроса, и в эту минуту страсть со всей силой охватила ее; глаза ее сверкнули диким огнем.

— Навсегда! — ответила она.

— Напиток, усыпляющий надолго, трудно приготовить, — ответила колдунья. — Для этого Шеботе понадобится много вещей, которые далеко отсюда, и достать их нелегко, и, кроме того, их опасно давать. Агвара хочет сделать молодую бледнолицую девушку нашей царицей. Он теперь во главе племени и могуществен. Одного подозрения его будет довольно, чтобы предать смерти бедную старую Шеботу. Что даст Насена за то, что молодая парагвайка заснет с тем, чтобы глаза ее никогда более не видели солнца Чако?

— Все, чего хочет Шебота.

— Насена — дочь великого вождя, она богата, в ее тольдо есть плащи из перьев, хорошо сплетенные гамаки, у нее есть стадо в пампасах и лошади в долине. У нее есть все блага, делающие жизнь счастливой. Кроме того, она молода и прекрасна, а Шебота бедна и стара. Но Шебота обладает силой сделать Насену снова веселой. Что даст Насена за исполнение своего желания?

— Все, — ответила девушка, — все, что у меня есть. Но нет, — проговорила она вдруг с отчаянием. — Нет больше радости у Насены! Агвара больше не обращает на меня внимания. Он очень, очень далеко от Насены!

— Чары Шеботы помогут тебе отомстить, а месть делает человека счастливым.

— Да, — произнесла девушка мрачным голосом, — я хочу мстить и отомщу. Усыпи ее навсегда, эту чужестранку, и бери в награду за это все, что захочешь, все, что у меня есть, и даже мою жизнь!

— Шебота не обманет, — проговорила колдунья, — все, за что она ни возьмется, она доведет до конца. Насена обещает наградить ее, но она должна поклясться в этом. На колени, вот здесь, под этой могилой. Кости твоего отца лежат здесь, и дух его тебя видит. Он сочувствует тебе и никогда не простит Агваре оскорбления, нанесенного дочерям товасов и его собственной дочери. Клянись его прахом, что исполнишь свое обещание!

Насена повиновалась. Тень от подмостков, где находилось тело мертвого вождя, падала на ее лицо, совершенно закрывая его, но свидетели этой сцены, лежавшие под деревом, могли рассмотреть ее черты.

Вид девушки, в молитвенной позе стоящей перед отвратительной колдуньей, с протянутыми над ее головой руками, напоминал сцену, когда фесса-

лийская волшебница открывает свою волю несчастной девушке, с отчаяния поддавшейся ее преступному влиянию.

Глава XIX КОЛДУНЬЯ В ПЛЕНУ

Гаспар и оба юноши с возрастающим интересом слушали этот ужасный разговор. Когда он кончился, у них от ужаса поднялись волосы на голове, потому что они знали, для кого предназначался напиток колдуньи, — это Франческа была приговорена к смерти. Провидение пришло им на помощь, дав возможность подслушать этот страшный заговор двух индейских женщин. Теперь все их усилия будут направлены к тому, чтобы помешать исполнению преступного намерения. Времени на размышление было немного. Через несколько минут обе женщины уйдут, и, может быть, уже к завтрашнему утру несчастная девушка погибнет, отравленная колдуньей. К тому же они знали, что Шебота была вроде пророчицы у товасов и пользовалась значительным влиянием на все племя; следовательно, ей нетрудно будет найти доступ к бледнолицей пленнице. Может быть, даже в силу своих религиозных обычаев индейцы поручат ей следить за пленницей, и тогда ей будет легче всего отравить девушку, и несчастная Франческа не увидит рассвета следующего дня. Подобная мысль так глубоко взволновала Циприано, что он готов был броситься на индианок и заколоть их своим кинжалом, но сильная рука Гаспара вовремя остановила юношу.

— Подождите, — сказал он, — они непременно должны пройти мимо нас, а если мы пойдем к ним, лунный свет выдаст нас. Они нас заметят, поднимут тревогу и, пожалуй, даже ускользнут от нас. Шебота хитра, как ястреб, а ее старые ноги так же быстры, как ноги страуса. В одну минуту исчезнет она в кустарнике. Приготовьтесь!.. Как только они подойдут к нам поближе, хватайте девушку, а я займусь старухой. Только не забудьте прежде всего заглушить их крики.

Во время этого разговора Насена и колдунья вышли из тени, отбрасываемой платформой.

В то время как они поравнялись с корнями фиговой пальмы — Шебота шла на несколько шагов впереди, — они вдруг почувствовали себя схваченными. Платок, ловко наброшенный на рот, заглушил их крик.

Колдунья страшно испугалась при виде трех мужчин, принадлежавших к ненавистному ей племени бледнолицых, безнаказанно отважившихся проникнуть в это место, куда до сих пор, может быть, не проникал никто.

Колдунья, схваченная сильной рукой гаучо, не успела сделать ни одного движения, как уже была в его власти. Всякое сопротивление было бесполезно.

— Ни слова! Не шевелись, иначе ты умрешь! — проговорил гаучо, приставляя острие кинжала к ее груди.

Циприано и Людвиг не менее успешно овладели Насеной. Девушка энергично отбивалась от них, пыталась крикнуть, но не успела. Ей моментально заткнули рот платком, а Циприано, кроме того, накрыл еще ей голову своим пончо.

В одну минуту обе женщины были связаны по рукам и ногам. Всякая попытка бегства становилась, таким образом, немислимой. Колдунья поняла,

что с ней не шутят, и хотя глаза ее, горевшие как два угля, готовы были съесть трех мужчин, но она даже и не пыталась сопротивляться.

— Теперь, — сказал гаучо, — надо постараться спрятать наших пленниц от взоров любопытных и не оставаться на этой тропинке. Положим, прохожие здесь редки, это правда, но колдунья, схваченная мною, служит доказательством, что место это не так уединенно и надежно, как она думала. Пойдемте, дети! Следуйте за мной!

Подняв, точно перышко колдунью, гаучо направился к переплетавшимся корням пальм, которые могли служить отличным убежищем для их пленниц. Циприано с Людвигом последовали за ним, осторожно подняв свою легкую ношу. Пленницы были помещены своими похитителями в густую тень пальмы.

Когда девушка, успокоенная гаучо и ласковым обращением молодых людей, дала знаками обещание не кричать, ей сняли повязку со рта. Страх ее немедленно прошел, когда она узнала, кто с такой бесцеремонностью овладел ею.

Раньше мы уже сказали, что ей не раз случалось видеть на эстансии и экскурсиях Хальбергера и молодых парагвайцев. Она больше знала Людвигу, чем Циприано, но ни к одному из них у нее не было ненависти. Она знала также, что со стороны белых ей не грозит никакой опасности, которой бы она подверглась, попав в руки к дикарям враждебного товасам племени. Ее удивляла только встреча с ними в таком месте и при таких необыкновенных обстоятельствах.

Удивление ее прошло, когда она вспомнила, что пленница в деревне — сестра Людвигу и кузина Циприано. Ей даже стало понятно их присутствие и та хитрость, с какой они овладели ею.

Прежде чем бледнолицые произнесли хоть одно слово или обратились к ней с предложением, индианка поняла, что она нашла в них если не друзей, то союзников. Цели их были различны, но тем не менее, действуя для своих интересов, они действовали также и в ее пользу. Впрочем, ей скоро пришлось убедиться в справедливости своего предположения.

Как только достигли они дерева, голос гаучо нарушил молчание.

— Вы должны понять, — сказал он, обращаясь к обеим пленницам, — что хитрость ни к чему не ведет. Мы слышали ваш разговор и знаем ваши намерения. Ваша тайна известна нам. Что касается тебя, Шебота, то ты должна навсегда проститься с выгодным делом, которое тебе предлагала Насена. Ты недешево оценила свое питье, но это преступление не прошло бы для тебя бесследно. Это Великий Дух, Насена, послал нас к вам, чтобы отвратить преступление и избавить вас от этой ведьмы. Вам не нужно будет усыплять пленницу, вы и так можете избавиться от нее. Я хочу сказать, что в ваших же собственных интересах помочь нам похитить вашу соперницу. Мне незачем говорить вам, что моя молодая сеньорита Франческа не по своей воле последовала за вашим женихом. Наша малютка и не думала никогда сделаться женой кацика. Агвара к тому же убийца ее отца или, впрочем, это все равно, сообщник убийцы, а этого одного достаточно, чтобы он внушал ей отвращение. Она скорее согласится умереть, чем принадлежать ему, и вы ни на минуту не должны сомневаться, что у нее нет другого желанья, как уйти, убежать от него в такое место, где бы она была в полной безопасности от его происков. Теперь вы знаете, что

она стала вашей соперницей поневоле, и вы должны нам помочь освободить ее и увезти в такое место, где бы ей не угрожала опасность со стороны молодого кацика, вашего будущего супруга. Одним словом, мы — ваши друзья, потому что, так же как и вы, желаем увезти Франческу от Агвары.

— Что предлагаете вы мне, — спросила Насена, — и чем я могу помочь вам?

— Вы должны дать нам клятву, — ответил гаучо, — что, если мы возвратим вам свободу, вы употребите ее на освобождение Франчески и приведете ее сюда целой и невредимой.

Насена бросила беспокойный взгляд на колдунью.

— Не бойтесь этой твари, — продолжал гаучо. — Шебота останется с нами, пока вы не приведете Франческу. Будьте покойны, она не уйдет; к тому же она знает, что жизнь ее зависит от успеха вашего предприятия. Только одно слово, только один жест — и вот эта самая рука навсегда избавит ее от возможности отравлять других.

Затем, обратившись к колдунье с добродушным видом, никогда не покидавшим гаучо, он сказал:

— Не правда ли, старуха, ты желаешь, чтобы Насена исполнила наш совет?

В ответ на это колдунья издала утвердительное мычание.

— Разреши девушке идти, — настаивал гаучо, приподымая повязку с ее лица, — скажи, чтобы она повиновалась моим словам, а иначе через две минуты ты будешь висеть на ветвях этого дерева. Говори скорей, время дорого!

— Пусть она идет, мне все равно!

Слова эти были неискренни. Гаспар уловил в глазах колдуньи, освещенных светом *socios*, взгляд, брошенный на Насену, в котором ясно выразалось следующее: «Делай, что тебе приказывают, но помни — я отомщу!»

— Ты ошибаешься, тебе далеко не все равно! — продолжал гаучо, ударяя по плечу Шеботу. — Ты боишься, что освобождение белой пленницы лишит тебя награды, обещанной Насеной. Будь покойна, эти молодые люди заплатят тебе вдвое больше того, что ты получила бы за смерть Франчески. Ну, что же? Соглашайся скорей на наше предложение.

Циприано и Людвиг достали из-за поясов туго набитые кошельки, захваченные ими с собой на случай, если бы пришлось заплатить выкуп за освобождение Франчески.

При виде золота и серебра глаза колдуньи сверкнули и с жадностью остановились на блестящих монетах.

— Ну, — сказал гаучо, — я надеюсь, что ты настолько умна и хитра, что поймешь, что лучше получить награду за доброе дело, чем петлю за худое. Ну, согласна ты?

— Я уже говорила, что мне все равно, и какое мне дело, будет жить или умрет девушка? Это касается Насены, вас, но не Шеботы.

— Без уверток, тетушка, говори яснее, — сказал гаучо, — и будь откровеннее. Я спрашиваю тебя не как колдунью, но жду определенного ответа и требую, чтобы ты поклялась в том, что ты ни в каком случае не выдашь ее участия в нашем деле. Черт возьми! Ведь, кажется, нетрудно понять, что если ты нам поможешь, то получишь за это золото и жизнь, если же обманешь — тебя ждет смерть.

Шебота решилась наконец.

— Ступай, Насена, — сказала она, — возврати пленницу ее семье, возврати

ее тому, кто ее любит, — и она показала пальцем на изумленного Циприано. — Шебота читает в сердцах людей, — с гордостью проговорила колдунья и, обернувшись к Насене, продолжала загадочным тоном: — Не беспокойся, с этих пор между Франческой и Агварой восстанет нечто большее, чем сама смерть.

Затем она дала Насене подробные указания, как пробраться к пленнице. Сказала ей имя женщины, назначенной сторожить ее, и, вытащив из своего головного убора перо, дала его Насене, чтобы сторожиха знала, от кого прислана молодая индианка.

— Иди и возвращайся. Шебота ждет, она верит тебе и ей.

Последними словами колдунья имела в виду поднять себя во мнении белых и подкрепить решимость Насены. Но девушка не нуждалась в ободрении; в глубине ее сердца таился более сильный двигатель, чем суеверный страх.

Положив свою руку на руку Циприано, она проговорила:

— У меня больше нет ненависти к Франческе.

Молодой человек так смутился от ее слов, что вместо ответа с глубоким уважением склонил голову перед индианкой.

Затем Насена спустилась по горной тропинке, твердо решившись освободить и привести с собой молодую девушку, которую час тому назад она обрекала на смерть.

Бледнолицая пленница была помещена в хижине одного незначительного кацика из племени товасов. Агвара выбрал это жилище потому, что кацик принадлежал к его партии. Убийство Хальбергера и похищение его дочери вызвали сильное негодование старейшин племени. Было произведено даже целое следствие по поводу экспедиции Агвары и убийства натуралиста. Ренегат взял всю ответственность на себя, говоря, что Хальбергер жестоко оскорбил его несколько лет тому назад, поэтому он воспользовался случаем и отомстил ему, а месть не считается преступлением по понятиям гаучо и индейцев. Но товасы, видимо, не очень верили рассказанной им истории, в особенности старые воины, хорошо знавшие и любившие Хальбергера.

С самой первой минуты въезда в город товасов Рубино Вальдец заметил недружелюбное к себе отношение индейцев; поэтому он решил сократить, насколько возможно, свое пребывание в индейском лагере. Он ждал только, пока лошадь его настолько отдохнет, что будет в состоянии выдержать долгое путешествие. Он поедет с добрыми вестями к Франсиа, и диктатор, без сомнения, с радостью примет его и вручит давно обещанную награду. Таким образом, Вальдец намеревался с утра пуститься в путь через пустыню Чако.

Наступила полночь. Слышен был только полет ночных птах, и по временам с берегов озера доносился крик уток. Все обитатели тольдерии заснули, и только одно человеческое существо бодрствовало во всем индейском населении — пленница.

Одна-одинешенька, в маленьком тольдо, предназначенном для нее, сидела девушка у кровати, покрытой звериными шкурами. Восковая свеча бросала свой слабый свет на печальные черты ее лица и на смятую одежду.

Могла ли она спать после всего, что произошло перед ее глазами? Каждый раз, как она закрывала глаза, перед ней вставала трагическая картина смерти ее отца, пораженного копьем Рубино Вальдеца. Она снова видела перед собой кроткую фигуру своего отца, составлявшую такой поразительный контраст с

гнуемым убийцей; она вспоминала свою мать, своего любимого брата, думала о товарище детских игр, храбром Циприано. Что-то они теперь делают? Какая судьба постигла их?

Она сидела на постели, но ей и в голову не приходило лечь на нее. Проплущую ночь, истощенная усталостью, она отдохнула несколько минут: ее силы и энергия были потрясены путешествием и предшествовавшими ему событиями; но эту ночь, когда индейцы, улегшись в свои гамаки и на тростниковые циновки, заснули крепким сном, она еще не смыкала глаз.

Ее никто не караулил. К чему? Кому придет в голову, что молодая девушка, еще почти дитя, на столько сотен миль отделенная от всякого жилья, попытается бежать? Она и не помышляла об этом. Когда же случайно подобная мысль приходила ей в голову, она отгоняла ее как не имеющую смысла.

Единственная женщина назначена была караулить ее, но и та, успокоенная ее молодостью, удалялась обыкновенно на ночь в соседнее тольдо, рядом с Франческой, чему последняя была очень рада. Одиночество давало ей возможность думать о своем горе, не встречая на себе взгляда караулившей ее женщины, против которой она, впрочем, ничего не имела. Индианка, казалось, уважала ее скорбь и оставляла ее одну предаваться своему горю.

Поэтому она сильно удивилась, когда, подняв голову, заметила стоящую перед собой, с выражением сострадания на лице, высокую красивую девушку, которая, приложив палец к губам, призывала ее этим знаком к молчанию.

Сначала Франческа приняла это неожиданное явление за призрак. Каким образом эта девушка могла проникнуть к ней так незаметно? Кто она и чего она хочет? Франческа не испугалась; ее гордое и храброе сердце не знало этого чувства, да, наконец, самая смерть разве не была бы теперь благодеянием для нее!

С минуту обе девушки разглядывали друг друга. Каждая, казалось, спрашивала себя, какая разница существует между ними.

Прибывшая была немного выше ростом, чем пленница, и, казалось, на год или на два старше ее; обе они представляли собой полный контраст: Франческа вся была воплощенная чистота и невинность, индианка же, не менее ее прекрасная, всем своим видом выражала мрачную энергию, смягченную, впрочем, хитростью и осторожностью; это была Насена.

Глава XX

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Франческа, глядя на индианку, припоминала, что лицо ее было ей не совсем незнакомо! В самом деле, она видела ее, и не раз, хотя, правда, давно, в то время, когда племя товасов жило на берегу Пилькомайо, но встречи их были непродолжительны. Насена лучше знала парагвайку. Оттого ли, что индианка была старше ее, или причиной этому было простое любопытство, но Насена лучше запомнила лицо Франчески.

Когда они стояли так молча одна перед другой, им пришли на память все подробности их прежних встреч.

— Франческа не узнает Насену? Или из памяти молодой девушки успели изгладиться воспоминания детства? — спросила Насена.

— Франческа узнала Насену, — ответила девушка на наречии товасов. — Насена выросла, стала высокой и красавицей!

Странная улыбка с оттенком грусти была ответом на слова Франчески, но затем, когда спокойствие вернулось к ней, Насена проговорила:

— Франческа сделалась красавицей из красавиц.

При этих словах взгляд Насены, устремленный на прекрасное, чистое лицо Франчески, подернулся как бы мрачной печалью, Франческа же невольно покраснела.

— Насене известны несчастья Франчески, — продолжала индианка, — она пришла предложить тебе свободу.

— Свободу!.. — ответила Франческа. — Отец мой убит, и пустыня отделяет меня от матери, от моих братьев. Если мне хотят возвратить свободу, то зачем товасы похитили меня? Может быть, ты еще не знаешь, Насена? Люди твоего племени — убийцы моего отца...

— Нет, — возразила Насена, — убийца — Вальдец; он — бледнолицый!

— Сын друга моего отца сопровождал убийцу и присутствовал при убийстве. Человек, привезший меня сюда, Агвара, изменник и обманщик, он не бледнолицый! — проговорила Франческа, быстро подымаясь.

— Франческа клеветает на Агвару, — прошептала индианка, — обвиняя его в преступлении, в котором он не виновен.

— Агвара возбуждает ужас во мне, — проговорила взволнованным голосом Франческа, — и пусть он будет проклят, проклят навсегда!

Насена быстро подошла к Франческе с горящими от радости и гнева глазами.

— Твой брат, юноша с золотыми волосами, и смуглый парагваец, которого ты зовешь братом, и друг и слуга твоего отца — гаучо близко отсюда... Они ожидают тебя. Я обещала им возвратить Франческу. Иди за мной.

— Неужели это правда? — воскликнуло несчастное дитя прерывающимся от волнения голосом.

— Зачем Насена стала бы обманывать тебя? — ответила индианка. — Насена дала бы на отсечение свою правую руку, только бы Франческа была на эстанции со своей матерью, чтобы она никогда не показывалась на глаза товасов, чтобы никогда Чако не видело ее. Насена была невестой Агвары. Иди, иди скорей, Франческа, и навсегда уходи из этой страны.

И крепко, с дикой силой схватив Франческу за руку, индианка повлекла ее, не дожидаясь ответа, к дверям хижины, но там к ней снова вернулось ее обычное хладнокровие.

Она остановилась, полуотворив дверь, бросила вокруг испытующий взгляд, словно высматривая невидимого врага. Затем вернулась обратно в хижину и неслышным, быстрым движением загасила свечу. Внутри хижины сразу воцарился глубокий мрак. Затем, пропустив пленницу впереди себя, подталкивая и направляя ее рукой, она повела ее среди ночной тьмы мимо безмолвных вигвамов индейского города.

Франческа беспрекословно повиновалась ей; теперь впереди у нее была надежда, конечно, очень слабая, позади же оставались мрак и отчаяние.

Невозможно описать чувства, волновавшие Гаспара и его друзей, когда они стояли на горе, поджидая возвращения Насены. Нервы у всех троих были напряжены до крайности, но больше всех волновался Циприано. Тем не менее надежда не покидала их; они не допускали мысли, что молодая индианка не исполнит своего обещания. Никто из ее племени не подозревал, конечно, намерения Насены освободить пленницу.

Молодые люди понимали причину, побудившую ее сделаться их сообщницей, и ясно сознавали всю силу этого мотива. Они не боялись измены со стороны индианки; их страшила та опасность, которой она подвергалась сама в случае открытия ее замысла. Они ни словом не обменялись с Шеботой.

Гаспар крепко привязал колдунью к корням дерева, служившего им убежищем, и этим устранил заранее всякую попытку к бегству. Чтобы помешать ей кричать, он засунул ей в рот платок. Конечно, ей не могло понравиться подобное обращение со своей особой, но эта предосторожность была необходима с их стороны: она могла не оправдать доверия, оказанного ей, и заплатить злом за добро. Благодаря свету, исходившему от огненных мух, Гаспар отлично выдел мрачные взгляды, сверкавшие из глубины ее орбит, но это нисколько не тревожило его. Он рассчитывал продержат ее в таком положении до возвращения Насены, а может быть, и дольше, смотря по обстоятельствам.

Жизнь колдунии вполне зависела от освобождения пленницы. Шебота знала это и, надо думать, не издала бы ни звука, если бы даже ее оставили и с развязанным ртом. Но гаучо знал, что с подобным созданием излишняя предосторожность не мешает. Он даже остался караулить ее из боязни, как бы она не ухитрилась развязать веревки и ускользнуть от них, пользуясь темнотой ночи.

Людвиг стоял около него. Но пылкий Циприано ушел на конец площадки и, стоя там, внимательно прислушивался к малейшему шороху. Наконец и Людвиг присоединился к нему, когда, по их соображениям, молодая индианка должна была вернуться.

В таком лихорадочном ожидании минуты казались им часами. Они попеременно переходили от надежды к отчаянию. Циприано то впадал в полнейшее отчаяние, то снова надеялся на благоприятный исход. Он предлагал то спалить индейскую деревню, то умолять вождей товасов возвратить им пленницу. Менее горячий Людвиг тоже страшно беспокоился и упрекал себя, зачем не последовал за индианкой, чтобы не упустить ее из виду и в случае нужды защитить ее.

Разговор их все время вертелся на этом. Вдруг Циприано вздрогнул и сде-

лал знак, чтобы все молчали. Его чуткое ухо различило среди ночной тишины шорох, производимый, по-видимому, летучими мышами или какой-нибудь ночной птицей. Шум этот не был похож на кваканье лягушек или стрекотание кузнечиков; парагвайцу казалось, что это был звук человеческого голоса, да еще женского.

— Слышишь? — шепнул он Людвигу.

Людвиг внимательно прислушался.

— Да, — отвечал он, — это Насена, это ее голос. Она говорит, значит, она не одна!

Благодаря эху голоса слышались не дальше как в нескольких шагах от них.

Оба юноши, наклонившись всем корпусом, ждали, чей голос раздастся в ответ на голос индианки. Послышался тот же самый голос — это была Насена. Очевидно, она говорила одна, точно рассказывая что-то; наконец ее голос смолк. Молодые люди, затаив дыхание и с замиранием сердца, прислушивались, боясь услышать мужской голос. Но, благодарение Богу, боязнь их была напрасна: свежий и молодой голос, который они могли бы отличить из тысячи других, донесся до их слуха.

— Слава Богу, — воскликнули оба они, бросаясь в объятия друг другу, — это голос Франчески!

Сомнения не было: Насена вела пленницу.

Нетерпеливый парагваец хотел бежать им навстречу, но Людвиг, более благоразумный, остановил его. Подумав немного, Циприано сам понял всю безрассудность такой поспешности, неожиданная встреча на этой лесной тропинке, закрытой густой тенью деревьев, могла испугать Франческу и заставить ее вскрикнуть. Вероятно, индианка уже сообщила ей, где они находились, и самое лучшее — дожждаться здесь их прихода. Все равно, еще минута — и Франческа будет с ними.

Действительно, вскоре Людвиг, потом Циприано уже обнимали Франческу. Губы их с нежностью произносили:

— Франческа... Людвиг... Циприано...

Гаспар, в свою очередь, не замедлил присоединиться к ним, бросив свой пост около колдуньи.

Насена смотрела на них, не произнося ни слова, так же как и связанная Шебота, принужденная молчать против своей воли. Насена, казалось, была довольна счастливым исполнением своего долга, но колдунья бесилась от страшной злобы и кипела мстостью.

Все радостно приветствовали и поздравляли друг друга, но время было дорого, и гаучо торопился с отъездом до наступления утра. Днем им невозможно будет уехать — неприятель мог настигнуть их. Только склоны горы были покрыты лесом, в долине же, которую они переезжали, приближаясь к городу товасов, почти не было деревьев, только кое-где росли небольшие группы пальм, которые не могли скрыть их от индейцев, если они бросятся за ними в погоню. По крайней мере этого надо было ожидать. Темнота ночи, напротив, скроет их, в чем не сомневался Гаспар.

Поэтому решено было по возможности пересечь долину до восхода солнца. Если товасы хватятся пленницы, то не раньше как утром: на ночь они оставляли ее одну.

— Но что делать с Шеботой? — спросил Циприано. — Оставить ее здесь

нельзя: она немедленно разбудит индейцев.

— Ты думаешь, она выдаст нас после своей клятвы? — наивно спросил Людвиг. — Даже и после того, как получит обещанную награду?

— Думаю ли я это! — воскликнул гаучо. — Я уверен в этом. А за наш поступок с ней, за то, что я заставил ее молчать, она нам отомстит... вы думаете, она забудет эти веревки и засунутый ей в рот платок? Посмотрите на ее глаза, мой друг... Впрочем, — оборвал он вдруг начатую речь, — я устрою так, что лишу ее всякой возможности отомстить нам.

— Но неужели вы сомневаетесь в Насене? — спросил Циприано.

— Я ручаюсь за нее, — сказала Франческа, обнимая молодую девушку.

— Я верю ей, — ответил Гаспар, — но без нас старая чертовка снова возьмет над ней власть своими угрозами оттолкнуть от нее Агвару, и Насена сделает все по ее желанию. Да и кто знает, найдет ли бедное дитя снова приют среди своих и не лучше ли будет для нее убежать с нами? Ваша мать, узнав, что она сделала для Франчески, с радостью примет ее как вторую дочь.

— Это правда, — ответили оба юноши.

Тогда Франческа отвела Насену в сторону и быстро стала объяснять ей, в чем дело.

— Нет, она не хочет покидать родных и свой народ, — сказала Франческа, возвратившись через минуту, — и, по-моему, она права в этом случае. Она говорит еще, что, если наши подозрения насчет колдуньи оправдаются, для нас же окажется лучше, если она будет среди своих. Своим влиянием на отца и преданных ему индейцев она помешает им броситься в погоню за нами.

— Все это очень недурно, конечно, — сказал гаучо — но, говоря откровенно, осторожнее было бы взять с собой обеих женщин, хотя бы на первый день. Если у вас есть другой, более легкий и верный способ обеспечить нам их молчание, скажите нам его.

— Я не позволю насилия над Насеной, — ответила Франческа, обвивая своей рукой талию молодой индианки. — Пусть никто не посмеет сказать, что христианка отплатила самой черной неблагодарностью за услугу дочери товарища.

Насена молча слушала.

— Благодарю, — наконец ответила она Франческе, — твоя правда, и ты поняла Насену. Я не обижаюсь на этих людей за то, что они больше думают о тебе, чем о справедливости.

— Пусть будет так, — сказал Гаспар, — я также верю Насене, но я не верю Агваре, я боюсь за Насену из-за презренного Вальдеца, и меня страшит подлость этой старой колдуньи. Скажите, положи руку на сердце, Насена: что делает Шебота, если мы возвратим ей свободу?

— Шебота побежит в деревню, — ответила индианка, — пойдет прямо к Агваре, велит ему захватить с собой лучших всадников, вскочить на коней и немедленно гнаться за вами. Она скажет ему также, что я разрушила их планы, помогая вам, и отдаст меня в его руки.

Шебота поняла все. При последних словах Насены ее демонические глаза засверкали злобным огнем, глухой свист вырвался из ее горла, и она с такой силой рванулась, что не будь веревки так крепки, она разорвала бы их.

Насена невозмутимо смотрела на нее.

— Верно ли я прочла в твоей душе, Шебота? — спросила она колдунью.

Та в ответ три раза кивнула головой в знак согласия.

— Теперь все ясно! — воскликнул Гаспар. — Вставай-ка, хрычовка! Мне слишком тяжело расстаться с тобой. Хочешь не хочешь, но я беру тебя с собой, а вечером, проведя с тобой весь день, я отпущу тебя и тогда смело могу сказать всякому, что сам дьявол шел по моим пятам. Ну, дети, живей в дорогу! Людвиг, у вас крепкая лошадь, поэтому вы возьмете Франческу, я займусь прекрасной колдуньей, а вы, Циприано, позаботьтесь о себе.

Гаспар завернул Шеботу в свое пончо, связал ее веревкой, чтобы она не могла двигаться, и, взвалив ее на плечи, с этой ношей спустился почти по отвесной тропинке к тому месту, где стояли лошади.

В одно мгновение лошади были оседланы, и все было готово к отъезду. Насена с Франческой стояли, держась за руки. Наступила минута прощания. Слезы затемняли глаза Франчески, и она, прощаясь с индианкой, в последний раз попыталась уговорить ее.

— Поедем с нами, — просила она, — ты будешь моей сестрой.

Насена быстро прижала ее к своей груди и так держала ее несколько секунд; рыдание сжимало ей горло; затем, указывая рукой на тольдерию, она проговорила:

— Мой народ там, прощай!

Затем, сильными руками приподняв Франческу, она посадила ее на лошадь Людвига и исчезла с быстротой дикой лани.

Молодые люди уже были верхом. Гаучо, положив поперек седла свою драгоценную ношу, также вскочил на своего коня. Скоро могильные постройки исчезли из их глаз. По совету Насены они поехали в том направлении, где спуск с горы был короче, и вскоре правильный и твердый стук копыт показал им, что они достигли долины.

В это время Насена спустилась к городу товасов, все еще погруженному в сон. По мере приближения к городу шаги ее становились все медленнее.

Глава XXI

ПРОБУЖДЕНИЕ ТОВАСОВ

Девушка направилась к жилищу своего брата Каолина. Она застала его уже на ногах. Два влиятельных воина из их племени о чем-то советовались с ним. Насена попросила выслушать ее и рассказала о том, что случилось в эту ночь.

— Ты хорошо сделала, — ответил Каолин.

— Насена хорошо поступила, — сказали в свою очередь два других индейца.

Решено было с наступлением дня собрать на совет старейшин племени. Насена со своей стороны созовет индейских матрон, и перед лицом всего племени Агвара должен будет объяснить свой поступок.

Женщины считали себя сильно оскорбленными молодым кациком за то, что он хотел им дать в царицы бледнолицую девушку, что было бы страшным унижением не только для Насены, но и для всех остальных девушек племени товасов.

Старики в память заслуг Нарагуаны не хотели судить его сына, не выслушав его оправданий. Кроме того, у Агвары были сторонники среди молодых воинов, его товарищей по охоте и удовольствиям, которые стояли за него. Нужно еще было разделаться с Вальдецем. Своим гибким, изворотливым умом, жестокостью и храбростью он приобрел влияние, против которого надо было действовать осторожно, во избежание разделения племени на партии.

Ночь прошла в тайных совещаниях. С наступлением дня исчезновение Франческа не могло оставаться ни для кого тайной. Поэтому решили тотчас же отправить выборных из старейшин к вигваму Агвары. К своему глубочайшему удивлению, они застали город уже в сильном волнении. Товасы то входили, то выходили из своих толь до, точно разведчики принесли им вести о приближении страшного врага.

Виновником этой суматохи была Шебота, ловко ухитрившаяся вырваться из рук Гаспара. С дикими криками прошла она по городу прямо к дому Агвары, громко называя его по имени. Молодой вождь не замедлил выйти к ней.

— Что случилось, — воскликнул он, — и что значит этот шум?

— Что это значит? — ответила Шебота. — Ступайте немедленно к дому пленницы, и вы сами увидите, в чем дело: там теперь пусто. Беленькая пташка упорхнула, изменники помогли беглянке.

Агвара, не дослушав ее, бросился прямо к той хижине, где была помещена Франческа.

Когда он увидел, что девушка исчезла, из груди вырвался дикий крик ярости, и затем, обернувшись к индейцам, следовавшим за ним, он дал клятву отомстить. Став во главе их, он обежал весь поселок, собирая своих товарищей. Шебота не отставала от него, сообщая подробности побега. Вокруг Вальдеца образовалась вскоре не менее оживленная группа.

Через несколько минут эти индейские кентавры южноамериканских пампасов были готовы к отъезду. Шебота должна была указывать дорогу. Надежда на месть удвоила энергию ужасной колдуньи. Пронзительным голосом кричала она всем, что позор падает на все племя за то, что их провели таким

образом и что они не сумели устеречь молодую девушку, почти ребенка.

Вальдец говорил, что успех, несомненно, будет на их стороне. Шебота сказала, что спасителями Франчески были двое юношей и один взрослый. Трое, да к тому же связанные еще девушкой, они не в состоянии будут оказать сопротивления индейским воинам. Вместо одного пленника у них будет четыре.

Подстрекаемые такими словами, некоторые из молодых воинов уже скакали около горы мертвых, надеясь перерезать беглецам дорогу через равнину.

Шебота, вскочив на лошадь, скакала впереди всех.

Агвара собрал около ста воинов и во главе этого отряда отправился в погоню.

В то время, когда этот отряд выезжал из города, темная фигура женщины проскользнула через дорогу и скрылась в чаще деревьев. Молодой воин сопровождал ее. На минуту оба они приостановились и молча осматривали местность. Это было узкое ущелье, через которое вскоре должен был проехать отряд Агвары. Индеец спрятался за скалой, вершина которой возвышалась над ущельем. Индианка медленно поднялась на вершину скалы и, точно изваянная из мрамора статуя, стала там.

Молодой воин и индианка не обменялись ни одним словом; так прошло с четверть часа. До слуха их донесся неясный шум отдаленного галопа всадников. Но этот шум, казалось, не произвел на девушку никакого впечатления. Топот между тем все приближался. В узком проходе нельзя было ехать рысью — лошади пошли шагом. Слышно было, как всадники въехали в ущелье, и затем правильный и равномерный топот коней, идущих один за другим, доносился до них.

Скоро показался всадник, в котором по костюму и гордому виду сразу можно было узнать вождя отряда. Это был Агвара. Он поравнялся со скалой, за которой стоял молодой индеец. Тогда последний быстрым движением вскочил на его лошадь, сверкнуло лезвие ножа... и Агвара безжизненным трупом упал на землю. Индеец сидел уже на его лошади. Животное сделало быстрый скачок на несколько шагов вперед, перескочив через труп своего хозяина.

Ущелье расширялось в этом месте, и всадник мог проделать этот вольт. Копье Агвары осталось в его руках. Он как молния бросился на другого всадника, ехавшего за Агварой, который не успел разглядеть хорошенько всего происшедшего, и вонзил копьё ему в грудь.

Агвара перестал существовать, а убийца Хальбергера Вальдец получил должное возмездие за свое преступление.

Весть об убийстве Агвары и Вальдеца с быстротой молнии распространилась между индейцами. Отряд в замешательстве остановился, не зная численности врага и видя пока только одного. Но это был не враг, а уважаемый всеми воинами племени индеец Каолин, брат Насены.

По его приказанию они проехали через узкий проход. Тогда, собрав их в круг, он объявил им, что он отомстил изменнику Агваре за сестру и за честь всех индейских женщин, для которых было бы оскорблением видеть царицей бледнолицую девушку. Далее он объявил, что Вальдеца он убил, во-первых, в отмщение за смерть Хальбергера, бывшего другом их любимого вождя и частым гостем в прежние годы, а во-вторых, он избавил племя от изменника-ренегата, присутствие и гнусные дела которого накладывали позорное клеймо на товасов. В заключение своей речи он сказал, что созовет старейшин на со-

вет, и пусть его судят всенародно.

Он убедил воинов не преследовать невинную девушку, похищенную обманом от родных.

Защитниками бледнолицей были только два брата и верный слуга, отвага и честь которого им были хорошо известны. Он считал постыдным для воинов, привыкших сражаться с врагом равной силы, преследовать дочь их друга.

Агвара, вовлекший их в это позорное предприятие, был недостойным наследником отца и вполне заслужил подобную смерть.

Слова оратора были сначала встречены ропотом, но потом все согласилось с его доводами.

Въезд брата Насены в город был настоящим триумфом. Между тем оказалось, что старейшины вдогонку за Агварой послали к роковой горе, с которой скатилось безжизненное тело Агвары, отряд воинов, и он уже выехал из города в ту минуту, когда брат Насены вернул неожиданно назад отряд Агвары.

Смерть молодого вождя и Вальдеца значительно упростила положение вещей.

Суд у индейцев чрезвычайно короток. Брат Насены был выбран кациком всеми воинами своего племени, а колдунью прогнали из тольдерии.

Никто не знал, что происходило в душе Насены: ни одна жалоба, ни один вздох не выдали ее страданий. По ее убеждению, Агвара заслужил подобный конец. После убийства ее часто можно было видеть на тропинке, ведущей к горе усопших, с цветами в руках, которыми она украшала могилу всеми любимого Нарагуаны. Она думала, что если бы он был жив, этот справедливый и честный старик, то он также наказал бы Агвару за его бесчестный поступок.

Пока происходили все эти события, о которых ничего не знали наши беглецы, эти последние с удвоенной быстротой скакали по дороге к жилищу натуралиста. Бегство колдуньи заставляло их еще больше торопиться. Колдунья каким-то сверхъестественным образом ухитрилась сбросить связывавшие ее веревки и, как змея, ускользнула из рук Гаспара.

— С моей стороны было сумасшествием не задушить старую ведьму, пока она была в моих руках. Я думаю, что это не было бы большим грехом, и теперь нам нечего было бы бояться погони. Из-за моей оплошности у нас теперь столько же шансов на успех, сколько было в минуту отъезда. А все же надо постараться не попасть в руки этих индейцев, а то после всех наших проделок они не поблагодарят нас. У нас теперь в распоряжении три часа, если считать, что колдунья на крыльях полетела в город товасов, и не надо терять этого, хотя и небольшого, преимущества, а постараться по возможности скрыть следы. Старая ведьма, без сомнения, укажет им дорогу. Если погода будет благоприятствовать нам, небо останется чистым, и если нас ничто не задержит...

Едва он успел произнести эти слова, как явилось препятствие и не замедлило остановить их. Лошади, скакавшие галопом, вдруг сразу остановились, фыркая и упираясь.

Что могло их так внезапно испугать?

Воздух был влажный, спокойный, как будто бы вблизи было большое пространство воды, но они ничего не могли разобрать в темноте. В самом деле вода была недалеко, и лошади остановились на берегу. Густая высокая трава делала ее совершенно незаметной, и даже днем за сто метров было бы трудно за-

метить ее.

— Лагуна! — воскликнул Гаспар, приподнимаясь на стременах и пытаясь проникнуть взглядом сквозь царившую вокруг тьму.

Гаучо руководился в этом случае скорее обонянием, чем глазами, да и лошадь тянула его за поводья, порываясь подойти поближе к воде. Животные томились жаждой. Остановка на бесплодной горе и быстрая езда сильно утомили их. Они с такой силой тянулись к воде, что всадники не могли противиться им.

Фыркая от удовольствия, жадно втягивали они в себя живительную влагу.

Гаучо старался разглядеть окружающую местность.

Водная поверхность тянулась на далекое пространство, но он не мог определить с точностью, на каком протяжении тянулась она в глубь страны.

Это была одна из травянистых лагун, так часто встречающихся в пампасах и в особенности в Гран-Чако. Необходимо было определить, как далеко шла эта лагуна.

Направляясь к городу товасов, они не встречали этого болота. Тогда они ехали по следу отряда Агвары. Теперь же, очевидно второпях и в темноте, они ехали по другой дороге и, может быть, даже уклонились на несколько миль в сторону от настоящей.

Это неожиданное открытие вывело из себя всегда спокойного и хладнокровного гаучо. Повернуть обратно — значит потерять драгоценное время, а это грозит опасностью быть настигнутыми Агварой. Итак, выбора не было, надо переезжать лагуну.

— Скоро займется заря, — сказал гаучо, — подождем ее восхода. Небольшой отдых будет полезен нашим коням.

Слабая светлая полоска показалась уже на востоке, предвещая наступление дня. Становилось все светлее и светлее. Печальная картина, о которой они и не подозревали, представилась их глазам: лагуна была так широка, что приходилось сделать громадный крюк, чтобы обогнуть ее.

— Черт возьми! — прошептал сквозь зубы гаучо. — Это проклятое болото — настоящее озеро. Оно точно хочет снова отдать нас в когти наших врагов.

Глаза Гаспара продолжали глядеть на воду, слабо подернутую розовым светом зари. Вдруг у него промелькнула одна мысль, заставившая его радостно воскликнуть. Поджидая, пока лошади напьются, он заметил, что дно лагуны твердо под их ногами. Ему было известно, что почти все такие болота имеют твердое дно. Находившаяся перед ними лагуна была, очевидно, неглубока — почему бы не попытаться переехать ее?

Он не стал долго раздумывать. Повернувшись к своим товарищам, он велел им следовать за собой и смело въехал в воду.

Глава XXII

СКРЫТЫЕ СЛЕДЫ

Сначала они медленно подвигались вперед. Гаучо ехал впереди своих товарищей, осторожно исследуя дорогу. Скоро вода сделалась светлее, тростник постепенно становился реже, а через некоторое время они очутились в чистой и свободной от всякой растительности воде, по-прежнему неглубокой, покрывавшей твердый грунт. Лошади их ступали с уверенностью, как бы понимая, что им не грозит опасность погрузиться в тину.

Заря разгоралась и своим бледным светом озаряла перед ними поверхность воды, тянувшуюся далеко вперед, и только едва заметная черная линия на расстоянии мили от них указывала на окончание лагуны.

Гаспар теперь был спокоен. Очевидно, эта лагуна была следствием недавнего ливня, а может быть, и торменты. Значит, им нечего бояться, что вода будет слишком глубока и затруднит переезд.

Они продолжали ехать по прямому направлению и были уже не больше как в ста метрах от берега, когда гаучо вдруг остановился, делая знак остальным сделать то же.

Приподнявшись на стременах, он стал внимательно осматривать берег, как бы отыскивая глазами удобное место для высадки. Но, очевидно, он думал не об этом, потому что спустя несколько секунд он, напротив, повернул свою лошадь налево и стал подвигаться вперед параллельно берегу. Таким образом ехал он около мили, не произнося ни одного слова и следуя за изгибами берега, все яснее выступавшими при свете дня.

Он ехал быстро, насколько это допускала местность, и по временам с беспокойством оглядывался назад. Впрочем, он все время был настороже; по временам ему казалось, что ветер доносит до него отдаленные крики диких индейцев. Наконец он решил, что довольно объезжать, и, придержав поводья, остановил свою лошадь, затем молча соскочил с седла, передал поводья Циприано, посоветовав ему крепко держать лошадь и не пускать ее за ним; потом, отобрав у всех пончо и лассо, он разложил их на берегу точно ковры, один около другого, к величайшему удивлению своих друзей.

Но им недолго пришлось теряться в догадках. Гаучо снова взял поводья своей лошади из рук Циприано и повел ее по устланной таким образом дороге, внимательно следя за тем, чтобы она ступала копытами на пончо. Когда он провел ее таким образом до конца, он остановился и начал обвертывать каждую ногу кусками кожи, привязывая их веревками, затем с невозмутимым спокойствием проделал он ту же операцию поочередно с каждой лошадью своих спутников. Кончив это, он собрал подстилки и, показывая рукой на лес, сказал:

— Только после всех этих предосторожностей, когда будем в лесу, мы можем вздохнуть свободно. Надо быть очень хитрой bestией, чтобы открыть наши следы.

Мы уже знаем из предыдущих событий, что эти предосторожности были излишни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не будем описывать всех подробностей путешествия трех отважных людей. Ночь они провели в лесу. Сон подкрепил силы Франчески и молодых людей. Впрочем, надо заметить, что если прежде, в свою первую экспедицию, Людвиг и Циприано испытывали сильное волнение, то теперь, на обратном пути, они были совершенно спокойны. Они считали невозможным, чтобы после стольких необыкновенных приключений Бог попустил снова отнять у них Франческу. После трехдневного утомительного пути достигли они, наконец, берегов Пилькомайо. За это время они только что не голодали. В первый день им пришлось довольствоваться армандильо (броненосцем), которого поймал Циприано, а Гаспар зажарил целиком; а на второй день — муравьедом, убитым Людвигом из винтовки; блюда эти были, конечно, не очень вкусные, но в крайнем случае и этим можно было подкрепить силы.

При виде хорошо знакомой ему реки гаучо едва сдержал крик радости. Наконец-то они были не в дикой пустыне, и если им ничто не помешает, то через несколько дней они будут на эстансии. Так думал гаучо. Слава Богу! Наконец-то он возвратит Франческу матери. Конечно, он не в состоянии вернуть ей прежних радостных дней. Но, возвращая ей дочь, которую она считала погибшей, возвращая целыми и невредимыми Людвиг и Циприано, которых она доверила ему, верный гаучо знал, что это единственное утешение, способное сделать сносной ее жизнь. Он чувствовал себя счастливым и гордым при мысли о выполнении долга относительно семьи своего усопшего господина. В этом предприятии обнаружилась вся верность и преданность доброго гаучо. Бог сжалился наконец над несчастными и соединил их после долгой разлуки, полной всяких приключений.

Скоро перед ними показалась эстансия.

На веранде стояла хозяйка, поджидавшая их точно так же, как прежде она ожидала возвращения мужа и дочери.

Через несколько минут Франческа, Людвиг и Циприано были в объятиях несчастной матери. После первой минуты радостной встречи каждый почувствовал, что в этом празднике не хватает дорогого им лица, которого они не могли забыть. Куда же в самом деле девался гаучо, бывший для них добрым гением во все время их путешествия? Где он? Честный гаучо стоял в нескольких шагах от веранды под деревом, закрыв лицо руками. Крупные слезы струились по его лицу, и только Франческа могла его заставить отнять руки и показать эти слезы, которых ему нечего было стыдиться.

Сеньора Хальбергер, понявшая из немногих слов своих детей, чем она была обязана доброму гаучо, сошла со ступенек крыльца.

— Я не в состоянии отблагодарить вас за все сделанное вами. Я только могу прижать вас к сердцу и сказать вам, что для меня и моих детей вы больше чем друг, вы родной нам. Отныне, Гаспар Мендец, вы не только член нашего дома, но и член нашей семьи.

Тут гаучо уж не мог сдержаться и зарыдал как дитя. Эта радость, походившая на печаль, невольно вызвала слезы на глазах присутствующих. Оправившись от своего волнения, но все еще смущенный оказанным ему приемом, он попросил у сеньоры Хальбергер позволения дать ей один совет, который, по его мнению, был очень важен.

Он сказал, что, пока жив диктатор Франсуа, пока его сообщники Агвара и Вальдец сохраняют власть над товасами, эстансия не может служить им надежным убежищем. Наученный прежним опытом, Гаспар знал, что их не оставят в покое. Раз убежище Хальбергера известно Вальдецу, это не останется тайной для диктатора. Нельзя также предполагать, что Агвара после исчезновения Франчески не будет им мстить, поэтому не следует терять ни минуты. Возвращаясь обратно, Гаспар боялся найти эстансию в руках Агвары. Может быть, они скрываются даже где-нибудь поблизости, выжидая удобного момента, чтобы овладеть всем домом.

На другой день после отъезда Людвиг и Циприано она получила известие о смерти диктатора. Кроме того, старый друг ее мужа сообщил ей, что Парагвай всегда готов приютить ее, если семья Хальбергера вернется туда. Но еще одно не менее приятное известие сообщил ей один из индейцев-товасов, передав ей, что освобождение Франчески увенчалось полным успехом, что индейцы не стали преследовать беглецов и она может ждать их возвращения.

— Поэтому, — сказала она в заключение, — вы нашли меня на веранде, спокойно поджидавшей вас.

Гаспар, Людвиг и Циприано просто ушам своим не верили. Кому из индейцев пришла добрая мысль послать вестника мира на эстансию? И что произошло в деревне, если явилась возможность послать вестника?

— Мы — неблагодарные! — воскликнула Франческа. — А Насена? Вы забыли о ней?

Затем, обратившись к матери, продолжала:

— Не правда ли, дорогая мама, этот индеец прислан был молодой индианкой, которую зовут Насеной?

— Правда, — ответила сеньора Хальбергер. — Этот индеец сказал мне, что Агвара и Вальдец наказаны за совершенное преступление, что оба они умерли, и кациком товасов выбран брат Насены Каолин. Посланный добавил, что сестра кацика поручила сказать, чтобы мы не беспокоились: отныне братья и она будут для нас тем же, чем Нарагуана был для моего мужа, и мы спокойно можем остаться на эстанции, и, может быть, когда-нибудь Насене придется увидеть свою сестру Франческу.

Эти приятные вести так обрадовали Гаспара, что, подбросив шапку в воздух, он воскликнул:

— Да здравствует Насена!

Может быть, вас интересует, читатель, узнать, как идет жизнь на эстанции спустя восемь лет после описанных нами событий? Извольте, я вам расскажу. Эстансия стала гораздо красивее и значительно расширилась с той поры: теперь уже два новых дома стоят рядом со старым. В старом доме живет сеньора Хальбергер. В одном из флигелей — счастливая и трудящаяся семья Циприано. Жена его, в которой вы, без сомнения, узнали Франческу, окружена тремя детьми. Обладатели другого флигеля наслаждаются таким же безоблачным счастьем. Людвиг Хальбергер, сделавшийся мужем молодой и прекрасной парагвайки, дочери старинной подруги его матери, также отец трех прелестных малюток.

Несколько подальше от эстанции, у подножия холма, вы увидите деревню, не такую обширную, как описанная нами раньше, но много красивее ее. Около деревни пасутся многочисленные стада. Царица нового поселения вам уже

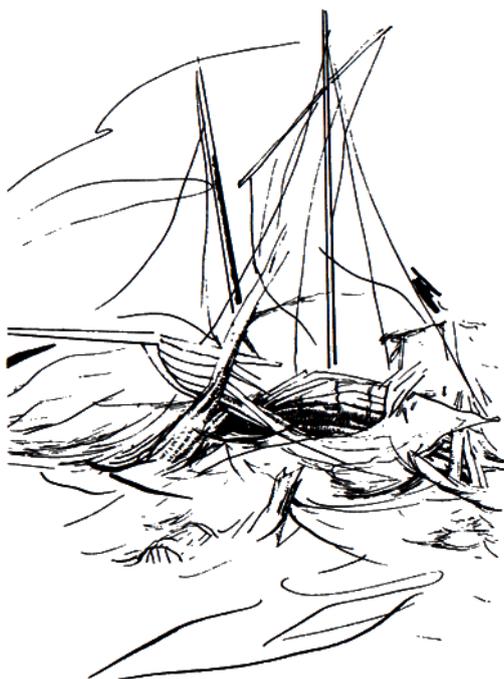
известна: это Насена.

Каждый счастье понимает по-своему, если судить по тому, что обитатели эстанции считают себя счастливыми и что индейцы в деревне Насены по-своему также довольны своей судьбой. Благодаря Насене многие зачатки цивилизации проникли в их среду. Ее селение представляет собой маленький христианский городок. Вы даже отсюда можете видеть, что посреди этого городка возвышаются церковь и школа, вокруг которых и расположены жилища индейцев.

Всем хозяйством в эстанции и на прилегающих к ней землях заправляет верный и преданный домоправитель гаучо Гаспар Мендец.

ВОДОЙ ПО ЛЕСУ

роман

I

Корнвалисский дворянин сэръ Треваньюв умер лет двадцать пять тому назад. После его смерти его родовое поместье со всеми постройками перешло в чужие руки. Сыновья его, Ричард и Ральф, остались без крова и почти без средств.

Стряпчий, долго занимавшийся делами покойного, взял за долги его имение, которое приносило значительный доход, наследники же получили только по тысяче фунтов стерлингов, уцелевших от всего отцовского состояния. Несмотря на кажущуюся порядочность стряпчего, многие заподозрили его в недобросовестном ведении дел покойного, в числе этих многих были братья Треваньювы.

Отдавая им деньги, стряпчий поставил условие, чтобы они уехали из Корнвалиса. Молодые люди, ничего не понимавшие в делах, боялись всякой тяжбы и уступили требованию; они принуждены были покинуть страну, где жили их предки чуть ли не со времен финикиян.

Решив во что бы то ни стало с честью выйти из своего затруднительного положения, братья стали подумывать о том, как бы им устроиться; они хотели искать счастья, где бы оно им ни улыбнулось.

Ральфу в то время шел двадцатый год. Ричард был года на два моложе его. Оба получили хорошее воспитание и не боялись ни умственного, ни тяжелого физического труда. Они с одинаковым успехом могли пробить себе дорогу среди интеллигентных и среди рабочих людей; энергии и силы воли у обоих было достаточно.

Сначала они не знали, что предпринять, и подумывали о военной службе, морской или сухопутной.

По протекции старых друзей покойного отца они легко могли поступить как на ту, так и на другую. Но эта карьера не улыбалась ни одному из них, и они скоро сознались друг другу, что предпочли бы менее почетную, но зато более обеспечивающую службу. Она была необходима им для того, чтобы вернуть потерянное. Не боясь даже в случае надобности сделаться чернорабочими, они решили трудиться изо всех сил до тех пор, пока не выкупят все имущество своих предков.

— Куда же мы отправимся? — спросил Ричард.

— В Америку, — отвечал ему Ральф.

— В какую часть ее?

— На юг, в Перу, — сказал старший брат. — Можно пробраться вдоль Анд, от Чили до Панамского перешейка. Как уроженцы Корнваллиса, в котором так развито горное дело, мы будем хорошими рудокопами. В Андах же мы всегда найдем работу; вместо олова мы будем добывать там золото.

— Страна эта мне очень нравится, но я должен тебе сказать, что твой проект мне совсем не по душе. Я не хотел бы заниматься горным делом и охотно предпочел бы ему торговлю.

— Это предпочтение, однако, нисколько не мешает тебе поселиться в Перу. Многие англичане именно там нажили целые состояния, занимаясь торговлей. Изберем различные специальности, но не будем разлучаться. Тысяча фунтов, которыми каждый из нас располагает, помогут нам начать дело. Ты будешь купцом, а я золотопромышленником. В Перу найдется дело и для меня, и для тебя. Итак, решай, Дик. Едешь ты или нет?

— Поедем, пожалуй.

— Ну, значит, решено.

Месяц спустя после этого разговора оба брата плыли на корабле, который отправлялся из Англии на юго-запад; через шесть месяцев они были уже в Каллао. Сначала братья направились в Лиму, а оттуда в горы, вершины которых покрыты вечным снегом; горы эти представляют собою высокие, скалистые, неприступные стены.

Автор этой книги совсем не имеет в виду рассказывать читателям историю братьев Треваньовых. Вот почему он не описывает шаг за шагом их жизнь со дня прибытия в Америку в течение пятнадцати лет, а передает ее лишь в общих чертах.

Утомленный жизнью рудокопа, младший, Ричард, переправился через Кордильеры и спустился в леса Амазонки, в Монтану, как называют эту местность испанцы, живущие в Андах. В обществе нескольких португальских купцов он поплыл вниз по Амазонке, стараясь завязать торговые сношения по берегам ее и других второстепенных рек. Наконец он поселился в цветущем городе Паре, расположенном в устье Амазонки, и занялся торговлей.

Познакомившись с прелестной блондинкой, дочерью своего соотечественника, который, подобно ему, занимался торговлей, он женился на ней и немного лет спустя был уже отцом нескольких детей, из которых только двое остались в живых.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как Ричард Треваньов покинул Англию. Ему не было еще и тридцати пяти лет, а он уже был вдовцом с двумя детьми.

Всеми уважаемый и любимый, он занимал видное общественное положение и был уже достаточно богат. Ему хотелось вернуться на родину.

Помнил ли он обет, данный когда-то им и братом, — вернуться в Корнвалис и выкупить землю предков? Да, он не забыл его. Он написал уже об этом Ральфу и теперь только ждал его ответа.

Ричард был уверен, что брат тоже мечтает о возвращении на родину и охотно присоединится к нему.

За эти пятнадцать лет Ральф не имел такого успеха в жизни, как младший брат, но тем не менее он все-таки добился полной материальной независимости. Как и Ричард, он рано женился; жена его была перуанка и отличалась необыкновенной красотой. Она также умерла, оставив двоих детей: девочку и мальчика. Девочка была младше. Ей было только двенадцать лет, мальчику же шел четырнадцатый год.

Письмо Ричарда пришло как раз в то время, когда Ральф собирался исполнить свое обещание. Вопрос этот не раз возбуждался обоими братьями в их переписке, которую они старались поддерживать, несмотря на трудность сообщения.

Ричард просил Ральфа приехать к нему в Пару; таким образом, вместо того чтобы огибать мыс Горн или ехать через перешеек, он мог просто спуститься по Амазонке почти по линии экватора до самой Пары.

Предлагая брату этот путь, Ричард имел в виду две вещи: во-первых, он хотел, чтобы Ральф ознакомился с огромной рекой, а во-вторых, ему хотелось показать ее своему сыну, который в это время гостил у дяди в Церро-Паска.

Молодой человек жил в Перу уже год. Он отправился туда на одном из отцовских кораблей. Ему хотелось путешествовать по океану, посмотреть Анды и, наконец, познакомиться с дядей и его детьми, из которых старший был его ровесником. В Тихий океан он отправился морем. Отец хотел, чтобы в Атлантический он вернулся сушей или, вернее, реками.

Желание Ричарда вполне соответствовало желанию его брата. Ральф был большой любитель путешествий, и четырнадцать лет, проведенные в рудниках Церро, нисколько не изменили его в этом отношении. При мысли о возвращении на родину он почувствовал себя бодрее и моложе. Тотчас же по получении письма брата он стал готовиться к далекому путешествию.

Месяц спустя он перебрался через Кордильеры, причем вся семья его и слуги ехали на мулах. Затем все перебрались на бальсу (так называется особого рода судно, на котором спускаются по реке Гуальяге) и, наконец, на галатею, которые ходят обыкновенно по огромной реке Солимое.

Хотя путешествие по горам представляет много интересного, мы не будем останавливаться на нем; ничего не скажем мы и о путешествии по Гуальяге и по той части Амазонки, которая называется Мараньоном. Мы присоединимся к Ральфу Треваньюву только в том месте, где начинается величественный Солимое, и не расстанемся с ним за все время его странствования по лесу.

II

Вечером в начале декабря 18... года по Солимоесу спускалось судно необыкновенной конструкции. Оно направлялось к маленькому португальскому порту Коари, расположенному на южном берегу реки. Это была галатея, или широкая барка с мачтами, с парусами и с покрытой огромными пальмовыми листьями каютой, называемой тольдо. По палубе ходили чернокожие люди. Некоторые из них держали в руках гребки, которые заменяют собою весла и состоят из длинного шеста с прикрепленной к нему весельной лопастью.

Чрезвычайно интересную картину представляли пассажиры и экипаж этого судна. Экипаж состоял из чернокожих. Они были почти голые; весь костюм их ограничивался короткими белыми штанами.

Среди пассажиров было двое белых. Третий, судя по его черному, как сажа, лицу, был, вероятно, африканский негр.

Кроме этих было еще трое пассажиров. Двое юношей, почти одних лет, и девочка со смуглым цветом лица и с волосами черными, как воронье крыло.

Один из белых, хозяин галатеи и вместе с тем командир экипажа, был Ральф Треваньов.

Молодая девушка была его дочь, которую в честь матери звали Роза или Розита. Младший юноша, тоже брюнет, был его сын Ральф; старший, блондин с голубыми глазами, был его племянник Ричард, носивший имя своего отца.

Другой белый, с вздернутым носом и ярко-рыжими вьющимися волосами, был ирландец Типперари Том. Он беспрестанно щурился и мигал глазами. Негр не представлял собою ничего особенного; он был родом из Мозамбика, вследствие чего все называли его Мозей. Он поступил вместе с ирландцем к Ральфу, как только этот последний поселился в горах Церро-Паско.

На судне находились еще различные представители царства животных; они были самой разнообразной формы, величины и породы. Тут можно было встретить четвероногих и птиц; между ними были жители полей и лесов. Одни сидели на крыше каюты, другие спрягались под палубу, а третьи забрались на шкафут. На рее, вокруг мачты, можно было видеть целый зверинец, как это бывает обыкновенно на всех судах, плавающих по Амазонке.

Экипаж галатеи состоял из десяти человек; восемь гребли, разместившись по четыре с каждой стороны судна, девятый же исправлял должность лоцмана и стоял на корме. Экипаж этот был временный; люди были наняты только от Эга до Коари, где их должны были сменить цивилизованные индейцы или тапуйи. К несчастью, в Коари не оказалось ни одного тапуйи. Все отправились на рыбную ловлю. Владелец судна попытался нанять экипаж из Эго для дальнейшего пути, но люди отказались, так как это было не принято у них. Ни просьбы, ни угрозы судовладельца не помогали. Все отказались, за исключением одного. Это был старый индеец, он не принадлежал к племени и не мог устоять против щедрой платы, предложенной владельцем судна. Путешественникам оставалось одно из двух: остановиться в Коари или же заменить самим гребцов и плыть дальше, пользуясь указаниями индейца.

Ральф Треваньов выбрал последнее.

Итак, судно, на котором находился бывший золотопромышленник со своей семьей и слугами, снова поплыло по водам Солимоеса; однако теперь оно шло гораздо медленнее, так как гребцов было вдвое меньше и они были далеко не

так ловки и сильны, как их предшественники.

Ральф сам исполнял обязанности рулевого.

Типперари Том, Мозей, старый индеец Мунди, называемый так потому, что он принадлежал к племени мундруку, и Ричард Треваньов гребли. Этот последний, несмотря на свою молодость, был самым лучшим гребцом, не считая индейца. Выросший в Паре, на громадной реке, он полжизни провел на воде.

Молодой Ральф, напротив, как истый горец, совсем не годился для экипажа галатеи. Ему вместе с Розитой был поручен уход за животными.

Первый день прошел вполне благополучно. Путешественникам предстояло долгое плавание, так как до Пары оставалось еще около тысячи миль. Если бы они могли рассчитывать на то, что все время будут делать по три мили в час, им нечего было бы беспокоиться: при такой скорости они доплыли бы до места назначения через двенадцать дней, это совсем не так много.

Но они слишком хорошо знали реку, а потому не очень рассчитывали на это. Они знали, что течение ее чрезвычайно медленно.

Отправляясь из Коари, Ральф вовсе не намеревался до конца путешествовать с таким экипажем. Он хотел заменить его тапуйями в Баре, расположенной в устье Рио-Негро, в Обидоре или Сантареме.

До ближайших из этих остановок, однако, можно было добраться только через несколько дней и то при самом быстром плавании. Ральф с нетерпением ожидал встречи с братом. Уж много лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Он путешествовал уже несколько месяцев водою и сушей, и всякий раз, как ему казалось, что самый тяжелый путь уже пройден и свидание с братом близко, его непременно что-нибудь задерживало.

В первую ночь по выходе из Коари он решил пристать к берегу и простоять там до рассвета. Но на вторую ночь он был менее осторожен и не пожелал останавливаться.

Ночь была ясная. Кругом все было залито лунным светом, явление чрезвычайно редкое на Солимоесе. Экипаж сильно утомился, и потому решено было перестать грести, предоставив судно течению. Благодаря этому последнему оно могло делать около двух миль в час, так что за ночь должно было пройти двадцать — тридцать миль.

Индеец стал отговаривать хозяина продолжать путь ночью. Не понял его Ральф или просто не желал слушать его советов, но галатея поплыла дальше.

Типперари Том теперь заменял лоцмана. Все прочие спали. Треваньов с детьми поместился под навесом, а негр и индеец забрались в трюм. Птицы и обезьяны тоже спали в своих каютах.

Хотя лоцман в не отличался опытностью, но он все старания прилагал к тому, чтобы как можно лучше исполнить свою обязанность.

Прежде чем поставить его у руля, ему объяснили, как нужно управлять им, чтобы удержать судно в стрежне реки, и он с точностью исполнял все указанное.

Но вот он дошел до места, где река разделилась на два рукава.

По которому из них плыть? Типперари Том задумался.

Сначала он хотел разбудить своего господина и посоветоваться с ним; но потом, взглянув еще раз внимательно на оба рукава, он решил, что ему следует избрать более широкий. В этот последний он и направил судно.

Галатея быстро поплыла по широкому рукаву, и через десять минут с ее па-

лубы уже не было видно другого рукава.

В полной уверенности, что он избрал правильный путь, лоцман более не беспокоился и плыл все дальше и дальше. Скоро он стал замечать, что берега становились все более и более неправильными; в них то и дело врезались глубокие бухты и заливы. Некоторые из заливов представляли собою беспредельное водное пространство, на котором местами были разбросаны группы деревьев. Казалось, деревья эти росли не на суше, а как бы выходили из воды.

По мере того как галатhea подвигалась вперед, предположение это подтверждалось. Только тут Типперари Том заметил, что он плыл уже не по реке, текущей между двумя берегами, а по беспредельному водному пространству с потонувшим лесом. Однако он довольно спокойно отнесся к этому. Он думал, что галатhea плывет по такой части Солимоеса, где вода вышла из берегов; это ему приходилось видеть не раз.

Но вот река стала постепенно суживаться; обстоятельство это обеспокоило лоцмана. У него явилась мысль, что он избрал неправильный путь. Вскоре ему пришлось окончательно убедиться в этом, ибо галатhea дошла до такого места, где весла, наверно, задевали бы кусты, окаймлявшие оба берега. Было ясно, что он ушел далеко в сторону от главного стрежня и что лодка плыла во все не по великому Солимоесу.

Лоцман растерялся. Чтобы выйти из затруднительного положения, он должен был разбудить спутников, сознаться им в своей ошибке и посоветоваться с ними. Однако он не сделал этого. Ему было стыдно, что он не исполнил или, вернее, плохо исполнил свой долг, и он решил не сознаваться. Он не имел ни малейшего понятия о той реке, по которой плыл. Может быть, просто это был пролив, который дальше расширялся и опять переходил в реку; может быть, все-таки направление, избранное им, совершенно правильно? Так думал Типперари Том.

Надежда на то, что он скоро выйдет в главную реку, заставляла его плыть все дальше и дальше.

Вот пролив действительно расширился, и галатhea опять пошла по широкому водному пространству. Это окончательно успокоило лоцмана. Благоприятное плавание, однако, недолго продолжалось. Судно опять попало в узкий пролив. Впереди виднелось несколько рукавов, окаймленных наполовину потонувшими кустами, а вдали возвышались большие деревья, угрожая загородить судну дальнейший путь.

Типперари Том решил, что далее плыть нельзя. Он налег на руль и повернул судно, намереваясь плыть обратно; но, благодаря ли течению или обманчивому блеску луны, он не мог определить прежнего пути и, бросив в отчаянии руль; предоставил судно на произвол судьбы.

Не успел он еще собраться с духом, чтобы сообщить своим спутникам о случившемся, как вдруг галатhea наткнулась на вершину потонувшего дерева и застряла. Треск поломанных ветвей разбудил экипаж. Ральф выскочил из каюты, дети последовали за ним. Треваньов пришел в ужас от случившегося. Мозей тоже испугался. Единственный человек, который, казалось бы, понимал положение, это был старый индеец; он сильно волновался и беспрестанно повторял:

— Гапо! Гапо!

— Гапо! — воскликнул судовладелец. — Что это такое значит, Мунди?

— Гапо! — повторил Типперари Том. — Что это такое, Мунди?

По отчаянию индейца он понял, что был причиной страшного несчастья.

Мундруку отвечал только жестами.

На судне был один лишь человек, который понимал слово, с таким ужасом произнесенное индейцем. Это был молодой Ричард Треваньов.

— В этом слове нет ничего ужасного, дядя, — сказал он, желая успокоить окружающих. — Старый Мунди говорит, что мы вышли из канала Солимоеса и попали в затопленный лес, вот и всё.

— Затопленный лес?

— Да! Все эти кусты, которые вы видите кругом, не что иное, как вершины огромных деревьев. Мы теперь сидим на ветвях сапукайи; это род бразильского орешника, одно из самых больших деревьев на берегу Амазонки. Сейчас вы убедитесь в том, что я прав. Взгляните сюда, вот и орехи!

Он ухватился за ветку, чтобы сорвать околоплодник, но в это время скорлупа лопнула, и орехи градом посыпались на крышу каюты.

— Это называется «обезьяний горшок», — сказал он, указывая на пустой околоплодник. — Индейцы называют его так потому, что обезьяны очень любят орехи.

— Но все-таки я не понимаю, что же это такое — гапо? — прервал его дядя. Он видел, что индеец не переставал беспокоиться.

— Так называют индейцы очень сильное наводнение, — спокойно отвечал Ричард.

— Что ж в этом ужасного? Почему Мунди так испугался и напугал всех нас? Чего, собственно, он боится?

— На это я положительно не могу вам ответить, дядя. Я знаю только, что относительно гапо рассказывают всевозможные изумительные истории. Говорят, что в нем живут какие-то чудовища, огромные змеи и гигантские обезьяны. Я, конечно, не верю в это, но, судя по испуганному виду Мунди, думаю, что индейцы принимают все эти сказки за чистейшую истину.

— Молодой господин ошибается, — сказал старый индеец. — Мунди не верит в чудовищ, но он верит в змей и обезьян, так как он их видел собственными глазами.

— Неужели ты их боишься, Мунди? — спросил Типперари Том.

Индеец ничего не ответил ирландцу; он только презрительно взглянул на него.

— Я все-таки не понимаю, — сказал Треваньов, — почему старик в таком отчаянии? Судно, кажется, совершенно цело. Высвободить его из веток вовсе не трудно, следует только обрубить их.

— Господин, — сказал серьезно индеец, — положение наше далеко не так безопасно, как вы думаете. Чтобы освободиться от веток, которые держат судно, достаточно и десяти минут. Но нам понадобится десять дней, а может быть, и десять недель, чтобы выбраться из гапо. Вот почему так волнуется Мунди.

— Как? Неужели ты думаешь, что нам трудно будет напасть на прежний путь и снова войти в стрежень главной реки?

— Я уверен в этом, господин, иначе мне нечего было бы бояться.

— Эту ночь уж мы не будем пробовать сдвинуться с места, — продолжал Треваньов. — Луны не будет, и мы можем попасть еще в большую беду. Не так

ли, Мунди?

— Совершенно верно, господин. Лучше подождем восхода солнца.

— Пойдемте же спать теперь, — сказал Треваньов, — а завтра рано утром все примемся за дело.

Необычное явление, известное под названием «гапо», требует более подробного описания; иначе история наша будет не совсем понятна читателям.

Редко кому не случалось видеть, как все заливается водою, когда река выходит из берегов; но это наводнение продолжается не долго. Вода опять возвращается на свое русло, деревья и луга снова появляются из-под воды.

Совершенно другую картину представляет собою потопленный лес. Это чрезвычайно редкое явление. Тут уж не береговые кусты залиты водою, а огромное беспредельное пространство суши, покрытое первобытными лесами. Целые месяцы, а иногда даже и годы на поверхности воды виднеются одни только верхушки огромных деревьев. Бывают и такие случаи, что лес остается потопленным навсегда.

Вот благодаря какому наводнению появляются так называемые гапо. Такой потопленный лес встречается на протяжении тысячи семисот миль вдоль берегов Солимоеса. Он тянется и на север, и на юг. Лес этот так же неизвестен, как горы и пещеры на Луне или как ледовитые океаны, которые дремлют у полюсов. Это огромное водное пространство с массой деревьев далеко не так безопасно, как кажется. На нем встречаются водовороты и нередко бывают бури и туманы, из-за которых судно разбивается о ствол какого-нибудь гигантского дерева и гибнет вместе с экипажем в этой мрачной водной пустыне.

III

Было бы неправильно, если бы мы сказали, что путешественники наши проснулись с восходом солнца, так как ни один луч дневного света не озарял поверхности воды. Кругом стоял густой туман, сквозь который положительно ничего не было видно. Все поднялись очень рано. Озабоченный судьбою галатеи, капитан спал очень мало.

В какой стороне может быть река? Вот вопрос, который путешественники задавали друг другу.

Однако никто не мог ответить на это, так как не было видно ни солнца, ни неба. Впрочем, если бы даже они и были видны, то едва ли кто-нибудь сумел бы указать по ним правильный путь.

Исправляющий обязанности лоцмана никак не мог сказать, куда он повернул, выйдя из канала, на север или на юг, на восток или на запад. Да этого, вероятно, не сказал бы и человек гораздо смысленнее Типперари Тома. Вдали показались было кустарники, но сейчас же снова потонули в тумане. По всей вероятности, это были верхушки деревьев. Вскоре путешественники заметили, что судно стало тихонько подвигаться вперед. Убедившись в этом, индеец оживился. Он перевесился за борт и опустил в воду руку; но через несколько минут он вынул ее оттуда, и лицо его снова омрачилось. По-видимому, только что произведенная им проба воды дала ему неспокойное указание.

Он долго смотрел на верхушки деревьев, не сводил с них глаз, пока не убедился, что судно удалялось от них.

— Оля! — кричал он, передразнивая Типперари Тома, который не раз так кричал. — Оля! Река в той стороне!

Говоря это, он указывал на верхушки деревьев.

— Ты думаешь, что река в этом направлении? — сказал Треваньов, обращаясь к индейцу.

— Мундруку уверен в этом, господин. Так же уверен, как в том, что там наверху небо.

— Смотри, старик, чтоб нам опять не ошибиться. Мы уже и так значительно удалились от Солимоеса. Если мы уйдем еще дальше, мы погибли.

— Мундруку это знает, — отвечал индеец.

— Прежде чем направиться туда, мы должны знать, чем ты можешь доказать, что река действительно там.

— Вы знаете, господин, какой теперь месяц? Март, не так ли?

— Конечно, март.

— Теперь как раз разлив.

— Что это значит?

— Река выходит из берегов и разливается, гапо становится еще больше.

— Но я все-таки не понимаю, как ты узнал, где река?

— Очень просто, — сказал индеец. — Через три месяца, в июне, начнется вазанте!

— А это что такое?

— Вазанте — это отлив. Тогда гапо начнет уменьшаться, вода потечет к реке, теперь же она течет от реки.

— Ты рассуждаешь совершенно правильно, и я думаю, что мы можем руководствоваться твоими соображениями. Не будем же терять времени, поплывем прямо к тем деревьям. Становитесь все на свои места! Постараемся наверстать то время, которое мы потеряли благодаря небрежности Типперари Тома. Гребите хорошенько. Ну, вперед!

По команде капитана четверо гребцов дружно налегли на весла, и судно быстро поплыло вперед. Через несколько минут галатая была уже на расстоянии полкабельтова от потонувших деревьев.

Но тут путешественники увидели, что плыть дальше в прямом направлении было так же невозможно, как перелететь на лодке через деревья, стоявшие на их пути.

Мало того что ветви деревьев переплетались между собой, они еще были опутаны различными вьющимися растениями, которые представляли собою такую крепкую сеть, что даже пароход в сто лошадиных сил не мог бы прорвать ее.

Гребцы работали час и другой, а прохода все еще не было.

Может быть, река действительно была в том направлении, как указывал индеец, но как попасть туда?

Между деревьями не было даже просвета, куда бы лодка могла направиться. День, и без того пасмурный, становился еще темнее. Наступила ночь. Утомленный и продолжительной, и безрезультатной работой, экипаж перестал греться. Хозяин не препятствовал этому. Он тоже начинал отчаиваться.

Несмотря на то что были приняты все меры предосторожности и судну не угрожала никакая опасность, Мундруку никак не мог успокоиться. Он взобрался на мачту и оттуда смотрел то на верхушки деревьев, то на темные облака.

Солнце целый день не появлялось; вероятно, уже было время его заката. Бу-

ря как будто только и ждала этого времени. Она тотчас же разразилась со страшной силой. К урагану примешивались какие-то дикие непонятные крики. Голоса птиц, животных и гадов сливались с воем ветра, с раскатами грома и с треском ветвей. Все находившиеся на судне были объаты ужасом. Они боялись, чтобы лодку не оторвало от деревьев и не унесло в открытое место.

Ветром были подняты громадные волны. Опасения их скоро оправдались.

Дерево, к которому пристала лодка, было не из крепких. Хрупкие ветви его не могли удержать судна и ломались одна за другою. Все это происходило так быстро, что экипаж не успел опомниться, как оборвалась последняя, привязывавшая судно к дереву веревка. Точно борзая, сорвавшаяся с цепи, лодка выскочила из-под деревьев и понеслась по волнам.

Экипаж понял, что спастись можно только при строжайшем соблюдении равновесия. Необходимо было также направить судно по ветру. Однако это было нелегко, так как ветер дул не в одном направлении. Он порывами налетал с разных сторон и подымал волны величиною с дом. Лодку так и бросало, то носом, то кормой она зарывалась в пену.

Наконец стало светать. Сначала появилась заря, а за нею показалось и солнышко; но оно не обрадовало наших путешественников, потому что буря продолжалась с той же силой, как и ночью. Их вынесло снова на огромную водную равнину. Они не знали, было ли то озеро или остров, залитый водой, казалось, они не были еще в этой части гапо.

Вдруг индеец что-то стал говорить; обезьяна, гримасничая, передразнивала его.

— Что случилось? Что ты говоришь, Мунди? — спрашивали его снизу.

Он отвечал только одним словом: земля!

— Земля! Земля! — с радостью повторяли все.

— Может быть, это вовсе не берег, а только верхушки деревьев такого же потопленного леса, в каком мы были вчера, но я ясно вижу на горизонте что-то темное, и ветер несет нас прямо в ту сторону.

— Слава Богу! — воскликнул Треваньов. — Все будет лучше нашего теперешнего положения. Если мы опять очутимся среди деревьев, мы, по крайней мере, не утонем. Благодарите Бога, дети мои!

Руль унесло еще ночью, и теперь приходилось подчиняться ветру, который дул все с той же силой и гнал их прямо к темной полосе, замеченной индейцем.

В то время как путешественники радовались, что лодку несет в такое место, где они могут укрыться от бури, перед ними вдруг появилось гигантское дерево. Оно одиноко стояло в четверти мили от остального леса и, таким образом, было гораздо ближе к лодке, которая все еще билась с волнами. Несмотря на наводнение, ствол его поднимался, по крайней мере, на десять футов над уровнем воды; как раз посередине он разделялся на две огромные ветви, из которых каждая имела вид целого дерева. Хотя это разветвление и было над водою, но волны то и дело захлестывали его.

Судно несло прямо на это дерево, как будто сама судьба направляла его туда. Вдруг волна подбросила его и посадила как раз на гигантское дерево таким образом, что киль его застрял между двумя огромными вилообразными ветвями.

— Слава Богу, — вскричал судовладелец, — теперь мы спасены. Благодаря

Богу мы теперь на якоре!

Казалось, Треваньов имел полное основание так думать. Гигантские стволы орешника, возвышающиеся по обе стороны лодки между концами ее скамеек, походили на подпорки, какие ставятся под судами в доках.

Каждый старался как можно лучше выполнить приказание судовладельца. По его команде несколько еще дрожащих рук ухватились за веревку, чтобы хорошенько привязать лодку к дереву.

Но вдруг раздался страшный треск, и галатея разломилась надвое.

Это произошло вследствие того, что киль надломился в то время, когда волна, поднявшая лодку, снова отхлынула.

Несколько секунд обе части судна висели над водой; носовая часть со всеми снастями находилась в полном равновесии с кормой, на которой была устроена каюта.

Только благодаря тем, кто умел плавать, весь экипаж был спасен и взобрался на дерево, оттуда они видели, как гибло судно, на котором они так долго путешествовали. Скоро обе части его скрылись в волнах.

Трудно себе представить, в каком ужасном положении очутились наши путешественники. Достаточно было одного сильного порыва ветра, чтобы лишить их пристанища. Ветви скрипели под ними и так сильно наклонялись, что казалось, вот-вот они обломаются. Несчастные судорожно цеплялись за них. То и дело от дерева отрывались ветки, обремененные тяжелыми плодами, и пролетали над сидевшими внизу, грозя разбить им головы.

Такое несчастье как раз постигло Мозея — мозамбикского негра; хорошо еще, что тяжесть упала на его голову, другой череп раскололся бы от такого удара. Негр отделался лишь сильным испугом, проявившимся в диком крике.

До сих пор, как мы уже сказали, каждый думал только о том, чтобы как можно дольше удержаться за собою ту небезопасную позицию, которую назначила ему судьба. Но вдруг всеобщее настроение изменилось. Читателям, вероятно, известно, что бури или ураганы под тропиками прекращаются так же неожиданно, как и начинаются.

Очень скоро после того, как Мозея ударило по голове, буря вдруг стихла. Был уже полдень, и солнце сияло на безоблачном голубом небе, освещая почти гладкую поверхность воды. Такая перемена в природе подбодрила и наших несчастных путешественников. Не опасаясь более за настоящее, они стали думать о будущем; прежде всего необходимо было найти более удобное место, чем то, которое каждый из них занимал поневоле.

Кругом была вода; в одном только месте виднелась как бы лесная чаща. Это был, вероятно, такой же потопленный лес, как тот, в котором они накануне думали укрыться от бури.

Как только волнение утихло, взоры всех обратились в эту сторону. Однако туда было нелегко попасть. Несмотря на то что этот зеленеющий полуостров (как можно было назвать его по виду) был всего лишь в четверти мили от орешника, только двое могли доплыть до него: Мундруку и Ричард Треваньов.

Это затруднение пришлось обсуждать целый час.

Если бы у них под руками был материал для постройки какой-нибудь лодки, им не пришлось бы долго думать. Но ветви орешника были слишком тяжелы для плавания. Пришлось отказаться от этой мысли.

Однако между деревьями, к которым они стремились, можно было найти

более подходящий материал. Чтобы убедиться в этом, следовало ознакомиться с лесом, а так как плыть туда могли только Ричард и индеец, то они, недолго думая, и бросились в воду. Оставшиеся на дереве смотрели вслед своим товарищам до тех пор, пока они не скрылись в лесу. Все были грустно настроены. Настоящее пристанище их могло быть только временным, и, если бы даже им и удалось добраться до тех деревьев, они опять будут висеть там над водой.

В течение почти целого часа никто не сказал ни слова. Только птицы да обезьяны своим криком изредка нарушали тишину, царившую на дереве. На погибшей галатее было пять, шесть таких животных, но двоим только удалось спастись: маленькой уистити и большой обезьяне из породы, называемой черной коантой. Остальные погибли вместе с судном.

Кроме обезьян на галатее была еще целая коллекция редких и очень красивых птиц, приобретенных у индейцев в верховьях Амазонки за большие деньги. Те из них, которые сидели в клетках, погибли в волнах, других же унесло с дерева; из всех птиц, как и из четвероногих, уцелело тоже только две: великолепный попугай пурпурового цвета, так называемый индейский арауна, и маленький попугайчик, который вместе с уистити пользовался особенным расположением Розиты.

Уже час прошел с тех пор, как пловцы отправились в путь, а они и не думали возвращаться. Спутники их, оставшиеся на дереве, с беспокойством поглядывали в ту сторону, куда они направились. Не раз им слышались голоса уплывших, но они не могли ясно различить их в целом хоре каких-то непонятных и таинственных звуков.

Прошло еще два часа, и все стали терять надежду на возвращение Ричарда и индейца.

Пора бы уже было осмотреть лес. Почему же они не возвращались? Сначала доносились их голоса, и казалось, это были крики ужаса. Теперь же ничего не было слышно. Уж не погибли ли они?

IV

Какое бы ни было душевное состояние человека, но физические ощущения, как голод и жажда, всегда напомнят ему о себе. Вскоре несчастные путешественники убедились в этом и поспешили подкрепиться плодами орешника. По просьбе отца Ральф полез дальше на дерево; орехи висели преимущественно на концах ветвей, как это обыкновенно бывает в Южной Америке.

Юноша был ловок и смел и в один момент очутился на верхушке дерева. Попугай, усевшись ему на голову, поднимался вместе с ним.

Вдруг птица начала пронзительно кричать и метаться вокруг дерева, как будто она увидела что-то ужасное. Юноша поглядел во все стороны, но не заметил ничего такого, что могло бы ему объяснить тревогу его спутника.

Маленький попугай стал вторить крикам арануны, между тем как обезьяны, дрожа от страха, прижались друг к другу. Видя, что птицы вертятся все на одном месте, юноша стал внимательно рассматривать эту часть дерева. Он понял, наконец, что напугало птиц; от такого зрелища мог прийти в ужас даже и человек. На лиане, тянувшейся от одной ветки к другой, спала змея. Она была светло-коричневого цвета, почти такого же, как и сама лиана, и если бы не ее блестящая кожа да красивые изгибы тела, то ее смело можно было бы принять за такой же ствол растения, на котором она лежала.

Вдруг голова ее задвигалась на длинной вытянутой шее; казалось, она хотела поймать птицу, которая летала вокруг нее. Ральф не очень испугался. Ему не раз приходилось видеть змей и побольше этой. Первой его мыслью было прогнать птиц и таким образом спасти их от страшного гада. Однако вместо того, чтобы скорее улететь от своего врага, они готовы были броситься на него. Чудовище все более вытягивало шею и открывало пасть.

Маленький попугай подлетал почти к самому языку змеи или же садился на лиану, вокруг которой она обвивалась.

Ральф хотел взобраться еще выше, чтобы поймать попугайчика и унести его оттуда, как вдруг внизу раздался страшный крик. Он вырвался из груди Мозея, мозамбикского негра.

— Умоляю вас, Ральф, — кричал негр, — не делайте этого! Мистер Ральф, не поднимайтесь! Вы не знаете этой змеи! Ведь это *ярарака*!

— Ярарака? — машинально повторил юноша.

— Да! Да! Самая ядовитая из всех змей в Америке. Умоляю вас, спускайтесь скорее оттуда.

Все прислушивались к разговору негра с Ральфом. Треваньов и Типперари Том полезли наверх. Розита одна осталась на прежнем месте.

Увидев змею, Треваньов понял, что негр говорил правду: она была опаснее даже ягуара.

Один вид ее внушал ужас, треугольная голова соединялась с телом длинной тонкой шеей. Глаза блестели, изо рта то и дело высовывался красный язык, что придавало ей еще более отвратительный вид. Однако она была не очень велика, длина ее не достигала даже и шести футов.

Никто не знал, что делать. Оружия никакого не было, оно все пошло ко дну. Ральф понял опасность своего положения и стал спускаться.

До сих пор змея только вытягивала шею и поворачивала голову в разные стороны, тело же ее оставалось неподвижным. Но вот она вытянулась и не

спеша стала спускаться с лианы.

— Боже мой, чудовище ползет вниз! — закричал вдруг Треваньов.

Змея действительно сползла с лианы и направлялась по ветке прямо к стволу.

Все бросились в сторону по горизонтальной ветке.

— О Боже! Дитя мое погибло! — вскричал Треваньов.

Услышав взволнованные голоса друзей, молодая девушка встала. Положение ее было чрезвычайно опасно. Змея ползла уже по ветке, ведущей к стволу, к которому прижалась Розита; чудовище не могло спуститься вниз, не заметив молодой девушки. Оно было уже в десяти футах над ее головой. Треваньов намеревался спуститься, чтобы защитить своего ребенка, но Мозей удержал его.

— Это бесполезно, — сказал он ему, — теперь уж слишком поздно. Прыгайте в воду скорее, Розита! Старый Мозей не даст вам утонуть!

Чтобы подбодрить девушку своим примером, он первый бросился в воду.

Розита была не из трусливых и, недолго думая, последовала совету негра. Лишь только она упала в воду, негр тотчас же схватил ее.

Благородный поступок Мозея привел в восхищение его товарищей; они тем более оценили его самоотверженность, что он далеко не был хорошим пловцом.

Благодаря этому последнему обстоятельству все сильно боялись за Розиту. А вдруг она утонет, да и спасет ли ее еще вода от чудовища? Ярарака как животное земноводное прекрасно чувствует себя в воде; она может броситься туда вслед за ними.

Там уже, конечно, все шансы будут на ее стороне, она плавает, как рыба, а Мозей с трудом держится на воде со своей ношей.

Треваньов пережил ужасные минуты.

— Боже мой! — вскричал он. — Как же нам избавиться от этого чудовища?

— Есть еще одно средство, — сказал Мозей, вдруг осененный мыслью. — Надо постараться во что бы то ни стало отделить лиану от дерева, а потом мы хорошенько встряхнем ее, и чудовище полетит в воду.

Говоря это, негр ухватился за паразита, по которому ползла к ним змея, и изо всех сил старался оттянуть его от дерева; остальные помогали ему. Вдруг лиана оборвалась, и змея, уцепившись за нее, повисла в воздухе. Немного покачавшись, она полетела в воду.

Все вскрикнули от радости, однако ликование их продолжалось недолго, так как ярарака снова поплыла к ним. Но вот она повернула и направилась как раз в ту сторону, куда поплыл Ричард с индейцем.

По мере того как сидевшие на дереве успокаивались, они все более ощущали голод. Ральф снова полез на дерево. Скоро он собрал с дюжину орехов и сбросил их вниз своим спутникам. В пустую скорлупу набрали воды и таким образом утолили не только голод, но и жажду.

Теперь оставалось только терпеливо ожидать возвращения пловцов. Все смотрели в ту сторону, где они скрылись, и сердца их были полны страхом за них и надеждой на возвращение.

V

Последуем теперь за пловцами, посланными товарищами на разведку. Долгое плавание очень утомило их, и им очень хотелось бы скорее отдохнуть на первом попавшемся дереве. Им не трудно было определить характер той местности, в которой они находились.

— Гапо! — то и дело повторял индеец, подплывая под деревья. — Здесь нет суши, господин, — сказал он, хватаясь за лиану, — и нам придется возвратиться на ветку, чтобы отдохнуть. Тут, по крайней мере, десять сажен глубины. Мундруку это видит по деревьям.

— Я ничего другого и не ожидал, — отвечал молодой Треваньов, усаживаясь на ветку по примеру своего спутника. — Я только думал, что мы найдем здесь какое-либо плавающее дерево, на котором бы наши спутники могли перебраться сюда, хотя здесь тоже не лучше; а вот как мы отсюда выберемся, этого, кажется, не знаю ни я, ни ты. Не правда ли, Мунди?

— Мундруку никогда не отчаивается, даже в том случае, когда он попадает в гапо, — с гордостью ответил индеец.

— Ты думаешь, что мы выберемся отсюда? Что же, ты рассчитываешь найти здесь материал для постройки другого судна?

— Нет, — отвечал индеец, — я вовсе не думаю этого; мы слишком далеко теперь от главной реки. Ничего подходящего для постройки лодки мы здесь не найдем.

— Так зачем же мы плыли сюда?

— Если бы мы вздумали искать здесь материал, то, конечно, нам незачем было плыть. Но нам и без лодки удастся переправить всех сюда. Следуйте только за мною, молодой господин. Нам нужно забраться в глубь леса; старый Мунди покажет, как можно без лодки перебраться сюда.

— Как же это? — воскликнул юноша. — Я охотно помог бы тебе, но я представить себе не могу, что ты хочешь делать.

— А вот вы увидите сейчас, — сказал Мундруку, снова пускаясь вплавь, — плывите за мной! Если я не ошибаюсь, мы скоро найдем то, что заменит нам лодку. Плыдем сюда!

Мундруку говорил что-то еще, но за плеском воды слов его не было слышно.

Они плыли под таким густым сводом перепутавшихся веток, что там было почти совсем темно. Индеец плыл впереди, юноша следовал за ним.

Вдруг индеец радостно вскрикнул и, указывая на одно из деревьев, сказал:

— Вот как раз то дерево, которое я ищу. Ого! Да оно вдобавок покрыто сипосами, это нам очень кстати; и смола и веревки — все к нашим услугам. Великий Дух покровительствует нам, господин!

— В чем дело? — спросил Ричард. — Я вижу дерево, покрытое сипосами, как ты называешь. Но какой же в нем толк, когда оно зеленое, сочное и совершенно непригодное для постройки судна? Веревки могут нам пригодиться, но дерево совсем ничего не стоит; даже если бы у нас были топоры, так мы и тогда бы из него ничего не сделали.

— Мундруку не нужно ни топоров, ни этого дерева; ему только нужен древесный сок из нескольких сипосов, которые повисли тут на ветках, а остальное мы найдем, когда вернемся к орешнику.

— Сок этого дерева? Но зачем?

— Взгляните повнимательнее, господин, разве вы не знаете этого дерева?

Юноша стал присматриваться к дереву, но оно было так обвито различными вьющимися растениями, что отличить его листья от листьев паразитов было чрезвычайно трудно. Но вот наконец он нашел его листья и сразу узнал, что это за дерево. Оно было известно не только в Паре, где он родился, но и по всей Амазонке.

— Конечно, я его знаю, — отвечал он индейцу, — это се-ринга — каучуковое дерево. Но зачем оно тебе? Неужели ты хочешь сделать лодку из каучука?

— А вот увидите, молодой господин.

Во время этого разговора Мундруку взбирался на дерево, прося своего господина следовать за ним. Уцепившись за лиану, юноша вылез из воды и уселся на ближайшую ветку.

Дерево, на котором находились наши пловцы, принадлежало к семейству молочайных растений. Таких каучуковых деревьев очень много в долине реки Амазонки.

Не успел Ричард усесться на ветку, как вдруг сверху раздался крик.

— Что случилось, Мунди? — спросил юноша, подняв голову.

— Я нашел что-то очень вкусное, господин.

— Очень приятно это слышать, так как я ужасно хочу есть. Признаться, орехи не очень-то сытны. Я бы с удовольствием съел еще мяса или рыбы.

— Ну, это ни то, ни другое, — возразил Мундруку, — хотя тоже очень вкусно. Это дичь!

— Дичь! Какая?

— Арара.

— А, из породы попугаев! Но где он? Ты поймал его уже?

— Сейчас поймаю! — отвечал индеец, и, запустив руку в дупло дерева, он вытащил оттуда еще не совсем оперившуюся птицу величиной почти с цыпленка.

— А! Тут целое гнездо! И какие жирные! Отлично, Мунди! Мы заберем их всех с собою. Наши друзья, вероятно, так же голодны, как и мы, и очень обрадуются этой добыче.

Лишь только индеец вытащил попугая, как тот поднял страшный крик.

К нему присоединился его товарищ, и вскоре можно было разобрать уже голосов двадцать, что ясно доказывало, что в этом дереве было еще несколько гнезд.

— Тут целый зоологический сад! — сказал Ричард, смеясь. — Нам хватит этих птиц на неделю.

Не успел он окончить этих слов, как вдруг послышался страшный шум. Это была какая-то смесь различных звуков; нечто вроде кудактанья и криков ужаса. Точно происходила ссора между паяцами.

Звуки эти сначала доносились издалека; но не прошло и нескольких минут, как они стали раздаваться над самой головой Мундруку. Целая стая больших птиц своими крыльями почти закрывала его от солнца. Птицы беспокойно металась над индейцем. Это были, вероятно, родители птенцов, оставшихся в гнездах; должно быть, они улетали за кормом для своих малюток. Как индейцу, так и Ричарду и в голову не приходило, что положение их становится опасным.

Однако скоро им пришлось в этом убедиться. Как только птицы опустились на дерево, они тотчас набросились на непрошенных гостей и стали бить их крыльями, клевать и царапать когтями.

Сначала они напали на индейца. В то время как он защищался от них, птенец выскочил у него из рук и полетел прямо в воду. Его родители вместе со своими друзьями бросились его спасать. Тут они заметили, что немного ниже индейца есть еще один враг, и тотчас же напали на него.

Хотя индейцу приходилось бороться с большим количеством птиц, нежели Ричарду, но тому было трудно справиться и с теми немногими, которые на него нападали, так как у него не было никакого оружия и он был почти раздет.

У Мундруку был короткий нож, но для борьбы с таким большим количеством врагов этого оружия было слишком мало. Не прошло и нескольких минут, как тела обоих покрылись ранами.

Не дожидаясь своего спутника, Ричард бросился в воду.

Упустив врага, птицы поднялись к индейцу и еще с большей яростью набросились на него. Мундруку последовал примеру юноши и скоро догнал его. Молча плыли они рядом, оставляя за собою кровавый след, так сильно они были изранены.

Птицы не стали преследовать своих врагов, а потому наши пловцы решили остановиться недалеко от каучукового дерева. Добившись того, что враги покинули их жилище, птицы занялись водворением порядка в своих гнездах. Скоро они все успокоились, и путешественникам нечего было опасаться нового их нападения.

Но вот индеец остановился и стал осматриваться. Он что-то задумал и стал уговаривать своего спутника вернуться к каучуковому дереву.

— Зачем? — спросил Ричард.

— Во-первых, затем, зачем мы уже раз взобрались на него, а во-вторых, затем, чтобы отомстить, — сказал он, сверкая глазами. — Мундруку не должен прощать своих ран даже птицам. Я не уйду из леса, пока не убью или не выгнью с дерева последнего птенца.

— Как же ты думаешь сделать это?

— А вот поплывем, и вы увидите.

С этими словами индеец направился к группе деревьев. Они взобрались на дерево, походившее на гигантскую мимозу.

— Это нам пригодится, — сказал индеец, подрезая ножом одну из веток; затем он сделал из нее две палки длиной около двух футов. Отстрогав хорошенько обе палки, он сказал: — Теперь у нас есть оружие, и мы можем надеяться одержать победу над попугаями.

Они спустились с дерева и опять поплыли к серинге.

Поднявшись к гнездам, они снова стали бороться с птицами, на этот раз уже с большим успехом. Птицы падали под ударами палок или же, испугавшись, улетали в глубь леса.

Мундруку в точности исполнил свою угрозу: он не оставил на дереве ни одной птицы. Убивая их одну за другой, он связывал их за лапки и складывал в дупло.

— Пусть они полежат здесь пока, мы скоро вернемся. Ну а теперь за дело!

Ричард не знал, что индеец собирался предпринять, и с любопытством

смотрел на него.

Бросив палку, которой было убито столько птиц, он снова взялся за нож.

Не теряя времени, он воткнул его в кору каучукового дерева и сделал глубокий надрез, из которого тотчас же потек густой сок. Надобно было скорее собирать его. Для этого Мундруку захватил с орешника пару обезьяньих горшков. Один из них он дал Ричарду, прося его держать скорлупу у самого отверстия, сам же принялся делать второй надрез.

Скоро обе скорлупы наполнились густым и липким веществом, походившим на хорошие сливки. Затем скорлупу закрыли и перевязали сипосами; этих лиан, очень похожих на веревки, они забрали с собою большое количество.

Когда все было сделано, Мундруку объявил, что теперь пора возвращаться к ожидавшим их товарищам. Разделив между собою ношу, они снова бросились в воду. Минут через десять они выплыли из-под свода на освещенную солнцем лагуну и почувствовали себя так, как будто только что вышли из подземелья.

VI

Ричард очень обрадовался, что они снова выбрались на свет Божий. Вдруг спутник его задрожал, поднял голову над водой и вскрикнул.

Юноша тоже приподнялся над водой и стал смотреть в ту сторону, куда были обращены взоры индейца.

— Чудовище! — закричал Мундруку.

— Чудовище? Какое? Где?

— Там дальше, за деревьями; тело его наполовину прикрыто ветвями.

Ричард посмотрел в сторону, указанную индейцем.

— Я вижу что-то вроде плавающего дерева. Это и есть чудовище, Мунди?

— Это не дерево, а тело гада, который может проглотить нас обоих. Он называется жакаранассу. Разве вы не слышали, как он бросился в воду?

— Нет.

— Смотрите, смотрите, вот он плывет к нам.

Темный предмет, который юноша принял за сухое дерево, действительно приближался к ним. Позади животного оставался след, и слышно было, как оно ударяло хвостом по воде.

— Жакаранассу! — повторил индеец и объяснил, что так называется особый род огромных амазонских крокодилов.

Этот был как раз один из самых больших; туловище его протягивалось по воде на целые семь ярдов. Пасть, которую он беспрестанно открывал в виде угрозы или просто чтобы подышать, смело могла вместить наших пловцов.

В воде им не было спасения от такого врага: не могли же они плыть быстрее огромного каймана.

— Скорее на дерево! — закричал индеец, убедившись в том, что чудовище преследует их.

Сделав несколько сильных взмахов руками, Мундруку очутился под деревьями. Юноша скоро догнал его.

— Да защитит нас Великий Дух! — сказал индеец, взбираясь на дерево. — Я вижу по глазам чудовища, что оно хочет нас съесть!

Животное, которое они рассматривали сверху, было действительно необы-

чайных размеров; глаза его имели какое-то особенное, хищное выражение.

Трудно себе представить существо отвратительнее того, которое подкарауливало наших пловцов. В природе нет ничего противнее крокодила и змеи. Эта последняя, впрочем, хотя и страшна, но блеск кожи ее и гибкость туловища иногда ласкают глаз, тогда как ящеричные животные, тело которых несколько напоминает собою человеческое, особенно противны. Крокодил гадок не только по внешнему виду, но и по своим нравам.

Взобравшись на дерево, наши путешественники успокоились: крокодил не мог достать их оттуда, следовательно, они были в полной безопасности. Больше всего их огорчало то, что они не могли вернуться к товарищам, которые, вероятно, с нетерпением ждали их. Они хотели было закричать им, что они тут, но потом решили, что это ни к чему не приведет. Вся надежда их была на то, что чудовище, потеряв их из виду, удалится.

Однако Мундруку далеко не был в этом уверен. Озлобленный вид животного не предвещал ничего хорошего.

— Как ты думаешь, подкарауливает он нас? — спросил Ричард.

— Я думаю, что да. Он может караулить нас в течение нескольких часов, даже до заката солнца.

— Это было бы очень печально. Что-то наши там подумают? Как же нам быть?

— Надо только терпеливо ждать, чтобы он ушел. Больше нам ничего не остается, господин.

— Но это невыносимо — быть в таком осадном положении, — воскликнул юноша. — Мы всего лишь в нескольких ярдах от наших друзей, а между тем мы не можем к ним плыть!

— Ах, черт бы его побрал! Он нас увидел и теперь будет поджидать.

— Неужели же у него хватит на это ума?

— Конечно! Эти гады иногда целыми неделями караулят свою добычу. Я уверен, что теперь он только и думает, как бы полакомиться нами.

Прошел час, прошел и другой, а путешественники наши оставались все в том же грустном положении.

— Что бы нам придумать? — шептал Ричард индейцу, терпение которого тоже истощалось.

— Попробуем перебраться на ту сторону леса по верхушкам деревьев. Если нам удастся скрыться от него, мы спасены. Досадно, что мне раньше это не пришло в голову. Пора уж мне знать, что кайман может ждать без конца свою жертву. Смотрите, что я буду делать, и поступайте так же.

— Отлично, Мунди! — промолвил юноша. — Я постараюсь подражать тебе.

Мысль индейца может показаться невероятной, но тому, кто хоть десять минут провел в лесах Южной Америки, она будет вполне понятна. Во многих местах такое путешествие даже не представляет большого труда. На Амазонке есть такие участки леса, где деревья, переплетаясь между собою, образуют почти сплошную стену. Целая сеть из паразитов соединяет одни деревья с другими.

Среди этой роскошной растительности живет множество птиц, животных и насекомых, которых на суше встретить нельзя. Итак, путешествие индейца и его спутника по вершинам деревьев не представляло ничего особенного. Оно было тут даже безопаснее, чем на суше. Падение с дерева не влекло за со-

бою никакого увечья; путешественники рисковали лишь окунуться в воду и потерять немного времени.

Мундруку храбро двинулся вперед, еще раз высказав сожаление о том, что не сделал этого раньше. Конечно, они подвигались не очень быстро. Все зависело от породы деревьев и паразитов. На их счастье, растительность в этом месте была самая подходящая для подобного путешествия. Посмотрев сквозь зелень на предстоящий им путь, Мундруку решил, что перебраться на ту сторону вовсе не так уж трудно. Он с уверенностью подвигался вперед, и товарищ его молча следовал за ним. Индеец вполне допускал, что аллигатор не отстанет от них и будет за ними плыть. Путешествие их было чрезвычайно утомительно; местами они должны были всей тяжестью держаться на руках и, раскачавшись, перебрасываться с одного дерева на другое. Не раз им приходилось делать крюк, брать далеко в сторону из-за того, что чаща местами была совершенно непроходима или же на пути их вдруг попадалось нечто вроде озера. Однако им нужно было пройти всего лишь около двухсот ярдов. Путешествие их продолжалось около двух часов; вдруг они увидели перед собою широкое водное пространство и забыли всю усталость. Глазам их представилось очень приятное зрелище: друзья их сидели на освещенной солнцем сапукайе.

Точно желая убедиться в том, что они все целы, Ричард глазами пересчитал их. Грациозная фигура Розиты особенно приковывала к себе его внимание.

Чтобы показать, что они тут, близко, он хотел закричать, но индеец знаком остановил его.

— Отчего нельзя, Мунди?

— Прошу вас, не говорите ни слова. Мы ведь еще в лесу. Кайман может услышать нас.

— Но ведь крокодил остался там, около каучукового дерева?

— Да, он был там. Но мы не знаем, где он теперь. Может быть, он тут где-нибудь поджидает нас.

Разговаривая таким образом, они оглядывались по сторонам.

Кругом ничего не было видно. Под деревьями было тихо. Вода блестела как зеркало.

— Мы, кажется, славно обманули его. Что ты скажешь, дружище?

— Как будто так, — отвечал индеец. — Мундруку ничего не слышит, ни единого звука. Вероятно, чудовище осталось там, под деревом.

— Чего же мы тут будем ждать? Мы и так потеряли уже несколько часов. Я думаю, что дядя и все другие страшно беспокоятся за нас. Хотя мы их и видим, но мне кажется, что они не замечают нас, иначе они нас окликнули бы.

Выждав еще минут двадцать, индеец сказал:

— Я думаю, теперь мы можем плыть.

Юноша только и ждал этого. Он тотчас же бросился в воду. Мундруку последовал за ним.

Едва лишь они выплыли из-под деревьев, как услышали чей-то радостный крик. Он доносился с той стороны, где сидели друзья пловцов; очевидно, их уже заметили. Ободряемые этими криками, пловцы быстро подвигались вперед. Ричарду и в голову не приходило оглянуться. То, что он видел перед собою, придавало ему мужества и всецело поглощало его внимание: на дереве

стояла молодая девушка и радостно махала ему руками. Индеец был занят совсем другим. Вместо того чтобы смотреть вперед, он сосредоточивал все внимание на том, что делалось позади.

Они проплыли уже почти половину того расстояния, которое отделяло лес от орешника. Юноша быстро подвигался вперед, индеец следовал за ним.

Крокодила нигде не было видно, и Мундруку совершенно успокоился. Вероятно, животное все еще караулило их под каучуковым деревом, не подозревая, что они были уже далеко. Индеец поравнялся с Ричардом, и они не спеша поплыли рядом.

К счастью пловцов, друзья их следили за поверхностью воды, и как раз в то время, когда индеец и Ричард менее всего думали об опасности, крик ужаса раздался с сапукайи. Достаточно было нескольких минут, чтобы чудовище нагнало пловцов. Отчаяние придало им силы, друзья протянули руки, чтобы помочь им взобраться на дерево, и они были спасены.

Крокодил тоже подплыл к дереву, как раз к тому месту, куда взобрались пловцы.

Он был вне себя от бешенства, увидев, что добыча опять ускользнула от него. Со злости он бил хвостом по воде и страшно кричал; крик его напоминал то рев быка, то лай собаки.

Сверху его было прекрасно видно. Он весь был освещен солнцем. Тело его, длиною в восемь ярдов, в поперечнике имело не менее десяти футов, роговые бугры в виде пирамид, которыми была покрыта вся его спина, доходили до семи дюймов. Неудивительно после этого, что Розита закричала от ужаса, взглянув на это животное, и что все боялись его.

Казалось, кайман хотел взобраться на дерево; он то и дело цеплялся зубами за кору и своими короткими лапами, напоминавшими человеческие руки, изо всех сил старался обнять ствол дерева. Люди, сидевшие наверху, с ужасом следили за его движениями, но полная неудача животного скоро успокоила их.

Мундруку, со своей стороны, тоже прибавил, что им нечего беспокоиться, так как крокодил не в состоянии взобраться на дерево. Однако чудовище и не думало отступать. Оно стало плавать вокруг дерева, не сводя глаз с сидевших на нем. Этим последним надоело наконец следить за его движениями, и они только изредка поглядывали на него. В данный момент присутствие чудовища не представляло опасности, но нужно было подумать и о будущем. Ведь нельзя же было вечно сидеть на дереве. Хотя они и не знали, что ожидает их в лесу, но тем не менее всем хотелось скорее отправиться туда. Мундруку уверял, что за лесом должна быть земля. Итак, надо было плыть к лесу; они надеялись, что хуже там, во всяком случае, не будет.

Мунди обещал им устроить переправу, но каким образом — этого еще никто не знал.

Пора было, однако, ознакомить товарищей со своими планами, и индеец приступил к делу.

Читатель помнит, конечно, что, перебив всех птиц, индеец вскрыл кору и собрал сок в скорлупу от орехов. Все это вместе с лианами, сипосами, которыми можно было пользоваться как веревками, он захватил с собой. Во время плавания ноша эта была привязана у него к спине. Индеец велел принести как можно больше орехов. Вытащив ядра, он снова закрывал скорлупу и обма-

зывал ее каучуком. Таким образом, она делалась непромокаемой. Работа быстро подвигалась вперед, так как Ральф и Ричард помогли индейцу.

Кроме Ричарда, который был посвящен в это дело, никто не догадывался о намерениях индейца. Но вот он стал связывать при помощи сипосов по две, по три скорлупы вместе; затем он соединял две такие пачки толстым жгутом из той же лианы, оставляя между двумя пачками расстояние в три фута. Тут только все поняли, что он мастерил.

— Это плавательные пояса! — воскликнул Ральф.

Он не ошибся. Именно это и хотел сделать Мунди.

VII

Мунди сделал всего пять плавательных поясов; Мозей плавал довольно плохо, и у него не хватило бы сил на такое большое расстояние. До леса было, по крайней мере, четыреста ярдов.

Двое из семерых плавали хорошо. Попугай мог долететь до леса, а маленькую обезьяну кто-нибудь должен был посадить на плечи.

О большой обезьяне никто не заботился. У нее не было хозяина. Хотя она и оказывала предпочтение Тому, но он относился к ней более чем равнодушно. Эта порода обезьян никому не внушает симпатии. Изобретением Мунди нельзя было воспользоваться тотчас же. Каучук должен был хорошенько просохнуть, а на это потребовался, по крайней мере, час времени.

Сборы были недолги, так как путешественникам следовало только обвязать вокруг талии плавательный пояс. Они собрались уже в путь, как вдруг вспомнили о крокодиле.

Животное все еще было под деревом. Оно то, вытянувшись, лежало на воде, то медленно плавало вокруг дерева, глядя на людей. По лукавым глазам его можно было подумать, что оно отлично понимает назначение поясов и то, что люди намерены делать. Казалось, крокодил был теперь уверен, что больше уж его не обмануть. Броситься при таких условиях в воду было все равно, что броситься в пасть чудовища, а потому об этом нечего было и думать.

Еще час путешественники наши просидели на дереве; терпение их истощилось.

Чтобы как-нибудь сократить время, они стали говорить об аллигаторах. Треваньов задавал индейцу разные вопросы, на которые тот охотно отвечал. Он много видал на своем веку, и ему было, что порассказать о кайманах. Мундруку говорил, что ему приходилось встречать пять или шесть различных пород крокодилов. Случалось, что самые большие из них, жакаранассу, водились в одной реке с жакарасетента, или маленькими аллигаторами.

Впрочем, слово «маленький» не совсем подходит к этим животным, так как они все-таки достигают четырех футов длины. Не раз ему приходилось видеть и так называемых куруа, которые никогда не бывают более двух футов. Эти последние встречаются довольно редко, они водятся только в маленьких бухтах. Как только начинается разлив, крокодилы уходят из устьев рек и из озер и направляются в гапо.

В некоторых местах Солимоеса, как только вода убывает, озера совсем высыхают; крокодилы зарываются тогда в грязь и лежат там до тех пор, пока вода снова не вернется и не отмочит глину, из которой они вылезают еще безобразнее, чем были раньше. Они устраивают свои гнезда на берегу и покрывают

яйца целыми грудами вялых листьев, смешанных с грязью. Яйцо большого каймана овальной формы, величиною с кокосовый орех; толстая и крепкая скорлупка сильно шуршит, если потереть яйцо обо что-нибудь твердое. Когда самка удаляется от гнезда, то стоит только потереть одно яйцо о другое, и она тотчас же приползет.

Крокодилы питаются главным образом рыбой; но это только потому, что ее очень много и ловить ее чрезвычайно легко. Они также охотно едят и мясо, и дичь — словом, все, что им попадается. Бросьте им кость, они и ту проглотят. Если какой-нибудь кусок не входит в пасть крокодила, он подбрасывает его вверх и норовит как можно ловчее схватить его зубами. Иногда им приходится вести жестокую борьбу с ягуарами, но эти последние редко нападают на самих кайманов, они предпочитают их детенышей.

Крокодилы очень охотно едят черепах и истребляют их в огромном количестве. Самцы поедают иногда своих собственных детенышей, если с ними нет самки и их некому защитить. Больше всего, однако, они любят собак. Услышав их лай, они забегают далеко в лес в надежде поймать их.

Крокодилы очень любят отдыхать на солнышке. Часто они вытягиваются на песке и спят с открытыми ртами. Ибисы и другие птицы в это время спокойно разгуливают по ним. Самые ужасные из крокодилов — это те, которые питаются человеческим мясом; они подстерегают людей недалеко от селений или же около рек, когда те купаются.

Наконец, и Мундруку потерял терпение. Он решил во что бы то ни стало покончить с чудовищем. Хотя с ним и нелегко было справиться, но тем не менее и у него были слабые места, как, например, горло, глаза и ушные отверстия. Именно этими местами и решил воспользоваться индеец, чтобы избавиться от своего врага. О, если б он был моложе лет на двадцать! Он, наверно, не ждал бы так терпеливо, пока животное добровольно уйдет.

Прошел еще час. Положение путешественников нисколько не изменилось, и Мундруку вышел из себя. Он вскочил, бросил в сторону пояса, над которыми работал, взял нож и крепко сжал его в руке.

— Что ты задумал, Мунди? — спросил Треваньов, с беспокойством следя за ним. — Надеюсь, ты не собираешься бороться с животным? С этим оружием ты должен как можно ближе подойти к нему, и, прежде чем ты успеешь замахнуться, оно проглотит тебя. Брось, пожалуйста, эту затею!

— Я вовсе не рассчитываю на свой нож, господин, — отвечал индеец. — Я прекрасно знаю, что кайман тотчас же нырнет и увлечет меня с собою, а мне совсем не улыбается купание в его обществе.

— Послушай, друг мой! Брось ты это. Подождем до утра. За ночь все может измениться.

— Мундруку не согласен с вами, господин. Крокодил, очевидно, хочет полакомиться нами и не уйдет отсюда, пока не наестся; нам придется, может быть, сидеть здесь до тех пор, пока мы не умрем с голоду или же от слабости не попадаем один за другим ему в пасть.

— Ну подождем только до завтра!

— Нет, господин мой, Мундруку не будет ждать ни одного часа больше. Он во всем подчинялся вам как хозяину судна, пока был на галатее, но теперь ее нет, и договор кончен. Мундруку — свободный человек и может делать что хочет. Послушайте, господин, мое племя не примет меня больше, если я буду

терпеть это животное. Один из нас должен погибнуть.

Треваньов был принужден уступить.

Спутники Мундруку поняли, что он взял нож только для того, чтобы сделать им более подходящее оружие для нападения на крокодила. Вскоре действительно в руках его появилась макана. Так называл он дубинку, вырезанную из тяжелого дерева. Она была длиною в два фута и оканчивалась очень толстым шаровидным наконечником.

Спрятав нож и вооружившись этой дубинкой, индеец спустился на горизонтальную часть ствола, о которой мы уже упоминали, и пополз по ней. Никакая обезьяна не превзошла бы его в ловкости. Через несколько минут он уже показался на самом конце ветки, которая была всего лишь в трех футах над водою.

Привлечь внимание гада было очень легко. Стоило только обломать и бросить в воду несколько веток, и чудовище было тут как тут; оно думало, вероятно, что кто-нибудь по неосторожности упал с дерева, и открыло уже пасть, чтобы схватить свою жертву. Однако человек упал ему не в пасть, а прямо на спину и в один миг перескочил к нему на шею. Он сел верхом на крокодила и воткнул ему одну руку в глаз, а другой со всей силой ударил его дубинкой по голове. Проломив ему череп, что было даже слышно, он спрыгнул с него. Чудовище перевернулось, живот его желтовато-белого цвета был еще противнее спины. Если даже крокодил и не был убит, он все-таки был уже безопасен. Товарищи встретили победителя радостными криками.

Течение скоро унесло чудовище, которое так долго держало наших путешественников в осадном положении.

Они тотчас же собрались в пути. Им уже очень надоело сидеть на дереве, хотя, по словам разведчиков, то, к чему они стремились, было не лучше того, что они спешили покинуть; разница была лишь в величине площади. Здесь в их распоряжении было лишь одно дерево, а там они могли выбирать из тысячи. Тем не менее они все-таки стремились к лесу, надеясь, что хуже, во всяком случае, там не будет.

Ричард рассказывал, что в лесу много деревьев с дуплами, что лианы, переплетаясь с ветвями, образуют сплошную сеть; это уже представляло для путешественников большое удобство. Здесь им приходилось стоять или сидеть верхом, тогда как там они могли очень удобно разместиться на зеленой сети. Кроме того, по словам молодого человека, там попадались деревья, плоды которых были очень соблазнительны на вид, их, наверное, можно было есть.

Каждый из плавательных поясов вполне соответствовал весу того, для кого он предназначался. Так, пояса Ральфа и Розиты были гораздо меньше других. Все беспокоились о молодой девушке, и Мундруку объявил, что все время будет плыть рядом с ней. Осмотревшись вокруг и убедившись, что опасность не угрожает более ни с какой стороны, путешественники наши спустились в воду.

Мундруку плыл впереди всех вместе с Розитой. Для большей безопасности он привязал к своему кушаку один конец веревки, которая была обмотана вокруг талии молодой девушки. Треваньов следовал за ними. Немного далее плыл Ральф вместе с Ричардом, который, подобно индейцу, привязал двоюродного брата к себе.

Мозей и Типперари Том плыли последними.

VIII

Предводительствуемые индейцем, пловцы добрались, наконец, до того самого дерева, которому они были обязаны своими поясами. На нем теперь было тихо, как в могиле. Ни одного попугая не было видно. Очевидно, те, которые уцелели от избиения, навсегда покинули это дерево.

Солнце уже садилось, и о дальнейшем путешествии нечего было и думать. На каучуковом дереве, ветви которого были переплетены лианами, можно было прекрасно устроиться на ночь. Несмотря на то что ложе их было далеко не удобно, путешественники чувствовали себя гораздо лучше, чем в предыдущую ночь.

Дичь, оставленная здесь индейцем, всех очень обрадовала. Некоторые были так голодны, что решились было есть попугаев сырыми.

Треваньов запротестовал, однако, против такой кровожадности и настоял на том, чтобы птица была изжарена. Но как добыть огня? За это взялся индеец.

— Подождите только десять минут, господин, — сказал он. — Через десять минут у вас будет огонь, а через двадцать — жаркое:

— Но каким образом? Ты забываешь, что у нас нет огнива, — возразил Треваньов.

— Посмотрите вон на то дерево, — продолжал Мундруку.

— С гладкой блестящей корой и с листьями, похожими на большие белые руки?

— Да, да. Это имбауба, дерево, которому обязаны своим питанием ленивцы Южной Америки.

— Ах! Значит, это то дерево, которое известно под названием «огненное»! Как, и от него ты думаешь достать огня?

— Через десять минут, если вы позволите, при помощи им-баубы у нас будет огонь. Нужно только найти совершенно сухую ветку.

Говоря это, Мундруку бросился в воду и поплыл к цекропии. Доплыв до нее, он, как белка, взобрался на дерево и исчез в серебристой листве. Но вот послышался треск сухой ветки, и индеец снова показался на дереве. Спустившись с него, он поплыл к своим друзьям, держа ветку высоко над водой.

Он рассказал своим спутникам, что индейцы его племени, а также другие, живущие на Амазонке, всегда пользуются сухими ветками имбаубы для добытия огня. Говоря это, он приступил к делу, то есть стал тереть один кусок ветки о другой.

Друзья его собрали целую грудку сухих листьев, хворосту и коры, и достаточно было одной искры, чтобы запылал большой костер. Птица быстро изжарилась на вертеле, орехи тоже испеклись, и ужин вышел на славу.

Путешественники наши хорошо выспались в эту ночь; однако пробуждение их было далеко не радостно. О завтраке им нечего было беспокоиться, так как от ужина осталось достаточно жареной птицы. Они принялись за нее с восходом солнца.

Подкрепившись, все стали думать о том, как бы выбраться из гапо. Вопрос этот, однако, было нелегко решить. Даже приблизительно нельзя было определить, какое расстояние прошла галатея, прежде чем она остановилась. Может быть, она прошла двадцать, может быть, и пятьдесят миль. Ясно было

только одно: что, выйдя из Солимоеса, она попала в гапо. Путешественники не имели ни малейшего представления о том, где они находились, и были точно на Луне.

Благодаря топографическим сведениям индейца можно было определить, в каком направлении река; но нечего было и думать о том, где найти канал, ведущий в нее. Главной целью их было теперь добраться до суши. Странно было бы стремиться к реке, не имея возможности плыть по ней! Надеяться же на встречу с каким-либо судном было очень легкомысленно. Трудно было вообразить, чтобы какое-нибудь судно зашло в гапо.

Итак, следовало позаботиться о том, чтобы найти ближайший путь к суше; а для этого нужно было направиться в сторону, противоположную реке.

Разлив все еще продолжался, и благодаря находчивости индейца они могли правильно определить свой путь. Вода текла со стороны реки, следовательно, чтобы добраться до суши, им нужно было направиться по течению. Может быть, земля была от них гораздо дальше, чем река, но все-таки необходимо было добраться до нее, иначе им грозила гибель.

Но как добраться? Вот вопрос, который обсуждался советом, заседавшим в каучуковом дереве. Нельзя же было допустить, что они доплывут до суши? Ведь до нее было миль двадцать, если не больше.

На лодке? Но из чего ее построить? Во всем лесу не найдется дерева, которое было бы настолько легко, чтобы могло свободно плавать по воде. Итак, мысль о лодке нужно было оставить.

Наконец одно предложение было всеми одобрено. Автором его был индеец, который благодаря своей опытности оказал уже немало услуг товарищам.

Перед ними был канал, как бы под зеленым сводом. Отчего бы им не воспользоваться еще своими поясами и не проплыть дальше? Все согласились с индейцем и тотчас же, в прежнем порядке, пустились в плавание.

Теперь уже не было надобности в том, чтобы кто-нибудь указывал дорогу; в канале нельзя было заблудиться. Узкий пролив, по которому они плыли, назывался на языке туземцев ига-рапе, то есть проход для лодки; так называются и сами лодки, на которых туземцы плавают по гапо. Пролив этот имел вид канала, проведенного через рощу, по обеим сторонам его возвышались огромные стены из тропических деревьев, верхушки которых сплетались целой сетью чужеродных растений. В противоположность обыкновенным каналам этот не отличался правильной формой, так как то тут, то там он разливался в маленькие озера; затем, снова сузившись, он тянулся до тех пор, пока деревья не заграждали ему окончательно дорогу, образуя нечто вроде беседки.

Наши путешественники плыли вдоль зеленой стены. Они с большим трудом продвигались вперед; хорошим пловцам то и дело приходилось помогать то одному, то другому. Впрочем, плавание в значительной степени облегчалось самим течением.

Однако течение было едва заметно, оно помогало плыть, но скорости не прибавляло. Пловцы делали не больше мили в час.

До суши, по их мнению, было, во всяком случае не более пятидесяти миль. Надо было только плыть все время в одном и том же направлении.

Индеец долго думал, прежде чем выбрать этот путь, и это вполне понятно, так как малейшая ошибка могла затянуть их тяжелое путешествие на целые недели и даже месяцы.

По счастью, игарапе тянулось как раз в этом направлении. Плавание продолжалось уже несколько часов. Время от времени путешественники отдыхали, держась за лианы или за ветви, висевшие над самой водой.

В полдень индеец предложил сделать привал; предложение его было охотно принято, так как все давно устали и проголодались.

О пище не приходилось беспокоиться; у индейца за спиной было еще несколько жареных попугаев.

Подплыв к толстому ветвистому дереву, путешественники взобрались на него и принялись закусывать. Они рассчитывали, что между этим привалом и предыдущим пробыли в воде около шести часов и проплыли миль шесть. Хорошо, что за все это время они не встретили никакого чудовища вроде каймана. Однако индеец далеко не был уверен, что подобные встречи не повторятся; он все время присматривался и прислушивался.

Немного отдохнув, путешественники наши снова пустились вплавь. В течение нескольких часов они хотя и медленно, но беспрепятственно продвигались вперед. Игарапе тянулось почти по прямой линии и направлялось к северу. Это открытие они сделали ночью, но не при помощи Полярной звезды, так как на экваторе ее совсем не видно. Она всегда прячется в тумане, который окутывает горизонт.

Сириус и другие северные звезды и созвездия помогли путешественникам определить направление игарапе. Солнце светило весь день, и, казалось бы, определить страны света было не трудно; однако это возможно только в широтах более высоких, на тропиках же можно определить страны по солнцу только в том случае, если путешественник точно знает время года.

Треваньов приблизительно знал, что скоро должно быть весеннее равноденствие, когда солнце пересекает экваториальную линию, около которой они находились. Поэтому-то в середине дня солнце было как раз над их головами, и даже самый опытный астроном не мог бы отличить север от юга и восток от запада. Если бы игарапе тянулось не в прямом направлении, а слегка уклонялось в сторону, то среди дня они не могли бы плыть дальше и принуждены были бы дожидаться захода солнца, чтобы определить страны света. Но, к счастью, им не пришлось дожидаться вечера, так как течение было их лучшим путеводителем; оно направлялось в ту же сторону, что и игарапе.

Прежде чем отправиться в путь, путешественники точно определили, что течение склоняется к северо-востоку. Значит, они должны были плыть на север. Благодаря течению они узнали, что, удаляясь от Солимоеса, они приближались к устью большей реки — Япуры.

Старик индеец, казалось, не особенно этому обрадовался; он прекрасно знал, что русло Япуры особенно широко в этом месте, а следовательно, и до суши было еще очень далеко.

Для того чтобы выбраться из потонувшего леса, оставалось только плыть в прежнем направлении; руководимые этой надеждой, они снова пустились в путь.

Однако неожиданное препятствие остановило их: тут был конец игарапе. Станный канал вдруг оканчивался группой деревьев, и пробраться через них не было никакой возможности. Плыть дальше было некуда.

Сначала путешественники подумали, что канал продолжался за деревьями; но индеец, попробовавший было пробраться дальше, уверял, что канал

дальше не шел.

Деревья, которые тянулись по обеим сторонам, заканчивались полукрутом; на самой середине его стояло дерево колоссальной вышины. Оно было значительно выше всех своих соседей; стройнее, могучее, оно как страж леса стояло тут и, казалось, говорило путешественнику: ты не должен идти дальше, вернись.

Солнце уже садилось. Отложив все заботы и размышления до следующего дня, путешественники только старались поудобнее устроиться на ночь. Исполинское дерево, грозно стоявшее на пути, было для них самым подходящим убежищем. Не раздумывая долго, они поспешили воспользоваться гостеприимством гиганта.

Дерево, на котором они находились, был настоящий бразильский орешник. Это дерево растет преимущественно в низменных и сырых местах и достигает значительной высоты. Ствол его иногда бывает на сорок футов в воде во время сильного разлива. У бертолети большие пышные цветы и огромные околоплодники в виде сумок, в каждой из них около двадцати орехов.

Бразильские орехи являются одним из главных предметов торговли на Амазонке. Описывать их подробно нет никакой надобности, так как они слишком хорошо всем известны; как в Америке, так и в Европе нет дома, в котором бы их не ели.

В лесу, где они не составляют ничьей собственности, их собирает, кто хочет; преимущественно ими пользуются индейцы, живущие по берегам гапо. Время сбора орехов — это сухое время года; хотя некоторые племена собирают орехи и во время разлива. С наступлением отлива, то есть когда деревья снова стоят на твердой земле, жители целых деревень занимаются сбором орехов, которые валяются вокруг деревьев.

Околоплодники, наполненные орехами, по тяжести нисколько не уступают пушечному ядру, а потому сборщики орехов, чтобы предохранить голову от падения такого околоплодника, надевают деревянную шапку, напоминающую каску пожарных. Обезьяны Южной Америки до такой степени боятся падения этих громад, что, несмотря на свою страсть к бразильским орехам, никогда не подходят близко к бертолети.

До бразильских орехов не так легко добраться, потому что они защищены толстой деревянной оболочкой. Обезьяны сами никак не могут вскрыть околоплодник; они ждут, пока какое-нибудь животное с более острыми зубами не прогрызет оболочку. Услугу эту им оказывают грызуны. В лесах Южной Америки нередко можно наблюдать такое зрелище. Группа обезьян издали наблюдает за грызуном, который всеми силами старается прогрызть околоплодник бертолети; лишь только грызун добивается желательного результата, обезьяны бросаются на него и отнимают добычу.

Наши путешественники прекрасно устроились на бертолети. Мундруку тотчас же стал жарить оставшихся птиц, и вскоре все принялись за них с большим аппетитом.

IX

Поужинав, наши путешественники ожидали заката солнца, чтобы тотчас же лечь спать. Они уже приготовили себе постели, или, вернее, то, что должно было их заменить на горизонтальной сети из чужеродных растений. Ложе их было далеко не удобно, но они с каждым днем становились все менее требовательными. Плавание утомило их, и всем хотелось спать, однако им не суждено было уснуть.

В глубине леса вдруг послышался шум. Путешественники тотчас же узнали его и совершенно успокоились. Очевидно, к ним приближалась стая обезьян.

Эхо так и разносилось по лесу. Иногда бывает довольно и одного ревуна, чтобы наполнить лес самыми разнообразными звуками.

— Это *гуариба*, — сказал Мундруку.

— Вы хотите сказать, ревуны? — спросил Треваньов.

— Да, господин, и, вероятно, самые голосистые из этой породы. Их сейчас еще лучше будет слышно, так как они направляются в нашу сторону. Они теперь в версте от нас; это доказывает, что в ту сторону лес тянется на расстояние более версты. О, если бы мы могли пробираться по верхушкам деревьев! Нам не пришлось бы так долго странствовать по гапо... Я не ошибся, — сказал индеец, помолчав немного, — они действительно приближаются. Я слышу даже треск ветвей, которые они ломают по пути. Мы скоро их увидим.

Хотя обезьяны и перестали кричать, но приближение их было слышно по треску ветвей.

Вдруг они показались на высоком дереве, в нескольких шагах от наших путешественников. Лишь только вожак их, который был, вероятно, старшим между ними, заметил на своем пути пролив, он тотчас же остановился и закричал. Крик этот был, вероятно, командой своего рода, так как следовавшие за ним сейчас же остановились.

Ясно было, что пролив являлся препятствием на их пути. «Как-то переберутся через него?» — думали путешественники.

Как раз в том месте, где остановились обезьяны, канал заметно суживался. Тем не менее расстояние между горизонтальными ветками, тянувшимися по обеим его сторонам, было около двадцати футов. Казалось, что на ту сторону можно было перелететь только на крыльях. Очевидно, обезьяны не были такого мнения; они готовились к прыжку и только ждали команды своего предводителя. Пока они размещались по веткам, среди них царило глубокое молчание.

Заметно было, что некоторых сильно стесняло присутствие детенышей, которые сидели на спине или на руках у своих матерей.

Медленно поднявшись на самый верх, чтобы его всем было видно, предводитель обезьян стал держать речь. Его слушали в глубоком молчании. Когда он кончил, все что-то заговорили. Казалось, предложение вождя было всеми принято.

Самая сильная обезьяна тотчас же бросилась на конец сука, раскачалась и перелетела через воду на дерево, стоявшее на другом берегу. Следующая повторила с мельчайшими подробностями все жесты своей предшественницы. За ними последовали остальные, строго соблюдая очередь.

Наши путешественники были крайне удивлены ловкостью и точностью

движений этих животных. Хотя зрелище это было чрезвычайно интересно, но то, что путешественники увидели дальше, еще более поразило их. Не только все самцы, но и самки были уже на противоположной стороне; на дереве оставалась только одна мать с очень маленьким детенышем.

Казалось, ему не было и девяти дней. Несмотря на это, однако, он как будто понимал опасность своего положения; изо всех сил цепляясь своими крошечными ручонками за шерсть матери, он крепко обвил свой хвост вокруг ее хвоста. Мать, вероятно, еще не совсем оправилась после родов и поэтому, не рассчитывая на свои силы, не решалась прыгнуть.

Из группы обезьян, сидевших уже на противоположной стороне, тотчас же выделился один самец; он подошел к самому концу того сука, на котором все сидели, и стал уговаривать самку прыгать скорее. На его убеждения мать что-то отвечала, и жесты ее ясно говорили: мне все равно не перескочить. В тоне ее слышалось столько мольбы, что отец детеныша, не настаивая более, перескочил снова к ней и, взяв малютку на плечи, перелетел с ним на другую сторону. Побуждаемая этим примером и, криками друзей, старавшихся ее подбодрить, она тоже прыгнула, но не успела ухватиться хвостом за ветку и полетела вниз головой.

Обезьяны вскрикнули и стали спускаться по дереву. Штук двадцать бросились спасать погибающую. Все были страшно взволнованы; точно действие происходило между людьми. Однако инстинкт скорее рассудка заставляет действовать. Начальник что-то прокричал. Десяток обезьян тотчас же бросились на конец роковой ветки, цепляясь хвостами друг за друга, и быстро вытащили погибавшую. Она посадила своего малютку на плечи и вместе с другими двинулась в путь.

Солнце уже садилось, и путешественники решили, что обезьяны возвращались на ночь домой. Треваньов уверял, что они направлялись к суше, и советовал следовать за ними. Однако Мундруку не соглашался с ним.

— Нет, господин мой, — сказал он, — вы можете ошибиться. То, что обезьяны идут по направлению к суше, так же вероятно, как и то, что они от нее удаляются. Им все равно, где ночевать: над землей или над водой; лишь бы были деревья, на которых можно повиснуть. Мне часто случалось видеть, как они играют на деревьях. Они очень любят собирать плоды и кокосовые орехи.

— А как они спят? — спросил Ральф. — Они устраивают себе гнездо или просто сидят на ветках?

— О, они не так избалованы, как мы! В гнездах спят только самки, да и то лишь тогда, когда они ожидают маленького. Обыкновенно все спят просто на дереве, зацепившись хвостом за нижнюю ветку. Иногда они спят даже в висячем положении.

— Вот странные животные! — вскричал Ральф.

— Да, очень! Их хитрость и некоторые поступки иногда заставляют думать, что они, подобно человеку, одарены разумом. Вы видели, как они спасали несчастную самку, которая упала в воду?.. Очень интересно смотреть, как они достают плоды, находящиеся от них на значительном расстоянии. Они цепляются друг за друга и так добираются, наконец, до плодов и срывают их.

— Сейчас они тоже цепью висели над водою, — сказал Треваньов. — Я помню, Мунди, ты рассказывал что-то еще более интересное.

— Ох, да! Я видел, как они делают мост.

— Каким же образом?

— Они так же спускаются цепью, как вы это сегодня видели.

— Но зачем им мост?

— Для того чтобы перебраться через какой-нибудь быстрый ручей.

— Как же они это делают? — расспрашивал Ральф.

— А вот как, — отвечал индеец. — Они выбирают два толстых дерева, стоящих на противоположных берегах. Затем, спустившись цепью с одного из этих деревьев, они до тех пор раскачиваются в воздухе, пока последнему не удастся зацепиться за намеченное дерево на противоположном берегу. Как только он добьется этого, мост готов. Тогда больные, старики и самки с детьми ловко переправляются на другую сторону по телам своих более сильных товарищей. Когда все пройдут, тот, который заключает цепь, выпускает ветку из рук и летит в воду. Это не опасно, так как он сейчас же по своим товарищам взбирается на дерево; те, в свою очередь, делают то же самое, и таким образом все переправляются на другую сторону.

— Это превосходно! — вскричал Типперари Том. — А ты не видел, Мунди, как они прыгают с деревьев?

— Я видел, как одна обезьяна соскочила с пальмы в сто футов вышины.

— И конечно, разбилась насмерть?

— Не успела она коснуться земли, как снова прыгнула на дерево такой же вышины.

— Вот так штука!

— Как жаль, — сказал Треваньов, — что мускулы наши не обладают такой эластичностью! Бог знает, что ожидает нас. Помолимся же, прежде чем ложиться спать, и попросим Бога, чтобы он поскорее прекратил наши мучения.

После молитвы все разместились как можно удобнее, чтобы хорошенько выспаться и запастись новыми силами.

X

Была полночь, и наши путешественники спали так крепко, как мирные граждане, почивающие на своих перинах. Ирландец и негр громко храпели. Вдруг дуэт этот был нарушен треском ветвей, на которых сидел Типперари Том. За треском послышался крик и плеск воды; казалось, что-то тяжелое полетело в воду со значительной вышины. Все тотчас же проснулись; не успели они прийти в себя, как раздался второй крик и, ко всеобщему удивлению, еще что-то полетело в воду.

В то время как все перекликались, голосов Мозея и ирландца на дереве не было слышно.

Но вот снизу раздались их вопли, они как будто задыхались и зывали о помощи.

— В чем дело? Что с вами? Мозей! Том! — кричали со всех сторон.

— Ах! Помогите! Я захлебнусь!

— Спа... спасите! — молил негр, причем голос его едва можно было узнать. — Спасите, я тону!

Дело принимало серьезный оборот; все знали, что Типперари Том совсем не умел плавать. Ричард и Мундруку тотчас же бросились в воду.

Ночь была темная, и кругом ничего не было видно; но, если бы даже луна и показалась на небе, свет ее все равно не мог бы проникнуть сквозь чащу ветвей, перепутанных бесчисленным множеством лиан. Треваньову с детьми оставалось только прислушиваться к тому, что происходило внизу. Оттуда то и дело доносились какие-то отрывистые звуки и крики ужаса.

Ричарду и индейцу нелегко было в такой темноте спасти товарищей. Пока они ощупью разыскивали Типперари Тома и вытаскивали его, негр совсем выбился из сил. Он и так был весьма посредственный пловец, а попав в воду сонным, он совсем обезумел от страха и не мог даже держаться на воде.

Весьма естественно, что такое пробуждение окончательно парализовало его слабую голову.

Вытащив товарищей из воды, Ричард и Мундруку положительно не знали, что с ними делать. Сначала им пришла мысль тащить их по стволу дерева, с которого они свалились; но потом пришлось отказаться от этой мысли, так как внизу не было ни одной ветки, самый же ствол бы покрыт тиной, и руки по нему скользили, как по стеклу.

Днем они взбирались на это дерево по лианам, теперь же во тьме они никак не могли их нащупать.

Но вот счастливая мысль озарила Ричарда.

— Бросьте нам плавательные пояса! — закричал он.

Просьба его была тотчас же исполнена. Пояса так удачно упали, что они их сразу схватили и надели на спасенных; таким образом, эти последние уже не рисковали больше пойти ко дну. Через несколько минут нашлась и лиана, по которой днем все взбирались на дерево.

Как оказалось, несчастье произошло из-за небрежности Типперари Тома, который не хотел привязать себя и потому во сне свалился в воду; крики падающего ирландца так напугали негра, что он вскочил от ужаса и, потеряв равновесие, полетел вслед за ирландцем.

Мундруку рассердился на товарищей за то, что они помешали ему спать и

что благодаря им он теперь был совершенно мокрый; чтобы подобный случай не повторился, он привязал обоих потерпевших так крепко к дереву, что даже при самом беспокойном сне они не могли упасть в воду.

Весь следующий день прошел в разведках. Хотя путешественники наши отошли всего лишь на шестьсот шагов от того дерева, на котором ночевали, однако это утомило их больше, чем если бы они прошли двадцать миль по суше.

Трудно себе представить, сквозь какую чащу им приходилось пробираться; это была смесь деревьев с чужездными. Тут можно было встретить и ползучую пальму, и тростниковый шиповник, сплошь покрытый острыми иглами, которые больно колются.

Солнце уже садилось, когда Ричард и Мундруку, ушедшие далеко вперед, вернулись с очень грустными вестями. Кругом была вода, на всем своем пути они не видали ни кусочка суши. Индеец уверял, что по некоторым признакам земля еще очень далеко. Это подтверждалось и сильным течением. Путешественники остановились и стали обдумывать, как им быть дальше.

Как раз в этом месте канал в лесу оканчивался, и вслед за чащей, которая была перед ними, по словам разведчиков, начиналось большое водное пространство; ближайший берег его был от них в двухстах саженях, то есть как раз на таком расстоянии, которое они прошли за весь день. Вдали виднелись верхушки деревьев; к ним-то Мунди и предложил всем плыть.

— Зачем? — спросил Треваньов. — Мы ведь не можем переплыть такое огромное пространство; лодку же сделать невысказано из этих сочных деревьев. Зачем же нам направляться туда, если там нет суши?

— Господин мой, — сказал индеец, — больше нам идти некуда, вся наша надежда на эту воду.

— Но мы ее уже достаточно видели. Позади нас осталось немало таких водных равнин.

— Это правда, господин, но там вода текла совсем в другом направлении. Поймите же, ведь это разлив, и если мы вернемся, то придем к устью реки; а там ведь мы погибнем без лодки. Хотя суша и далеко, но, плывя в эту сторону, мы будем приближаться к ней.

— На чем же мы пустимся в это огромное водное пространство?

— Вплавь.

— Ведь ты сам говоришь, что берегов почти не видно и что вода тянется более чем на десять миль?..

— Да, я так думаю.

— Но ты не думаешь, надеюсь, что мы можем переплыть расстояние в десять миль?

— Отчего же нет? У нас есть плавательные пояса, которые будут поддерживать нас на воде. Если их будет недостаточно, мы сделаем еще.

— Никак не могу понять, зачем нам туда плыть, если там нет суши.

— Суша есть, только я думаю, что очень далеко. Нам необходимо плыть в ту сторону, иначе мы никогда не выберемся из гапо. Если же мы в нем останемся, то умрем с голода или просто от истощения. Мы месяцами будем блуждать по лесу, не находя выхода. Послушайте меня, господин; и поплывем дальше с восходом солнца.

С гибелью судна отношения между Треваньовом и индейцем совершенно

изменились. Теперь этот последний стал главным руководителем, и бывший руководитель всегда подчинялся его решениям. Так случилось и в этот раз. На рассвете наши путешественники двинулись в путь, указанный накануне индейцем.

Кругом была непроглядная тьма, ни один луч не проникал сквозь чащу деревьев.

Подобно обезьянам, наши путешественники пробирались по верхушкам деревьев; однако они в значительной степени уступали этим животным как в быстроте, так и в ловкости движений. После долгой и утомительной гимнастики (им приходилось и прыгать, и взбираться на верхушки, и сползать вниз) они добрались, наконец, до опушки леса; тут они увидели то громадное водное пространство, о котором говорил им Мундруку. Глаза их, наконец, отдохнули после темноты, в которой им приходилось пробираться по лесу.

— Мне очень интересно, Мунди, — сказал Треваньов, — что ты придумаешь, чтоб переправить нас на ту сторону?

— Но ведь я же сказал вам, мы опять поплывем.

— Это невозможно, до того берега не менее десяти миль. Там с трудом можно разобрать деревья.

— Разве мы уже не проплыли столько же, после того как буря разбила лодку?

— Да, но мы не раз отдыхали в это время. Тут же нам не один день придется пробыть на воде.

— Очень может быть, но если мы этого не сделаем, то нам придется пять, шесть месяцев пробыть на этих деревьях, питаясь только кокосовыми орехами да плодами. Мы окончательно потеряем силы и попадаем друг за другом в воду или в пасть крокодила.

Треваньов не мог возражать на такие доводы индейца.

Теперь нужно было хорошенько отдохнуть и запастись силами на следующий день; путешественники выбрали для этой цели самое удобное дерево. К несчастью, им не удалось подкрепиться как следует; дичь они доели накануне, и у них оставались лишь бразильские орехи.

Немного закусив, Мундруку и Ричард стали делать себе плавательные пояса. Им предстояло длинное и тяжелое путешествие, и пренебрегать теперь вспомогательными средствами было бы очень рискованно.

Треваньов между тем старался развлечь детей разговорами.

— Посмотрите, точно озеро, — сказал он, указывая на воду.

— Это и есть озеро, — заметил индеец, — оно только стало гораздо больше благодаря разливу.

— Почему ты это думаешь?

— По многим признакам. Во-первых, если б это не было озеро, то над водою возвышались бы деревья, а во-вторых, я вижу там пиозоку, и это уже ясно доказывает, что тут озеро.

Говоря это, Мундруку указывал на два темных предмета, которые до того времени никто не замечал. Присмотревшись внимательно, можно было ясно различить двух больших птиц, напоминающих собою журавлей. Они были темные с красноватыми крыльями, отливавшими на солнце зеленым цветом. Путешественники заметили в их сложении некоторые особенности; так, например, в верхней части туловища, около крыльев, у них были большие ост-

рые отростки в виде шпор, а длинные и тонкие ноги оканчивались огромными лапами, которые в виде звезд из четырех лучей лежали горизонтально на поверхности воды. Птицы эти представляли собою странное зрелище: они не погружались в воду, а стояли на ее поверхности, точно на льду. Особенно же они поразили наших путешественников, когда побежали в разные стороны, точно они были не на воде, а на суше.

— Неужели они ходят по воде? — спрашивали индейца его спутники.

— Нет, — отвечал он, — они бегают по водяной лилии, называемой «виктория-регия». Ее листья с загнутыми краями напоминают собою огромные сковороды.

Птица, которую индеец называл пиозокою, водится как в Африке, так и в Америке.

Наши путешественники не заметили, как индеец спустился с дерева и поплыл под ветками прямо к птицам; но вот они увидели, как он крепко схватил за ноги одну из них. Другая с громким криком полетела к лесу. Вскоре на дереве загорелся костер, а вслед за ним появилось и жаркое. Закусив мясом жареной птицы, путешественники легли спать.

На рассвете все поднялись и снова отправились в путь. Плавательные пояса были пересмотрены индейцем, так как малейшая дырочка могла повлечь за собою самые печальные последствия. Мунди покрыл ореховую скорлупу вторым слоем каучука и тщательно осмотрел связки, которые составляли сам пояс. Наши путешественники пустились в плавание далеко не в веселом настроении. Ясно было, что и Мундруку совсем не уверен в благополучном исходе предложенного им путешествия. Большую обезьяну решили оставить в лесу, так как тащить ее на плечах было бы очень тяжело.

Даже Типперари Том отказался от нее, несмотря на ее сильную привязанность к нему; он не мог забыть, как обезьяна чуть не задушила его своим хвостом, когда они плыли к лесу. Тихонько спустился он с дерева и поплыл впереди всех. Путешественники были уже далеко, когда животное заметило их отсутствие. Убедившись, что его покинули, оно стало жалобно кричать.

Попугай, тоже предоставленный самому себе, не пожелал оставаться в обществе обезьяны. Он полетел вслед за пловцами и снова занял свое любимое место на курчавой голове негра. Хотя Мозею не особенно лестно было такое предпочтение, тем не менее он должен был ему подчиниться.

Путешественники наши подбодрились: плыть было довольно легко, и они уже сделали больше мили. Плывя все время с такою скоростью, они смело могли добраться до противоположного берега до заката солнца.

Веселое настроение их, однако, скоро изменилось. Мандруку нахмурил брови, и радостные надежды тотчас же покинули его спутников. Индеец то и дело оглядывался. Беспокойство его передалось Треваньову, и он тоже стал поглядывать назад, однако ничего не увидел там, кроме верхушек деревьев, да и те уже были едва заметны.

— Что ты все оглядываешься, Мунди? — спросил он индейца. — Может быть, нам грозит снова опасность? Я положительно ничего там не вижу, кроме верхушек деревьев, да и те уже пропадают.

— В этом-то и беда; скоро мы их потеряем из виду и тогда... признаюсь, господин, что дело будет плохо. Я совсем не подумал об этом, отправляясь в путь.

— Ах, я понимаю, что ты хочешь сказать. До сих пор ты плыл по деревьям,

и, потеряв из виду, ты боишься заблудиться?

— Да, господин мой. Тогда только Великий Дух может нас спасти.

Вдруг он быстро поплыл вперед; он желал убедиться, удастся ли ему плыть в прямом направлении, не руководствуясь ничем. Обогнав товарищей сажень на сто, он снова оглянулся. Дерево, на котором они ночевали, было прямо против него. Опыт удался как нельзя лучше, и индейца снова озарила надежда благополучно добраться до противоположного берега.

Успокоив своих спутников, он попросил их как можно скорее следовать за ним. Он несколько раз останавливался и проверял себя; при последней остановке он посоветовал товарищам держаться ближе друг к другу, плыть тише, чтобы не утомляться и не останавливаться для отдыха, и, наконец, все время молчать.

Все беспрекословно повиновались ему. Тишину нарушал только плеск воды, да изредка над ними проносился крик орла.

Но вот они наплыли на труп большой обезьяны, и уистити, сидевшая на плечах Ричарда, подняла жалобный вой. Обезьянка дрожала всем телом. Она думала, вероятно, что и ей грозит та же участь, но так как никто не обращал на нее внимания, то она скоро замолкла, и над водой воцарилось молчание.

Прошло еще полчаса. Вдруг уистити вытянулась во весь рост и снова жалобно завывала.

Желая узнать, что беспокоит обезьянку, пловцы осмотрелись и увидели в десяти шагах от нее другой труп. Они подумали, что в лагуне утонуло несколько обезьян.

Однако индеец не разделял их мнений и посоветовал им остановиться. Плывая мимо первой обезьяны, он заметил на ее трупе некоторые особенности. Те же особенности он нашел и на трупе второй обезьяны. Словом, они второй раз встречали один и тот же труп. Обстоятельство это ясно доказывало, что они уклонились от прямой линии и, описав круг, снова возвращались к тому месту, от которого плыли; труп обезьяны не мог догнать их, передвигаясь только по течению и от ветра.

— Мы заблудились, господин, — сказал Мундруку. — Полчаса тому назад мы были на этом самом месте. Верно, так угодно Великому Духу. Здесь оставаться больше нельзя, поплывем опять к деревьям.

— До них теперь не трудно добраться, — сказал Треваньов.

Мундруку сомнительно покачал головой. Треваньов задумался. Он понял, что они напрасно кружились на одном месте и что если так будет дальше, то они не скоро доберутся до деревьев.

Индеец то и дело высывался из воды; он напоминал собою охотничью собаку, выслеживающую дичь. Судя по отчаянию, которое выражалось на его лице, товарищи не должны были ожидать ничего хорошего. Увидя, что индеец взвалил еебе на плечи мертвую обезьяну, они поняли, что он запасается провизией и что, следовательно, им предстоит еще долгое путешествие. Он просил спутников не отставать от него, и, несмотря на то что он уже раз ошибся, товарищи все-таки следовали за ним; больше ведь им ничего не оставалось.

Благодаря плавательным поясам они могли долго держаться на воде. Жажду они могли легко утолить, голода пока не ощущали; они хорошо закусили мясом жареной птицы и бразильскими орехами. Но что будет дальше? Это за-

ставляло их призадуматься.

XI

Теперь нечего было и думать о том, чтобы переплыть лагуну; следовало только как можно скорее выбраться из нее. Путешественники желали с какой бы то ни было стороны доплыть до леса, но и это было не так легко. Глядя на беспокойство и озабоченный вид своего жожака, путешественники думали, что им не добрать даже до затопленного леса. Они могли кружиться как в водовороте до тех пор, пока не обессилеют, а там их ожидают голод и смерть. Слабые, неспособные защищаться, они попадут в пасть какого-нибудь чудовища или же будут растерзаны хищными птицами. В криках орла, летевшего над ними, им слышалось уже торжество победителя; казалось, страшная птица понимает, что они должны погибнуть.

Было, вероятно, около полудня. С самого утра небо покрылось свинцовыми тучами и солнца совсем не было видно. Но вот стало светлеть, и Мундруку оживился.

— Если солнце покажется, все будет хорошо, господин, — отвечал он на вопросы Треваньова. — Теперь пока пользы от него нет, но через час появится тень, и тогда мы смело поплывем вперед. Не бойтесь, к вечеру мы выберемся отсюда.

Можно себе представить, как обрадовали всех слова индейца.

— Мне кажется, — продолжал Мундруку, — что нам не мешало бы теперь остановиться и отдохнуть, пока не выяснится направление по тени от солнца. Продолжая плыть, мы рискуем уклониться от надлежащего пути.

Усталые пловцы охотно приняли предложение товарища. Мундруку еще раз высунулся из воды, чтобы взглянуть, нет ли где деревьев, но, убедившись, что кругом ничего не видно, он снова поплыл.

Прошло около часа. Пловцы, словно на зеленом лугу, отдыхали на своем водяном ложе, не спуская глаз с неба. Судьба их была теперь в его руках; покройся оно снова тучами, и положение их станет хуже прежнего, так как они с отдыхом потеряли много времени. Мундруку тоже смотрел на небо и старался определить солнечный путь.

Вдруг он попросил всех лежать спокойно, и, когда поверхность воды стала совершенно гладкой, он вынул из кармана нож и поставил его вертикально над водою; подобно ученому, со страхом следящему за результатом каких-нибудь сложных опытов, он следил за своим ножом. Вскоре он разглядел тень и был совершенно удовлетворен. Сначала тень эта была едва заметна, но затем она стала делаться все длиннее и длиннее. Определив с помощью тени страны света, индеец спрятал нож; он попросил товарищей следовать за ним и поплыл на восток. Время от времени он останавливался и повторял свой опыт с ножом, чтобы убедиться, что плывет в надлежащем направлении. Скоро, однако, ему уже не надо было прибегать к этому опыту, так как на горизонте показался лес.

Солнце садилось, когда они подплыли к деревьям и стали взбираться на них. Если бы они не были так измучены и не стремились бы как можно скорее выбраться из воды, они очень огорчились бы, увидев, что находятся на том же месте, где провели прошлую ночь.

Потонувшая обезьяна, которую Мунди захватил на лагуне, пошла им на

ужин. В то время как они взбирались на дерево, произошел интересный случай, о котором нельзя не упомянуть. С дерева вдруг послышались какие-то странные крики, напоминавшие собою крик обезьяны коанты. Действительно, их радостно приветствовало покинутое ими животное. Коанта была так счастлива при виде их, что забыла даже на них рассердиться.

Измученные безрезультатным плаванием, путешественники просидели на дереве до следующего полудня. Их дальнейшая участь приводила их в отчаяние.

Однако по мере того как тело отдыхало, нервы тоже успокаивались, и путешественники наши становились бодрее. Скоро они принялись обсуждать, как выйти из тяжелого положения. Не пуститься ли снова в путь? Не попробовать ли еще раз переплыть лагуну? Но едва ли можно было надеяться на больший успех, чем накануне. Они и второй раз могли так же заблудиться, как первый, и плавание их могло кончиться не так благополучно, как в этот раз. Все говорили, кроме Мундруку. Индеец не высказывал никакого мнения; его молчание и сумрачный вид ясно говорили о том, что он был страшно огорчен вчерашней неудачей. Хотя никто и не думал упрекать его в этой неудаче, однако всеобщее доверие к нему сильно поколебалось.

На этот раз план действий был составлен самим Треваньовом. Все были согласны с тем, что земля находилась по ту сторону лагуны; следовательно, нужно было во что бы то ни стало добраться до ее противоположного берега. Плыть больше никто не решался. Пробираться по деревьям нечего было и думать; хотя на всем пути деревья росли очень близко друг от друга, но на такое путешествие понадобились бы недели, а может быть, даже и месяцы. А разве возможно прокормиться в течение такого времени?

Итак, переплыть лагуну было невозможно, подвигаться вперед по деревьям тоже, следовательно, оставалось только плыть вдоль опушки потонувшего леса, под тенью деревьев, на которых в случае надобности можно было отдохнуть и провести ночь. Мнение это было единодушно принято всеми путешественниками. Даже индеец признал эту мысль гораздо удачнее своего вчерашнего предложения.

Для выполнения этого плана не требовалось никаких особых приготовлений: нужно было только, надев пояса, спуститься в воду и все время плыть возле деревьев.

Все тотчас же пустились в путь.

Пловцы делали около мили в час. Если бы они могли плыть без остановки, то продвигались бы в день миль на десять, на двенадцать и дня через два, через три были бы на той стороне лагуны; однако это было невозможно, и они время от времени останавливались и, ухватившись за ветки, отдыхали.

Плаванью их сильно мешала огромная водяная лилия, о которой упоминали выше; ее круглые листья лежали на поверхности воды один около другого, а толстые стебли так крепко переплетались между собою, что плыть между ними не было никакой возможности. Огромные пространства были усеяны этими лилиями. Пловцам не раз приходилось из-за них делать крюк, описывая круги в несколько сажен. Вот почему они за весь день проплыли только три мили.

Мысль о привале возникла у них не потому, что было уже поздно или что они очень устали, а просто потому, что все были ужасно голодны.

— Мне очень хочется есть, господин, — сказал Мундруку, — надо бы подумать об ужине.

— Что же у нас будет на ужин? — спросил Треваньов. — Тут много деревьев, но, кроме листьев, на них ничего нет. Что же мы можем есть?

— У нас будет молоко на ужин, если вы позволите остановиться на одном из деревьев, недалеко отсюда.

— Молоко! — с удивлением воскликнул Типперари Том. — Неужели, Мунди, тебе доставляет удовольствие дразнить нас? Какое тут может быть молоко, когда нам нужно пройти по крайней мере сто миль, чтобы добраться до хвоста коровы?

— Ты ошибаешься, Том, в гапо, как и на суше, тоже водятся коровы. Только эти коровы не с ногами и хвостами; они совсем особенные. Их тут много. Ты, наверное, видел их, когда мы спускались по реке.

— Ты говоришь, вероятно, о морской корове? — спросил Том, полагая, что индеец подразумевал под этим названием большую породу тюленя, ламантина, которая часто встречается на Амазонке. — Да и то, — продолжал ирландец, — подоить ее, в то время как она плывет, довольно мудрено. Вот если бы нам удалось поймать такую корову! Впрочем, тогда было бы уже не до молока, мы гораздо охотнее полакомились бы ее мясом.

— Вот там, — сказал Мундруку, указывая на верхушки деревьев, — стоит корова, которая снабдит нас не только молоком, но и хлебом. Неужели вы не видите массарандубы?

Все посмотрели в сторону, указанную индейцем. Сначала никто не заметил ничего особенного. Над водою поднималась целая стена из всевозможных листьев. То тут, то там из общей массы выделялись некоторые верхушки деревьев. Следуя указаниям вожака, путешественники заметили, наконец, особенное дерево; оно было настолько выше других, что имело вид великана, стоящего посреди пигмеев.

Это и была амазонская массарандуба, одно из замечательнейших деревьев даже в таком лесу, где встречаются самые разнообразные и необыкновенные растения.

Только Треваньов и Ричард знали, каким образом дерево может снабдить хлебом и молоком; для других же это было совершенно непонятно. Молодой человек с радостью смотрел на дерево, которое обещало им хороший ужин.

Массарандуба — это знаменитое дерево-корова. Оно известно еще под названием «молочное дерево» и растет в Южной Америке. Гумбольдт описывал его достаточно подробно, а впоследствии ботаники разных стран. Оно принадлежит к тому же семейству крапивных, к которому относится и хлебное дерево. Но еще удивительнее то, что к этому семейству принадлежит и знаменитый анчар, древо смерти. Как в одной семье бывают часто и добрые, и злые дети, так и к одному семейству принадлежат не только деревья, дающие здоровую пищу, но и такие, в соке которых заключается один из злейших ядов.

Массарандуба — не единственный представитель так называемых молочных деревьев. К этому виду принадлежат и другие деревья, сок которых похож на молоко и более или менее безвреден. Некоторые из них дают очень вкусное и питательное молоко.

Массарандуба — одно из самых больших деревьев на Амазонке; оно бывает более двухсот футов вышины, причем верхушка имеет вид огромного купола.

Иногда из него получают бревна в сто футов длины. Дерево это очень крепкое.

Как большинство американских деревьев, массарандуба растет в одиночку, так что на расстоянии мили можно встретить два, три, очень редко шесть таких деревьев. Его легко узнать по красноватой шершавой коре, из которой индейцы готовят темно-красную краску. Плод его, величиною с яблоко, очень сочный и вкусный. Его-то Мундруку и имел в виду, говоря о хлебе своим голодным товарищам. Однако главное значение имеет не плод, а сок этого дерева; стоит только сделать на коре надрез, и оттуда потечет белая жидкость, сильно напоминающая собою молоко. Если бы не бальзамический запах этого сока, можно было бы подумать, что это настоящее густое коровье молоко. Поставив немного на воздухе, сок сгущается и образует нечто похожее на сыр. Чтобы оно не густело, нужно подлить к нему воды. Туземцы едят его с маисовым хлебом. Его употребляют также с чаем, кофе и шоколадом. Многие из-за бальзамического аромата предпочитают его настоящим сливкам.

Молоко массарандуба в большом ходу среди испанцев и португальцев Южной Америки. Оно никогда не приносило никому вреда; вот почему молочное дерево причисляется не только к самым необыкновенным, но и к самым полезным произведениям щедрой природы.

К этому-то дереву и направились наши путешественники. Оно стояло в глубине леса, так что от опушки пришлось проплыть до него ярдов двести. Как и следовало ожидать, ствол и ветви этого дерева были обвиты чужеродными растениями, из которых большинство составляли лианы. По этим последним путешественники легко взобрались на дерево и прекрасно устроились на нем. Толстые, продолговатые, с заостренными концами листья защищали их от солнца. Дерево было сплошь покрыто плодами, эти яблоки всем очень понравились. Впрочем, если бы даже они и не были вкусны, то и тогда голодные и усталые путешественники нашли бы их превосходными.

Мунди прежде всего позаботился об угощении товарищей, он сделал своим ножом около дюжины надрезов в коре молочного дерева и к каждому из них подставил скорлупу ореха са-пукайи, отвязав ее от плавательных поясов.

Результаты этой операции не заставили себя ждать. Не прошло и двадцати минут, как каждый из путешественников уже наслаждался великолепными сливками.

Все были так рады поужинать, что никому и в голову не приходило позаботиться о том, чем они будут питаться завтра, но индеец сообщил им, что на следующий день они могут получить такую же вкусную пищу.

Это счастливое открытие ободрило их; они решили, что Провидение, так неожиданно пришедшее им на помощь, печется о них и что оно оградит их от всех опасностей, которым они будут подвергаться во время путешествия. Все были хорошо настроены и много говорили. Главной темой для разговора послужило, конечно, дерево, которое в этот вечер приютило и накормило их. Ричард рассказал, что в Паре негритянки продают на рынках не только плоды этого дерева, но и молоко и что это молоко прекрасно заменяет клей. Сломается ли гитара или скрипка, разобьется ли фарфор, стоит только помазать их соком массарандуба, и вещь склеится; мало того, она прекрасно переносит и жар, и сырость.

Другая интересная особенность этого сока заключается в том, что его мож-

но получить и после того, как дерево срубят; в течение нескольких месяцев рабочие лесопильного завода добывают для своего кофе сливки из бревен массарандуба. В противоположность обыкновенным коровам дерево это дает молоко и после смерти.

Солнце уже зашло, и собеседники решили, что пора отдохнуть. Только они принялись устраиваться на ночь, как вдруг произошло обстоятельство, которое помешало им лечь спать.

Когда путешественники поплыли вдоль леса, коаита осталась на дереве. Даже ее любимец Том не позаботился о ней. Пловцы решили, что обезьяна прекрасно проживет и без них в потонувшем лесу, и нисколько не жалели, что бросили ее; тем не менее, когда вблизи массарандубы послышался ее крик, все очень обрадовались. Вскоре коаита появилась на том дереве, на котором сидели наши путешественники, и тотчас же бросилась к Тому. Оказывается, животное, не теряя пловцов из виду, следовало за ними по деревьям. После разлуки все были рады коаите и каждый старался приласкать ее.

XII

Поблагодарив Бога за спасение, путешественники легли спать. На следующий день они снова пустились в плавание. Как и накануне, путь их то и дело заграждали заросли виктории-регии; несмотря на все старания, они поплыли до полудня всего лишь три мили. Оглянувшись, они могли еще ясно рассмотреть массарандубу. Даже под вечер, проплыв около десяти миль, они не потеряли еще из виду этого огромного дерева.

С закатом солнца они остановились. Однако кругом не было видно ни одного подходящего дерева, на котором они могли бы отдохнуть. Между деревьями, плотно прижавшимися друг к другу, нельзя было найти ни одного большого горизонтального сука, на котором можно было бы расположиться на ночь. Приходилось ночевать в воде. Положение было пренеприятное, к тому же индеец знал, что оно могло повлечь за собою весьма серьезные последствия. Провести ночь в воде очень рискованно даже не под тропиками. Следовало во что бы то ни стало как-нибудь устроиться хоть на верхушках деревьев.

Так они и сделали, хотя это стоило им большого труда. Ветви были так тонки, что не было никакой возможности лечь на них; приходилось все время держаться и стараться не спать, чтобы не упасть в воду.

С рассветом пытка эта кончилась. Они снова пустились в путь, но плыли так медленно, как никогда, потому что силы их все уменьшались, а препятствия в виде различных водяных растений увеличивались. Лагуна у самого берега была сплошь покрыта водорослями. Ко всему этому нужно еще прибавить, что они со вчерашнего вечера ничего не ели и голод сильно мучил их.

Вдруг они увидели на поверхности воды какой-то странный предмет. Казалось, что он был в четверти мили от них. Длина его достигала двенадцати ярдов. От воды до верхнего края было около шести футов. Предмет этот был темного цвета и походил на сухую илистую мель, на которой торчали какие-то огромные колья. Сердца пловцов радостно забились. Им так хотелось верить, что это не мель, а часть материка! Вероятно, это только островок, так как он со всех сторон окружен водою. Ничего! Лишь бы только это была суша, они так выспятся на ней, как не спали еще ни разу со дня гибели галатеи. Кроме того,

островок этот доказывал близость материка.

Высунувшись из воды, Мундруку внимательно разглядывал темную массу; он сообщил товарищам, что она еще очень далеко. Несмотря на такое неприятное известие, пловцы не падали духом и изо всех сил стремились к темному предмету, породившему в них столько радостных надежд. Вдруг то, что они принимали за колья, отделилось от земли и оказалось просто-напросто темными птицами. Распустив свои широкие треугольные крылья, они летали над головами путешественников и своим криком, казалось, выражали полное удивление. Присутствие птиц еще более подтверждало, что темная масса действительно часть суши.

Однако, когда они подплыли ближе к темному предмету и когда до него оставалось всего лишь сто ярдов, они узнали, наконец, что жестоко ошиблись.

— Это не земля! — вскричал индеец с отчаянием в голосе. — Это не остров, не мель, не какая другая часть суши, а просто палое дерево!

— Что же это значит? — спросил Треваньов.

— Старое дерево, монгуба, засохло и упало; ветви его давно обвалились, а ствол течением занесло сюда.

Никто не понимал индейца. Слова его были ясны только одному Ричарду.

— Это ствол упавшего дерева, дядя, — сказал он. — По тому, как оно держится на воде, я уже вижу, что это действительно монгуба, как сказал Мунди. Кажется, стебли виктории не дают ему плыть дальше.

Объяснение это было прервано радостным криком индейца, он чем-то был ужасно доволен.

— Господи, Боже! — воскликнул он, высовываясь из воды. — Господин мой, ведь Мундруку совсем сумасшедший человек! Где же у него голова? Вероятно, она потонула в гапо вместе с галатеей!

— Пресвятая Богородица! Что с ним? — спросил Типперари Том, на лице которого, как в зеркале, отразилась радость, светившаяся в глазах индейца. — Уж не видит ли он землю?

— В чем дело, Мунди? Почему ты называешь себя сумасшедшим?

— Подумайте только, господин мой, до какой степени я был глуп, когда пришел в отчаяние при виде ствола сухого дерева! Да какого еще дерева! Огромной монгубы, из которой можно сделать прекрасную лодку для всех нас. Слава Великому Духу — мы спасены.

Теперь только товарищи поняли индейца и очень обрадовались его словам.

— Действительно, — вскричал Треваньов, — это как раз то, что нам было нужно! Из этого большого дерева мы можем сделать лодку. Слава Богу! Теперь я могу надеяться снова увидеть родную Англию!

Тотчас же пловцы стали взбираться на плавающий ствол. Однако это не скоро им удалось, так как плавательные пояса сильно мешали им и они не раз падали в воду. Кроме того, взбираться было довольно трудно еще и по той причине, что ствол возвышался на шесть футов над водой. Но вот, наконец, все устроились на нем и принялись его рассматривать. Это был ствол дерева из семейства мальвовых, дерево, родственное с баобабом и хлопчатником.

Существует несколько видов американского бомбакса. Деревья эти приносят большую пользу. Так, например, из стволов монгубы, растущей в лесах Амазонки, выделывают лодки. Из одного ствола выходит огромная лодка, вме-

щающая двадцать бочек сахару и целый экипаж индейцев. Легкость — отличительная черта этого дерева, а потому для постройке судов оно положительно незаменимо.

Шелк или хлопок, окружающий семена этих пород деревьев, хотя и выглядит очень хорошо, но для выделки совсем не пригоден: он легко рвется и из него невозможно выпрясть нитки. Он продается в Европе под именем капка, и его употребляют обыкновенно на набивку тюфяков, диванов и подушек. Индейцы, живущие на Амазонке, употребляют его на пыжи при зарядке ружей.

Монгуба и другие родственные деревья имеют странную особенность: на стволе их часто образуются большие наросты. Иногда на стволе хлопчатника можно встретить два нароста в виде огромных досок, покрытых корой, как и само дерево, и образующих нечто вроде лошадиного стойла. Иногда эти перегородки достигают пятидесяти футов вышины.

Хлопковое дерево и миссисипский кипарис имеют ту же особенность.

Монгуба является одним из интереснейших деревьев в лесах Южной Америки. Огромные его размеры, странные наросты, серо-зеленая кора, громадные ветви и роскошная листва — все это делает монгубу заметной даже в таком лесу, где растительное царство имеет множество интереснейших и самых разнообразных представителей.

Как раз на стволе такого дерева, давно лишенного ветвей и листьев, наши путешественники и нашли себе приют.

Впрочем, нужно заметить, что ни одну нерадушную хозяйку гости так скоро не покидали, как путешественники наши покинули приютившее их дерево.

Читателю, конечно, кажется странной поспешность, с которой они покинули убежище, так обрадовавшее их сначала. Тем более что причиною этого быстрого отступления было насекомое величиною не больше муравья. Взбравшись на ствол, путешественники принялись внимательно рассматривать его. Треваньов соображал, как лучше пустить в ход это судно: на парусах, хотя устроить их было довольно мудрено, или же на веслах, что сделать гораздо легче?

— Токандейра! Токандейра! — вдруг закричал индеец, и в голосе его слышался ужас. Товарищи его страшно испугались. Невольно все стали смотреть в сторону, указанную индейцем. В противоположном конце ствола, в углублении между двумя наростами, кора вдруг изменилась. Она стала красная, как кровь, и как будто дрожала.

— Токандейра! — повторил Мунди, указывая на это место.

— Уж не эти ли красненькие насекомые нагнали на тебя такой страх? — спросил Треваньов.

— Да. А вы знаете, что это за насекомые?

— Это муравьи!

— В том-то и дело, господин мой, это страшные жгучие муравьи. Мы их потревожили. Благодаря нашей тяжести монгуба погрузилась в воду, и вода залила их жилище. Это выгнало их наружу, и теперь они злее черта. Господи, Боже! Надо скорее бежать от них, а то через десять минут у нас на коже не останется живого места, все будет искусано.

— Это правда, дядя, — сказал Ричард. — Мунди несколько не преувеличи-

вает. Если эти насекомые нападут на нас, они закусуют нас до смерти. Надо скорее бросаться в воду.

Тон, которым это было сказано, и вид говорившего ясно доказывали, что все это правда. Между тем насекомые широкой полосой подползали к нашим путешественникам.

К счастью, никто не снимал плавательного пояса, через минуту все были в воде. Теперь нужно было подумать и том, что делать дальше. Никто не допускал мысли об уступке муравьям сухого дерева. Мундруку уверил товарищей, что насекомые не будут преследовать их в воде, а потому они отплыли от ствола лишь на несколько футов и остановились, чтобы обсудить свое положение.

Нужно было во что бы то ни стало прогнать муравьев и овладеть монгубой. Насекомые между тем массами покрывали ее кору. Местами они двигались целыми колоннами, как солдаты, выступающие в бой.

Мундруку глубоко задумался.

— Как бы нам от них избавиться? — спросил Треваньов.

Индеец молчал. Он твердо помнил урок, полученный им после совета переплыть лагуну.

— Попробуем зажечь на дереве костер, огонь быстро истребит всех насекомых, — сказал Типперари Том.

— Подумай только, Том, что ты говоришь. Если огонь истребит насекомых, то он, несомненно, сожжет вместе с ними и ствол. Что же в этом будет хорошего?

— Ну, если огонь не годится, то не поможет ли нам вода? Попробуем потопить муравьев. Мундруку уверяет, что они не умеют плавать, значит, попав в воду, они потонут.

— Но каким же образом потопить их? — спросил Треваньов.

— Ничего нет проще. Стоит только перевернуть ствол, окунув его в воду верхней стороной.

Пловцы одобрили эту мысль и принялись перевертывать монгубу. Однако сделать это было мудрено; во-первых, ствол сам по себе был ужасно тяжел, а во-вторых, нижняя часть его разбухла от воды, да и наросты сильно мешали. Словом, удалось погрузить в воду только незначительную часть всей окружности. Пловцы работали руками и плечами, но, несмотря на все их старания, ствол только слегка наклонился, а потом принял прежнее положение. Ясно было, что задача эта им не по силам, и они хотели уже прекратить свои старания, как вдруг крик одного из них заставил товарищей броситься прочь от ствола. Кричал Типперари Том, и в голосе его слышался не только испуг, но и страдание.

Пловцы начали было осыпать вопросами своего товарища, но вдруг сами стали также кричать. Оказалось, что в то время, когда они плечами напирали на ствол, с этого последнего свалилось десятка два муравьев, которые спасались на них от воды. Вместо того чтобы поблагодарить людей за спасение от верной смерти, злые насекомые впились в них своими ядовитыми жалами, как бы желая отомстить им.

Пловцы метались во все стороны и то и дело окунались с головой. Хотя кожа их была расцарапана до крови и сильно болела, но они все-таки решили ни за что не уступать муравьям монгубы.

Несколько минут все думали о том, каким образом избавиться от врагов, завладевших плавающей колодой. Решено было плыть снова к опушке леса и там во время отдыха на каком-нибудь дереве обсудить этот вопрос. Однако Типперари Том уже придумывал новый план действий.

— Если мы не можем прогнать насекомых со ствола, то, наверное, нам удастся смыть их с него водою. Не правда ли» господин?

— Ты думаешь потопить их, заливая водою? — спросил Ричард.

— Да, господин.

— Это хорошая мысль, попробуем последовать твоему совету. Итак, за дело! — сказал Треваньов. — Окружим ствол со всех сторон. Роза, ты будь тут. Трое из нас останутся на этой стороне, а трое пойдут на ту. Будем стараться плескать воду все разом.

Темный цвет дерева вдруг сменился багрово-красным. Точно потоки крови потекли по всем направлениям.

По команде Треваньова все осаждающие разом принялись плескать воду на дерево. Вода заливала весь ствол, целые ручьи пенились и бежали с него, унося с собою муравьев.

Успех обрадовал путешественников; все радостно кричали. Больше всех торжествовал Типперари Том. Он очень гордился своей выдумкой и с удовольствием принимал благодарность товарищей.

XIII

В то время как все восхищались находчивостью Типперари Тома, тот вдруг застонал; казалось, он почувствовал какую-то внезапную боль.

Действительно, на теле у него было видно с полсотни муравьев, которые жестоко кусали его. Товарищам некогда было жалеть ирландца, так как муравьи напали и на них. Каждый из них думал лишь о своем спасении и спешил отплыть как можно дальше от маленьких врагов. По дороге они захватили Розиту и направились к деревьям.

Выбрав дерево, на которое было легче взобраться, они уселись на его ветвях. Надо было отдохнуть и вместе с тем решить вопрос, как бы прогнать врагов.

Однако солнце уже садилось, и путешественники ничего не могли предпринять до следующего дня. Приходилось опять ночевать на дереве; впрочем, на этот раз они могли расположиться довольно комфортабельно, так как чужеродные растения, переплетаясь между собою, образовали нечто похожее на гамаки. Все были очень довольны своим новым убежищем и тем, что Мунди, менее всех пострадавший от муравьев, скоро приготовил им постели. Не прошло и двадцати минут после их бегства от муравьев, как вдруг все, кроме Мунди и Розы, почувствовали сильнейшие приступы лихорадки. Жгучие муравьи жалят очень больно, почти так, как скорпион. Страдания потерпевших прекратились только несколько часов спустя, когда подул прохладный ветерок. Лежа на своих воздушных постелях, они слушали Мунди, который рассказывал о странном обычае, существовавшем в его племени и известном под названием «праздника муравьев».

Когда юноша из племени мундруку или родственного ему племени махейе достигает совершеннолетия, то он подвергается обыкновенно испытанию. Испытание это имеет особенно важное значение, если юноша собирается быть

воином или хочет занять какой-нибудь пост в своем племени.

Оно принимается добровольно, но следует заметить, что молодой человек, не пожелавший подвергнуться ему, считается если не совсем опозоренным, то, по крайней мере, недостойным уважения, и ни одна девушка не согласится стать его женою.

Читатели знают, конечно, что у некоторых племен индейцев Северной Америки существует обычай обрекать молодых людей, претендующих на звание храбрецов, на такие подвиги, которые могут показаться прямо невероятными людям, мало знакомым с характером индейцев.

Вот что рассказывал своим товарищам Мунди по поводу испытания, которое практикуется среди племени мундруку. Юноша выражает готовность «надеть перчатки». Ему тотчас же дают два пустых цилиндра из пальмовой коры, закрытых с одного конца; глубина этих цилиндров такова, что в них можно засунуть руку по самое плечо. Прежде чем надеть эти «перчатки» испытываемому, их наполняют до половины самыми злыми муравьями, преимущественно токандейра, по имени которых называется и сама церемония. В таких перчатках, сопровождаемый огромною толпою народа, под звуки труб, барабанов и других музыкальных инструментов, испытываемый обходит все селение, причем ему вменяется в обязанность остановиться у каждой хижины и весело проплясать. Вообще он все время должен делать вид, что ему очень весело; он должен петь самые веселые песни, и притом так громко, чтобы голос его покрывал музыку и крики толпы. Если юноша не перенесет этого испытания и не сумеет скрыть свои страдания, то он пропал. Все будут презирать его, и ни одна девушка не пойдет за него замуж. Не только он, но вся семья его считается опозоренной. Эти угрозы заставляют юношу стойко выдерживать тяжелое испытание; кроме того, друзья и родственники стараются подбодрить его. Надев на себя ужасные «перчатки», испытываемый невыносимо страдает. Руки его горят как в огне. Яд насекомых проникает к нему в жилы, глаза его горят, он весь в поту, тяжело дышит, губы его белеют, но при всем этом он не смеет даже стонать. Если же он выдаст свои страдания, он опозорен и не имеет права сражаться за свое племя. Но вот, наконец, он доходит до тучао (начальника племени), который, сидя, поджидает испытываемого. Тут он собирает последние силы и с особенным весельем начинает плясать и петь громче прежнего, пока силы окончательно не покинут его. Тогда с него снимают «перчатки», и он падает в объятия своих друзей. Молодые девушки окружают его и приносят ему свои поздравления. Но ему не до приветствий. Он спешит к реке, чтобы хоть немножко освежить в ней свое воспаленное тело. Как только вода успокоит боль, он снова идет в деревню и принимает поздравления. Теперь уж доказано, что он достоин стать в ряды воинов. Он смело может просить руки любимой девушки и имеет право увеличить число ужасных трофеев, которые украшают залу собрания его племени и благодаря которым храбрые индейцы получили у португальцев прозвище «головорезы».

Путешественники говорили не только о токандейра, но и о других породах муравьев, которые встречаются в лесах и долинах Амазонки.

Старик индеец насчитывал до пятидесяти видов этих насекомых; все они имеют различную форму, цвет и даже привычки. Естествоиспытатель, который пожелал бы подробно ознакомиться с семейством муравьев, мог бы найти богатый материал в лесах Амазонки. Есть муравьи, которые живут только

на поверхности земли, другие же исключительно под землею; но есть и такие, которые устраивают свои гнезда на самых высоких деревьях. По роду пищи они тоже сильно отличаются друг от друга. Есть между ними и плотоядные, и травоядные.

Больше всех поражают путешественников Южной Америки муравьи, называемые саюба. Проходя по лесу или по полю, путешественник видит вдруг огромное пространство, покрытое зелеными движущимися листьями. Присмотревшись внимательно, он видит, что муравьи тащат эти листья, причем каждый из них гораздо меньше своей ноши. Следуя за ними, путешественник приходит к дереву, где тысячи этих насекомых занимаются тем, что разрывают листья на куски и бросают их товарищам, которые быстро подхватывают и уносят их. Работа производится в полном порядке. Листья эти идут на постройку их жилищ. Между муравьями встречаются и такие, которые несколько не похожи на трудолюбивых саюба. Таковы, например, насекомые, называемые фуражирами, которые, не довольствуясь роскошной тропической растительностью, еще занимаются грабежами и нападают на селения других муравьев.

Тапока — это муравьи-великаны, которые нападают на обыкновенных муравьев. Если по пути индейцу попадают эти насекомые, то он кричит: «Тапока!» Таким образом он предупреждает своих товарищей о появлении этих, хотя и маленьких, но опасных врагов. Но все-таки самые интересные муравьи, по мнению Мундруку, — это токандейра, Старый индеец в свое время тоже подвергался вышеупомянутому испытанию, и, казалось, оно навсегда запечатлелось в его памяти.

Лишь только стало светать, наши путешественники проснулись. Подкрепившись сыром, в который обратилось молоко массарандубы, находившееся в скорлупе орехов, они снова стали думать о том, как бы овладеть сухим деревом.

К величайшему удивлению их, однако, дерево исчезло. По крайней мере, там где они его оставили, его уже не было.

С появлением первых солнечных лучей туман, окутывавший всю лагуну, рассеялся, и вдали показался какой-то темный предмет. Монгуба вчера была всего лишь в ста шагах от дерева, на котором они расположились на ночь. Куда же она могла деться?

— Вон она! — сказал Мундруку, в то время как все обращались к нему с одним и тем же вопросом. — Вон, вон там, вдали между деревьями. Видите, господин мой?

— Да, — вскричал Треваньов, — это действительно сухая монгуба, но как она могла попасть туда?

— Вероятно, ее отнесло течением, — сказал Ричард.

— Нет, господин, — возразил индеец, — вы ошибаетесь. Течения здесь нет; просто, заливая дерево водой, мы помогли ему освободиться от стеблей виктории, а ночью подул ветерок и погнал монгубу в ту сторону. Теперь она застряла там под деревьями. Очень возможно, что муравьи переберутся на ветки того дерева, под которым остановилась монгуба, тем более что ветки эти так низко спускаются по сухому стволу.

— Почему ты это думаешь?

— Потому что сухая монгуба не может служить им постоянным жилищем

и они не могут всегда плавать по гапо. Токандейра живут на суше, и присутствие их здесь является чистой случайностью. Вероятно, гнездо их находилось в этом дереве, когда оно лежало на земле, во время разлива оно всплыло, и течение унесло его. На деревьях, возвышающихся над гапо, часто встречаются муравьи, но только не токандейра.

Внимательно присмотревшись к плавающему дереву, путешественники заметили, что муравьи еще копошились на нем. Красные пятна не переставали двигаться. Казалось, насекомые были в таком же волнении, как в то время, когда пловцы взобрались на их территорию. Индеец понял, наконец, причину беспокойства насекомых; беспокойство это, вероятно, продолжалось всю ночь. Хотя сухой ствол и находился недалеко от дерева, но между ним и этим последним все-таки было расстояние в несколько футов. Зеленые ветки довольно низко опускались над стволом, но, чтобы добраться до них, нужно было или плыть, или лететь, ни того, ни другого муравьи не могли сделать. Тем не менее они хотели во что бы то ни стало перебраться на дерево, которое спасло бы их от опасного плавания. Путешественники внимательно следили за насекомыми; они были уверены, что маленькие обитатели сухой монгубы найдут, наконец, выход из своего затруднительного положения и, перебравшись на соседнее дерево, предоставят плавающий ствол в их полное владение.

Вдруг они заметили, что на дереве, к которому стремились токандейра, зашевелились ветки и между ними показалось какое-то странное животное. Оно было величиною с кошку. Туловище его оканчивалось большим хвостом, покрытым длинной шерстью. Голова у него была длинная, вытянутая и оканчивалась острым рыльцем. Глаза его были так малы, что их с трудом можно было различить. Из круглого рта, без зубов, высовывался предлинный язык. Все тело животного было покрыто шелковистой шерстью цвета соломы. Вдоль спины и по плечам тянулись темно-каштановые полосы. В хвосте тоже перемешивались эти два цвета.

— Таммандуа! — вскричал Мундруку.

— Что это значит? — спросил Треваньов.

— Муравьед, — отвечал индеец, — животное, которое вы видите, принадлежит к породе маленьких муравьедов, живущих в ветвях и переходящих с дерева на дерево, отыскивая мед, пчел, ос и личинки. Ах! — сказал вдруг индеец, очевидно осененный какой-то новой мыслью. — Они не хотят перебраться на соседнее дерево! Как раз наоборот... они не знают, куда скрыться от таммандуа, который вот-вот бросится на них.

Действительно, животное спускалось по веткам, цепляясь за них то когтями, то хвостом.

Но вот оно прыгнуло на монгубу и, припав к ней, принялось слизывать муравьев. Около десяти минут муравьед то высовывал, то втягивал свой длинный язык, и тысячи муравьев исчезали в его маленьком беззубом рту. Но вот он наелся и стал высовывать свой длинный язык только в том случае, если замечал особенно жирных и аппетитных насекомых. Наконец он снова прыгнул на ветку соседнего дерева и растянулся на ней. Обернув два-три раза свой длинный хвост вокруг туловища и спрятав голову в мохнатой шерсти, он заснул глубоким сном.

Засыпая, он был убежден, что токандейра не уйдут от него. Кругом была вода, не бросятся же они от одной опасности к другой. Однако он жестоко ошиб-

ся.

Когда он проснулся, минут через десять, и взглянул на плавающее дерево, чтобы убедиться, что муравьи еще там, он чрезвычайно удивился, не увидав ни одного насекомого. Читатель, вероятно, будет удивлен исчезновением токандейра не менее муравьеда, особенно когда он узнает, что насекомые не могли забраться в дупло, так как оно было полно воды, и что от соседнего дерева их по-прежнему отделяла вода.

После того как муравьед, насытившись, покинул сухое дерево, муравьев там оставалось бесчисленное множество. Хотя враг уничтожал их в большом количестве, однако почти не было заметно, что их стало меньше, и дерево по-прежнему было покрыто красными пятнами; теперь же оно снова приняло свой обычный темно-серый цвет.

Лишь несколько сотен муравьев ползало по стволу; по их испуганному виду можно было понять, что они только что спаслись от какого-то ужасного несчастья.

Вот что произошло во время сна муравьеда. Лишь только животное расположилось на отдых, как на дереве появилась маленькая птичка и стала перелетать с ветки на ветку. Она не представляла собою ничего особенного. величиною со скворца, она была темно-серого цвета с голубоватым отливом. Ее нельзя было не заметить, так как, летая, она все время громко кричала. Путешественники обратились к индейцу с вопросом: что это за птица?

— Это муравьиный дрозд, — сказал он. — Вот было бы славно, если бы он заметил муравьев!.. Ага! — вдруг радостно вскричал индеец, как будто увидев что-то очень приятное. — Он, наверное, избавит нас от токандейра. Вы увидите, господин мой, что, как только птица эта заметит муравьев, она тотчас же уничтожит их всех. Только бы Великий Дух направил ее в ту сторону!

Путешественники внимательно следили за птицей; чтобы не спугнуть ее, Мундруку просил их не разговаривать и не двигаться с места.

Вдруг птица стала метаться и пронзительно кричать: очевидно, она заметила, что на дереве спит муравьед, и по его присутствию поняла, что где-нибудь поблизости есть муравейник. Она стала тщательно разыскивать добычу. Наконец, найдя ее, она громко и радостно закричала. На крик ее ответила сотня таких же голосов, и целая стая птиц прилетела на зов товарища.

Не прошло и десяти минут, как на монгубе не осталось ни одного муравья, а птицы полетели дальше за новой добычей.

XIV

Пораженный внезапным исчезновением токандейра, муравьед еще больше удивился, увидя, что какое-то чудовище, в десять раз больше его, направляется к тому дереву, на котором он лежит. Необыкновенное существо это было темно-бронзового цвета, туловище было вытянутое, руки длинные, ноги еще длиннее. Круглая голова его была покрыта черными волосами, доходившими до плеч. В первый раз в жизни, вероятно, пришлось муравьеде встретиться с человеком, можно себе представить его испуг и удивление. Человек, так неожиданно появившийся перед отдыхавшим животным, был не кто иной, как Мундруку. Пора было уже позаботиться об обеде, и индеец, решив, что из муравьеда выйдет прекрасное жаркое, отправился за ним. С ловкостью обезьяны он прыгал с ветки на ветку, цепляясь за лианы. Ричард Треваньов следовал за ним. Надо было загнать животное на самый край полуострова и отрезать ему путь к лесу, где оно легко могло бы спрятаться.

Охотники думали, что поймать муравьеда очень легко, но они жестоко ошиблись. Видя, что ему больше некуда деваться, животное бросилось на самую верхушку дерева. Мундруку не отставал от него и наконец схватил его за задние лапы. Однако оказалось, что таммандуа обладает необыкновенной силой.

Напрасно индеец изо всех сил старался отцепить его от ветки, за которую оно держалось и хвостом, и лапами. Особенно трудно было отцепить хвост, и Мундруку пришлось рассечь ножом этот гордиев узел. Справившись, наконец, со зверем, индеец обмотал вокруг тела уцелевший остаток хвоста, размахнулся и изо всех сил ударил его о дерево. Убив животное, индеец и Ричард бросились в воду и поплыли к монгубе. Оттуда они позвали товарищей, которые тотчас же последовали их примеру.

На монгубе теперь не было ни одного муравья. Взобравшись на нее, путешественники первым делом легли спать; возможность вытянуться на горизонтальной плоскости была так соблазнительна, что они поспешили воспользоваться ею. Дерево было очень толстое, так что места хватило всем.

Однако индеец не последовал примеру товарищей. Он занимался деревом, обработка которого требовала много терпения. В одном месте ствола, где кора была совершенно сухая, он нашел круглое отверстие. Собрав сухие листья и ветки, упавшие с соседнего дерева, он встал на колени перед этим отверстием и прикрыл его своею грудью. Между ладонями он держал прямую гладкую палочку из крепкого дерева и быстро вертел ее в горизонтальном направлении. Минут через десять из отверстия, в дно которого упирался один конец вертящейся палочки, показался дымок. Почти следом за ним оттуда вылетели появившиеся от трения искры. Количество их все увеличивалось, и наконец загорелся слабый огонек. Тогда, бросив палочку, индеец быстро набросал в отверстие сухих листьев и веток и стал раздувать огонь. Обрадованный тем, что костер вышел у него на славу, он принялся за приготовление обеда. Повар он был очень нетерпеливый, а потому стал жарить «дичь», не выпотрошив ее и даже не сняв с нее шкуры.

Однако нужно было позаботиться о том, чтобы пламя не распространялось дальше. Вокруг того места, где он развел костер, дерево было очень сухое. Сняв с себя рубашку из бумажной ткани, он несколько раз обмакнул ее в воду. Ко-

гда она насквозь промокла, он скрутил ее и обложил ею костер. Теперь нечего было опасаться пожара, и он спокойно сидел на корточках перед своей печкой и наблюдал за жарким.

Приготовив обед, он разбудил товарищей. В воздухе так вкусно пахло жареным, что индейцу не пришлось повторять приглашения. Все охотно принялись за еду, и через несколько минут от муравьеда остались только кости, и те были начисто обглоданы.

Солнце уже заходило, когда путешественники кончили обедать; они решили ничего не предпринимать до следующего дня и хорошенько отдохнуть. Хотя они и поспали немножко, пока Мундруку занимался кулинарным искусством, но все-таки они чувствовали еще потребность отдохнуть. Итак, решено было лечь спать.

Из ствола засохшего дерева необходимо было сделать лодку, чтобы на ней переплыть лагуну.

Но как сделать весла? Этот вопрос беспокоил всех. Мундруку уверял, что это вовсе не так трудно, и завтра же обещал приняться за это дело.

Путешественники не проспали и часа, как вдруг их разбудил страшный крик коаиты. Животное дрожало всем телом и прижималось к Типперари Тому, который лежал около него.

— Что с тобой? — спросил Том свою любимицу. Обезьяна ничего не ответила, конечно, но не переставала дрожать.

Опершись на локоть, ирландец смотрел во все стороны в надежде найти причину испуга коаиты. Но на гладкой блестящей поверхности воды ничего не было. В лесу тоже, казалось, не было ничего такого, что могло бы вызвать крик ужаса у обезьяны.

— Но что же с тобой? — снова спросил он коаиту, которая как будто хотела сказать: «Вон там», — так пристально смотрела она в одну сторону. Том пошел туда и нагнулся над водой. — Ах, вот что тебя беспокоит, — сказал он, заметив легкое волнение на воде; походило на то, как будто кто-то барахтался в водорослях. «Что бы это могло быть? — думал он. — Может быть, это рыба или страшный аллигатор? Боже мой, а вдруг это та самая огромная змея, о которой индеец говорил, что она в десять раз больше человека и может проглотить целую корову, не давая себе труда разжевать ее? Надо разбудить товарищей».

Ирландец в нерешительности смотрел на волновавшуюся воду, и скоро для него уже не оставалось сомнения в том, что действительно какое-то чудовище направилось прямо к засохшему дереву. Вот оно приблизилось настолько, что легко можно было рассмотреть его. Хотя это не был ни аллигатор, ни змея, тем не менее вид этого животного привел ирландца в ужас. Оно походило на тюленя, только было гораздо больше. Длина его туловища достигала десяти футов, толщина соответствовала длине. Головою животное это походило на вола или на корову с очень широкой мордой, у него были толстые обвислые губы и очень маленькие глаза. Вместо ушей у него были два круглых отверстия на верхней части головы. Туловище его заканчивалось широким плоским хвостом, расположенным горизонтально, как у птиц. Кожа его была гладкая, совсем без шерсти, только вокруг рта и около ноздрей виднелись щетинки. Оно было свинцового цвета, грудь и живот были беловатые. Прежде всего ирландцу бросились в глаза его лапы величиною больше фута, они тянулись от самых плеч и напоминали собою весла. Этими лапами животное и работало,

плывя по воде, как рыба. В довершение всего нужно заметить, что у него было вымя, как у коровы.

Ирландец не успел подробно рассмотреть животное; он был слишком поражен и поспешил разбудить своего соседа, которым оказался индеец.

— Посмотри-ка, Мунди, что это такое? — зашептал он ему на ухо, указывая на морское чудовище.

— Где? Что? — вскричал индеец, протирая глаза. — Великий Дух, да это юаруа!

По тону индейца было слышно, что животное, носившее такое странное название, сильно интересовало его. Он поднялся было, но потом, как бы боясь обратить на себя внимание юаруа, снова лег и неподвижно стал следить за приближающимся животным.

— Что это такое — юаруа? — спросил Типперари Том, который в первый раз слышал это название. — Рыба это или животное?

— Щука, друг мой, щука! Так, по крайней мере, называют ее белые.

— Вот уж нисколько не похожа на щуку! Смотри, Мунди, смотри! У нее есть детеныш, и она кормит его совсем как корова теленка!

Ирландец был прав. Около юаруа был действительно детеныш, только вместо того чтобы, подобно обыкновенной корове, предоставить ему свободу кормиться около нее, она взяла его своими лапами и прижала к соску, как кормилица прижимает к груди ребенка, чтоб ему удобнее было спать.

Можно себе представить, как Типперари Том был поражен этим зрелищем. На него с интересом смотрят даже индейцы, живущие на Амазонке и часто встречающие юаруа.

Ирландец вскричал от удивления, но индеец попросил его быть как можно тише.

— Может быть, удастся убить ее, — сказал тихонько индеец. — Нам поможет в этом деле ее детеныш. Будь как можно тише, чтобы не испугать ее, не буди никого. Юаруа обладает зрением ястреба и слухом орла, несмотря на то что у нее очень маленькие глаза и уши.

Оба молча следили за животным, которое плыло как раз мимо засохшего дерева. Немного дальше вода образовывала нечто вроде бухты; к этой-то бухте и направлялось животное, кормя по дороге своего детеныша.

— Bravo! — вскричал Мунди. — Теперь я понимаю, почему юаруа направляется туда.

— Почему, Мунди?

— Разве ты не видишь, что там на воде?

— На воде? Нет... Ах, впрочем, я вижу там траву. Но зачем ей трава?

— Она же ничего не ест, кроме травы.

— Ну, что ж, это совершенно понятно. Животное, которое так похоже на корову, и должно питаться травой.

— Конечно. Вот она сейчас будет пастись. Прекрасно... прекрасно.

— Что прекрасно?

— То, что она пробудет здесь до утра и, таким образом, можно будет убить ее.

— Зачем же ее убивать?

— Станный вопрос, Том! Я думаю, нам надо же что-нибудь есть.

— Ах, понимаю! Так уьем ее сейчас.

— Чем же?

— А твоим ножом.

— Это невозможно. Юаруа никогда не подпустит к себе так близко. Не стоит и пробовать, все равно из этого ничего не выйдет. Впрочем, к тому времени, как она будет возвращаться с пастбища, у меня будет уже готово другое оружие. Мяса этого животного нам хватит надолго. Посмотри! Она начинает щипать траву.

Действительно, животное ело совершенно как обыкновенная европейская корова. Морская корова, пасущаяся на водяном лугу, представляла чрезвычайно интересное зрелище, и приятели решили разбудить всю компанию.

Только Ричарда картина эта нисколько не удивила. Он не раз видал животное в рукавах и проливах, пересекающих большую амазонскую дельту. Остальные же смотрели на корову с таким любопытством, как посетители зоологического сада на кормление пеликанов. Между тем Мундруку тихонько спустился с бревна и поплыл по направлению к лесу. Никто не знал, что хотел предпринять индеец. Покидая товарищей, он просил их не двигаться с места и быть как можно тише.

Уверенные, что Мунди не без основания обратился к ним с этой просьбой, они в точности исполняли ее. Если кому-нибудь из них и случалось заговорить с соседом, то он делал это осторожно, чтобы не нарушить общей тишины. Продолжительная неподвижность стала уже утомлять их. Наконец Мундруку вернулся. В одной руке он держал нож, а в другой палку длиной около двенадцати футов. Заостренная наверху, она походила на копье.

Мундруку сделал себе это оружие из тонкого ствола пальмы пасиуба. Это растение отличается тем, что тонкие корни его выходят из земли на несколько футов. Только опытный амазонский индеец мог так ловко остругать пасиубу, кора которой тверда, как железо; теперь следовало только закалить на огне самое острие, и тогда она будет не хуже стали. К счастью, костер еще не совсем погас; на месте, окруженном мокрой рубахой, еще тлело несколько угольков. На них-то и положил индеец заостренную часть своего копья. Когда острие закалилось, он осмотрел его и, очевидно, остался доволен его твердостью, но, вероятно, копье показалось ему недостаточно острым, так как он взял нож и еще заострил его. Сделав это, он объявил, что теперь смело может охотиться на юаруа.

Между тем животное все еще щипало траву. Более удобного момента для нападения нельзя было ожидать. Юаруа находилась как раз под деревом, огромные ветви которого горизонтально тянулись над ней. Наклонив голову, она усердно ела. Мундруку только думал о том, как бы добраться до дерева, а там уж он мог быть уверен, что добыча в его руках.

Как задумано, так и сделано. Не прошло и двух минут, как он уже был на дереве, усевшись на той самой ветви, которая приходилась как раз над коровой. Еще минута, и копье его опустилось в воду; но, вместо того чтобы поразить мать, он убил ее детеныша.

Спутники индейца, не сводившие с него глаз, никак не могли понять, зачем он убил маленькое животное, которого им хватит только на ужин, тогда как мяса самой коровы хватило бы на целый месяц. Теперь уж она, конечно, уйдет от него. Думая так, они совершенно забывали о существовании материнского инстинкта. Не теряя надежды спасти своего малютку, животное бро-

салось к нему под ударами копья до тех пор, пока не получило смертельной раны.

Когда Мундруку вернулся на монгубу, он объяснил товарищам, что если бы он начал с матери, то она могла уйти от него, захватив с собою и детеныша; тем более что оружие его было не так хорошо, чтобы убить ее наповал, и он мог только спугнуть ее. Вообще для ловли этого животного употребляется только гарпун с зазубренными концами.

XV

Все прекрасно выспались в эту ночь. С утра на монгубе закипела работа. Прежде всего надо было приготовить для вяления мясо морской коровы. С этой целью Мундруку содрал кожу с убитого животного и разрезал мясо его на большие куски. Несколько кусков изжарили на костре, разведенном индейцем по вчерашнему способу. Жаркое это пошло на завтрак и на ужин. Мясо юаруа всем очень понравилось; оно по вкусу напоминает свинину, хотя местами немного жестче.

Весь день путешественники провозились с мясом юаруа. В стволе дерева были вбиты палки, и на них протянуты лианы вместо веревок; на них-то и развесили мясо, чтобы оно вялилось под лучами солнца. Никто не знал, сколько времени еще продлится путешествие, а потому необходимо было запастись провизией. Обыкновенно из сала морской коровы вытапливается жир, но путешественники наши выбрасывали его.

Вечером, когда все сидели за ужином, они говорили, что давно уже не чувствовали себя так хорошо, как на монгубе. На следующий день решено было отправиться в путь и переплыть лагуну. Много говорили по поводу страшного животного, так поразившего их вчера.

Треваньов сказал, что подобные животные, хотя и принадлежащие к другому виду, водятся в морс, недалеко от берега, где устьем какой-нибудь реки приносится пресная вода.

Он рассказывал, что в индийских морях водится особый вид подобных животных, известных под названием *дюгонь*, а в Вест-Индии — маната, называемый французами *ламантин*, то есть *морская корова*.

Название «маната» дано этому животному, вероятно, потому, что лапы его напоминают собою человеческие руки. Различные породы этих животных, встречающиеся на западном берегу Индии, гораздо крупнее тех, которые водятся на Амазонке. В свою очередь и Мунди сообщил кое-что об этих интересных животных. Главную особенность их составляют легкие. Если их вынуть и хорошенько надуть, то они будут похожи на резиновые шары.

— Значит, они могли бы заменить кому-нибудь старый плавательный пояс, если бы нам снова пришлось плыть, — заметил Ричард.

Между прочим, индеец рассказал, как ловят юаруа. Охотник или рыболов садится в маленькую лодку, называемую у туземцев *монтариа*, и запасается гарпуном. Он гребет к тому месту, где можно надеяться встретить животное; обыкновенно это бывает какая-нибудь уединенная лагуна или тихая заводь, где течения почти нет и где растет трава, которою питается морская корова. Сидя в лодке, он ожидает появления животных; они приплывают обыкновенно со своими детенышами. Улучив минуту, когда коровы с особенным усердием начинают щипать сочную траву, он потихоньку приближается к ним; де-

лает он это с большой предосторожностью, так как юаруа очень чутки и боязливы. Когда лодка подъедет достаточно близко к животным, сидящий в ней изо всей силы бросает гарпун. К древку гарпуна привязана веревка, которая и не дает раненому животному уйти от охотника.

Индейцы, живущие на Амазонке, часто занимаются такой охотой. Самое подходящее для нее время — это когда вода убывает и когда лагуны и озера снова входят в берега. Охотников в эту пору является особенно много. Иногда случается открыть в какой-нибудь лагуне целое стадо этих животных. Тогда деревня совсем пустеет. Мужчины, женщины, дети и даже собаки — все спешат к месту охоты. Они берут с собою огромные горшки для вытапливания жира, который потом поступает в продажу. Во время такой большой охоты устраиваются различные празднества и гулянья. Мундруку сам не раз принимал участие в подобной охоте и мог много рассказать по этому поводу. Почти до полуночи спутники слушали его с большим вниманием, наконец решено было ложиться спать.

С рассветом все поднялись и после завтрака попробовали двинуться в путь. Однако это было довольно трудно. Дерево, служившее когда-то украшением леса и высоко подымавшее над товарищами свою великолепную голову, теперь неподвижно лежало между водяными растениями, как будто было налит свинцом.

Можно себе представить, какого труда стоило сдвинуть с места это огромное бревно; к счастью, Мунди сделал накануне, с помощью своего ножа, два больших весла. Хотя они были довольно грубы, но это нисколько не мешало им прекрасно выполнять свое назначение; к тому же они ясно доказывали необыкновенную изобретательность того, кто их сделал. Ручки у них были деревянные, а сами лопасти костяные. Дерево индеец срезал, конечно, в лесу, а кость, как думали его спутники, он взял из скелета морской коровы. Они не ошиблись. Выбрасывая остатки животного, Мундруку тщательно спрятал его кожу и лопатки, из них-то он и сделал весла.

Ему не в первый раз приходилось пользоваться этой частью скелета. Не раз он копал землю такой костяной лопатой, чтобы помешать сорным растениям разводиться на полях.

Итак, с помощью весел бревно поплыло. Но из-за водорослей и огромных листьев водяных лилий оно подвигалось очень медленно, но путешественники надеялись, что, как только оно освободится от этих препятствий, оно поплывет быстрее. Кроме того, на воде появилась зыбь; это доказывало, что подул легкий ветерок. Он был очень кстати, так как дул от леса к лагуне. Читатель, вероятно, подумает, что ветер не мог способствовать движению такого импровизированного судна без руля и без парусов.

Так думали и наши путешественники. Однако Мундруку был другого мнения. Недаром он плавал по гапо в течение сорока лет. За это время ему не раз приходилось устраивать паруса из громадных пальмовых листьев. Но теперь у него было нечто гораздо более подходящее.

Еще накануне спутники его видели, как он вырезал в лесу два длинных шеста и принес их на бревно; затем он сделал углубление в монгубе. Товарищи спрашивали его, на что ему кожа убитой коровы, но он никому не сказал ни слова о своем намерении. Люди его племени вообще не любят преждевременно посвящать других в свои планы. Они гордятся своими изобретениями и ис-

пытывают чувство превосходства над непосвященными товарищами. Кроме того, Мунди еще не забыл той неловкости, которую ему пришлось испытать после неудачного совета переплыть лагуну.

Товарищи догадались о его вчерашних приготовлениях только тогда, когда он вбил огромный шест в углубление, вырезанное на монгубе, и развесил на нем кожу коровы; прикрепленная в разных местах все теми же лианами, она представляла собою отличный парус.

Под этим импровизированным парусом монгуба стала двигаться гораздо быстрее. Все с радостью заметили эту перемену. Войдя в лагуну, путешественники задумались. Они не знали, в какую сторону им следовало направить свое новое судно.

После восхода солнца не прошло двух часов, а потому в определении востока нельзя было ошибиться. Зная же восток, легко было определить другие страны света.

Путешественники решили направиться к противоположному берегу лагуны, от которого, по мнению индейца, тянулась суша. Они уже достаточно плавали вдоль берега, не находя ни суши, ни дороги в лес, поэтому весьма понятно, что они хотели попытаться счастья на другой стороне.

Плыть по лагуне было очень легко, и они решили продолжать путь до тех пор, пока солнце не скроется за горизонтом. Мозей, как самый лучший моряк, управлял парусом, а Треваньов, взяв в руки одно из весел, исправлял обязанность рулевого; ему помогал Типперари Том, держа в руках второе весло.

Между тем индеец занялся мясом; вяление шло очень успешно, так как солнце светило целый день.

Молодежь сидела у самого края на толстом конце бревна. Время проходило в разговоре или в игре с животными, которых такие опасности не могли заставить расстаться со своими хозяевами. Каждый высказывал надежду на то, что теперь, вероятно, им удастся выбраться из гапо. Конечно, на это может потребоваться немало времени, но это не беда, лишь бы только выйти из этого ужасного положения.

Мяса хватит, по крайней мере, недели на две, если пользоваться им экономно; при благополучном путешествии можно было надеяться в этот срок добраться до земли. Как кстати судьба послала им морскую корову! Не будь у них мяса, они бы умерли с голода, так как в лагуне не было ни малейшего признака присутствия рыбы, а по некоторым данным можно было заключить, что на противоположном берегу не было и плодов.

Однако судно подвигалось довольно медленно, оно проходило не больше мили в час и то только, когда дул ветер посильнее. До полудня было еще далеко, а солнце уже стояло над самой головой и, таким образом, лишало путешественников возможности ориентироваться. Даже индеец не мог с точностью определить страны света. Приходилось идти по ветру; к счастью, позади виднелись еще некоторые верхушки деревьев, благодаря которым можно было держаться надлежащего направления хотя бы до тех пор, пока они не скроются за горизонтом.

К полудню бревно поплыло еще тише, а затем и окончательно остановилось. Парус перестал действовать, так как ветер стих и настало полное затишье. Пришлось взяться за весла, но, несмотря на все старания, бревно подвигалось только на милю в час. Наконец весла бросили и стали обедать. Весь

обед состоял, конечно, из мяса морской коровы. Индеец все время поддерживал огонь, который ему с таким трудом удалось зажечь, и теперь воспользовался им, чтобы изжарить мясо. Все ели с большим аппетитом.

После обеда путешественники отдыхали и беседовали между собой, так как плыть дальше пока не было никакой возможности. Через два-три часа солнце должно было спуститься настолько, чтобы они могли снова руководствоваться им в своем плавании; кроме того, индеец уверял, что к вечеру опять поднимется ветер. Все были прекрасно настроены, несмотря на то что солнце пекло невыносимо.

Чтобы хоть несколько освежиться, Типперари Том надел плавательный пояс и бросился в воду. Его примеру тотчас же последовали сам Треваньов, его сын и племянник.

Розита сидела под навесом из огромных листьев чужеядного растения, сорванных накануне, листья эти были наброшены на два нароста сухого дерева. Ричард сам устроил эту палатку для кухни и очень гордился своим произведением.

Индеец привык к палящим лучам солнца на Амазонке и переносил жару довольно терпеливо; негр тоже, по-видимому, не особенно страдал от нее и даже умудрился заснуть. Но крик Типперари Тома скоро разбудил его. Вслед за ирландцем стали кричать и другие пловцы. Вместе с криками послышался сильный плеск воды и стук пустых орехов, привязанных к плавательным поясам. Все четверо плыли прямо к бревну. Казалось, они выбивались из всех сил, чтобы как можно скорее уйти от чего-то страшного, что преследовало их под водой. Лица их выражали ужас.

«Что такое с ними?» — думал индеец. Негр тоже удивился, а Розита страшно испугалась и начала кричать.

Спрашивать, что их так напугало, было совершенно бесполезно; они сами не знали этого. Они чувствовали только, что кто-то острыми, как пила, зубами кусает им ноги. Вероятно, нападавших было много, так как все четверо закричали от боли почти в одно время.

Только взобравшись на бревно и внимательно осмотрев ранки на ногах, они узнали своих врагов. Если бы вода была прозрачна, они сразу бы поняли, кто нападает на них. Индеец взглянул на израненные и окровавленные ноги товарищей, спокойно сказал:

— Это пустяки! Вас укусили пиранги (пираньи).

Спокойствие индейца ободрило раненых путешественников.

XVI

Никто не знал, что такое пиранга.

Мундруку объяснил товарищам, что это рыба, принадлежащая к семейству лососевых, что в Амазонке она встречается в самых разнообразных видах и что она чрезвычайно прожорлива.

Пиранги часто нападают на купающихся и обращают их в бегство, угрожая в противном случае закусать их до смерти своими острыми зубами.

Индеец обещал отомстить пирангам за товарищей. Он прекрасно знал, что, отведав крови, пиранги будут преследовать их; мало того, он был уверен, что рыба теперь подкарауливала их, чтобы не упустить случая еще раз полакомиться их кровью.

Сообразив все это, он занялся изготовлением удочки, причем приманкой должно было служить мясо морской коровы. Розита дала ему две булавки, из которых он сделал крючки, а узкая полоска кожи, отрезанная от паруса и привязанная к палке, заменила леску. Как только Мундруку закидывал удочку, рыбы тотчас же набрасывались на приманку, и вскоре на бревне лежало уже более двадцати пиранг. Казалось, Типперари Тому доставляло огромное удовольствие убивать их; он отомстил за все их укусы.

Рыбная ловля окончилась совершенно неожиданно. Одна из рыб, попавшись на крючок, утащила за собой не только приманку, но и почти всю леску.

Мундруку хотелось побольше наловить вкусной рыбы, и он занялся изготовлением второй удочки, пользуясь теми же средствами.

Однако когда удочка была готова и индеец снова закинул ее, то он заметил, к своему величайшему огорчению, что рыба перестала клевать; леска оставалась неподвижной, никто не дергал ее.

Посоветовавшись, путешественники решили, что пора бросить эту забаву, тем более что она стала совершенно бесполезной. Хотя раны, полученные пловцами, были незначительны, тем не менее Мундруку уверял, что пиранги очень опасны и что он сам однажды с трудом спасся от их страшных треугольных зубов. По его словам, в реке, называемой Рапахос, особенно много этой рыбы.

Пиранги выглядели так аппетитно, что всем сейчас же захотелось попробовать их. Мозей развел огонь и изжарил рыбу, все находили ее очень вкусной.

После еды путешественники стали еще веселее. Между тем солнце спускалось, и подымался легкий ветерок, который к вечеру обещал усилиться. Он дул все в том же направлении, что было очень кстати, так как парус стал снова надуваться.

Путешественники и не подозревали, что под ними было нечто гораздо ужаснее пиранги. Их отделял от этого чудовища слой полуистлевшего дерева всего лишь в несколько дюймов. Это огромное отвратительное животное всегда наводило ужас на всех индейцев, живущих на Амазонке. В то время как путешественники весело разговаривали, выражая надежду на скорое спасение, страшная «мать вод» лениво потягивалась под ними, намереваясь выйти из своего темного убежища.

Индеец сидел у костра и чистил кости пиранги, как вдруг несколько головешек провалились куда-то, подобно тому как в печке проваливаются угли сквозь сломанную решетку.

— Ах, — вскричал индеец, дрожа всем телом. — Это дупло доходит, кажется, до самого дна.

— Тут, вероятно, было муравьиное гнездо? — спросил Треваньов.

— Нет, господин мой. Муравейник помещался в полуизгнившем пустом суку, а это отверстие идет в самый ствол.

В это время коaita, сидевшая все время на самом высоком месте, начала испуганно кричать.

— Что такое с обезьяной? — спрашивали все друг друга, не подозревая ничего ужасного.

Желая узнать причину испуга своей любимицы, Типперари Том забрался туда, где она сидела. Ирландец посмотрел сверху в одну и в другую сторону и с ужасом бросился к товарищам.

Мундруку последовал за ним, громко крича:

— Великий Боже! Да ведь это дух вод!

— Дух вод? — с удивлением спрашивал Треваньов, глядя то на индейца, то на Тома, которые все еще дрожали от страха. — Дух вод!.. — повторил Треваньов. — Но что это означает, Мунди?

В ответ на это индеец только покачал головой. Очевидно, он обдумывал, как им спастись от чудовища, и хотел, чтобы ему не мешали.

— Что ты видел, Том? — продолжал между тем Треваньов свои расспросы, думая, что хоть ирландец объяснит ему, в чем дело.

— Клянусь вам Святым Патриком, что я сам не знаю, что это такое. Я видел только, как из воды высунулась голова на длинной шее и уставилась на меня, глаза чудовища светились, как горящие угли. Клянусь Богом, что это злой дух!

— Дядя, — сказал тихонько Ричард, — мать вод, как ее называют суеверные индейцы, это не что иное, как огромная змея — анаконда. Она-то, вероятно, и напугала Тома. А впрочем, я сейчас посмотрю сам.

Юноша бросился уже к тому месту, откуда прибежал Том, но индеец схватил его за руку.

— Умоляю вас, господин, не ходите туда. Оставайтесь здесь. Я же говорю вам, что это мать вод!

— Пустяки, Мунди! Это просто змея, называемая анаконда. Пусти, я взгляну на нее. Я прекрасно знаю этих водяных удавов, я их встречал сотни раз около островов в устье Амазонки. Я их вовсе не боюсь, они не ядовиты. Если только виденная вами змея не отличается исключительной величиной, то она, быть может, совершенно безопасна.

Подойдя к краю бревна, Ричард взглянул вниз, но тотчас же с криком бросился назад.

— Это действительно анаконда, — сказал он, — только необыкновенной величины. Я никогда такой не видел. Неудивительно, что Мунди принял ее за духа вод. Какое страшное чудовище!

— Что же нам теперь делать, Ричард? — спросил Ральф, видя, как испугался его двоюродный брат.

— Мне кажется, — сказал Ричард, подумав, — нам удастся убить ее, прежде чем она на нас нападет, только вот у нас нет оружия. Как быть, Мунди?

— Прежде всего будьте как можно тише! — прошептал индеец. — Может быть, чудовище не двинется с места и мне удастся убить его копьем. Но Боже мой! Вот оно направляется к нам! Теперь уже поздно.

Неудивительно, что это страшилище так испугало наших путешественников.

Тело его походило на огромное бревно; глаза светились каким-то зловещим огнем, а страшные челюсти и раздвоенный язык могли привести в ужас самого храброго человека. Вода струилась по его чешуйчатой голове; она была точно из стали и вся блестела на солнце.

Столпившись на противоположном конце бревна, путешественники стояли неподвижно и молча смотрели на страшное чудовище, которое как будто осматривалось и искало добычи. Впереди всех стоял индеец с копьем в руках, за ним следовал Ричард, вооруженный ножом Мундруку.

Но вот змея опустила голову и, казалось, намеревалась ползти за добычей; все бросились на самый край ствола. Теперь намерение змеи было ясно; она медленно подвигалась к людям, как будто уверенная в том, что они не уйдут от нее.

Путешественники смотрели то на змею, то на индейца. Они видели, что по мере того, как чудовище приближалось, мужество покидало индейца.

Казалось, Мундруку далеко не был уверен в своем оружии; впрочем, и другим было ясно, что мудрено защищаться от такого чудовища самодельным пальмовым копьем.

Треваньов предложил броситься в воду.

— Нет, нет, господин мой! Всё, что хотите, только не это, — отвечал индеец. — Ей только этого и нужно; она в воде как дома, и там уже нам не спастись от нее.

— А здесь ведь мы тоже погибли?

— Нет еще! Нет еще! — отвечал индеец.

Очевидно, у него явилась какая-то мысль.

— Передайте мне обезьяну, — сказал он стоявшим позади.

Типперари Том, думая, что слова индейца относятся к нему, как к покровителю обезьяны, немедленно подчинился требованию товарища.

Взяв обезьяну на руки, Мундруку направился к противоположному концу бревна; тут только все поняли, что он затеял. Коайта должна была отвлечь от них внимание чудовища.

В другом случае Типперари Том не отдал бы своей любимицы на верную гибель, но тут он понял, что для общего спасения необходимо пожертвовать ею, и не протестовал.

Точно верховный жрец, готовящийся принести жертву, Мундруку остановился перед чудовищем и, размахнувшись, бросил ему несчастное животное. Змея открыла пасть, намереваясь схватить свою жертву, но обезьяна, со свойственной ей ловкостью, отскочила в сторону и одним прыжком очутилась на верхушке мачты, оставив Мундруку лицом к лицу с чудовищем. Обманутая в своих ожиданиях, змея готова была броситься на Мундруку.

План индейца не удался. Огорченный и еще более испуганный, он бросился к товарищам. На бегу он задел костер, и угли посыпались в разные стороны. Змея ползла так быстро, что он едва успел схватить копье. Заметив его нерешительность и ужас, товарищи содрогнулись. Казалось, он совсем потерял голову.

У них был один только выход: броситься в воду; к несчастью, они не могли плавать без поясов, а пояса лежали на противоположном конце ствола, и, что-

бы добраться до них, нужно было пробежать мимо змеи. Кто-нибудь неизбежно должен был сделаться жертвой чудовища... Но кто именно?

Ричард решил принести себя в жертву за товарищей. Вероятно, он главным образом заботился о Розите. Встав впереди всех, он заслонил собою индейца. Казалось, вот настал его последний час; мог ли он защищаться от такого страшного чудовища простым ножом?

Однако Провидению было угодно и на этот раз спасти путешественников. К величайшему удивлению их, животное вдруг повернулось и поспешно бросилось в воду.

Можно себе представить, как обрадовались несчастные неожиданному отступлению своего врага! Читателю, конечно, непонятно, почему змея так быстро покинула бревно, но путешественники нисколько не были удивлены ее отступлением. Они прекрасно видели, как она, поспешно приближаясь к ним, наползла на горящие головни; им слышно было даже, как шипела ее кожа. Ожоги, очевидно, были настолько сильны, что змея от боли бросилась в воду. Они боялись теперь только, чтобы она не вернулась. Сначала она плыла изгибами, то удаляясь, то снова приближаясь к ним, но вот, как бы решив окончательно покинуть лагуну, она поплыла в прямом направлении.

Путешественники не сводили с нее глаз; они успокоились, только когда враг был уже далеко. Тут они стали доискиваться, откуда взялась анаконда. Решено было, что животное, проглотив лань или что-нибудь в этом роде, забралось в пустое дупло монгубы и крепко заснуло. Оно спало там, может быть, уже несколько недель, не подозревая, что дерево унесло течением и что оно плавает по воде. Проснулась змея, вероятно, когда Мундруку зажег костер и когда угли провалились в дупло.

В то время как главное дупло было занято огромным гадом, маленькие муравьи жили в прогнившем суку, нисколько не подозревая такого близкого соседства.

Между тем снова поднялся ветер, и бревно быстро подвигалось вперед; путешественники пристально смотрели на горизонт в надежде увидеть там землю или, по крайней мере, верхушки деревьев. Однако в этот день они не увидели ни того, ни другого; даже тот лес, который оставался позади, окончательно скрылся с закатом солнца. К счастью, затишье в эту ночь не повторилось. Ветер был вполне благоприятный, и путешественники решили всю ночь плыть по звездам.

Разговор все еще шел про анаконду. Мундруку и негр многое рассказали по этому поводу. От них товарищи узнали, что эти чудовища водятся в реках Южной Америки, что они достигают тридцати футов длины и могут проглотить животное величиною с лошадь. Эти водяные удавы не ядовиты, но они душат свою жертву, обвиваясь вокруг нее; утолив же свой голод, они погружаются в спячку.

Е Южной Америке существует несколько различных видов таких змей. Их можно подразделить на две группы; к первой принадлежат просто удавы, а ко второй — водяные удавы, или анаконды. Первые водятся на суше, а последние хотя и не живут постоянно в воде, но встречаются там, где много воды. Они хорошо плавают и легко вползают на самые высокие деревья.

XVII

Обрадованные тем, что ветер несет бревно в надлежащем направлении, путешественники еще долго беседовали. Когда настало время ложиться спать, они решили, что двое из них останутся на страже; причем один будет управлять парусом, а другой с помощью весла постарается удержать бревно в надлежащем направлении.

Несмотря на то что Том был виновником всех несчастий, которые им приходилось испытывать, товарищи не сердились на него; они знали, что он по неопытности направил галатею в гапо. К тому же он не раз высказывал сожаление по поводу случившегося и терпеливо переносил все печальные последствия своей ошибки. Даже негр, несмотря на свою врожденную антипатию к той нации, к которой принадлежал Том, после падения с дерева как-то сблизился с ирландцем.

А эту ночь они сидели рядом и как два брата беседовали между собой; оба гордились тем, что именно их, а не кого другого поставили на вахту. Теперь они могли действовать самостоятельно, тогда как обыкновенно приходилось подчиняться индейцу. Перед Мундруку они чувствовали себя какими-то униженными, после того как он спас им жизнь. Они были благодарны ему за спасение, но им было неприятно, что он смотрел на них как на людей совершенно бесполезных.

Треваньов потребовал, чтобы Мундруку, не спавший уже несколько ночей, в эту ночь непременно уснул. Хотя у индейца была причина, по которой он решил не спать и эту ночь, он сделал вид, что соглашается с Треваньовом. Прижавшись спиной к одному из наростов, он неподвижно сидел на стволе и, казалось, крепко спал.

Ни негр, ни Типперари Том не принадлежали к числу молчаливых людей, а потому они продолжали беседовать, в то время как товарищи их спали. Они опять говорили о змеях.

— Я думаю, их много в вашей стороне? — спросил Том.

— Да! Да еще какие огромные.

— Ну, уж не такие, как анаконда, которую мы видели сегодня.

— Как!.. Это, по-твоему, большая змея? Да вся длина-то ее была не более десяти аршин. У нас на африканском берегу встречаются длиною более мили и гораздо толще бревна, на котором мы сидим.

— Больше мили длиною?.. Ты шутишь? Уж не видал ли ты сам такую змею?

— Да, видал.

— И такой толщины, как это дерево?

— Да, уверяю тебя. Такая змея может два раза обвиться вокруг краалья.

— А что такое крааль?

— Это место, где мы живем; то, что вы, белые, называете деревней. Так вот змея дважды обвивается вокруг деревни, в которой до ста хижин.

— Нет, ты шутишь, Мозей! Как же змея может обвиться вокруг сотни хижин?

— Я сам это видел.

— Когда?

— Когда я был еще ребенком. Если хочешь, я подробно расскажу тебе эту

историю. Не будь я тогда ловким мальчуганом, я бы не сидел теперь здесь с тобой.

— Ну, расскажи, как это было.

— А вот как. Мне было тогда лет десять. Деревня, в которой я жил, была расположена около большого леса; в этом лесу водились всевозможные животные: буйволы, слоны, носороги, гиппопотамы и огромные обезьяны. Но больше всего там было змей; одни из них были больше, другие меньше, но все были ужасны и ядовиты. Самая большая змея у нас называется лесным дьяволом. Вот однажды утром, когда все еще спали, нашу деревню и окружил такой дьявол, он дважды обвился вокруг нее.

— Ты хочешь, вероятно, сказать, что змея два раза проползла вокруг деревни?

— Нет-нет. Я говорю, что когда все проснулись, то увидели вокруг деревни стену вышиною около десяти футов; это было не что иное, как змея, обвинившаяся в два кольца вокруг нашей деревни, причем одно кольцо лежало на другом.

— Святой Патрик, спаси и сохрани!

— Ах да, Том! Ты, кажется, говорил, что святой, которого ты всегда призываешь, истребил много змей. Вот если бы он был в то утро в нашей деревне, мои родители, может быть, до сих пор были бы живы.

— Ты разве сирота?

— Да, с того самого утра я стал сиротой.

— Ну, рассказывай, рассказывай дальше, Мозей.

— Окружив дважды деревню, дьявол то и дело вытягивал шею и пожирал всех, кто ему попадался; затем он стал заглядывать в каждую хижину и не оставлял в живых ни одного человека. Нашего вождя он проглотил так же бесцеремонно, как всякого простого негра. Детей он пожирал сразу целыми десятками, как муравьед токандейру. Некоторые пробовали спастись, но это ни к чему не привело. Когда они старались перелезть через забор, который представлял собой туловище чудовища, дьявол одним движением стряхивал их с себя.

— Ну а как же тебе удалось спастись?

— О! Это очень интересно! Как я уже сказал, мне было тогда лет десять. Я служил в доме нашего начальника; дом этот мы называли дворцом. На нем был шест, а на шесте флаг. И вот, как только я увидел страшную пасть, которая поглощала всех, я понял, что прятаться в доме бесполезно. Я взобрался на этот шест и флагом закутался так, что меня совсем не было видно. Когда дьявол всех проглотил, он вытянулся и пополз в лес. Ему и в голову не пришло, что на шесте остался мальчуган.

Как только чудовище удалилось, я спустился на землю и побежал в свою хижину; родителей моих там не было, змея проглотила их вместе с другими. Тогда я поступил на корабль. Теперь ты знаешь, почему я не живу на родине.

Хотя негр очень серьезно рассказывал все это, тем не менее Том не особенно верил ему; он подумал даже, что приятель подшучивает над ним, но решил все-таки не возражать. После некоторого молчания заговорили о другом.

Рулевой заметил, что звезда, по которой ему было приказано плыть, стала меркнуть, так как небо все более и более покрывалось тучами. Прошло еще минут десять, и на небе не оставалось уже ни одной звездочки.

Однако Том продолжал править; ветер дул все в том же направлении. Толь-

ко час спустя он понемногу стих, и бревно остановилось. Том хотел разбудить товарищей, но Мозей уверял, что это совершенно лишнее.

— Пускай они лучше выспятся хорошенько; если ветер снова подымется, бревно поплывет и без их помощи. Зачем их беспокоить напрасно?

Пока они совещались по этому поводу, их поразили какой-то странный шум. Точно где-то вдали выл ветер и вой его смешивался с криком различных животных.

— Что это такое? Как ты думаешь, Мозей? — спросил Типперари Том.

— Это похоже на шум большого леса.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что это напоминает крик животных, которые находятся в лесу.

— А ведь, кажется, ты прав, друг: значит, мы приближаемся к противоположному берегу лагуны, что нам и нужно.

— Это очень приятно! Не разбудить ли хозяина и не сказать ли ему об этом?

— Нет, не надо! Пусть лучше он спит до утра; теперь скоро начнет светать. Вон там, кажется, уже заря загорелась.

— Смотри-ка, что там такое? — вскричал негр.

— Где?

— Вон там, впереди. Точно огонь.

— Да, действительно там что-то светится.

— В чем дело? — спросил Треваньов, проснувшись и услыша вопрос негра.

— Посмотрите-ка, там какой-то огонь!

— Да! Даже, кажется, два огня!

— Правда! Правда! Два!

— Я слышу какой-то шум.

— Мы давно уже его слышим.

— Отчего же вы нас не разбудили? Может быть, мы опять заблудились. Шум доносится как будто со стороны леса. Мунди! Мунди!

— Что случилось? — спросил, просыпаясь, индеец. — Опять какая-нибудь беда?

— Нет! Напротив, мы, кажется, подплываем к противоположному берегу лагуны.

— Так и есть! — вскричал индеец, в свою очередь услышав шум. — Вот и суша! Я вижу огонь между деревьями!

— Да, мы уж давно его заметили.

— Да, да, это огни. Мы приближаемся к твердой земле!

— Слава Богу! — вскричал индеец. — Теперь мы спасены. А может быть... — прошептал что-то Мундруку, и в тоне его слышалось не только сомнение, но и боязнь.

— Что «может быть», Мунди? — спросил Треваньов. — Ведь если это действительно огни, значит, там берег и на нем живут люди. Они, конечно, примут нас.

— Ах, господин мой! А вдруг вместо того, чтоб нам помочь, эти люди захотят нас съесть.

— Как! Ты думаешь, что здесь можно встретить людоедов?

— Конечно, господин мой.

— Да хранит нас Пресвятая Дева! — воскликнул Типперари Том.

Ричард, Ральф и Розита тоже проснулись, услышав слово «людоеды», они страшно испугались.

— На наше счастье, — сказал Мундруку, озираясь, — ветер стих, иначе нас бы прибило к берегу. Я сейчас поплыву к этим огонькам и узнаю, что нас ожидает. Молодой господин, может быть, последует за мной?

— О, без сомнения, — сказал Ричард.

— Ну а вы, — продолжал индеец, — постарайтесь быть как можно тише во время нашего отсутствия; мы недалеко от этих огней, до них не более мили, а по воде звук доносится очень далеко. Если это действительно враги и если они нас услышат, нам не спастись от них. Поплывем же скорее, молодой господин, нельзя терять ни минуты. Скоро уже рассветет. Если мы заметим, что нам грозит опасность, мы только-только успеем скрыться в темноте. На нее вся надежда. Итак, поплывем!

Сказав это, индеец тихонько спустился в воду и поплыл к огонькам, которые все больше и больше разгорались.

— Не бойтесь, Розита, — сказал Ричард, расставаясь с кузиной. — Я готов биться об заклад, что мы найдем там какую-нибудь плантацию и домик, в котором живут белые; они, конечно, радушно примут нас и помогут добраться до Пары. Итак, до свидания! Мы скоро вернемся с добрыми вестями.

Проплыв всего лишь несколько сажен, пловцы ясно увидели, что лес гораздо ближе, чем это казалось с бревна. Они видели только темную полосу над поверхностью воды; полоса эта тянулась как направо, так и налево довольно далеко; в звуках, которые оттуда доносились, можно было различить треск древесных кузнечиков и стрекоз, кваканье жаб и лягушек, крики водяных птиц и сов.

Пронзительнее всех кричали ревуны, к их крику примешивался меланхолический вой ленивца, или ап. Все эти звуки и многие другие составляли тот огромный хор, который наполняет тропический лес своей ночной музыкой. Другие, еще более отдаленные звуки, которые были почти неуловимы, доказывали, что лес тянется далеко вглубь по всему горизонту. Однако пловцов интересовали только огни; они становились все яснее, по мере того как Мундруку и Ричард приближались к ним. Надо было во что бы то ни стало узнать, кем и где именно они были разведены. Ричард предполагал, что они находятся на берегу лагуны и, конечно, на суше. Спутник его высказывал сомнение по этому поводу. Огни горели очень неровно; они то увеличивались, то уменьшались. Временами они вдруг гасли один за другим, а затем снова вспыхивали. Юноша удивлялся таким перерывам, но спутник его объяснил это довольно просто.

— Огни, — сказал он, — разведены на некотором расстоянии от опушки, в чаще леса; по временам деревья заслоняют их и производят иллюзию.

Пловцы все подвигались вперед, делаясь тихонько впечатлениями. Вскоре они подплыли под густые деревья; отсюда огни видны были еще лучше. Сначала Ричард подумал, что они разведены на краю возвышенности. Вглядевшись пристальнее, он заметил, что их красный свет отражался в воде, поверхность которой ярко блестела; они как бы горели над водой. Когда пловцы еще раз приблизились и глаза их свыклись со светом, они заметили, что костры разложены на каких-то помостах, возвышающихся на несколько футов над во-

дой, и что помосты эти поддерживались стволами деревьев. Они заметили еще и другие такие же помосты, но, вероятно, потому, что жившие на них еще не вставали, там не было ни одного огня. Вокруг костров двигались человеческие фигуры, между деревьями были повешены гамаки; некоторые из них были пусты, в других же кто-то спал. Слышны были голоса мужчин, женщин и детей.

Индеец наклонился к Ричарду и шепнул ему:

— Малокка!

Ричард знал, что малоккой называют всякое индейское селение.

— Значит, суша близко? — обрадовался он.

— Нет.

— Но ведь тут деревня. Это ясно доказывает, что мы приближаемся к суше.

— Нисколько, господин мой. Такая деревня, как та, которую мы здесь видим, доказывает совершенно обратное.

— Во всяком случае, хорошо, что мы напали хоть на эту деревню, висящую между небом и землей.

— Ну, это смотря по тому, кто в ней живет. Может быть, мы наткнулись на племя людоедов.

— Неужели ты думаешь, что в гапо можно встретить людоедов?

— Конечно, господин мой. В гапо есть даже такие дикари, которые способны замучить человека, прежде чем его убить, в особенности белых! Они, вероятно, не без злобы вспоминают о том, как их загоняли в затопленные леса. Боже милостивый! Если только это малокка мурасов, то мы должны как можно скорее уходить отсюда. Вам, белым, не будет никакой пощады, а мне еще менее, хотя я и краснокожий, как они. Наше племя в смертельной вражде с мурасами.

— Что же нам делать? — спросил молодой человек.

— Оставаться здесь и слушать. Вот ухватитесь за этот сук, не двигайтесь с места и ни слова не говорите; дайте мне послушать их. Я знаю их язык, мне бы только уловить хоть одно слово. Тс!

Ричард послушался индейца и притаился. Не более двух минут прислушивался Мундруку. Вдруг он вздрогнул. Лицо его выразило беспокойство; Ричард заметил это при слабом отблеске отдаленных огней.

— Это мураса, как я и предполагал, — прошептал индеец. — Надо плыть обратно, не теряя ни минуты. Все, что мы можем сделать, — это грести как можно скорее, чтобы до рассвета скрыться от них. Если это нам не удастся, мы все погибли!

Пловцы удалялись от огней гораздо скорее, чем приближались к ним; они с напряжением всех сил, без отдыха плыли до самой монгубы, так как их жизнь и жизнь остальных путешественников была на волоске.

XVIII

Можно себе представить, как взволновало всех известие, принесенное индейцем. Треваньов не верил, что существуют такие кровожадные люди, и говорил, что Мундруку преувеличивает. Однако Ричард, которому не раз приходилось дома слышать рассказы купцов, путешествовавших по Амазонке, подтвердил слова индейца. Он слышал, что в затопленных лесах часто встречаются дикие племена, которые устраивают свои жилища на деревьях; некоторые из этих племен — людоеды, все же вообще чрезвычайно дики и кровожадны. Треваньов не стал более спорить и тотчас же взялся за весло, индеец последовал его примеру.

Мундруку составил такой план отступления: сначала они должны были плыть параллельно береговому деревьям, но лишь только начнет светать, надо было спрятаться в чаще. Индеец и Треваньов гребли изо всех сил. Проплыв около полмили, Треваньов оглянулся и посмотрел на огни. Можно было подумать, что люди, которые их развели, намеревались сжечь весь лес; между деревьями появлялись все новые и новые огоньки. Мундруку объяснил, что каждый появлявшийся огонек обозначал, что просыпалась еще одна семья. Вероятно, дикари готовили завтрак.

С ужасом думали путешественники о том, что, не будь они так предусмотрительны, они, может быть, жарились бы теперь на этих самых огоньках. Казалось, никогда еще бревно не плыло так медленно; несмотря на все старания гребцов, оно едва-едва подвигалось. Ветра или совсем не было, или же он дул в противоположную сторону; при таких условиях парус только мешал. Заметив это, индеец спустил его.

Проплыв всего лишь полмили, они заметили, что над деревьями показалась заря. Они находились в это время на самом экваторе, где вслед за зарей почти сейчас же появляется солнце.

До опушки леса оставалось еще с полмили, а солнце уже выплывало из-за лагуны; с его появлением огни стали меркнуть. Еще десять минут, и будет совершенно светло!

Треваньов и Мундруку гребли, не жалея сил; они знали, что от них только зависит теперь их собственное спасение и жизнь товарищей.

Казалось, солнце покровительствовало им; оно не только не поднималось выше, но совсем скрылось. А может быть, этому способствовали деревья, до которых они уже успели добраться. Вдруг стало совсем темно; они вошли в устье протока, скрытого под сенью деревьев. Продолжая грести, они добрались до маленького залива, окаймленного деревьями, верхушки которых перепутались между собою и образовали темный свод, под которым они прекрасно могли укрыться. Кругом было так темно, что путешественники не могли даже определить, далеко ли простирается поток. Они перестали грести и остановились.

Если бы не светляки, летавшие под деревьями, то под сводом ничего бы не было видно. Светляки эти были крупные жуки из рода скакунов, так называемые кокуйо. Если одного такого светляка держать над книгой, то можно свободно читать. Благодаря тому что их было очень много и они постоянно двигались, путешественникам удалось разглядеть бухту и убедиться в том, что она очень невелика.

По мере того как солнце поднималось, свет его, мерцая, стал проникать сквозь листву; тогда стало еще виднее, что проток тянулся всего лишь на одну-две сотни шагов. Чтобы выйти из него, путешественники должны были бросить бревно и пробираться между деревьями или же снова выплыть на лагуну. Понятно, что они не могли выбрать ни того, ни другого; по деревьям они уже довольно попутешествовали, а о том, чтобы бросить бревно, на котором они так хорошо устроились, они даже и подумать не могли.

Вернувшись снова на лагуну, они рисковали попасть прямо в руки дикарей, так как вся водная поверхность была освещена солнцем и бревно тотчас же заметили бы в малокке. У индейцев были лодки, привязанные к стволам деревьев, которые поддерживали их воздушные жилища.

Мундруку и Ричард видели эти лодки; правда, они были довольно неуклюжи, но, как бы медленно они ни подвигались, в случае погони они, наверное, догнали бы бревно. Безопаснее всего было оставаться под сводом, в том случае, конечно, если дикари не заглянут туда; с наступлением ночи можно было тихонько выбраться из-под свода и как можно дальше уйти от опасных жителей малокки.

Остановившись на этом плане, путешественники забрались в самый темный угол и, привязав к дереву бревно, расположились на нем как можно удобнее. Невесело было им сидеть в этой глубокой тишине и в потемках; к тому же они все время находились под страхом, что вот-вот какой-нибудь мурас заметит их и криком сообщит о своей находке товарищам. Впрочем, они приняли все меры, чтобы не быть замеченными; они даже не разводили огня, хотя пора было уже позаботиться о завтраке. Боясь, чтобы дым не выдал их, они решили есть сырое мясо.

Хотя кругом них была глубокая тьма, однако вдали, у выхода из-под свода, виднелась светлая полоса. Они точно сидели в каком-нибудь гроте, из которого был виден океан. Понятно, что все взоры были обращены к этой светлой полосе, так как кругом больше ничего не было видно. Позади и по бокам была сплошная стена из деревьев, перепутанных целою сетью лиан; казалось, даже животные, привыкшие к лесной чаще, не смогут проникнуть через эту стену. О том, чтобы тут могли пробраться люди, нечего было и думать. Вот почему путешественники смотрели только в сторону лагуны. Они тихонько разговаривали между собой. До полудня все было тихо, опасения их мало-помалу уступали место надежде еще до ночи уйти от дикарей.

Порой над освещенной солнцем лагуной пролетала птица. Присутствие ее доказывало, что вблизи не было людей; это подтверждала и пара морских коров, которые спокойно плавали у входа в грот. Когда одна из них уснула недалеко от деревьев, индейцу стоило большого труда удержаться, чтобы не подплыть к ней и не убить ее ножом или копьем. Однако он воздержался от этого соблазна и, хотя и не без сожаления, предоставил животному наслаждаться отдыхом. К несчастью для наших путешественников и для морской коровы, Мундруку не один заметил спящее животное. Ничего не подозревая, индеец и его товарищи уже перестали следить за коровою, как вдруг она высунулась из воды и, сделав два-три прыжка, быстро скрылась. Движения эти были так неожиданны и так неестественны, что их можно было объяснить только внезапным нападением какого-нибудь врага.

Индеец знал, что в гапо нет ни акул, ни меч-рыбы; крокодил же или боль-

шая птица кондор не посмеют напасть на такое огромное животное, как морская корова. Некоторым из путешественников показалось, как будто что-то вроде искры или молнии мелькнуло в то время, как корова выскочила из воды.

— Будьте внимательны! — прошептал Мундруку, заметно встревоженный. — Я знаю, что это такое. Будьте как можно тише, или мы погибли!

— В чем же дело? — спросил Треваньов.

— Посмотрите-ка в ту сторону, господин. Видите, как там рябит вода?

— Это вполне понятно, там только что нырнула корова.

— Нет, нет, смотрите вот сюда. Видите, тут тянется веревка... А там, дальше, виднеется еще кое-что.

Индейцу не пришлось долго объяснять. Спутники уже видели, что за веревкой тянулся поплавок, а за ним виднелась пирога, в которой сидел дикарь; очевидно, он охотился за морской коровой. Индеец походил более на обезьяну, чем на человека. Он был маленького роста, с отвисшим животом, с длинными худыми руками и с тонкими ногами, на коленях у него были какие-то наросты. Огромная голова была покрыта густыми, длинными волосами. Выдающиеся скулы и впалые глаза делали его еще менее похожим на человека. Неудивительно было, что при виде его Розита вскрикнула от ужаса.

— Тише! — сказал Мундруку. — Не говорите ни слова, иначе присутствие наше будет замечено.

Приказание индейца было в точности исполнено; все замерло на монгубе. Очевидно, дикарь еще ничего не слышал и не видал; он думал только о своей добыче и всецело был занят ее преследованием. Благодаря поплавку он не терял из виду свою жертву и следил за ее малейшим движением под водой. Поплавок двигался то в одном направлении, то в другом, временами он неподвижно стоял на одном месте. Тогда дикарь бросал весло, брался за веревку и изо всех сил тянул ее к себе, но это ни к чему не приводило, так как боязнь, что животное, уходя, опрокинет лодку, заставляло его выпускать веревку из рук.

Лодка его была грубой работы, она была сделана из цельной древесной коры, связанной с двух концов лианами. Она подвигалась очень медленно даже в том случае, когда сидевший в ней греб изо всех сил. Впрочем, во время охоты на морскую корову большой скорости и не требовалось, тут все дело было в терпении. Надо было только дожидаться, когда раненое животное окончательно ослабеет от потери крови. Наконец путешественники потеряли из виду и поплавок, и лодку; они очень этому обрадовались, так как присутствие дикаря сильно пугало их. Но вдруг животное снова появилось, а за ним показалась и лодка. К ужасу путешественников, и добыча и охотник направлялись прямо под свод. Глаза индейца горели. Работая веслом изо всех сил, он быстро подвигался в потемках. Путешественники наши потеряли последнюю надежду остаться незамеченными.

XIX

Увидав перед собою людей, дикарь испугался не менее путешественников, стоявших на монгубе. Из груди его вырвался дикий крик, в котором слышались ужас и удивление. Подобно диким животным, индеец в случае опасности не взвешивает и не обсуждает своего положения, а действует исключительно под влиянием инстинкта самосохранения. Выразив криком свое удивление, дикарь быстро опустил в воду весло и поплыл назад.

В несколько секунд он добрался до выхода из-под свода; ему помогло еще то обстоятельство, что лодка, ударившись о бревно, снова отскочила от него. Он спешил выбраться на лагуну и сообщить своим о том, что под сводом скрываются белые.

Никто из путешественников и не думал гнаться за дикарем. Когда лодка ударилась о бревно, Типперари Том попробовал было задержать ее, но она так быстро отскочила назад, что ирландец полетел в воду и чуть-чуть не утонул. Попытка эта, может быть, и удалась бы, если бы Мундруку принял в ней участие, но он куда-то исчез, и его нигде не было видно. Розите показалось, что он спрятался за дерево, когда лодка стала приближаться к ним, но она могла ошибиться, так как было очень темно, к тому же все внимание ее было поглощено дикарем.

Неужели Мундруку бросил товарищей, позаботившись только о своей безопасности? Этого никто не мог допустить. Мундруку не был трусом. В порядочности его тоже нельзя было сомневаться. Все были поражены его отсутствием, и никто не мог объяснить причины его исчезновения. Однако скоро все объяснилось.

Лишь только лодка подошла к выходу из-под свода, как над водой показалось что-то круглое, черное, точно человеческая голова; за ней появилась длинная сильная рука. Ухватившись за край лодки, она опрокинула ее. Дикарь полетел в воду. Между врагами завязалась жестокая борьба: точно два крокодила боролись насмерть между собой. С бревна были видны только две темные фигуры, уцепившиеся друг за друга, да временами до путешественников доносился какой-то глухой рев.

С удивлением смотрели они на эту непонятную сцену. Но вот они увидели Мундруку, который тащил за собой дикаря.

В зубах у индейца сверкал нож. Видно, дикарь уже успел познакомиться с ним, иначе он не плыл бы с такой покорностью; он походил на вора, захваченного полицейским.

— Протяните ему руку, господин мой, и втащите его, — сказал Мундруку, подплывая к бревну. — Мне не хотелось убивать это животное, хотя, конечно, это было бы самое верное средство спастись от его предательства.

— Нет, нет, Мунди, ради Бога, не делай этого! — вскричал Треваньов. — Мы будем караулить его, он не уйдет от нас: Если его крика не слышали там, в деревне, то нам нечего бояться.

Говоря это, Треваньов подошел к самому краю бревна и с помощью Мундруку и Мозея втащил на него пленника.

Дикарь дрожал всем телом и имел ужасно жалкий вид. Он думал, вероятно, что сейчас его убьют и съедят. Из раны, нанесенной ему индейцем, по спине текла кровь. Только после этой раны он сдался.

Все стали расспрашивать Мундруку, как он поймал дикаря.

— В то время как дикарь плыл к нам, — рассказывал индеец, — я тихонько спустился с бревна и поплыл ему навстречу. Благодаря темноте и волнам, поднятым морской короной, меня не было видно. Ухватившись за ветку, я ждал, когда дикарь, заметив вас, бросится назад.

— Но если там, в маллоке, слышался крик дикаря, мы пропали, — сказал Треваньов. — Я думаю, их там целые сотни, а у нас даже нет никакого оружия. Хорошо еще, Мунди, что ты не убил мураса.

— Почему хорошо? — удивился индеец.

— Потому что они жестоко мстят за убийство товарища, и, если б мы попались им, они не простили бы нам этого.

— О! — возразил Мундруку. — Если уж мы попадемся им, нам нет спасения. Кроме жажды мести они отличаются еще необыкновенным аппетитом, и мы можем быть уверены, что они нас съедят.

Треваньов и Мундруку так тихо говорили между собой, что слов их никому не было слышно.

— Боже мой! Боже мой! — шептал Треваньов, глядя на детей. — Что же нам делать? Ведь если дикари до ночи узнают о том, что мы здесь, мы погибли.

— Если только они не слышали крика мураса, я уверяю вас, господин мой, что к полуночи мы избавимся не только от своих кровожадных соседей, но и вообще от всех несчастий, которые нам приходилось переносить за время плавания по гапо. Ах! Смотрите, смотрите, что с лодкой-то делается! — вдруг вскричал индеец.

С этими словами он бросился в воду и быстро поплыл к лодке, которую ветром несло прямо на лагуну. Надо было во что бы то ни стало поймать ее. Стоит ей только показаться на лагуне, в малокка заметят ее, увидят, что она пустая, и бросятся спасать товарища. Но вот Мундруку схватил ее и потащил за конец веревки, оставшейся от гарпуна. Она должна была сослужить хорошую службу.

Весь день путешественники молча просидели в полумраке под сводом деревьев. Время от времени Мундруку подплывал к выходу и сквозь деревья внимательно осматривал лагуну. Кругом все было спокойно. Только раз он увидел большую лодку с тремя дикарями, но они направлялись совсем в другую сторону. Они плыли по лагуне приблизительно в двухстах саженьях от берега, как раз против малокки. Мундруку внимательно следил за лодкой до тех пор, пока она не скрылась из виду; по движениям сидевших в ней было видно, что они занимались рыбной ловлей. Индеец никак не мог понять, какую рыбу они ловили. Около часа простояли они на одном месте, а потом поплыли к берегу и скрылись за деревьями. Мундруку рассказал об этом товарищам, и все успокоились. Ясно было, что дикарь в одиночку охотился за морской короной и что другие не подозревали об его исчезновении.

Но вот вопрос: как долго его отсутствие может оставаться незамеченным? Возможно, что у него была жена или друзья, которых могло удивить его отсутствие.

— Не беспокойтесь, — сказал Мундруку в ответ на эти соображения Треваньова. Затем, презрительно кивнув в сторону дикаря, он прибавил: — Товарищи его так же мало огорчатся его исчезновением, как огорчаются обезьяны, когда заблудится одна из них. Если у него есть жена, чего я положительно не

допускаю, то она очень обрадуется, что избавилась от него. Что же касается того, чтобы товарищи стали его разыскивать из чувства дружбы, как вы предполагаете, то это совсем невозможно. Люди его племени не знают такого чувства. Вот если бы ему удалось поймать морскую корову, тогда все бы бросились к нему, как голодные ястребы. Если никто из них сюда случайно не заплывет, нам нечего бояться сегодня. А завтра, если мне удастся исполнить то, что я задумал, мы будем, как я уже сказал, не только далеко от дикарей но и от этой проклятой лагуны.

Несчастные весь день ничего не ели; они боялись, что, если они разведут огонь, дикари заметят дым и найдут их. Некоторые из них не могли более переносить голода и ели сырое мясо морской коровы.

Другие же решили подождать рассвета, когда, по словам Мундруку, можно будет развести огонь. Дикарь по-своему объяснил воздержание их от пищи. Он решил, что они для него берегут аппетит. Чтоб он не мог бежать, они связали ему руки и ноги. Кроме того, они крепко привязали его к самому стволу. Словом, они приняли все меры для того, чтобы он не ушел от них.

Хотя лодку и спрятали от него, но это нисколько не могло помешать ему добраться до малокки, так как, по словам Мундруку, мурасы не хуже обезьян лазают по деревьям.

Треваньову не верилось, что соседство дикарей было так опасно, как это утверждал Мундруку. Но представитель племени мурасов, находившийся у них в плену, рассеивал его сомнения по этому поводу и подтверждал слова индейца. Трудно было себе представить, до какой степени отвратительное лицо было у этого дикаря. Мундруку хорошо знал старую поговорку «мертвые не говорят» и охотно покончил бы с дикарем, но Треваньов не хотел об этом и слышать.

XX

До вечера было все спокойно; но с закатом солнца произошло одно обстоятельство, которое напугало наших путешественников: на небе показалась луна, и благодаря ей ночь обещала быть светлой.

Между тем Мундруку говорил, что он может исполнить задуманное только в том случае, если ночью будет темно.

План его заключался в следующем: лишь только наступит ночь, они должны выплыть на лагуну и, распустив парус, уйти в сторону, противоположную малокке. Если же не будет ветра, решено было при помощи весел плыть вдоль берега лагуны и, гребя изо всех сил, стараться как можно скорее уйти от этого места; в случае, если они не успеют уйти до восхода солнца, они снова спрячутся между верхушками береговых деревьев и просидят там до следующей ночи.

Однако им не суждено было осуществить своего намерения в эту ночь: луна плыла по небу и своим серебристым светом озаряла всю лагуну. Даже самый маленький предмет не мог оставаться незамеченным на зеркальной поверхности воды. Вот в малокке зажгли огни. Ночной хор голосов снова послышался в затопленном лесу. Крик ягуара покрывал собою все остальные голоса. Треваньов утверждал, что крик этого животного доказывает близость суши.

— Это не совсем так, господин мой, — заметил индеец. — Возможно, что наводнение застигло его в лесу и ему пришлось спасаться, как и нам, на верхушках деревьев; но он счастливее нас, так как отлично плавает и обладает инстинктом, который приводит его к суше. Впрочем, в гапо встречаются такие места, где земля поднимается над поверхностью воды; возвышенности представляют собою острова во время разлива. Ягуар чувствует себя очень хорошо на таком острове, так как его добыча находится как бы в плену у него. Нет, господин мой, присутствие ягуара еще не доказывает, что суша на близком расстоянии.

В то время как Мундруку говорил это, послышался снова крик ягуара, вслед за которым все стихло; казалось, все обитатели леса вдруг замолчали. Но вот со стороны малокки до путешественников донесся ужасный дикий крик. Мундруку, которому хорошо были знакомы нравы и обычаи враждебного племени, объяснил товарищам, что такими криками дикари выражают радость. Такое объяснение успокоило наших путешественников, подумавших было, что крик этот вызван исчезновением пойманного ими мураса.

Настала полночь, а луна все так же ярко светила на небе. Мундруку начал беспокоиться; не раз он пробовал плыть по направлению лагуны, но тотчас же возвращался с еще более озабоченным видом. Впрочем, на шестой раз он вернулся довольно веселым.

— Чему ты обрадовался, Мунди? — спросил его Треваньов.

— Я видел облако.

— Не понимаю, почему ты с таким восторгом говоришь об этом.

— Поймите же, что я видел облако! Правда, оно не особенно велико, но зато оно идет с востока, то есть от Гран-Пара. А это много значит!

— Неужели?

— Конечно. От Гран-Пара, значит, и от Великой Реки. Такое облако предвещает грозу, а ее-то нам и нужно. Теперь вам понятна моя радость? Надо еще

раз поплыть к лагуне и хорошенько осмотреть небо. Терпение, хозяин, терпение! И молитесь, чтобы я принес хорошие вести.

С этими словами индеец снова бросился в воду. Он не возвращался целых полчаса; но оставшиеся на бревне по верным признакам уже знали, что он сообщит им. Лучи месяца становились бледнее и бледнее, и вскоре тьма покрыла все гапо; когда индеец возвращался с разведки, его совсем не было видно, только плеск воды обнаруживал его приближение.

— Теперь можно будет выполнить мой план, — сказал Мундруку. — Я не ошибся, гроза действительно надвигается, через несколько минут будет так темно, что смело можно будет забраться в самую малокку.

— Как? В этом и заключается твой план?

— Да, господин мой.

— Ты один поплывешь туда?

— Нет, я думаю взять кого-нибудь с собою.

— Кого же?

— Того, кто плавает, как рыба.

— Значит, моего племянника Ричарда?

— Да, да! Больше мне никого не нужно.

— Но ведь плыть туда очень опасно.

— Совершенно верно, — отвечал индеец, — но не плыть еще опаснее. Если нам удастся сделать все, что я задумал, мы спасены; если же мы все будем сидеть здесь, нам остается только готовиться к смерти.

— Почему же ты не хочешь сделать так, как было решено раньше? Отчего нам не воспользоваться темнотою и не уплыть скорее на бревне отсюда?

— Да, теперь темно; но мы не проплывем и мили, как может наступить рассвет, и тогда...

— Дядюшка, — сказал молодой человек, — надо слушаться Мунди. Правда, я рискую жизнью, но ведь мы все делаем это ежедневно. Вы увидите, что мы вернемся здоровы и невредимы. Отпустите меня!

Треваньюву осталось только уступить такой убедительной просьбе племянника. Мундруку и Ричард, усевшись в лодку пленного мураса, тихонько поплыли по направлению лагуны. Они были очень взволнованы, но оставшиеся товарищи волновались не меньше их. Как только они уплыли, Треваньюв стал сожалеть о том, что отпустил Ричарда. Брат доверил ему сына, и он будет отвечать перед ним, если юношу постигнет какое-нибудь несчастье.

Перед тем как отправиться в путь, Мундруку шепнул ему на ухо:

— Господин, если мы не вернемся до рассвета, вы останетесь здесь до завтрашнего вечера, а там, если будет темно, вы сделаете то, что было решено на эту ночь, то есть поплывете по лагуне. Пускайтесь смело в путь, ничего не бойтесь. Я говорю это на тот случай, если дело окончится нашей гибелью, но я почти уверен в успехе. Через час, может быть, мы вернемся, захватив с собою нечто весьма необходимое для того, чтобы выбраться из гапо и как можно скорее избавиться от наших врагов.

Оставшись на бревне, путешественники строили всевозможные предположения по поводу таинственного плана индейца. Они совсем забыли о том, что Мундруку просил их зорко следить за пленником. Они видели, что он был крепко связан, и не допускали мысли о том, что он может порвать свои путы. Они не знали, с кем имеют дело. Заметив, что за ним более не следят, мурас,

как угорь, выполз из обвивавших его лиан; затем он осторожно сполз с бревна и тихонько поплыл к деревьям. Никто из путешественников не слышал, как он бежал; отсутствие его было замечено только полчаса спустя. Можно себе представить, как все удивились, когда пленника не оказалось на бревне; бросились было к лагуне, думая там увидеть беглеца, но впотьмах можно было рассмотреть только несколько лодок, быстро плывших по направлению к своду.

XXI

Выйдя из протока, Мундруку и его юный товарищ направили лодку прямо к деревне мурасов. Плыть было очень легко. Хотя огни уже догорали, тем не менее красноватый отблеск их еще ясно указывал путь; приходилось плыть вдоль опушки леса, и пловцы старались все время держаться под деревьями.

Не прошло и получаса, как они очутились в ста ярдах от деревни. Привязав лодку к дереву так, чтобы потом ее скоро можно было отвязать, они пустились вплавь. На обоих были плавательные пояса, это было необходимо, так как для выполнения задуманного им приходилось долго оставаться в воде. Кроме того, могло случиться, что им пришлось бы держаться на одном месте, не производя ни малейшего шума. С ножом в руках индеец направлялся прямо к помосту, прилагая все старания к тому, чтобы не быть замеченным; Ричард тихонько плыл рядом с ним.

В деревне все еще спали. Кругом царила мертвая тишина, и никого не было видно. К стволам деревьев, поддерживавших помост, было привязано до десятка лодок.

К этим-то лодкам и плыл индеец. Шесть из них, так называемые игарате, были сделаны из древесной коры; остальные же были гораздо больше и лучше и в каждой из них могло поместиться человек восемь. Мундруку подплыл сначала к первым и поочередно что-то проделал над каждой из них, причем он все изгибался и старательно прятал голову. Товарищ изо всех сил помогал ему.

Таким образом, наши пловцы при помощи ножа прорезали дно у пяти лодок и потопили их.

Они сделали бы то же и с остальными, если бы товарищи их, оставшиеся на бревне, не выпустили мураса.

Как раз в то время как Мундруку и Ричард садились в лодку, которая осталась цела, над водой появилась какая-то черная тень. Ухватившись за лиану, она диким прыжком очутилась на помосте.

Несмотря на темноту, Мундруку тотчас же узнал пленного мураса.

— Бог мой! — прошептал он. — Это дикарь. Они не заметили, как он бежал! Теперь мы погибли. Скорее, скорее в лодку! Берите одно весло, а я возьму другое. Нельзя терять ни минуты. Смотрите! Лодки тонут. Если б только он не поднимал тревогу еще десять минут... Ах! Я слышу шум. Скорей, скорей!..

В то время как Мундруку говорил это, сверху слышался какой-то дикий вой. Это мурас давал сигнал своим единоплеменникам. Он не подозревал, конечно, что пловцы наши только что потопили лодки, но он видел, как они куда-то отправились в его челноке, и боялся, чтобы они ночью не предприняли чего-нибудь против товарищей.

На крик мураса отвечали сотни диких голосов. Не прошло и десяти минут,

как все были уже на ногах и быстро спускались к лагуне. Весьма понятно, что Мундруку и его товарищ не стали дожидаться результатов своей операции над лодками. Они гребли изо всех сил, направляясь прямо к своду, под которым скрывались их товарищи.

Эти последние не могли успокоиться после бегства мураса; увидев лодку, которая плыла прямо к ним, они еще более испугались, решив, что это результат тревоги, поднятой беглецом.

Какая-то участь постигла их товарищей? Вдруг они вскрикнули от радости: Мундруку и Ричард стояли перед ними.

— Скорее, скорее долой с бревна! — говорил индеец. — Как жаль, что дикарю удалось бежать!.. Торопитесь же!.. Скорее в лодку!..

Говоря это, Мундруку вскочил на бревно, разорвал пополам кожаный парус и бросил его в лодку вместе с несколькими кусками мяса морской коровы. Минут через двадцать они были уже на середине лагуны.

— Куда нам править? — спросил Треваньов, переставая работать веслом, заменявшим руль.

— Подождите минуту, господин мой, — отвечал индеец. — Надо посмотреть, собираются ли дикари нас преследовать, — сказал он, глядя в сторону малокки.

— Неужели ты допускаешь, что они спокойно дадут нам уйти и не погонятся за нами?

— Да, это возможно, я был бы даже уверен в этом, если бы вы не упустили ту отвратительную обезьяну. Теперь нам нечего было бы опасаться. Я думаю, однако, что еще не все лодки успели потонуть.

Между тем на небе загоралась заря... Хотя до полного рассвета было еще далеко, тем не менее непроглядная тьма, окутывавшая лагуну несколько минут тому назад, уже рассеялась. В деревне мурасов было тихо. Огни погасли... Ни один звук не доносился со стороны малокки. По мнению Мундруку, это был дурной признак.

— Почему ты думаешь? — спросил Треваньов, предполагавший как раз обратное.

— Это так понятно, господин мой. Им теперь не до разговоров, они все занялись, вероятно, делом; если б они не собирались нас преследовать, мы бы, наверно, услышали, как они кричат в своей малокке. Я думаю, они теперь выкачивают воду из тех лодок, которые не успели еще утонуть.

Тут Мундруку рассказал товарищам, как они с Ричардом прорезали лодки дикарей.

— Ну, теперь пора и в путь! — сказал он, окончив свой рассказ.

О том, куда плыть, раздумывать было некогда; надо было стараться как можно дальше уйти от малокки! Треваньов посоветовал держаться берега, тут под деревьями они будут не так заметны.

— Нет, — возразил индеец. — Через десять минут будет совсем светло, и там нас так же легко могут заметить, как посреди лагуны; к тому же им еще легче будет нас догнать, если мы станем держаться берега, так как деревья образуют круг.

— Это правда, — отвечал Треваньов. — Остается только надеяться, что им и в голову не придет преследовать нас.

— Минут через пять мы все узнаем, — прошептал индеец. — Сейчас рассве-

тает, и мы увидим, что они делают и потонули ли пироги.

Однако не прошло и пяти минут, как от берега отделилась лодка.

— Самая большая игарате, — промолвил Мундруку, — ее-то я и боялся больше всего.

— А вот там еще другая лодка, — сказал индеец.

— Если это все, мы спасены!

— Их там, кажется, человек десять.

— Хотя нас гораздо меньше, но я думаю, что мы все-таки справимся с ними. Ах, если б только у нас было какое-нибудь оружие.

Говоря это, Треваньов заглянул на дно лодки, ища там что-нибудь, что могло бы заменить оружие. Он вытащил пальмовое копье, которое Мундруку бросил туда вместе с мясом морской коровы, и гарпун мураса. Кроме того, у них были еще весла из лопаток морской коровы да нож индейца. Треваньов уверял, что дикари были вооружены только стрелами да копьями.

Путешественники наши гребли молча, тогда как преследователи их дико кричали, желая, вероятно, своим криком напугать врагов.

Но вот мурасы стали быстро приближаться. Стрелы градом полетели на сидевших в лодке, но ни одна из них не попала в цель. Заметив, что они подошли еще недостаточно близко к неприятелю и что стрелы их не долетают, гребцы снова налегли на весла; между тем двое из сидевших в лодке не переставали пускать стрелы в своих врагов. Оба стрелка отличались силой и меткостью стрельбы. Одна из стрел скользнула по курчавому затылку негра, другая попала прямо в щеку Типперари Тому, а третья впилась в кожу морской коровы, под которой спрятали Розиту, не причинив девочке никакого вреда.

Ловкий стрелок, которому принадлежали все три стрелы, был не кто иной, как бывший их пленник. Вот он опять прицелился, и все с ужасом ждали падения этой четвертой стрелы; пролетев со свистом над водой, она попала прямо в левую руку индейцу. Он выронил весло и громко вскрикнул; крик этот был вызван скорее злостью, нежели страданием, так как стрела слегка только ранила его. Он вытащил ее правой рукой и быстро схватился за гарпун, который еще раньше привязал к лодке. Встав в корму, он размахнулся, чтобы как можно дальше бросить свое оружие.

— Стреляй! Стреляй! — кричал он, в то время как гарпун, брошенный опытной рукой, впился прямо в бок так метко стрелявшему дикарю.

Гребец, сидевший в маленькой лодке, остолбенел; весло выпало у него из рук, лодка вдруг остановилась, и сраженный гарпуном стрелок полетел в воду. Мурасы дико вскрикнули.

Стрелы градом летели над лодкой, не причиняя, однако, сидевшим в ней никакого вреда. Ведь лучший стрелок пошел ко дну. Заметив, что стрелы не долетают до противников, дикари снова взялись за весла, намереваясь еще ближе подойти к ним. Как только они очутились от лодки всего лишь в двадцати шагах, они снова бросили весла и взялись за луки.

Эта минута ожидания была ужасна! Вдруг, ко всеобщему удивлению, дикари побросали оружие и со страхом стали смотреть на дно лодки, как будто они вдруг увидели там самого опасного врага.

Мундруку не ошибся. Через несколько минут лодка стала тонуть, и дикари с криком бросились в воду. Теперь они были не страшны нашим путешественникам.

XXII

Хотя пирога, похищенная ими у дикарей, была сделана очень грубо, тем не менее плыть на ней было гораздо удобнее, чем на стволе засохшей монгубы. Благодаря веслам и парусу из кожи морской коровы путешественники могли плыть в любом направлении.

Прежде всего они решили выбраться из лагуны.

Долго плавали они еще то по большим водным пространствам, то по широким каналам, то по узким протокам, которые иногда оканчивались непроницаемой чащей деревьев. В последнем случае приходилось выбирать одно из двух: плыть обратно или же, бросив лодку, путешествовать по деревьям, но этот способ передвижения никому не улыбался. Иногда они тратили целые дни на плавание по таким мнимым проливам.

По дороге им попадались всевозможные фрукты, которые были знакомы Мундруку. Некоторые из них были очень вкусны, другие же представляли собою ужасный яд. Сбор плодов, которыми они питались, был их единственным развлечением. Никто из них не мог сказать, сколько времени они блуждали по лесу, так как были дни, когда они вовсе не видали солнца; то оно совсем не показывалось, то лучи его не проникали сквозь чащу деревьев, под которыми они скрывались.

Наконец, после долговременного отчаяния и обманутых надежд, они увидели большое судно. Оно плыло по лесу. Правда, оно было невелико, но хорошо оснащено, с мачтами и с парусами. Это было торговое двухмачтовое судно, какие часто встречаются на Солимоее.

Капитан согласился принять их, и через десять минут они были на его судне. Предоставив лодку ветру и течению, они поплыли дальше по одному из каналов Солимоеа. Через два дня они вошли в главную реку и быстро поплыли по направлению к Паре.

Братья возвратились на родину и поселились вместе в том доме, в котором они родились. Человек, присвоивший их имущество, оставил все своему сыну, который быстро растратил деньги и принужден был продать имение. Братья Треваньовы приехали как раз вовремя; они тотчас же скупили всю землю, которая когда-то принадлежала их предкам.

Если бы читатель вздумал отправиться в Лендс-Энд и ему захотелось бы повидать наших старых друзей, он встретил бы в доме Ральфа, во-первых, старика Ральфа, который стал уже дедушкой, во-вторых, красивую жену хозяина, Флоренс, окруженную детьми, такими же смуглыми, как их отец. Тут же вам попался бы человек, волосы которого, когда-то ярко-рыжие, теперь уже серебрились на висках, в нем вы узнали бы, конечно, Типперари Тома.

Войдя в переднюю, вы встретите негра, это ваш старый знакомый Мозей. Он проводит вас к своему господину, в котором вы тоже легко узнаете Ричарда. Годы не изменили его, он остался таким же веселым и жизнерадостным, каким вы его знали.

Вы не забыли, конечно, и этой элегантной леди, которая так приветливо встретит вас. Это Розита, жена Ричарда.

Для полноты картины недостает только Мундруку.

Старый хозяин не остался у него в долгу. Он подарил индейцу шхуну и таким образом вознаградил его за беззаветную преданность, которую он про-

явил во время странствования их по затопленному лесу.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

роман

I. СВОДНЫЕ БРАТЯ

В десяти милях от Виндзора молча шли двое юношей с ружьями наперевес. Впереди них бежали две красивые лягавые собаки, позади следовал егерь в богатой ливрее, расшитой золотом. Присутствие собак и егеря исключало всякую возможность предположения о браконьерстве, не говоря уже о внешности охотников.

Лес этот, или, попросту говоря, фазаний садок, принадлежал их отцу, генералу Гардингу. Бывший офицер индийской армии в продолжение своей двадцатилетней службы на Востоке собрал около двухсот тысяч фунтов стерлингов (около двух миллионов рублей на наши деньги), необходимых для приобретения имения в графстве Букс, в мягком климате которого генерал думал излечиться от болезни печени, полученной им в жарких долинах Индостана.

Изящный замок из красного кирпича, времен Елизаветы, просвечивавший сквозь лесные прогалины, свидетельствовал об утонченном вкусе генерала, а пятьсот акров прекрасного тенистого парка, земли, прилегающие к замку, и с полдюжины выгодно сданных в аренду ферм доказывали, что бывший офицер недаром собрал в Индии такое огромное количество рупий (рупия — индийская монета, около 90 коп. на наши деньги).

Два молодых охотника были единственные сыновья генерала.

Всматриваясь в молодых людей по мере того, как они двигались к лесу, можно было заметить, что они были почти одинакового роста, но различались возрастом и характером физиономий. У обоих были загорелые, бронзовые лица, но различного оттенка. У старшего, носившего имя Нигель, кожа была почти оливкового цвета и черные совершенно прямые волосы, отливав-

шие на солнце пурпуром.

Генри, младший, имел кожу более тонкую и розоватую, золотисто-каштановые волосы шелковистыми кудрями вились на шее.

Братья так резко отличались друг от друга, что, не зная, их никак нельзя было принять за близких родственников.

Впрочем, у них был только общий отец, матери же разные. Мать Нигеля давно уже покоилась в мавзолее в окрестностях древнего города Гайдерабад; мать Генри была похоронена на деревенском кладбище в Англии.

Генерал Гардинг, подобно многим, два раза надевал брачное ярмо себе на шею, но мало у кого были такие различные жены. Физически, нравственно и умственно индуска столько же отличалась от саксонки, насколько Индия отличается от Англии.

Это различие характеров перешло от матерей и к сыновьям. Достаточно было взглянуть на Нигеля и Генри.

Следующий случай дает нам об этом ясное понятие.

Дело происходило в середине зимы. Еще неделю тому назад оба брата в ученических куртках и кепи бегали по коридорам Ориельского колледжа в Оксфорде. Приехав в отпуск на несколько дней к отцу, они не могли найти себе более приятного занятия, как рыскание по лесам отцовского имения.

Земля, скованная морозами, не давала возможности позабавиться большой охотой, но юношам было известно, что бекасы и тетерева недавно опустились в их лесу по соседству с ручейком.

Наши молодые люди шли по направлению незамерзшего ручья. Присутствие испанских лягавых указывало ясно, что охота предполагалась на тетеревов.

Собаки эти были совершенно разных характеров. Черная, делая стойку, как бы каменела на месте, белая же носилась, как безумная; два раза она уже напрасно спугивала дичь.

Белая собака принадлежала Нигелю, черная — его сводному брату Генри.

Третий раз уже белая собака подняла тетерева раньше, чем мог выстрелить ее хозяин.

Несмотря на мороз, гайдерабадская кровь закипела в жилах Нигеля.

— Эта бездельница заслуживает урока! — вскричал он, прислонив к дереву ружье и вытащив нож. — В сущности, ты уже давно должен был это сделать, Догги Дик, если бы ты как следует относился к своим обязанностям.

— Боже мой, мистер Нигель, — отвечал егерь, к которому относился этот упрек, — я бил ее хлыстом, пока не вывихнул руку! Но ничто не помогает. У нее нет инстинкта стойки.

— Так я ей его дам! — воскликнул молодой англоиндиец, приближаясь с ножом в руке к собаке.

— Остановись, Нигель! — вступился Генри. — Не хочешь же ты в самом деле изуродовать ее?

— А тебе какое дело? Она не твоя.

— Мое дело не допустить тебя до жестокости. Бедное животное не виновато, что Дик так плохо ее дрессирует.

— Благодарю вас, мистер Генри! Разумеется, всегда я виноват! Как ни старайся, все напрасно! Очень вам благодарен, мистер Генри!

Догги Дик, хотя молодой, но некрасивый и несимпатичный, сопровождал

свои слова взглядом, свидетельствовавшим, что душа его была еще безобразнее лица.

— Замолчите вы оба, — крикнул Нигель, — я хочу наказать собаку, как она этого заслуживает, а не так, как тебе хочется, мистер Генри! Мне нужна трость.

И он отрезал себе настоящую толстую палку и стал ею бить животное, жалобные вопли которого разносились по всему лесу.

Генри тщетно умолял своего брата остановиться: Нигель колотил все сильнее.

— Очень хорошо! — вскричал злобно егерь. — Это ей же на пользу.

— А на тебя, Дик, я пожалуюсь отцу.

Нигель между тем колотил все сильнее.

— Стыдно, Нигель, ты уже довольно бил ее, оставь!

— Но раньше я ей оставляю что-нибудь на память.

— Что ты хочешь делать? — спросил с тревогой Генри, видя, что брат, отбросив палку, выхватил нож. — Ты же не станешь...

— Резать ухо?.. Именно это я и хочу.

— Ты раньше проколешь мою руку! — вскричал молодой человек, бросаясь на колени и закрывая обеими руками голову животного.

— Прочь руки, Генри, собака моя, что хочу, то и делаю с ней!.. Прочь руки!..

— Нет!

— Тем хуже для тебя!

Левой рукой Нигель схватил ухо животного, а другой изо всей силы ударил.

Кровь брызнула в лица братьев и окрасила красной волной белую шерсть собаки, но это была кровь не собаки, а Генри, мизинец которого был совершенно разрезан от сустава до ногтя.

— Это научит тебя не вмешиваться в мои дела! — вскричал Нигель, не выказывая ни малейшего раскаяния. — В другой раз ты будешь умнее!

Это грубое замечание вывело из себя младшего брата, между тем как боль от удара он вынес спокойно.

— Подлец! — крикнул он. — Брось нож и выходи! Хотя ты и старше меня на три года, но я тебя не боюсь и проучу тебя в свою очередь!

Нигель, обезумев от ярости при виде неожиданного сопротивления ребенка, которого он привык водить на помочах, выронил нож, и братья так свирепо принялись друг друга на кулачки, что трудно было бы сказать, что в их жилах течет одна кровь.

Нигель был выше, Генри шире и сильнее; в этой борьбе мускулы саксонца заметно преобладали над мускулами англоиндийца. Через десять минут последний был так обработан, что егерь должен был вмешаться и разнять их, чего бы он не сделал, если бы одолел Нигель.

Об охоте и думать было нечего. Обернув раненый палец платком, Генри позвал свою собаку и пошел по дороге к замку.

Нигель, смущенный своим поражением, следовал издали вместе с Догги Диком и окровавленной собакой.

Столь быстрое возвращение охотников удивило генерала Гардинга. Не замерзла ли река? Не снялись ли тетерева? Окровавленный платок на руке Генри, вздутое и покрытое синяками лицо Нигеля требовали разъяснения.

Каждый из братьев представил свое. Разумеется, егерь поддерживал сторо-

ну старшего, но старый солдат быстро сумел отличить ложь от истины, и на долю Нигеля пришлось вдвое больше упреков, чем его брата.

День вообще кончился дурно для всех, исключая черной лягавой. Догги Дик было приказано немедленно снять ливрею и оставить замок навсегда, с предупреждением, что если он покажется на земле генерала Гардинга, то с ним будет поступлено, как с браконьером.

II. ДОГГИ ДИК

Уволенный егерь нашел себе место у помещика, леса которого почти непосредственно прилегали к владениям Гардинга. Помещик этот носил имя Вебли; это был богатый горожанин, сделавший себе состояние счастливой игрой на бирже и купивший себе имение, чтобы играть роль богатого землевладельца.

Отношения между старым офицером и новым помещиком нельзя сказать, чтобы были дружественны, напротив, между ними существовала некоторая натянутость. Генерал чувствовал инстинктивное презрение к выскочкам, приезжающим в церковь в колясках, хотя их дом находился только в трехстах шагах расстояния от сельского храма.

Мистер Вебли принадлежал именно к такому сорту людей. Впрочем, это различие вкусов и привычек было не единственной причиной враждебности между отставным офицером и бывшим биржевым маклером. Между ними возникла распря относительно права на охоту на большом куске земли, врезавшемся треугольником в их владения.

Само по себе дело это было не важное, тем не менее оно способствовало увеличению взаимной холодности соседей. Может быть, именно в силу этого Догги Дик и получил место у мистера Вебли. «Выскочка» и не мог действовать иначе.

В этом же году, когда наступил охотничий сезон, молодые Гардинги заметили в лесах своего отца небывало малое количество дичи. Генерал, небольшой любитель охоты с ружьем, не заметил этого, не заметил бы, может быть, и Нигель. Но Генри, страстный охотник, сейчас же увидел, что фазанов было вдвое меньше, чем в предыдущие годы; факт тем более странный, что год этот был необычайно благоприятный для дичи, и особенно для фазанов. Леса Вебли изобиловали ими, как и у других соседей.

Сперва стали следить, хорошо ли исполняет свои обязанности новый егерь генерала Гардинга. Ни одного случая браконьерства замечено не было. Известно было, что несколько ребятишек крали яйца во время носки, но отдельные и случайные факты не могли повлиять на уменьшение дичи в лесах.

Егерь оказался знающим и опытным человеком, и ему еще предоставили необходимое количество помощников.

После долгих размышлений Генри Гардинг пришел к тому заключению, что фазаны его отца были привлечены в леса Вебли, вероятно, лучшим кормом. Он знал, какие чувства питали Догги Дик и его господин к его отцу, и не сомневался, что бывший маклер пойдет и не на такие еще штуки. Поэтому надо было принять меры для того, чтобы вернуть дичь.

По лесу рассыпано было в изобилии пшено и другой корм, излюбленный фазанами. Но все было тщетно. Даже куропатки исчезли, между тем как владения Вебли кишели всевозможной дичью.

Генеральский егерь дознался и сообщил, что во время носки яиц он нашел много разоренных фазаньих гнезд. Он не мог понять этого, так как в лесу по временам показывались только соседские егеря, которые не станут же красть яйца.

«Вот в этом-то я и не уверен, — подумал про себя Генри. — Наоборот, мне кажется, что только этим-то и можно объяснить исчезновение дичи».

Он сообщил свои подозрения отцу, который запретил егерям Вебли бродить по опушке его леса. Это распоряжение, конечно, вызвало еще большее охлаждение между двумя соседскими владельцами.

В следующий сезон молодые люди приехали к отцу в отпуск на Пасху. В это время года можно больше всего нанести вреда в тех местах, где водится дичь.

Никакое браконьерство не принесет столько вреда, как разорение гнезд. Один ребенок может больше нанести вреда в один день, чем целая шайка браконьеров в один месяц со всеми своими сетями, западнями, ружьями и другими разрушительными орудиями.

Леса генерала охранялись этот год лучше, чем когда-либо. Гнезд было множество, и все заставляло рассчитывать на хорошую охоту.

Но Генри, веря в будущее, не мог забыть неудачи двух прошлых лет и решил доискаться причины. Вот что он придумал.

Всем егерям и сторожам генерала в один прекрасный день был дан отпуск, чтобы они могли присутствовать на скачках, происходивших в десяти милях от замка. Отпуск этот был объявлен за неделю, для того чтоб узнали об этом и егеря соседнего имения.

Наступил день скачек, сторожа отправились, охрана леса предоставлена была самим владельцам. Великолепный случай для браконьеров!

За несколько минут до отъезда егерей Генри отправился в лес с палкой в руке и пошел по опушке, граничащей с владениями биржевого маклера. Он шел тихо и так осторожно, что сделал бы честь хорошему браконьеру.

Как раз на границе владений находилось спорное поле. Тут же недалеко рос старый большой вяз, весь обвитый плющом. Генри забрался в чащу ветвей и закурил сигару.

Он не мог выбрать лучшего положения для задуманной им цели. С одной стороны, глаз обнимал все спорное поле, так что никто не мог бы пройти незамеченным от Вебли к Гардингу. С другой стороны, открывался вид на леса его отца, и именно на излюбленные фазанами места.

Долго наблюдатель оставался на своем посту, не замечая ничего подозрительного. Он уже выкурил две сигары, и третья подходила к концу.

Терпение его истощилось, не говоря уже об усталости и неудобстве сидения на ветвях. Он уже начал думать, что подозрения его на Догги Дика были неосновательны. Он даже стал винить себя. Может быть, Догги вовсе не был таким скверным, каким он себе его представлял.

«Когда заговорят о черте, сейчас же увидят его хвост» — говорит английская пословица. То же самое случилось и с Догги Диком. В тот момент, когда потухла третья сигара, появился старший егерь м-ра Вебли.

Сперва он осторожно высунул голову сквозь ветви кустарника. Осмотрев внимательно окрестности, он вышел из лесу и, крадучись, как кошка, направился в соседние владения.

Генри следил за ним, как рысь или полицейский агент, забыв усталость и

скуку.

Как он и ожидал, Догги Дик направился к просеке, по которой было больше всего фазаньих гнезд. Бросая по сторонам подозрительные взгляды, он крался, как хищник.

Несмотря на все предосторожности, он спугнул птиц. Один петух убежал, другой упал на траву со сломанными крыльями. Самку Догги убил палкой.

Но он не воспользовался, однако, своей добычей, а, наклонившись над гнездом, вынул яйца и спрятал их в свою охотничью сумку. Затем что-то рассыпал кругом гнезда.

Потом направился к следующему гнезду.

«Пора, — подумал Генри, — пора действовать. Довольно и одного гнезда».

Бросив сигару, он спустился с вяза и кинулся по следам вора.

Догги заметил его и попробовал было проскользнуть в лес Вебли. Но раньше, чем он успел добежать до ограды, молодой человек схватил его за шиворот. Сильный толчок заставил его упасть на землю, и в своем падении он разбил все яйца в сумке.

В эту эпоху Генри Гардинг был хорошо развитым молодым человеком, унаследовавшим отцовскую силу и энергию. К этому нужно еще прибавить сознание своего права. Егерь, маленький и слабосильный, с сознанием дурного поступка на совести, понял бесполезность всякого сопротивления.

Согнув покорно спину, он получил такую порцию ударов тростью, какую только может дать страстный охотник браконьеру.

— А теперь, вор, — воскликнул Генри, утолив немного свой гнев или, вернее, устав наносить удары, — ты можешь вернуться к своему мошеннику-хозяину и устраивать с ним заговоры, сколько твоей душе угодно, но только не против моих фазанов!

Догги молчал, боясь палки. Он перелез через ограду, перешел поле, шатаясь, как пьяный, и исчез в лесу Вебли.

Вернувшись к разоренному гнезду, Генри тщательно осмотрел кругом землю и нашел много пшена, смоченного какой-то сахаристой жидкостью. Это и было пшено, рассыпанное Догги. Генри набрал этой крупы и отнес домой. Анализ показал, что пшено было отравлено.

Хотя процесса не было возбуждено по этому поводу, но история эта стала известна во всех подробностях. Догги Док был слишком хитер, чтобы жаловаться на побои, а Гардинги удовлетворялись тем, что проучили его.

Что касается бывшего биржевого маклера, то он понял, что должен отказаться от услуг своего егеря, который с этого времени приобрел репутацию самого отчаянного браконьера в округе.

По-видимому, он глубоко раскаялся, что принял с таким унижением побои Генри, ибо в последующих схватках со сторожами он всегда теперь являлся отчаянным и опасным противником, настолько опасным, что смертельно ранил одного из егерей генерала Гардинга.

Он спасся от виселицы только тем, что бежал из Англии. Потом его видели в Булони, в Марселе, в обществе английских жокеев, препровождавших краденых лошадей в Италию. В конце концов следы его окончательно затерялись.

III. ПРАЗДНИК СТРЕЛКОВ

Прошло три года. Оба брата кончили колледж и жили в отцовском замке. Юноши наши стали молодыми людьми.

Нигель отличался благоразумием, хорошим поведением, бережливостью и прилежанием.

Характер Генри был совершенно иной. Если его и нельзя было назвать отъявленным шалопаем, но во всяком случае привычки его были не из похвальных. Книги он ненавидел, удовольствия обожал и презирал бережливость, считая ее самым ужасным людским убожеством.

Нигель по натуре хитрый, угрюмый эгоист, между тем как Генри, одаренный от природы великодушными наклонностями, предавался увлечениям своего возраста с пылом, который время должно было, конечно, смягчить.

Генерал, довольный поведением старшего сына, был страшно недоволен наклонностями младшего, тем более что, как Иаков, он больше любил младшего.

Борясь всеми силами против пристрастия, в котором генерал упрекал себя, он не мог не сознаться, что он был бы гораздо счастливее, если бы Генри вздумал подражать своему брату, даже если бы роли их совершенно переменились! Но, по-видимому, этому желанию не суждено было осуществиться. Во время пребывания обоих братьев в колледже награды, получаемые Нигелем, не могли вознаградить генерала за огорчения, причиняемые шалостями младшего сына.

Надо сказать еще, что Нигель ревностно превозносил свои заслуги и неутомимо доносил о всяком безрассудстве своего брата. Генри редко писал отцу; впрочем, письма его только подтверждали сообщения старшего брата, ибо в них заключались исключительно просьбы о деньгах.

Бывший солдат, великодушный до расточительности, не отказывал ни в чем; его заботила не высланная сумма денег, а то, как она будет истрачена.

Окончив учение, молодые люди наслаждались периодом праздности, во время которого школьная личинка превращается в бабочку и пробует свои силы.

Если между братьями и существовала старая вражда, то с виду это заметить было трудно. Скорее казалось, что они питали друг к другу искреннюю братскую дружбу.

Генри был прямой и откровенный; Нигель сдержанный и молчаливый. Слепо повинувшись малейшим желаниям своего отца, Нигель в то же время выказывал ему глубокое уважение.

Генри же, нисколько не заботясь о выражении знаков внешнего почтения, не думал, что оказывает непочтительность отцу, возвращаясь не вовремя домой и бросая деньги на ветер. Подобное поведение оскорбляло генерала и подвергало тяжкому испытанию его любовь к младшему сыну.

Наконец наступил момент, когда должна была всплыть наружу взаимная антипатия между братьями. Поводом к этому послужило новое чувство, под влиянием которого самая горячая братская любовь часто переходит в ненависть. Чувство это было любовью к одной и той же женщине.

Мисс Бэла Мейноринг была молодая девушка, красота и обаяние которой могли вскружить голову и не таким молокососам, как Нигель и Генри. Она

была на несколько лет старше сыновей генерала Гардинга, и красота ее была в полном расцвете. Имя ее как нельзя больше соответствовало ее наружности. Это была красавица из красавиц в целом графстве Букс.

Отец ее, полковник индийских войск, умер в Пенджабе. Менее счастливый, чем генерал Гардинг, он оставил своей вдове ровно столько, что она могла купить себе только скромный домик недалеко от парка Бичвуд: весьма опасное соседство для молодых людей, едва вышедших из пеленок отрочества, достаточно богатых, чтобы не заботиться о будущем, и мечтающих об уходе за собой.

Имение генерала оценивалось, по меньшей мере, в сто тысяч фунтов. Человек, который не может жить на половину этой суммы, не способен, конечно, ее и увеличить. Не было никакой причины предполагать, чтобы это состояние в один прекрасный день было разделено не поровну. Генерал Гардинг был не такой человек, чтобы одного сына обогатить за счет другого.

Старый генерал был несколько эксцентричен, что выразилось в наклонности к неограниченному самовластию и недопущению противоречий — результат долгой привычки повелевать в военной службе, но не имевшей никакого отношения к отцовским чувствам. И нужны были обстоятельства исключительные, очень серьезные поводы к недовольству, чтобы честно нажитое им состояние не было разделено поровну между детьми.

Так рассуждали в том обществе, где вращались Гардинги. И с такими надеждами на блестящее будущее могли ли молодые люди думать о чем-либо другом, кроме любви? И на ком ином могли остановить они свой выбор, как не на Бэле Мейноринг?

Так и случилось. И так как молодая кокетка отвечала на их пылкие взгляды с одинаково трогательной нежностью, оба брата влюбились в нее по уши.

Они почувствовали силу ее очарования в один и тот же день, в один и тот же час и, может быть, в один и тот же момент. Случилось это на празднике стрелков из лука, устроенном самим генералом, на который были приглашены мисс Мейноринг с матерью. Бог любви присутствовал на этом празднике и пронзил своей стрелой сердца сыновей генерала Гардинга.

Ощущение раны в сердце разное выразилось у братьев. Генри был весь внимание и услужливость по отношению к мисс Мейноринг: он подбирал ее стрелы, подавал ей лук, защищал ее от солнца, когда она натягивала лук, и готов был каждую минуту броситься к ее ногам.

Нигель, наоборот, держался в отдалении, выказывая полнейшее равнодушие. Он старался возбудить ревность молодой девушки, ухаживая за другими дамами, одним словом, он пустил в ход все средства, которые ему мог подсказать его коварный и расчетливый ум. Таким образом ему удалось скрыть от всех присутствующих свою только что зародившуюся страсть.

Генри не был так счастлив; уже к концу праздника все гости его отца были убеждены, что одна стрела во всяком случае попала в цель: в сердце Генри Гардинга.

IV. КОКЕТКА

Я часто задавал себе вопрос: что было бы с миром, если бы не было женщин? Приятна ли была бы тогда жизнь мужчин? Я тщетно ломал голову над решением этой задачи, но ни к чему путному не пришел. Может быть, на свете нет и более интересной и в то же время более важной философской задачи, и тем не менее до сих пор ни один философ ее не решил.

Существуют две противоположные теории по этому вопросу.

По одной, женщина — единственная цель нашего существования; улыбка ее — единственное благо, которого мы должны добиваться. Для нее одной наши труды и бессонные ночи, наша борьба и наши творения, наше красноречие и все наши усилия. Без нее мы бы ничего не сделали, лишенные, так сказать, вдохновительницы.

Что касается меня, я мог бы ответить на это словами одного флегматического испанца: «Quien sabe?»[26], иными словами, ничего бы не ответил!

По другой теории, женщина есть зло и проклятие нашей жизни. Приверженцы этой теории, разумеется, судят только по личному опыту.

Единственная возможность примерить эти противоположные мнения — это выбрать середину между ними. Видеть в женщине одновременно и благо и несчастье или, еще лучше, предположить, что есть два рода женщин, одни, созданные для счастья человечества, другие — для несчастья.

Мне тяжело отнести Бэлу Мейноринг к последней категории, так как она была очаровательна и могла бы занять место в первой. Может быть, я тоже подпал бы под власть ее чар, если бы случай не раскрыл бы мне ее коварство. Это меня спасло.

Я прозрел совершенно случайно на балу. Бэла обожала танцы, как все холодные особы, принадлежащие к разряду очаровательниц, и почти ни один бал в округе не обходился без мисс Мейноринг.

Я увидел ее впервые на балу в ратуше. Я был ей представлен одним из организаторов праздника, отличавшимся неясным произношением, происшедшим от того, что у него была так называемая «заячья губа». Вследствие этого английское «captain» прозвучало как «counte», что значит «граф». Результатом было то, что мисс Мейноринг стала величать меня титулом, мне не принадлежащим, а я никак не мог найти подходящего момента, чтобы вывести ее из заблуждения.

Но я положительно возгордился, заметив, что в ее записной книжке танцев мое имя мелькало чаще, чем мне позволяла надеяться моя скромность. Она обещала мне несколько туров вальса и кадрили. Я был счастлив, польщен, очарован и восхищен, да и кто не был бы восхищен на моем месте, видя себя отличенным красавицей в полном смысле этого слова?

Я уже вообразил себе, что моя судьба решена отныне и что я нашел себе приятную спутницу не только на танцы, но и на всю мою жизнь.

Я распустил хвост, как павлин, видя вокруг себя гримасы разочарованных танцоров и слыша их недовольный ропот и досаду на меня.

Никогда еще я столько не веселился.

Это продолжалось довольно долго. Дойдя до вершины блаженства, я должен был тотчас же и свалиться. Я проводил мою даму к великолепной матроне, которую мне представила мисс Бэла как свою мать. Прием, сверх ожида-

ния, был очень холодный. Важная леди почти не разжимала губ, отвечая на мои вопросы. Сконфуженный этим приемом, я затерялся в толпе, успев, однако, получить у мисс Мейноринг обещание новой кадрили.

Неспособный веселиться вдали от моей дамы, я тотчас же вернулся и сел на стул позади диванчика, на котором сидели мать и дочь.

Обе очень горячо о чем-то беседовали, так что не заметили меня, и я не решился прервать их разговор, который хотя велся пониженным тоном, но упоминание моего имени заставило меня прислушаться внимательнее.

— Какой граф! — говорила мать. — Ты сама не знаешь, что говоришь, дитя мое.

— Но мне его так представил мистер Саусвик. Да у него вся осанка такая.

Это замечание мне очень понравилось.

— Саусвик — глупец и осел сверх того. Это просто ничтожный капитан, на маленьком жалованье, без состояния, без связей. Леди С. мне рассказала о нем.

— Неужели?

Мне послышался маленький вздох. Я был в восторге. К несчастью, следующие слова разрушили все мои иллюзии.

— И ты обещала ему новую кадрили, когда молодой лорд ПотOVER пригласил тебя два раза и чуть не на коленях умолял меня вступить за него.

— Но что же делать?

— Очень просто. Скажи ему, что ты уже раньше обещала лорду ПотOVERу.

— Хорошо, мама. Я послушаюсь твоего совета, мне так это неприятно.

Если бы в эту минуту я услышал второй вздох, я бы удалился, не сказав ни слова. Но мое присутствие уже было открыто, и я решился с честью выйти из моего положения.

— Я был в отчаянии, мисс Мейноринг, — сказал я, непосредственно обращаясь к молодой девушке и как бы не замечая смущения ее и матери, — что вы из-за меня нарушили ваше прежнее обещание, и, чтобы не заставлять лорда ПотOVERа третий раз вставать перед вами на колени, я предпочитаю вернуть вам обещание, данное ничтожному капитану.

Откланявшись с большим достоинством — так, по крайней мере, я думал, — я оставил обеих Мейноринг и постарался забыться в танцах с другими молодыми девушками, удостоившими принять приглашение бедного капитана.

К концу вечера я встретил ту, которая заставила меня забыть мое неприятное приключение.

V. ОХОТА

Было бы очень желательно для молодого Генри Гардинга, а может быть и для его брата Нигеля, чтобы с ними обошлись так же, как со мной, в период первого увлечения и чтобы они так же философски перенесли свое первое поражение.

Но оба брата были состоятельны, и поэтому им разрешено было наслаждаться улыбками очаровательной Бэлы.

Манера ухаживания у обоих братьев была совершенно различна. Генри старался взять приступом сердце красавицы Мейноринг, а Нигель по своему характеру предпочитал медленную осаду. Первый любил с пылом льва, второй — со спокойным коварством тигра. Когда Генри был уверен в успехе, он не скрывал своей радости. Когда счастье повертывалось к нему спиной, он также искренне и открыто горевал.

Нигель же одинаково сохранял свою невозмутимость при удаче и неудаче. Его чувство к мисс Мейноринг было так хорошо замаскировано, что мало кто об этом догадывался.

Но Бэла не обманывалась. Она с помощью матери играла в совершенстве свою роль. Она скоро заметила, что ей предстоит выбор между молодыми людьми, но еще не решилась. Она так ровно обращалась с обоими братьями, так ровно расточала им свои улыбки, что самые близкие ее друзья поверили, что она не интересовалась ни тем, ни другим.

Мисс Бэла дарила улыбками не только братьев Гардинг, другим молодым людям оказывалась тоже эта милость, но сердца своего, по-видимому, мисс Мейноринг не отдала еще никому.

Наступил, однако, момент, когда все решили, что избранник найден. Случай, происшедший на охоте, по-видимому, дал Генри Гардингу все права на руку Бэлы Мейноринг. Основательно полагали, что самая красивая должна принадлежать самому храброму.

Этот случай был, впрочем, такой странный, что о нем следует рассказать, не говоря уже о его влиянии на судьбу героев нашей драмы.

Назначена была охота с борзыми возле большого пруда.

Вспугнутый олень, выскочив из чащи леса, инстинктивно направился к пруду.

Он примчался в тот самый момент, когда подъезжали экипажи к пункту сбора. Среди карет находился и фаэтон, запряженный одним пони. В фаэтоне сидела миссис Мейноринг с дочерью. В это холодное зимнее утро щечки мисс Бэлы так же были ярки, как красные курточки охотников, теснившихся возле нее.

Кучер фаэтона остановил лошадь на берегу пруда.

В эту самую минуту олень проскочил под носом у пони и прыгнул в воду. Испуганная лошадь встала на дыбы и бросилась в пруд, увлекая за собой фаэтон.

Она остановилась только тогда, когда вода уже заливала экипаж. В эту самую минуту олень тоже остановился и вдруг, сделав неожиданный поворот, с яростью бросился на фаэтон.

Пони был опрокинут, кучер, поднятый на рога рассвирепевшим животным, описал в воздухе дугу и погрузился головой в воду.

Положение обеих дам было самое критическое. Нигель один из первых очутился на берегу пруда и в нерешительности остановился. Бэла Мейноринг могла бы быть убита насмерть у него на глазах, если бы не подоспел на помощь его брат. Вонзив шпоры в живот лошади, Генри бросился в воду, выскочил из седла и схватил оленя за рога.

Борьба эта могла бы кончиться очень фатально для молодого человека, если бы один из егерей не вошел решительно в воду и не вонзил своего охотничьего ножа в горло животного.

Легко раненный пони был поставлен на ноги, полузадохшийся кучер посажен на свое место, и фаэтон вытащен на плотину к великому облегчению испуганных дам.

После этого происшествия все были убеждены, что мисс Бэла Мейноринг отдаст свою руку и сердце Генри Гардингу.

VI. НЕБЕСА ХМУРЯТСЯ

Бичвудский замок был комфортабельным жилищем во всех отношениях, но в нем не было спокойствия и мира душевного, на который рассчитывал его владелец, намеревавшийся окончить здесь свои дни.

В материальном отношении все шло как нельзя лучше. Имение удвоилось в цене.

Причины огорчения генерала были другого рода и заботили его больше, чем замок и его земли. Источником его горести было взаимное отношение обоих братьев. В его присутствии они относились друг к другу по виду дружески, но отец их понимал и боялся, чтобы эти отношения не перешли в глухую вражду.

Младший, впрочем, и не притворялся, зато особенно глубоко затаилась вражда в сердце старшего.

За время пребывания в училище Генри, благодаря своему природному великодушию, готов был все забыть, если только его брат согласился бы сделать хоть один шаг к примирению. Но именно на это Нигель никогда не хотел согласиться. В настоящее же время более, чем когда-нибудь, их разделяло чувство, которое оба питали к мисс Мейноринг. В силу соперничества взаимная антипатия должна была превратиться в открытую вражду.

Прошло некоторое время, пока генерал заметил тучу, угрожавшую его домашнему спокойствию. Он думал, что его сыновья, как большинство молодых людей, хотели немножко посмотреть свет, раньше, чем ступить на тернистый путь брака. Ему не пришло в голову, что в глазах пылкого молодого человека очаровательная мисс Мейноринг олицетворяла все человечество и что вне ее вся вселенная казалась грустной и прозаической.

Но не это смущало главным образом душу ветерана. Он был относительно доволен Нигелем, огорчаясь, конечно, его антипатией к младшему брату, которой он даже не всегда мог скрыть.

Но его приводили положительно в отчаяние поступки Генри, его расточительность и в особенности непослушание. Этот проступок, самый важный в глазах ветерана, впрочем, случался очень редко и проходил бы не замеченным без стараний Мигеля представить все в самых мрачных красках.

Сначала генерал ограничивался отеческими увещаниями, затем перешел уже к жестоким укорам. Но ничто не помогало. Старый офицер наконец вы-

шел из себя и грозил даже лишением наследства.

Генри, считая себя взрослым человеком, принял эти угрозы довольно независимо, что еще больше раздражило отца.

Таким образом, отношения между различными членами семьи Гардинга были очень натянуты, и вдруг генерал узнал об одном факте, который угрожал будущности его сына гораздо больше, чем его расточительность и неповиновение. Мы говорим о любви Генри к мисс Мейноринг.

О страсти Нигеля к той же особе генерал не подозревал так же, как и все.

О чувствах Генри генерал узнал после охоты с борзыми. Внутренне польщенный поведением своего сына, генерал заметил опасность более грозную, чем ту, которой подвергался Генри, спасая мать и дочь.

Наведенные им справки только укрепили его подозрения. Он знал хорошо госпожу Мейноринг, посещая в Индии эту даму и ее мужа, и воспоминания его были очень нелестны для вдовы его товарища по оружию. Конечно, дочери он не знал; она выросла за долгий период их разлуки. Но после того, что он узнал по возвращении их в Англию, он пришел к заключению, что яблочко от яблони недалеко падает.

Ясно, что он не желал себе такой невестки.

Мысль эта его страшно тревожила, и он стал придумывать способ предотвратить опасность.

Что же надо было сделать? Не дать сыну разрешение на брак с Мейноринг? Запретить ему посещать вдову и ее дочь?

Он спрашивал себя, послушает ли его Генри, и это сомнение увеличивало его раздражение.

Над вдовой он не имел, конечно, никакой власти. Хотя коттедж, в котором она жила, примыкал к его парку, но ему не принадлежал. Да и какую выгоду мог бы извлечь генерал из отъезда вдовы, предположив даже, что он заставил бы ее уехать?

Дело зашло уже настолько далеко, что подобное средство помочь не могло. Что касается молодой девушки, то она, конечно, не стала бы прятать свое хорошенькое личико от глаз сына, чтобы сделать в угоду отцу. Она не появится больше в доме генерала, но ведь есть масса других мест, где она может показаться во всем блеске своей красоты: в церкви, на охоте, на балу и на зеленых лужайках, окружающих Бичвудский парк.

Старый солдат был слишком хороший тактик, чтобы подвергать себя поражению, унижительному для авторитета отца. Необходимо было найти выход. Обдумывание нового плана действия так сильно заняло его, что помешало проявиться наружу гневу, клокотавшему в его груди.

VII. ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Охота, на которой Генри показал себя таким героем, была последней в том сезоне. Пришла весна и окутала своим зеленым, затканым цветами покровом графство Букс. Весело кричали перепела в полях, засеянных хлебом, кукушка тянула свою меланхолическую ноту, и чудные рулады соловья оглашали леса по ночам. Наступил май, чудное время любви.

Генри Гардинг не избег общей участи. В мае его страсть к мисс Мейноринг достигла высших пределов. Генри решил, что настал момент объясниться своей красавице в любви.

Окружающим казалось, что кокетка тоже наконец попалась. Предпочтение, оказываемое Бэлой Генри, объяснялось не только его состоятельностью, но и его внешними данными.

В это время младший сын генерала Гардинга был действительно очень красив и изящен. Единственный недостаток, в котором его можно было упрекнуть, — это его склонность к расточительности, от которого со временем он мог исправиться. Впрочем, этот недостаток несколько не вредил ему в глазах женщин, из которых не одна втайне завидовала мисс Мейноринг.

Что же касается последней, то следующий разговор ее с достойной матерью покажет нам, какие чувства она питала к Генри.

— Так ты хочешь выйти за Генри Гардинга? — спросила миссис Мейноринг.

— Да, мама, с твоего разрешения, конечно.

— А его?

Бэла звонко расхохоталась.

— Его! Но, мама, мне нечего его и спрашивать.

— Уже! Разве он объяснился?

— Не совсем. Но, дорогая мама, я вижу, ты хочешь раньше узнать мой секрет, чем дать согласие. Я тебе скажу все. Он скоро объяснится — даже сегодня.

— Откуда ты знаешь это?

— Очень просто. Он мне дал понять, что ему нужно со мной серьезно поговорить, и предупредил, что придет сегодня днем. Что же он мне может сказать другого, кроме того, что любит меня и будет счастлив получить мою руку?

Миссис Мейноринг молчала. На задумчивом лице ее не выразалось удовольствия, которое надеялась увидеть дочь.

— Надеюсь, ты довольна, мамочка? — спросила последняя.

— Чем, дочь моя?

— Но... иметь зятем Генри Гардинга...

— Дорогое дитя мое, — отвечала вдова, — это очень серьезная вещь, очень серьезная; надо хорошо подумать. Ты прекрасно знаешь наше положение и какие скудные средства оставил нам отец.

— Еще бы мне не знать, — отвечала Бэла с досадой. — Разве мне не приходится перешивать по два раза мои бальные платья и потом еще их перекрашивать? Тем более причина выйти замуж за Генри Гардинга. Он избавит меня от всех этих унижений.

— Я не убеждена в этом, дитя мое...

— Ты что-нибудь знаешь, мама, скажи!..

— К моему сожалению, почти ничего.

— Но его отец богат, и их только два брата. И ты сама же говорила, что у него нет духовной, следовательно, его состояние будет разделено поровну. Я бы удовольствовалась половиной.

— Я тоже, дочь моя, если бы была уверена, что получу эту половину. В этом-то и затруднение. Если бы уже была духовная, тогда другое дело.

— Тогда я могла бы выйти за Генри?

— Нет. За Нигеля.

— О, мама, что ты говоришь?..

— Что все состояние будет принадлежать Нигелю. Нынче положение наследников очень шаткое, все зависит от каприза завещателя, а я знаю изменчивый характер генерала Гардинга.

Бэла умолкла и задумалась.

— Очень возможно, — продолжала почтенная матрона, — что генерал или совсем лишит наследства Генри, или оставит ему очень мало. Он страшно недоволен поведением своего младшего сына. Я не говорю, что молодой человек совершенно испорчен, иначе я не стала бы и слушать о нем как о зяте, несмотря на всю нашу бедность.

— Но, мама, — заметила Бэла с многозначительной улыбкой, — разве женитьба не исправит его? Разве я не могу взять на себя заботу о его состоянии?

— Разумеется, если бы это состояние было. Но, повторяю, в этом-то и вопрос.

— Но, мама, я люблю его.

— Я в отчаянии, дитя мое, тебе следовало бы быть более благоразумной и больше думать о будущем. Не решай ничего, подожди — из любви к себе самой и ко мне.

— Но он придет сейчас! Какой же ответ я ему дам?

— Неопределенный, дорогая моя. Ничего нет легче. Я возьму на себя всю ответственность. Ты мое единственное дитя, мое согласие необходимо. Послушай, Бэла, мне тебя нечего учить. Ты ничем не рискуешь, выжидая, наоборот, ты этим только выиграешь. По неразумной торопливости ты можешь сделаться женой человека, более бедного, чем был твой отец, и, вместо того, чтобы переворачивать шелковые платья, тебе совсем будет нечего надеть. Будь же благоразумна, это мой последний совет.

Бэла вместо ответа вздохнула. Но вздох этот был не особенно глубок, не особенно печален, чтобы можно было предположить, что превосходные советы матери будут пущены на ветер. Улыбка, сопровождавшая его, показала, что достойная дочь решила быть благоразумной.

VIII. ОТЕЦ И СЫН

Генерал Гардинг имел обыкновение проводить много времени в кабинете, или, вернее, в библиотеке, так как все стены этой комнаты были заставлены книжными шкапами. Большинство книг составляли сочинения об Индии и о различных военных экспедициях. Было также много научных сочинений и по естественной истории. На столах лежали журналы и отчеты разных обществ по делам Индии.

Любимым занятием ветерана было перечитывать эти книги. Они навевали массу воспоминаний о прошлом.

Всякая новая книга об Индии находила себе место в библиотеке генерала.

Однажды утром генерал вошел по обыкновению в свой кабинет, но на этот раз он не предался своему обычному чтению. Он даже не сел. Его стремительная ходьба и нахмуренный лоб указывали на сильное волнение.

Временами он останавливался, хлопал себя по лбу рукой, что-то бормотал и принимался снова шагать.

Среди отрывистых фраз упоминались имена его сыновей, особенно младшего.

— Беспорядочное поведение Генри сводит меня с ума, а эта девчонка уморит меня окончательно. Судя по тому, что я слышал, он у нее в сетях. Это очень серьезно. Как бы то ни было, с этим надо кончать... Она не создана быть женой порядочного человека. Меня бы меньше тревожило, если бы дело шло о Нигеле, она не годится ни одному из моих сыновей. Я слишком хорошо знал ее мать. Бедный Мейноринг! Какое плачевное существование вел он в Индии! Какова мать, такова и дочь!.. Клянусь Богом, этому браку не бывать!.. Я понимаю, это адское создание свело его с ума... Как спасти бедного мальчика от худшего из несчастий?.. Гадкая женщина!

Генерал сделал несколько шагов, молча опустив голову.

— Нашел! — наконец радостно воскликнул он. — Да, нельзя терять ни минуты. Пока я раздумываю, он все больше и больше запутывается.

Генерал позвонил. Вошел камердинер благообразной наружности.

— Уильямс!

— Что угодно, ваше превосходительство?

— Где мой сын Генри?

— В конюшне, ваше превосходительство. Он приказал оседлать гнедую кобылу.

— Гнедую кобылу? Но на нее еще никогда никто не садился.

— Никогда и никто, я думаю, что это очень опасно. Но мистер Генри любит опасность. Я хотел отговорить его. Но мистер Нигель запретил мне вмешиваться не в свое дело.

— Беги в конюшню. Передай, что я запрещаю ему садиться на эту лошадь и зову его немедленно сюда! Живо, Уильямс!

— Все тот же, — продолжал свой монолог генерал. — Опасность привлекает его — как меня когда-то. Гнедая кобыла... Ах, если бы только это!.. Но мисс Мейноринг похуже будет.

В этот момент явился виновный Генри, в сапогах со шпорами и с хлыстом в руке.

— Ты звал меня, отец?

— Конечно! Ты хочешь ехать на гнедой кобыле?

— Да, ты против этого?

— Тебе хочется сломать себе шею?

— Ха-ха-ха, этого нечего бояться. Ты, кажется, не очень-то веришь в мои наезднические способности.

— А ты уж слишком самоуверен. Ты хочешь непременно ездить на лошади с пороком, не спросив даже меня. Зачем ты совершаешь еще более неблагоприятные поступки? Этот образ действий мне не нравится, и ты сделаешь мне удовольствие, изменив твое поведение.

— Какие же это поступки, отец?

— Ты безумно соришь деньгами; наконец, идешь навстречу еще большей опасности. Ты идешь навстречу гибели.

— Я не понимаю, отец. Ты говоришь о лошади?

— О лошади?.. Нет, сударь, не притворяйтесь, что вы не понимаете. Я говорю о женщине!..

При последних словах Генри побледнел. Он думал, что его любовь к мисс Мейноринг была тайна для всех, по крайней мере для его отца. О другой женщине не могло быть и речи.

— Я понимаю теперь еще меньше, — отвечал он уклончиво.

— Извините, милостивый государь, вы отлично меня понимаете. Я говорю о мисс Мейноринг!

Молодой человек вспыхнул, но не произнес ни слова.

— А теперь, милостивый государь, я вам скажу только одно: вам нужно отказаться от нее.

— Отец!

— Без возражений! Никакие любовные объяснения меня не тронут, и мне даже неприлично их слушать. Я повторяю, откажись от Бэлы Мейноринг совершенно и навсегда!

— Отец, — отвечал молодой человек твердым голосом, — ты требуешь невозможного. Я признаюсь, что между мисс Мейноринг и мною есть чувство более горячее, чем простая дружба. Мы обменялись обещаниями... Чтобы нарушить их, надо взаимное соглашение, иначе это было бы жестоко и несправедливо, на это я не могу согласиться. Нет, отец, я не сделаю этого, даже под страхом твоего гнева!..

Минуту царило молчание. Казалось, генерал размышлял, но он незаметно наблюдал за сыном. Внимательный наблюдатель прочел бы в глазах генерала не глухой гнев, вызванный сопротивлением сына, а восхищение и любовь. Но он поборол великодушное чувство и отвечал:

— Идите, милостивый государь! Вы решили послушаться меня. Подумайте раньше, что вам будет стоить ваше упрямство. Я полагаю, вы догадываетесь, о чем я говорю?

Генерал умолк, ожидая ответа.

— Не совсем, отец.

— Я говорю о наследстве. Я вправе завещать его кому хочу, или твоему брату, или тебе. Если ты женишься на мисс Мейноринг, все состояние перейдет к Нигелю, тебе же я оставлю ровно столько, чтобы покинуть эту страну... Тысячу фунтов стерлингов — и ни пенса больше.

— Да, отец, я очень огорчен. Конечно, мне очень неприятно лишиться на-

следства, на которое я имел право рассчитывать, но мне еще тяжелее было бы лишиться твоего уважения. Тем не менее я откажусь от того и другого, если для того, чтобы их сохранить, я должен изменить своему слову. Женюсь ли я на мисс Мейноринг или нет, это будет зависеть исключительно от нее. Надеюсь, отец, ты понял меня.

— Прекрасно, милостивый государь, прекрасно! На это я вам отвечу только одно, что я тоже дал слово и тоже сдержу его. Теперь садитесь на гнедую кобылу, раз вы этого хотите, и молитесь Богу, чтобы она не разбила вас, как вы это сделали с сердцем вашего отца! Идите, сударь!

Не произнеся больше ни слова, Генри с поникшей головой медленно вышел из библиотеки.

— Живой портрет его матери! — пробормотал генерал, провожая его глазами. — Можно ли его не любить, несмотря на его упрямство и мотовство!? Такое благородное сердце не должно сделаться добычей недостойной женщины! Я спасу его помимо его самого.

Он снова позвонил, на этот раз гораздо сильнее. Тотчас же явился камердинер.

— Уильямс!

— Что прикажете?

— Вели скорее закладывать!

Несколько минут спустя у подъезда уже стояла карета.

Генерал сел в экипаж, и кучер погнал лошадей. Тем временем Генри воевал с гнедой кобылой, которая ни за что не хотела скакать по направлению к коттеджу вдовы.

IX. ШАХ И МАТ

Господин Вуулет сидел в своей конторе, отделенной от другой комнаты, — в которой сидел его единственный клерк, — необычайно толстой стеной с узкой дверью.

С этой стороны нечего было бояться никакой нескромности. Но с другой стороны кабинета была легкая перегородка вроде шкафа, в которой, по приказанию мистера Вуулета, садился клерк и, не замеченный никем, записывал разговор клиента с патроном.

Читатель, конечно, уже догадался, что мистер Вуулет исполнял должность нотариуса в маленьком мирном городке мирного графства Букс.

В маленьких провинциальных городах и в особенности в деревнях ябеда и крючкотворство процветают не хуже, чем в больших городах. Невежественный крестьянин часто становится жертвой таких господ, как мистер Вуулет.

Мистер Вуулет с таким успехом заманивал в свои сети бедных простаков, что скоро на его конюшне появились две лошади, а в сарае — коляска.

Но до сих пор ему не удалось поймать крупной рыбы. Самой лучшей добычей была миссис Мейноринг, его квартирантка, а следовательно, и его жертва.

Итак, несмотря на все старания и даже лошадей, Вуулет оставался темным, неизвестным дельцом.

Но так продолжаться долго не могло. Высшее общество должно к нему прийти! Действительно, исключительный случай поднял мистера Вуулета на вершину его честолюбивых мечтаний.

В один прекрасный день богатая карета, с великолепным величественным

кучером и напудренным лакеем на запятках, проехала к городу и остановилась у дверей конторы мистера Вуулета.

Никогда еще мистер Вуулет не чувствовал себя таким счастливым, как в тот момент, когда его клерк, полуоткрыв дверь и высунув свое лисье рыльце, возвестил о прибытии генерала Гардинга.

Минуту спустя тот же субъект ввел важного посетителя.

По незаметному знаку своего патрона клерк, как ящерица, проскользнул в шкаф, уже известный нашему читателю.

— Имею честь видеть генерала Гардинга? — приторно сладко проговорил нотариус, склоняясь чуть не до земли.

— Да, — отвечал генерал, — а как вас зовут?

— Вуулет, ваше превосходительство, к вашим услугам.

— Да, действительно, мне нужны ваши услуги, если вы не заняты.

— Нет таких занятий, которые бы могли помешать мне выслушать ваше превосходительство. Что прикажете?

— Мне нужны ваши услуги как нотариуса, чтобы сделать завещание. Вы можете это сделать?

— Не мне хвалить себя, ваше превосходительство, но, думается, составить завещание я хорошо сумею.

— Но довольно слов, перейдем к делу.

В сущности, мистер Вуулет мог бы обидеться на такое обращение. Впервые с ним говорили таким тоном в его собственной конторе, но впервые, правда, его посетил и такой клиент. Он почувствовал необходимость смириться.

Он молча сел за стол, ожидая, что будет говорить генерал, поместившийся напротив.

— Пишите под мою диктовку, — сказал генерал повелительным тоном.

Волк в овечьей шкуре, все более и более смиренно склоняя голову, взял перо и лист белой бумаги.

— Я завещаю моему старшему сыну Нигелю Гардингу все мое движимое и недвижимое имущество, включая сюда дома и земли, а также все облигации «Индийской компании», за исключением тысячи фунтов стерлингов, которые должны быть выданы моему младшему сыну Генри Гардингу, как единственное наследство, на которое ему предоставляется право. Вы написали? — спросил ветеран.

— Все, что вы изволили продиктовать, ваше превосходительство.

— Подпишите число.

Вуулет повиновался.

— Есть у вас свидетель налицо? Иначе я позову своего выездного лакея.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, мой клерк может быть свидетелем.

— Но ведь, кажется, надо двух?

— По закону, генерал, но я могу служить за второго.

— Отлично. Дайте мне перо.

Генерал наклонился над столом и приготовился писать.

— Но, ваше превосходительство, — заметил нотариус, сообразивший, что завещание было уж слишком кратко, — разве это все? У вас ведь два сына?

— Конечно. Разве не сказано это в завещании? Что еще?

— Но...

— Что но?

— Вы же не хотите...

— Я хочу подписать мое завещание, с вашего разрешения. Но могу обойтись и без него, впрочем, и обратиться к другому вашему собрату по профессии.

Мистер Вуулет был слишком опытный человек, чтобы осмелиться еще на какое-либо замечание. Прежде всего надо было понравиться новому клиенту, и он поспешил подвинуть бумагу и перо к генералу.

Ветеран подписался, нотариус и его клерк в качестве свидетелей подписались тоже, и завещание было оформлено.

— Теперь снимите копию, — сказал генерал, — а оригинал оставьте у себя до востребования.

Копию сняли. Генерал спрятал ее в карман своего плаща и, не сказав больше ни слова нотариусу, сел в карету и уехал.

— Странно, — говорил себе делец, оставшись один, — что генерал приехал ко мне, а не к своему поверенному! Еще страннее, что он лишает наследства младшего сына. Состояние генерала оценивается в сто тысяч фунтов стерлингов, и все достается этому полунегру! Но это понятно. Генерал недоволен младшим сыном и потому обратился за составлением завещания ко мне, а не к Лаусону, который постарался бы его отговорить. А старик не уступит, пока Генри не исправится. Генерал не такой человек, чтобы позволить собой играть, даже собственному сыну. Но как бы там ни было, я обязан сообщить об этом третьему лицу, сильно в этом заинтересованному.

— Робби!

Дверь открылась, и высунулась голова клерка.

— Вели моему кучеру закладывать моих лошадей — живо!

Голова исчезла, и едва только нотариус успел спрятать завещание и обдумать свой разговор с завещателем, как карета остановилась у дверей конторы.

Через несколько минут экипаж мистера Вуулета уносил его к скромному домику вдовы Мейноринг.

Х. РЫБКА КЛЮЕТ

Полковник Мейноринг, кости которого покоились в Пенджабе, оставил, как мы уже знаем, очень скромное наследство. Вдова, однако, находила возможность держать выезд, заключавшийся, правда, в одном пони и фаэтоне, но пони был живой и горячий, фаэтон очень приличный, казавшийся даже изящным, когда правила сама мисс Бэла. Грум тоже был всегда в новенькой ливрее с блестящими пуговицами.

Эту очаровательную картинку деревенской жизни можно было наблюдать у дверей коттеджа миссис Мейноринг в одиннадцать часов утра, в тот самый день, когда между матерью и дочерью произошел вышеописанный знаменательный разговор.

Эта прогулка, необычайно ранняя, имела серьезную цель — визит к нотариусу. Уже Бэла, поместившись в фаэтоне, грациозно помахивала бичом, и послушный пони уже тронулся с места, когда показался экипаж самого мистера Вуулета.

«Какое счастливое совпадение», — подумали миссис Мейноринг и ее дочь, решившие сегодня ехать в город. И вот мистер Вуулет, точно по внушению свыше, приехал сам. Следовательно, им можно было остаться.

Дамы вышли из экипажа, отдав вожжи груму, и в сопровождении нотариуса вошли в коттедж. По словам нотариуса, дело, приведшее его к миссис Мейноринг, ничуть не касалось очаровательной Бэлы, и потому молодая девушка тотчас же удалилась, оставив мать наедине с мистером Вуулетом.

Во всех манерах нотариуса проглядывала какая-то приторная слащавость, хотя менее заметная, чем в разговоре с генералом. Конечно, ведь и разница была громадная между генералом, богатым землевладельцем, и вдовой полковника, нанимавшей его коттедж. Но все-таки миссис Мейноринг занимала известное положение, с которым надо было считаться; у нее была дочь, которая в один прекрасный день могла стать женой человека с миллионным состоянием. Клиентура очень приятная для поверенного матери.

М-р Вуулет был слишком проникателен, чтобы не понимать положения вещей. Если он и был более развязан со вдовой полковника, чем с генералом Гардингом, то это объяснялось просто тем, что он видел, что почтенная дама была с ним одинакового взгляда относительно вопросов чести и этикета.

— Вы имеете что-нибудь сказать, мистер Вуулет? — спросила вдова, не намекнув ни одним словом, что она сама направлялась к нему с визитом.

— Да, миссис, впрочем, важного ничего нет. Во всяком случае я попрошу у вас минут пять внимания. Извините, что я помешал вашей поездке.

— О, мы хотели просто походить по магазинам. Это можно сделать и в другой раз. Садитесь и рассказывайте.

Нотариус взял стул, а миссис Мейноринг расположилась на диване.

— Что-нибудь касающееся коттеджа? — спросила она с притворным равнодушием. — Но, сколько помню, плата за него, кажется, вовремя внесена.

— Дело не в этом, — прервал ее достойный человек. — Вы очень аккуратны в ваших платежах, миссис Мейноринг, чтобы мне утрудять мою память. Я пришел по делу, говорить о котором, по зрелом размышлении, может быть, нескромно с моей стороны, но, так как я забочусь о ваших интересах, я счел необходимым известить вас об этом в надежде, что вы припишете моему

чрезмерному усердию, если это дело само по себе и не заслуживает внимания.

Вдова сделала большие глаза. Манеры и выражения нотариуса показали ей, что она может ожидать интересного открытия.

— Чрезмерное усердие с вашей стороны не может никого обидеть, мистер Вуулет, а меня тем более. Говорите, пожалуйста, интересно для меня ваше сообщение или нет, обещаю вам серьезно взвесить его и откровенно ответить.

— Во-первых, миссис, я должен вам предложить вопрос, который со стороны всякого другого мог бы показаться дерзким, но вы мне сделали честь избрать меня в качестве советчика, и моя преданность служит мне извинением. Говорят, и даже вполне определенно, что ваша дочь... готова вступить в брак с одним из сыновей генерала Гардинга. Могу я вас спросить: основательны ли эти слухи?

— Да, мистер Вуулет, в этих слухах есть доля правды.

— Могу я вас спросить, которого из двух сыновей генерала ваша дочь удостоила своим выбором?

— Конечно, мистер Вуулет... Но с какой целью вы это спрашиваете?

— У меня есть на это причины — причины, которые касаются вас.

— Меня касаются, каким образом?

— Возьмите и прочтите, — ответил на это делец, подавая ей лист голубоватой бумаги с едва высохшими чернилами.

Это было завещание генерала Гардинга.

По мере чтения кровь яркой волной заливала лицо и шею вдовы. Несмотря на всю флегму шотландки и самообладание, она не могла скрыть своего волнения. То, что она пожирала глазами, было как бы эхом ее собственных мыслей — ответом на размышления, которые час тому назад проходили в ее голове и которые она сообщила своей дочери.

Довольно ловко, как может сделать только женщина — а миссис Мейноринг была не из наивных, она не показала Вуулету, какое сильное впечатление произвел на нее этот документ. Она сказала, что больше всего ее поразила несправедливость генерала Гардинга по отношению к его детям. Оба, казалось бы, были одинаково дороги ему, и, хотя младший вел себя не очень примерно, он был еще очень молод и мог исправиться со временем. Что же касается ее самой, она искренне благодарит мистера Ву-улета за сообщение ей столь странного завещания.

Но мистера Вуулета обмануть было трудно, поэтому он спокойно спрятал завещание в карман и простился с почтенной дамой, уже ни в чем не извиняясь. Достойные собеседники отлично поняли друг друга.

Как только нотариус вышел из салона, явилась Бэла.

— Что он тебе сказал, мама? — спросила она. — Это касается меня?

— Без сомнения. Если ты примешь предложение Генри Гардинга, то выйдешь замуж за бедняка. Я видела завещание. Отец лишил его наследства.

Мисс Мейноринг упала на софу с криком скорее разочарования, нежели горя.

XI. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Часы текли. Бэла Мейноринг, полулежа на диване, глубоко задумалась. Положение ее было очень трудное и щекотливое. Она ждала брачного предложения с твердым намерением отвергнуть его. Советы, даже приказания ее матери принесли плоды, и она решила смотреть на жизнь только с практической стороны.

Надо сознаться, что не без душевной тревоги и даже довольно сильной борьбы с собственными чувствами она решалась на это. В действительности человека, руку которого она решила отвергнуть, она любила больше, чем сознавала сама, что и поняла впоследствии. Несмотря на кокетство, ненасытное желание видеть всех мужчин у своих ног, у нее все-таки было сердце, хотя и не очень чистое и преданное, но все-таки принадлежащее Генри Гардингу.

Тем не менее она энергично боролась сама с собой. Разве мог Генри осуществить ее пылкие желания? Мог ли он окружить ее всеми благами самой утонченной роскоши? Она знала, что нет. Ему сердце, другому руку, может быть, его брату Нигелю, подсказал ей демон гордости и тщеславия.

Бэла Мейноринг была действительно очаровательное создание, роста немного выше среднего, прекрасно сложена и грациозна. Ее большие темно-голубые глаза умели бросать взгляды, проникавшие в самую душу. Природа вообще ничего не пожалела для нее, а искусство дало ей окончательную отделку. Бэла хорошо знала цену своей красоте и, приученная с детства, умела пользоваться своими преимуществами с редким искусством. Она умела так небрежно и так красиво упасть на софу, что опьяняла своими движениями всех своих бесчисленных поклонников.

Но сегодня ей было не до пластических поз. Она то вскакивала, бегала по салону, останавливалась у окна, бросая взгляды на дорогу, то опять садилась и погружалась в глубокое тревожное размышление.

Что она ответит? Как сделать так, чтобы смягчить отказ? Она не сомневалась, что разобьет сердце любящего человека, но искала слова, чтобы преподнести свой отказ в более мягкой форме. Она уже почти приготовила трудный ответ, как вдруг рыдания подступили к ее горлу. В конце концов ведь нужно сказать «нет», и одно это простое, но жесткое слово разрушало все здание ее хитросплетений.

В один момент, уступая более чистому естественному чувству, она чуть не изменила своего намерения и чуть не решила выйти замуж за Генри, несмотря на его бедность, несмотря на советы матери.

Но это благородное решение промелькнуло только, как молния в ее мозгу, и только еще больше сгустило тучи, нависшие над ее судьбой; что, если она поддастся слабости и уступит увлечению молодости и любви? Муж, лишенный наследства! Да ведь тысячи фунтов — все состояние Генри — хватит только на свадебную корзинку и брачные празднества! Мать ее, несомненно, обладает практическим умом. Да и дочерний долг обязывает повиноваться родителям.

Еще другая мысль утвердила ее в этом решении. Она была твердо уверена в чувстве Генри и в том, что всегда сможет его вернуть. Возможно, что генерал Гардинг раскается и уничтожит завещание, продиктованное в минуту гнева и досады. Миссис Мейноринг знала генерала как человека, который никогда не

изменяет того, что сделал. Но Бэла думала другое. Она смотрела на будущее сквозь призму надежды, освещенную любовью.

В таком тревожном настроении духа находилась мисс Мейноринг, когда грум доложил о приезде Генри Гардинга и ввел его в салон. Возможно, что при виде красивого, элегантного молодого человека ее решение снова поколебалось. Но это продолжалось только один момент, мысль о лишении наследства вернула ей силы.

Она не ошиблась насчет причины посещения Генри. Во время последнего свидания они обменялись таким обещанием, которое не могло оставить никакого сомнения.

С откровенностью, присущей его характеру и не допускающей задней мысли в других, Генри просил Бэлу сделаться его женой.

Последовавший ответ поразил его в самое сердце. Это не был категорический отказ, но молодая девушка подчиняла свое согласие решению матери.

Генри не мог этого понять. Эта величественная и в его глазах всемогущая красота вдруг должна была подчинить свое счастье желанию капризной и эгоистической матери? Удар был неожидан и тем более тяжел, что предвещал несогласие миссис Мейноринг.

Не в характере Генри было оставаться в неизвестности. Он тотчас же попросил разрешения поговорить со вдовой.

Через несколько минут миссис Мейноринг заняла на софе место дочери, которая предпочла не присутствовать при этом разговоре.

По ледяному приему и натянутому обращению вдовы Генри понял, что все надежды его рушились. Опасения его немедленно подтвердились.

Миссис Мейноринг заявила, во-первых, что она очень польщена оказанной ей честью, но тотчас же прибавила, что материальное положение ее и ее дочери делает этот брак невозможным. Мистер Гардинг сам знает, что покойный муж ее оставил их почти без всяких средств, а так как сам молодой человек тоже находится в подобном же положении, то их союз при таких условиях был бы не только неблагоприятным, но недостойным безумием. Благодаря материнской любви, а также понятной материнской слабости Бэла привыкла не к бедности. Может ли она быть женой человека, который должен бороться за свое существование? Она без содрогания не может подумать о такой судьбе для своего дорогого детища. Мистер Гардинг еще молод, и целый мир перед ним, но он тоже не приучен к труду, привыкнуть к которому ему будет невыразимо трудно. Вот по этим-то причинам миссис Мейноринг считает себя вправе отклонить его предложение.

Генри молча слушал эту длинную речь, но выражение удивления все больше и больше выяснялось на его лице.

— Я не понимаю, миссис Мейноринг, вы не хотите же сказать...

— Что сказать, мистер Гардинг?

— Что я не в состоянии прилично обставить мою... вашу дочь. О какой борьбе вы говорите? Я не занимаюсь никаким трудом, это правда, но мне кажется, я в нем и не нуждаюсь. Состояние моего отца гарантирует меня от этого в настоящем и в будущем. Наследников только двое: я и мой брат.

— Вы так думаете, мистер Гардинг? — отвечала вдова тем же холодным и неприятным тоном. — Я жалею, что должна вас разочаровать. Состояние вашего отца не будет разделено поровну между вами, самое большее, что вам до-

станется, тысяча фунтов стерлингов. Что можно предпринять с такой ничтожной суммой?

Генри Гардинг уже не слышал последнего вопроса. Он понял, что ему больше нечего ждать в салоне миссис Мейноринг, и, схватив свою шляпу и палку, быстро простился со вдовой.

Он и не подумал прощаться с Бэлой; отныне между ним и ею образовалась непроходимая пропасть.

В то время как отвергнутый жених удалялся от коттеджа, где обитала она, та, на которую он смотрел недавно как на властительницу его судьбы, черные тучи собирались на небе, как бы отражая мрачные мысли, толпившиеся в его голове.

Это было первое серьезное горе, которое он испытал в жизни. Горе, так сказать, материальное и нравственное. После слов миссис Мейноринг он узнал, что он одновременно лишился любви и состояния. Но что ему было до потери богатства! Мысль, что слова любви, нежные взгляды, робкие пожатия руки, что все это было ложно, может быть, рассчитано, — вот что разбивало сердце благородного молодого человека.

Подыскать извинение поведению Бэлы? Он попытался. Но причины отказа были слишком очевидны, слишком ясны условия, при которых была бы принята его любовь и которые привели к тому, что сначала ему была подана надежда. Сколько коварства и кокетства! Генри поклялся заставить замолчать свое сердце. Жизненная борьба начиналась; Генри был молод, борьба грозила быть тяжелой, но его характер позволял надеяться, что он выйдет из нее победителем. Женщина, которую он поставил на пьедестал как образец невинности и чистоты, оказалась корыстолюбивой эгоисткой, более достойной презрения, чем любви. Ему надо только помнить об этом, и чувство его к ней рассеется само собой. Решив это, Генри вспомнил об отце. Против него он испытывал глухой гнев. Очевидно, угроза лишения наследства приведена была в исполнение сегодня утром. Подробности, данные миссис Мейноринг по этому поводу, не оставляли в нем никакого сомнения. Откуда и как она добыла эти сведения, его не интересовало. Он знал, что она достаточно ловка, чтобы войти в соглашение с нотариусом, у которого генерал должен был составить свое завещание. Его мысли снова вернулись к завещателю, лишившему его одним ударом любви и состояния.

Безумец! В своей нравственной агонии он не подумал ни одной минуты, как дружески отнесся к нему отец, стараясь избавить его от испытаний более тяжелых, чем лишение его наследства. Его презрение к недостойной кокетке не было еще настолько сильно, чтобы дать возможность благоразумно взглянуть на вещи.

Угроза отца была условная. Стоило Генри только раскаяться, и он снова попал бы в милость и добился бы без всякой просьбы с его стороны изменения завещания. Его неповиновение заслуживало наказания, но наказание это было совместимо с той снисходительностью, с какой к нему всегда относился отец.

Так рассуждал бы всякий обыкновенный человек. Нигель Гардинг поступил бы так же и поспешил бы вымолить себе прощение.

Генри думал иначе. Глубоко уязвленный в своей гордости и в своей привязанности, он убедил себя, что дом его отца не для него.

С энергией отчаяния он уцепился за это героическое решение. Дойдя уже до ворот парка, он вдруг повернул назад и направился большими шагами к соседней станции железной дороги.

Час спустя он был уже в Лондоне, твердо решив не возвращаться в графство Букингем.

XII. ДОБРОВОЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ

Вечером того же дня в столовой генерала Гардинга по обыкновению было накрыто на четыре прибора. Одно из мест за столом оставалось незанятым.

— Где же Генри? — спросил генерал, развертывая салфетку.

Нигель промолчал. Тетка, старая дева, скандализованная поведением своего племянника, нисколько не тревожилась его исчезновением. Камердинер не знал. Нигель же отлично видел, когда брат отправился к коттеджу Мейноринг. На прямой вопрос генерала, где Генри, он с искривленным лицом и дрожащим голосом рассказал об этом.

— Вероятно, его оставили обедать, — прибавил он, — миссис Мейноринг так любезна с ним.

— Ну, это скоро прекратится, — возразил генерал с улыбкой, просиявшей на минуту на его опечаленном лице.

Нигель пристально взглянул на отца, но не осмелился спросить объяснения. По-видимому, он испытал какое-то внутреннее облегчение. Сумрачное лицо его прояснилось.

Обед уже подходил к концу, когда вошел камердинер с письмом, принесенным служителем маленькой гостиницы, находящейся недалеко от замка.

При первом взгляде, брошенном на конверт, генерал узнал почерк своего сына Генри.

Старик вскрыл письмо. По мере чтения лицо его все более и более омрачалось.

«Отец,

я не прибавляю «дорогой», это было бы лицемерием с моей стороны, — когда вы получите это письмо, я уже буду на пути в Лондон, оттуда пойду туда, куда повлечет меня судьба, ибо не хочу возвращаться под тот кров, который не могу считать своим. Я перенес бы, не жалуясь, лишение наследства, может быть, я заслужил его, но последствия, которые оно повлекло за собой, слишком ужасны, чтобы я мог относиться к нему без раздражения. Но зло уже сделано, и говорить об этом больше нечего. Цель моего письма следующая. По смыслу вашего завещания, мне достается тысяча фунтов стерлингов. Не можете ли вы выдать мне их немедленно? Тысяча фунтов после вашей смерти — которая, надеюсь, еще долго заставит себя ждать, — слишком маленькая сумма, чтобы на ней можно было основывать какие-нибудь надежды на будущее. В настоящий момент эти деньги могут мне понадобиться, так как я решил покинуть родину и искать счастья под более милосердными небесами. Если я найду в Лондоне у вашего поверенного чек в тысячу фунтов на мое имя, это будет хорошо, если же нет, ваш отказ помешает мне уехать, но обращаться к вам еще раз с подобной просьбой я, конечно, не стану. Поступайте как вам угодно, отец. Может быть, мой милый брат, советов которого вы так охотно слушаетесь, поможет вам и на этот раз.

Генри Гардинг».

Можно представить себе волнение генерала при чтении этого сухого и холодного письма. При первых словах он вскочил и стал читать на ходу, а когда кончил, он топнул с такой силой по паркету, что задрезжал хрусталь и фарфор на столе.

— Милосердный Боже, что это значит! — вскричал он.

— Что, дорогой отец? — спросил медовым голосом Нигель. — Вы получили дурные известия?

— Известия! Известия! Это гораздо хуже!

— Можно спросить от кого?

— От Генри!.. Негодяй, неблагодарный! На, читай!

Нигель повиновался.

— Действительно, очень неприятное послание — просто наглое, но что это значит? Я не могу понять.

— Не все ли равно! Достаточно того, что он уехал. Я его знаю! Он сдержит свое обещание, он весь в меня. Уехал! Великий Боже, уехал!

Несмотря на всю сдержанность, у генерала вырвалось рыдание.

— Но, — заметил Нигель, — определенного он ничего не говорит. Это безумец!

— Ничего не говорит! — простонал генерал. — Да уж одно то, что он мог написать подобное письмо, в котором каждое слово есть посягательство на мой авторитет и вызов!..

— Это правда, и я не понимаю, как он мог осмелиться написать вам это. Очевидно, он страшно раздражен чем-то. Но его гнев так же скоро утихнет, как и ваше справедливое негодование, дорогой отец мой.

— Никогда! Я никогда ему не прощу! Он слишком много злоупотреблял моей снисходительностью! Но больше этого не будет! Я не желаю больше переносить подобного неповиновения, не говоря уже о том, что у него нет сердца. Клянусь Богом, он будет наказан!

— Вы правы, отец мой, — продолжал старший сын, — и раз он просит вас спросить моего мнения, я вам посоветовал бы предоставить его самому себе — по крайней мере на некоторое время. Возможно, что, оставшись без вашей великодушной поддержки, он скорее почувствует свою зависимость от вас и раскается. Я думаю, что тысячи фунтов стерлингов, которые он просит у вас, посылать не следует.

— Он не получит ни одного гроша, пока я жив!

— И надеюсь, что вы еще долго проживете, дорогой отец мой.

— Худо это или хорошо, мне все равно. Он не получит ни одного гроша! Пусть умрет с голода или образумится.

— Это лучшее средство заставить его вернуться, — с лицемерным вздохом проговорил Нигель. — И поверьте, что это скоро случится.

Это замечание, казалось, на минуту смягчило гнев неумолимого генерала. Он вновь сел за стол и оставался с глазу на глаз со своей бутылкой портвейна гораздо дольше, чем обыкновенно. Вино, по-видимому, сделало его добрее. Перед тем как ложиться спать, он, слегка пошатываясь, вернулся в свой кабинет и дрожащей рукой написал своему поверенному, приказывая ему выдать его сыну Генри чек на тысячу фунтов стерлингов.

Затем он позвал выездного лакея и приказал ему немедленно отнести на почту письмо.

Желая сохранить это в тайне от всех, генерал старался проделать это как можно тише.

К несчастью, человек, действующий под влиянием четырех бутылок портвейна, не может судить, насколько он осторожно действовал. Нигель отлично знал, что отец написал письмо, угадал, конечно, его содержание и, не замеченный генералом, присутствовал при его разговоре с лакеем. Он подстерег, когда последний собирался уходить, взял у него письмо и передал другому слуге, который, по его словам, шел гораздо дальше и по дороге мог занести письмо на почту. Но новый посол получил предварительно какие-то особые инструкции, вследствие которых письмо генерала не дошло по своему назначению.

XIII. ЛОНДОНСКИЕ ДУШИТЕЛИ

Не зная Лондона, где он был не больше трех раз, Генри предоставил извозчику свезти его в какой-нибудь отель западной части города. Из боязни, что слух о его размолвке с отцом и о неудачном сватовстве уже распространился в городе, Генри не посетил ни одного из друзей генерала. Гордость не позволила ему ни ставить себя в смешное положение, ни вызывать сожалений. Он хотел скрыть свое горе от всей вселенной. По этой же самой причине он избегал всеми силами возможных встреч с товарищами по колледжу.

Человек, который снес его письмо к отцу, снабжен был также запиской к лакею, в которой Генри приказывал уложить его вещи, белье и оружие и отправить до востребования на станцию Педдингтон. Эти вещи да сто фунтов, которые случайно находились в его кошельке, когда он покинул родительский дом, составляли все его богатство. Деньги исчезли, конечно, в первые же дни пребывания в Лондоне.

Первый раз в жизни он испытал неприятное чувство очутиться без денег в таком большом городе. Но сначала это ему не казалось страшным; он надеялся, что отец пришлет ему тысячу фунтов стерлингов. На этом основании он отправился через неделю к поверенному генерала и спросил, нет ли письма на его имя от отца.

Ответ был отрицательный.

Через три дня он снова пришел и повторил свой запрос. Ему отвечали, что «Лаусон и сын» (фирма дома) уже давно не получали от генерала Гардинга никаких распоряжений.

— Он ничего не пришлет, — грустно сказал себе Генри, уходя из конторы поверенного. — Он находит, что я еще недостаточно наказан, а мой милый братец подольет масла в огонь. Ну и пусть остается со своими деньгами. Я у него не спрошу больше ничего, хотя бы должен был умереть с голоду!

Во всяком личном самоотречении есть некоторая доля жгучего удовольствия, берущего свое начало скорее в злобе, чем в истинном мужестве, и которое пропадает гораздо раньше, чем нравственная боль, его породившая. Молодой человек чувствовал себя страшно оскорбленным своим отцом и любимой женщиной. Он не мог их отделить друг от друга в своих мыслях, и его неприязнь к обоим была так сильна, что могла внушить ему самые крайние решения. Первое было — не возвращаться к поверенному, что он и сделал не без некоторого усилия над собой, так как уже страдал от недостатка денег. Теперь уже было не до расточительности. Он уже переехал в более скромный отель, но, как бы дешева комната ни была, платить за нее надо было. Положение ста-

новилося все затруднительнее. Что делать? Поступить на военную службу или в торговый флот? сделаться извозчиком? простым рабочим? Ни одна из этих профессий его не соблазняла. Не лучше ли было эмигрировать? На этом он и остановился.

К счастью, у него оставались еще прекрасные часы и драгоценные вещи. Денег, вырученных от продажи, вполне хватило бы на переезд в Новый Свет. Он хотел как можно дальше уехать от отца и Бэлы Мейноринг.

Он направился к докам, чтобы узнать, когда уходит корабль в Америку, но каюта, которую ему предложили на корабле, была хотя недорого, но очень скверная, и он не решился ее взять.

Было уже поздно, когда он сошел с империаля конки на Литль-Куин-Стрит, недалеко от своей гостиницы.

Он только что сделал несколько шагов, как ему бросилась в глаза лавочка с устрицами. Он был голоден. Он вошел в лавочку и приказал себе открыть дюжину моллюсков.

Перед прилавком стоял молодой человек и с аппетитом глотал поданных устриц. Вид его произвел на Генри странное впечатление. То был высокий, хорошо сложенный, красивый человек, оливковый цвет лица, черные волосы, глаза и горбатый нос которого указывали на иностранное происхождение. Несколько слов, произнесенных на плохом английском языке, ясно показывали, что перед ним был итальянец. Несмотря на бедный костюм, манеры его показывали в нем человека если и не знатного происхождения, то хорошего общества.

Если бы у Генри спросили причину его внезапной симпатии к этому молодому человеку, он бы очень затруднился ответить. Симпатия эта была возбуждена прежде всего его изящными манерами и главным образом мыслью, что он видел перед собой иностранца, одинокого, вдали от родины — каким он будет скоро сам.

Ему очень хотелось заговорить с незнакомцем, но гордая сдержанность, начертанная на его лице, его плохое знание английского языка, а также страх, что его намерение будет дурно истолковано, удержали Генри от попытки начать с ним беседу.

Незнакомец едва удостоил взглядом молодого англичанина. Аристократические манеры, платье безукоризненного покроя, очевидно, внушили иностранцу мысль, что он видит перед собой одного из светских шалопаев.

Итальянец покончил с устрицами, расплатился и вышел из лавочки.

Генри с сожалением проводил его взглядом. Это было первое симпатичное лицо, встреченное им в Лондоне. Увидит ли он его когда-нибудь еще? Это было бы большим чудом в таком городе, как Лондон. Не должен ли он сам удалиться из этого города? Расплатившись с продавцом, Генри пошел домой.

Ночь была темная, и Генри быстро шел по направлению к Эссекс-Стриту, где находился его отель.

Он уже вошел в крытый и плохо освещенный проход, огибающий Линкольн-сквер, как вдруг в полумраке перед ним вырисовались силуэты трех человек, из которых один был, видимо, страшно пьян и опирался на двух других.

Он бы охотно избежал этой встречи, но ему не хотелось возвращаться обратно, и он продолжал свой путь. Подойдя ближе, он заметил, что пьяница со-

всем не стоит на ногах и, если бы не поддерживающие его товарищи, свалился бы, как мешок, на землю. Люди стояли неподвижно на одном месте.

Генри, не обращая внимания, прошел мимо них. Отвратительная физиономия одного из них, повернувшегося в его сторону, заставила его быть настороже. Пройдя несколько шагов, он невольно повернул голову.

Достойное трио случайно остановилось как раз подле одного из редких фонарей, находившихся в проходе. Слабый свет, падающий на пьяницу, осветил его черты, в которых Генри узнал молодого человека, заинтересовавшего его в устричной лавочке.

Вскрикнув от изумления, Генри бросился к странной группе.

— Что это значит, — спросил он повелительным голосом, — этот человек пьян?

— Пьян, как стелька, — отвечал один из подозрительных субъектов, — целый час мы уже возимся с этой тушей.

— Неужели?

— Правда, сударь. Как видите, он хватил лишнее, он наш приятель, и мы не хотим, чтобы он попал в участок.

— Конечно, вы этого не хотите, — отвечал с иронией молодой человек, понявший причину неподвижности иностранца. — Это очень любезно с вашей стороны, но я тоже его приятель. Я уж позабочусь о бедняге, избавлю вас от этого труда. Поняли?

— Черт возьми, что это значит?

— А вот что! — крикнул Генри, будучи не в силах больше сдерживать свое негодование. — Вот! — повторил он, с треском опуская свою тяжелую палку на голову одного из мошенников. Вот! — повторил он еще раз, ударяя другого, и вслед за тем все трое — два негодяя и их жертва упали на землю.

В этом квартале Лондона полицейские посты очень редки, но по счастливой случайности один полисмен, проходя по Куин-стрит, услышал шум и проник в проход в тот момент, когда Генри справлялся с ворами.

Он помог молодому человеку связать мошенников и свезти их в ближайший участок. Пока душителю сажали под замок, иностранец оправился от своего оцепенения, причиненного хлороформом. Затем Генри отвез незнакомца на его квартиру.

XIV. ВЫБОР КАРЬЕРЫ

Часто самой незначительной случайности достаточно, чтобы совершенно перевернуть нашу жизнь. Наша судьба зависит от случая. Если бы Генри не пошел по темному проходу и не спас незнакомца, по всей вероятности, его жизнь пошла бы по иному пути.

Через несколько дней он уже намеревался отплыть в Вест-Индию, откуда, может быть, никогда бы не вернулся. Между тем как теперь он сидел в мастерской с палитрой в одной руке и кистью в другой, в классической блузе и вышитом берете. Одним словом, он сделался живописцем.

Эта перемена в его судьбе объясняется очень просто. Молодой человек, которого он спас, сделался его учителем. И Генри решился добывать себе хлеб живописью. Генри всегда выказывал способности к рисованию. В нем билась артистическая жилка, которая дает успех.

Луиджи Торреани, молодой художник-итальянец, сам был из начинающих, но шел быстрыми шагами к славе, он мог уже работать не только для куска хлеба — имя его было известно, картины его высоко ценились.

Узнав о проектах молодого англичанина, Луиджи Торреани предложил ему давать уроки живописи. Генри почти ничего не рассказывал о своей предыдущей жизни, да притом итальянец ни о чем и не спрашивал, он был слишком деликатен и слишком признателен, чтобы какие-нибудь подробности прежней жизни Генри могли повлиять на его чувства. Он горячо отговаривал Генри от эмиграции, и тот поддался на его увещания.

Это неожиданное знакомство двух молодых людей почти одного возраста, равных по рождению и привычкам, привело к тому, чего и следовало ожидать. Генри и Луиджи скоро сделались близкими друзьями, разделяя трапезу, жилище и мастерскую.

Такое сожителство продолжалось несколько месяцев, пока Луиджи, восхищенный успехами своего ученика и товарища, не предложил ему поехать на некоторое время в Рим, чтобы усовершенствоваться в своем искусстве, изучая классические образцы, собранные в древней столице. Молодому итальянцу не было необходимости черпать из этого же источника. Итальянец по рождению, он вырос среди чудес искусства. Он приехал в Лондон для того, чтобы иметь возможность больше получать за свои картины. Молодого англичанина привлекала поездка в Рим, как вообще увлекает молодежь мысль посетить Италию. Италия! Италия! Отечество Тассо, Ариосто, Боккаччио и бандитов!

К любопытству, свойственному всем путешественникам, у Генри Гардинга примешивалась еще надежда залечить раны, нанесенные ему отцом и любимой девушкой.

В Англии ему все еще живо напоминало о недавнем крушении всех его надежд. В чужом же краю новая жизнь, новые лица должны были развлечь его и дать забвение.

XV. ПРЕРВАННАЯ РАБОТА

По дороге, ведущей в Вечный город, шел одинокий молодой человек, направляясь к гористой местности, где начинаются отроги Апеннин.

Это не был итальянец. Прекрасное открытое лицо, розовые щеки, обрамленные густыми каштаново-золотистыми вьющимися волосами, геркулесовское сложение, решительные манеры, твердая поступь — все указывало в нем на уроженца севера, англосаксонца.

По альбому под мышкой, по палитре, надетой на большой палец левой руки, и полудюжине кистей сейчас же можно было узнать художника в поисках за сюжетом.

Ничто ни в его костюме, ни в его багаже не останавливало на себе внимания. Встретить артиста в окрестностях Рима считалось самым заурядным явлением.

Если какой-нибудь прохожий и оглядывал более внимательно молодого человека, то только потому, что он был «Inglese».

Национальность художника не могла возбуждать ни в ком сомнения, тем менее в читателе, который, разумеется, узнал в нем нашего героя Генри Гардинга.

Он последовал советам своего друга и решился закончить свое художественное образование под прекрасным небом Италии, среди великолепных развалин семихолмного города. Средства к жизни он добывал своей кистью. Но, судя по его изношенной одежде и обуви, обстоятельства его были не блестящи.

Куда он шел? Он зашел уже настолько далеко, что потерял из виду Вечный город с его развалинами. Он уже достаточно изучил и зарисовал арки и фрески Капитолия и Колизея. Теперь он шел в горы, чтобы окунуться в чистом источнике природы и набросать на полотно деревья, скалы, ручьи, залитые горячим солнцем Италии.

Это была его первая экскурсия за город. Он счел лишним взять с собой гида и ограничивался тем, что спрашивал у прохожих по временам дорогу в Валь д'Орно, маленький городок, запрятанный в горах, неподалеку от неаполитанской границы.

Синдику этого города он нес письмо от сына, иными словами, от Луиджи Торреани. Но главной его целью было найти сюжет для картины. Несколько раз уже ему хотелось остановиться и срисовать пейзаж, являющийся перед его глазами.

Но он думал, что все эти пейзажи были слишком близко от Рима, чтобы не быть срисованными уже много раз.

Итак, он продолжал свой путь к лесистым холмам, вырисовывавшимся на горизонте. К вечеру он дошел до них и с трудом взобрался на выступ скалы, откуда открывался восхитительный вид.

Слегка закусив взятой с собой провизией и закурив трубку, Генри решил, несмотря на усталость, набросать на полотно чудный закат солнца. Густые деревья, фантастические скалы, пенящиеся потоки, волшебные переливы тонов представляли богатейший материал для художника.

Но чтобы оживить пейзаж, недоставало нескольких человеческих фигур или животных.

— Ах! — громко вскричал он. — Сюда надо было бы нескольких разбойников на первом плане. Вот была бы картина! Вот успех! Я бы дал...

— Сколько? — раздался чей-то голос, выходявший из скал. — Что бы вы дали, г-н художник, чтобы иметь то, о чем вы говорите? Я бы мог вам это доставить.

Человек, произнесший эти слова, вынырнул из чащи кустов, приблизился медленным и размеренным шагом и остановился на маленькой площадке, где артист установил было свой мольберт.

Генри обернулся, пораженный удивлением и восторгом. С точки зрения искусства лучшего нельзя было желать. Перед ним стоял великолепно сложенный человек в бархатном одеянии, шелковом шарфе вокруг бедер, в шляпе с пером, сдвинутой набок, и коротким карабином на плече. Только широкое саксонское лицо и английский акцент отличали его от героического типа, который мы привыкли видеть на сцене.

— Вы хотите нарисовать бандитов, не правда ли? Так вам везет. Шайка недалеко, я их сейчас позову. Эй, капитан! — вскричал рыцарь большой дороги, на этот раз по-итальянски. — Сюда! Это простой мазилка! Он желает написать ваш портрет. Надеюсь, что вы ничего не имеете против?

Прежде чем художник успел произнести слово, площадка наполнилась людьми в таких живописных костюмах, что, если бы он их встретил в другой обстановке, он испытал бы величайшее наслаждение перенести их на полотно с мельчайшими подробностями.

Но в настоящий момент всякое артистическое желание вылетело у него из головы. Он находился в руках бандитов. Ускользнуть от них нечего было и думать. Если бы он даже и вздумал бежать, то пуля из карабина немедленно уложила бы его на месте. Ему оставалось только покориться.

XVI. ВЫКУП

Если человек, прервавший работу художника, и не представлял классического типа бандита, то другой отвечал ему как нельзя лучше. Он держался немного впереди своих товарищей. Выражение его лица, манеры — все дышало высокомерием власти. Ошибиться было нельзя, это был начальник шайки.

Его одежда, хотя такого же покроя, как и у прочих, отличалась богатством материала и украшений. Оружие его было усыпано драгоценными камнями, бриллиантовая пряжка придерживала перо на его калабрийской шляпе. Овал лица, нос с горбинкой, выдающийся четырехугольный подбородок указывали на римское происхождение.

Он был бы красив, если бы не выражение почти звериной свирепости, сверкающей в его черных как уголь глазах.

Прошло несколько минут молчания. Первый разбойник затерялся в рядах товарищей, неподвижно ожидавших, когда заговорит начальник.

Последний бесцеремонно осматривал молодого художника с ног до головы. Осмотр этот, казалось, его не удовлетворил. Действительно, трудно было ожидать добычи в карманах этого поношенного платья. С самой презрительной гримасой разбойник произнес только одно слово.

— Artista?

— Sì, signore, — отвечал непринужденно художник. — К вашим услугам. Желаете портрет?

— Очень мне нужна ваша мазня, г-н художник. Я желал бы лучше, чтобы нам попался какой-нибудь разносчик с толстым кошельком. А на что нам ваша пачкотня? Вы из города? Каким образом вы попали сюда?

— На своих двоих, — неустрашимо ответил молодой англичанин.

— Я и так это вижу по вашим ботинкам. Довольно болтать! Что у вас в кармане? Одна или две лиры? Не так же бедны, чтобы не иметь уж и этого. Сколько же, синьор?

— Три лиры.

— Давайте.

— Вот.

Разбойник взял их с такой небрежностью, точно получил их в уплату за услугу.

— Это все? — спросил он, бросая на артиста испытующий взгляд.

— Все, что я взял с собой.

— А в городе?

— Немножко больше.

— Сколько?

— Около восьмидесяти лир.

— Черт возьми! Кругленькая сумма! Где она лежит?

— У меня дома.

— Ваш хозяин может ее достать?

— Да, взломав чемодан.

— Отлично, напишите ему приказ взломать чемодан и прислать вам деньги. Джиованни, бумаги, Джиакомо, чернил! Напишите, г-н артист.

Понимая бесполезность всякого сопротивления, художник повиновался.

— Подождите, — вскричал разбойник, останавливая его за руку, — У вас

должно быть еще что-нибудь, кроме денег. Вы, англичане, любите таскать за собой в дорогу всякий хлам. Напишите в письме и об этом.

— Но это вас не обогатит. Еще один костюм подобный этому, который вы видите на мне. Десятка четыре неоконченных этюдов, не имеющих для вас никакой цены.

— Ха, ха, ха! — залился веселым хохотом разбойник, которому вторили товарищи. — Как вы проникательны, как вы поняли наши вкусы! Ну-с, так вот, изволите видеть. Решим так. Оставьте у себя картины, синьор артист, и старое платье; нам нечего с ними делать. Пишите только о деньгах. Подождите еще, — опять остановил его начальник. — У вас же есть друзья в городе. Как я об этом не подумал! Они с восторгом примут участие в вашем выкупе.

— У меня нет друзей в Риме, во всяком случае, ни одного такого, который согласился бы заплатить за меня пять лир, чтобы вырвать меня из ваших когтей.

— Вы шутите, синьор!

— Я вам говорю чистую правду.

— Когда как... — проворчал разбойник, — впрочем, мы увидим, — прибавил он после краткого размышления. — Слушайте, г-н художник, если вы сказали правду, вы сегодня же можете вернуться домой. Если нет, вы проведете ночь в горах и можете остаться без ушей, поняли?

— Слишком хорошо, к несчастью.

— Отлично, еще одно слово. Помните, что посыльный, который понесет ваше письмо, справится обо всем, что касается вас, даже о качестве вашего платья и ваших картин. Если у вас есть друзья, он их найдет. И клянусь Пресвятой Девой, если я узнаю, что вы надули нас, берегите ваши уши, синьор!

— Идет. Я принимаю ваши условия.

— Отлично, пишите.

Написанное письмо, адресованное хозяину гостиницы, где жил молодой англичанин, было вручено одному из бандитов, носившему костюм крестьянина Кампаньи.

Столкнув временный мольберт, воздвигнутый нашим артистом, и бросив в поток начатый им этюд, разбойники начали взбираться на гору в сопровождении своего пленника.

XVII. НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Читатель, вероятно, удивлен тем, что молодой англичанин с таким хладнокровием отнесся к своему плену. Попасть в руки итальянских разбойников, известных своей жестокостью, не шуточное дело. А между тем Генри Гардинг, казалось, очень легко отнесся к своей участи.

Объясняется это очень просто. В другое время Генри бы серьезно испугался за могущие быть последствия. В настоящий же момент его собственное горе заставило его смотреть на это как на самое обыкновенное неудачное приключение.

Раны, нанесенные отцовской жестокостью и бархатной ручкой Бэлы Мейноринг, все еще не зажили.

Было даже время, когда он охотно искал подобных приключений, — в первое время своего удаления из родительского дома. Двенадцать месяцев уже прошло с тех пор, и упорная работа в некоторой мере принесла ему нравственное успокоение. Впрочем, перемена места и обстановки, вероятно, принесла большую пользу.

Тем не менее воспоминания еще были настолько остры, что заставляли его быть равнодушным к своей собственной судьбе.

Весь отряд поднимался в гору по ужасной дороге, которая, вероятно, лучше содержалась во времена Цезарей.

Генри мало интересовало, куда ведут его разбойники, он думал только, нельзя ли как-нибудь срисовать разбойничий бивуак в какой-нибудь пещере.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что разбойники спокойно вошли в большую деревню, сняли свое оружие, приставили его к стенам домов и стали готовиться к ночлегу.

Крестьяне не выказывали никакого страха при появлении пришельцев. Наоборот, многие присоединились к попойке бандитов; сам священник переходил от одной группы к другой, щедро расточал благословения и принимал в уплату деньги, может быть, взятые из кармана какого-нибудь несчастного путешественника или даже такого же служителя церкви.

Эта оригинальная сцена так заняла Генри, что он совсем забыл о своем приключении.

Генри все время был на свободе. Покорность его своей судьбе и его видимое равнодушие ко всем последствиям плена убедили бандитов, что его связывать не стоит. Да если бы даже он убежал, им тревожиться было нечего. Раньше, чем пленник доберется до Рима, их посыльный заберет деньги из его чемодана и вернется к своим. Рассчитывать же на богатый выкуп со стороны друзей, судя по его потертому костюму, было трудно.

Итак, когда наступила ночь, то больше по привычке, чем по надобности, к Генри подошли разбойники с веревками.

В одном из них Генри узнал первого разбойника, заговорившего с ним на площадке по-английски. Физиономия его Напоминала висельника. Видно было, что не всегда носил он такой фантастический костюм и что в шайке занимал он последнее место.

Когда он остановился перед Генри и стал хладнокровно распутывать веревку, у Генри похолодело сердце. Впервые приходится ему испытывать подобное унижение, особенно чувствительное для англичанина и недавно еще наслед-

ника миллионного состояния.

Сначала он энергично отказался позволить связать себе руки, находя это совершенно излишним, так как бежать он не намеревался, и бандиты обещали ему свободу при условии, что он внесет условленный выкуп.

— Какие там условия, — грубо возразил бандит, продолжая разматывать веревку, — это нас не касается, наше дело связать вас, как приказал начальник.

Положение казалось безвыходным. Генри вздумал прибегнуть к его чувствам, как соотечественнику.

— Ведь ты англичанин, — сказал он ему самым умиротворяющим тоном.

— Был, — резко ответил бандит.

— Надеюсь, что в и продолжаете им быть?

— А вам какое дело?

— Оттого, что я сам англичанин.

— Кто ж с вами спорит об этом! Что вы меня за дурака принимаете? Неужели вы думаете, что я этого не заметил по вашему лицу и по вашему проклятому языку, которого я надеялся никогда больше не слышать.

— Послушай, голубчик! Ведь не часто попадаются англичане.

— Держи язык за зубами! Не называй меня голубчиком. Руки скорее, веревка готова. И так как вы англичанин, то я свяжу вас на славу. Провались я на этом месте!

Видя, что смягчить презренного преступника не удастся и сопротивление невозможно, молодой человек протянул свои руки. Разбойник стал связывать их за его спиной.

В этот момент глаза его остановились на мизинце левой руки пленника, на котором был большой продольный рубец. Он выпустил обе руки Генри, точно они были из раскаленного железа, и отскочил назад с криком удивления и злобной радости.

Пленник при этом неожиданном движении тоже застыл от изумления. В грубом разбойнике он узнал их бывшего егеря, контрабандиста и убийцу Догги Дика!..

— Хо, хо, хо! — вскричал Догги Дик, прыгая на месте, точно обезумел от счастья. — Хо, хо, хо! Неужели это вы, мистер Генри Гардинг? Кто бы мог думать, что я встречу вас здесь, в горах Италии, и в таком костюме! Прежде вы были гораздо наряднее. Что же случилось со старым генералом и его чудным именем... и с фазанами? Да, с фазанами! Вы помните, не правда ли? Я помню и никогда не забуду!

Дьявольская гримаса искривила его черты при этих словах.

— Вероятно, ваш кроткий брат Нигель получил все? И леса, и фермы, и фазанов, и, клянусь, даже ту хорошенькую куколку, которая так была близка вашему сердцу, мистер Генри? Она не из тех, кто выйдет замуж за бедного! Ваше платье вы взяли точно от старьевщика.

До сих пор Генри отвечал презрительным молчанием на издевательства бандита, но при последних словах кровь Гардингов закипела в нем, и лицо его приняло страшное выражение. Догги Дик понял, что зашел слишком далеко, и подумал об отступлении.

К несчастью, было уже поздно. Прежде чем он мог сделать шаг, левая рука Генри сжала его за горло, между тем как правый кулак со страшной силой

опустился на его череп. Ренегат безжизненной массой свалился на землю.

При виде этого все бандиты вскочили на ноги и с криками ярости окружили молодого человека.

В одну минуту Генри был опрокинут, связан и избит при одобрительных криках деревенских девушек.

XVIII. СИМПАТИЯ

Эта дикая сцена имела, однако, одного сострадательного зрителя. Лишнее прибавить, что это была женщина, так как ни один мужчина в деревне не посмел бы пойти против разбойников. Последние считали себя полными хозяевами. Благодаря тому что их логово находилось по соседству, они в любой момент могли ворваться в деревню и предать ее грабежу.

Молодая девушка, пожалевшая англичанина, была дочерью синдика, или старшины, этого местечка, но предпринять что-нибудь для избавления иностранца не могла. Вмешательство ее отца могло бы только ухудшить положение англичанина.

Эта молодая девушка, стоявшая на балконе самого красивого дома в деревне, представляла идеальный тип классической красоты Древнего Рима.

Она казалась одинокой овечкой среди волков, и молодой англичанин не мог не заметить ее.

Со времени прихода банды она не тронулась с места, и, так как разбойники расположились недалеко от дома ее отца, молодой человек отлично заметил все ее малейшие движения.

Он заметил, что разбойники относятся к ней с известным уважением, а также и то, что взгляды ее останавливались на нем с сочувствием и состраданием.

Смотря на эту итальянку со смуглым лицом, он вспомнил о Бэле Мейноринг впервые без особой горечи.

Мало-помалу он почувствовал какое-то облегчение от прежних горестей, которые он приписал испытанному им унижению в настоящем.

Что-то ему говорило, что, если бы он мог подольше видеть эту римскую девушку, он мог бы, может быть, забыть Бэлу Мейноринг.

Находясь в плену, он чувствовал себя, однако, счастливее, чем последние два года на свободе. Созерцание чудной живой статуи произвело на него сильнейшее впечатление в один час, чем все сокровища искусства Вечного города в течение целого года.

Это нарождающееся счастье не лишено было некоторой тревоги. Генри заметил, что молодая девушка взглядывала на него украдкой, но, как только взгляды их встречались, быстро отворачивалась.

Эта наивная стыдливость наполняла бы его сердце радостью, если бы он скоро не открыл причину. За молодой девушкой внимательно следил начальник бандитов, сидевший с кружкой в руке у дверей таверны и не сводивший глаз с дома синдика. Молодая девушка, казалось, была недовольна этим и даже ушла с балкона, куда привлек ее снова только шум борьбы между пленником и бандитами.

Связанный, избитый Генри не спускал с нее глаз, и чувство унижения, даже боли стерлось перед тем взглядом, какой она бросила и который как бы говорил ему: «Мужайтесь и терпите! Если бы я могла, я бы спустилась к вам,

бросилась бы в толпу ваших палачей, чтобы вырвать вас из их рук, но малейшее участие с моей стороны было бы сигналом вашей смерти».

Спустилась ночь, фигура молодой девушки потерялась во мраке.

Скоро из таверны, куда забрались все бандиты, раздались звуки скрипок и мандалин, сопровождаемые хохотом, звоном стаканов, проклятиями и ссорами, закончившимися ножами.

С того места, где был брошен связанный Генри, он отлично видел всю происходящую оргию. Впрочем, он не был один. Против обыкновения разбойники сторожили его с особой внимательностью.

Удивление Генри увеличилось еще, когда ночью начальник бандитов, выйдя из таверны, пошатываясь и ругаясь, приказал усилить надзор за ним, прибавив, что если пленник сбежит, то часовые будут немедленно расстреляны.

Что это была не простая угроза, Генри понял по тому, что часовые снова внимательно осмотрели и закрутили туже его веревки.

О бегстве нечего было и думать.

В этот момент Генри страстнее, чем когда-либо, желал свободы. Приказ начальника и внимательное отношение часовых возбудили в нем подозрение. Разве стали бы так сторожить, если бы намеревались отпустить его на следующее утро?

Генри видел посланца, вернувшегося из города и вручившего начальнику его восемьдесят лир. Значит, этого выкупа было недостаточно.

Какие пытки предстоит ему еще вынести в отместку за его обращение с Догги Диком? Не сочла ли банда общим оскорблением удары, нанесенные им ренегату?

Перемена в обращении бандитов с ним могла объясняться только этим, и Генри горько раскаивался в своей несдержанности. Он бы не стал сожалеть о своей вспышке, если бы узнал истинную причину перемены отношения к нему бандитов. Причина эта была гораздо серьезней, чем ненависть, питаемая к нему Догги Диком.

Генри грозило не только долгое лишение свободы, но, может быть, даже лишение жизни.

Глубоко врезавшиеся в тело веревки и жесткое ложе, иными словами, просто уличная мостовая, долго не давали ему возможности заснуть, но наконец сон смежил его веки. Он крепко спал до того момента, когда пение петухов и сильный удар ногой часового не напомнили ему о горькой действительности.

ХІХ. В ПУТИ

На рассвете дня разбойники отправились в путь. Деревня, в которой они провели ночь, не была их постоянным убежищем. Здесь они останавливались случайно на один, на два дня, так как более продолжительное пребывание могло бы вызвать неожиданную встречу с папскими войсками, которые обыкновенно появлялись только после какого-нибудь особенного преступления, совершенного бандитами.

Так было и на этот раз. Гонец, посланный в город, чтобы вскрыть чемодан Генри, принес важные известия. Бандиты тотчас же снялись с бивуака.

Пленников у них не было, кроме Генри, но добычи было много: серебро, посуда, драгоценные камни и другие вещи, выкраденные с виллы одного знатного римлянина. По этому-то поводу папские войска и были отправлены в погоню.

Логовище разбойников было запрятано далеко в горах. Еще до конца путешествия ноги пленника были в крови. Поношенная обувь его совершенно развалилась при ходьбе по каменистой дороге.

Руки его, связанные позади, не давали возможности поддерживать равновесие, усталость от большой ходьбы накануне, почти бессонная ночь и упадок духа лишили его совершенно сил.

Строгий надзор за ним ясно показал ему, что не скоро ему вернут свободу. Разбойники не сдержали слова, хотя и получили условленный выкуп.

Когда банда снималась с бивуака, Генри нашел возможность заговорить с начальником и напомнил о его обещании.

— Вы сами освободили меня от него! — возразил бандит с диким проклятием.

— Каким образом? — наивно спросил пленник.

— Черт возьми, как вы наивны, синьор англичанин! Вы уже забыли об ударе, нанесенном одному из моих людей?

— Он его заслужил.

— Это уж мое дело судить. По нашим законам вы заслуживаете наказания. Око за око, зуб за зуб!

— В таком случае вы отомщены. Ваши люди заплатили мне по двадцати ударов за один, о чем свидетельствуют мои бока.

— А, — возразил с презрением бандит. — Радуйтесь, что вы слишком дешево отделались. Благодарите Мадонну или, вернее, этот рубец на мизинце.

Последнее замечание сопровождалось каким-то загадочным взглядом, не предвещающим ничего доброго, принимая во внимание строгий надзор.

На второй день вступили в гористую местность, заросшую высоким лесом. Идти было все труднее и тяжелее. То приходилось взбираться на почти отвесные скалы, то скользить по таким узким ущельям, где было место только для одного человека.

Путешественники страдали от жгучей жажды, которую наконец утолили снегом, найденным в горных закрытых лощинках.

Перед заходом солнца сделали остановку, и один из разбойников послан был на разведку на вершину одинокой конусообразной горы.

Минут двадцать спустя послышался вой волка, который затем повторился немножко дальше, потом блеяние козы. По последнему сигналу банда трону-

лась в путь.

Взобрались на коническую гору. Когда добрались до вершины, страшная картина развернулась перед глазами пленника.

У его ног амфитеатром высились скалы, густо поросшие густым лесом. В глубине пруд, недалеко от него среди деревьев какие-то сероватые стены, из которых подымался дым, свидетельствовавший о присутствии человека.

Эта выбоинка и была главным местом свидания всех бандитов. Отряд пришел на место как раз в момент заката солнца.

Жилище разбойников частью напоминало маленькую деревушку. Два или три дома были сложены из камня, остальные просто представляли соломенные хижины, которые обыкновенно встречаются в горных округах итальянского полуострова.

Деревушка была окружена буковым лесом. Старые ели высились на вершинах окружающих гор.

В центре этого природного цирка блестел пруд, по всей вероятности, жерло потухшего кратера, служившее в настоящее время хранилищем дождевых и снеговых вод, стекающих с гор.

Соломенные хижины, очевидно, были выстроены самими разбойниками, каменные дома, вероятно, были воздвигнуты когда-то горными инженерами, занимавшимися здесь добыванием РУДЫ.

На север и на юг возвышались две скалы, на которых стояли часовые.

По приказу начальника шайки два бандита отвели Генри в темную комнату одного из каменных домов и с грубым ругательством закрыли за ним дверь.

Генри услышал звук запираемого замка, и затем все погрузилось в молчание. Первый раз в жизни он находился в темнице.

XX. ПИСЬМО

Как только закрылась за ним дверь, Генри Гардинг с облегчением растянулся на земле и заснул крепким сном.

Он проснулся при первых лучах солнца, ударявших ему прямо в лицо.

Он встал и огляделся кругом. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что он был в темнице.

Окно, находившееся на большой высоте, было такое узкое, что через него могла пролезть только кошка. Вертикальная железная полоса еще больше суживала отверстие.

Дверь же была настолько крепка, что нечего было и думать о бегстве без содействия часовых. Генри на это рассчитывать было нечего, и он решил философски спокойно ожидать событий.

Он был голоден и съел бы все, что бы ему ни попало на зубы.

Он прислушался, мысленно призывая разбойника с завтраком.

Но в коридоре раздавались только мерные шаги часового.

Через час нетерпеливого ожидания послышались еще другие шаги в коридоре.

Послышался краткий разговор, ключ завизжал в замке, и дверь открылась настежь.

— Здравствуйте, мистер Генри! Хорошо почивали? Капитан шлет вам свой привет и хочет вас немедленно видеть.

Догги Дик грубо схватил за плечи пленника и потащил его к начальнику.

Как и надо было ожидать, это была лучшая комната в доме. Но артиста поразила роскошь обстановки. Богатая мебель, зеркала, часы, всевозможные шкафики и столики, серебро, люстры, одним словом, предметы утонченной роскоши, но расставленные без всякого вкуса, в смешении разных стилей, они, скорее, напоминали лавку редкостей или лавку ростовщика.

Посредине комнаты сидели мужчина и женщина. Мужчина был начальник бандитов Корвино, как называла его сидевшая с ним рядом женщина, называемая им, в свою очередь, Кара Попетта. «Кара» по-итальянски значит «милая».

Это была большая женщина, почти одного роста с Корвино и так же живописно разряженная. На ней была масса украшений из жемчуга, золота и металлических вышивок. Благодаря своей бронзовой коже, черным, как вороново крыло, волосам, она могла бы служить украшением любого индейского стана.

По-видимому, когда-то она была удивительно хороша собой; когда улыбалась, она показывала двойной ряд блестящих белых зубов, хотя улыбка ее напоминала тигрицу, скалившую зубы, чтобы броситься на свою добычу.

Кара Попетта, которой не было еще и 30 лет, могла бы называться еще красавицей, если бы не багровый шрам, пересекающий правую щеку и совсем обезобразивший ее лицо.

Судя по выражению ее глаз, душа ее была тоже обезобразена многими рубцами. Взгляд, который она бросила на пленника, заставил бы задрожать Генри, если бы он понял его значение.

Но Генри некогда было предаваться размышлению, начальник немедленно приказал ему сесть за стол.

— Бесплезно вас спрашивать, умеете ли вы писать, синьор artista, — проговорил бандит, указывая пальцем на перо и чернила. — Рука, умеющая владеть кистью, сумеет держать и перо. Пишите под мою диктовку, переводя на ваш язык. А вот и бумага.

На столе лежало несколько листов почтовой бумаги.

Пленник взялся за перо, не будучи в состоянии представить себе, кому он будет писать. Впрочем, он недолго оставался в неизвестности.

— Сперва адрес, — приказал разбойник.

— Кому? — спросил пленник, приготавливаясь писать.

— Синьору генералу Гардингу.

— Генералу Гардингу? — вскрикнул Генри, вскочив на ноги и уронив перо. — Моему отцу? Что вам от него надо?

— Без вопросов, синьор художник! Садитесь и пишите.

Генри снова сел и написал адрес. Он вспомнил о своем последнем письме, посланном из гостиницы, находящейся на границе владений его отца, но у него не было времени предаваться воспоминаниям, бандит торопил его.

«Дорогой отец», — продиктовал бандит.

Генри опять остановился. Он вспомнил, что он тогда не поставил слово «дорогой». Неужели он напишет его сегодня под диктовку разбойника?

Надо было повиноваться, начальник повторил фразу, сопровождая ее страшным ругательством.

— А теперь, — сказал Корвино, — пишите и не останавливайтесь, иначе это будет дорого стоить.

Эта угроза была произнесена тоном, не оставляющим сомнения в ее значении.

Генри написал следующее письмо:

«Дорогой отец, уведомляю вас, что я в плену в горах Италии на расстоянии сорока миль от Рима, на границе Неаполитанской территории. Люди, у которых я нахожусь в неволе, неумолимы и убьют меня, если не получат выкупа. Они будут ждать вашего ответа и с этой целью посылают вам гонца, за целостность которого будет порукой моя голова. Если вы его арестуете или почему-либо он не вернется сюда, это отомстится на мне, и я буду подвергнут самым ужасным пыткам. Выкуп мой определен в тридцать тысяч лир. За эту сумму я получу свободу и знаю, что обещание свое они сдержат, так как эти люди, сделавшиеся разбойниками вследствие нелепых преследований деспотичного правительства, тем не менее исповедуют истинные принципы честности и порядочности. Если вы не пришлете денег, дорогой отец, могу вас заверить, вы никогда не увидите более вашего сына».

— Теперь подпишитесь, — сказал разбойник, видя, что Генри кончил писать.

Генри выпрямился и уронил перо. Он писал под диктовку и, занятый переводом, не мог схватить истинный смысл написанного.

Но когда у него потребовали подписаться под этим унижительным призывом к отцовскому милосердию — а в нем еще жило воспоминание о его последнем гордом письме, — он почувствовал не только отвращение, но и стыд.

— Подпишитесь, — вскричал бандит, приподнимаясь на своем кресле, — подпишитесь же!

Генри колебался.

— Если вы сейчас же не возьмете пера и не подпишете своего имени под этим письмом, клянусь Мадонной, прольется кровь! *Cospetto!* Я не позволю насмехаться надо мной какому-то мазилке, проклятому англичанину!

— О синьор, — вскричала Попетта, до сих пор не проронившая ни одного слова. — Послушайтесь его, *duono cavaliere*. Муж всегда так поступает с теми, которые слишком удаляются от большого города. Подпишите, *caro mio*, и все пойдет хорошо. Вы будете свободны и вернетесь к своим друзьям.

Произнеся эту маленькую речь, Попетта сошла с дивана, на котором отдыхала, подошла к молодому англичанину и положила ему руку на плечо.

Но ласковый тон ее голоса и мягкое выражение глаз не понравились ее мужу и господину. Корвино вскочил с места, схватил свою жену за талию и грубо отбросил в угол комнаты.

— Не вмешивайся не в свое дело! — крикнул он.

Затем, обратясь к пленнику и вытаскивая пистолет из кармана, он прохрипел: «Подписывайте!»

Дальнейшее сопротивление было бы безумием. Намерение бандита было ясно, слышался звук взводимого курка.

На один миг у пленника мелькнула мысль броситься на противника и схватиться с ним, но, если бы даже он вышел победителем из этой борьбы, Догги Дик и десятка два других разбойников немедленно расстреляли его без всякого сомнения.

Оставалось или умереть, или подписать.

Генри наклонился и написал два слова: Генри Гардинг.

— Синьор Рикардо! — позвал начальник.

Вошел Догги Дик.

— Умеешь читать? — спросил Корвино, протягивая ему письмо.

— Я не больно учен, — ответил ренегат, — но думаю, что сумею разобрать эти каракули.

Он прочел письмо по складам и удостоверил перевод.

Конверт запечатали, надписали адрес под диктовку синьора Рикардо. После этого пленника опять связали и отвели в темницу.

В тот же вечер в Рим был послан гонец.

XXI. ПОД КЕДРОМ

Цельный год прошел с того дня, когда Бэла Мейноринг отвергла руку младшего сына генерала Гардинга.

Снова перепела свистели на полях, стонала кукушка в лесу и соловей наполнял рощу своими ночными мелодиями.

Мисс Мейноринг по-прежнему оставалась царицей всех балов в округе, хотя две или три молодых девушки начинали оспаривать у нее пальму первенства.

Поклонники ее оставались все те же, за исключением Генри Гардинга.

Говорили, что место его занял его брат Нигель. Впрочем, это могло быть одно предположение, Которое шепнул мне один молодой человек на балу, где был также и Нигель.

Сначала я не поверил, но к концу вечера должен был убедиться в этом собственными глазами.

Летние балы представляют гораздо больше случаев покетничать для молодых девушек. Прогулки вдвоем по темной аллее особенно приятны после душевной залы.

Ускользнув таким образом с одной молодой особой, я остановился возле величественного кедра, ветки которого, почти касаясь земли, образовали вокруг его ствола зеленую палатку днем и темный грот ночью.

Вдруг моя спутница проговорила: «Мне кажется, я забыла свой зонтик под этим деревом, подождите здесь, я поищу его».

С этими словами она скрылась под кедром.

Боясь, чтобы не случилось чего с молодой девушкой, я проскользнул следом за ней.

Мы искали несколько минут, но бесполезно.

— Вероятно, кто-нибудь из слуг поднял его и снес в комнаты, — произнесла спутница.

Мы хотели вернуться на дорожку, как вдруг новая парочка остановилась у кедра. С первых их слов было ясно, что они продолжали начатый разговор.

— Я знаю, — говорил мужской голос, — что вы еще не забыли его. Не говорите, что он был всегда вам безразличен. Я отлично все знаю, мисс Мейноринг.

— В самом деле, какая удивительная проницательность, мистер Нигель Гардинг! Вы знаете гораздо больше, чем я и даже ваш брат. В таком случае зачем же я ему отказала? Наоборот, это доказывает, что между нами ничего не было. С моей стороны, по крайней мере.

Наступило короткое молчание. Нигель, видимо, размышлял.

Я не знал, на что решиться, и чувствовал, что моя спутница смущена, но мы уже достаточно много слышали, чтобы дать знать о своем присутствии, не говоря уже о том, что наше собственное положение могло дать повод к злословию. Я прижал ее руку к себе, и мы безмолвно решили дожидаться конца этой сцены.

— Если вы говорите правду, — продолжал Нигель, — если ваше сердце действительно свободно, так почему же вы не приняли моего предложения, мисс Мейноринг? Вы сами меня уверяли, что я вам немножко нравлюсь. Почему же вы не принимаете моей руки?

— Потому что... потому что... Вы хотите знать почему?

— Я у вас спрашиваю об этом уже целый год.

— Если вы обещаете мне быть благоразумным, я скажу.

— Я вам обещаю все, что хотите. Приказывайте и располагайте мной. Мое состояние — ну, это ничто, — моя жизнь, моя душа принадлежат вам.

Он произнес эти слова с таким чувством, на какое я не считал его способным.

— Так я буду откровенна, — отвечала молодая девушка тихим, но ясным голосом. — Между нами две преграды, мешающие соединить нашу судьбу. Во-первых, нужно получить согласие моей матери, без которого я не хочу выходить замуж, я поклялась. Затем согласие вашего отца, без которого я не могу выйти замуж, в этом мать тоже взяла с меня клятву. Как бы ни была глубока моя привязанность к вам, Нигель, я никогда не нарушу моих клятв. Но идемте, мы уже довольно говорили об этом. Наше отсутствие может быть замечено.

Она быстро, как белка, скользнула под ветвями и направилась к бальной зале.

Разочарованный влюбленный не стал ее удерживать. Не будучи в состоянии сейчас низвергнуть эти преграды, он все-таки не терял надежды на будущее.

Я с моей спутницей тоже тихо направился в залу.

XXII. СТРАННЫЙ ПАССАЖИР

В один прекрасный полдень 1849 года на станции Паддингтон появился пассажир, обративший на себя внимание.

В сущности, в этом человеке ничего не было необыкновенного, кроме его появления на станции Паддингтон. В Лондоне таких господ сколько угодно. Поверх обыкновенного суконного костюма на нем был накинут мексиканский плащ, голову его украшала калабрийская шляпа.

Приехав в первом классе в Слау, путешественник подождал, пока выйдут все пассажиры, затем, выскочив из вагона с маленьким ручным чемоданом, немедленно вступил в переговоры с начальником станции.

Я случайно находился на станции, когда маленький смуглый человек в мексиканском плаще обратился к гиганту в зеленом мундире с золотыми пуговицами.

С сильным итальянским акцентом иностранец справился о точном адресе генерала Гардинга.

Я хотел подойти к нему поближе, но в эту минуту вспомнил, что мне нужно брать билет.

Я вернулся на платформу в тот момент, когда незнакомец сел в кэб.

Через десять секунд я уже сидел в пустом купе. Раздался свисток, поезд уже трогался с места, когда вдруг дверца моего купе открылась и начальник станции произнес:

— Сюда, пожалуйста, сюда.

Две дамы, шумя шелковыми платьями, сели на скамейке против меня.

Когда я поднял глаза от газеты, я, к моему удивлению, узнал Бэлу Мейнолинг и ее мать.

На станции Ридинг, куда направился и я, мои спутницы сошли. Оказывает-

ся, мы ехали на один и тот же праздник.

Приехав к моему приятелю позднее их, я нашел всех гостей уже на лужайке. По обыкновению, мисс Бэла была окружена поклонниками, среди которых я, к удивлению, увидел и Нигеля Гардинга.

Во время бала он не выказывал ей особенного, заметного внимания, но, очевидно, пристально следил за каждым шагом молодой девушки.

Два или три раза, когда они оставались одни, я видел, как он говорил ей с бледным, искаженным лицом.

После бала Нигель проводил Бэлу и ее мать на вокзал. Все трое поместились в одном и том же кэбе.

Из того, что я слышал под кедром, и из того, что знал о характере молодых людей, я понял, что Бэла Мейноринг предназначена самой судьбой в жены Нигелю Гардингу, если последнему удастся добиться согласия отца.

XXIII. ПРИТВОРСТВО

В тот же вечер, как и всегда, генерал Гардинг сидел за столом в столовой перед графином старого портвейна. По левую сторону сидела его сестра.

Обед уже кончился час тому назад, все было снято со стола, исключая вина и фруктов. Лакей был отпущен.

— Уже девять часов, — сказал генерал, — а Нигель еще не возвращался. Обедать он не должен был остаться. Не знаю, была ли Мейноринг там.

— Весьма вероятно, — отвечала старая дева, отличавшаяся вообще недоброжелательностью.

— Да, — проговорил про себя генерал, — весьма вероятно, но за Нигеля я не боюсь. Он не такой человек, чтобы запутаться в сетях этой кокетки. Как странно, сестра, что ничего не слышно о мальчике с тех пор, как он нас покинул!

— Подождите, пока он растратит те деньги, которые вы ему послали; когда их не будет, вы снова услышите о нем.

— Разумеется, разумеется... Ни одного слова после того неприличного письма, присланного из гостиницы... Ни одной строчки, хотя бы о получении денег. Полагаю, что он их взял; я уже целую вечность не видал моей банковской книжки.

— О, ты можешь быть вполне уверен. Иначе он тебе давно бы написал. Генри не может обходиться без денег. Ты это хорошо знаешь. Не мучай себя напрасно, брат. Не питался же он воздухом.

— Где он может быть?.. Он сказал, что покинет Англию. Я думаю, что он так и сделал.

— О, это весьма сомнительно, — покачала старая дева головой. — Лондон для него самое подходящее место, пока есть деньги. Когда кошелек опустеет, он снова попросит у тебя, а ты, разумеется, пошлешь, не правда ли, брат? — прибавила она ироническим тоном.

— Ни одного шиллинга! — отвечал решительно генерал, ставя стакан на стол с такой силой, что тот чуть не разлетелся вдребезги. — Ни одного шиллинга! Если он в один год растратил тысячу фунтов стерлингов, нет ему ни одного шиллинга до моей смерти, и после он получит ровно столько, чтобы не умереть с голоду! Нигель получит все, за исключением маленькой суммы, предназначенной тебе. Генри тоже получил бы все, что ему следует, но после всего происшедшего... Я слышу шум колес, это верно Нигель.

Через несколько минут в столовую вошел сын генерала.

— Ты опоздал, Нигель.

— Да, отец, поезд опоздал.

Он лгал: он опоздал потому, что слишком долго засиделся в коттедже вдовы Мейноринг.

— Хорошо веселился?

— Ничего.

— А кто же там был еще?

— О, народу было много из окрестностей и из Лондона.

— А из соседей кто?

— Да, кажется...

— Неужели не было вдовы Мейноринг?

— Ах, да, была, но я и забыл.

— И, конечно, дочка тоже?

— Да, и дочь тоже... Кстати, тетушка, — продолжал молодой человек, чтобы переменить разговор, — не предложите ли вы мне выпить с вами стакан вина, и мне ужасно хочется что-нибудь съесть. Мы закусили только слегка, и теперь я чувствую такой аппетит, что готов съесть быка.

— За обедом была жареная утка и спаржа, — отвечала тетка, — но теперь это все холодное, дорогой Нигель. Хочешь подождать, пока разогреют, или, может быть, лучше тебе дать кусок холодной говядины с пикулями?

— Все равно что, только дайте есть.

— Выпей портвейну, Нигель, — сказал генерал, пока его сестра отдавала приказание слуге. — Я вижу, тебе не нужен коньяк для возбуждения аппетита.

Нигель выпил портвейн и принялся за еду.

XXIV. НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Только что успели убрать со стола, как вдруг послышался звонок и два удара молота в дверь.

— Кто это может быть так поздно? Уже 10 часов, — сказал генерал, смотря на свой хронометр.

Из передней доносились голоса камердинера Уильямса и чей-то еще незнакомый голос с иностранным акцентом.

— Кто там, Уильямс? — спросил генерал появившегося камердинера.

— Не знаю, ваше превосходительство, какой-то неизвестный, не говорит своего имени. Он уверяет, что принес очень важное известие и может передать его только вам.

— Очень странно... каков он из себя?

— Вероятно, иностранец, ваше превосходительство. Ручаюсь головой, что это не настоящий джентльмен.

— Очень странно, — повторил генерал, — он желает меня видеть?

— Да, ваше превосходительство, он говорит, что это дело гораздо важнее для вас, чем для него. Привести его сюда или вы выйдете к нему?

— Ну, нет, — живо отвечал старый солдат, — я, конечно, не выйду к иностранцу, не желающему ни сказать своего имени, ни дать своей карточки. Может, это нищий. Скажи ему, что я не могу принять его сегодня вечером. Пусть придет завтра утром.

— Я уже говорил ему, ваше превосходительство, но он настаивает на том, что должен немедленно видеть вас.

— Кто это может быть, Нигель? — сказал генерал, обращаясь к сыну.

— Не имею ни малейшего представления, отец. Может быть, это бумагома- ратель Вуулет?

— Я ручаюсь, что это иностранец.

— Я не знаю ни одного иностранца, у которого могло бы быть дело ко мне. Однако надо его принять. Что ты скажешь на это, сын мой?

— Дурного ничего не может выйти, — отвечал Нигель, — я останусь с вами, а если он будет нахален, Уильямс и другой лакей вышвырнут его вон.

— Ах, мистер Нигель, да он не больше вашего грума; я мог бы одной рукой схватить его за шиворот и вышвырнуть на лужайку.

— Хорошо, хорошо, Уильямс, — проговорил генерал, — приведи его сюда.

— Дорогая Нелли, — обратился он к сестре, — пройди лучше в гостиную, мы присоединимся к тебе, как только покончим с этим неожиданным визитером.

Старая дева, свернув вязание, вышла из столовой, оставив наедине брата и племянника.

XXV. НЕЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ

Такое настойчивое требование свидания сильно взволновало старого ветерана и его сына. Оба стояли в молчаливом ожидании.

Но вот открылась дверь, Уильямс ввел иностранца и удалился по знаку генерала.

Никогда еще более странный представитель человеческого рода не переступал столовой богатого английского землевладельца.

Как и сказал Уильямс, ростом он не превышал гнома, хотя на вид ему было лет около сорока. Бронзовое лицо, на голове лес черных волос и пара глаз, сверкавших как раскаленный уголь.

По складу лица это был, очевидно, еврей, по покрою платья его можно было причислить к адвокатам и нотариусам.

В руках он держал шляпу, снятую им при входе в столовую. Этим, впрочем, и ограничился весь кодекс его знаний светских приличий.

Несмотря на малый рост и физиономию куницы, у него был очень самоуверенный вид, что объяснялось важностью его сообщения и уверенностью, что он не уйдет без утвердительного ответа.

— В чем дело? — резко спросил генерал.

Незнакомец уставился глазами на Нигеля, как бы спрашивая, может ли он говорить при нем.

— Это мой сын, — продолжал ветеран, — можете говорить при нем.

— У вас есть еще другой сын, синьор генерал? — отвечал незнакомец на ломаном английском языке.

Этот неожиданный вопрос заставил вздрогнуть генерала и побледнеть Нигеля. Многозначительный взгляд незнакомца показывал, что он знает Генри.

— Да, есть... или, верней, был, — отвечал генерал. — Почему вы заговорили о нем?

— Знаете ли вы, где находится в настоящую минуту ваш второй сын, генерал?

— Нет... а вы знаете? Кто вы и откуда вы?

— Синьор генерал, я отвечу на все ваши вопросы в том порядке, как вы мне их предложили.

— Отвечайте как хотите, но скорее. Поздно, у меня нет времени на разговор с неизвестным мне человеком.

— Я прошу у вас только десять минут, генерал. Дело мое очень просто, и время мое также дорого. Во-первых, я еду из Рима, который, мне нечего вам объяснять, находится в Италии. Во-вторых, я нотариус. И в-третьих, я знаю, где ваш сын.

Генерал снова вздрогнул, Нигель побледнел еще более.

— Где он?

— Отсюда вы все узнаете, генерал.

Говоря это, незнакомец достал письмо и подал его генералу.

Это было письмо, написанное Генри под диктовку у Корвино, начальника бандитов.

Надев очки и придвинув лампу, генерал с удивлением и недоверием прочел письмо.

— Что за галиматья, — произнес он вполголоса, передавая письмо сыну.

Нигель тоже прочел письмо.

— Что ты скажешь на это?

— Ничего хорошего, отец. По-моему, вас хотят обмануть и выманить деньги.

— Но, Нигель, неужели Генри может быть в заговоре с этими людьми?

— Хотя мне тяжело огорчать вас, отец мой, — отвечал тихо Нигель, — но я должен сказать правду. К сожалению, все говорит против брата. Ведь если он попался в руки разбойникам — чему я не могу и не хочу верить, — так откуда же они могли узнать ваш адрес? Откуда они могут знать, что у Генри такой богатый отец, что может заплатить такой выкуп? Только он сам мог это сказать. Весьма возможно, что он действительно находится в Риме, как уверяет этот человек. Может, это и правда. Но в плену разбойников?.. Это нелепая басня.

— Это правда. Но что же мне делать?

— Поведение Генри, мне кажется, легко объяснить, — продолжал коварный советчик. — Он истратил свои деньги, как и надо было ожидать, и теперь хочет получить еще. Вся эта история, дорогой отец, по-моему, только выдумана для того. Во всяком случае, он не стесняется, сумма кругленькая.

— Тридцать тысяч! — вскричал генерал, смотря в письмо. — Он не получит и тридцати копеек. Даже если бы история с разбойниками была правда.

— Но это сказки, хотя письмо написал он. Его почерк и его подпись.

— Бог мой! Кто бы мог думать, что я получу первые подобные известия о нем? Прекрасное средство вымалывать прощение! Это слишком грубо, я не дамся в обман.

— Я в отчаянии за его поступок. Боюсь, дорогой отец, что он нисколько не раскаивается в своем гнусном неповиновении. Но что нам делать с посланным?

— Ах! — вскричал генерал, вспоминая о странном вестнике. — Не арестовать ли его?

— Не советую, — отвечал Нигель, как бы размышляя. — Это доставило бы нам много неприятностей. Лучше, если никто не узнает о поведении Генри, а процесс предал бы это дело огласке, которой вы, верно, не захотите.

— Конечно нет. Но этот наглец заслуживает наказания. Это уж слишком, позволять так нагло издеваться над собой в своем собственном доме...

— Напугайте его и выгоните. Таким образом мы что-нибудь еще узнаем. Во всяком случае это не повредит, Генри увидит, как вы отнеслись к этой басне.

XXVI. НЕЛЮБЕЗНОЕ ПРОЩАНИЕ

Во время этого разговора незнакомец стоял молча и неподвижно. Внезапно обернувшись к нему, генерал вскричал громовым голосом:

— Вы лжец, милостивый государь!

— *Molte grazie*, синьор, — отвечал нотариус с ироническим поклоном. — Это оскорбление, довольно неудачное для человека, приехавшего из Италии, чтобы оказать услугу вам или вашему сыну — это все равно.

— Берегитесь, сударь! — сказал угрожающим тоном Нигель. — Вы совершили большую неосторожность, явившись в нашу страну. Вас могут арестовать и заключить в тюрьму за вымогательство денег под вымышленным предлогом.

— Его превосходительство не арестует меня по двум причинам. Во-первых, я не выдумывал никаких предлогов; во-вторых, подчиняясь гневу, он обрекает на ужасную судьбу своего сына. В тот момент, когда те, в чьих руках находится он, узнают, что я арестован в Англии, они поступят с ним так жестоко, как не можете вы поступить со мной. Помните одно, что я только посредник и мне поручено только вручить вам это письмо. Я не знаю тех, кто послал его. Я делаю только свое дело. Я просто посланец от них и от вашего сына. Но смею вас заверить, что дело очень серьезно и что жизнь вашего сына зависит не только от моей безопасности, но и от того ответа, который вы мне дадите.

— Оставьте! — вскричал генерал. — Нечего мне втирать очки! Если бы я поверил хоть одному слову вашей истории, мне не трудно было бы освободить сына. Правительство, конечно бы, помогло мне, и, вместо тридцати тысяч, ваши бандиты получили бы то, чего они уже давно заслуживают — по веревке для виселицы.

— Боюсь, синьор генерал, что вы сильно заблуждаетесь. Ваше правительство не может вам оказать никакой услуги в этом деле, точно так же как и правительства всей Европы. Ни король Неаполитанский, в подданстве которого они состоят, ни папа, во владения которого часто делают набеги бандиты, не могут справиться с ними. Чтобы освободить вашего сына, есть одно средство — заплатить требуемую сумму.

— Уходите, презренный! — зарычал генерал, истощив все свое терпение. — Уходите немедленно, иначе я велю вас выбросить за окно!

— Сильно раскаетесь в этом, — отвечал маленький итальянец, со злобной улыбкой направляясь к двери. — *Buona notte*, синьор генерал! Утро вечера мудренее, может, вы успокоитесь и взглянете серьезно на мое предложение. Если у вас есть какое-нибудь поручение к сыну, которого вы, верно, не увидите, я исполню его, несмотря на оказанный мне прием. Ночь я проведу в соседней гостинице и уеду завтра в полдень. *Buona notte, buona notte!*

С этими словами иностранец вышел из столовой.

Генерал остался стоять на месте со сверкающими глазами и дрожащими губами. Только страх скандала не позволил ему достойно наказать наглого незнакомца.

— Вы не напишете Генри? — спросил Нигель с явным желанием получить отрицательный ответ.

— Ни слова! Пусть выпутывается как знает! Сам виноват! Что же касается истории с разбойниками...

— О, это слишком нелепо! — перебил Нигель. — Бандиты, в руки которых

он попал, просто римские мошенники. Они послали этого человека, чтобы привести в исполнение свой план.

— О, мой сын, о несчастное дитя! Быть в сообществе с подобными созданиями! Устраивать заговор против собственного отца, о Боже мой!

Ветеран упал на софу с раздирающими рыданиями.

— А если я ему напишу, отец? — спросил Нигель. — Только несколько слов, чтобы дать понять, как вас терзает его поведение. Хороший совет поможет ему.

— Как хочешь, но, я думаю, надежды нет. Ах, Люси, Люси! Как хорошо сделал Бог, что призвал тебя к себе! Это бы тебя убило.

В ту же ночь Нигель написал письмо виновному брату и отослал его итальянцу. Верный своему обещанию, итальянец оставался в гостинице до полудня, а потом отправился на станцию железной дороги.

XXVII. ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ РАЗБОЙНИКОВ

В течение нескольких дней Генри оставался в темнице, не видя иного человеческого лица, кроме разбойника, приносившего ему еду.

Этот субъект мрачного характера был нем как рыба. Два раза в день он приносил ему чашку «pasta», нечто вроде похлебки с макаронами, заправленной жиром и солью. Он ставил полную миску на пол, брал пустую, оставленную накануне, и уходил, не произнеся ни слова.

Неоднократные попытки молодого англичанина заговорить с ним принимались или с полным равнодушием, или с грубыми ругательствами.

Генри вынужден был замолчать.

Только ночью он пользовался некоторым покоем. Остальное время дня до него ясно доносился шум извне. Очевидно, против его темницы находилось излюбленное место бандитов, проводивших здесь все свое время.

Время это проводилось в игре и в ссорах. Часу не проходило, чтобы не поднимался какой-нибудь спор, переходящий зачастую в драку и общую свалку. Тогда раздавались громовой голос начальника, проклятия и палочные удары. Один раз раздался даже пистолетный выстрел, сопровождаемый стоном. Молодой англичанин справедливо предположил, что, верно, так был наказан кто-нибудь, ослушавшийся начальника, ибо после выстрела наступила торжественная тишина, предвестница смерти.

Но это ужасное впечатление длилось недолго. Бандиты снова шумно принялись за игру.

Поднявшись на носки, пленник с любопытством следил за игрой.

Столом служил просто пригорок, находившийся прямо против темницы. Разбойники толпились вокруг, стоя на коленях или сидя на корточках. Один из них держал старую шляпу с оторванными полями, в которую были опущены три монеты. Потом шляпу встряхивали несколько раз и опрокидывали на траву таким образом, что она прикрывала все монеты. Затем держали пари на «сгосе» или «саро», попросту говоря, «орел» или «решка», поднимали шляпу и смотрели, кто выиграл, кто проиграл.

Эта игра составляла главный источник развлечения банды, без чего жизнь казалась совсем невыносимой даже для таких злодеев. Игра, ссоры, pasta, конфетти, овечий сыр, вино, песни и танцы, лежание на солнце — вот радости жизни итальянского бандита.

В набегах в долину бандиты находили удовольствие другого рода: внезапные нападения, забирание в плен неосторожных путников, убегание от солдат, иногда схватки во время отступления к своим горам не давали скучать разбойникам.

Скука овладевала ими тогда, когда половина банды проигрывала всю полученную добычу и не на что было продолжать игру.

Тогда только разбойник начинал чувствовать утомление от своего бездействия и составлял планы нового набега, иными словами, захвата какого-нибудь богатого дворянина, выкуп которого наполнил бы снова их кошельки.

Между подчиненными и начальником почти не было никакой разницы. Добыча обыкновенно делилась поровну между всеми. В игре существовало тоже полное равенство.

Власть начальника была безгранична только в деле наказаний. Никто не протестовал ни против его кулака, ни палки, ибо их иначе сменила бы пистолетная пуля или удар кинжала.

Достоинство начальника банды состояло в его неустрашимости и кровожадности. Начальник менее смелый и менее свирепый был бы быстро смещен или низложен.

В шайке Корвино находилось около двадцати женщин. Костюм их мало чем отличался от мужского. Они носили такие же панталоны, жилет и куртку, и только масса украшений на шее и на пальцах, снятых, конечно, с каких-нибудь богатых дам, да округлость форм отличали их от мужчин.

Волосы они носили коротко остриженные. Многие были вооружены карабинами, а кинжалы и пистолеты были у всех. Они также принимали участие в опасных экспедициях своих мужей.

XXVIII. НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ

Много дней протекло без всякого изменения в положении пленника, который поневоле пришел к заключению, что арест его не простая шутка и что рабство его может продолжаться без конца. В нем даже поднялся гнев против друга Луиджи, рекомендательное письмо которого повергло его в такое ужасное положение. Письмо это было при нем, так как разбойники удовольствовались его кошельком.

От нечего делать он вытащил письмо и стал его перечитывать. Следующая фраза, на которую он раньше не обратил внимания, теперь его сильно заинтересовала. «Я полагаю, — писал Луиджи, — что сестра моя Лючетта уже стала взрослой девушкой. Охраняйте ее до моего приезда. Я надеюсь тогда вытащить вас всех оттуда и избавить от опасности, которая грозит всем нам».

Раньше Генри думал, что эта фраза относится просто к материальному положению семьи его друга, которое надеялся улучшить молодой артист с помощью своей талантливой кисти.

Но теперь, раздумывая в одиночестве и имея перед глазами образ молодой девушки, которую он заметил в первый день своего плена, Генри пришел к другому заключению. Не говорил ли Луиджи о другой опасности, которая могла грозить очаровательной дочери синдика?

Сгущающиеся сумерки заставили Генри спрятать письмо в карман. Он еще размышлял о прочитанном, как вдруг услышал громкие слова над своим окном. Все, что хоть немного нарушало монотонное существование Генри, привлекало его внимание. Генри вскочил и насторожился; ему показалось, что произнесли знакомое имя Лючетты.

Генри Гардинг уже раньше много слышал от Луиджи Торреани о его единственной сестре Лючетте. Теперь он весь превратился в слух. Конечно, Лючетт много было на свете, но только что прочтенное письмо направляло его ум к одной мысли.

— Эта Лючетта наша будущая добыча, — проговорил разбойник, произнесший имя Лючетты, — ты можешь быть уверен в этом.

— E perche? — спросил другой. — Старый синдик, несмотря на свою гордость и звание, не может уплатить выкупа и за щенка. На что нам подобная пленница?

— На что — это уж дело начальника, а не наше. Я знаю только, что девушка ему приглянулась. Я это заметил в последний раз. Он бы ее, конечно, давно похитил, если бы не боялся Попетты, а она ведь настоящий бес в юбке и настоящая госпожа. Раз только в дело не замешана женщина, она, не жалуясь, переносит руготню и даже побои Корвино. Ты помнишь сцену в долине Мальфи, происшедшую между начальником и его супругой?

— Да, но я не знаю подробностей.

— Все вышло из-за поцелуя. Корвино понравилась одна молодая девушка, дочь угольщика. Он надел ей на шею ожерелье и, кажется, поцеловал ее. Попетта узнала ожерелье и с такой силой сорвала его, что девушка упала на землю. Затем бросилась с кинжалом на мужа и пронзила бы его насквозь, если бы он не извинился и не повернул дело в шутку. Вот фурия! Глаза ее сверкали, как раскаленная лава Везувия.

— А та девушка ушла из лагеря?

— Конечно, и хорошо сделала, хотя Корвино все равно не смел бы поднять глаз на нее.

— А виделся он когда-нибудь с дочерью угольщика?

— Говорят, что виделся, но ведь после твоего отъезда мы скоро ушли из тех мест. Нас стали слишком теснить солдаты. У нас поговаривали между собой, что виной этому была Попетта. Но увлечение Корвино дочерью синдика гораздо серьезней. Он уж слишком часто останавливается в этой деревне, хотя это и очень рискованно. Но ему все равно. Он хочет добыть эту девушку, и какой бы ни было ценой он своего добьется.

— Черт возьми, у него вкус недурен! Она очаровательна и горда, что придает ей еще более прелести.

— О! Эта гордость скоро пропадет, когда Корвино захватит ее в свои лапы.

— Povera! Мне жаль ее!

— Ты с ума сошел, Томассо! Тебя подменили в тюрьме. Неужели при нашей собачьей жизни отказываться от такого лакомого кусочка, как Лючетта Торреани.

С грубым смехом разбойники удалились.

Генри был поражен как молнией; предчувствия его оправдались. Молодая девушка, о которой они говорили, была сестра Луиджи, очаровательное создание, которое он видел на балконе.

Странное и ужасное совпадение! Генри не вынес удара и упал почти без чувств на землю.

XXIX. ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Молодой англичанин некоторое время оставался как бы в бреду. Плен его теперь превратился в пытку. Он уже не думал о своей судьбе; он весь ушел в размышления об опасности, угрожавшей сестре его друга, производшей на него глубокое впечатление раньше, чем он узнал, кто она была. По своему собственному опыту он знал страшное могущество бандитов, тем более опасное, что этим людям, находящимся вне закона, нечего было терять. Одним преступлением больше или меньше для них было все равно, и для совершения преступления им нужен был только случай.

Корвино и его шайка могли во всякий момент похитить Лючетту Торреани и половину всех девушек Валь д'Орно без боязни какого-либо сопротивления со стороны крестьян. После подобного преступления их, конечно, будут преследовать жандармы или папские драгуны или, вернее, будут делать вид, что преследуют, — и этим все кончится.

Только одна женщина, думал Генри, может спасти Лючетту от грозящей ей опасности. Эта женщина, если к ней применимо это слово, была Попетта.

Сам он был убежден, что он не выйдет из темницы до тех пор, пока за него не пришлют выкуп из Англии.

В первый раз за все время он порадовался, что повинился Корвино. Он надеялся, что деньги придут вовремя и что он успеет с пользой употребить свою свободу.

А если выкуп не придет? Ведь это тоже было возможно. Теперь он с горем думал об отказе отца снабдить его небольшой суммой взамен наследства. Не откажется ли он также и теперь прислать выкуп?

Погруженный в эти тяжелые размышления, пленник не смыкал глаз, то ле-

жа на своей постели из листьев, то шагая по своей келье. Но все его надежды основывались на сомнительной присылке выкупа и на столь же сомнительной помощи Попетты.

XXX. ТОРРЕАНИ

В ту ночь, когда разбойники наводнили деревню Валь д'Орно, синдик подумал о своем бессилии в том случае, если бандитам вздумается произвести нападение на его семью.

Он заметил, что Корвино бросал пламенные взоры на его единственную дочь, Лючетту, славившуюся своей красотой не только в родной деревушке, но и во всей округе.

Корвино видел Лючетту Торреани только во второй раз, но синдик был убежден, что третья встреча принесет ему горе и одиночество.

Надо было избежать во что бы то ни стало третьей встречи с Корвино.

Но что делать?

В день посещения банды синдик заметил что-то необыкновенное в обращении своей дочери. Она казалась чем-то подавленной.

— Ты на себя не похожа, дитя мое, — сказал отец.

— Это правда, папа.

— Кто-нибудь тебя огорчил?

— Нет... я думаю об одном человеке.

— О ком же, дитя мое?

— Об этом молодом англичанине, уведенном в плен разбойниками. Что если бы на его месте был мой брат Луиджи?

— Правда!

— Как ты думаешь, что они с ним сделают; его жизнь в опасности?

— Нет... если его друзья пришлют требуемый выкуп.

— Но если у него нет друзей? Он был бедно одет, хотя имел вид настоящего аристократа. Ты не согласен со мной, отец?

— Я не обратил внимания, дочь моя. Я был так занят.

— А знаешь, отец, наша служанка Аннета говорит, что он художник... как наш Луиджи... Как странно!

— Что ж, это возможно, много англичан приезжает в Рим изучить нашу живопись и скульптуру. Бедняжка! Если он аристократ, это для него еще хуже. Бандиты потребуют еще больший выкуп, но, если он не может заплатить, может быть, его выпустят на свободу.

— Как я буду рада!

— Но отчего, мое дитя, ты так интересуешься этим молодым человеком? У Корвино было еще два пленника, однако ты их не пожалела.

— Я их не видела, папа. Но он... художник. Подумай, если бы мой брат Луиджи подвергся такому же испытанию в Англии?

— Он живет в стране, где царит порядок, где надежно охраняется и жизнь и состояние...

— Отчего бы нам не поехать в Англию к Луиджи? — спросила Лючетта. — В последнем письме он пишет, что дела его идут хорошо. Может быть, молодой англичанин остановится здесь, когда будет возвращаться в Рим. Ты его спроси об его отечестве.

— Да, дорогая дочка, я решил покинуть Валь д'Орно. Я продам все за бесце-

нок. Но... что это за шум?

Лючетта побежала к окну.

— Что там? — спросил отец.

— Солдаты, — отвечала она. — Они, вероятно, преследуют разбойников.

— Да, и никогда их не поймают. Отойди от окна, дитя мое. Я пойду их встретить. Им надо предоставить помещение, пищу, вино. И самое ужасное то, что они ни за что не заплатят. Неудивительно, что наши крестьяне предпочитают оказывать гостеприимство бандитам, которые за все хорошо расплачиваются.

Синдик взял свой официальный жезл и, надев шляпу, отправился встречать папских солдат.

— О! — вскричала молодая девушка, украдкой взглянув в окно. — Папа идет сюда с командиром отряда и еще другим офицером, более молодым. Они, верно, будут обедать у нас. Я едва успею переодеться.

Она выскользнула из комнаты, куда вскоре вошли синдик с двумя гостями.

XXXI. ГРАФ ГВАРДИОЛИ

Нового посещения бандитов бояться было нечего.

Сотня солдат была расквартирована по крестьянским домам, а офицеры расположились в гостинице.

Капитан, не желая оставаться под убогим кровом гостиницы, решил поселиться у первого лица местечка, то есть у синдика. В другое время, если бы разбойников поблизости не было, капитану не удалось бы воспользоваться этим гостеприимством.

Франческо Торреани, подозреваемый в причастности к либеральной партии, поневоле должен был удвоить любезность по отношению к папскому офицеру.

Последний попросил разрешения поселиться у синдика в необычайно вежливой, но чрезвычайно твердой форме, не допускающей отказа.

Синдик должен был согласиться, и капитан приказал своему денщику нести за ним его вещи.

«Это, вероятно, шпион Антонелли», — подумал Торреани.

Но он ошибался. Желание капитана поселиться у синдика явилось совсем по другой причине.

Он просто увидел дочь Торреани, а граф Гвардиоли был не такой человек, чтобы пропустить мимо хорошенькую девушку.

Граф Гвардиоли был из тех людей, которые считают себя неотразимыми сердцеедами. Умные живые глаза, двойной ряд белых зубов и черные закрученные усы должны были, по его мнению, производить неотразимое впечатление на каждую женщину.

И, действительно, в испорченной столице Италии тройной ореол графа, капитана и неотразимого ухаживателя привлекал к нему сердца молодых женщин.

При первом взгляде на Лючетту Торреани граф пришел в полный восторг. Ему показалось, что он нашел сокровище, скрытое от всех глаз. Какое торжество показать его свету!

Это не казалось ему трудным. Деревенская девушка — простой полевой цветок! Могла ли она устоять перед таким блестящим кавалером!

Так рассуждал граф Гвардиоли и повел правильную осаду на сердце Лючет-

ты Торреани.

Но прошла неделя, а он не произвел еще никакого впечатления на воображение простой поселянки и, наоборот, сделался сам ее рабом. Любовь его была настолько сильна, что он не мог скрыть ее ни от солдат, ни от офицеров.

Солдаты, по обыкновению, не несли никакой службы. От времени до времени они только отправлялись в долины искать разбойников, но никогда их не находили.

Ночью они напивались в кабаках, обижали женщин и скоро сделались всем так ненавистны, что жители Валь д'Орно с удовольствием бы их променяли на Корвино с его головорезами.

Через десять дней после оккупации солдатами деревни жители с нескрываемым удовольствием узнали, что маленький гарнизон отзывается в Рим для защиты папского престола от республиканцев.

Слух о перемене правительства проник в самые отдаленные уголки, и граждане Валь д'Орно с синдиком во главе восторженно кричали: «Ewiva la republica».

XXXII. ПЕРЕМЕНА

Целая неделя прошла с того дня, как разбойники вернулись в горы.

Награбленная добыча скопилась благодаря игре в немногих руках.

В числе выигравших был и начальник шайки. Известно, что в конце концов выигрывает тот, у кого больше денег. Попетта была вся обвешана драгоценностями.

Начали поговаривать о новой экспедиции, которая должна была доставить новый приток золота для игры в «орел» и «решку».

Эта экспедиция не предполагалась долгой. Решено было спуститься в ближайшую долину и захватить какого-нибудь мелкого помещика или просто ограбить деревню.

Надо же было как-нибудь убить время до возвращения гонца, нетерпеливо ожидаемого из Англии! Разбойник-англичанин достаточно ярко расписал богатство отца их пленника, и товарищи его строили самые блестящие надежды на выкуп, потребованный от генерала Гардинга. На тридцать тысяч лир они могли спокойно играть целый месяц и спать следующим, не заботясь о погоне.

Маленькая экспедиция была быстро организована. В ней приняла участие только треть банды. Женщины с Попеттой во главе оставались в лагере.

Пленник узнал об отъезде бандитов только по сравнительному спокойствию, воцарившемуся в лагере. Ссоры еще случались и теперь, но, очевидно, между женщинами.

Со времени отъезда бандитов луч надежды мелькнул в его келье. Во-первых, мрачного и молчаливого тюремщика сменил если и не более любезный, зато более болтливый. Это был тот разбойник Томассо, который пожалел Лючетту. Генри казалось, что его можно как-нибудь умилоствить. Ему казалось, что он еще был доступен человеческим чувствам.

Вторая перемена тоже была утешительная. Первый же завтрак, который ему принес Томассо после отъезда банды, ничем не походил на предыдущие. Вместо макарон, часто плохо приготовленных, перед ним поставили жареного барашка, сосиски, сладкое и бутылку розолио.

«Кто мог мне прислать эти вкусные вещи», — подумал с удивлением моло-

дой человек.

После обеда, такого же вкусного, как и завтрак, он обратился за объяснением к своему новому служителю.

— По приказанию синьоры, — ответил Томассо таким вежливым тоном, что, если бы не темница и не отсутствие мебели, пленник подумал бы, что он находится в одном из римских ресторанов.

Вскоре после захода солнца в темницу вошла женщина. Генри вздрогнул от неожиданности.

Кто она?

Сомнение его быстро разрешилось. По высокой фигуре, по покрою платья Генри узнал жену начальника банды. Он заметил, что она одна из всех женщин, здесь находящихся, сохранила одежду ее пола.

Женщина осторожно и бесшумно закрыла за собой дверь.

XXXIII. КАРА ПОПЕТТА

Пленник вскочил на ноги и остановился посреди темницы.

— Не бойтесь ничего, синьор «Inglese», — произнесла странная посетительница почти шепотом.

Говоря это, она подошла к нему так близко, что Генри почувствовал ее дыхание на своей щеке, и тихо положила ему руку на плечо.

— В чем дело? — спросил он, вздрогнув, но не от страха.

— Не бойтесь, — повторил ласковый голос, — я не желаю вам зла... Я Попетта. Вы помните меня?

— Да, синьора, вы супруга Корвино.

— Ах, если бы вы сказали рабыня, это было бы вернее, но все равно, синьор, это вам не интересно.

Глубокий вздох сопровождал эти слова.

Пленник молчал. Рука женщины упала с его плеча.

— Вы, вероятно, видя меня здесь, — заговорила снова Попетта, — вы, вероятно, думали, что вместо сердца у меня камень?

— Нет, — отвечал пленник, не скрывая своего удивления. — Вы, наверное, более несчастны, чем преступны.

— Да, да, — быстро заговорила она, как бы не желая распространяться на эту тему. — Синьор, я пришла сюда поговорить о вашей будущности.

— О моей будущности?

— Да, синьор, она ужасна.

— Но почему же? — спросил молодой англичанин. — Вероятно, я буду скоро выпущен на свободу. Что значат еще несколько дней плена?

— Мой дорогой синьор, вы ошибаетесь. Я уже не говорю о вашем тяжелом плене. Но что с вами будет, когда Корвино вернется? Вы не знаете, как он жесток.

«Станный разговор для жены, говорящей об отсутствующем муже», — подумал Генри.

— Да, я боюсь, — продолжала она, — если написанное вами письмо не принесет выкупа. Я видела, что вам было неприятно подписывать его. У вас на это были свои причины?

— Конечно.

— Разногласие с вашей семьей? Вы не ладите с вашим отцом, не правда ли?

— Да, нечто в этом роде, — отвечал молодой человек, не видя причины скрывать правды вдали от своей родины.

— Я так и думала, — промолвила Попетта. — А это разногласие, — продолжала она с тревогой, — может помешать вашему отцу выслать деньги?

— Возможно.

— Возможно, ах, синьор! Вы слишком легко смотрите на это дело. У вас такая мужественная душа, что нельзя не восторгаться вами. Это-то меня и привело сюда.

Слова эти сопровождались опять глубоким вздохом.

— Вы не знаете, — продолжала Попетта, — какая судьба ожидает вас, если выкуп не будет прислан.

— Какая же, синьора?

— Ужасная, ужасная!

— Что же, это уже predetermined заранее?

— Да... Корвино всегда так поступает.

— Объяснитесь, синьора.

— Во-первых, вам отрежут уши, которые будут посланы в письме вашему отцу с новым требованием выкупа.

— А потом?.. — спросил пленник с нетерпением.

— Если деньги не будут присланы, вы будете изуродованы снова.

— Каким образом?

— Не могу вам сказать, синьор; у них много способов. Для вас было бы лучше, если бы ответ не оставлял никакой надежды на выкуп. По крайней мере, вы избегнули бы пыток и были бы немедленно расстреляны.

— Вы шутите, синьора?

— О нет... я видела сама... Это обычай Корвино... Чудовище, с которым я связана, к моему несчастью, и всей банды... Для вас он не сделает исключения.

— Вы пришли ко мне как друг, не правда ли? — спросил пленник, чтобы испытать искренность собеседницы.

— Не сомневайтесь.

— Вы можете мне дать совет?

— Конечно... Напишите снова вашим друзьям. Просите их повидать снова вашего отца и объяснить ему необходимость высылки выкупа. Это единственный выход избежать грозящей вам опасности.

— Есть еще другой, — проговорил многозначительно пленник.

— Другой... какой же?

— Он от вас зависит, синьора.

— Но что же я могу сделать?

— Доставить мне возможность бежать.

— Это возможно... но очень трудно... Мне пришлось бы пожертвовать своей жизнью. Вы хотите этого, синьор?

— Нет, нет... такой жертвы...

— Ах, вы не знаете, как за мной следят; чтобы прийти к вам, мне надо было подкупить Томассо. Ревность Корвино... Ах, синьор, я когда-то была хороша, вы не верите?

Она снова положила руку на плечо англичанина, и он снова оттолкнул ее, но на этот раз более деликатно. Он боялся оскорбить самолюбие Попетты и разбудить зверя, дремавшего в душе этой странной итальянки.

— Если бы он узнал о нашем свидании, — продолжала Попетта, — я была бы присуждена к смерти... Наши законы строги... Верите вы теперь, синьор, что я серьезно хочу прийти к вам на помощь?

— Но как же я могу написать, каким образом мое письмо дойдет по назначению?

— Я позабочусь об этом. Вот бумага, чернила и перо. Я все принесла, но не смею дать вам света. Корвино очень жесток со своими пленниками. Подождите восхода солнца. Томассо возьмет ваше письмо, когда принесет завтрак. Об остальном я позабочусь.

— Благодарю, благодарю!.. — вскричал тронутый Генри. В его голове блеснула новая мысль. — Благодарю, я повинуюсь вам.

— Buona notte, — произнесла разбойница, многозначительно пожимая ему руку. — Buona notte, galantuomo, спите спокойно; если вам понадобится жизнь Кары Попетты, она вам принадлежит.

Последняя фраза молодому человеку очень не понравилась, и он был доволен, когда Попетта удалилась, притворив за собой дверь.

XXXIV. ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Оставшись один, пленник бросился на свою постель из листьев и принялся думать о происшедшем между ним и Попеттой разговоре.

Что руководило ею? Не ловушка ли это?

Но он недолго останавливался на этой мысли; кому нужна эта ловушка? Разве он и не так в полной власти бандитов? Чего им желать еще более?

«А, — подумал он, — теперь я понимаю! Это штуки Корвино. Он принудил свою жену сыграть эту роль, чтобы вернее получить за меня выкуп. Он думает, что таким образом заставит меня написать отцу более красноречивое письмо.

Но к чему было бандиту подыматься на такие штуки? Не он ли продиктовал первое письмо? Если бы нужно было написать другое, разве он не сумел бы заставить?

Но в таком случае, если Попетта была искренна, что руководило ею?»

Генри Гардинг был слишком молод, чтобы знать женское сердце. У него мелькнула было мысль об истинной причине поведения Попетты, но он с отращением отбросил ее.

Во всяком случае, он решил последовать совету странной женщины и написать убедительное письмо отцу о своем положении, которое теперь казалось ему очень серьезным. А также написать в Лондон Луиджи Торреани, чтобы предупредить об опасности, грозившей его сестре.

Генри, не смыкая глаз, нетерпеливо ждал восхода солнца.

Как только первые лучи начинающего дня прокрались в его темницу, он взял бумагу, оставленную Попеттой, лег на живот и написал два следующих письма:

«Дорогой отец, вы, вероятно, получали мое письмо, написанное неделю тому назад, которое должно быть передано вам особым гонцом. Не сомневаюсь, что его содержание удивило и, может быть, огорчило вас. Признаюсь, мне не хотелось его вам писать, но оно было продиктовано разбойником с направленным в меня пистолетом. Теперь обстоятельства изменились. Я пишу вам,

лежа на полу темницы, и мои тюремщики не подозревают об этом. Теперь я убедился, что, если требуемый выкуп не будет выслан, начальник банды приведет в исполнение свою угрозу. Сперва мне отрежут уши и пошлют в письме к вам. Все сведения о нашей семье и адрес ваш им даны одним бандитом, Догги Диком, прогнанным когда-то вами егерем. Он относится ко мне хуже всех здесь и изо всех сил старается отомстить мне за то, что я его когда-то побил за наших фазанов.

Теперь, дорогой отец, вы знаете мое положение и, если хотите спасти вашего недостойного сына, поспешите выслать требуемую сумму.

Может быть, вы подумаете, что тридцать тысяч слишком большая сумма за такую жизнь, как моя. Я так же думаю, но, к несчастью, меня об этом никто не спрашивает. Если сумма вам покажется очень велика, то можете ли мне выслать десять тысяч, которые вы обещали мне после смерти, и я постараюсь выговорить для себя лучшие условия у мошенников, держащих меня в своих руках. Остаюсь в надежде получить ваш ответ, дорогой отец.

Ваш сын Генри Гардинг».

«Дорогой Луиджи,

спешу тебе сказать два слова. Я в плену у шайки Корвино, о котором, мне кажется, ты говорил. Их логовище находится в неаполитанских горах, в сорока милях от Рима и в двадцати милях от твоей родины. Я видел твою сестру, когда проходили с бандитами через деревню. Я тогда еще ее не знал, но после того услышал такую вещь, что боюсь даже тебе сообщить. Лю-четте грозит серьезная опасность. Начальник банды имеет на нее виды. Я нечаянно подслушал разговор двух разбойников. Больше объяснить мне нечего. Ты знаешь лучше меня, что тебе делать. Нельзя терять ни минуты...

Твой Генри Гардинг».

Оба эти письма были написаны и запечатаны задолго до прихода Томассо с завтраком.

Не говоря ни слова, разбойник опустил их в карман своей куртки и удалился. В эту же ночь они были в почтовом ящике парохода, совершающего рейсы между Чивитта-Вегия и Марселем.

XXXV. КОРОТКАЯ РАСПРАВА

Разбойники вернулись на два дня раньше, чем их ожидали. Пленник узнал об их приезде по крикам, поднявшимся извне. В окно своей кельи он увидел бандитов, обозленных и ругавшихся более чем когда-либо.

Их экспедиция окончилась неудачно. Они наткнулись на солдат. Кроме того, они узнали, что в горы шли сильные отряды из Рима и Неаполя.

Говорили об измене.

Прямо против окна стоял Корвино и в присутствии всей шайки поносил Попетту самыми оскорбительными выражениями.

Рядом с начальником стояла разбойница, вероятно соперница Попетты, и что-то нашептывала ему на ухо.

Попетта была смущена. Все говорили разом и так бурно, что Генри, еще недостаточно хорошо владевший итальянским языком, не мог схватить истинного смысла.

Скоро крики стихли. Корвино отделился от толпы и в сопровождении двух или трех подчиненных направился к темнице.

Минуту спустя кто-то сильно толкнул дверь, и начальник бандитов вскочил в келью.

— Синьор! — крикнул он, скрежеща зубами. — Я узнал, что вас великолепно кормили в мое отсутствие. У вас даже была собеседница, которая развлекала ваше одиночество. Очаровательная собеседница, не правда ли? Я думаю, что вы были довольны... Ха!., ха!., ха!..

Этот дьявольский смех, эти насмешки отозвались погребальным звоном в душе пленника. Значение их было ужасно для него или для Попетты... может быть, для них обоих.

— Что вы хотите сказать, капитан Корвино? — спросил машинально Генри.

— Ах, посмотрите, пожалуйста, на святую невинность, на безупречного агнца, на безбородого Адониса. Ха!., ха!., ха!..

Капитан снова залился насильственным хохотом.

В эту минуту глаза его упали на белый предмет в углу темницы.

— Черт возьми! — начал он, внезапно меняя тон. — Это что такое?.. Бумага! Чернила и перо! Так вы, синьор, занимались корреспонденцией! Выведите его, — заревел он, — и захватите все!

Испустив ужасное ругательство, он бросился на улицу, а два других разбойника потащили пленника. Третий взял бумагу и чернила, принесенные Попеттой.

Банда была вся в сборе.

— Товарищи, — крикнул начальник, — нам изменили! В темнице пленника мы нашли бумагу и чернила. Он писал письма, разумеется, чтобы нас предать. Обыщите его!

Пленника немедленно обыскали.

При нем нашли только одно письмо, видимо, давно написанное. Это было рекомендательное письмо к отцу Луиджи Торреани.

— Дьявол! — воскликнул Корвино, вырывая письмо и читая адрес. — Вот неожиданная корреспонденция?!

Он прочел письмо и улыбнулся, как хищник, уверенный, что добыча не уйдет из его рук.

— Итак, синьор, — сказал он, взглядывая на молодого человека, — вы уверяли, что у вас нет ни одного друга в Италии. Ложь! У вас есть друзья... богатые и сильные... первый магистрат деревни и, — прибавил он иронически на ухо пленнику, — очень красивая дочь. Какое несчастье, что вам не удалось передать рекомендательное письмо! Ничего! Вы можете с ней познакомиться... скоро, может быть, и даже здесь в горах. Это будет еще более романтично, синьор pittore.

Эти насмешливые слова отравленной стрелой вонзились в сердце Генри Гардинга. Со дня его плена его привязанность к сестре Луиджи Торреани росла не по дням, а по часам.

Подавленный горем, Генри хранил мрачное молчание. Да и что он мог сказать?

— Товарищи, — начал снова его палач, — доказательство измены у вас перед глазами. Не удивляйтесь теперь, что солдаты преследуют вас. Нам остается только узнать изменника.

— Да, да, — заревели разбойники, — изменника! Кто он?.. Давайте его нам!

— Пленник, — продолжал начальник, — написал письмо, оно отослано, раз его нет при нем. Кому оно было адресовано? Кто его снес? Кто ему достал бумагу, чернила и перо? — вот что надо узнать.

— Кто его стерел? — спросил один голос.

— Томаесо, — отвечало несколько голосов.

— Томассо! Где Томассо? — заревели все.

— Здесь, — ответил разбойник, выступая вперед.

— Отвечай, это ты сделал?

— Что сделал?

— Доставил пленнику письменные принадлежности.

— Нет, — с твердостью отвечал Томассо.

— Не теряйте времени на расспросы этого человека! — воскликнула Попетта. — Если есть виновный, то это я.

— Это правда, — сказала ее соперница некоторым разбойникам, — она сама ему все принесла.

— Молчать! — крикнул громовым голосом начальник, заставив смолкнуть поднявшийся ропот.

— Зачем ты доставила пленнику письменные принадлежности, Кара Попетта?

— Для общей пользы, — отвечала разбойница, запинаясь.

— Это каким образом? — крикнули разбойники.

— Черт возьми, — возразила обвиняемая, — вы не понимаете! Между тем это ясно.

— Говори, говори!

— Хорошо, замолчите, я буду говорить.

— Мы слушаем.

— Ну, так вот. Я так же, как и вы, хотела поскорее получить выкуп и думала, что письмо, которое он раньше написал, было недостаточно убедительно. Во время вашего отсутствия я уговорила его написать другое письмо.

— Значит, он написал своему отцу? — спросил один голос.

— Разумеется, — отвечала Попетта.

— Куда оно было отправлено?

— На почту, в Рим.

— Кто его носил в Рим?

Попетта отвернулась, точно не слыхала вопроса.

— Товарищи, — сказал начальник, — узнайте, кто отлучался во время нашего отсутствия.

Поиски были недолги. Обвинительница Попетты немедленно назвала разбойника, носившего письмо.

Это был новичок, недавно принятый в шайку, которого еще не брали в экспедиции. Подвергнутый перекрестным вопросам, он тотчас же во всем сознался.

К несчастью, он умел читать и знал настолько арифметику, чтобы отличить, что он снес два письма вместо одного. Он сознался, что одно письмо было писано к отцу пленника. До сих пор Попетта не солгала.

Погубило ее второе письмо, написанное Луиджи Торреани.

— Слышите, — крикнули зараз несколько разбойников, не обращая внимания на имя Торреани... — синдик Валь д'Орло... вот почему нас преследуют солдаты! Всякий знает, что Франческо Торреани никогда не был нашим другом!

— И к чему это такое ухаживание за пленником? — заговорила опять доносчица, желавшая занять место обвиняемой. — К чему его закармливать нашими лучшими кушаньями? Поверьте, товарищи, нам изменили!

Бедная Попетта, ее час пробил! Супруг ее нашел наконец желанный повод, чтобы отделаться от нее. Теперь он мог сделать это безнаказанно и даже как бы справедливо.

— Товарищи, — начал он, скрывая свою звериную радость под видом глубокой грусти. — Мне нет надобности говорить вам, как тяжело мне слышать подобные обвинения моей любимой жены. И еще тяжелее, что я принужден признать эти обвинения справедливыми! Но мы все связаны одним законом, которому мы обязаны безграничным повиновением. Мы все клялись, что всякий, кто нарушит его, будет немедленно предан смерти: будь это брат, сестра, жена или подруга... Вы меня избрали начальником, я хочу быть достойным вашего избрания!

С этими словами Корвино бросился на Попетту.

Раздался крик удивления и ужаса, немедленно сменившийся предсмертным стоном... Женщина тяжело упала на землю с кинжалом в груди, вонзенным по самую рукоятку.

Ни одной слезы сожаления, ни выражения ужаса, ни сострадания... Во всяком случае, если кто и жалел, то постарался это скрыть.

Убийца спокойно направился в свое жилище и заперся в нем скорее из приличия, чем от горя.

Несколько разбойников подняли тело и зарыли в долине, сняв предварительно все драгоценности.

Пленник, отведенный в свою темницу, мог на свободе размышлять о виденной им драме. Убийство бедной Попетты показалось ему предзнаменованием еще более ужасной судьбы, ожидавшей его.

XXXVI. ХИРУРГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Следующие три дня в логовище разбойников царила совершеннейшая тишина. Обычный шум и крики сменились мрачным спокойствием, постоянным спутником каких-нибудь ужасных событий.

Начальник оставался у себя за запертыми дверями, как бы показывая этим, что он оплакивает убитую.

На четвертый день случилось событие, заставившее шайку войти в обычную колею.

Незадолго до заката солнца часовой возвестил сигналом о прибытии гонца. Это был тот самый крестьянин, который ходил за деньгами Генри Гардинга.

На этот раз он принес известие начальнику шайки.

Генри узнал об этом только тогда, когда увидел входящего к нему Корвино с письмом в руке.

— Так вот как, — кричал раздраженный начальник, — синьор «Inglese» в споре со своим отцом! Тем хуже для вас. Непослушный сын заслуживает наказания. Если бы вы лучше себя вели, ваш почтенный отец действовал бы иначе и спас бы ваши уши. Теперь вы их лишитесь. Но утешьтесь! Они останутся в семье. Мы срежем их как можно осторожнее и пошлем в письме к вашему отцу. Товарищи, выведите его отсюда, такую операцию нельзя делать в темноте.

Молодого англичанина вывели или, вернее, вытащили из темницы. Он тотчас же был окружен всей шайкой, мужчинами и женщинами.

По знаку начальника Догги Дик пошел за ножом. Два разбойника поставили молодого человека на колени, третий сорвал с него шляпу, четвертый поднял его прекрасные каштановые кудри и обнажил уши.

Мужчины и женщины с одинаковым удовольствием готовились к кровавому зрелищу.

Гнев сверкал во всех глазах. Ренегат умышленно распустил преувеличенные слухи о богатстве пленника и разжег их алчность. Раз выкуп ускользал из их рук, пленник должен расплатиться собственными страданиями за обманутые ожидания.

Блеснул нож, но в ту же минуту Генри нечеловеческим усилием высвободил руку и закрыл ею ухо. Это инстинктивное движение, конечно, не могло спасти его, и Генри это знал.

И тем не менее его уши были спасены.

Корвино, стоявший возле пленника, вдруг вскрикнул от удивления и приказал остановить экзекуцию. Глаза его остановились на мизинце руки, которой он закрывал ухо.

— Э, черт! — проговорил он, схватывая пленника за руку. — Вы спасли ваши уши, по крайней мере, на этот раз. Вот подарок более приличный для вашего отца. Он укажет ему, в чем состоит его долг, о чем он, кажется, позабыл... Ваш мизинец спасет ваши уши, ха, ха, ха!

Разбойники захохотали, сначала не понимая, в чем дело, но скоро все заметили старый рубец на мизинце, конечно, хорошо известный отцу. Поведение начальника стало всем ясно.

— Мы не будем жестоки без надобности, — начал Корвино с усмешкой, — нам даже жалко уродовать красивую голову, победившую Попетту и могущую победить Лючетту.

Последнее слово сказано было шепотом на ухо пленнику.

Лишение ушей не было бы так больно Генри Гардингу, как этот шепот. Он вздрогнул. Никогда он еще не был в таком отчаянии от своего бессилия.

Но язык его был свободен, и он должен был говорить, хотя бы это стоило ему жизни.

— Презренный! — вскричал он, смотря прямо в глаза начальнику. — Если бы мы могли помериться равным оружием, ваше лицемерное веселье скоро превратилось бы в мольбы о пощаде! Но вы не пойдете на это, потому что одного момента мне было бы достаточно, чтобы показать окружающим вас глупцам, что вы недостойны предводительствовать ими. Вы убили вашу жену, чтобы очистить место для другой, но не для вас, сударыня, — прибавил он с ироническим поклоном в сторону доносчицы на Попетту, — для другой, которую да спасет Бог от ваших рук! Вы можете меня убить, разрезать на куски, но поверьте, моя смерть будет отомщена. Англия узнает о вашем преступлении, вас найдут в ваших горах и перебьют, как собак или, вернее, как волков, потому что вы не стоите названия собак!

Последние слова его были покрыты яростным криком толпы.

— Что нам до вашей страны! — ревели они.

— Плюем мы на вашу Англию! — Будь она проклята! — крикнул Догги Дик.

— Будь проклята Франция, Италия и папа с ними! — ревели кругом. — Все к черту! Что могут они нам сделать? Мы не в их власти. Но вы в нашей, синьор, и мы вам это сейчас покажем.

Кинжалы засверкали перед глазами пленника.

Генри начал уже раскаиваться в своей неосторожности; он думал, что настал его последний час. Как вдруг, к его удивлению, начальник спас его от ярости бандитов.

— Остановитесь! — крикнул он громовым голосом. — Глупцы, чего вы обращаете внимание на лай этого английского бульдога, да еще вашего пленника? Неужели вы хотите убить курицу, которая снесет золотое яйцо? А ведь яичко-то стоит тридцать тысяч! Предоставьте мне это дело. Сперва с помощью Божьей достанем яичко из отцовского гнездышка, а затем...

— Да, да, — согласились разбойники, — сперва яйцо раздобудем!

— Довольно, — зарычал Корвино, — мы теряем напрасно время... и может быть, — прибавил он со свирепым видом, — мы истощаем терпение нашего друга. Итак, мы оставляем вам уши. Сейчас нам нужен только мизинец вашей левой руки. Если и после этого мы не добудем яйца, о котором мы только что говорили, мы пошлем всю руку; если и это не будет иметь успеха, нам придется отказаться от яичницы, на которую мы рассчитываем.

Общий смех покрыл эти слова.

— Правда, с вами-то еще не все будет кончено, — прибавил коварный бандит. — Чтобы доказать вашему отцу, что мы не помним зла и насколько мы, итальянцы, великодушнее его, мы пошлем ему целую голову, вместе с ушами, кожей и всем, что полагается.

Эта ужасная фраза сопровождалась всеобщими аплодисментами, и кинжалы были вложены в ножны.

— Теперь, — приказал начальник разбойнику, исполнявшему роль палача, — отними этот палец. Режь по второму суставу и старайся не испортить такую красивую руку. Оставь ему кусочек для перчатки... Видите, синьор, — за-

ключил бандит со злобной усмешкой, — я не хочу наносить лишнего вреда вашей драгоценной особе. После того, что произошло с Попеттой, я был бы в отчаянии помешать вашему успеху у очаровательной Лючетты.

По обыкновению, последние слова были произнесены почти шепотом.

Молодой англичанин ничего не отвечал, равно как не оказал ни малейшего сопротивления, когда палач схватил его руку и одним ударом отсек ему палец.

XXXVII. ФИРМА ЛАУСОН

Хотя генерал Гардинг жил на расстоянии одного часа пути по железной дороге от Лондона, он редко посещал столицу более одного раза в год. Приезжая туда, он посещал своих старых товарищей по индийской армии и Восточный клуб.

Но не все время проводил он в беседах со своими товарищами по оружию. Часть своего досуга он посвящал делам по имению и навещал своего поверенного.

На этот раз генерал Гардинг отправился в свое обычное путешествие в Лондон вскоре после визита итальянского нотариуса, присланного бандитами.

Эта поездка не имела никакого отношения к странному сообщению, принесенному бандитом. Он вспомнил об этом только как о горестном поведении своего сына и не верил ни одному слову из истории, рассказанной итальянцем.

Он не имел ни малейшего представления о том, как прожил эти 12 месяцев его младший сын.

Один раз он даже написал своему поверенному, но только для того, чтобы узнать, видел ли он Генри.

Поверенный ответил, что год тому назад он видел молодого Гардинга, но не обмолвился ни одним словом о тысяче фунтов. Педант и практический человек отвечал обыкновенно только то, о чем его спрашивали.

В прощальном письме Генри говорил о своем намерении покинуть родину, и генерал даже обрадовался, надеясь, что таким образом сын его избегнет дурных знакомств в Лондоне. Он был бы даже доволен, что сын его в Риме, если бы узнал об этом не от итальянца и не из ужасного письма, которое навело его на мысль, что его сын находится в дурном обществе.

Посетив по очереди свои излюбленные клубы, генерал отправился к своему поверенному, Лаусону.

— Вы ничего не узнали нового относительно моего сына Генри? — спросил генерал после того, как деловые разговоры были окончены.

— Нет, — отвечал Лаусон.

— Я получил от него странное послание... Вот... прочтите и приложите к прочим бумагам. Оно принесло мне много горя, и я не хочу его хранить у себя.

Лаусон надел очки и прочел письмо, продиктованное разбойником.

— Все это очень странно, генерал, — сказал он. — Каким образом это письмо попало к вам? На нем нет марок.

— Это очень любопытная история... Оно было вручено мне в моем собственном доме каким-то странным типом. Не то евреем, не то итальянцем, адвокатом.

— Какой же ответ вы дали?..

— Никакого... Я не поверил ни одному слову из написанного... Я предположил, и мой сын Нигель тоже, что это просто уловка выманить деньги... Нигель ему написал, впрочем.

— А, ваш сын Нигель написал... А что именно, позвольте вас спросить.

— Я не знаю, что написал он. Я полагаю, что он написал, что сказкам этим я не поверил, и, вероятно, упрекал его за то, что он так бессовестно обманывает своего отца. Но я думаю, что на Генри это не произвело особенного впечатления, так как, по-видимому, бедный мальчик попал в скверные руки и вряд ли оттуда выберется когда-нибудь.

— Итак, вы не верите, что он попал в руки бандитов?

— Бандитов, подите вы! Конечно, мистер Лаусон, вы слишком опытный человек, чтобы поверить этому.

— Вот именно, генерал, опытность-то моя и заставляет меня верить. Несколько лет тому назад я путешествовал по Италии и много наслышался о римских и неаполитанских разбойниках. Я сам счастливо избег возможности попасть им в руки, иначе пришлось заплатить бы им такой же выкуп, какой требуют за вашего сына.

— За моего сына?.. Скажите лучше — сам мой сын.

— Не думаю, генерал; к сожалению, должен вам заметить, что я совсем другого мнения на этот счет.

— Но я-то знаю это хорошо... Я вам не рассказывал, что он уехал после ссоры со мной. Я не хотел, чтобы он женился на одной девушке, и употребил хитрость, чтобы помешать этому браку. Это мне удалось. После этого я вам написал, чтобы вы ему выдали тысячу фунтов. Эти деньги он, верно, промотал в обществе таких же шалопаев, как сам, и по их же совету попробовал выманить у меня еще. Но фокус не удался.

— Вы мне писали выдать ему тысячу фунтов! — вскричал старый адвокат, вскакивая с места и срывая с себя очки. — Что вы такое говорите, генерал?

— Я говорю о тысяче фунтов, которые я вам поручил взять из банка и передать моему сыну Генри.

— Когда же вы мне это писали?

— Когда?.. Год тому назад... да... именно год... Вы мне сами писали, что он был в вашей конторе.

— Был, два раза был, верно... но не спрашивал никаких денег. Он только осведомился, нет ли какого-нибудь известия от вас. Впрочем, я его не видел, мой помощник говорил с ним. Прикажете позвать?

— Да, — проговорил пораженный генерал. — Это очень странно...

Раздался звонок, и тотчас же вошел старший клерк.

— Дженнингс, — обратился к нему адвокат, — вы не помните, приходил сюда год назад младший сын генерала?

— Да, — отвечал клерк, — хорошо помню. Он приходил два раза. Это у меня записано.

— Принесите книгу, — приказал адвокат.

XXVIII. КНИГА ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Генерал при таком неожиданном известии вскочил на ноги и забегал в страшном волнении.

— Если бы я знал, — бормотал он сквозь зубы, — все бы могло устроиться. И вы утверждаете, что он никогда не получал денег?

— От меня, по крайней мере.

— Я очень рад.

— И вы правы. Это все равно, что выиграть... Если вы, конечно, полагаете, что эти деньги были бы промотаны.

— Я не о том говорю. Вы меня не поняли...

В эту минуту вошел клерк с книгой.

— Вот, — сказал Лаусон, перелистав несколько страниц. — Вот запись 4-го апреля, а вот 6-го. Прочесть вам их, генерал?

— Пожалуйста.

Адвокат, надев очки, прочел громким голосом:

«4-го апреля. В половине двенадцатого утра младший сын генерала Гардинга Генри Гардинг приходил справляться, нет ли писем на его имя. Ответ: никаких».

«6-го апреля. В половине двенадцатого утра приходил опять мистер Генри Гардинг, предложил опять тот же вопрос и получил тот же ответ. Молодой джентльмен ничего не сказал, но, видимо, был очень огорчен».

— Наша профессия, генерал, — прибавил, как бы извиняясь, адвокат, — обязывает нас подмечать мельчайшие подробности.

— Нет ли еще каких-нибудь записей, мистер Дженнингс?

— Нет, сэр, больше ничего нет.

— Можете идти.

— Итак, вы никогда не давали денег моему сыну Генри? — спросил генерал после ухода клерка.

— Никогда... Ни одного пенса. Да он никогда и не просил... Да если б он и спросил, я не мог бы ему дать без вашего разрешения. Тысяча фунтов — слишком крупная сумма, генерал, чтобы выдать ее несовершеннолетнему молодому человеку по одной его просьбе.

— Вы меня все более и более удивляете, Лаусон. Неужели вы не получили от меня письма, уполномочивавшего вас выдать ему такую сумму?

— Впервые слышу об этом.

— Очень странно... Значит, возможно, что он в руках разбойников?..

— К несчастью, надо думать, что это так.

— Я был бы в восторге!

— О, генерал!

— Вы не понимаете меня, Лаусон. Ведь это доказывает, что мой сын не так испорчен, как я думал. Я ведь воображал, что он промотал эти деньги. А теперь я верю каждой строчке его письма.

— Но, генерал, ведь вы же не хотите, чтобы ваш сын очутился в плену у бандитов?

— Наоборот, хочу... я охотно заплатил бы пятьдесят тысяч, чтобы его освободить. Но что делать?

— Куда девался тот адвокат?

— Вероятно, вернулся к своим. Я его чуть-чуть не выдал полиции. Только скандала побоялся. Послушайте, Лаусон, научите, что делать... Я думаю, что серьезной опасности нет?

— Ну, я в этом не уверен, — отвечал задумчиво адвокат. — Итальянские бандиты бесчеловечны... Итальянец не сказал вам, каким образом можно с ними сноситься?

— Нет... Он сказал только, что я услышу еще о моем сыне... Великий Боже, не приведут же они в исполнение угрозу, о которой говорится в письме!

— Будем надеяться, что нет.

— Но что же для этого надо сделать? Обратиться в министерство иностранных дел? Просить вмешательства папского правительства?

— Конечно, генерал, это было бы лучше всего... Если только не поздно! Когда вы получили письмо?

— Неделю тому назад... а написано оно уже более двух недель тому назад.

— В таком случае вмешательство какого бы то ни было правительства уже не сможет помешать последствиям вашего ответа или, вернее, вашего сына Нигеля. Мне кажется, что теперь остается ждать нового известия от бандитов, чтобы послать им выкуп. Не мешает, конечно, прибегнуть и к помощи правительства.

— Да, да, я сейчас же иду в министерство. Едемте со мной, Лаусон!

— К вашим услугам, генерал... Надеюсь, что нам не придется иметь дела с разбойниками.

— А я именно надеюсь на обратное, — ответил генерал, ударив палкой о пол. — Для меня гораздо приятнее знать, что мой сын у разбойников, чем то, что он задумал такой план... Бог мне простит, но только я предпочел бы сотню раз найти его уши в письме, чем...

Адвокат молчал.

XXXIX. КАРТИНА

Чтобы пройти к министерству иностранных дел, генералу Гардингу и Лаусону пришлось идти мимо лавок, торгующих старой мебелью и картинами.

Наши спутники не обращали никакого внимания на выставленный товар, как вдруг одна картина привлекла внимание старого офицера. Он так круто остановился, что чуть не сшиб с ног своего спутника.

— Боже мой, — проговорил генерал сдавленным голосом, — видите вы эту картину? Это поразительно!

— Да что с вами, генерал? — проговорил адвокат, спрашивая себя, не потерял ли генерал рассудок. — Картина самая обыкновенная. Держу пари, что это еще новичок в искусстве, хотя и не без таланта. Что тут необыкновенного? Один мальчик держит нож и хочет ударить собаку, между тем как другой защищает ее. Не понимаю!..

— Нет! — вскричал ветеран, стукнув палкой. — Нет. Здесь не может быть сомнения! Это та самая сцена! Лица, портреты, костюмы я тоже узнаю. Тот, кто держит нож, — мой старший сын Нигель, другой — Генри. Человек, который находится на заднем плане, мой бывший егерь. Кто мог знать об этой сцене, кто автор этой картины?

— Может быть, эта женщина даст нам какие-нибудь сведения. Скажите, голубушка, откуда вы это достали?

— По случаю, сударь, купила за тридцать шиллингов вместе с рамой.

— Знаете вы, у кого вы купили?

— Очень хорошо. Это настоящий артист.

— А что это за человек?

— Молодой джентльмен. Оба молодые. Их двое. Один, кажется, итальянец, другой, помоложе, англичанин... Может быть, они оба рисовали. У меня было несколько картин от них...

— Знаете вы его имя? — спросил генерал с таким волнением, что продавщица взглянула на него и замялась.

— Мне картина эта очень нравится, и я покупаю ее, — поспешно прибавил генерал. — Мне бы хотелось заказать ему еще другую картину, потому и спрашиваю его имя и адрес.

— Ах так!.. Так вот, имя иностранца я не помню, другой же, имя которого я никогда не слыхала, кажется, уехал; я его уже давно не видала.

— Знаете вы, по крайней мере, их адрес?

— О, да, я была у них, это очень близко. Я сейчас вам найду адрес.

— Пожалуйста, поскорее, — сказал генерал. — Вот тридцать шиллингов за картину. Пришлите ее к мистеру Лаусону, Линкольне Инн Фильдс.

Продавщица написала адрес художника на клочке бумаги и подала его генералу, который быстро спрятал его в карман и потянул Лаусона к двери.

Но, выйдя из лавки, он пошел обратно по прежнему направлению.

— Генерал, куда мы идем? — спросил адвокат.

— К художнику, он может объяснить мне это странное дело, которое кажется мне сном.

Они скоро отыскали мрачный дом на одной из маленьких улиц, примыкающих к Хай-Хол-Борну.

Хозяйка квартиры объяснила, что, к несчастью, артист поспешно уехал три

дня тому назад и распродал все свои картины. Ни его имени, ни того, куда он отправился, никто не знал.

Генерал спросил: не знала ли она другого художника, который жил с тем вместе? Хозяйка ответила, что вместе с иностранцем жил еще какой-то англичанин, имени которого она тоже не знает и который уехал три месяца тому назад. Никаких других сведений генерал добиться не мог.

— Бедный мой мальчик! — сказал старый офицер, выходя на улицу. — Он жил в такой конуре... а я воображал, что он мотает мои деньги... Ах, Лаусон, я, кажется, был очень несправедлив к моему Генри.

— Еще не поздно исправить ошибку, генерал.

— Надеюсь... и от всего моего сердца... Пойдемте скорее в министерство.

Министр обещал сделать все возможное со своей стороны, чтобы вырвать молодого человека из рук разбойников.

Генерал вернулся и себе в замок со стесненным сердцем. Он охотно заплатил бы любой выкуп, если бы знал, куда его послать. Он надеялся, что по приезде застанет письмо из Рима.

Надежды его оправдались. На письменном столе среди массы писем его ожидали два письма с итальянскими марками, но от разных чисел.

На одном из них он узнал почерк Генри и поспешил его вскрыть.

— Слава Богу, — вскричал он, оканчивая чтение, — он жив и здоров.

Другое письмо было все заклеено марками. Беря его в руки, генерал вздрогнул. Он почувствовал там что-то твердое. Дрожащей рукой он разорвал конверт и вынул оттуда маленький пакетик, из которого выпал маленький мертвенно-бледного цвета предмет, дюйма два длиной.

Это был человеческий палец, отсеченный на втором суставе и носивший на себе следы продолговатого давно зажившего шрама. Болезненный стон вырвался из груди генерала. Он узнал палец своего сына.

XL. СТРАШНАЯ УГРОЗА

Невозможно описать страданий и ужаса, выразившихся на лице генерала, когда он смотрел на палец своего сына.

Глаза его, казалось, хотели выскочить из орбит. Он как бы застыл на месте, и только конвульсивные движения, пробежавшие по его лицу, показывали, что он еще жив.

Несколько минут прошло, пока он наконец собрался с силами и прочел приложенное к этой посылке письмо.

Вот что оно гласило:

«Синьор, вы найдете здесь палец вашего сына, который вы узнаете по зажившему шраму. Если же вы будете продолжать сомневаться и откажетесь выслать выкуп, вам будет прислана вся рука. Если через десять дней мы не получим вашего ответа и тридцати тысяч лир, со следующей почтой вы получите руку. Если же и тогда вы не захотите раскрыть ваш кошелек, мы будем принуждены заключить, что у вас нет сердца и что вы предпочитаете деньги вашему сыну. Не обвиняйте поэтому в жестокости нас, кого несправедливые законы заставили объявить войну всему человечеству и которые, преследуемые, как дикие звери, принуждены прибегать к крайней мере, чтобы добыть себе пропитание.

Одним словом, если вы откажетесь выслать деньги, мы обещаем вам, что похороним вашего сына по-христиански. Только в доказательство вашей бесчеловечности вам будет прислана отрубленная голова, причем за пересылку уплатить придется вам.

Повторяем, не принимайте наших слов за пустую угрозу и будьте уверены, что в случае вашего отказа уплатить выкуп ваш сын будет предан смерти.

Н. Саро (за себя и за товарищей).

P. S. Если вы отправите деньги по почте, то адресуйте синьору Джакопи, улица Вольтурно, № 9, Рим. Если пошлете посыльного, адрес тот же.

Не советуем выдавать нас. Это ни к чему не приведет».

— Боже мой! Боже мой! — снова простонал генерал, окончив чтение.

Он больше не сомневался. На столе перед его глазами лежало доказательство истины... с запекшейся кровью.

Дрожащей рукой генерал тронул звонок.

— Передайте моему сыну Нигелю, чтобы он немедленно пришел, — проговорил генерал явившемуся лакею.

Наклонившись над столом, генерал не мог отвести пристального взгляда от ужасного предмета, но не мог ни взять его, ни даже дотронуться до него.

— Вы звали меня, отец, — произнес Нигель, входя.

— Да, взгляни, Нигель, узнаешь?

— Что я могу узнать... — я вижу кусок пальца... Но чей он и каким образом попал к вам?

— Чей, Нигель, — проговорил дрожащим голосом генерал, — ты должен бы знать.

Нигель побледнел, заметив рубец на отрезанном пальце, но ничего не сказал.

— Ты и теперь не знаешь, кому он принадлежит?

— Нет, каким образом могу я знать?

— Увы, лучше, чем кто-либо другой. Это палец твоего брата.

— Брата! — вскричал Нигель, притворяясь взволнованным и удивленным.

— Да... взгляни на этот рубец. Его ты помнишь, по крайней мере?

Нигель снова выразил на своем лице притворное изумление и волнение.

— Я не упрекаю тебя, — сказал генерал. — Все это уже давно прошло и не имеет ничего общего с настоящим несчастьем.

— Но как вы это узнали, отец?

— Прочти эти письма; я не могу говорить.

Нигель прочел оба письма, испуская по временам восклицания негодования и ужаса.

— Видишь, — сказал отец, когда он кончил, — все правда... все правда!.. Я предчувствовал это, читая первое письмо Генри. Бедное дитя!.. Но ты, Нигель, ты!..

— Кто же бы мог поверить подобной вещи? Она мне кажется и теперь невозможной.

— Невозможной! — повторил генерал с упреком. — Но взгляни на это... Вот она истина... Бедный Генри! Что он думает о своем отце!.. О таком бесчеловечном отце!.. Боже мой, Боже мой!..

Старик, терзаемый угрызением совести, вскочил и заметался по кабинету.

— Это письмо пришло из Рима, — заметил Нигель, рассматривая хладнокровно конверт, как самую обыкновенную вещь.

— Ну, понятно, из Рима, — отвечал возмущенный генерал. — Что, ты не видишь марок? Может быть, скажешь, что это опять уловка?

— Нет, нет, отец, — поспешно ответил Нигель, понимая свой промах. — Я думал только, какой послать ответ.

— Ответ может быть только один.

— Какой же, отец?

— Выслать деньги. Это единственное средство его спасти. Нельзя терять ни одной минуты. Из письма ясно, что презренные разбойники смеются над человеческими и божескими законами. Бедный этот палец служит доказательством того, что только высылка выкупа может помешать осуществлению угроз.

— Тридцать тысяч, — пробормотал Нигель, — крупная сумма.

— Крупная сумма?! Да хоть бы сто тысяч!.. Разве жизнь твоего брата не стоит их? Да одна рука его стоит больше! Бедный Генри! Дорогое дитя!

— Я не об этом говорю, отец. Что, если мы вышлем выкуп, а негодяи не вернут моего брата?.. С подобными людьми надо быть очень осторожным.

— Теперь не до осторожности! Время не терпит. В нашем распоряжении только десять дней... Боже мой, когда послано это письмо?

— 12-го, — отвечал Нигель, смотря на конверт.

— А сегодня 16-е... Осталось только шесть дней. С экспрессом можно еще успеть в Рим. Надо все приготовить... Надо сейчас же ехать в Лондон к Лаусону... Нельзя терять ни минуты... Надо ехать... Нигель, вели закладывать.

Нигель с притворной поспешностью бросился вон из кабинета.

Когда карета была подана к подъезду, генерал вскочил в нее, и лошади помчались к ближайшей станции.

В это же самое время по дороге к коттеджу вдовы Мейноринг показался элегантный пешеход. Это был Нигель, тайком от отца изредка посещавший

мать и дочь Мейноринг.

XLІ. АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

После ужасной операции, лишившей его пальца, Генри провел два дня в грустном заточении. Грубая пища, хворост вместо постели, боль раненой руки были ничто в сравнении с его нравственными страданиями. Отказ генерала заплатить за него выкуп страшно терзал его еще потому, что брат его в своем письме не поскупился выставить отказ этот в самых мрачных красках. Генри думал, что лишился отца навсегда.

Другая мысль, менее эгоистичная, но еще более страшная, тоже не выходила у него из головы — страх за участь сестры своего друга. Он не мог сомневаться в смысле слов, сказанных ему на ухо Корвино, он знал, что надо готовиться ко всему самому худшему.

Он почти не отходил от окна темницы в боязливом ожидании что-нибудь услышать, свидетельствующее о захвате Лючетты.

Он бы охотно пожертвовал другой палец или даже целую руку, чтобы иметь возможность предупредить ее о грозящей опасности.

Он горько бранил себя за то, что упустил удобный случай и не написал письма синдикку, в то время когда писал Луиджи. Теперь ему оставалась только слабая надежда, что Луиджи при едет вовремя. Если бы он мог бежать!.. Но он понимал, что все его попытки были бы бесполезны.

Он внимательно исследовал устройство своей темницы. Толстые стены были сложены из камня; пол темницы тоже был выложен плитняком. Окно представляло собой узкую щель, а дверь могла выдержать удары молота. Кроме того, по ночам один разбойник спал у его двери, а другой стоял на часах снаружи. Птичка, стоящая тридцать тысяч, была слишком лакомой добычей, чтобы ей дали возможность вылететь из клетки.

Потолок представлял единственную возможность к освобождению, если бы у него был нож и табурет. Над его темницей помещался, по всей вероятности, чердак; наверное, неплотно прилегающие балки потолка местами совсем сгнили и легко подались бы под ударом ножа.

На вторую ночь после потери пальца Генри, завязав тряпкой свою руку, лежал на своей жесткой постели и старался заснуть.

Уже легкое дремотное оцепенение охватило его, как вдруг что-то жесткое ударило его по лбу. Он приподнялся на локоть, с бьющимся сердцем ожидая, что будет дальше. Тот же час вслед за этим на пол упал какой-то легкий предмет.

Во мраке темницы, освещаемой только слабым светом звезд, пленник заметил на полу какой-то продолговатый белый предмет. Это был сложенный лист бумаги.

Генри схватил письмо и, не спуская глаз с окна, ждал, что будет дальше.

Прождав полчаса напрасно, он стал искать вокруг себя предмет, который разбудил его и который был также брошен в окно. Ища тщательно на полу, он наткнулся на нож в кожаном футляре. Такие ножи он видел на поясе у разбойников.

Что значила подобная присылка? Письмо, конечно, могло бы объяснить эту загадку. Генри с понятным нетерпением ожидал наступления дня. При первых лучах зари молодой человек бросился к окну и развернул письмо. Оно

было написано по-итальянски и гласило следующее:

«Вы можете бежать только через потолок, нож вам поможет пробить отверстие. Спускайтесь по задней стене дома, так как часовой находится у переднего фасада. Затем направляйтесь к ущелью, по которому вы пришли. Если боитесь заблудиться, руководитесь полярной звездой; при входе в ущелье стоит часовой, вы легко можете избежать его, не возбуждая подозрения. Но у подножия горы избежать внимания часового невозможно, ибо он знает, что каждый промах наказывается смертью, и вам придется пустить в дело нож. Но лучше спрячьтесь в какую-нибудь пещеру до утра. На заре часовой вернется в лагерь, и, пропустив его мимо себя, бегите без оглядки в ту деревню, где вы останавливались на пути сюда. Спасайте свою голову, спасайте Лючетту Торреани».

Удивление молодого человека было так велико, что он сначала не заметил приписки, гласившей: «Если не хотите погубить написавшего это письмо, проглотите его».

Пробежав во второй раз бумагу, Генри дословно исполнил совет постскриптума.

XLII. ПОБЕГ

Генри задумался: кто бы мог быть неизвестный, написавший это письмо? Сперва ему пришло на ум: не ловушка ли это со стороны Корвино, пожелавшего воспользоваться его побегом, чтобы убить его? Но разбойник мог его убить и без всякого предлога. И не желал ли он, наоборот, сохранить жизнь ему до получения окончательного ответа от генерала?

Среди разбойников самым симпатичным казался ему Томас-со, менее грубый, чем другие, и, казалось, знавший лучшие дни. Но что могло побудить Томасо действовать таким образом?..

Генри пришли на память последние слова письма: «...спасайте Лючетту Торреани!»

Не должен ли он искать объяснение поведения Томасо в этих словах? Во всяком случае, раздумывать долго было нечего, надо было действовать.

Исполнение плана, конечно, надо было отложить до ночи, после того как тюремщик принесет ему ужин. Поэтому молодой человек принялся за внимательный осмотр потолка своей темницы. Он наметил уже место, которое легче всего поддавалось бы ножу. Но как достать до потолка? Он вытянул руку во всю длину, оставалось еще около фута.

Он обвел свою темницу безнадежным взглядом — ни камня, ни табурета.

Автор письма не подумал о самом главном. Привести в исполнение задуманный план казалось невозможным.

Но «нужда — мать изобретательности», говорит старая поговорка. Обведя глазами еще раз свою келью, он остановился на хворосте, служившем ему постелью.

Он подумал, что, собрав его в кучу, он может использовать его как подставку. Чтобы не возбудить подозрения тюремщика, он отложил и эту работу до ночи.

Как только удалился разбойник, принесший ужин, молодой англичанин собрал все ветви в кучу, взобрался на нее с ножом в руках и стал работать.

Подгнившее дерево хорошо уступало остро отточенному ножу, но через

некоторое время Генри почувствовал, что подставка под ним рассыпается и он опять не может достать до потолка.

Он снова собрал все в кучу и снова принялся за работу, стараясь производить как можно меньше шума, зная, что находится под охраной двух часовых.

Куча рассыпалась и во второй раз.

Тогда пленник туго обвязал все ветви своим платьем. Таким образом получилась солидная опора, давшая ему возможность окончить пробоину.

До сих пор крики пировавших разбойников развлекали внимание часовых.

Но к полуночи все стихло. Пора было бежать. Надев платье и схватившись за балку, он поднялся на руках и не без труда пролез в пробитое отверстие.

Как он и ожидал, он очутился на чердаке, но без выхода. Ломая себе голову, что делать дальше, он вдруг заметил на полу слабый свет, выходящий из окна без стекол с дряхлой ставней.

Он осторожно просунул голову и увидел, что окно находится на задней стороне дома. Перед ним не виднелось ни жилья, ни человека.

На небольшом расстоянии от дома находилась группа деревьев. Если бы ему удалось добраться до этого прикрытия, не возбуждив подозрения часовых!.. Надо было выбраться из окна и спуститься на землю.

Ночь была темная, хотя и звездная. Генри не видел земли, но, судя по высоте его темницы, дом был невысок, если, конечно, не стоял на утесе. Он вздрогнул при этой мысли, но медлить было нельзя. Он выскользнул из окна и, ухватившись за перекладину, повис в воздухе. Но предательская доска, не выдержав его тяжести, подломилась, и он тяжело рухнул на землю.

Ошеломленный падением, Генри с минуту пролежал без движения в какой-то яме. Это его спасло. Оба сторожа прибежали на шум.

— Я слышал какой-то шум, — проговорил один из них.

— Ты ошибаешься, — сказал другой.

— Клянусь тебе!.. Такой шум, точно упала вязанка хвороста.

— Да это ветер ставней стучит.

— А, правда! И на кой черт эта дрянь здесь!

Успокоенный разбойник повернул обратно в сопровождении своего более доверчивого товарища.

Пленник тем временем выбрался из ямы и спокойно добрался до намеченного прикрытия.

XLIII. ГРАФ ГВАРДИОЛИ

Уже две недели прошло с тех пор, как папские солдаты были расквартированы в деревне Валь д'Орно.

Местные жители из боязни ночных встреч с нежелательными гостями заперлись по домам.

В то же время начальник этого якобы охранительного отряда сидел в гостиной синдика и рассыпался в любезностях перед его красавицей дочерью.

Разговор, как это обыкновенно бывает, коснулся самой животрепещущей темы, то есть бандитов.

Лючетта, как всегда, вспомнила о пленном англичанине, о котором уже несколько раз рассказывала капитану.

— Бедняжка, — проговорила вполголоса Лючетта, — я бы очень хотела знать, что с ним случилось. Как ты думаешь, папа, выпустили его на свободу?

— Сомневаюсь, дитя мое. Они выпустят его только после получения выкупа.

— А как ты думаешь, сколько они хотят?

— Вы, кажется, синьорина, — заметил граф, — сами готовы заплатить за него выкуп?

— О, очень охотно, если бы могла!

— Вы относитесь, кажется, с большим интересом к этому англичанину. Какой-то бедный художник!

— Какой-то бедный художник! Знайте, граф Гвардиоли, что мой брат тоже бедный художник и очень гордится своим званием так же, как и я, его сестра.

— Тысяча извинений, синьорина, я не знал, что ваш брат артист. Я подразумевал только этого англичанина, который, может быть, вовсе не художник, а шпион мошенника Мадзини. Может быть, для него большое счастье, что он попал в руки бандитов. Если бы он попался мне и я узнал бы, что он шпион, я бы не ждал выкупа, а немедленно бы надел ему галстук из веревки.

У Лючетты от негодования побледнели даже щеки и засверкали глаза. В это самое мгновение раздался тихий стук в дверь.

— Войдите! — крикнул капитан, вообще расположившийся у синдика, как у себя дома.

Открылась дверь, и вошел сержант.

— Что случилось? — спросил офицер.

— Пленника привели, — отвечал сержант, приложив руку к козырьку.

— Бандита?

— Нет, капитан, наоборот, этот человек говорит, что сам был у них в плену и бежал.

— Что он из себя представляет?

— Молодой человек, кажется, англичанин, хотя хорошо говорит по-итальянски.

Лючетта не могла удержаться от радостного возгласа. Бежавший пленник не мог быть никем иным, как только тем, о котором она всегда думала.

— Синьор Торреани, — обратился капитан к своему хозяину, видимо, довольный полученными известиями, — позвольте мне удалиться и допросить пленного.

— Не беспокойтесь, капитан, — отвечал синдик, — вы можете приказать

привести его сюда.

— Да, да, — прибавила Лючетта, — я уйду, если мое присутствие вас стеснит.

— Нисколько, синьорина. Этот молодой человек, если я не ошибаюсь, и есть тот бедный художник, который вас так интересуется.

По знаку Гвардиоли сержант вышел и скоро вернулся с пленником.

Это был Генри Гардинг.

Молодой англичанин был очень удивлен тем, что, вырвавшись из рук бандитов, снова попал в плен к солдатам.

Несмотря на лохмотья, молодая девушка тотчас же узнала прекрасное, мужественное лицо Генри, горевшее в этот момент негодованием. Нечего прибавлять, что Генри сейчас же узнал в красавице сестру своего друга.

XLIV. ДОПРОС

Капитан граф Гвардиоли поймал взгляд симпатии, которым обменялись Генри и дочь синдика.

Этот взгляд еще более подзадорил в нем желание выказать свою власть над молодым англичанином.

— Где вы поймали этого оборванца? — спросил он сержанта, бросая презрительный взгляд на Генри.

— Мы его схватили в тот момент, когда он тайком пробирался к деревне.

— Тайком! — вскричал молодой англичанин, пристально смотря на сержанта, опустившего глаза. — За мои лохмотья вам следует краснеть, г-н офицер. Если бы вы и ваши солдаты лучше исполняли свои обязанности, моя одежда не была бы в таком состоянии.

— Ого, синьор, у вас слишком острый язык! Советую вам отвечать только на вопросы.

— Я имею право говорить первый... По какому поводу я в плену?

— А вот это сейчас выяснится. Есть у вас паспорт?

— Странный вопрос для человека, только что вырвавшегося из когтей разбойников!

— Почему мы можем это знать?

— Мое появление здесь и мой внешний вид служат неопровержимым доказательством моих слов. А если вам этого недостаточно, то я призову в свидетели синьорину, которая, может быть, вспомнит пленника, виденного ею со своего балкона.

— Конечно, конечно, папа, это тот самый.

— Я подтверждаю, капитан Гвардиоли, что этот человек и есть тот самый английский художник, о котором мы говорили.

— Возможно, — ответил Гвардиоли с недоверчивой улыбкой, — но, может быть, синьор играет и другую роль, о которой он умалчивает.

— Какую другую роль? — спросил Генри.

— Шпиона.

— Шпиона! — повторил пленник. — Но для кого и зачем?

— А вот это я и хочу узнать... — иронически заметил Гвардиоли. — Ну, сознавайтесь! Ваша искренность сократит время вашего плена.

— Моего плена?.. Но по какому праву, милостивый государь, говорите вы о плене? Я британский подданный, а вы офицер папской армии, а не начальник

бандитов... Берегитесь, вы рискуете!

— Чего бы мне это ни стоило, синьор, но вы мой пленник и останетесь им до тех пор, пока я не узнаю причин, приведших вас в эти места. Ваши рассказы очень подозрительны. Вы выдаете себя за художника?

— Я и есть художник, хотя очень скромный, но не все ли это равно?

— Совсем не все равно. Почему вы, бедный художник, очутились в этих горах? Если вы англичанин и артист, как вы утверждаете, то ведь вы приехали в Рим изучать искусство? Так с какой же целью вы очутились здесь? Отвечайте, синьор!

Молодой человек колебался: сказать ли правду? Одного слова было достаточно, чтобы получить свободу.

— Синьор капитан, — сказал он после краткого размышления, — если вы считаете своим долгом узнать причины, приведшие меня сюда, я вам их скажу. Может быть, мой ответ удивит синьора Торреани и синьориту Лючетту.

— Откуда вы знаете наши имена? — вскричали с удивлением синдик и его дочь.

— От вашего сына, синьор.

— Моего сына? Он в Лондоне!

— Именно в Лондоне я впервые услышал имена Франческо и Лючетты Торреани.

— Вы знаете Луиджи?

— Так хорошо, как может знать человек, проживший с ним целый год под одним кровом...

— Спасший его кошелек и, может быть, жизнь, — прервал синдик, подходя к артисту и протягивая ему руку. — Если я не ошибаюсь, вы тот молодой человек, который его вырвал из рук разбойников и убийц? Это о вас Луиджи часто писал в своих письмах?

— О, да! — вскричала Лючетта, подходя в свою очередь и смотря на иностранца с возрастающим интересом. — Вы так похожи на портрет, описанный нам Луиджи.

— Благодарю вас, синьорина, — отвечал, улыбаясь, молодой артист. — Что же касается моей тождественности, синьор Торреани, то я мог бы вам ее засвидетельствовать лучше, если бы мой друг Корвино, лишивший меня денег, не отнял у меня рекомендательное письмо вашего сына. Я рассчитывал представить вам его лично, но известные вам обстоятельства мне помешали.

— Но отчего вы нам ничего не сказали, когда вы проходили здесь с бандитами?

— Тогда я не знал ни кто вы были, ни названия местечка, по которому мы проходили с разбойниками.

— Как жаль, — проговорил синдик, — что я не знал этого раньше! Я бы постарался освободить вас.

— Благодарю вас, синьор Торреани! Но это вам бы не дешево обошлось, не менее 30 тысяч лир.

— 30 тысяч? — вскричали в один голос присутствующие.

— Вы слишком дорого себя цените, синьор художник! — заметил иронически офицер.

— Это точная сумма выкупа, требуемого Корвино.

— Он, вероятно, вас принял за какого-нибудь милорда и, вероятно, отпу-

стиль бы, узнав свою ошибку.

— Да, и взяв у меня палец... разумеется, вместо выкупа, — добавил англичанин, показывая руку.

Лючетта вскрикнула от ужаса.

— Да, — проговорил взволнованный синдик, — вот неопровержимые доказательства. Я не мог бы быть вам полезен. Но скажите, как вы избавились от этих негодяев?

— Об этом мы поговорим завтра, — перебил Гвардиоли, недовольный всеобщей симпатией, возбуждаемой англичанином. — Сержант, отведите пленника и запирайте в караулке. Утром я допрошу его снова.

«Опять в заключение», — подумали синдик и его дочь.

— Позвольте напомнить вам, — заметил англичанин, обращаясь к офицеру, — что вы берете на себя большую ответственность. Даже папа не сможет защитить вас от наказания, которое должно последовать за оскорбление британского подданного.

— Джузеппе Мадзини тоже не избавит вас от наказания, которое следует республиканским шпионам, синьор англичанин!

— Мадзини... республиканский шпион... да вы бредите!..

— Послушайте, граф, — сказал синдик убедительным тоном, — вы заблуждаетесь. Какой же он шпион? Это честный английский джентльмен... Друг моего сына Луиджи. Я вас прошу за него.

— Невозможно, синьор синдик! Я должен исполнить свой долг. Сержант, исполняйте ваш. Уведите пленника!

Сопrotивление было бесполезно. Генри повинился, обменявшись с Лючеттой взглядом, утешившим его за новое унижение, и бросив такой взгляд Гвардиоли, после которого благородный граф чувствовал себя весь вечер не в своей тарелке.

XLV. ОБЪЯСНЕНИЕ

На следующее утро капитан Гвардиоли принужден был сбавить тон. После долгого допроса он должен был признать правдивость показаний молодого англичанина.

Да и какой интерес был англичанину вмешиваться в политические дела чужой страны? Капитан понял, что было бы совсем неблагоприятно вызывать неудовольствие могущественной нации, и под видом уступки желаниям синдика отпустил Генри Гардинга на свободу.

По счастью, у синдика нашелся целый костюм, оставленный Луиджи как неподходящий для Лондона. Зато к здешним горам он подходил как нельзя лучше и пришелся по росту молодому человеку. Генри, конечно, не мог отказаться от такого подарка, принимая во внимание, что его платье было совершенно изорвано.

Через час после своего освобождения он явился в бархатной куртке, коротких панталонах на пуговицах, классических гетрах и сдвинутой на ухо калабрийской шляпе с пером... Одним словом, настоящим бандитом. Лючетта улыбнулась, увидев его в этом костюме, который ему очень шел и напоминал брата Луиджи.

Генри должен был рассказать все свои приключения с момента пленения до возвращения в Валь д'Орно. Особенно подробно он должен был остановиться на побеге.

Он рассказал, как пробил потолок, как упал с крыши и что говорили его сторожа. Рассказал, как ему удалось проползти на руках мимо первого часового, как, не желая проливать кровь второго, он, спрятавшись в кустах, ожидал наступления дня и как по уходе второго часового снова пустился в путь. К счастью, туман, наполнивший долину, скрыл его от всех глаз. Вероятно, за ним была послана погоня, но не скоро, должно быть, когда уже он был далеко. Дорога, по которой его вели в логово разбойников, хорошо запечатлелась в его памяти, а страх за собственную безопасность придал ему силы. При наступлении ночи он достиг деревни, где снова попал в плен.

Затем разговор перешел на Луиджи; бесполезно говорить, что Лючетта обожала своего единственного брата. И она засыпала вопросами молодого англичанина о том, как живет ее брат, как себя чувствует и т. д.

Ответив на все вопросы, Генри должен был рассказать, как он спас Луиджи от мошенников. Затем Лючетта спросила, нравятся ли Луиджи белокурые англичанки, и намекнула на то, что Луиджи обязан оставаться верным одной молодой римлянке, родственнице Торреани. Затем спросила, не считает ли англичанин грехом брак между протестантами и католиками.

Генри чувствовал себя так хорошо у гостеприимного синдика, что теперь без всякой горести вспоминал о своей прежней жизни и Бэле Мейноринг.

В тот же день вечером молодой человек, оставшись наедине с синдиком, сообщил ему о замыслах Корвино на Лючетту и о письме, которое он написал Луиджи, чтобы ускорить его возвращение в Италию.

Торреани не скрывал своего огорчения, но не выказал большого удивления.

Его уже предупредили об этом раньше. Сообщение же о письме, посланном его сыну в таких критических обстоятельствах, удивило старика и растрогало.

Он обнял и прижал к сердцу молодого человека.

Этот разговор разъяснил Генри также один вопрос, над которым он тщетно ломал голову. А именно: кто был его таинственный покровитель?

При имени Томассо синдиком все стало ясно. Томассо, бывший фермер Торреани, служил в папских войсках и за какую-то провинность был посажен в тюрьму. Затем бежал оттуда и, конечно, искал убежища в горах у разбойников. Воспоминание о некоторых услугах, оказанных ему синдиком, внушило ему его поступки.

Синдик, как известно, уже давно решил покинуть Валь д'Орно и увезти Лючетту. Не далее, как сегодня, он уже продал свой дом и теперь мог спокойно искать себе новое местопребывание.

Впрочем, спешить было нечего. Папские солдаты оставались еще на некоторое время в Валь д'Орно. Синдик мог спокойно ожидать возвращения своего сына.

Лючетта была очень удивлена известием о неожиданном приезде брата. Все свободное время она проводила теперь в разговорах с молодым англичанином и не уставала слушать о его совместной жизни с Луиджи, его таланте и т. п.

Очарование этих бесед нарушалось иногда несносным присутствием капитана Гвардиоли. Не лучше ли ему было преследовать разбойников во главе своего отряда, ведь встретить их было нетрудно?

Генри, весь еще под впечатлением недостойного поведения с ним бандитов, страстно желал отомстить им за свою обезображенную руку и охотно взялся бы служить проводником папским солдатам. Он даже предложил свои услуги капитану, но последний отклонил их таким тоном, что взаимная антипатия между молодым англичанином и знатным итальянцем еще более обострилась. С этого момента они не обменялись ни одним словом, даже в присутствии Лючетты.

В один прекрасный день молодая девушка в сопровождении своих двух кавалеров отправилась осмотреть грот, расположенный на вершине горы, в котором, по преданию, когда-то жил отшельник.

По совету своего отца Лючетта предложила молодому англичанину сопровождать ее.

Капитан Гвардиоли приглашен не был, но он сам вызвался сопровождать Лючетту в случае опасности. Молодые люди стали взбираться на гору.

Гвардиоли, пожираемый ревностью, шел немного позади. Мысленно он проклинал молодого англичанина, и, если бы явилась возможность, он, не задумываясь, сбросил бы его в пропасть или пронзил бы шпагой.

XLVI. ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Молодые люди достигли вершины горы и осмотрели грот. Лючетта своим мелодичным голосом рассказывала легенду.

Отшельник прожил несколько лет в этой пещере, никогда не спускаясь к деревне. Питался он доброхотными подаяниями пастухов и набожных душ. Вдруг он исчез бесследно. Одни говорили, что его увели разбойники, а другие уверяли, что он сам был разбойником и надел монашеское платье только с целью шпионства.

— А что же говорили пастухи? — спросил капитан. — Они должны были лучше его знать. Или он, может быть, как некоторые другие, умел прекрасно носить личину?

— Вы можете их сами спросить, синьор, — отвечала Лючетта на этот туманный намек. — Вот и они.

Говоря это, молодая девушка указала пальцем на глубокое ущелье с противоположной стороны горы, по которому поднимались пять пастухов с овечьим стадом впереди. В эту минуту расстояние между ними и Лючеттой было не более ста шагов.

Люди эти были одеты в грубые овечьи шкуры, доходящие до колен, в традиционных соломенных шляпах и сандалиях на ногах. В руках у них были палки. Несмотря на удушающую жару, на лицо одного из них был опущен капюшон.

— Некоторые обычаи вашей страны меня удивляют, — проговорил Генри, обращаясь к сестре своего друга. — В Англии на 500 овец было бы достаточно одного пастуха, между тем как здесь стадо гораздо меньше, а при нем пять человек.

— О, — отвечала с живостью Лючетта, задетая в своей национальной гордости, — у наших пастухов стада тоже обыкновенно гораздо больше. Эти, вероятно, оставили часть своих овец на другой стороне горы, потому что...

Слова ее затерялись в оглушительном звоне колокольчиков и приближающегося стада. А пастухи, оставив стадо, подошли к нашим путешественникам. Прежде чем капитан успел открыть рот, один из них заговорил:

— *Buono giorno, signori! Molto buono giorno, signora Bella!*[27]

Эту фразу можно было бы принять за комплимент, если бы тон, которым она была произнесена, не придавал ей другого значения. Звук этого голоса неприятно отозвался в ушах англичанина.

«Однако эти итальянские пастухи не очень-то застенчивы», — подумал он про себя.

— Мы ищем одну пропавшую овцу, — продолжал тот же пастух. — Мы полагаем, что она здесь. Не видели ли вы ее случайно?

— Нет, друзья мои, — отвечал капитан, приятно улыбаясь.

— Вы убеждены в этом, капитан?

— О, вполне! Поверьте, что мы были бы счастливы помочь вам найти животное.

— Вашей овцы здесь нет, — перебил англичанин, выведенный из себя наглостью пастуха. — Вы сами это видите, чего же вы настаиваете?

— Вы лжете! — вскрикнул пастух в капюшоне, до сих пор молчавший. — Беглец, которого мы ищем, это вы, молодой англичанин, и мы находим вас в

прекрасном обществе. Благодарение Мадонне! Вместо одного животного мы теперь возьмем трех, и среди них великолепнейшую овцу, как бы созданную для наших гор.

С первых же слов Генри узнал голос говорившего, а откинутый капюшон открыл мрачное лицо начальника бандитов.

— Корвино! — невольно вырвалось у Генри.

В этот момент два разбойника схватили его за руки, двое других набросились на офицера, между тем как начальник завладел Лючеттой.

Отчаянными усилиями Генри высвободился из их рук. К несчастью, он был безоружен, а как бы ни были сильны его кулаки, они не могли оказать ему большой пользы в борьбе с разбойниками, вооруженными кинжалами.

Молодая девушка билась в руках атамана, испуская пронзительные крики.

Гвардиоли стоял неподвижно и безмолвно, дрожа всем телом. Он даже не вытащил своей шпаги из ножен.

Генри это заметил. В один миг он бросился мимо наступавших на него разбойников, схватил за эфес шпагу, вытащил из ножен и, как лев, бросился на своих противников.

Труссы отступали, вытащив пистолеты из-за пояса и стреляя, не целясь. Пули пролетели мимо молодого англичанина, который бросился теперь на Корвино.

Разбойник с криком ярости выпустил свою добычу и приготовился к нападению. Он выхватил револьвер и прицелился в молодого человека.

К счастью, револьвер дал осечку, но, прежде чем он успел спустить курок во второй раз, шпага Гвардиоли, направленная более искусной рукой, пронзила ему руку, и пистолет упал на землю.

Генри хотел повторить удар, как вдруг почувствовал, что он во власти восьми рук: бандиты, державшие Гвардиоли, решили прийти на помощь товарищам, а капитан граф бежал с горы с такой быстротой, как только могли его дрожащие ноги.

Молодой англичанин теперь остался один против четверых, ибо, когда Корвино увидал, что его товарищи заняты одним противником, он обхватил рукой стан Лючетты и, подняв ее, как перышко, бросился к ущелью.

XLVII. ОДИН ПРОТИВ ЧЕТВЕРЫХ

Почти обезумев от горя и ярости при виде похищения молодой девушки, Генри немедленно хотел броситься вслед за похитителем, но разбойники окружили его, и прежде всего ему надо было подумать о себе. Только благодаря силе и ловкости, приобретенной им на атлетических играх в школе и в университете, он мог устоять против противников.

К счастью, их пистолеты были разряжены и у них оставались только кинжалы, но разбойники превосходили численностью и ловко отбивали нападения англичанина.

Отчаянный бой этот длился около пяти минут. Молодой человек чувствовал, что теряет силы, как вдруг глаза его упали на грот отшельника. Прочистив себе путь последним отчаянным усилием, он бросился к гроту и остановился на пороге со шпагой в руке.

Бандиты с криком разочарования заметили выгодную позицию, занятую их противником. Благодаря длине своей шпаги Генри мог защищаться теперь против двух десятков кинжалов.

Инстинктивным движением все четверо вложили в ножны свои кинжалы и стали заряжать пистолеты. Положение становилось критическим. Молодой англичанин чувствовал, что наступает последний момент его жизни.

Он считал себя уже погибшим. Но, не желая служить простой мишенью бандитам, он решил броситься на них, чтобы как можно дороже продать свою жизнь, как вдруг раздались выстрелы и пули градом посыпались на окружающие скалы.

При этом неожиданном нападении испуганные разбойники бросились бежать со всех ног.

Молодому англичанину теперь приходилось уже защищаться от пуль солдат, взбравшихся на гору. Но, не думая о них, он пустился за беглецами, уже спустившимися в ущелье. На противоположной стороне горы он заметил Корвино, взбегающего на гору с Лючеттой на руках.

Молодая девушка, казалось, была без сознания. Она не кричала, не вырывалась, и подол ее белого платья заметал следы по горной скалистой тропинке.

При входе в ущелье солдаты с Гвардиоли во главе остановились, не переставая стрелять, хотя разбойники были уже давно вне выстрелов. Корвино со своей драгоценной ношей давно скрылся из виду; сообщники его тоже скрылись за скалами.

Между тем отряд продолжал бесцельную стрельбу.

Генри, пораженный таким странным преследованием бандитов, спросил довольно резко у Гвардиоли: намерены они преследовать разбойников и вырвать добычу или нет?

— Вы не в своем уме, г-н англичанин, — отвечал капитан со спокойствием труса. — Вы, как иностранец, не знаете обычаев неаполитанских бандитов. Все происшедшее не больше как уловка заманить нас в засаду. Может быть, за теми скалами находятся более двухсот негодяев, приготовившихся нас хорошо встретить. Я не настолько безумен, чтобы подвергать моих людей такой опасности. Мы подождем подкрепления.

В эту самую минуту появился синдик, удрученный таким страшным несчастьем, и присоединил свои мольбы к настояниям англичанина пуститься в

погоню за разбойниками.

Но ничего не помогло, трусливый папский комиссар больше думал о своей безопасности, чем о спасении молодой девушки.

Это трусливое поведение капитана совершенно убило синдика. А молодой англичанин обратился к окружающим крестьянам со странной для них речью.

— Деревня ведь густо населена, — говорил он, — неужели здесь не найдется людей достаточно храбрых, чтобы броситься в погоню за разбойниками и вырвать у них дочь синдика?

Эти слова, совершенно новые для бедных людей, привыкших покорно сгибаться перед физической силой, произвели впечатление электрической искры. Они ответили громкими криками, поняв впервые, что могут сопротивляться.

— Соберем старшин! — кричали они. — Пусть они скажут, что нам делать!

С этими словами все бросились в деревню, оставив капитана Гвардиоли и его солдат стеречь скалы и деревья, за которыми мог скрываться неприятель, страшный даже тогда, когда он бежал.

XLVIII. ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА!

При входе в деревню синдик и его друзья были поражены странным зрелищем.

Мужчины, женщины, дети бегали по улице с какими-то отрывочными восклицаниями.

Что такое могло случиться? Не заняли ли бандиты деревню, воспользовавшись тем, что солдаты были отвлечены в сторону?

На площади стояла большая толпа перед домом синдика и перед таверной.

Обе эти группы состояли из крестьян, землевладельцев и горожан в разнообразных одеяниях, но вооруженных ружьями, саблями и пистолетами. Это не были бандиты, хотя часть солдат, оставшихся в деревне, и была захвачена ими в плен.

Кто же были эти люди? Синдик и его друзья, подходя к площади, услышали крики: «Да здравствует республика! Долой тирана, долой папу!»

Эти характерные возгласы и развевающиеся знамена ясно показывали, что Валь д'Орно было занято республиканцами.

Рим подвергся той же участи. Папа бежал, а триумвират Мадзини — Сафо — Армелли управлял Вечным городом.

Синдика ожидала еще одна неожиданность. В центре группы, стоящей у его дома, он увидел своего сына Луиджи.

Обнимая сердечно отца, Луиджи заметил мрачное выражение его лица.

— Что случилось, отец?.. Говорят, бандиты появились на горах. Где Лючетта?

Глубокий вздох и рука, простертая по направлению к горам, были единственным ответом.

— Боже мой, — вскричал Луиджи, — я опоздал! Говори, отец, говори, где сестра?

— Бедная... бедная... дочь моя... погибла... Луиджи... ее похитили разбойники... Корвино...

И с рыданиями упал в объятия сына.

— Друзья! — вскричал Луиджи, обращаясь к присутствующим, растроганным этой сценой. — Нужно ли мне говорить вам, что, если бы я не жил в чужой земле, я бы стал под ваши славные знамена! Отныне я ваш и навсегда... Это мой отец Франческо Торреани... Вы слышали — его дочь, а моя сестра похищена разбойниками на глазах сотни солдат, присланных сюда под предлогом вашей охраны. Вот какова охрана этих мужественных защитников веры!

— Защитников дьявола! — крикнул один голос.

— Они хуже бандитов! — крикнул другой. — Я думаю, что между ними давно существует соглашение. Потому-то та банда вечно и ускользает от них.

— Весьма вероятно! — подтвердил третий голос. — Мы знаем, разбойники на жалованье у папы и у Неаполитанского короля! Это одна из уловок тирании!

— Так значит, — спросил артист с надеждой в голосе, — вы согласитесь помочь мне искать сестру?

— Да, да! — кричали со всех сторон.

— Вы можете рассчитывать на нас, синьор Торреани, — проговорил один человек важного вида, по-видимому, начальник республиканцев. — Разбойников мы догоним, вашу сестру вернем, если это в нашей власти. Но прежде всего нам надо избавиться от этих барышников. Видите, они спускаются с горы. Товарищи, скроемся в дома... захватим их врасплох!.. Страмони, Джинглетта, Паоли! Расположитесь у входа на улицу и после предупреждения немедленно расстреливайте всякого, кто попытается бежать. Скорей!

Незнакомцы быстро рассыпались по домам, уведя с собой пленных солдат.

Площадь опустела в одну минуту.

Жителей, оставшихся на улице, предупредили, что малейшая попытка в измене будет наказана смертью, но о предательстве никто не думал, так как жители смотрели на новых пришельцев как на своих освободителей и с радостью приветствовали провозглашение республики.

Гвардиоли со своим отрядом между тем приближался. У капитана был озабоченный вид, теперь, когда опасность миновала, он думал о своем поведении как начальника и солдата и должен был сознаться, что оказался не на высоте положения.

Мнение жителей его не особенно трогало, но ведь свидетелями его трусости были солдаты и офицеры. Слух об этом может дойти до Рима и даже до Ватикана.

Капитан, офицеры и солдаты подходили к деревне, не подозревая, какой прием их ожидает.

Начальник республиканцев принял свои меры. На каждом углу площади за домами были запряганы отряды людей таким образом, чтобы образовать перекрестный огонь. Прибывающий отряд должен был очутиться в полной власти революционеров.

Тишина, царившая в деревне, не ускользнула от внимания папских стрелков, и их удивило, что товарищи не вышли к ним навстречу.

Их размышления были прерваны неожиданным окриком из таверны:

— Сдавайся, капитан! Отдай свою шпагу солдатам республики!

— Что значит эта наглость! — вскричал Гвардиоли, повертываясь к таверне. — Сержант, отыщите этого человека, приведите его сюда и всыпьте ему горячих!

— Ха! ха! ха! — раздался смех. Затем последовало вторичное требование о сдаче.

Солдаты прицелились, готовясь по первому сигналу поразить насмерть предполагаемых жалких мужиков.

— Мы не жаждем вашей крови! — говорил тот же иронический голос. — Если, конечно, вы не заставите нас ее пролить. Папские солдаты! Вы окружены солдатами законного правительства республики. Вашего властелина нет в Риме, он постыдно бежал. Мадзини управляет городом, а мы пришли управлять здесь... Вы в нашей власти... Первый, кто откроет огонь, будет виновником смерти всех своих товарищей, мы не пощадим никого. Будьте благоразумны. Сдайтесь добровольно. Сложите оружие, и мы вас примем как военнопленных. В противном случае вы получите по заслугам, как разбойники и продажные души.

Эта речь, наполовину насмешливая, наполовину угрожающая, повергла солдат Гвардиоли в неопишное удивление. Что могло значить это требование, повторяемое с такой дерзостью и в то же время самоуверенностью? Они стояли в нерешительности.

— Товарищи! — крикнул тот же голос. — Эти молодцы, кажется, колеблются, они сомневаются в правдивости моих слов. Покажите им ваши карабины. Когда они сосчитают их, может быть, их недоверие пропадет.

Едва были произнесены эти слова, как послышался стук ружейных прикладов, и окна домов оцетинились высунувшимися штыками. Испуганный Гвардиоли и солдаты очутились между двухсот направленных на них дул.

Но и четверти этого количества было бы достаточно, чтобы образумить их.

Они поняли, что попали в ловушку, что разразилась давно ожидаемая революция, и, не ожидая приказа капитана Гвардиоли или младших офицеров, солдаты побросали оружие.

Через десять минут они уже столпились под трехцветным знаменем, крича во все горло: «Да здравствует республика», между тем как расстроенный и обезоруженный Гвардиоли шагал по той же самой комнате, где три дня тому назад был заключен Генри.

Сегодня он был сам пленником республиканских солдат.

XLIX. ПОХИЩЕНИЕ

То волоча девушку, то неся на руках, Корвино быстро бежал по горному ущелью. Наконец, считая себя в безопасности от погони, он остановился за утесом и стал поджидать товарищей.

Он слышал ружейные выстрелы и догадался, что пришли солдаты, но, рассчитав время, какое им понадобится, для того чтобы взобраться на гору, он решил, что раньше, чем они достигнут вершины, его люди, забрав старого пленника, нагонят его в ущелье.

Четверо против одного... Он отлично заметил трусливое бегство офицера. Успех не подлежал никакому сомнению. Потому-то он и бежал раньше, чтобы выиграть время, так как ноша сильно мешала ему.

Покидая место боя, он крикнул своим, чтобы они захватили англичанина, по возможности, живым, потому-то разбойники и не пускали в ход своих пистолетов. Им не хотелось лишиться богатого выкупа.

Молодая девушка не оказывала никакого сопротивления. Она была без чувств. В таком состоянии ее и тащил Корвино.

Она очнулась на лужайке довольно дикого вида, окруженной деревьями и скалами. Она не плакала, не кричала. Она сознавала, что находится в полной власти бандита.

Мысли ее были смутны и неясны. Ей казалось, что она еще не вполне очнулась от страшного кошмара.

Она вспомнила пастухов, крик Генри при виде Корвино, борьбу между молодым англичанином и разбойниками, кинжалы, бегство Гвардиоли. Она потеряла сознание в тот момент, когда Корвино схватил ее на руки.

Когда она снова открыла глаза, она заметила кровь на платье разбойника и на своем собственном. Она вспомнила удар шпаги молодого англичанина по правой руке разбойника.

Каков был результат неравного боя? Убит ли англичанин, или снова взят в плен? Она слышала приказ, данный Корвино, захватить его живым. Она задрожала при мысли, что разбойники не исполнили этого приказа.

Она огляделась кругом и увидела, что разбойник перевязывает себе рану куском полотна, оторванным от рубашки.

Она смотрела на него с ужасом и отвращением. Кровь на его руках и лице делала его еще отвратительней, чем всегда.

Молодая девушка задрожала, как лист под дуновением ветра.

— Лежите смирно, синьорина, — произнес бандит, заметив, что она пришла в себя. — Подождите, пока я забинтую себе руку. Я снесу вас тогда на более мягкое ложе. Клянусь Мадонной! Англичанин дорого заплатит мне за эту рану!.. Сперва ушами, а потом двойным выкупом.

Забинтовав и подвязав руку, он снова заговорил:

— А теперь идем! Здесь оставаться дольше нельзя. Этот храбрый капитан вернется со своими солдатами. Идите, синьора. Теперь вам придется идти самой, я и так долго вас нес.

С этими словами он схватил молодую девушку за руку, поставил ее на ноги и тронулся в путь, как вдруг услышал шаги четырех своих спутников.

Они крались между скал одни, без пленника.

Выпустив молодую девушку, Корвино бросился на них с криками ярости.

— Где же англичанин?.. Проклятие!.. Неужели вы его убили?..

Лючетта, затаив дыхание, насторожилась.

Люди замялись, как бы боясь сказать правду. Это молчание показалось молодой девушке зловещим. Вероятно, бандиты боялись сознаться в убийстве. Она вспомнила приказание Корвино и вздрогнула.

— Я слышал звук ваших пистолетов раньше залпа солдат. Вы, очевидно, стреляли в него?

— Да, начальник, — отвечал один из бандитов.

— И что же?

— Он запрягался в грот, и мы не могли подойти к нему близко, потому что у него была длинная шпага. Окружить его тоже не было возможности. Его можно было только убить... Но ты нам не велел.

— И вы оставили его живым... без малейшей царапины... на свободе?..

— Нет, начальник. Он должен был пасть под нашими пулями. Мы не могли убедиться в этом, так как солдатские пули сыпались на нас градом, но он, верно, убит.

Начальник, понимая, что они лгут, впал в неопишущую ярость. Забыв про раненую руку, он бросился на своих сообщников.

— Скоты, подлецы, — кричал он, колотя их по очереди левой рукой и сбивая с них шляпы. — Четверо не могли справиться с одним! С ребенком! Потерять тридцать тысяч!.. Опять эта проклятая рана! — вдруг остановился он, чувствуя, что рана его открылась. — Возьмите девушку! Ведите ее... и берегитесь, чтобы она тоже не скрылась от вас. В путь!

Проговорив эти слова, он повернулся к ним спиной и пошел вперед, оставив молодую девушку под надзором сообщников.

Один из них грубо схватил ее за руку и, повторив «в путь!», потащил ее следом за Корвино. Другие пошли за ним. Лючетта не сопротивлялась.

Ее свирепые спутники грозили ей кинжалом при малейшей остановке.

Молодая девушка машинально повиновалась, погруженная в самое глубокое отчаяние; она не думала о настоящем. Все ее мысли неслись к горе отшельника, хотя она не питала никакой надежды на освобождение. Позорное поведение Гвардиоли ясно показало ей, что у графа не хватит мужества преследовать разбойников.

Последние, очевидно, тоже об этом не думали. Они спокойно шли себе по горному ущелью. Они бы, наверно, поторопились, если бы знали о перемене гарнизона в Валь д'Орно.

Л. ПО СЛЕДУ

Надо ли говорить, что призыв, сделанный братом и отцом пропавшей молодой девушки, нашел отклик в сердцах тех, к кому он относился. Республиканцы по двум причинам горячо отозвались на это: во-первых, из человеколюбия, во-вторых, из убеждения, что разбойничество входило в систему деспотичного правления, только что ими свергнутого.

Синдик давно уже был тайным сторонником республиканцев.

Случайно приехавший Луиджи тоже немедленно перешел на сторону республики, и потому республиканцы немедленно решили спасти сестру своего нового товарища.

Заперев Гвардиоли и солдат в надежное место, они решили заняться Корвино и его сообщниками. Томимые ужасными предчувствиями, Луиджи Торреани и молодой англичанин желали немедленно начать преследование. Командир республиканцев, по имени Росси, повинувшись голосу рассудка, понял, что несвоевременная поспешность могла испортить все дело.

Росси, бывший офицер неаполитанской армии, имел большой навык в преследовании сицилийских и калабрийских бандитов и знал, что открытым нападением на разбойников ничего не добьешься и только подвергнешься на смешкам самих же разбойников, спрятавшихся за скалы.

Правда, на этот раз условия были другие.

Логовище разбойников было известно. Их бывший пленник мог указать его.

По мнению большинства, все складывалось как нельзя лучше для немедленного преследования, но опытный охотник на неаполитанских бандитов думал иначе.

— Это преимущество, — говорил Росси, — было бы сведено к нулю, если бы мы вздумали нападать на бандитов днем. Часовые немедленно бы заметили нападающих и вовремя бы предупредили товарищей. Идти надо ночью, и так как дорога известна, то можно надеяться на какой-то успех.

«Какой-то успех»! Эти слова злоеще отозвались в ушах Луиджи Торреани, его отца и друга. Они дрожали при мысли, что должны ждать до вечера, когда по меньшей мере миль двадцать отделяли их от самого дорогого существа, которому их преданность и присутствие были необходимы теперь более, чем когда-либо.

Для трех этих людей, так глубоко заинтересованных в успехе экспедиции, всякая отсрочка была невыносима, и, правду говоря, это чувство разделяли большинство из присутствующих: граждане и волонтеры. Нельзя ли было немедленно принять какие-нибудь меры? Всякий понимал, что преследовать пятерых разбойников, похитивших дочь синдика, было бесполезно.

Прошло уже несколько часов, и благодаря отличному знанию местности похитители были уже давно в безопасном месте. Оставалась только одна надежда: захватить их в притоне, указанном беглым пленником.

Не было никакой возможности приблизиться к этому логовищу днем. Ночь настанет раньше, чем они достигнут его, так как им нужно было пройти миль двадцать.

Сумерки, конечно, должны были благоприятствовать нападению, но все эти двадцать миль надо было идти с большой осторожностью, иначе застать

врасплох разбойников невозможно, так как весь путь охраняется если не часовыми, то наемными крестьянами, пастухами и т. п.

Так говорил Росси, и он был прав.

Кто мог предложить такой план, при посредстве которого можно бы было захватить в плен в эту же ночь всех разбойников и предупредить преступление, мысль о котором наполняла ужасом не только родственников и друзей несчастной Лючетты, но и всех волонтеров?

— Я, — сказал один человек, выступая вперед, — если вы захотите следовать моим советам и взять меня в проводники. Я вам помогу не только освободить дочь вашего почтенного синдика, но и изловить всю шайку Корвино, с которой я принужден был прожить три года.

— Томассо! — воскликнул синдик.

Это был действительно его старый фермер.

— Томассо! — повторил начальник революционеров, узнав в говорившем человека, пострадавшего за идею, который предпочел жить с разбойниками, чем гнить в римской тюрьме.

— Синьор Томассо, это вы?

— Да, синьор Росси, это я, счастливый тем, что не должен больше скрываться в горах, избегать присутствия друзей и жить среди нечистой накипи человечества. Благодарение Богу и Джузеппе Мадзини! Да здравствует республика!

Последовали дружеские приветствия между Томассо и волонтерами, старыми заговорщиками.

Не менее дружески приветствовал его и молодой англичанин, убедившийся теперь, что его спасителем был не кто иной, как Томассо.

Но туча, омрачившая все умы, не дала развиваться радостным чувствам. Время летело, а Томассо был не такой человек, чтобы терять его в пустых разговорах.

— Следуйте за мной, — сказал он, обращаясь к Росси, синдик и Луиджи. — Я знаю дорогу, по которой мы доберемся до их логовища, не замеченные никем... даже до захода солнца, если это необходимо. Но Корвино не будет там раньше полуночи, и мы захватим всю шайку, как в мышеловку. Только идем немедленно, ибо путь, по которому я поведу вас, труден и длинен.

Это предложение было тотчас же принято без всяких дальнейших обсуждений. Десять минут спустя волонтеры, оставив в деревне отряд для охраны папских солдат, уходили из Валь д'Орно и направлялись к неаполитанской границе под предводительством проводника в костюме калабрийского бандита.

LI. ОПАСНЫЙ НАПИТОК

За час до полуночи разбойник, стоявший на часах у подножия гор, услышал троекратное завывание волка.

«Вероятно, начальник», — подумал он, отвечая на сигнал.

Хорошо скрытый в чаще деревьев, часовой мог отлично видеть, кто были вновь пришедшие. Особым знаком он известил часового, стоявшего на вершине горы, тот в свою очередь другого, и таким образом крик докатился до самого логовища банды.

Часовой скоро заметил, что предположение его было правильно. Прибыл начальник и, задав несколько вопросов, прошел мимо.

За ним следовала женщина в кисейном платье, видневшемся из-под грубой овечьей шкуры, наброшенной на плечи. Ее унылый вид и медленная принужденная поступь ясно указывали, что эта женщина явилась сюда не по своей воле. Капюшон, наброшенный на голову, скрывал ее черты, но нежные руки, поддерживающие плащ, указывали на благородное происхождение.

За ней шли четыре бандита, одетые пастухами.

Во время их прохождения угрюмое завывание волка передавалось как эхо от одного часового к другому. Затем снова наступило мертвое молчание, прерываемое треском сучьев под ногами бандитов.

«Вот, очевидно, новая жена начальника, — сказал себе часовой. — Я бы очень желал видеть ее лицо. Вероятно, молодая девушка, иначе бы Корвино так не старался ею завладеть... У него рука на перевязи... птичка-то взята с бою... Не дочь ли это синдика, о которой столько говорили?... Весьма возможно... Однако начальник подхватил себе царский кусочек! Впрочем, что может быть приятнее положения жены бандита! Ожерелья, кольца, серьги, браслеты, лакомства... поцелуи, а также и колотушки! Хе, хе, хе!»

Развеселившийся часовой плотнее завернулся в плащ и впал в прежнюю неподвижность.

Час спустя он снова был выведен из своего оцепенения хорошо знакомым завыванием волка.

Как и в первый раз, сигнал несся из долины со стороны римской границы.

— Опять! — воскликнул он. — Кто еще отправлялся в экспедицию в эту ночь? Я думал, что только капитан и его люди. Ах, помню, Томассо выходил сегодня утром. Какие-нибудь штуки, разумеется. Удивляюсь, что начальник доверяет этому человеку после приключения с Карой Попеттой. Бедняжка, если бы она видела, что здесь творится... Опять... Подождешь, синьор Томассо. Уаа, уаа, уаа! — завыл он по-волчьи... — Ну, теперь иди!

Немного погодя в темноте приблизился человек, идущий осторожным, но твердым шагом.

— Кто идет? — крикнул часовой как бы под влиянием какого-то предчувствия.

— Друг, — отвечал вновь пришедший. — Чего ты спрашиваешь? Разве ты не слышал сигнала?

— А, синьор Томассо! Я забыл, что вы выходили... я думал, что вы вернулись вместе с другими...

— Какими другими? — спросил Томассо, скрывая свое любопытство под недовольным тоном.

— С начальником и его спутниками. Тебя разве не было в лагере, когда они отправились?

— А, правда, — отвечал небрежно Томассо, — я думал, что они вернулись раньше. Они прошли давно?

— Да, с час тому назад.

— А что, экспедиция удалась? Привели кого-нибудь?

— Овцу, и очень молодую, клянусь Мадонной. И, вероятно, были очень острые рога в том стаде, где она паслась. Я заметил кровь на рубашке начальника.

— Ты думаешь он ранен?.. Как?

— В правую руку... она у него на перевязи. Вероятно, была схватка. Ты ничего не знаешь?..

— Как же я могу знать, я был занят в другом месте.

— Но твои занятия не помешали тебе наполнить фляжку, не правда ли, Томассо?

— Нет, конечно, — ответил последний, довольный таким замечанием. — Не хочешь ли убедиться в этом?

— Охотно, Томассо, ночь свежа, и я продрог. Глоток ро-золио был бы очень полезен.

— Я не прочь, но у меня нет ни стакана, ни кружки. Не отдать ли тебе всю бутылку?

— Ну, зачем? Мне довольно одного глотка.

— Ну, вот! — сказал Томассо, протягивая ему фляжку. — Пей, пока я буду считать до двадцати. Довольно тебе?

— Да, большое спасибо. Ты хороший товарищ, Томассо.

Поставив возле себя карабин, разбойник взял фляжку, из которой Томассо раньше вытащил пробку, всунул горлышко в рот и, уставившись глазами в небо, стал тянуть драгоценную влагу.

Томассо только и ждал этого момента.

Выступив внезапно вперед, он правой рукой поддержал фляжку, а левой схватил пившего за затылок и сильным ударом ноги свалил его с ног. Бандит упал на спину, а Томассо к нему на грудь.

Удивление часового было так велико, что он даже не крикнул. Но он скоро заметил, что это внезапное нападение не шутка, и хотел крикнуть, но не мог этого сделать, так как Томассо продолжал придерживать флягу и жидкость заливала ему горло.

Тем не менее несколько других проклятий вырвались у разбойника. Но в этот момент три или четыре человека, явившиеся на легкий свист Томассо, бросились на бандита и положили конец борьбе.

Несколько секунд спустя, связанный по всем правилам искусства, часовой лежал на земле, как чурбан.

А вслед за тем Томассо в сопровождении целого отряда людей начал в полном молчании взбираться на гору.

ЛII. ЛЮБОВЬ БАНДИТА

Корвино, его пленница и свита поднялись на вершину и проникли в глубинную кратера.

Дойдя до площади, где были выстроены дома, они были еще раз окликнуты двумя часовыми, расставленными по обе стороны лагеря.

Бояться, что они заснут, было нечего.

Недавно они получили очень хороший урок.

Двое часовых, стерегших молодого англичанина, были расстреляны через час после того, как было обнаружено бегство пленника.

Таковы строгие законы бандитов. Точное исполнение таких драконовских законов есть лучшее средство к самозащите шайки.

Всякий член шайки, которому доверяется охрана пленника, отвечает за него собственной головой. Поэтому бегство пленника, за которого ожидается выкуп, почти неслыханная вещь.

Кроме завывания волка, повторенного три раза, ничем другим не ознаменовали встречу начальника. Один из переодетых пастухов открыл дверь его жилища, вошел туда, зажег лампу и внес ее в комнату, уже известную читателю. Потом он вышел, и четверо разбойников тихо разошлись по своим жилищам.

Корвино остался наедине со своей пленницей.

— Входите, синьорина, — сказал он, указывая на дом, — это ваше будущее жилище. Сожалею, что оно недостойно вас. Во всяком случае, вы здесь полная госпожа. Позвольте мне вам помочь.

Со всей грацией, на какую он был способен, он протянул ей руку. Молодая девушка не шевельнулась.

— Ну, ну! — крикнул он, сам схватывая ее за руку и втаскивая за собой. — Не будьте так суровы, синьорина. Входите же! Помещение гораздо комфортабельней, чем вы предполагаете. Вот комната, приготовленная специально для вас. Вы, конечно, устали... Прилягте на софу, пока я поищу для вас чего-нибудь подкрепительного. Любите вы розолио? Ах, подождите, есть кое-что получше. Бутылка шипучего капри.

В то время как он говорил, повернувшись спиной к двери, на пороге появилось третье лицо.

Это была женщина необычайной красоты, но взгляд ее, полный злобы, говорил о темном прошлом.

Она бесшумно, как кошка, скользнула в комнату и молча направилась к Лючетте Торреани. Глаза ее сверкали таким нестерпимым блеском, что казалось, из них посыплются искры.

Это была разбойница, продавшая Попетту в надежде занять ее место.

При виде новоприбывшей надежды ее рушились, и физиономия ее приняла выражение такой страшной ярости, что Лючетта вскрикнула от испуга.

— Что такое? — спросил разбойник, быстро повернувшись и тут только замечая разбойницу.

— А, это ты! К чему ты сюда пришла? Иди в свою комнату сию минуту, или ты почувствуешь тяжесть моего кулака!

Испуганная его словами и угрожающим жестом, женщина удалилась, но зловецкий блеск ее глаз и глухие гневные восклицания должны были бы дать

понять Корвино о всем неблагоприятии и опасности его поведения.

Может быть, он и понял это, но гордость не позволяла ему обратить на это внимание.

— Это одна из моих служанок, синьорина, — сказал он, обращаясь к своей жертве. — Она должна уже давно спать. Не обращайтесь на нее внимания и выпейте это. Это вас подкрепит.

— Я не нуждаюсь в подкреплении, — отвечала молодая девушка, даже не сознавая, что она говорит, и отталкивая протянутый кубок.

— Вы ошибаетесь, синьорина. Выпейте, очаровательница... Потом вы поужинаете... Вы, верно, настолько же голодны, насколько устали...

— Я не хочу ни есть, ни пить.

— Что же вам надо в таком случае? Кровать? В соседней комнате есть одна... Я в отчаянии, что не могу предложить вам горничной. Девушка, которую вы видели сейчас, не годится для услуг этого рода... Вам надо отдохнуть, не правда ли?

Молодая девушка не отвечала. Она вся сжалась на софе, склонив голову на свою почти обнаженную грудь, так как в борьбе платье ее было разорвано. Глаза ее были сухи, хотя следы слез виднелись на щеках. Она дошла до той степени отчаяния, когда уже не хватает сил.

— Послушайте, — сказал разбойник медовым голосом и со взглядом змеи, готовящейся загипнотизировать свою добычу. — Ободритесь, я немного резко поступил с вами, это правда, но кто мог бы устоять против искушения приютить под своим кровом такую очаровательную женщину? Ах, синьорина, вы, вероятно, не знаете, но я уже давно восторженный поклонник вашей красоты, слава о которой дошла до самого Рима. Приковав меня к себе, вы не можете меня порицать за то, что я желаю приковать вас к себе.

— Что вам нужно от меня? Зачем вы привели меня сюда?

— Что мне нужно, синьорина?.. Чтобы вы любили меня, как я вас люблю. Зачем я вас привел сюда? Чтобы сделать вас своей женой.

— *Madonna mia!* — прошептала молодая девушка. — Пресвятая Мадонна! Чем я заслужила такое...

— Что заслужили? — спросил резко разбойник. — Стать женой Корвино? Вы слишком горды, синьорина. Правда, я не синдик, как ваш отец, я не бедный художник, как та собака-англичанин, общества которого я вас лишил. Но я властелин этих гор. Кто осмелится противиться моей воле?.. Воля моя — закон, синьорина, даже до самых преддверий Рима.

Разбойник стал ходить по комнате большими шагами, с поднятой головой и блестящими гордостью глазами.

— Я люблю вас, Лючетта Торреани! — воскликнул он наконец. — Я люблю вас с такой страстью, которая не заслуживает такого холодного отпора. Вам неприятна мысль сделаться женой бандита. Но подумайте, в то же время вы сделаетесь царицей! Во всей Абруции не найдется человека, который бы не склонился перед вами. Отбросьте вашу гордость, синьорина! Не бойтесь снизойти и сделаться моей женой. Женой капитана Корвино!

— Вашей женой! Никогда!

— Вам это звание не нравится, выберите другое... В наших горах обходятся и без этих формальностей, хотя мы можем иметь и священника, когда надо. Вы желаете непременно церковного брака, синьорина? Хорошо, достанем свя-

щенника.

— Лучше смерть... Я скорее умру, чем обещаю дом Торреани.

— Ваша энергия мне нравится, синьорина... столько же, как ваша красота... Но придется на нее наложить узду... О, совсем легкую... достаточно двадцати четырех часов для этого, а может быть и двенадцати, но я вам предоставлю целый день. Если к концу этого срока вы не согласитесь, чтобы наш брак был совершен по всем правилам церковного обряда, тогда мы обойдемся и без священника. Вы понимаете?

— Святая Мадонна!

— Бесплезно призывать Мадонну. Она вас все равно не спасет. Здесь никто не может вырвать вас из моих рук, даже Его Святейшество. Здесь, в горах, один властелин — Корвино, и Лючетта Торреани будет его невольницей!

Внезапно раздавшийся крик извне заставил вздрогнуть разбойника. Торжествующее выражение его лица сменилось выражением страшной тревоги.

— Что такое? — пробормотал он, подскочив к двери и тревожно прислушиваясь.

Снова раздалось завывание волка. Но этот сигнал шел не с обычной стороны. Завывание доносилось с юга, и ответ шел оттуда же.

Что это значило? Кого из членов недоставало в шайке?

Корвино вспомнил о Томассо, которого он утром послал с поручениями, но не могло быть сразу двух Томассо, с юга и с севера.

Пока он размышлял об этом, стоя у дома, до него донеслись звуки борьбы, крики и выстрелы.

Это стреляли часовые.

Разрядив свои ружья, они бросились вперед с криком, прозвучавшим как похоронный звон в ушах начальника:

— Измена!

LIИ. ПОБЕДА

Действительно, это была измена. Все разбойники были связаны и захвачены в плен.

Соломенные хижины бандитов и дом начальника были окружены вооруженным отрядом.

Отдельные выстрелы смешивались с глухими стонами умирающих и удивленными возгласами бандитов, захваченных во время сна в постелях.

Борьба была скоро окончена... прежде, чем Корвино успел принять в ней участие.

За всю свою долгую преступную жизнь это с ним случилось впервые... В первый раз он был захвачен врасплох и в первый раз испытал чувство, похожее на отчаяние... И это в тот момент, когда приближалось осуществление долго лелеянной им мечты!

Откуда шла эта напасть? Кто изменник?

Измена была несомненна... иначе, как же можно было обмануть бдительность часовых? Кто мог знать сигналы? Но предаваться размышлению было некогда. Приходилось заботиться о собственном спасении.

Первым движением расшарившего начальника было желание принять участие в борьбе между его сообщниками и таинственным неприятелем.

Но борьба была тотчас же и окончена. Это скорее был простой захват сонных людей, сдавшихся без сопротивления. Даже громовой голос начальника не мог им внушить необходимости храбрости для борьбы.

Повинуясь инстинкту самосохранения, Корвино запер за собой дверь и вернулся в комнату, решив защищаться до последней крайности.

Сперва он хотел потушить огонь. Темнота все-таки несколько защищала бы его.

Но рано или поздно будут принесены факелы, да недолго оставалось и до восхода солнца.

Стоило ли затягивать на два или три часа неизбежное решение своей судьбы?

Он вспомнил о Лючетте. Она одна представляла еще средство если не торжества, то, по крайней мере, спасения.

Как это он не подумал раньше? Напротив, пусть огонь горит ярче, дабы враги его могли вдоволь налюбоваться представившейся их глазам картиной.

Ярко освещенная картина эта представляла на середине комнаты Лючетту Торреани, лицом к окну, а позади нее самого Корвино. Левой рукой он держал за талию молодую девушку, а в грудь ее упиралось острие кинжала.

Правая рука его оставалась на перевязи, но он нашел средство удерживать в прямом положении молодую девушку: он зажал в зубах прядь ее волос.

Волонтеры через окно наблюдали эту странную сцену. Двое из них обезумели от ярости и горя. Это были Луиджи и Генри Гардинг.

Если бы не железные перекладины, защищающие окно, они уже давно вскочили бы в комнату. Они были вооружены карабинами и пистолетами, но не смели воспользоваться ими и должны были молча выслушивать следующие слова Корвино.

— Синьоры, — начал он, разжимая зубы, но не выпуская волос. — Я не стану тратить лишних слов... Я вижу ваше нетерпение... Вы жаждете моей кро-

ви... Я в вашей власти... Придите, пейте мою кровь!.. Но если я должен пасть под вашими ударами, Лючетта умрет со мной. Как только кто-нибудь из вас коснется курка карабина или попробует взломать мою дверь, я вонжу ей в сердце мой кинжал.

Все молчали, затаив дыхание, не спуская сверкающих глаз с оратора.

— Не принимайте моих слов за простую угрозу, — продолжал он. — Время дорого... Я знаю, что я вне закона и что вы отнесетесь ко мне как к бешеному волку... Но, убивая волка, вы хотели бы спасти ваших овец... Так нет же, клянусь Мадонной, Лючетта Торреани умрет вместе со мной... Если не может быть моей спутницей в жизни, так она будет ей в смерти!

Лицо бандита выражало при этом такую неукротимую энергию и жестокость, что сомневаться в истине его слов было нельзя.

При одном невольном движении Корвино все присутствующие вздрогнули, думая, что он немедленно исполнит свою ужасную угрозу, и кровь застыла в их жилах.

Но намерения у бандита были совсем другого рода.

— Чего же вы хотите от нас? — спросил Росси, начальник республиканского отряда. — Вы, вероятно, знаете, что мы не папские солдаты.

— Еще бы, — отвечал презрительно разбойник, — ребенок бы мог догадаться об этом. Я нисколько не опасался, что сюда придут храбрые папские солдаты. Им вреден горный воздух... Потому-то вы и могли нас накрыть врасплох. Конечно, я знаю, кто вы... выслушайте теперь меня, мои условия.

— Говорите скорее! — вскричали некоторые из присутствующих, нетерпеливо ожидавшие конца этих переговоров и не могущие выносить более зрелища дрожащей девушки в руках разбойника. — Каковы же ваши условия?

— Я требую полной свободы для себя и для своих товарищей и обещаю не преследовать нас. Вы согласны?

Начальник отряда стал обсуждать этот вопрос с другими.

Конечно, им была отвратительна мысль выпустить на свободу преступников, давно уже обогривших кровью всю страну и производивших всякого рода насилия и жестокости. И не стыдно ли, даже более, не преступно ли было теперь, когда они могли очистить от них эту местность, снова дать им возможность продолжать бесчинствовать?

Так говорили некоторые из республиканцев.

С другой стороны, была очевидна опасность, грозившая молодой девушке, и убеждение, что в случае отказа Лючетта будет немедленно умерщвлена.

Бесполезно говорить, что Луиджи Торреани, молодой англичанин и несколько других, в числе которых был Росси, настаивали на принятии условий.

— Хорошо, — сказал Росси. — Передадите ли вы нам немедленно девушку, если мы примем ваши условия?

— О нет! — отвечал разбойник иронически. — Это значило бы вручить вам товар без денег. Мы, бандиты, никогда не заключаем подобных сделок.

— Так что же вы желаете сделать?

— Чтобы вы отвели ваших людей в северную сторону горы. Мои люди, отпущенные на свободу, отправятся на южную сторону. Вы, синьор, останетесь здесь, чтобы принять мою пленницу. Я для вас не опасен, у меня только одна рука, и то левая. Вы со своей стороны обязуетесь действовать честно.

— Я согласен, — отвечал Росси, зная, что такого же мнения его спутники.

— Мне мало простого обещания. Мне нужна клятва.

— Охотно даю.

— Подождите, когда настанет день. Ждать недолго.

Рассуждение было правильным. Исполнить на деле выговоренные условия в потемках было невозможно без риска измены с той или другой стороны.

— А пока я потушу огонь, — продолжал Корвино, — чтобы вы не могли напасть на меня с тыла. В темноте я буду спокойнее, синьоры!

Холодная дрожь пробежала по жилам зрителей, в числе которых был Луиджи Торреани и молодой англичанин.

Молодая девушка оставалась одна в потемках с грубым бандитом.

Они были возле нее, но бессильны защитить ее. Тщетно ломали они себе голову, как бы вывести ее из этого ужасного положения, не подвергая ее жизнь опасности.

Карабины их были заряжены, и они каждую минуту готовы были уложить Корвино, но последний не представлял им для этого удобного случая. Прячась все время за молодой девушкой, которую не выпускал из рук, Корвино подскокил к лампе с целью потушить ее.

В эту же минуту дверь открылась и в комнате появилось третье лицо.

Это была женщина дикого вида; в руках у нее сверкал кинжал.

Одним прыжком, как пантера, она бросилась к бандиту и вонзила ему в грудь кинжал по самую рукоятку.

Рука, державшая Лючетту, разжалась, и Корвино тяжело рухнул на пол.

Молодая девушка бросилась к окну.

Но убийца с окровавленным оружием в руке бросилась на вторую жертву.

Лючетта, однако, уже находилась под охраной своих защитников, ружья которых теперь были просунуты сквозь переключины окна.

Раздалось десять выстрелов... Затем последовало мертвое молчание. Когда дым рассеялся, на полу лежали два трупа: Корвино и его убийцы.

Лючетта Торреани была спасена.

LIV. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

«Да здравствует Римская республика!»

Таков был общий клич, раздававшийся на улицах Рима в 1849 году. В числе самых ярких энтузиастов были Луиджи Торреани и его друг Генри Гардинг.

Но в это же самое время в Лондоне уже заседал тайный конгресс из представителей всех царствующих домов континента, цель которого была изыскать пути и средства потушить искру свободы, вспыхнувшую в Италии.

За английское золото французские солдаты восстановили владычество папы.

Через три месяца республика была низвергнута, впрочем, скорее изменой, чем силой. Правда, вся Европа приложила здесь свое старание.

Луиджи Торреани, его отец и его друг Генри вместе сражались за республику.

Но после падения республики и торжества деспотизма Рим не мог служить надежным убежищем друзьям свободы, и потому Франческо Торреани должен был направить свои стопы в другую сторону.

Италия его более не привлекала к себе. Австрийцы завладели Венецией, и Франческо всюду видел врагов своей родины.

Естественно, что мысли его направились к Новому Свету, и некоторое время спустя океанский пароход уносил всю семью Торреани в далекие воды Америки.

LV. № 9 УЛИЦЫ ВОЛЬТУРНО

Генерал Гардинг быстро окончил свое дело, приведшее его в Лондон, в чем ему немало содействовал старый Лаусон.

Доверять 30 тысяч лир почте, когда дело шло о спасении человека, казалось очень рискованным, почему это дело и было поручено сыну Лаусона, который должен был завязать личные сношения с синьором Джакопи.

Молодой Лаусон отправился с первым же поездом из Дувра в Италию, захватив с собой мешочек с золотом.

Он прибыл в Рим до истечения десяти дней срока, данного бандитами, и сейчас же принялся отыскивать улицу Вольтурно.

Он без труда нашел улицу и дом под № 9. Сомнений быть не могло, так как на дверях было написано: синьор Джакопи, нотариус.

Лаусон постучался, но дверь открылась только после второго удара. На пороге показалась ужасная старуха, лет семидесяти, по крайней мере. Но англичанина это не смутило. Он принял ее за служанку нотариуса.

— Здесь живет синьор Джакопи? — спросил Лаусон, знавший итальянский язык.

— Нет.

— Как же нет, когда на дверях висит его карточка?

— Это правда, ее еще не сняли, но это не мое дело. Мое дело стеречь дом.

— Так значит, синьор Джакопи больше здесь не живет?

— Господи, что за вопрос, вы шутите, синьор.

— Мне не до шуток, уверяю вас... У меня есть очень важное дело к нему.

— Дело к синьору Джакопи! Пресвятая Дева! — прибавила старуха, осеняя себя крестным знамением.

— Ну, конечно, чего тут странного?

— Дело к покойнику! Боже милостивый!

— Покойник! Синьор Джакопи!

— А то кто же, синьор? Все знают, что он был убит в первый день восстания, а потом поднят и повешен на фонаре, потому что его обвинили в... о, синьор, даже страшно повторять, в чем его обвиняли.

В страхе и удивлении англичанин даже выронил свой мешок с золотом. Неужели он не добьется никакого результата!

Опасения его оправдались. Все, что он узнал о Джакопи, заключалось только в том, что это был алжирский еврей по происхождению, который перешел в католичество и по временам куда-то надолго и таинственно отлучался. И что вследствие какой-то непонятной причины он навлек на себя народную ярость, жертвой которой и пал в первый день революции.

LVI. БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОИСКИ

— Что делать?

Таков был вопрос, который себе задал молодой Лаусон, вернувшись в гостиницу.

Вернуться в Лондон с нетронутым золотом и с сознанием неисполненного поручения?

Но последствия этого могли быть ужасны. По истечении десяти дней рука Генри Гардинга должна быть послана отцу. Прошло уже девять дней. Теперь оставался только один день. Но каким образом войти в сношения с бандитами, во власти которых находился сын генерала, раз посредник Джакопи отправился на тот свет?

Генри писал, что он был захвачен в плен шайкой разбойников на неаполитанской границе, в 50 милях от Рима.

Это было единственное указание, находящееся в руках Лаусона.

Но не мог же он, не рискуя своей собственной свободой, узнать место пребывания каждой разбойничьей шайки на границе.

Но даже если бы ему и удалось это, то успеет ли он сделать это вовремя? Конечно нет.

Никогда еще за всю его долгую практику почтенному дому «Лаусон и сын» не приходилось решать такой трудной задачи. Что делать, на что решиться? Каким образом помешать совершению преступления?

Лаусон не мог найти никакого выхода из своего положения. В конце концов он решил написать в Лондон о своей неудаче, вполне уверенный, что следующей почтой он получит грустное извещение о приведенной в исполнение угрозе разбойников.

Но вдруг ему пришла другая мысль в голову: что если письмо его затеряется? Не лучше ли ему самому съездить в Лондон? Такое важное дело нельзя подвергать никаким случайностям.

Он разорвал начатое письмо и стал готовиться к отъезду.

В Лондоне он ничего нового не узнал, и на общем совете было решено, что молодой Лаусон снова отправится в Италию.

Но на этот раз Лаусон не Так скоро попал в Рим. Вечный город в это время

был осажден французскими войсками под начальством Удино.

Два раза осаждающие были отбиты, улицы Рима были залиты кровью храбрых защитников республики, предводительствуемых великим Гарибальди, будущим объединителем Италии.

Этот неравный бой длился недолго. Республиканцы пали от гнусной измены, и, когда наконец французы вступили в город, Лаусон мог продолжать свои розыски.

На этот раз ему удалось узнать, что молодой англичанин был захвачен шайкой Корвино, что потом ему удалось освободиться из рук бандитов, что шайка эта была уничтожена и начальник их убит республиканцами и что затем бывший пленник участвовал в защите Рима от французов.

Был ли он убит во время осады, неизвестно, но с тех пор след его затерялся.

Таковы были сведения, собранные Лаусоном во время второго путешествия в Италию. Генерал Гардинг никогда больше ничего не узнал о судьбе своего младшего сына.

С того дня, когда он получил ужасное письмо с пальцем Генри, генерал не знал ни одной светлой минуты. Горе его еще больше усилилось после неудачной поездки Лаусона в Рим.

С этой минуты генерал находился в состоянии возбуждения, близкого к помешательству. С каждой почтой он ожидал страшного послания с еще более страшной посылкой. Он даже думал, что второе письмо просто затерялось и он сразу получит голову сына.

Эти постоянные волнения кончились параличом, и он скоро умер, обвиняя себя в убийстве своего сына.

Но полной уверенности в смерти Генри у старика не было, и в последних своих распоряжениях он наказал своему поверенному Лаусону продолжать поиски во что бы то ни стало до тех пор, пока не получит определенных сведений о судьбе сына. Если последний умер, то тело его должно быть привезено в Англию и похоронено рядом с ним.

Что касается распоряжений генерала в том случае, если Генри жив, то их никто не знал, кроме Лаусона.

Последний слепо повиновался предсмертной воле генерала и посвятил большую сумму, оставленную ему стариком, на розыски и печатание объявлений в газетах.

Но все было тщетно. Ничего нового не узнал он о Генри и по истечении известного времени прекратил розыски и объявления в газетах.

LVII. МОЛОДОЙ СКВАЙР

После смерти генерала Гардинга сын его, Нигель, вступил во владение Бичвудом, и малое время спустя, несмотря на траур, он сделался супругом, но не господином Бэлы Мейноринг.

Никто не оспаривал его права на наследство. Слух о смерти младшего сына во время осады Рима пронесся в графстве и не возбудил ни в ком сомнений.

Но если бы даже Генри был жив, то это бы ничего не изменило, так как всем было известно, что Нигель единственный наследник. Интересующихся этим вопросом без труда удовлетворял мистер Вуулет, поверенный Нигеля, нового владельца Бичвуда, рассказывавший о завещании генерала, лишившего младшего сына наследства.

Нигель теперь мог считаться если не самым счастливым, то самым богатым сквайром в Букингемском графстве.

Против желания Нигеля мир и покой, царствовавший в Бичвуде, исчез, как по волшебству, с того дня, когда Бэла Мейноринг стала его властительницей.

Под скипетром новой госпожи Бичвуд сделался центром всяких удовольствий: пикники, кавалькады, празднества, охоты, обеды и балы шли непрерывной чередой.

В таких праздниках и удовольствиях прошло несколько лет.

Внимательному наблюдателю, однако, можно было заметить, что под внешним весельем в сердце хозяина скрывалось грустное чувство.

Нигелю часто приходилось ревновать свою красавицу жену, окруженную поклонниками и всегда очаровательно-любезную к гостям, но не к мужу. Но Бэла, по-видимому, никогда не ревновала своего мужа; наоборот, она с трудом переносила его присутствие и с облегчением вздыхала, когда он уходил из дома.

LVIII. В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

После пятилетнего путешествия по Новому Свету я очутился в Южной Америке на берегах Рио-де-ла-Платы.

Я хотел посетить одного английского колониста, моего школьного товарища, занимавшегося скотоводством и продажей шерсти.

Лошадь у меня была отличная, и я рассчитывал сделать 50 миль до захода солнца.

Надо сказать, что дороги в этой части Америки изборождены глубокими ямами от тяжелых следов бизонов и очень опасны для лошадей.

Лошадь моя была настолько неосторожна, что ступила в одну из таких ям и увлекла меня за собой. Я отделался легким ушибом, но лошадь моя зашибла себе переднюю ногу. Мне оставалось пройти пешком, ведя в поводу хромящую лошадь, еще миль тридцать до жилища моего друга.

Я уже стал проклинать свою судьбу, как вдруг невдалеке заметил группу персиковых деревьев, окруженных белой стеной.

С намерением оставить там больную лошадь и, если можно, взять себе другую я направился к небольшому дому, выстроенному в стиле итальянских вилл, с чудной верандой.

Я приблизился к калитке и постучал.

В ожидании, пока откроют, я рассматривал сад и веранду, всю уставленную розами. Очевидно, хозяином этой виллы мог быть только англичанин, немец, француз или итальянец, так как в Южной Америке можно встретить колонистов всех этих национальностей.

Мое любопытство было скоро удовлетворено. На дорожке, ведущей к калитке, показался человек. Густая черная борода, орлиные глаза, с горбинкой нос и чудные зубы ясно указывали в нем итальянца.

Но, несмотря на почти черный цвет кожи, выражение его лица было очень симпатичное. На его вопрос, что мне угодно, я ломаным итальянским языком объяснил ему, что случилось с моей лошадью, и попросил одолжить мне другую, чтобы доехать до моего друга.

Итальянец с удивлением переводил глаза с лошади на меня и затем повернулся к дому.

В ту же минуту дверь отворилась, и на веранде показалась женщина с ангельски красивым лицом.

Она сделала несколько шагов вперед и обратилась к моему собеседнику с вопросом:

— В чем дело, Томассо?

Выслушав рассказ Томассо, она кротко сказала ему:

— Передай иностранцу, что он может оставить здесь свою лошадь и что ему дадут другую. А также прибавь, что я приглашаю его войти в дом и подождать возвращения моего мужа.

Нечего говорить, что я с удовольствием принял это приглашение.

Томассо взял из моих рук повод и повел лошадь в конюшню.

LIX. ГОСТЕПРИИМСТВО НОВОГО СВЕТА

Я был в восторге от моей прекрасной хозяйки и благословлял случай, забросивший меня сюда.

Кто она была? По ее словам — итальянка, но она довольна сносно говорила по-английски и объяснила, что ее муж англичанин.

— Он будет очень рад увидеть вас, — прибавила она, — так как ему редко приходится видеть своих соотечественников. Он с моим отцом и братом Луиджи отправился на охоту на страусов. Он скоро вернется, так как на страусов охотятся только до полудня. А пока не желаете ли посмотреть картины? Некоторые писаны моим мужем, а другие — братом Луиджи. Я же пока пойду позаботиться о завтраке для охотников.

Я стал рассматривать картины, изображающие разные сцены из колониистской жизни и могущие занять место в первоклассном музее.

Я не успел еще прийти в себя от изумления, как шум голосов привлек меня к окну.

В тени гигантского дерева несколько всадников спешили с лошадей.

Двое из них, очевидно, были слуги или пастухи, а двое других, должно быть, муж и брат Луиджи, которого я тотчас же узнал по ярко выраженному итальянскому типу.

В этот момент на дорожке появилась моя прелестная хозяйка и присоединилась к настояниям своего мужа, уговаривавшего молодого итальянца остаться завтракать.

Через минуту молодые люди входили в комнату.

— Мой муж Генри и мой брат Луиджи, — представила очаровательная хозяйка.

Она не прибавила больше ничего и, прежде чем я успел сказать свою фамилию, стала им объяснять причину, приведшую меня сюда.

— О, разумеется! — вскричал англичанин. — Мы с удовольствием дадим вам лошадь. Но отчего вам не остаться с нами один или два денька, может, за это время и лошадь ваша поправится?

Сказано это было таким приветливым тоном, что я не мог сомневаться в искренности его слов и остался.

Я провел три самых приятных дня моей жизни — частью у Генри, частью у Луиджи, жившего недалеко в другом доме, со своей женой, молодой американкой и почтенным отцом.

Честный Томасо так чудно ухаживал за моей лошастью, что через три дня она, к моему огорчению, совсем выздоровела и я должен был проститься с моими очаровательными хозяевами, пообещав навестить их еще раз.

LX. ХОЗЯИН-НЕЗНАКОМЕЦ

До самого моего отъезда я не знал фамилии моего хозяина.

Фамилия отца моей прекрасной хозяйки, синьора Франческо Торреани, переселившегося в Аргентинскую республику, упоминалась при мне несколько раз.

Живя совершенно новой жизнью на полной свободе, моим хозяевам не пришлось на ум рассказывать о своем прошлом, а мне их спрашивать.

Поэтому, как я уже сказал, я прощался с гостеприимным хозяином, не зная даже его имени.

Я заметил, что мой соотечественник как бы избегал говорить об Англии. Но его манеры, язык, умственное и нравственное развитие — все указывало в нем если не на высокое происхождение, то на прекрасное воспитание. Кто он и откуда?

Мое любопытство было так страшно раздражено, что я решился, наконец, его удовлетворить.

— Вы простите, — сказал я, — что если после такого радушного приема я желал бы узнать ваше имя. Это не любопытство, а просто мне бы хотелось знать, кому я обязан моей благодарностью.

— Это правда, капитан, вы прожили у меня три дня и даже не знаете моего имени; это совсем не в английских привычках. Я прошу меня извинить, я, вспомнив старину, даже преподнесу вам свою визитную карточку. Кажется, у меня еще сохранилось несколько.

Он вернулся в дом и через минуту принес мне старую пожелтевшую карточку. Я поблагодарил, спрягал ее в карман и еще раз простился с гостеприимным хозяином.

Отъехав несколько от дома, я не вытерпел, вытащил карточку и прочитал: «Генри Гардинг».

«Прекрасная фамилия», — подумал я. Мне совершенно не пришло в голову, что молодой «estanciero» пампасов мог иметь какое-нибудь отношение к Гардингам из Бичвуда.

LXI. НАЙДЕННЫЙ НАСЛЕДНИК

Читатель, конечно, удивится моей непонятливости — каким образом я не узнал в Генри Гардинге моего старого знакомого?

Но я должен оговориться, что раньше видел его всего один раз, и то, когда он был мальчиком; мог ли я узнать в человеке с бронзовым лицом и большой бородой, более похожем на итальянца, чем на англичанина, и предпочтительно говорящем на итальянском языке, школьника, совершенно мной забытого. Это, пожалуй, могло быть еще, если бы я раньше узнал его имя.

Прибыв в эстансио моего друга, я нашел его в большой тревоге. Он боялся, не случилось ли со мной какого-нибудь несчастья.

Я объяснил ему причину моего запоздания и с удовольствием распространился о гостеприимстве своих новых знакомых. Вдруг мой друг прервал меня вопросом:

— Вы знавали когда-нибудь некоего, генерала Гардинга из графства Букс? Он умер пять или шесть лет тому назад.

— Я знавал генерала Гардинга из Бичвуда, но виделся с ним чрезвычайно редко. Он умер действительно пять лет тому назад. Тот ли это самый, не знаю.

— Тот самый, конечно... Как странно!.. Я сам хотел отправиться в эстансио, где вы сейчас были... Хотя мистер Гардинг больше знает с итальянцами-аргентинцами, но мне кажется, он вполне достойный человек.

— Точно такое впечатление я вынес после моего пребывания в их доме. Но скажите, что же общего между ним и генералом Гардингом?

— А вот что, — сказал мой друг. — Поджидая вас, я от нечего делать стал читать старые английские газеты. Между прочим, мне попался в руки номер «Times'a». От скуки я стал читать даже объявления, и вдруг мои глаза упали на следующее... вот прочтите сами.

Я взял газету и прочел объявление:

«Генри Гардинг! — Если мистер Генри Гардинг, сын покойного генерала Гардинга из Бичвуд-парка в графстве Букс, потрудится посетить контору «Лаусон и сын», он узнает для себя нечто важное. Мистера Гардинга видели в последний раз в Риме во время революции. Солидное вознаграждение тому, кто укажет его настоящее местопребывание, а в случае смерти его могилу».

— Что вы думаете об этом? — спросил мой друг, когда я кончил чтение.

— Я уже видел это объявление, — отвечал я, — но не знаю результатов его, так как сам давно оставил Англию.

— Не думаете ли вы, что Генри Гардинг, о котором говорит «Times'a», и ваш недавний знакомый — одно и то же лицо?

— Возможно и весьма вероятно. Может быть, он уже получил даже свое наследство, которое не могло быть велико, так как генерал Гардинг все оставил старшему сыну. Вероятно, с этими деньгами Генри и переселился в Америку.

— Нет, могу вас заверить. Он поселился здесь задолго до объявления и с тех пор ни разу не ездил в Англию.

— Для получения тысячи фунтов ему не нужно было самому ездить в Англию. Он мог получить их и по почте.

— Это правда, но у меня есть основательные причины думать, что он этих денег не получал и даже никогда не видел этого объявления. Свое эстансио он арендует у отца своей жены, и его очень огорчает его зависимое положение и

неумение хозяйничать. И он бы принял с радостью эту тысячу фунтов, ничтожную сумму для Лондона, но большое состояние для пампасов.

— Что же вы хотите сделать? — спросил я.

— Так как вас приглашали приехать еще раз, то вы поезжайте и захватите этот номер «Times'a». А теперь я постараюсь развлечь вас, хотя мой холостяцкий дом покажется вам очень скучным после того общества, которое вы покинули.

LXII. НОМЕР «TIMES'A»

Против ожидания я не скучал у моего школьного товарища и с удовольствием провел у него восемь дней.

На десятый день мы вместе с моим другом отправились в эстансио Генри Гардинга.

Синьора Лючетта была еще очаровательней, чем прежде, и обе семьи собрались под одной кровлей, чтобы отпраздновать наше посещение.

Наш хозяин оказался действительно сыном генерала Гардинга, тщетно отыскиваемым добровольным изгнанником.

— Знали вы об этом объявлении? — спросил я, указывая на газету.

— Впервые об этом слышу, — отвечал он.

— Но вы знали о смерти вашего отца?

— О да! Я узнал об этом из газет. Бедный отец! Может быть, я поступил неосмотрительно, но теперь уже поздно об этом думать, — грустно добавил он.

— А о женитьбе вашего брата вы слышали?

— Нет, — отвечал он, — разве он женат?

— Давно уже, о его свадьбе столько писали в газетах. Странно, что вы не читали.

— После смерти отца я не открыл ни одной английской газеты. Я избегал даже знакомств с моими соотечественниками.

А вы знаете женщину, которую мистер Гардинг удостоил осчастливить?

— Он женился на некой мисс Бэле Мейноринг, — сказал я с невинным видом, но с тревожным любопытством вглядываясь в его лицо.

Но молодой человек был невозмутим.

— О, я ее знаю, — отвечал он с иронической улыбкой. — Она и мой брат созданы друг для друга.

Для меня был ясен смысл этих слов.

— Но, — сказал я, возвращаясь к объявлению, — что вы рассчитываете делать с этим? Вы видите, вопрос идет «о чем-то важном для вас»...

— Я думаю, что это пустяки... Вероятно, тысяча фунтов стерлингов, которые отец оставил мне после смерти. Об этом было упомянуто в завещании...

Он остановился, и горькая улыбка показалась на его устах, но тотчас же лицо его прояснилось.

— И тем не менее я должен этому завещанию радоваться, хотя оно и лишило меня наследства. Без него я бы никогда не узнал моей дорогой Лючетты, а это было бы самым ужасным несчастьем моей жизни.

Я, конечно, мог только согласиться с ним и затем спросил, опять возвращаясь к той же теме:

— Но и тысяча фунтов стоит все-таки того, чтобы ими заняться, — прогово-

рил я.

— Это правда, — отвечал он, — за последнее время я уже подумывал о них. В сущности, я был так глубоко огорчен всем случившимся со мной в Англии, что сначала решил отказаться и от этой маленькой суммы, но, правду говоря, я так мало зарабатываю здесь денег, что часто нуждаюсь в помощи моего тестя. Тысяча фунтов мне все-таки поможет встать на ноги.

— Что же, вы решились ехать в Англию?

— О нет! Тысячу раз нет! Если бы даже дело шло о десяти тысячах фунтов стерлингов, я все-таки бы не согласился расстаться со здешней счастливой жизнью. Деньги мои ведь находятся у Лаусона, и я могу получить их, дав кому-нибудь доверенность... Ведь вот вы, если не ошибаюсь, собираетесь отсюда скоро уехать прямо в Англию?

— С первым пароходом, и очень буду рад, если могу быть вам чем-нибудь полезен.

— Да, — проговорил он, — вы можете оказать мне очень большую услугу. Съездите, пожалуйста, к Лаусону, поверенному. Если у него есть мои деньги, он, без сомнения, вручит их вам. Я вам дам доверенность, и вы препроводите деньги в Буэнос-Айрес какому-нибудь банкиру. А теперь пойдете слушать пение наших дам.

LXIII. ЗАВЕЩАНИЕ ГЕНЕРАЛА

Два месяца спустя я уже находился под туманным небом Лондона и входил в сумрачную контору «Лаусон и сын».

Меня принял сам старый адвокат.

— Чем я могу вам служить, капитан? — вежливо спросил он, смотря на мою визитную карточку.

— Вот какое дело привело меня к вам, — отвечал я, доставая старый номер «Times'a» и указывая на объявление, обведенное красным карандашом. — Мне кажется, что к вам нужно обращаться по этому поводу.

— Да! — вскричал он, подпрыгивая на месте, точно я приставил к его горлу дуло пистолета. — Это напечатано уже давно. Но скажите, пожалуйста, мистер Генри Гардинг жив?

— Я видел его два месяца назад.

У адвоката вырвалось такое выражение, которое неудобно привести в печати и которое объяснялось только его волнением.

— Это очень и очень серьезно, — продолжал он. — Расскажите, пожалуйста, капитан... Только позвольте спросить: вы не друг мистера Нигеля Гардинга?

— Если бы я был им, мистер Лаусон, я бы не пришел к вам с таким поручением. Насколько мне известно, Нигель Гардинг меньше всего обрадуется, узнав, что брат его здравствует.

Мои слова, видимо, произвели хорошее впечатление на адвоката. Я уже знал, что он больше не состоял поверенным Гардинга.

— И вы подтверждаете, что он жив? — торжественно спросил он.

— Лучшим доказательством этого может послужить вам следующее.

Я передал ему в руки письмо Генри Гардинга и доверенность на получение тысячи фунтов стерлингов.

— Тысяча фунтов стерлингов! — вскричал адвокат, прочитав письмо. — Сто

тысяч фунтов — ни более ни менее... и наросшие проценты... А, попался теперь презренный плут Вуулет... И достойное наказание для мистера Нигеля Гардинга и его прекрасной половины!

Дав время успокоиться адвокату, я просил его объясниться.

— Объясниться! — вскричал он, величественно смотря на меня. — Слава Богу, мы можем теперь наказать похитителя и в то же время этого мошенника Вуулета... Какое счастье! Так, значит, любимый сын генерала Гардинга жив! Какая чудная новость!

— Но что все это значит, мистер Лаусон? Я пришел к вам получить тысячу фунтов, завещанных отцом Генри Гардингу.

— Тысячу фунтов!.. Да разве Бичвуд стоит тысячу фунтов? Читайте, капитан, читайте!

С этими словами он подал мне большой лист пергамента, вынутый из ящика.

В этом завещании генерала уничтожалось завещание, сделанное раньше. Единственным наследником объявляется младший сын Генри, и только тысяча фунтов предназначается Нигелю.

«Лаусон и сын» по этому акту назначались душеприказчиками с условием, что последняя воля покойного будет открыта Нигелю только в том случае, если Генри окажется в живых. На розыски же пропавшего всевозможными путями были оставлены большие суммы.

В ожидании результатов розысков Нигель вступал в полное владение наследством по смыслу первого завещания, и в случае, если смерть Генри будет доказана, последнее завещание теряет всякую силу.

— Из всего этого, — сказал я, возвращая завещание, — следует, что мистер Генри Гардинг становится единственным обладателем Бичвуда?

— Это неоспоримо, — отвечал Лаусон. — Он делается наследником всего, за исключением тысячи фунтов стерлингов. Не очень приятная новость для мистера Нигеля, а также и для мистера Вуулета! Они оба делали все возможное, чтобы помешать мне опубликовать это объявление, хотя были уверены, что дело идет только о тысяче фунтов. Теперь эта сумма принадлежит Нигелю. Ну, мы посмотрим, насколько она покроет расходы, сделанные под управлением мистера Вуулета. Для них это будет громовым ударом.

— Хотя я уполномочен мистером Генри Гардингом получить только тысячу фунтов, но если вам могу быть полезен, то весь к вашим услугам.

— Я очень счастлив, что мы можем рассчитывать на ваше содействие. Оно нам будет необходимо. Они будут цепляться за это состояние руками и ногами и без борьбы нам не уступят. В особенности такой господин, как Вуулет, не брезгующий никакими средствами.

— Но каким же образом могут они оспаривать завещание, раз оно подписано генералом и свидетелями?

— Да, и тем не менее нам придется удостоверить личность истца. В этом вся суть. Скажите мне, очень изменился молодой человек с тех пор, как покинул Англию?

— Не сумею вам сказать, так как раньше я его встречал мало и совсем забыл его лицо.

— Тогда он был очень молод, — задумчиво проговорил адвокат, — разумеется, он сильно изменился. Плен у разбойников... борьба на баррикадах... бо-

рода... бронзовый цвет лица, приобретенный под южным американским солнцем, все это делает совершенно непохожим нынешнего Генри Гардинга на юношу, покинувшего шесть лет назад Англию. Вот в чем страшное затруднение. За деньги всегда можно найти людей, готовых поклясться в чем угодно, а Вуулет и мистер Нигель не остановятся ни перед чем, не говоря уже о миссис Нигель и ее почтенной матушке. Нам предстоит серьезная борьба, капитан.

— Но вы ведь не боитесь проиграть дело?

— О нет! — отвечал он с торжествующим видом. — У меня есть средства победить все затруднения.

— Когда же вы начнете действовать?

— Прежде всего для этого надо вызвать сюда мистера Генри... Подождите... Эстансио Торреани, через Розарио, Парана, — вы говорите. Мой сын сейчас едет в Южную Америку. Теперь, капитан, я попрошу у вас одолжения: во-первых, написать вашему другу Генри о том, что вы здесь услышали, а затем дать мне слово хранить секрет до приезда самого Генри Гардинга.

LXIV. ПЕРСТ СУДЬБЫ

Шесть месяцев спустя я был вызван свидетелем в суд по делу об оспаривании завещания.

Дело, само по себе обыкновенное, на этот раз вызвало общий интерес особыми обстоятельствами и социальным положением тяжбущихся сторон.

«Гардинг против Гардинга» — так называлось это дело. Ответчиком был Нигель Гардинг, а истцом — Генри Гардинг, сводный брат ответчика.

Оспаривалось завещание, сделанное генералом Гардингом за год до смерти, подписанное провинциальным нотариусом Вуулетом и его клерком и завещавшее старшему сыну Нигелю все наследство, за исключением тысячи фунтов стерлингов, предназначенных второму сыну Генри.

Завещание было сделано по форме, но вся суть состояла в том, что было предъявлено другое завещание, позднейшее, совершенно противоположное первому и завещавшее все состояние младшему сыну, за исключением тысячи фунтов, предназначаемых старшему.

Это завещание тоже было написано по форме, но особенность его заключалась в том, что в момент составления его завещатель не знал, жив его младший сын или нет.

И вот единственный наследник по второму завещанию явился на сцену, но вступить в обладание наследством по смыслу завещания не мог, так как ответчик утверждал, что явившийся истец под именем Генри Гардинг никогда не был его братом.

В подтверждение своих слов Нигель Гардинг представил письма своего брата, которые он писал, будучи в плену у бандитов, угрожавших ему смертью в случае неполучения выкупа.

Приведены были доказательства, что выкуп не был заплачен, так как был послан очень поздно, за что, по всей вероятности, пленник поплатился жизнью.

Таково было впечатление, произведенное на судей красноречивым адвокатом, которому Вуулет доверил защиту интересов своего клиента.

Со стороны истца рассказывались невероятные вещи.

Присяжные сочли нелепостью, чтобы сын богатого, знатного джентльмена

взялся за жалкую профессию художника и затем переселился в Южную Америку, отказавшись от блестящего положения в Англии.

Одним словом, несмотря на свидетельские показания со стороны истца, было почти невозможно установить тождество между загорелым бородатым человеком, претендентом на Бичвуд, и пропавшим без вести сыном генерала Гардинга.

Прения уже почти были закончены, когда вдруг адвокат истца вызвал еще одного свидетеля, показывавшего раньше по первому завещанию и, казалось, в пользу ответчика.

Свидетель этот был не кто иной, как Лаусон-старший. Заняв место на скамье свидетелей, старый законник обвел всех присутствующих ироническим взглядом, значение которого стало понятно только после окончания допроса.

— Вы утверждаете, что генерал Гардинг получил второе письмо от своего сына Генри? — спросил адвокат истца, после того как Лаусон приложился к Библии.

— Да.

— Я не говорю о письмах, уже предъявленных суду. Я спрашиваю о письме, написанном начальником бандитов, Корвино. Получил ли его генерал?

— Да.

— Вы можете это доказать?

— Он дал мне его на хранение.

— Когда это происходило?

— Незадолго до смерти генерала. В тот самый день, когда он продиктовал завещание.

— Какое завещание?

— Исполнения которого требует истец.

— Знаете ли вы, когда генерал получил это письмо?

— На письме есть число и на конверте штемпель.

— Есть у вас это письмо?

Свидетель вынул из кармана пожелтевший листок бумаги, подал его адвокату, который передал его судьям.

Адвокат попросил разрешения у судей прочесть письмо вслух.

Это было письмо Корвино, написанное генералу Гардингу, заключавшее в себе ужасный подарок.

Чтение этого послания произвело волнение среди присутствующих.

— Мистер Лаусон, — продолжал адвокат, — можете ли вы нам указать, какой предмет находился в этом письме?

— Генерал сказал, что это был палец его сына, который он хорошо признал по глубокому шраму... след от удара ножом, нанесенного его братом на охоте, когда оба были детьми.

— Можете вы сказать, что случилось с пальцем?

— Вот он!

Свидетель представил палец. Это ужасное доказательство заставило вздрогнуть присутствующих. Мистер Лаусон вернулся на свое место.

— Теперь, — обратился адвокат к суду, — я желал бы вызвать мистера Генри Гардинга.

Истец занял место на скамье свидетелей и немедленно привлек к себе общее внимание.

Одет он был просто, но изящно, на руках были лайковые перчатки.

— Будьте любезны, мистер Гардинг, — сказал адвокат, — снимите перчатку с левой руки.

Свидетель повиновался.

— Теперь, будьте добры, поднимите руку.

Генри протянул руку... На ней недоставало одного пальца.

Новое и сильное волнение.

— Видите, господа судьи, на руке нет одного пальца... а вот и он.

С этими словами адвокат приблизился к свидетелю. Приподняв слегка руку своего клиента, он приставил палец к оставшемуся суставу.

Сомнений быть не могло. Белая линия старого шрама как раз подошла к продолжавшейся линии на отрезанном пальце.

Общее волнение достигло высшего предела.

Прения закончились. Через несколько минут был вынесен приговор суда. Дело «Гардинг против Гардинга» единодушно было решено в пользу истца, и противник должен был уплатить судебные издержки.

LXV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько месяцев спустя после процесса я получил приглашение из Бичвуд-парка с известием, что его леса кишат дичью.

Это приглашение было не от Нигеля Гардинга и не от его жены. Новые владельцы были мои южноамериканские друзья, Генри Гардинг и его красавица жена-итальянка.

Помимо меня в замке была еще масса друзей, среди которых я увидел старого синдика из Валь д'Орно, Луиджи Торреани и его очаровательную жену-аргентинку. Я никогда больше не видал ни Нигеля, ни его жену. Но я узнал, что Генри, не помнивший зла, вместо тысячи фунтов, завещанных генералом, дал брату десять тысяч, оградив таким образом его и его жену от всякой нужды даже в Англии.

Но Нигель, возненавидевший теперь Англию так же, как его жена и теща, отправился служить в Индию.

Догги Дик, наскучивший разбойничеством, вернулся в Англию и принялся за свое прежнее ремесло браконьера, но не прошло и года, как он попал на виселицу.

Мистер Вуулет по-прежнему занимается мошенническими проделками и угнетает бедных невежественных крестьян.

Синдик, Луиджи и его жена вернулись снова в свое любимое эстансио Парана.

Возможно, что за ними последуют Генри и Лючетта.

Среди окружающей роскоши Генри и его жена часто с грустью вспоминают о своем скромном жилище в Южной Америке.

Оно и понятно. Благородные сердца не удовлетворяются одним богатством! Свободный физический труд разве не предпочтительнее лихорадочной жизни нашего, так называемого цивилизованного общества? Какая страна Европы, как бы она прекрасна ни была, может идти в сравнение с чудесами американской природы, ее девственными лесами, прериями и пампасами!

Там будущее царство свободы, на нее указывает человечеству перст судьбы.

АВАНТЮРИСТ ДЕПАР

ПОВЕСТЬ

Глава I

ГОРОД ДУЭЛЯНТОВ

Среди американских городов Новый Орлеан пользуется совершенно особой репутацией. Выгодное положение при входе в великую долину реки Миссисипи, которой он служит торговым центром, местом выгрузки и пакгаузом, быстрый экономический расцвет и прирост населения — все это делает Город Полумесяца одним из самых интересных мест не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире.

Многое заставляет американцев относиться к Новому Орлеану иначе, чем к другим городам. Их привлекают связанные с ним романтические воспоминания, субтропическая растительность, теплый климат, пестрота населения, состоящего из представителей самых различных национальностей, и, наконец, обусловливаемое этой пестротой своеобразие обычаев и нравов.

Город Полумесяца вызывает живейший интерес в жителях приатлантических и даже западных штатов. О нем не могут говорить равнодушно. Молодой кентуккиец, никогда еще не спускавшийся «вниз по реке», с радостным нетерпением ждет того дня, когда ему удастся попасть в роскошный и веселый город. Для американского Запада Новый Орлеан является своего рода Меккой.

Со времени присоединения к республике Город Полумесяца стал расти невероятно быстро.

За шестьдесят лет он превратился из незначительной деревни, насчитывавшей только десять тысяч душ, в большой торговый город. Население его увеличилось раз в двадцать. И это несмотря на страшные эпидемии, от которых ежегодно гибли тысячи людей.

Если бы не нездоровый климат, Новый Орлеан смело мог бы соперничать с Нью-Йорком. Нужно сказать, впрочем, что жителей его обуревают гораздо более честолюбивые мечты. Они верят, что их город сделается когда-нибудь столицей мира.

Новый Орлеан нельзя рассматривать как провинциальный город. Он никогда им не был. С тех пор как пираты устроили в нем свою штаб-квартиру и свои склады, он всегда претендовал на звание столицы.

Нравы, обычаи и люди Нового Орлеана очень самобытны. Все, что в них есть заимствованного, напоминает не нью-йоркский ^Дродвей, а парижские бульвары. Несмотря на то что Нью-Йорк получает новинки прямо с пароходов, модные костюмы и модные шляпы появляется на улицах Нового Орлеана раньше, чем на улицах Нью-Йорка. Мало того, одежда новоорлеанцев сшита из лучшего материала и лучшими портными, чем одежда ньюйоркцев. Креолы не жалеют денег. Они покупают только самое тонкое полотно и заказывают самые дорогие костюмы. Им ничего не стоит заплатить двадцать пять долларов за фетровую шляпу. Счета портного с улицы Рояль удивили бы наиболее расточительных европейских франтов. Помнится, и я заплатил когда-то одному из этих артистов своего дела двадцать гиней за костюм. Зато костюм был чудесный!

Одной из поразительнейших особенностей Нового Орлеана является необыкновенное пристрастие его жителей к дуэлям. Ни в других американских городах, ни, к счастью, во всех остальных местах земного шара не услышишь таких горячих споров. Пылкие обитатели Города Полумесяца то и дело обнажают шпаги и взводят курки пистолетов. Редкая неделя проходит без скандала. И по утрам в темных лесах Понтшартрена часто раздаются выстрелы, возвещающие об очередном поединке, а иногда и о смерти какого-нибудь юного сумасброда.

Я сказал, что редкая неделя проходит в Новом Орлеане без скандала. Это утверждение относится лишь к настоящему. Что касается прошлого, то скандалы случались почти каждый день.

Лет двадцать тому назад дуэли и уличные драки казались новоорлеанцам самым заурядным явлением. Даже почтенные пожилые люди и отцы семейств считали себя обязанными «смыть кровью» все нанесенные им обиды.

Попадая в Новый Орлеан, иностранцы, привыкшие у себя на родине шутить совершенно безнаказанно, быстро излечиваются от излишней склонности к остроумию.

В этом странном городе даже самому благоразумному человеку почти невозможно избежать кровопролития. Я отнюдь не считаю себя буяном. Однако через сутки после прибытия в Новый Орлеан я чуть не впутался в пренеприятную историю. А моему спутнику так и не удалось уклониться от дуэли.

Сам по себе инцидент этот вряд ли заслуживает внимания, но он поможет мне познакомить читателя с главными действующими лицами той маленькой истории, о которой я собираюсь рассказать.

Я люблю море, но ненавижу морские путешествия. Сесть на пароход меня может заставить только необходимость. Спутник мой вполне разделял эти чувства. Обоим нам надоела вода. При таких условиях легко себе представить, какая радость охватила нас, когда после трехмесячного путешествия от полю-

са до экватора, во время которого нас изводили по очереди то штормы, то штили, мы увидели наконец землю и высадились в бухте, образуемой устьем Миссисипи.

Пустынная безлесная местность показалась нам земным раем. Мы предпочли бы бродить по ее болотам, чем снова сесть на пароход. Тем не менее мы были вынуждены проехать еще больше сотни миль вверх по реке. Путешествие это тянулось томительно долго. И вдруг в ярких лучах склонявшегося к закату солнца перед нашими очарованными взорами загорелся блестящий купол собора.

Дольше оставаться на пароходе мы были не в состоянии. Сжалившись над нашими страданиями, добродушный старик шкипер приказал двум бравым матросам отвезти нас на берег.

Не берусь описать удовольствие, которое мы испытали при виде удаляющегося парохода. Представьте себе чувство выпущенной из клетки птицы; точно такое же чувство охватило нас.

До Нового Орлеана оставалось еще несколько миль. Мы увидели широкую дорогу, тянущуюся по хребту высокой насыпи, и быстро зашагали вперед.

Глава II В РЕСТОРАНЕ

Мы прошли мимо плантаций сахарного тростника и полюбовались домами их владельцев. Это были красивые виллы, окруженные апельсиновыми рощами или садами, в которых цвела великолепная персидская сирень.

По дороге нам попадались и другие дома, соблазнявшие нас своим гостеприимным видом. Я говорю о ресторанчиках и кафе. Их разноцветные бутылки, сверкающие бокалы и прохладные террасы показались нам необыкновенно заманчивыми.

Ни у меня, ни у моего спутника не хватало мужества устоять перед соблазном. Мы заходили во все заведения такого рода, попадавшиеся на нашем пути. И в каждом из них мы пробовали все новые и новые напитки. Настроение у нас сильно повысилось.

Когда мы высадились на берег, солнце стояло уже довольно низко. Не успели мы дойти до предместий Нового Орлеана, как диск его исчез за кипарисовыми лесами, черневшими на горизонте.

Уличные фонари горели тускло и на большом расстоянии друг от друга. Вскоре мы остановились перед ярко освещенным зданием.

Через широко открытую створчатую дверь мы увидели великолепный зал одного из тех шикарных ресторанов, которыми славится Город Полумесяца. Блеск тысячи сверкающих предметов — бокалов, бутылок и вделанных в стены зеркал — производил впечатление потрясающей роскоши. Этот ресторан показался нам сказочным дворцом.

Разумеется, мы решили тотчас же обследовать его и, мгновение спустя очутившись перед стойкой, потребовали два бокала какого-то прохладительного напитка.

Не берусь описать сколько-нибудь подробно этот вечер. У меня сохранилось смутное воспоминание о том, что мы пьянствовали в обществе незнакомых людей, похожих на иностранцев. Кругом звучало такое множество раз-

личных наречий, что я все время думал о вавилонском столпотворении. Преобладающим являлся все-таки французский язык. Разнообразие костюмов свидетельствовало о разнообразии профессий.

Среди наших собутыльников были шкипера торговых судов, фермеры, коммерсанты, плантаторы и только несколько хорошо и со вкусом одетых джентльменов.

Мой спутник, веселый молодой ирландец, только что окончивший университет, быстро перезнакомился со всеми этими людьми. Они показались мне очень симпатичными. Скоро мы уселись за один стол и принялись пить, чокаясь со своими новыми приятелями так же задушевно, как если бы они были нашими старинными друзьями.

Один из них невольно обратил на себя мое внимание. Возможно, что это произошло отчасти потому, что он проявлял по отношению к нам особенную любезность. Во всяком случае, наружность его показалась мне далеко не заурядной.

Это был юноша лет двадцати, державшийся с апломбом тридцатилетнего человека. В теплом климате вообще, а особенно в Новом Орлеане, часто попадают такие преждевременно зрелые люди. Роста он был среднего. Правильные, резко очерченные черты его смугло-оливкового лица дышали энергией. Густые черные волосы слегка завивались. Над изящно обрисованным ртом темнели маленькие усики. До тех пор пока взгляд его не встретился с моим, он казался мне необыкновенно привлекательным. Но в глазах его было что-то отталкивающее, хотя я и не могу определить, что именно. Они светились холодным, животным блеском. На щеке молодого человека виднелся небольшой шрам.

Одет он был в высшей степени элегантно. Костюм его состоял из темно-малинового фрака на шелковой подкладке, украшенного золотыми пуговицами, изящного жилета, черных брюк, белых полотняных туфель и модной парижской шляпы.

В наше время этот костюм нашли бы весьма экстравагантным. Но двадцать лет тому назад все новоорлеанские джентльмены носили по утрам такие костюмы. Разумеется, здесь идет речь только о зимнем сезоне. Летом сукно заменялось белым полотном, а цилиндр или фетровая шляпа дорогими панамами.

Я так подробно остановился на описании этого молодого человека потому, что он был типичным представителем того слоя новоорлеанского общества, к которому принадлежали по большей части лица французского и испанского происхождения, потомки разорившихся плантаторов и сыновья бежавших от революции мексиканцев.

Такие люди в Городе Полумесяца насчитывались легионами. Определенных доходов у них не было. Эти отважные авантюристы — слишком ленивые, чтобы работать, и слишком гордые, чтобы просить подаяния, — постоянно появлялись в ресторанах и на балах. Их охотно принимали в самом избранном обществе. В те времена «общество» Города Полумесяца не отличалось чрезмерной разборчивостью. Если костюм на госте сидел хорошо и на белье его не было ни пятнышка, хозяин дома никогда не интересовался тем, сколько задолжал этот гость портному или прачке.

Именно к такому типу людей принадлежал наш новый знакомый. Разумеется, это стало ясно мне только впоследствии. Но все же, не будучи хорошим

физиономистом, я обратил внимание на его неприятный взгляд. Какой-то инстинкт говорил мне, что, несмотря на элегантный костюм и хорошие манеры, этот человек не вполне заслуживает название джентльмена.

Моему спутнику он понравился больше, чем мне. Правда, молодой ирландец выпил больше моего и, следовательно, был меньше склонен к наблюдениям. Когда я встал из-за стола, чтобы поговорить с одним из наших собутыльников, оба — ирландец и француз — стояли рядом, с бокалами шампанского в руках, и пили за здоровье друг друга.

Прошло десять минут. Вдруг до слуха моего донеслись слова, громко произнесенные моим приятелем:

— Да, сэр! Они исчезли. И клянусь Юпитером, это вы взяли их!

— Позвольте, сударь!

— Чего там позволять! Вы взяли мои часы!.. Вы украли их, сэр!

Француз разразился бешеной бранью, вслед за этим я услышал звук взводимого курка.

Мой приятель стоял у стойки, указывая пальцем на оборванную цепочку, болтавшуюся поверх его жилета. Как по жестам его, так и по только что произнесенным словам, я понял, что кто-то украл у него хронометр и что подозрения его падают на молодого щеголя.

Стоя между мною и ирландцем, француз смотрел прямо в лицо своему обвинителю. Я видел только его спину.

Сухое щелканье курка заставило меня подойти поближе.

Француз держал в правой руке пистолет, дуло которого было направлено прямо в голову моего спутника.

Совершенно растерявшийся молодой ирландец не делал ни малейшей попытки уклониться от выстрела.

Все это произошло в одно мгновение ока.

Побуждаемый инстинктом, я одним прыжком очутился подле француза и выхватил у него пистолет.

Не знаю, спас ли этим жизнь моего приятеля. Так или иначе, выстрела не последовало. Борьба, завязавшаяся между мною и новоорлеанцем, кончилась тем, что патрон выпал, а пистолет остался в моих руках.

Убедившись, что пистолет уже не может выстрелить, я вернул его владельцу. При этом я посоветовал ему быть впредь осторожнее и не хвататься так поспешно за оружие, в особенности в публичном месте.

— Проклятие! — воскликнул француз и затем добавил, обращаясь к моему спутнику: — Вы еще пожалеете о том, что осмелились нанести мне оскорбление!

— Ах, вы считаете, что я нанес вам оскорбление! — возмутился ирландец. (Так как ему было бы неприятно, если бы его настоящее имя стало известно, то я буду называть его Ке-зи.) — В таком случае я снова повторяю то, что сказал. У меня украли часы, их вытащили у меня из кармана. Вот, полюбуйтесь! — Ис этими словами Кези показал окружающим согнутое колечко от часов. — И это сделал он! Повторяю, вор не кто иной, как он!

Услышав снова это обвинение, француз буквально вышел из себя. Рука его снова потянулась было за пистолетом.

Но я внимательно следил за щеголем, намереваясь предупредить его: я видел, что Кези невменяем и нуждается в моей защите.

В то же время я решил попытаться выяснить все обстоятельства этого дела. Ко мне присоединилось еще несколько лиц, и мы все вместе стали изыскивать способ уладить инцидент мирным путем.

Глава III ПОГОЛОВНЫЙ ОБЫСК

Сначала я думал, что Кези ошибается. В том, что у него украли часы, правда, не могло быть никакого сомнения. Но в этот момент около него стояло несколько человек, и у некоторых из этих лиц был гораздо более подозрительный вид, чем у того, на кого указывал Кези.

К тому же изящная внешность молодого человека, а также его горячий, возмущенный тон — все это говорило скорее в пользу его невинности.

Таким образом я решил, что Кези заблуждается, и стал уговаривать его взять свои слова обратно и признаться в своей ошибке.

Однако он, к моему удивлению, наотрез отказался это сделать. Несмотря на его полувменяемое состояние, в его голосе звучала такая уверенность, такая серьезность, что у меня вскоре зародилась мысль: уж не видел ли он что-нибудь? Вряд ли он действует на основании одних подозрений.

Впрочем, благодаря общей суматохе и шуму нельзя было расслышать никаких объяснений — ни обвинителя, ни обвиняемого.

Вдруг чей-то голос покрыл общий гам, требуя запереть двери. Вслед за этим было высказано предложение обыскать всех присутствующих.

— Обыскать! Обыскать! — послышалось несколько голосов.

Я узнал среди них один, кричащий особенно настойчиво: это был голос нашего штурмана, зашедшего сюда вместе с несколькими своими приятелями, такими же старыми морскими волками, как и он. Наше судно уже успели привести, и оно стояло у соседнего причала.

— Да, да! — ответило несколько голосов. — Мы требуем обыска! Надо найти вора!

Никто, конечно, не возражал, ведь все присутствовавшие были лично заинтересованы в результате обыска. А так как после этого предложения вряд ли кто-нибудь решился бы уйти, то было решено, что не стоит запираить двери. Для производства обыска были немедленно избраны два человека. Один был наш штурман, другой — хозяин трактира. Они тотчас же, не теряя времени, принялись за свое дело.

Странное это было зрелище! Обыскивающие переходили от одного к другому, останавливаясь перед каждым из присутствующих. Они гладили свою жертву по груди, по спине, затем медленно проводили рукой по бедрам, по ногам, по рукам, словно гипнотизеры, старавшиеся усыпить пасами всю собравшуюся компанию.

Это вызвало всеобщее веселье. То и дело стали раздаваться громкие взрывы хохота, когда молчание нарушалось шуткой какого-нибудь остряка. Однако, несмотря на это, замечалась некоторая торжественность — тяжелое предчувствие того, что один из присутствующих окажется вором.

В течение всей этой процедуры обвиняемый мрачно хранил молчание, лишь изредка обмениваясь двумя-тремя словами с окружавшими его друзьями. Вид у него был очень спокойный и уверенный. Если бы я не услышал того,

что успел шепнуть мне Кези, я, безусловно, остался бы при прежнем своем мнении относительно невиновности француза. Однако слова Кези поколебали мою веру: мой приятель утверждал вполне серьезно, что он видел, как этот человек держал в руках его часы.

— Вы, наверное, ошиблись, это мог быть и не он.

— Уверяю вас, я заметил, что он носит кружевные манжеты и видел, как часы исчезли под кружевами.

— Но, не забудьте, Кези, что у вас могло и помутиться в глазах. Вспомните, как много вы выпили...

— Да, но я все-таки не совсем ослеп. К тому же, позвольте вам заметить, милый мой, что исчезновение моего хронометра, стоившего двадцать гиней, совершенно отрезвило меня. Впрочем, я еще надеюсь, что он не пропал безвозвратно, — это мы сейчас увидим.

— Не видать вам больше ваших часов, — сказал я. — У этого типа их нет; это ясно по его виду.

Мое предположение оказалось правильным. Вместе с другими обыскали и молодого француза. Он против этого не возражал; впрочем, он и не мог возражать. Старый морской волк — надо отдать ему справедливость — выполнил свое дело крайне тщательно и добросовестно. Он давно уже питал антипатию к креолам, отличавшимся любовью к франтовству. Я думаю, он от души обрадовался бы, если бы ему удалось найти часы на изящном молодом человеке.

Этого, однако, не случилось. Часов у француза не оказалось, и он с торжеством улыбнулся, когда закончился обыск.

Затем по очереди обыскали и остальных, но безрезультатно.

Все присутствующие были объявлены невиновными в воровстве: часов в зале не оказалось.

Многие сразу же предсказывали, что так и будет. Я сам был заранее в этом уверен. Дело объяснялось просто. Без сомнения, кто-то украл часы у Кези, и украл в трактире; но как раз тот момент, когда Кези обнаружил их исчезновение, или, вернее, как раз тогда, когда он громко об этом заявил, из залы вышло несколько человек. Несомненно, один из ушедших и был вором — таково было общее мнение. Или, вернее, он взял часы у вора и унес.

У Кези был удрученный вид, тем более что некоторые из присутствующих начали косо на него поглядывать. Впрочем, к нему отнеслись враждебно только местные креолы и французы.

Моряки скорее сочувствовали ему. Они жалели его как потерпевшего, к тому же им хорошо были известны нравы Нового Орлеана, и потому они не сомневались, что вор все еще находится в зале.

Кези, однако, упорно стоял на своем. Он только не решался говорить об этом во всеуслышание, но под шумок повторил сказанное им нашему штурману и еще двум-трем другим лицам, которые советовали ему так же, как и я, принести извинение.

Наш разговор, ведшийся шепотом, был прерван приближением молодого француза. В его взгляде заметны были решительность и твердость, указывавшие, что он этого дела так не оставит.

Все расступились, давая ему дорогу. Он подошел и стал перед Кези.

— Ну-с, мсье, попросите ли вы теперь извинения?

Несколько человек крикнуло: «Да!», надеясь этим повлиять на Кези.

— Нет! — ответил ирландец твердо и решительно. — Ни за что! Я от своих слов не откажусь. Вы взяли мои часы, вы украли их.

— Лжец! — воскликнул, снова придя в ярость, француз, и оба противника одновременно кинулись друг на друга.

К счастью, они оба были безоружны, если не считать природного оружия — кулаков.

Началась драка, в которой одержал верх Кези. Эта драка, к счастью, дала выход накипевшей у обоих противников злобе.

Я сначала опасался, что пистолет будет снова пущен в ход. Но мы с штурманом — я успел шепнуть ему на ухо несколько слов — все время не спускали глаз с владельца пистолета и этим предупредили кровопролитие.

Сражавшихся быстро разняли, после чего произошла церемония обмена карточками.

Кези дал свой адрес: «Отель Сен-Шарль», куда мы собирались пойти и куда мы уже направлялись, когда нас завлек яркий свет в окнах кафе.

В ответ на это француз дал свою карточку. Затем выпив на прощание стаканчик со штурманом и его товарищами, мы покинули ресторан, прошли по длинным узким улицам Первого Района и незадолго до полуночи добрались до роскошной гостиницы, известной под названием «Отель Сен-Шарль».

Глава IV ОБМЕН КАРТОЧКАМИ

ЖАК ДЕПАР.
Улица Дофина, № 9.

Так гласила надпись на небольшом куске картона, который бросился мне в глаза, когда я рано утром вошел в спальню к Кези. Карточка валялась у него на туалете — жалкая замена часов, которые должны были бы лежать на этом месте.

Мой приятель все еще обретался в стране сновидений. Мне жалко было будить его и призывать к неприятной действительности, о которой он не мог не вспомнить при виде этого маленького четырехугольника из картона. Сама по себе карточка уже являлась символом весьма неприятных событий и к тому же должна была вызвать у бедного Кези мысль о потере часов, весьма для него чувствительной, так как он далеко не был крезом.

Так оно и вышло. Когда я наконец разбудил моего приятеля и он вспомнил про все случившееся накануне, он выразил гораздо больше огорчения по поводу пропажи часов, чем волнения из-за предстоящей дуэли. Эта дуэль представлялась ему нелепой шуткой, и он со смехом швырнул визитную карточку на пол.

— Впрочем, она, пожалуй, еще пригодится, — сказал он, поднимая ее и кладя к себе в бумажник. — Кто знает, может быть, этот субъект дал свое настоящее имя и верный адрес. Если это так, то мне легко будет найти его. А я добуду у него эти часы, клянусь, или же спущу с него шкуру! Черт возьми, ведь эти часы — семейная реликвия, на них выгравирован наш герб, они уже много лет хранятся у нас в роду. Обязательно спущу с него шкуру!

Кези, продолжая разговаривать, совершал между тем свой туалет совершенно спокойно, словно он собирался на бал, а не на поединок, исход которого мог оказаться для него роковым.

Мы с ним решили, что дуэль будет на пистолетах. Так как француз являлся стороной нападающей, то право выбора оружия принадлежало Кези. Если бы дело обстояло наоборот, мой приятель очутился бы в весьма затруднительном положении: по его словам, он никогда не учился фехтовать, между тем как жители Нового Орлеана известны ловкостью, с которой они владеют шпагой. Об этом нас дружески предупредили несколько человек еще накануне, после того как произошел инцидент, причем они добавили, что противник Кези славится как искусный фехтовальщик. Таким образом, нечего было и думать о том, чтобы драться холодным оружием.

Так как инициатива принадлежала Депару, то нам, разумеется, нужно было остаться дома и ожидать вызова. Что касается меня, я не думал, чтобы нам пришлось долго ждать, и потому распорядился подавать завтрак как можно скорее..

— Да нет, торопиться нечего, — сказал Кези слуге. — Не беспокойтесь, мы успеем поесть без помехи.

— Ерунда! Приятель Депара будет здесь через десять минут.

— Ничуть. Вы его и через десять часов не дождетесь. Пообедать успеете, и то не увидите ни Депара, ни его секунданта.

— Почему вы это думаете?

— Да какой вор согласится послать вызов порядочному человеку? Все это бахвальство и пускание пыли в глаза! Говорю вам: это вор, он украл мои часы, черт бы его взял, и решил, что наилучший способ выйти из затруднения — обменяться карточками. Мы никогда больше его не увидим, если только сами не отправимся искать его.

Сначала я смеялся над доводами Кези, но затем, по мере того как проходило время, стал склоняться к мысли, что он, пожалуй, прав. Мы ждали, покуда нам приготавливали завтрак, затем, не торопясь, подкрепились как следует. Кези оказался прав: никто нам не помешал. Мы не дождались посетителей и не получили ничьей визитной карточки. А я между тем отдал строгое распоряжение слуге немедленно известить, если нас станут спрашивать.

Пробило десять, но о Жаке Депаре не было ни слуху ни духу.

— Может быть, он ищет секунданта? — сказал я. — Надо дать ему время найти кого-нибудь.

Одиннадцать часов.

— Выпьем-ка шерри-коблеру, — предложил Кези.

Мы заказали два шерри-коблера — напиток, стяжавшего «Отелю Сен-Шарль» заслуженную славу, — и стали спокойно тянуть жидкость через соломинки. За этим занятием прошел еще час.

Пробило двенадцать — и все еще не было никаких признаков ни Депара, ни его секунданта.

— Ведь я вам говорил! — заявил Кези, но отнюдь не торжествующим тоном, а скорее с огорчением. — Эту визитную карточку остается только выбросить — она, наверно, фальшивая, да и сам этот субъект все врет: и имя и адрес — все чужое. Видите, адрес написан карандашом? Эх, черт возьми, не видать мне больше моих часов!

— Однако взгляните-ка, — продолжал он после короткой паузы, — имя-то как следует напечатано. Разорился на фальшивые визитные карточки или, вернее, стащил чужие. Нет, не беспокойтесь, он не придет!

— Посидим дома до обеда. Может быть, здесь вообще принято поздно начинать день.

— Поздно ли, рано ли — не в этом дело. Мы не увидим Депара, если только сами не отправимся его разыскивать. И я это сделаю, черт возьми! — добавил Кези, сильно хватив по столу кулаком. — Если человек наводит на меня дуло револьвера, то он обязан дать мне возможность отплатить ему тем же. Я не оставлю этого дела, не попытавшись получить обратно мои часы!

По тону и виду Кези я понял, что он не откажется от своего намерения, — это было не в его характере. Независимо от того, примет ли его противник вызов или нет, он решил так или иначе отомстить Жаку Депару, или, если это имя было вымышленное, скрывавшемуся под ним щеголю, который украл у него часы.

На самом деле все говорило за то, что визитная карточка поддельная: наступило время обеда, а владелец ее не показывался.

Спустившись вниз, мы пообедали за табльдотом — пообедали так, как это можно сделать только в роскошном ресторане «Отеля Сен-Шарль».

Мы просидели за вином до восьми часов; к нам присоединилось несколько приятелей, и под влиянием шампанского неприятные события предыдущей ночи на время забылись.

Что касается меня, я с удовольствием забыл бы о них и совсем или, по крайней мере, не стал бы продолжать этого дела. В этом духе я и стал давать советы Кези. Но все было напрасно: пылкий ирландец твердо решил «отвести душу», по его выражению, то есть или получить обратно свои часы, или хорошенько «отдуть» вора. Он был непоколебим в этом намерении, и я вскоре убедился в бесплодности всяких попыток удержать его.

На самом деле вся эта история была безусловно странная. Когда прошли сутки, а о Депаре все еще не было ни слуху ни духу, я начал понемногу убеждать в том, что Кези был прав и что воровство совершил не кто иной, как щеголь-креол. Сначала меня смутила та горячность, с которой он отрицал взведенное на него обвинение. Но упорные и настойчивые утверждения Кези, подкрепленные затем историей с поддельной визитной карточкой и отсутствием Депара, привели меня к заключению, что это был просто мошенник.

В этом убеждении я лег спать. Кези предупредил меня, что он придет ко мне рано утром, чтобы решить совместно, какие принять меры.

И он действительно сдержал свое слово. Еще не пробило шести и у меня еще не было ни малейшего желания расставаться с моей удобной постелью, как он появился.

Правда, он попросил извинения за то, что побеспокоил меня так рано: ведь у него не было часов и он не мог знать точное время. Однако в этой шутке сквозила горечь.

— Что вы думаете предпринять?

— Отыскать этого франта, разумеется.

— А не дадите ли вы ему отсрочку еще на час? Может быть, он объявится сегодня утром.

— На это нечего надеяться.

— А вдруг он потерял вашу карточку? Подождите хотя бы до завтрака.

— Потерял мою карточку? Нет! К тому же это не извинение. Он знал, что мы шли сюда, в эту гостиницу. Ведь здесь останавливаются решительно все. Нет, этот предлог не годится, и я крошки в рот не возьму, покуда не узнаю, в чем дело. Итак, милый мой, извольте встать и собираться в путь.

— Куда?

— На улицу До... До... черт, не разберешь, что он тут начиркал... на улице Дофина, кажется, номер девять.

Я встал и начал торопливо одеваться.

Пока я совершал свой туалет, Кези кратко изложил мне свой план действий. Он хотел заставить Жака Депара вернуть ему его собственность или же драться с ним. Иначе говоря, ирландец, считая, что он находится в стране, где царит полное беззаконие, — а происшедшее накануне как будто доказывало, что он был не так далек от истины, — решил взять защиту своих прав в собственные руки.

Но теперь он уже не хотел драться с ловким мошенником. Наоборот, он только и говорил о том, как он «отдует» этого субъекта и «спустит с него шкуру», и его яростный тон убеждал меня в том, что он непременно это сделает. Я не сомневался, что произойдет крупный скандал, если только Кези встретится с французом.

Скандала же следовало по многим причинам избегать. Если нам вообще удастся отыскать Жака Депара, то он, несомненно, позаботится о том, чтобы его пистолет был заряжен. Да и мне не очень-то улыбалась перспектива оказаться действующим лицом в уличной драке. Долго ли попасть под шальную пулю или очутиться в местной тюрьме! Между тем, действуя по программе Кези, я рисковал и тем и другим.

Поэтому мне, пока я одевался, пришла в голову мысль внести некоторые изменения в проект Кези, а именно: оставить ирландца в гостинице, отправиться самому по адресу, значившемуся на визитной карточке. Если бы оказалось, что Депар на самом деле живет там, его всегда легко будет найти. В противном случае мы все же не потеряем слишком много времени из-за этого и успеем принять необходимые меры по отношению к вору.

Мой совет был вполне разумен, и Кези согласился со мною. Когда я уходил, он громко крикнул мне вслед:

— Скажите этому типу, что если он не пришлет мне вызова, то я сам вызову его!

Минут пять спустя я уже быстро шел по улице, держа в руках карточку.

Глава V

ЛУИ ДЕ ОТРОШ

Следуя указаниям, полученным от швейцара гостиницы, я пошел по улице Сен-Шарль, перешел через канал и направился по улице Рояль. Здесь уже начинался французский квартал, или район города.

Я знал, что мне надо было идти прямо по улице Рояль, пока не дойду до улицы Дофина, пересекавшей ее, и потому я шел быстро, читая на ходу надписи на углах.

Хотя уже рассвело, уличные фонари, не успевшие догореть, продолжали кое-где мерцать. Магазины и склады были еще заперты; только кафе и трактиры стояли открытые, словно западни, в надежде завлечь ранних посетителей: мелких торговцев, направлявшихся на овощной рынок, грузчиков хлопка, одетых в голубые холщовые штаны и лихо несущих у бедра свои блестящие стальные крючья, или кого-нибудь из конторщиков и приказчиков, спешивших на службу. На улице виден был только деловой народ, привыкший рано вставать.

Я прошел уже около половины улицы Рояль и тщательно присматривался к надписям на углах перекрестков, как вдруг мое внимание было привлечено прохожим, шедшим мне навстречу. Хотя он был еще на значительном расстоянии от меня и шел по другой стороне улицы, мне почудилось в нем что-то знакомое. С каждым шагом мы приближались друг к другу. Я не спускал с него глаз и вскоре убедился в том, что это не кто иной, как Жак Депар.

«Какая удача! — подумал я. — Не придется отыскивать его квартиру».

Правда, он был одет иначе, чем при первой нашей встрече: на нем был новый сюртук вместо темно-красного, и кружевные манжеты его не закрывали всю руку. Зато рост, фигура, лицо, цвет волос и усов не оставляли сомнений, что это Депар.

Перейдя улицу, я сел на скамейку, ожидая, когда он подойдет, причем поместился так, что ему нельзя было пройти мимо, не задев меня. Он действительно остановился, и мы очутились лицом к лицу.

— Здравствуйте, мсье! — начал я.

Он ничего не ответил и только посмотрел на меня широко открытыми глазами, в которых виднелось выражение самого невинного удивления.

«Хорошо притворяется», — подумал я.

— Вы рано изволили подняться, — продолжал я. — Не разрешите ли вы мне спросить: какое дело заставило вас выйти в столь ранний час?

Мне пришло в голову, что он, быть может, направляется в гостиницу, чтобы навести там справки о нас, и я вспомнил свое предложение о том, что он мог потерять карточку Кези.

— Какие у меня могут быть дела, кроме тех, которые связаны с моей профессией?

И в темных глазах моего собеседника сверкнуло возмущение, которое я, разумеется, счел притворным.

— Вот как! — иронически заметил я. — Вы, значит, занимаетесь вашей профессией и по утрам! А я думал, что вы посвящаете ей исключительно ночные часы. Ведь в это время трудно найти жертву!

— Что за глупости! Кто вы такой? На что вы намекаете? Что означают эти дерзости?

— Эх, бросьте, мсье Депар. Вам не удастся таким способом отвязаться от меня. По-видимому, у вас память коротка. Быть может, вид этой визитной карточки несколько освежит ее. Или же вы отрываетесь и от своей визитной карточки?

— От карточки? От какой карточки?

— Вот она, смотрите. Не станете же вы отрицать, что вы сами дали мне ее.

— Я ничего не понимаю. Но я знаю одно — я сам сейчас дам вам свою визитную карточку и попрошу вашу взамен ввиду оскорбления, которое вы мне нанесли!

— После всего недавно случившегося подобный обмен кажется мне совершенно излишним, — возразил я.

Однако любопытство взяло верх. Мне хотелось узнать, прав ли Кези и на самом ли деле этот мошенник дал нам в первый раз неверный адрес. Быстро нацарапав название гостиницы на собственной карточке, я передал ее моему собеседнику и получил взамен его визитную карточку. К моему удивлению, я прочел на ней следующее:

М. ЛУИ ДЕ ОТРОШ.

Улица Рояль, № 16.

Впрочем, я не был особенно этим озадачен. Разгадка была очень простая. Очевидно, этот субъект имел целый запас визитных карточек, и эта, как и прочие, также была поддельная.

Поэтому я решил не терять его из виду, пока не узнаю его действительного места жительства.

— Это ваш настоящий адрес? — недоверчиво спросил я.

— Черт возьми, милостивый государь, вы кажется, продолжаете меня оскорблять! Но вы дадите мне удовлетворение! Это адрес моей конторы. Можете в этом убедиться.

И с этими словами он указал на дом, находившийся в нескольких шагах от того места, где мы стояли.

На дверях, среди других надписей, я прочел:

М. ЛУИ ДЕ ОТРОШ,

адвокат.

— Меня можно всегда застать здесь днем, — сказал мой собеседник, открывая дверь, и входя. — Но вам не придется долго искать меня. Даю вам слово, что мой секундант не замедлит явиться к вам.

И он захлопнул дверь, прекратив этим разговор. Я простоял несколько секунд в недоумении. Сомневаться в том, что это тот же самый человек, с которым мы встретились в трактире, я не мог. Правда, он был иначе одет, более скромно, но так же изящно; впрочем, сейчас он ведь был в утреннем костюме. Общий вид был тот же: те же черты, тот же цвет лица, те же вьющиеся волосы.

И все-таки была какая-то разница между Жаком Депаром и Луи де Отро-

шем. Сейчас я не уловил того неприятного взгляда, который подметил при первой встрече, а во время нашего разговора мой собеседник держал себя так, как держал бы себя всякий невинно оскорбленный порядочный человек.

Неужели я ошибся и напал, по американскому выражению, «не на того пассажира»?

Меня охватило недоумение. Впрочем, был очень простой способ расследовать это дело. Улица Дофина была недалеко, и мне ничего не стало до нее дойти. Если окажется, что в доме № 9 действительно живет Депар, тайна разъяснится.

Я повернулся и направился на улицу Дофина.

Глава VI ЖАК ДЕПАР

Пройдя шагов сто, я очутился наконец на углу этой знаменитой улицы. Еще несколько секунд, и я уже стоял перед домом № 9. Это было высокое, слегка покосившееся здание, напоминавшее гостиницу средней руки или дешевые меблированные комнаты.

Дверь была открыта, и за ней виднелся длинный темный коридор. Молотка, как это принято в английских домах, не было; его заменял звонок с медной ручкой.

Я поднялся по шатким ступенькам крыльца и позвонил. Растрепанная, полусонная мулатка зашлепала к дверям и спросила на ломаном французском языке:

— Что вам угодно?

— Здесь живет мсье Депар?

— Мсье Депар? Как же, как же!

— Будьте добры передать ему, что мне нужно поговорить с ним.

Не успела мулатка ответить, как одна из внутренних дверей в коридоре открылась со скрипом, и в нее просунулись голова и плечи какого-то человека.

Хотя волосы у него были растрепаны и торчали во все стороны, а рубашка была грязная и рваная, я сразу узнал его: это был Депар, но в домашнем костюме.

По-видимому, он тотчас же пожалел о своей неосторожности и хотел поспешно скрыться, но это ему не удалось: я быстро открыл дверь и вошел к нему в комнату, так что ему поневоле пришлось вступить со мной в разговор.

— Мсье Депар, если я не ошибаюсь? — начал я вопросительным тоном.

— Да. Чем могу служить?

— Вопрос довольно странный. Быть может, вы не помните меня?

— Отлично помню.

— И помните все, что произошло при нашем первом свидании?

— Как же. Вас сопровождал какой-то пьяный грубиян, который меня гнусно оклеветал.

— Позвольте вам заметить, что в порядочном обществе не принято оскорблять противника после того, как он дал вам свою карточку. Вы, конечно, намереваетесь послать ему вызов?

— Ничуть. У меня, черт возьми, не хватило бы времени, если бы я вздумал обращать внимание на болтовню всякого пьяницы, с которым я сталкиваюсь

в кафе.

Тут я заметил, что Депар изъясняется по-английски так же свободно, как по-французски.

— Перестаньте, — сказал я, — это высокомерие не спасет вас. Мой долг — передать ваши слова моему приятелю, который, обещаю вам, иначе отнесется к оскорблениям, чем вы.

— Меня это ничуть не трогает.

— В таком случае, если вы не хотите посылать вызова, вам придется принять его.

— А это другое дело. Я с удовольствием это сделаю.

— Дайте мне адрес вашего секунданта, это сэкономит время.

— Торопиться некуда. Я вам дам его после того, как получу вызов.

— Тогда я явлюсь снова к вам через два часа.

— Отлично. Буду ждать.

И Депар, отвесив мне официальный поклон, закрыл дверь.

Я спустился вниз со скрипучего крыльца и пошел по улице Дофина по направлению к улице Рояль.

Дойдя до угла, я остановился, чтобы привести в порядок мои мысли. За последние десять минут произошло столько событий, что на распутывание их могло понадобиться не меньше двух дней, в течение которых у меня не будет ни минуты свободной. Надо было все обдумать и заранее составить себе определенный план действий.

Вблизи виднелся открытый трактир, где я мог найти свободный столик. Это меня соблазнило, и я вошел туда. Усевшись в уголок, я потребовал стакан вина и сигару и погрузился в размышления.

Я очень сожалел, что пообещал Депару зайти часа через два. Я знал, что Кези будет настаивать на дуэли, в особенности после того, как я расскажу про наше свидание. А между тем я теперь вполне убедился в нелепости этого намерения. Что мог он выиграть от поединка с подобным субъектом? Часы ему все равно не удастся этим вернуть, а дуэль с Депаром вряд ли принесет ему честь и славу.

Из того, что я только что видел и слышал, я вполне убедился, что противник Кези не джентльмен. Его неряшливый вид, его вульгарный тон и манеры, вся обстановка, среди которой он жил, а в особенности тот небрежно-хвастливый вид, с которым он отнесся к серьезному обвинению в краже, — все это привело меня к заключению, что Кези прав и что Депар — обыкновенный жулик.

Что же мог выиграть мой приятель, скрестив шпаги с таким человеком? Ничего.

Наоборот, он мог только проиграть от этой встречи. Несомненно, оно так и будет.

При этом мне пришла в голову очень неприятная мысль. Казалось, Депар нарочно подстроил все в свою пользу, и я только тут понял, какой мы ему дали козырь в руки. Положение совершенно изменилось. Теперь Депар ждал вызова, а Кези являлся стороной нападающей. Если француз примет вызов, в чем я теперь не сомневался, ввиду изменившихся обстоятельств, следовало сильно опасаться за результат дуэли. Право выбора оружия принадлежало ему, а он, без сомнения, изберет рапиры, и нам останется только подчиниться

неумолимым правилам дуэльного кодекса.

Все эти соображения вызвали у меня серьезную тревогу за последствия этой истории, и я сильно пенял на себя за то, что позволил своему гневу одержать верх над осторожностью.

Отступить, однако, было поздно. Кем бы ни был противник Кези — шулером, мошенником, даже вором, но, согласно господствовавшим в Новом Орлеане взглядам, в особенности в те времена, к которым относится моя повесть, он все-таки мог рассчитывать, что к нему отнесутся как к порядочному человеку, раз он исполнил долг джентльмена и согласился на дуэль.

Мы уже зашли слишком далеко и были настолько скомпрометированы, что нам оставалось лишь одно: довести дело до конца.

У меня была одна надежда, что Депар окажется храбрым только на словах и в последний момент струсит. Но надежда эта была весьма слабая. Правда, он мало походил на порядочного человека, но подозревать его в трусости я не имел никаких оснований.

Я был так поглощен этими мыслями, что у меня совсем вылетела из головы встреча с молодым адвокатом. Обдумывая историю с Кези, я забыл про собственные дела и лишь теперь вспомнил о них.

Весь этот инцидент показался мне просто забавным недоразумением, и я с трудом удержался от смеха при воспоминании о нем. Но когда я подумал о том, что он грозит далеко не шуточными последствиями, у меня пропало всякое желание смеяться.

Быть может, в этот момент секундант де Отроша уже находится на пути в гостиницу, и я, вернувшись туда, узнаю, что мне придется вскоре не только играть роль секунданта моего приятеля, но также выступить и главным действующим лицом в другой дуэли, что являлось уже значительно более серьезным делом.

Быть может... Нет, не «быть может», а наверное. Теперь я уже не сомневался, что получу вызов.

Мысли мои все время вертелись вокруг неприятной дилеммы, перед которой мы очутились благодаря собственной неосторожности.

Мои личные дела внушали мне не так уж много опасений. Больше всего сожалел о том, что незаслуженно оскорбил незнакомого молодого человека, отличавшегося, по-видимому, крайней щепетильностью. Мои нападки, наверное, удивили его не меньше, чем меня — существование его двойника и необыкновенное сходство между обоими.

А сходство было на самом деле изумительное. Впрочем, оно было еще разительнее, когда Депар был хорошо одет, как при первой моей встрече с ним. К тому же, как я только теперь вспомнил, у него был шрам на щеке. Как я мог забыть об этом?

Что касается недоразумения с де Отрошем, у меня был один выход, простой и ясный: принести ему извинение без всяких оговорок. Я колебался только в выборе места и времени.

Пойти в гостиницу и там встретиться с его секундантом? Это был наиболее официальный способ действий, вполне согласный со всеми правилами дуэльного кодекса.

Но при этом необходимо было объяснить, как возникла вся эта странная путаница, а подобное объяснение я мог дать только де Отрошу лично.

Поэтому я решил, отбросив всякую официальность, пойти к моему противнику и положиться на его великодушие.

Допив вино и докурив сигару, я прямо из кафе направился на улицу Рояль.

К счастью, молодой адвокат оказался у себя в конторе. Кроме того, я, к моей великой радости, увидел, что поспел как раз вовремя. Очевидно, он еще не успел отправить мне вызов. Впрочем, я сразу догадался, что господин, которого я у него застал, — высокий, с чисто военной выправкой — уже получил на этот счет соответствующие инструкции. И он и де Отрош ожидали, по-видимому, всего, кроме моего появления.

Чтобы не надоест читателю, я не стану передавать подробно наш разговор. Скажу только, что де Отрош, выслушав мое объяснение, отнесся ко мне как истинный джентльмен. Больше того, он из врага превратился в друга. Узнав, что я недавно приехал в город и не имею знакомых, он любезно пригласил меня к себе, и мы вскоре расстались, весело шутя по поводу оригинального начала нашего знакомства.

Я поспешно направился в гостиницу, так как история с Кези продолжала серьезно тревожить меня.

Как я этого и ожидал, Кези решил во что бы то ни стало вызвать Депара, а тот — я и в этом был уверен — принял вызов моего приятеля. Произошел поединок, разумеется, на рапирах.

Передавать подробности дуэли я не стану. Она отличалась от тысячи подобных же дуэлей, неоднократно описанных в романах, разве только тем, что окончилась очень быстро. Не успели противники скрестить оружие, как рапира Депара вонзилась в правое плечо Кези, поранив мускулы, так что он сразу оказался не в состоянии продолжать поединок. Впрочем, это было даже к лучшему. Но эта рана так и осталась единственной компенсацией, которую он получил за потерю часов!

Жак Депар ушел с поля сражения невредимый и с незапятнанной честью.

Кези, однако, продолжал уверять, — но, разумеется, не во всеуслышание, — что часы украл не кто иной, как Депар. Да и меня последующие события убедили в том, что мой приятель был прав.

Глава VII

ГОСТЕПРИИМНЫЕ ДРУЗЬЯ

Кези мечтал о коммерческой карьере, и в этом отношении его выходка не только не повредила ему, но, наоборот, скорее помогла. Жители Нового Орлеана высоко ценят всякое проявление мужества, и дуэли там — нередкое явление. Вскоре я узнал, что мой приятель получил место в одной из крупных комиссионных контор по продаже хлопка. Это меня очень обрадовало, так как эта должность вполне подходила к его характеру.

У меня же не было никаких определенных намерений. Я был еще в том возрасте, когда нет ничего привлекательнее путешествия; притом я мог позволить себе роскошь провести два-три года в праздности и развлечениях, прежде чем остепениться и заняться делом. Одним словом, мне хотелось пожить в свое удовольствие и повидать как можно больше новых мест. Для этой цели Новый Орлеан подходил как нельзя лучше. Там можно было прожить и месяц, и два, не испытывая скуки.

Я задержался в этом городе на целых три месяца — значительно дольше, чем я сначала предполагал. Побудило меня к этому гостеприимство, оказанное мне Луи де Отрошем.

Несмотря на странное начало нашего знакомства, оно вскоре превратилось в настоящую дружбу. На юге сердце бьется быстро и горячо и чувства возникают и расцветают скоро, так же скоро, как распускаются цветы под благодатным южным солнцем. Там в один месяц может созреть крепкая и прочная дружба, более крепкая и прочная, чем дружба северян, которые могут годами встречаться и ограничиваться при этом чисто официальными отношениями.

Через месяц мы с де Отрошем уже были близкими друзьями. Почти не проходило дня, чтобы мы не виделись. Мы постоянно ездили вместе на охоту, участвовали в различных увеселениях, устраиваемых его знакомыми, гостеприимными плантаторами-креолами. Иногда мы посещали костюмированные балы или брали ложу во французский театр.

Я часто приходил утром к нему в контору — он продолжал заниматься делами. Но еще чаще я посещал по вечерам его дом, прелестную «хижину», как он ее называл, с большими стеклянными дверями и обвитой виноградом верандой. «Хижина» находилась недалеко от конторы, на соседней улице Бургонь.

Этот очаровательный домик приобрел для меня особенную прелесть, с тех пор как в нем поселилась сестра де Отроша, белокурая Адель.

Жили они вдвоем, если не считать чернокожей прислуги. Мне очень нравилось беседовать с моим приятелем, но еще больше я любил слушать игру его сестры на арфе и гитаре. Особенно ласкали мой слух звуки арфы, и вскоре мне начал сниться образ златокудрой девушки, сидящей за этим благородным инструментом и задумчиво перебирающей струны. Во сне и наяву я грезил об Адели.

Брат и сестра сами посвятили меня во все свои семейные тайны, что было вполне естественно при наших близких отношениях.

Покойный отец их служил в армии Наполеона полковником. После битвы при Ватерлоо он вышел в отставку и поехал искать приюта в Новом Свете. Как

и многие другие, полковник де Отрош не захотел оставаться во Франции после поражения любимого вождя и превратился в эмигранта. Здесь, во французских колониях, и главным образом в Луизиане, эти эмигранты обосновывались и находили себе приют.

Де Отрошу, однако, не повезло. Он был знаком только с военным делом и совершенно не годился для роли коммерсанта или плантатора. Он не нажил состояния и, умирая, оставил своим детям в наследство лишь незапятнанное имя и отличное образование.

Совершенно иначе сложились дела его однополчанина и близкого друга Дардонвилля, приехавшего вместе с ним в Америку. Предпочитая более умеренный климат, он поселился в Сен-Луи.

Нормандец по происхождению, он начал работать с упорством, свойственным этому народу. Он занялся торговлей и вскоре нажил крупное состояние. В то время, о котором шла речь, он уже перестал заниматься делами и жил на отдыхе, наслаждаясь богатством, вместе со своей женой, нормандкой, как и он, и единственной дочерью.

Чисто братские отношения, существовавшие между товарищами, не пострадали ни от разлуки, ни от изменившихся условий. Наоборот, дружба их еще больше окрепла во время пребывания в Новом Свете. Каждый год по реке отправлялся в Сен-Луи ящик апельсинов, а оттуда взамен посылались в Новый Орлеан продукты более умеренного климата — орехи и яблоки. Река Миссисипи служила связующим звеном.

Кроме того, друзья навещали друг друга. Раз в два или три года полковник отправлялся бродить по прериям, окружающим Сен-Луи, и заезжал к своему товарищу, а тот, в свою очередь, тоже изредка ездил по делам на юг, в столицу колонии, соединяя таким образом приятное с полезным.

Понятно, что при таких условиях семейства де Отрош и Дардонвилль тесно сошлись. Мне постоянно приходилось слышать от моих друзей про Дардонвиллей, про доброту матери, про красоту Олимпии, ее дочери.

Однако прошло уже три года с тех пор, как Адель и Луи де Отрош в последний раз виделись со своими друзьями. Олимпия, по их словам, была тогда еще ребенком. Но, судя по пылкости, с которой расхваливал ее молодой адвокат, она, по-видимому, уже вышла из младенчества. Я сразу понял, что Луи питает к молодой девушке нежные чувства. Адель часто поддразнивала брата Олимпией, и он всегда при этом краснел, что еще больше подтверждало мои догадки.

Таким образом, я стал членом кружка моих новых друзей и в течение трех месяцев постоянно вращался в их обществе.

Нелегко мне было вырваться из этого заколдованного круга удовольствий. Когда пробил час разлуки, мне стало очень грустно, но пришлось подчиниться необходимости. Впрочем, я решил при первой возможности вернуться в Новый Орлеан.

А уехать было действительно необходимо. Июльское солнце пылало и жгло все вокруг, и в городе уже начали появляться признаки ежегодной эпидемии желтой лихорадки. Везде бродил грозный призрак, намечая себе жертвы. В предместьях, населенных беднотою, на многих дверях был начертан большой красный крест, свидетельствующий о том, что страшная болезнь побывала тут.

С моей стороны было бы безумием подвергать себя риску захворать, когда можно было так легко избежать этого. Стоило только сесть на пароход, чтобы через сутки оказаться вне опасности. Там, на севере, было много городов, где я мог отлично прожить лето.

Четыре крупных центра — Питтсбург, Луисвилль, Цинциннати и Сен-Луи — находились вне пределов распространения эпидемии, и я мог поехать в любой из этих городов. Но меня тянуло взглянуть на прерии, на эти бесконечные зеленые равнины, о которых я столько мечтал в детстве. А чтобы попасть туда, я должен был проехать через Сен-Луи. Поэтому я и решил сначала направиться туда.

Я с грустью расстался с моими друзьями. Они не боялись желтой лихорадки, и им не нужно было спасаться от нее: они выросли в этом климате, и зараза была для них не страшна. Впрочем, они обычно уезжали на жаркое время, когда в делах начинался полный застой, в одно из дачных мест на берегу озера Понтшартрен.

Я надеялся убедить их поехать на этот раз вместе со мной в Сен-Луи, но мой приятель, несмотря на свое явное желание сопровождать меня, отказался. Я тогда еще не знал, что к этому побуждала его деликатность.

Мои друзья взяли с меня слово, что я вернусь, как только начнутся морозы, с наступлением которых лихорадка мгновенно прекращается.

— Нет, я не верю, чтобы вы вернулись так скоро, — говорила Адель с задумчивым видом. — Вам так понравится Сен-Луи, что вы не захотите оттуда уезжать. Быть может, когда вы познакомитесь с Олимпией...

— Что будет тогда?

— Она красива... богата...

— Все это интересует скорее вашего брата. Если бы я стал ухаживать за Олимпией, то лишь в качестве его посредника.

— Ого! Ему грозит большая опасность!

— Луи нечего бояться соперников. Но я не шутил очень хотел бы войти с ним в соглашение.

— На какой предмет?

— Я предложил бы ему защищать мои интересы, а я между тем постараюсь помочь ему в Сен-Луи.

— Где же это он может защищать ваши интересы?

— Здесь, у себя дома.

Карие глаза Адели посмотрели на меня с притворным изумлением. Но она не могла долго выдержать, расхохоталась и, кинув мне лукавый взгляд, крикнула по-французски:

— Итак, до свиданья! До первых морозов!

Луи уже ждал меня, он хотел проводить меня на пристань. Поспешно простившись с Аделью, я вышел к нему на веранду.

Час спустя волны великой Миссисипи, «Отца рек», уже несли меня на север.

Глава VIII

ВИЛЛА ДАРДОНВИЛЛЕЙ

Вскоре после моего приезда в Сен-Луи я отправился с визитом к семье Дардонвиллей. Луи дал мне к ним письмо. Оно было запечатано, и я не мог познакомиться с его содержанием, но, судя по тому, как меня приняли, я решил, что мой друг горячо расхвалил меня. Друзья моего приятеля сразу отнеслись ко мне как к близкому человеку.

Дардонвилли жили не в самом городе, а на собственной вилле, на расстоянии одной мили от Сен-Луи. Дом стоял на возвышении на самом берегу Миссисипи. Как красив был вид оттуда! Внизу протекала широкая, величественная река, а за ней простиралась до самого горизонта поросшие лесом равнины Иллинойса, словно сине-зеленое безграничное море.

Трудно было представить себе более очаровательное жилище, чем эта вилла. Не я один восхищался ею. Там постоянно собиралось многочисленное общество. Дардонвилль, разбогатев, удалился от дел и жил на отдыхе, принимая у себя друзей. Стоит ли добавлять, что у него их было множество?

Больше всего там бывала молодежь. Легко было понять, что привлекало всех этих сыновей богатых торговцев и плантаторов и молодых офицеров из соседнего гарнизона. Не погреб Дардонвилля, не его тонкие обеды и роскошные праздники являлись главной приманкой. Молодых людей гораздо сильнее интересовала Олимпия.

Олимпия — богатая наследница, красавица, очаровательная во всех отношениях.

Она была еще совсем юна, но в этом теплом климате она рано развилась, и ее безукоризненно стройная фигура уже придавала ей вид взрослой девушки. Однако она, казалось, не сознавала своей красоты, несмотря на всеобщее восхищение.

Было бы вполне естественно, если бы я влюбился в нее. К счастью, мое сердце было уже занято. Говорю, «к счастью», хотя я признавал, что ее избранник будет достоин зависти; но зато как сильно пришлось бы страдать тому, кто, любя ее, не сумел бы вызвать в ней ответное чувство!

Быть может, именно мое равнодушие к ее дочери и привлекло ко мне симпатии мадам Дардонвилль, или же письмо моего приятеля оказало на нее влияние. Я не знал этого наверняка. Но с самого начала нашего знакомства она стала относиться ко мне как к близкому другу и всегда оказывала мне большое доверие.

Таким образом я вскоре узнал от нее, о какой судьбе она и ее муж мечтали для Олимпии: они надеялись увидеть ее женой Луи де Отроша, разумеется, если она сама этого захочет. Оказалось, что мне и не придется защищать интересы моего друга. Все симпатии родителей Олимпии были на его стороне, и ему при таких условиях нечего было бояться своих многочисленных соперников, несмотря на их богатство. Но больше всего меня обрадовало то, что сердце молодой девушки было еще свободно. Видя ее окруженной ухажерами, я начал было опасаться за судьбу моего приятеля, хотя никто еще не решался просить ее руки: слишком она была молода. Мадам Дардонвилль, впрочем, строго следила за дочерью. Что же касается ее мужа, то он попросту и не подо-

зревал ни о какой опасности. Он давно уже решил выдать Олимпию за Луи де Отроша, сына своего однополчанина и лучшего друга, когда-то оказавшего ему не одну услугу. Дардонвилль сам рассказал мне о своих планах как-то раз, во время дружеской беседы.

— Да, — воскликнул он, — молодой Отрош не богат, и отец его был беден. Но он всегда был истинным джентльменом, и Луи не может быть ничем иным, раз он происходит из этой семьи!

Я поспешил уверить его, что он не ошибается. А когда старики стали спрашивать меня про Луи, я постарался своими ответами еще больше расположить их в его пользу и таким образом хоть отчасти отплатить моему другу за его доброе отношение ко мне. Я говорил о нем с таким жаром, словно мое соглашение с ним насчет Адели состоялось.

Таким образом я за время моего короткого пребывания в Сен-Луи успел близко сойтись с семейством Дардонвилль.

Затем я уехал путешествовать по прериям, в так называемую «Страну Воро-на». Моя поездка длилась около трех месяцев, в течение которых я имел даже удовольствие встретиться с грозной шайкой «Черных Ног». Впрочем, все со-шло удачно, и этим разбойникам не удалось снять с меня скальп. Но я не ста-ну сейчас описывать мои приключения: они не имеют никакого отношения к моему рассказу. Должен только заметить, что за все время моего пребывания в прериях я был совершенно отрезан от цивилизованного мира и не получал никаких известий ни из Америки, ни из-за океана. Лишь вернувшись в Сен-Луи, я узнал неожиданную и печальную новость, сильно меня огорчившую: Дардонвилль, умер после непродолжительной болезни. Он был далеко еще не стар, и смерть настигла его как раз в то время, когда он, добившись наконец богатства, хотел отдохнуть и насладиться плодами своих трудов. Как часто это случается с людьми, которые, проработав всю жизнь, на склоне лет удаляются от дел и ищут покоя и отдохновения!

Смерть Дардонвилля не прервала моего знакомства с его вдовой и дочерью. Разумеется, приемы прекратились, и у них бывали только наиболее близкие друзья, среди которых числился и я. Мадам Дардонвилль по-прежнему оказы-вала мне внимание, — пожалуй, даже больше, чем раньше, — и постоянно приглашала меня к себе.

Доверие, с которым она относилась ко мне, объяснялось, конечно, моей дружбой с Луи. Благодаря этому я узнал от нее одну семейную тайну. Сообщи-ла она мне эту тайну как раз накануне моего отъезда в Новый Орлеан. Оказа-лось, что ее муж составил весьма оригинальное завещание. Он разделил свое состояние поровну между женой и дочерью. В этом, впрочем, еще не было ни-чего странного. Гораздо более удивительным было другое распоряжение: в случае, если бы Луи де Отрош сделал предложение Олимпии и она ему отказа-ла бы, она этим лишалась своей доли наследства, которая тем самым перехо-дила к Луи. Другими словами, Дардонвилль завещал свою дочь сыну своего старого друга, намеренно ограничив свободу ее выбора, между тем как де От-рошу предоставлялась инициатива. По словам мадам Дардонвилль, муж ее хо-тел этим отплатить за какую-то важную услугу, оказанную ему покойным от-цом Луи еще в те годы, когда они оба были молоды.

Как хорошо, подумал я, что наследники, упомянутые в этом странном заве-щании, вряд ли станут его оспаривать! По всей вероятности, оно вскоре уже

не будет иметь никакого юридического значения. Мой друг Луи женится на дочери богатого негоцианта и получит все его состояние. Тогда документ потеряет свою силу.

Меня очень интересовал вопрос: знает ли де Отрош про наследство и про странные условия, на которых оно ему оставлено? Мадам Дардонвилль в ответ на мой вопрос сказала: «Пока еще нет». По некоторым причинам ему об этом еще не было сообщено. Но теперь уже больше не было необходимости соблюдать тайну, и она ему недавно написала письмо, к которому была приложена копия завещания ее покойного мужа. В письме сна подробно излагала свой взгляд на это дело и говорила о своих желаниях.

Этот разговор произошел у нас как раз накануне моего отъезда из Сен-Луи. Мадам Дардонвилль только что отправила письмо по почте. Она сожалела, что не дала его мне, но она не думала, что я так скоро уеду. Я действительно собрался совсем внезапно. Начало подгораживать, и я сразу вспомнил про свое обещание Адели.

Когда я прощался с мадам Дардонвилль, она взяла с меня слово, что я никому не скажу о нашем разговоре, никому, даже Луи. Она предпочитала дать событиям идти своим естественным ходом.

Глава IX НА ПОЧТАМТЕ

По возвращении в Новый Орлеан я первым делом решил узнать, нет ли на мое имя писем из Европы. Так как в те времена письма не разносились еще по домам, адресатам приходилось или самим ходить на почтамт, или же посылать за письмами.

Ожидая важных для меня известий, я решил отправиться туда сам.

Я пришел в почтамт как раз в то время, когда там выдавали корреспонденцию, только что привезенную трансатлантическим пароходом. Как это всегда бывало в таких случаях, в зале была большая толпа, но к окошечку все подходило по очереди, один за другим, по узкому проходу, отгороженному решеткой. Я тоже занял место в длинном ряду, медленно продвигавшемся вперед.

Я слышал, как стоящие впереди меня спрашивали, нет ли писем для них, причем каждый называл свою фамилию, а иногда добавлял к ней и адрес.

Почтовый чиновник большей частью никому не задавал вопросов и только называл сумму, которую надлежало уплатить каждому. Стоящий у окошка передавал ему деньги, получал от него письма и удалялся, освобождая место для следующего.

Когда до меня оставалось всего шесть или семь человек, я вдруг услышал знакомое имя:

— Луи де Отрош.

Это было произнесено не громко и не особенно внятно, говорящий скорее пробормотал эти слова, но я все же расслышал их.

В том, что молодой адвокат явился на почтамт за своей деловой корреспонденцией, не было ничего удивительного. Это делали многие. Я сначала только обрадовался встрече с моим другом, к которому я как раз направлялся: я зашел на почту по дороге к нему. Собственно говоря, я и не обратил бы внимания на этот инцидент, если бы не услышал, как чиновник, выдавая ему пись-

мо, произнес:

— Из Сен-Луи.

По-видимому, он просто разъяснял, сколько нужно было уплатить за письмо. Но у меня знакомое название города мгновенно вызвало целый ряд мыслей.

«Итак, — подумал я, — Луи получил пресловутое письмо! Очевидно, оно пришло с тем же самым пароходом, на котором ехал и я. А ведь мне-то уже известно содержание этого письма! Вот забавно! Ха-ха! Это, пожалуй, самое для него интересное послание из всех, которые он когда-либо получил и получит. Эта бумажка даст ему руку и сердце прелестной молодой девушки, а вдобавок еще и крупное состояние. Счастливеец! Ему можно позавидовать!»

Мне очень хотелось подойти к Луи до того, как он успеет прочесть письмо, и самому сообщить ему приятную новость, но я вовремя вспомнил про обещание, данное мною мадам Дардонвилль, и удержался от этого. Меня, однако, очень интересовало, как примет мой друг радостное известие, и я попытался заглянуть вперед, высунувшись из-за спин стоявших впереди, в надежде увидеть его лицо. Я не был вполне уверен в том, что это он: он мог послать кого-нибудь — рассыльного из конторы, например, — за письмами. Я даже не совсем узнал его голос. К сожалению, впереди меня стояло несколько человек очень высокого роста. Как я ни вертелся, я ничего не мог разглядеть из-за спин.

«Ну, все равно, — решил я, — догоню его по дороге в контору...»

Течение многих мыслей было прервано уходом Луи. Он получил письмо и вышел из залы. Но был ли это на самом деле Луи? Мне казалось, что да, но я не был вполне в этом убежден. Я видел его только сзади. Лишь в то мгновение, когда он подошел к выходу, он слегка повернул голову, так что мне удалось мельком увидеть его профиль. Да, этот человек был безусловно похож на Луи.

«Но, пожалуй, еще больше на Депара!» — вдруг мелькнуло у меня в голове.

Я хотел было еще более внимательно присмотреться, но в этот момент кто-то встал между мной и уходящим, и я потерял его из виду.

«Впрочем, это не имеет значения, — подумал я, — сейчас увижу Луи в конторе. Он всегда бывает там в это время».

Терпеливо дождавшись своей очереди, я наконец подошел к окошку, получил адресованные мне письма и вышел с ними на улицу. Мне хотелось поскорее их прочесть, и поэтому я не направился сразу к Луи, как намеревался сначала, а сделал довольно большой крюк.

Наконец, прочитав письма, я пошел на улицу Рояль. Как я и ожидал, де Отрош был у себя в конторе и искренно обрадовался, увидев меня.

Взглянув на его костюм, я заметил, что он одет совсем не так, как тот человек, которого я принял за него на почтамте. Когда же он успел переодеться? Значит, это был не он!

— Что с вами, мой друг? — спросил Луи, заметив мой недоумевающий взгляд. — Разве я так сильно изменился за время вашего отсутствия? Надеюсь, во всяком случае, что не к худшему?

— Ответьте мне на один вопрос, — сказал я. — Когда вы надели этот сюртук?

— Какой забавный вопрос? Ха-ха-ха! Боюсь, милый мой, что вы потеряли в

Сен-Луи не только сердце, но и кое-что другое!

— Бросьте смеяться и отвечайте, очень прошу вас.

— Вы хотите узнать, когда я его надел сегодня?

— Да.

— Да с час тому назад. Это мой рабочий костюм. Я переоделся, когда пришел сюда, в контору.

— И вы его с тех пор ни снимали?

— Нет.

— Вы не выходили из конторы сегодня?

— Нет, не выходил. Но к чему этот допрос?

— Мне показалось, что я только что видел вас.

— Где?

— На почтамте.

— Нет, я туда не ходил. Я никогда туда не хожу. Терпеть не могу этой толкотни и всегда посылаю кого-нибудь за письмами.

— Я видел там человека, поразительно на вас похожего. Теперь я убежден в том, что это был не кто иной, как тот субъект, которому я обязан моим знакомством с вами.

— Черт возьми! — воскликнул молодой креол, вскакивая с места. — Это, наверное, был он. Однако это становится просто невыносимым! Можете себе представить, меня постоянно принимают за него, а его за меня. Хуже, у меня есть основание подозревать, что он иногда выдает себя за меня. Возмутительно, черт бы его взял! Только бы мне удалось его поймать на этом, получить верные доказательства — я сразу обуздал бы его! Он тогда убедится, что я владею рапирой получше, чем ваш приятель Кези. Нет, вы только подумайте, какое безобразие! Какой-то игрок, шулер — или даже хуже — смеет портить мне репутацию! Поверите ли, не дальше, как вчера мои давнишние хорошие знакомые укоряли меня в том, что я будто бы присутствовал на балу в каком-то подозрительном доме в предместье! Ужасно неприятно!

Разумеется, я выразил свое сочувствие моему другу и согласился с ним, что необходимо тщательно расследовать это дело. Еще до моего отъезда на север я неоднократно встречал Депара, и поведение его нравилось мне все меньше и меньше. Я давно уже знал, помимо де Отроша, что этот субъект — шулер и мошенник. Но в этот момент мои мысли были заняты другим. У меня в кармане лежала записочка к Адели от Олимпии. Взглянув на часы, я увидел, что время вполне подходящее для визита. Я мог явиться к ней и исполнить поручение ее подруги. Я простился с Луи и отправился к его сестре.

Меня немного удивлял де Отрош. Несомненно, он успел прочесть письмо мадам Дардонвилль до моего прихода, а между тем я не заметил у него особенно приподнятого настроения. Подумав немного, я решил, что он, по всей вероятности, еще не познакомился с его содержанием. Может быть, рассылный еще не вернулся. Или же письмо, выданное ему сегодня, было не от мадам Дардонвилль и в нем заключались лишь маловажные известия. Наконец могло случиться, что я ошибся и его имя вовсе не было тогда произнесено на почтамте. Но если он действительно получил то письмо, которое я имел в виду, то оно не произвело на него никакого впечатления. Я ожидал совершенно другого эффекта. Разумеется, я не думал, что он потеряет голову от радости и сразу станет изливаться мне, но спокойствие и равнодушие, с которым он разгова-

ривал со мной, все же удивили меня. Ведь он все время говорил только о Депа-ре и возмущался своим сходством с этим шулером! Нет, без сомнения, он еще не прочел письма — письма, делавшего его одновременно и женихом любимой девушки, и обладателем крупного состояния.

Мне не трудно было положить конец моему недоумению. Для этого нужно было только задать Луи один вопрос. Какое-то смутное предчувствие опасности побуждало меня сделать это, но затем я вспомнил про просьбу мадам Дардонвилль и решил молчать. К тому же мне не хотелось вмешиваться в личные дела моего друга. В конце концов бояться было нечего. Луи попросту еще не узнал, какое счастье его ожидает. Письмо еще не успело дойти до него. Оно придет со следующим почтовым пароходом...

В это мгновение я очутился перед домом Адели. Я поднялся на обросшую виноградом веранду. При звуке моих шагов в одном из окон поднялись зеленые жалюзи, и на меня глянули милые карие глаза... Все мысли о Луи и его делах вылетели у меня из головы. Я мог думать только об Адели.

Глава X ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО

Мои друзья из Нового Орлеана не забыли меня за время отсутствия. Они по-прежнему отличались гостеприимством, и я снова стал часто бывать у них. У меня было что порассказать. Моя поездка по прериям была богата приключениями, которыми я мог щегольнуть. Мне приятно было думать, что Адель внимательно слушает меня. Впрочем, и Луи иногда становился внимательным, в особенности тогда, когда я начинал распространяться о достоинствах Олимпии. В такие минуты я старался подметить какие-нибудь признаки ревности у Адели, но она ничем не выдавала себя. Она только предпочитала слушать про диковины, виденные мною в прериях, чем про Олимпию. Впрочем, это можно было объяснить склонностью к романтике. Ведь лихие всадники прерий, с перьями на голове и татуировкой на теле, — эти рыцари девятнадцатого века — не менее увлекательны, чем рыцари средних веков. Они ничуть не уступают последним в смысле храбрости, а по дикости нравов лишь немного превосходят их.

Вскоре я стал посещать дом на улице Бургонь ежедневно. Хотя мои мысли и были заняты Аделью, однако я все же внимательно присматривался и к Луи. Я ждал каких-нибудь признаков, которые указали бы на то, что он получил письмо мадам Дардонвилль, но ничего не замечал. По-видимому, письмо задержалось в пути. Положение мое становилось двусмысленным: я мог одним словом осчастливить моего друга, а между тем обещание, данное мною мадам Дардонвилль, мешало мне произнести это слово. Как меня иногда подмывало проговориться! Ведь осчастливить другого почти так же приятно, как самому испытать счастье.

Прошла неделя, и все еще не заметно было ни малейших признаков того, что Луи получил письмо. За это время из Сен-Луи пришло два почтовых парохода — я наводил справки, — но письма все еще не было.

Может быть, мадам Дардонвилль вовсе не писала Луи? Или же письмо ее пропало?

Впрочем, первое предположение отпадало: ведь она сама мне говорила, что

отправила письмо. Второе же казалось вполне возможным, если принять во внимание тогдашние порядки на американской почте и необычайные случаи, которые иногда происходили с корреспонденцией, перевозимой по большим рекам Запада.

Но, с другой стороны, между Сен-Луи и Новым Орлеаном почта никогда не перегружалась. Где же могло затеряться письмо?

Я недоумевал, и даже больше, я начал тревожиться о судьбе послания мадам Дардонвилль. Иногда смутное предчувствие превращалось в более определенное опасение, в особенности когда я вспомнил про инцидент на почтамте в день моего возвращения. Кто-то спрашивал корреспонденцию на имя Луи де Отроша — я отлично расслышал это имя, хотя говоривший произнес его тихо и не особенно внятно.

Получил ли в тот день де Отрош письмо из Сен-Луи или нет? По причинам, о которых я говорил выше, я ни разу не спросил его об этом. Но теперь я решил, что мне не следует дольше молчать. Быть может, мой вопрос удивит и заинтригует его. Но мне это было все равно. Я хотел получить от него определенный ответ. Меня тревожило смутное подозрение.

Наконец я решил зайти к моему приятелю и поговорить с ним, не обращая внимания ни на что.

Как раз в тот момент, когда я собирался выйти, раздался нетерпеливый стук в дверь. Оказалось, что это сам де Отрош, и притом сильно чем-то взволнованный.

— Что это означает? — воскликнул он, войдя. — Я только что получил письмо от мадам Дардонвилль и ничего не могу понять. Она упоминает о каком-то завещании... о каких-то условиях... об Олимпии... В чем дело? Вы недавно виделись с мадам Дардонвилль. Быть может, вы сумеете мне объяснить, о чем тут говорится.

С этими словами Луи вынул из кармана письмо и передал его мне. Я открыл конверт и прочел следующее:

«Дорогой Луи!

С тех пор как я отправила вам письмо с копией завещания моего покойного мужа, в моих планах произошла перемена. Оказалось, что дела, связанные с получением наследства, задержат меня на неделю дольше, чем я предполагала. Поэтому предлагаю вам, если это письмо застанет вас еще в Новом Орлеане, приехать к нам вместе с Аделью и затем вернуться всем вместе. Может быть, и ваш приятель-англичанин согласится сопровождать вас; хотя, судя по той быстроте, с которой он уехал отсюда при наступлении первых морозов, он, очевидно, находит климат Сен-Луи слишком холодным. Но, если это его не испугает, я буду очень рада видеть его.

Вы можете приехать на «Султане». Этот пароход, как я прочла в газетах, должен уйти из Нового Орлеана 25 числа. Если можете, постарайтесь попасть на него — это наш любимый пароход, и мне хотелось бы совершить обратную поездку на нем.

Искренно вам преданная

Эмилия Дардонвилль.

P. S. Помните, Луи, что вам предоставляется полная свобода выбора. Вместе с тем, хотя я была бы рада видеть вас мужем моей дочери, однако не хочу принуждать Олимпию. Ей известно завещание ее отца, и я уверена, что она не от-

кажется исполнить его волю. Ее сердце никем не занято, а так как она знает вас с детства, я не сомневаюсь, что она благосклонно отнесется к вашим ухаживаниям. Впрочем, дорогой Луи, в этом деле вы должны следовать исключительно велениям вашего сердца. Я знаю ваше благородство и полагаюсь на него.

Э. Д.».

Пока я читал, Луи немного успокоился.

— Когда вы в последний раз получили известие от мадам Дардонвилль?

— Около месяца тому назад. Я получил от нее только одно письмо после того, в котором она сообщала мне о смерти мужа.

— А ваша сестра ничего не получила из Сен-Луи?

— Нет, если не считать той записки, которую вы сами ей передали.

— Здесь говорится о каком-то другом письме, к которому была приложена копия завещания.

— В первый раз об этом слышу. Я вообще даже не знал, составил ли Дардонвилль завещание или нет. А постскриптум мадам Дардонвилль мне совершенно не понятен. Она говорит о каких-то условиях, о том, что Олимпия исполняет желание отца. Что это означает? Какие условия? Объясните мне, если можете, умоляю вас!

— Да, я могу вам объяснить все.

Глава XI ЧЕК

Де Отрош стоял передо мной и умоляюще глядел на меня, с трудом сдерживая нетерпение. Я чувствовал, что в моей власти сделать его бесконечно счастливым, дать ему безграничную радость. Тайна его была мне давно известна: я знал, что он всем сердцем любит Олимпию, со всей страстностью своей пылкой натуры. Это чувство возникло во время его последнего пребывания в Сен-Луи. Правда, Олимпия была тогда еще слишком молода, чтобы ответить ему тем же, но я по некоторым признакам заметил, что она питает к нему нежную привязанность. Я не сомневался в том, что эта привязанность превратится в любовь, как только молодая девушка снова встретится с Луи. Все говорило в пользу де Отроша. Все старания родителей Олимпии были направлены к тому, чтобы она полюбила своего друга детства. Луи был самым красивым из всех ее поклонников, и его нравственные качества соответствовали его наружности. Вдобавок Олимпии постоянно твердили об этом. Все складывалось так, что она не могла не полюбить его.

Хранить тайну дальше не имело никакого смысла. Ведь я обещал мадам Дардонвилль молчать, покуда Луи не получит ее письма, из которого он должен был узнать все. Между тем для меня было теперь ясно, что письмо пропало. Мне не оставалось ничего другого, как передать моему другу его содержание. Мне доставляла большое удовольствие мысль, что я могу так сильно обрадовать Луи, и я поспешил рассказать ему все, что я знал, причем кратко изложил условия завещания покойного Дардонвилля, имевшие непосредственное отношение к вопросу.

На лице моего собеседника отразилась безмерная радость. Он заставлял меня по нескольку раз повторять одно и то же, причем сам же перебивал меня

горячими изъявлениями благодарности.

Я не мог точно передать содержание письма мадам Дардонвилль, так как не читал его. Но я рассказал Луи про самое существенное, и мы не особенно интересовались отдельными деталями. Впрочем, по второму письму можно было догадаться о том, что заключалось в первом.

— Его пропажа не имеет особого значения, — сказал я. — Правда, неприятно думать, что какой-нибудь почтовый чиновник прочтет о ваших семейных делах. Но и это не беда. Ведь в конце концов утеряно не самое завещание, а только копия его.

— Завещание меня не так интересует — мне важно знать, как относится к нему Олимпия.

— Думаю, что она вполне одобряет его.

— Благодарю вас за эти слова, мой друг! Да, в вашем лице судьба послала мне истинного друга. Какое счастье, что я случайно оказался похожим на Депара!

Я вполне был с ним согласен: ведь лишь благодаря этому сходству мне удалось познакомиться с Аделью.

— Но не забудьте, однако, Луи, что вам необходимо как-нибудь ответить на письмо мадам Дардонвилль. Она приглашает вас приехать в Сен-Луи, чтобы сопровождать ее и ее дочь обратно в Новый Орлеан. Если я не ошибаюсь, «Султан» уходит сегодня вечером. Вы должны заблаговременно взять каюту.

— А вы поедете со мной? Ведь вас тоже зовут.

— А мадемуазель де Отрош?

— Разумеется, Адель тоже поедет с нами. Она давно уже не путешествовала. Со времени смерти нашего отца она только один раз была в Сен-Луи. Я уверен, что она будет очень рада прокатиться. Так вы, зна*чит, согласны?

— С удовольствием буду вашим спутником. Но надо предупредить вашу сестру, чтобы дать ей время уложить вещи. Не пойти ли нам сейчас к ней?

— Идем! А по дороге справимся на почтамте, не отыскалось ли пропавшее письмо. Может быть, оно случайно там завалялось.

— Попробуем, хотя это теперь не имеет никакого значения.

Я не особенно наделся на успех. Какой-то внутренний голос твердил мне, что письмо не лежит на почте, что оно оттуда исчезло и попало в чужие руки...

Но кому оно могло понадобиться? Может быть, его украли в надежде найти в нем деньги? При тогдашних порядках подобная пересылка практиковалась нередко.

Я все больше и больше убеждался, что мое первое впечатление в тот день на почтамте было правильно: письмо на имя де Отроша было выдано кому-то. Так как сам де Отрош не ходил в тот день за почтой и никого за ней не посылал — я его об этом спрашивал, и он определенно отрицал это, — мне оставалось вывести отсюда лишь одно заключение: какое-то постороннее лицо взяло письмо, без сомнения, именно пропавшее письмо мадам Дардонвилль.

Присутствие Депара в почтамте, — без сомнения, я именно его и принял за де Отроша, — показалось мне чрезвычайно подозрительным и вызвало у меня еще другого рода опасения. Я не успел разглядеть человека, справлявшегося относительно писем на имя Луи, — его скрывали от меня стоявшие впереди в очереди. Но, судя по количеству времени, которое прошло между этим момен-

том и моментом, когда я заметил шулера у выхода из залы, он легко мог успеть получить это письмо. Но с какой целью он украл его? В надежде найти там деньги? Это представлялось маловероятным. Вообще, вся эта история казалась непонятной, и мы с Луи так и не могли разрешить загадку.

На почтамте, однако, мы узнали нечто, пролившее некоторый свет на это темное дело.

— Приходили ли за последнее время письма на имя Луи де Отроша?

Почтовый чиновник не мог дать на этот вопрос точного ответа. Да и вопрос, в сущности, был довольно нелепый. Ведь этот человек выдавал по несколько сотен писем в день и никак не мог помнить, кому они были адресованы.

— Впрочем, подождите, есть одно письмо на имя де Отроша, оно только что пришло с пароходом.

Мой приятель быстро схватил конверт — на нем стоял штемпель Сен-Луи. Но какое разочарование! В такой маленький конверт никто не вложил бы копии завещания.

И на самом деле, внутри оказалось нечто совершенно иное. Вот что мы прочли:

«Милостивый государь

Чек на 1000 долларов, выданный нами на Земледельческий банк в Новом Орлеане на ваше имя, не был индоксирован по недосмотру одного из наших клерков. Уплата по нему была произведена упомянутым выше банком, причем чек был нам возвращен. Благоволите немедленно сообщить, не произошло ли тут недоразумения и получили ли вы следуемую вам сумму?

Банк Гардетт и К.

Сен-Луи, штат Миссисипи».

— Что за странная загадка! — воскликнул Луи, передавая мне письмо. — Я ничего не знаю ни о каких деньгах. Я никаких чеков не получал, да и не ожидал получить, даже представить себе не могу, кто бы мог мне послать тысячу долларов из Сен-Луи. Тут какая-то ошибка. Это письмо не мне.

На конверте было ясно написано:

«Адвокату Луи де Отрошу, улица Рояль, № 16. Новый Орлеан».

Однофамильцев в Новом Орлеане у Луи де Отроша не было. Не могло быть сомнения в том, что письмо адресовано именно ему, хотя содержание его и казалось весьма загадочным.

Впрочем, для меня это письмо пролило луч света на таинственные происшествия последних дней. Кем был послан чек, я, конечно, не знал наверное. Я мог только строить предположения и догадываться, что это дело рук щедрой мадам Дардонвилль. Кому достались деньги — это было уже гораздо легче сообразить. Здесь видна была рука Депара. Ему удалось завладеть чеком. Затем, желая скрыть следы своего преступления, он стал наводить справки на почте относительно дальнейших отправок на имя де Отроша, и таким образом письмо с копией завещания попало к нему в руки.

Несомненно, он собирался куда-нибудь скрыться и, вероятно, уже успел это сделать. Это было ясно хотя бы из того, что письма Луи стали аккуратно до него доходить.

Я рассказал Луи о моих предположениях. Он пришел буквально в ярость. Хотя он не знал, кто именно послал ему деньги, однако факт был налицо: чек

был отправлен и, без сомнения, кем-то украден.

Мы решили немедленно передать дело в руки полиции и тотчас же сделали это. Отвечать письменно банку Гардетт и К° не было смысла, так как письмо могло уйти только с пароходом «Султан», а мы собирались сами отправиться на нем в тот же вечер. Лучше всего было зайти лично в банк сейчас же по приезде в Сен-Луи.

За Депаром хотели немедленно устроить слежку. Арестовать его не представлялось возможным, так как прямых улик против него не было. Слежка, однако, не удалась. Сыщики никак не могли напасть на след шулера.

До самого момента нашего отъезда он так и не отыскался, и в полиции заявили, что ловкий мошенник, по-видимому, скрылся.

Глава XII «КРАСАВИЦА МИССУРИ»

Если вы вздумаете подниматься от устья Миссисипи вверх по реке, то на протяжении по крайней мере тысячи миль вы не увидите ни горы, ни пригорка, — словом, ни малейшей возвышенности. Только два раза нарушится однообразие картины: промелькнет скала, на которой стоит город Начец, да близ богатого Мемфиса протянется небольшая каменная гряда, известная под именем Чиксо. Вся остальная местность по обоим берегам реки представляет собой сплошную равнину, возвышающуюся лишь на несколько футов над уровнем Миссисипи и поэтому ежегодно заливаемая. Местами простираются обширные болота, но они большей частью скрыты густыми порослями леса. Даже на берег нельзя высадиться: тотчас же провалишься. А между тем с реки кажется, что там твердая земля.

Так продолжается до впадения Огайо. Лишь затем, в районе Миссури и Иллинойса, местность принимает иной характер. словно по мановению волшебного жезла, декорация меняется.

Река течет по узкой долине или ущелью, между обрывистыми, крутыми берегами, достигающими иногда нескольких сотен футов высоты.

Целых шесть дней мы плыли вдоль равнины. Лишь на седьмой день, к вечеру, «Султан» вступил в пределы гористой страны.

Ночь уже начала спускаться на землю. Было время полнолуния, но ночное светило стояло еще совсем низко над горизонтом — так низко, что свет его падал на поверхность воды лишь там, где река круто заворачивала в сторону.

Там же, где путь парохода лежал прямо, с юга на север, высокие скалы не пропускали ни малейшего луча. В ущелье царил полный мрак, освещаемый лишь огнями судна.

На изгибах резкие переходы от тьмы к свету и обратно производили какое-то странное впечатление театральности. Мы то шли в тени скал, на вершущке которых смутно чернели контуры острых пиков и деревьев, то вдруг выплывали на залитое белым светом пространство, при котором четко вырисовывались очертания берегов в мельчайших подробностях, точно днем.

Эта словно по волшебству менявшаяся панорама была так эффектна, что я не мог от нее оторваться и долго сидел на палубе после того, как мои спутники уже спустились вниз, в каюту.

Вдруг до моего слуха донесся стук пароходных колес. Сначала я думал, что

это лишь эхо того шума, который производит наше судно, но вскоре убедился, что навстречу нам идет другой пароход. И в самом деле, вскоре впереди показались огни — яркие красные огни на носу парохода.

Встреча произошла в самом темном месте — в узком ущелье реки, но штурманы ловко провели суда на безопасном расстоянии друг от друга. Хотя фарватер здесь и суживался, однако он все же был достаточно широк, чтобы дать свободно разойтись двум пароходам.

Река в этом месте образовывала короткую излучину. С того момента, когда встреченное судно появилось из-за поворота, и до того мгновения, когда оно промелькнуло мимо нас, прошло около двух-трех минут. Словно два огненных метеора, пароходы пронеслись друг мимо друга, и вахтенные не обменялись ни словом. Однако я успел разобрать название встречного судна — «Красавица Миссури» — раньше, чем оно скрылось за соседней высокой скалой.

Я стоял, глядя ему вслед, затаив дыхание, в странном волнении. Отчего мое сердце забилося так сильно? По Миссисипи ходило много пароходов, и в этой встрече с «Красавицей Миссури» не было ничего удивительного. Быть может, скажет читатель, у меня были какие-нибудь воспоминания, связанные именно с этим судном?

Нет, мое волнение было вызвано совсем другим обстоятельством. На мостике около дамской каюты я мельком увидел группу, состоявшую из трех лиц. Я так был этим удивлен, что сначала не поверил своим глазам. Но двух из них я сразу узнал, так как свет от фонаря падал прямо на них. Третье же лицо стояло в тени, и я не мог различить его черт. Однако при виде этого человека у меня сразу мелькнуло ужаснейшее подозрение.

Зато я прекрасно рассмотрел его спутниц. Это были мадам Дардонвилль и ее дочь. Мужчину же, стоявшего рядом с ними, я не узнал, так как мое внимание было всецело поглощено дамами, и я не успел разглядеть как следует его лицо. Я видел только, что это был мужчина, больше ничего. И тем не менее подозрение, тяжелое предчувствие какой-то беды сразу охватило меня. Мне стало казаться, что моим друзьям грозит неведомая опасность.

Я был бы очень рад, если бы мне удалось убедить себя, что я ошибся и что это была только галлюцинация. Правда, лицо мадам Дардонвилль и в особенности лицо красавицы Олимпии промелькнули мимо меня быстро, словно в сновидении. Но все же впечатление получилось достаточно яркое. Я даже заметил, что у молодой девушки очень грустное выражение. Не могло быть никакого сомнения, что мадам Дардонвилль и ее дочь находились на борту «Красавицы Миссури».

Впрочем, что тут было такого невероятного? Может быть, мадам Дардонвилль удалось покончить с делами раньше, чем она предполагала, и она решила, не дожидаясь Луи, поехать вдвоем с дочерью в Новый Орлеан. Путешествие это и не продолжительно, и не опасно, а в Соединенных Штатах женщины даже в те времена привыкли ездить одни.

Да, но они были не одни. Кто был их спутник? Какой-нибудь знакомый или родственник? Или же просто слуга?

Мне хотелось убедить себя в этом и таким образом избавиться от смутного опасения, которое начало все сильнее и сильнее тревожить меня. Но какой-то внутренний голос продолжал упорно нашептывать мне, что это был вовсе не друг, а враг, и притом не кто иной, как Жак Депар.

Глава XIII

БЕСЕДА ШТУРМАНОВ

Я не мог бы ясно формулировать, чего я боялся. Какой-то опасности — да, но какой именно? Допустив даже, что я был прав и что спутником мадам Дардонвилль и ее дочери был Жак Депар, — что могло грозить им от его присутствия? С другой стороны, почему я решил, что это был именно он? Я не имел для этого никаких оснований. Наоборот, поразмыслив, я даже не мог дать себе отчета, почему этот человек мне пришел на ум. Может быть, просто потому, что мои мысли были заняты историей с получением чека и что мы намеревались расследовать это дело тотчас по приходе в Сен-Луи, куда наш пароход должен был прибыть утром.

Но все это еще не давало мне права заключить, что именно Депар стоял рядом с мадам Дардонвилль и Олимпиеи на мостике «Красавицы Миссури». Чем больше я думал об этом обстоятельстве, тем более невероятным оно представлялось мне.

Отъезд мадам Дардонвилль из Сен-Луи показался мне все-таки весьма странным, в особенности когда я вспомнил о ее последнем письме, в нем она определенно звала нас и обещала ждать, чтобы вместе возвратиться на «Султане». Может быть, она переменила свои планы и сообщила об этом Луи в другом письме? Судя по ее второму письму, она давно уже собиралась в Новый Орлеан, но ее задерживали дела. Может быть, эти дела неожиданно быстро закончились и она решила выехать, не дожидаясь прихода «Султана»? Тогда она, наверное, написала третье письмо, которое уже не застало нас в Новом Орлеане.

Все это было возможно, но в общем все эти предположения казались мне маловероятными. Нет, здесь крылась какая-то тайна!

У руля, в застекленной вахтенной будке, стоял штурман и молча смотрел вперед. Я хотел было вступить в разговор с ним, но как раз в этот момент на смену ему явился его помощник. Потягиваясь и протирая глаза, он подошел к рулю. Смена произошла просто: один вышел из будки, а другой стал на его место. При этом штурманы перекинулись несколькими словами. Я сидел близко и невольно услышал их разговор.

— Чертовски темно! Где мы находимся?

— Только что прошли поворот Шерт-Тэль. Вон там виднеется скала.

— Ни черта не вижу, хоть тресни! Того и гляди, на берег наскочу!

В самом деле, стало очень темно. Луна скрылась за черными тучами и совсем перестала светить.

— Ничего, это тебе так со сна кажется. Сейчас привыкнешь к темноте и начнешь все различать.

— Пожалуй. Что, много дряни плывет по реке?

— Да. Последние дожди нанесли всякого мусора. Больших деревьев пока не видно, но ты все-таки не зевай, смотри в оба, в особенности там, за поворотом.

— Не беспокойся. А это что за пароход мимо прошел?

— «Красавица Миссури».

— Вот как! Что же, она теперь совершает рейсы по Огайо?

— Да, говорят.

— Я так и думал, что ее не будут больше пускать в Новый Орлеан. Слишком уж это невзрачное судно.

— Да и мала она. Ее недавно купил этот... как его фамилия?.. этот старик судовладелец, и она будет теперь регулярно совершать рейсы между Сен-Луи и Цинциннати. Это как раз по ней. Ну, покойной ночи!

На этом закончилась беседа штурманов. Сменившийся ушел к себе в каюту, настала тишина.

Сначала я не вслушивался в разговор моряков. Но когда они заговорили про «Красавицу Миссури», я вдруг сильно заинтересовался. Неужели пароход в самом деле шел теперь не в Новый Орлеан, а в Цинциннати?

Каким же образом очутилась на борту его мадам Дардонвилль? Что за странная загадка? Зачем ей понадобилось туда ехать, да еще в такое время, когда она ожидала нашего приезда?

Не ошибся ли я? Я мог недослышать или не понять штурмана.

Может быть, новый владелец «Красавицы Миссури» только предполагал пустить ее по новой линии, а пока она продолжала ходить по-старому?

Я решил обратиться за разъяснениями к штурману. Матросы на речных судах — славные парни, хотя и недолюбливают болтливых пассажиров. Но они отличаются вежливостью, и я не боялся, что мне ответят дерзостью.

— Скажите, пожалуйста, верно ли я расслышал — вы, кажется, упомянули, будто «Красавица Миссури» будет теперь ходить по Огайо?

— Да, так говорят.

— Значит, она теперь будет совершать рейсы между Сен-Луи и Цинциннати?

— Ну конечно.

— Так она сейчас идет в Цинциннати?

— А куда же ей еще идти?

— Я думал, что она идет в Новый Орлеан.

— Раньше она ходила туда, но теперь ее перевели на другую линию, после того как она перешла к новому владельцу. Для рейсов по Миссисипи она мала, а вот для Огайо как раз подходит.

— И вы уверены, что она в настоящий момент направляется в Цинциннати?

— Нет, ничуть не уверен. Может быть, она сейчас сидит где-нибудь на мели или врезалась носом в берег — мало ли что могло случиться. Я знаю только одно, что ее назначение — Цинциннати и что она будет там через четыре дня, если ничего с ней не стряется. А стряется или не стряется — этого я уж сказать не могу».

И с этими словами штурман наклонил голову и стал внимательно глядеть вдаль. Очевидно, предположение, что «Красавица Миссури» может потерпеть аварию, внушило ему мысль о том, что и «Султан» подвергается такой же опасности, и он решил внимательнее отнестись к своим обязанностям.

Меня сильно взволновало то, что мне сообщил штурман. Сведения, полученные Мною о «Красавице Миссури», были крайне важны и еще больше увеличили мою тревогу.

Итак, я узнал наверное, что «Красавица Миссури» идет в Цинциннати. Рулевой не мог это выдумать. Да и зачем было ему лгать? Я задал ему вопрос спокойно, не выказывая никакого волнения. Разумеется, он сообщил мне

только то, что слышал сам.

Дело начинало еще больше запутываться.

— Зачем понадобилось мадам Дардонвилль ехать в Цинциннати? — спрашивал я себя. — Тут есть что-то подозрительное!

Когда ее лицо промелькнуло мимо меня на встречном пароходе, я сначала удивился, но затем подумал, что она переменяла свои планы и решила проехать в Новый Орлеан, не дожидаясь нас. Это было странно, но все-таки объяснимо. Но теперь все эти предположения рухнули. Оказалось, что мадам Дардонвилль едет вовсе не в Новый Орлеан, а в Цинциннати. Распорядилась ли она, чтобы мы последовали туда за ней? Но зачем? Может быть, она решила доехать на «Красавице Миссури» только до устья Огайо и там пересесть на другой пароход, идущий на юг? Многие ездили таким образом из Сен-Луи в Новый Орлеан, когда не бывало прямого парохода. В Каире была большая гостиница, где в таких случаях останавливались пассажиры. Но зачем понадобилось мадам Дардонвилль так усложнять свою поездку, да еще в такое время?

Одно за другим в моей голове проносились самые разнообразные предположения, но я все-таки не мог подыскать подходящего объяснения. Только одно было возможно: что я ошибся с самого начала и что пассажирки, виденные мною на «Красавице Миссури», были вовсе не мадам Дардонвилль и Олимпия, а просто две дамы, очень на них похожие. Ведь меня однажды уже ввело в заблуждение случайное сходство между людьми, не имевшими ничего общего друг с другом: это должно было бы приучить меня к осторожности. Тем не менее мне было очень трудно убедить себя, что мое зрение обмануло меня.

Но пока у меня оставалось хоть малейшее сомнение на этот счет, я не считал себя вправе поделиться своими предположениями с моими спутниками. Пользы от этого не могло быть никакой. По приезде в Сен-Луи все разъяснится. Вдруг окажется, что я ошибся?

Высказав мои опасения, я рисковал только подвергнуть моих друзей напрасной тревоге, а себя — их насмешкам.

Я спустился к ним в каюту, но ни слова не сказал о том, что видел и слышал.

Глава XIV

ПРИЕЗД В СЕН-ЛУИ

На следующий день, в десять часов утра, «Султан», громко пыхтя, остановился у пристани, за которой расположен Город Холмов. Это название Сен-Луи получил благодаря индейским курганам, которые возвышаются вблизи него, на самом берегу реки.

Еще задолго до того мы все уже стояли на верхней палубе и внимательно следили, когда же покажется здание, которое нас интересовало гораздо больше, чем самый город, — белая вилла с зелеными жалюзи — вилла Дардонвиллей. Дом стоял на правом берегу Миссисипи, почти у самой реки, от которой он был закрыт лишь дубовой рощей. Мы тщательно присматривались, ожидая, когда начнется просека, ведущая к вилле.

Постепенно перед нами разворачивалась знакомая панорама. Вот и большой дом... Мои спутники с восторгом приветствовали его появление. Они мысленно предвкушали встречу с друзьями, удовольствия и развлечения, ожидающие их под этим гостеприимным кровом. В сердце Луи возникали при этом и другие чувства, другие надежды... Из всех нас я один видел раньше виллу. Адель и Луи ни разу еще не бывали здесь. Дом этот был сравнительно недавно построен Дардонвиллем, уже после того, как он удалился от дел. Когда Луи в последний раз приезжал сюда, его друзья еще жили в городе.

Хорошенькая вилла очень понравилась моему приятелю и его сестре. Все приводило их в восторг: архитектура, красивая зеленая лужайка перед домом, деревья — все казалось им восхитительным.

Когда наш пароход поровнялся с виллой, меня сильно удивил вид дома: двери были наглухо закрыты, зеленые жалюзи спущены, даже железная калитка, которая вела на лужайку, была, по-видимому, заперта. Кругом не было ни души: животные — и те куда-то спрятались. Из труб не шел дым. Дом казался вымершим.

Мои спутники заметили это, но не вывели отсюда никаких заключений.

— Отчего это окна закрыты и жалюзи спущены? Да еще в такую чудную погоду?

Я мог объяснить это только тем, что видимый нам фасад выходит на восток и что хозяйева, очевидно, боятся солнца и потому закрылись от него.

— Боятся солнца! — воскликнула Адель. — Да сейчас даже прохладно! Я вся продрогла. На их месте я бы тотчас велела все открыть и дала бы солнышку хорошенько прогреть комнаты! Но вот что, — продолжала она после паузы. — Ведь они ждут нас, не правда ли? Они знают, что мы должны приехать на «Султане»? Странно, что никто не вышел нас встретить. Хоть бы к окну подошли! Ну, милая Олимпия, так-то вы принимаете гостей!

Адель сделала гримасу, но тотчас же рассмеялась.

— Может быть, они еще не встали, — сказал Луи. — Ведь еще рано.

— Рано? Что ты — уже десять часов.

— Да, ты права, — ответил Луи, посмотрев на часы.

— А где же старик Плутон? Где Калипсо, Хлоя? Они-то уж, конечно, встали. Неужели нельзя было приказать им покараулить, когда пройдет мимо «Султан»?

Адель говорила о слугах мадам Дардонвилль. Я тоже отлично знал их всех.

— А я поняла, в чем дело! — вдруг воскликнула молодая девушка. — Мадам Дардонвилль и Олимпия поехали в город и встретят нас на пристани. Плутон они взяли с собой, а остальная прислуга занята. Теперь все ясно! Мы встретимся на пристани. Ах, как хорошо!

Я согласился с Аделью, хотя далеко не был уверен в том, что она права. Нежилой вид дома увеличил мою тревогу. Мои предположения подтвердились, и ужасное подозрение, давно уже зародившееся у меня в душе, становилось все более и более определенным. Я старался скрыть мое беспокойство от спутников, но это мне плохо удавалось. Адель и Луи не раз с удивлением поглядывали на меня, словно замечая во мне что-то странное.

Я с нетерпением ждал минуты, когда пароход подойдет к пристани. Увы, я мало надеялся на то, что предположения Адели оправдаются!

Я оказался прав. Мы тщательно разглядывали толпу, собравшуюся встречать пароход. Но ни мадам Дардонвилль, ни Олимпии там не было. Вблизи стояло много экипажей, но их коляски тоже не было видно.

Я посмотрел на Адель. На ее хорошеньком личике появилось выражение разочарования и обиды.

— Может быть, они ждут нас в городе? — сказал я.

— Простите, но им следовало бы встретить нас здесь. Это очень нелюбезно со стороны Олимпии.

— А что, если мадам Дардонвилль задержали там дела?

— Все равно они должны были приехать сюда.

Я видел, что Адель не на шутку обиделась. Может быть, ей за последнее время пришлось выслушивать слишком много восторженных отзывов о красоте Олимпии? Ни одной женщине не нравится, когда в ее присутствии хвалят другую, в особенности если она сама красива.

Нам оставалось только одно: взять извозчика и поехать на виллу. Вещей у нас было не много, и потому мы вскоре уже очутились на дороге туда, миновав город и его предместья.

На улицах было много народу, и я встретил несколько знакомых. Мы ехали в открытом экипаже, и нас не трудно было узнать. Но почему же все смотрели на нас с таким удивлением, в особенности на Луи? Что за странность? Мы ехали быстро, и никто нас не остановил. Я не знал, замечают ли мои спутники эти недоумевающие взгляды. Впрочем, я сам, быть может, не обратил бы внимания на это обстоятельство, если бы не мои все возрастающие опасения.

Наконец мы добрались до виллы. Везде было пусто, никто не вышел нам навстречу. Мы вышли из коляски и постучали в двери. Послышались чьи-то глухие шаги, стук отпираемого засова и звон цепочки. Как странно, что дверь заперта! Но вот она тихонько открылась, и в щели показалось круглое черное лицо Плутона.

Глава XV ПЛУТОН

По выражению лица старого негра мы сразу поняли, что нас не ожидали. Он стоял, открыв рот и закатывая глаза так, что были видны одни белки. Всплеснув руками с видом полного изумления, он воскликнул на своем исковерканном негритянском жаргоне:

— Да неужели это вы, мистер Луи? Откуда вас принесло?

— Как откуда, Плутон? Да из дому, конечно, из Нового Орлеана!

— Ах, мистер Луи, не издевайтесь над бедным старым негром! Разве вы успели бы доехать так быстро до Нового Орлеана? Да вы за это время могли добраться разве только до устья Огайо!

— До устья Огайо?

— Ну да, мистер Луи. Ведь «Красавица Миссури» ушла только вчера вечером — когда же вы могли успеть съездить домой и обратно? Уж не случилось ли что-нибудь? Здоровы ли барыня и барышня? Где вы с ними расстались?

— Где я с ними расстался? Да я их не видел с тех пор, как приезжал сюда в последний раз!

— Эх, мистер Луи, мистер Луи, любите вы шуточки шутить! Смеетесь над стариком, потому что он почти слепой! Ха-ха-ха!

— Да ты что, Плутон, в своем ли уме?

— Я-то в своем уме, мистер Луи. Но скажите, где же барыня и барышня?

— Я как раз хотел спросить об этом тебя. Где они?

— Откуда мне знать, мистер Луи? После того как я вчера днем отвез всех вас на пристань на пароход, я их больше не видел.

— Отвез нас на пристань? Кого это — нас?

— Да вас, мистер Луи, мадам Дардонвилль и мисс Олимпию.

— О каком пароходе ты говоришь?

— Да о большом пароходе, который ходит в Цинциннати, — «Красавица Миссури».

Де Отрош повернулся ко мне с выражением полного недоумения.

— Что он хочет этим сказать?

— Вот что, Плутон, — обратился я к старому негру, — скажи мне, ты вчера отвозил барыню и барышню на пароход «Красавица Миссури»?

— Да, сэр, отвозил.

— И они сели на пароход?

— В этом я вполне уверен, сэр. Я видел, как пароход отчалил.

— Кто был с ними?

— Мистер де Отрош.

— Откуда ты знаешь, что это был мистер де Отрош?

— Все его так называли. Да и я сам, сэр, не совсем еще ослеп. Я видел мистера Луи, ведь он у нас целую неделю прогостил. Ведь вы сейчас хотите подшутить надо мной, не правда ли, сэр?

— Ответь мне еще на один вопрос. Говорила ли тебе мадам Дардонвилль, куда она едет?

— Нет, сэр, говорить-то она мне не говорила, да я сам знаю, ха-ха-ха!

Физиономия негра расплылась в широкую улыбку, и его белые зубы сверк-

нули, а в глазах мелькнуло хитрое выражение.

— Куда же? — переспросил я.

— А может быть, мистер Луи не хочет, чтобы я говорил? — сказал негр, восторженно глядя на де Отроша.

— Наоборот, очень хочу. Говори скорей, да говори же! Тут какая-то загадка!

— Непонятно мне это все. Ну, хорошо, мистер Луи, если вы хотите, то я все расскажу мистеру и мисс Адели, хотя я думал, что они уже знают. Конечно, нам, то есть прислуге, бывает известно только то, что приходится случайно услышать. Может, это верно, а может, и нет.

— Да говори же, черт возьми!

— Ну, так вот, у нас говорилось, будто барышня выходит замуж за мистера Луи и будто они поехали во Францию, чтобы там справить свадьбу.

— Во Францию?

— Да, сэр. Говорят, будто у мистера Луи там богатый дядя, он умер и все оставил молодому барину, — надеюсь, это правда, мистер Луи? Так вот они все поехали во Францию за наследством, там будет свадьба, и потом все вернутся сюда.

— Кто же это тебе говорил?

— Помилуйте, сэр, да это всем было известно. А кроме того, я слышал, что говорил мистер Гардетт, банкир, когда я раз возил к нему барыню. Барыня еще чек выписала тогда. Она говорила, что это на путевые расходы. Кучу долларов, хватило бы весь свет объездить! Но скажите, мистер Луи, почему вы вернулись? Надеюсь, ничего не случилось? Барыня с барышней здоровы?

Де Отрош буквально окаменел от изумления. Он не мог сказать негру ни слова.

Допрашивать Плутона дальше было бессмысленно. Я уже имел достаточно данных, позволявших мне восстановить в общих чертах все это загадочное происшествие, хотя подробности его, разумеется, ускользали от меня. Теперь я был уже твердо убежден, что совершается какое-то гнусное преступление и что мадам Дардонвилль и ее дочь — жертвы ловкого обмана. По всей вероятности, самозванец, выдав себя за Луи де Отроша и наговорив Дардонвилль небылиц о каком-то наследстве, уговорил ее уехать во Францию. Если даже негр кое в чем и ошибался, все же факт был налицо: обе дамы уехали куда-то в сопровождении самозваного де Отроша. Куда именно и с какой целью, этого я не мог сказать наверняка. Но зато я ни минуты не сомневался в том, что спутник их, выдавший себя за Луи, не кто иной, как Жак Депар.

Однако я ничего не сказал моим друзьям. Это несколько не помогло бы делу. К чему ускорять приближение того печального момента, когда они узнают ужасную правду? Лучше повременить!

Мне было известно, что банкир Гардетт — старинный друг семьи Дардонвилль. Он, без сомнения, мог пролить свет на это темное дело. Мадам Дардонвилль взяла крупную сумму со своего счета в его банке, и он несомненно знал, для чего эти деньги предназначались. Кроме того, нам нужно было расспросить его относительно пропавшего чека.

Поэтому я предложил моим спутникам тотчас же отправиться в банк. Они были так ошеломлены всем происшедшим, что беспрекословно позволили мне вести их, куда я хотел. Подозвав извозчика, мы велели ему ехать обратно в город.

Полчаса спустя мы уже подъезжали к банку. Адель решила подождать в коляске, и брат ее, по моему совету, остался с ней. Я предпочитал переговорить с Гардеттом наедине и затем уже сразу сообщить Луи о том, какая беда стряслась над ним и над любимой им девушкой.

Глава XVI БАНКИР ГАРДЕТТ

Мне посчастливилось застать Гардетта в конторе. Мы были раньше знакомы, и поэтому я сразу приступил к делу.

Не буду утомлять читателя передачей нашего разговора. Упомяну лишь о том, что имеет непосредственное отношение к моему рассказу. Все сведения, полученные мною в тот день, только подтвердили мои печальные догадки.

Некто, сильно похожий на де Отроша — его настоящий двойник, — выдавал себя за моего друга и, ловко обманув мадам Дардонвилль, уговорил ее и ее дочь уехать вместе с ним в Европу.

Во всем этом не было ничего невозможного. Не следует забывать, что Дардонвилли несколько лет не видели де Отроша.

К тому же я вспомнил, как мадам Дардонвилль однажды говорила мне, что она собирается поехать как-нибудь во Францию, чтобы повидаться с родными и с друзьями своей юности. Ей хотелось также пожить в Париже, где она могла завершить образование своей дочери и вывезти ее в свет.

О поездке на родину мечтают все эмигранты. Желание мадам Дардонвилль было вполне естественно, тем более что она в средствах не стеснялась.

Странно было только то, что она собралась так поспешно. Ведь в своих письмах она ни словом не упоминала о своем намерении. Очевидно, она действовала под влиянием мнимого де Отроша.

Итак, мои предположения были правильны: мадам Дардонвилль и ее дочь уехали в Европу в сопровождении ловкого мошенника. После разговора с банкиром я не мог больше в этом сомневаться. Гардетт знал, что я коротко знаком с семейством Дардонвиллей, и не счел нужным что-либо скрывать от меня. Впрочем, ему самому было известно очень мало. До него, как и до всех знакомых Дардонвиллей, доходили различные слухи. Как доверенный банкир мадам Дардонвилль, он узнал об ее предполагаемом путешествии в Европу. Она взяла аккредитив на крупную сумму — десять тысяч долларов — на один из парижских банков, и Гардетт отсюда заключил, что она собирается пожить в столице Франции. Но о дальнейших своих планах клиентка не поставила его в известность.

Все остальное он узнал из слухов, которые ходили по городу. Богатые люди поневоле бывают всегда на виду у всех, и им трудно скрывать даже чисто семейные тайны.

В данном случае усиленно говорили про предстоящую свадьбу Олимпии с молодым де Отрошем. Добавляли, что ему будто бы известно завещание ее отца. Душеприказчики не всегда умеют молчать, а банкиры по своему положению имеют сколько угодно случаев узнавать чужие тайны.

Гардетт был в курсе и других подробностей. Ему рассказывали, что де Отрош гостил на вилле Дардонвиллей целую неделю. Именно этим обстоятельством банкир объяснял себе то, что он не получил ответа на письмо, послан-

ное де Отрошу и адресованное в Новый Орлеан.

Я сразу понял, о каком письме шла речь, и мне вскоре удалось убедить моего собеседника, что он ошибался и что де Отрош молчал по другим причинам. До этого момента, однако, я только слушал Гардетта и не разъяснял ему настоящего положения дела. Легко себе представить, как он удивился, когда я ему сказал, что де Отрош вовсе и не думал гостить у Дардонвиллей. Он попросту мне не поверил и очень вежливо, но решительно объявил мне, что я ошибаюсь.

— Простите меня, несколько человек из моих знакомых видели его там собственными глазами. В городе он, правда, не показывался, что немного удивляло здешнее общество. Впрочем, мне лично это казалось вполне естественным, — добавил банкир, снисходительно улыбаясь. — В такие минуты молодые люди не ищут общества. Быть может, впоследствии эта страсть к уединению пройдет у де Отроша, — и Гардетт усмехнулся. — Этому молодому человеку повезло: состояние у его невесты крупное.

— Нет, мсье Гардетт, ему, наоборот, очень и очень не повезло. Боюсь, что с ним стряслась большая беда!

— Что такое? Что вы хотите этим сказать?

— Лицо, проживавшее у Дардонвиллей под именем де Отроша, было вовсе не де Отрош, а известный шулер и мошенник, выдававший себя за него. Де Отрош только что прибыл сюда вместе со мной на пароходе «Султан». Мы приехали прямо из Нового Орлеана, откуда де Отрош за последнее время не выезжал.

Гардетт буквально подпрыгнул от изумления, словно под ним разорвалась бомба.

— Не может быть! Вы шутите!

— Увы, нет. Посмотрите в окно, мсье Гардетт. Вон там сидит Луи де Отрош.

Коляска стояла под самым окном, так что банкир мог без труда разглядеть сквозь полуопущенные жалюзи Адель и Луи, сидевших в ней.

— Да, несомненно, это он и его сестра! Я их знаю с юных лет, это были такие славные дети! Я и с полковником был знаком. Так это, значит, правда?

— Мои друзья подтвердят вам, что я вас не обманываю.

— Я и так не сомневаюсь в этом. Теперь мне все понятно! История с чеком на тысячу долларов... это стремление прятаться от людей... не принимать знакомых... суммы, которые ему были переданы... Ах, я боюсь за мадам Дардонвилль! Все пропало!

— Будем надеяться, что нет. Быть может, нам еще удастся настигнуть этого негодяя и уничтожить его гнусные замыслы!

— Поздно, увы, поздно! Я даже не представляю себе, что тут можно предпринять... Как вы собираетесь действовать?

— Поехать за ними и нагнать их, разумеется!

— Легко сказать — нагнать. Но как вы это сделаете? Ведь они уехали вчера на скором пароходе. Следующий пароход на Цинциннати отходит не раньше, чем через неделю.

— Вы вполне в этом уверены?

— Вполне. Вот расписание.

Но я не стал рассматривать расписание и поверил банкиру на слово. Ведь он сам был заинтересован в поимке негодяя не меньше, чем я.

Однако его слова меня сильно расстроили. По дороге из виллы в город я все время обдумывал план действий, но мог придумать лишь одно: надо немедленно отправиться вслед за Депаром и его жертвами и постараться их догнать. Я рассчитывал на то, что они поневоле задержатся в Цинциннати: «Красавица Миссури» дальше не шла. Если бы нам удалось в тот же вечер или в крайнем случае на следующий день сесть на другой пароход, мы могли бы застать их там. Но выезжать через неделю не имело смысла. Из Цинциннати наши путешественники легко могли выехать в Питтсбург или в Уилинг, тем более что было время половодья, когда сообщение поддерживалось регулярно. А из Питтсбурга и Уилинга ежедневно отправлялись пароходы в различные порты Атлантического океана, в частности в Нью-Йорк, где стоял готовый к отплытию океанский пароход линии Кенар. Он уходил в Европу в определенные дни. Но у меня в голове был такой сумбур, что я не в силах был сесть и спокойно рассчитывать, успеет ли мы попасть вовремя или нет.

Однако, несмотря на волнение, мне все же пришла в голову удачная мысль: отчего бы нам не попытаться добраться до Цинциннати верхом?

Я тотчас же поделился своим планом с банкиром, а тот, к моей радости, не нашел в нем ничего невозможного.

Правда, путь был не близкий: предстояло сделать около трехсот миль по самым отчаянным дорогам. Придется очень много тратить на лошадей (банкир никак не мог отрешиться от соображений денежного характера), но положение было таково, что спасти женщин могла лишь героическая попытка.

Итак, нам с де Отрошем нужно было немедленно найти лошадей и скакать день и ночь вдогонку за преступником. Адель следовало оставить в Сен-Луи. Во сколько бы нам ни обошлось это путешествие, мы не могли поступить иначе. В этом была наша единственная надежда.

К счастью, я перед отъездом из Нового Орлеана взял с собою крупную сумму. Таким образом, денежный вопрос меня не беспокоил. К тому же Гардетт любезно предложил свои услуги по этой части. Он сделал больше: он обещал взять Адель к себе на время нашего отсутствия. Я согласился, так как знал, что и Луи и Адель будут этим очень довольны.

Я взял на себя решение всех этих вопросов и даже не посоветовался с моим приятелем, который по-прежнему ждал меня на извозчике. Но я ни минуты не сомневался, что он вполне одобрит мои планы, и решил все подготовить как можно быстрее.

Хотя Луи и Адель были очень удивлены отсутствием мадам Дардонвилль и хотя они чувствовали, что здесь кроется какая-то тайна, однако им в голову не приходило, какое горе их постигло. Дальше скрывать от них истину было невозможно. Я знаком пригласил их пройти к Гардетту в кабинет и тут рассказал им все, что знал. Нечего говорить о том, в какое состояние пришел Луи, услышав мой рассказ: он переходил от страха к гневу и наконец совершенно взбесился.

Но, сознавая, что необходимо действовать, а не предаваться бесплодному отчаянию, он вскоре взял себя в руки. Нельзя было терять ни минуты. Узнав про мой проект, де Отрош вполне одобрил его, и мы тотчас же принялись за необходимые приготовления. Адель не возражала против наших намерений. Как ни огорчала ее разлука с братом и с человеком, который ее любил, она понимала, что этот шаг необходим, и могла только пожелать нам удачи.

Не успело еще солнце достичь зенита, как мы с де Отрошем уже мчались по направлению к парому верхом на самых быстрых и выносливых конях, какие только нашлись в Сен-Луи. Переправившись через реку, мы очутились на территории штата Иллинойс. Отсюда, не теряя времени, мы поскакали по дороге, которая ведет в город Цинциннати.

Глава XVII ПОГОНЯ

Первые десять миль мы оба молчали. Луи был погружен в мрачную меланхолию, а я был занят различными соображениями. Мы ехали со всей возможной быстротой, заботясь только о том, чтобы лошади не пали в пути. Там, где это позволяло состояние дорог, мы мчались галопом, переходя временами на рысь, или же шли аллюром, который известен под названием «иноходи». Ездить на иноходцах — а в западных штатах почти все лошади иноходцы — очень удобно. И всадник и конь утомляются меньше, чем при рыси или галопе на обыкновенном коне, а скорость от этого ничуть не уменьшается. Мне приходилось все время сдерживать моего спутника. Он никак не мог успокоиться и, если бы не я, пустил бы своего коня карьером и загнал бы его. А это было бы самой большой бедой для нас. В таком случае нам пришлось бы оставить всякую надежду добраться до Цинциннати раньше, чем придет туда «Красавица Миссури». Что бы мы стали делать одни в прериях, вдали от всякого жилья? Сколько времени мы потеряли бы, покуда добрались бы пешком до какого-нибудь населенного пункта? Необходимо было беречь коней.

Разумеется, мы не собирались проехать всю дорогу на одних и тех же лошадях. Об этом нечего было и думать. Мы предполагали сделать миль шестьдесят и затем сменить коней, снова проехать на свежих приблизительно такое же расстояние и снова сменить их, и так далее — до конца. Это должно было обойтись не дешево, но мы не обращали внимания на расходы.

Я уже говорил выше, что все время молчал, так как был занят своими мыслями. Я старался взвесить все шансы за и против и угадать, увенчается ли наша попытка успехом. Но многое зависело от случайности. Однако я рассчитал, что, если обстоятельства нам будут благоприятствовать, мы вполне можем надеяться на счастливый исход всей этой печальной истории. Я поделился своими соображениями с де Отрошем и этим сильно обрадовал его.

Правда, уверенности у меня не было, но сейчас, по зрелом размышлении, на что у меня не хватило времени до отъезда из Сен-Луи, я решил, что догнать авантюриста возможно и есть надежда предупредить его коварные замыслы.

При этом я припомнил то, что мне говорил штурман с «Султана». Он сказал, что «Красавица Миссури» прибудет в Цинциннати через четыре дня. Банкир Гардетт это подтвердил. Четверо суток — таков был обычный срок для рейса из Сен-Луи в Цинциннати. Пароход отбыл почти на сутки раньше нас. Правда, ему предстоял более длинный путь, но зато он шел безостановочно день и ночь, делая по десяти миль в час. Нам же необходимо было отдыхать. Если бы мы могли проехать трое суток без сна, не слезая с коней, нам удалось бы прибыть в Цинциннати даже раньше «Красавицы Миссури». Но это было физически невозможно. Мой спутник, конечно, решил бы на это, и только мои советы удержали его от подобного безумства. Однако я все еще надеялся,

что мы успеем вовремя при условии, если будем проезжать не меньше ста миль в сутки. Тогда мы очутились бы в Цинциннати через трое суток, а я знал, что пароход не мог прийти раньше.

Путешествие наше было долгим и трудным. Излишне добавлять, что настроение у нас было самое печальное. Несмотря на все мои усилия, я никак не мог развеселить моего спутника. Он все время был погружен в мрачную меланхолию, которая порою сменялась вспышками гнева на негодяя, обманувшего любимую им девушку и ее мать. Однако де Отрош не терял окончательно надежды, и это придавало ему силы продолжать путь.

Дорога была длинная и утомительная. Мы ехали весь день и большую часть ночи. Не одного коня мы оставили по дороге загнанным до полусмерти. Мы почти не отдыхали, почти не спали, только перекладывали седла на свежих коней и снова мчались дальше. Нередко мы засыпали, сидя верхом, и так проезжали несколько миль подряд.

Наконец это утомительное путешествие пришло к концу. Но, несмотря на все наши усилия, мы провели в пути больше времени, чем рассчитывали. Лишь на четвертые сутки после выезда из Сен-Луи мы увидели издали шпили на церквах Цинциннати. День уже клонился к вечеру. Мы были утомлены до крайности, но надежда на успех поддерживала нас, и мы рысью въехали в город.

Мы направились прямо в гостиницу Генри — это было единственное место, где могла остановиться мадам Дардонвилль. Однако, когда мы справились о ней, нам ответили, что ее здесь нет, хотя в гостиницу приехало много пассажиров с «Красавицы Миссури». Итак, пароход все-таки опередил нас!

Мы хотели было немедленно отправиться на пристань, но хозяин гостиницы указал нам на человека, находившегося тут же, прибавив:

— Если вы желаете навести какие-нибудь справки относительно лиц, ехавших на «Красавице Миссури», вот вам сам капитан парохода.

— Как же, как же, — подтвердил капитан, к которому мы тотчас же обратились с расспросами, — отлично помню эту компанию: две дамы и молодой человек, мадам Дардонвилль из Сен-Луи и ее дочь, я их знаю. Спутник их мне незнаком — это был, если не ошибаюсь, адвокат из Нового Орлеана.

— В какой гостинице они остановились?

— Они нигде не остановились. Вскоре после нашего прихода должен был уйти пароход на Уилинг. Они пересели на него и поехали на восток.

Мы с Луи тотчас же соскочили с коней и точно безумные вбежали в гостиницу. Ужасное известие так поразило нас, что мы на первых порах растерялись. По-видимому, счастье решительно улыбалось негодяю Депару.

Глава XVIII РАЗВЯЗКА

Подкрепив силы стаканом вина, я продолжал свои расспросы. Надежда еще не покинула меня окончательно, и мое бодрое настроение передалось моему приятелю. Было воскресенье, а я знал, что пароход в Европу отойдет не раньше субботы. В те времена существовала только одна пароходная линия через Атлантический океан, линия Кенар. Пароходы отправлялись раз в две недели, по субботам, ровно в полдень. Точность соблюдалась при отплытии как с одного конечного пункта, так и с дру-того, причем сигнал к отчаливанию давался выстрелом из пушки. Итак, нам нужно было во что бы то ни стало добраться до Нью-Йорка к субботе, до двенадцати часов. Но представлялось ли это возможным?

После долгих расспросов я пришел к положительному выводу. Снова в душе де Отроша отчаяние сменилось надеждой.

Все зависело от того, чтобы поскорее добраться до Уилинга. Оттуда до Нью-Йорка можно было доехать сперва дилижансом, а потом по железной дороге, то есть уже рассчитывая на определенное и точное расписание.

Но когда должен был отойти следующий пароход на Уилинг? В гостинице никто не мог нам ответить на это, и мы отправились на пристань.

Оказалось, что в этот день парохода не было. Впрочем, мы на это и не рассчитывали, так как было воскресенье. Зато мы узнали, что на следующий день отходило в Питтсбург небольшое судно. На нем мы могли добраться до Уилинга и поэтому тотчас же записались на места.

Покончив с этим, мы решили отдохнуть и пошли обратно в гостиницу.

Но там нам сообщили неожиданную и весьма неприятную новость. Оказалось, что нам нечего было рассчитывать выехать на следующий день. Об этом не могло быть и речи, так как капитан «Бекай» — таково было название нашего парохода — славился тем, что никогда не отплывал в назначенное время. Он иногда опаздывал даже на несколько суток. Хорошо, если нам вместо понедельника удастся выехать в среду!

Все это казалось вполне правдоподобным. Снова отчаяние овладело нами. Но вдруг мне пришла в голову счастливая мысль. Когда мы были на «Бекае», я заметил, что это весьма скромного вида судно. По-видимому, капитан выручал очень немного за каждый рейс, хотя брал и груз, и пассажиров. Стоит только пообещать ему сотню долларов, и он, без сомнения, будет так же точен, как трансатлантический пароход.

Я поделился своими соображениями с Луи, и тот вполне одобрил мой план.

Дело было улажено быстро. Пришлось, правда, вторично прогуляться до пристани, но зато мы легли спать спокойно, вполне уверенные в том, что выйдем в назначенное время.

Мы не ошиблись: «Бекай» отошел от пристани ровно в двенадцать часов, как обещал капитан, что повергло в изумление весь город.

Вскоре мы добрались до Уилинга. Там мы пересели на тряский дилижанс и переправились через горы в Кемберленд, а оттуда по железной дороге доехали до Балтиморы. Не задерживаясь и на час, мы отправились дальше, через Филадельфию в Нью-Йорк. Мы никого не расспрашивали по дороге и нигде не

останавливались — только пересаживались с одного поезда на другой. Мы горели одним лишь желанием: попасть в Нью-Йорк в субботу, к полудню.

Из Филадельфии мы выехали в субботу утром на курьерском поезде, время прихода которого было по расписанию согласовано со временем отплытия парохода в Европу. Какое счастье! Значит, мы успеем вовремя!

Но судьба была против нас. Около Тредонта произошла какая-то поломка в паровозе, и мы задержались на полчаса. Зато потом машинист стал усиленно нагонять потерянное время.

Пассажиры то и дело вынимали часы и с тревогой следили за стрелкой. Многие из них собирались в Европу и имели билеты на отходящий пароход. Но ручаюсь за то, что ни один из них не испытывал тех мук, которые переживал Луи де Отрош. Да и я был так расстроен, что не решался даже говорить.

Наконец волнение достигло своего апогея: показался город Нью-Джерси. Вон там, у пристани, стоит трансатлантический пароход.

Нет, он не стоит, он отчаливает! Он отходит от пристани! Что это за дымок! Ах, это сигнал, выстрел из орудия! Конец! Пароход отплыл...

Догнать его — об этом нечего было и думать, даже на самом быстроходном судне. Почему же он не задержался немного? Да потому, что пароходы линии Кенар не ждут никого — ни монарха, ни президента республики. Они подчиняются своим законам, и эти законы тверды, неумолимы, неизменны. Да, все конечно!

Отчаяние моего друга не имело пределов: с ним чуть не сделался припадок. К счастью, и другие пассажиры, не стесняясь, высказывали свою досаду, и это отвлекло от нас всеобщее внимание.

Мы стояли молча, в мрачном унынии на опустевшей пристани и глядели вслед судну, уменьшавшемуся с каждой минутой. Тщетно было бы пытаться описать чувства моего спутника. Я сам был вне себя от отчаяния и буквально не понимал, что со мной делается.

Наконец мы отвернулись от моря и пошли обратно. Нужно было поискать гостиницу. Но не успели мы пройти и пяти шагов, как чье-то восклицание, сопровождаемое гулом голосов, заставило нас оглянуться.

На конце пристани толпилась небольшая группа матросов. По-видимому, это все были служащие компании Кенар, присутствовавшие при отплытии парохода.

Выполнив свои обязанности, они теперь стояли и следили за тем, как судно шло через бухту. Один из них смотрел в подзорную трубу. Мы остановились послушать, о чем они толкуют.

— Ну да! — объявил тот, который держал подзорную трубу. — Я же вам говорю, что у них что-то случилось.

— Дай-ка мне трубу! — попросил другой матрос.

— Да, Билл, дай ее Бресу, у него самые зоркие глаза.

Билл передал трубку своему товарищу. Брее долго и внимательно смотрел в нее. Я слышал, как стучало сердце моего спутника. Да и мое билось так, словно хотело выскочить из груди. С каким нетерпением мы ждали, что скажет Брее! Наконец он проронил несколько слов, но эти слова были для нас дороже золота.

— Ты прав, Билл, что-то случилось. Ага, вижу, в чем дело! Сломалась одна из лопастей колеса. Да, Да, так и есть!

— Они должны вернуться, — вставил третий матрос.

— Придется, — подтвердил Брее. — Они уже поворачивают и идут обратно, только не очень быстро, мешает поломка. Готовьте швартовы, ребята, получим еще по стакану грога!

Трудно описать, что переживали мы с Луи в это время. Как передать этот внезапный переход от полного отчаяния к безграничной радости? В особенности когда мы собственными глазами убедились, что пароход на самом деле возвращается назад и медленно подходит к пристани, от которой он так недавно отчалил.

Как мы ни были взволнованы, однако приняли необходимые меры предосторожности, чтобы обеспечить поимку и арест Депара. Мы быстро добежали до ближайшего полицейского участка и так же быстро вернулись назад. Когда пароход подошел к пристани, мы уже стояли на ней вместе с двумя одетыми в штатское полицейскими, ожидавшими наших указаний. Они учуяли крупную дичь и надеялись на хорошее вознаграждение.

И они его честно заработали: несколько минут спустя мы уже были на палубе парохода, а рядом с нами стоял Жак Депар в наручниках.

Я был очень рад, что мы застали его одного, а не в обществе мадам Дардонвилль и ее дочери. Это избавило их от лишней неприятности.

Они в это время были внизу, в каюте, и узнали об аресте своего спутника лишь после того, как его уже успели увезти.

Разумеется, они все-таки были сильно поражены и расстроены, но мы тотчас разъяснили им все происшедшее, и вскоре все предались безграничной радости — радости, вполне знакомой лишь тем, кому посчастливилось избежать серьезной опасности.

Само собой разумеется, деньги, уплаченные мадам Дардонвилль за проезд на парбходе, пропали. Вещи ее и Олимпии были тотчас отвезены в одну из больших гостиниц на Бродвее.

После недолгого пребывания в столице мы выехали оттуда на пароходе, совершавшем прямые рейсы между Нью-Йорком и Новым Орлеаном. Туда приехал встречать нас банкир Гардетт вместе с временно опекаемой им Аделью.

Нам уже были известны все подробности коварного замысла Депара. В общем, все произошло так, как я предполагал.

Оказалось, что Депар уже не впервые выдавал себя за Луи де Отроша. Он знал о том, что между ними существует сходство, и это обстоятельство сильно помогло ему в его мошеннических проделках. Кроме того, он вообще тщательно разузнавал все, что мог, про Луи и про его семейные обстоятельства. При этом ему удалось заполучить в свои руки несколько писем, адресованных Луи. О том, как ловко он их использовал, читателям уже известно. Как я и думал, он, прочитав письмо мадам Дардонвилль и приложенную к нему копию завещания, немедленно отправился в Сен-Луи. Благодаря тому что мадам Дардонвилль и ее дочь давно уже не видели настоящего де Отроша, обман Депара удался как нельзя лучше. Желание увезти свои жертвы во Францию доказывало, что негодяй умел хорошо расставлять свои сети. Получение аккредитива на парижский банк на сумму в десять тысяч долларов тоже было ловким ходом мошенника. Разумеется, он надеялся сам наложить руку на эти деньги. Даже предлог, выставленный им для поездки, был вполне правдоподобен.

Вскоре мы узнали, что слухи, ходившие в Сен-Луи, были не лишены основания. У Луи в самом деле скончался во Франции дядя, оставив ему наследство, за которым ему надо было поехать туда как можно скорее. Кроме того, самозванец выдумал еще одну басню: он уверял, что в Париже его ждут Адель и его приятель-англичанин, за которого Адель будто бы вышла замуж.

Этот скоропалительный брак несколько удивил мадам Дардонвилль так же, как и проект общей встречи в Париже. Все это казалось ей весьма эксцентричным, но она так любила Луи де Отроша, что не могла отказать ему в его просьбе. Словом, она уладила все свои дела и отправилась в путь.

Однако о свадьбе Луи и Олимпии еще не говорили. Она откладывалась на неопределенное время. Ее можно было справить в Париже... если браку вообще суждено было состояться. Но именно это было под большим вопросом. Мадам Дардонвилль и ее дочь обе неожиданно почувствовали антипатию к де Отрошу. Его манеры, его слова, весь его вид вызывали у них удивление, а подчас внушали им отвращение. Они решили, что Луи сильно изменился: он кутил, стал очень вульгарен, — словом, оказался совсем не таким, каким они ожидали его увидеть. Это было большим огорчением для них.

Бедный Луи? (Я говорю не о самозванце!) Если бы с пароходом не произошло аварии, он рисковал потерять половину своего состояния, но за невесту он мог не бояться: Олимпия скорее согласилась бы лишиться наследства, чем стать женой самозванного де Отроша.

Я видел Депара только один раз после описанных событий, когда осматривал тюрьму штата Луизиана в Байу-Сара. Какой у него был жалкий вид, когда он сидел там, перебирая кипу хлопка, и как мало он был похож на изящного щеголя, посещавшего кафе в Новом Орлеане! Обвинение в подлоге, выставленное против него, было доказано, и он был приговорен к десяти годам заключения.

Теперь его уже никак нельзя было спутать с его двойником. Когда я в последний раз встретился с Луи де Отрошем, он был отлично одет и жил в красивом, богато обставленном доме.

И близ него была его любимая жена, красавица Олимпия.

INFO

Рид Майн

Р49 Сочинения: В 3 т. Т. 2: Тропа войны; Вождь гверильясов; Гаспар Гаучо; Водой по лесу; Перст судьбы: Романы. Авантюрист Денар: Повесть / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1996. — 752 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00286-0 (т. 2)

ISBN 5-300-00284-4

*Р 4703010100-026/А30(03)-96 Подписное
ББК 84.4(Вл.)*

*МАЙН РИД
СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Том второй*

*Редактор Т. Прокопов
Художественный редактор И. Сайко
Технический редактор Н. Привезенцева
Корректоры
В. Антонова, М. Александрова, В. Рейбекель*

*ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 22.12.95 г. Уч. изд. л.
49,65. Цена 24 000 р.*

*Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.*

*.....
Scan Kreyder — 23.04.2018 — STERLITAMAK
FB2 — mefysto, 2021*

Примечания

1

Имеется в виду героиня английской народной сказки о неуловимой дикой утке.

[^^^]

2

Манада — табун кобылиц.

[^^^]

3

Серапе — плац.

[^^^]

4

Корда — длинная веревка, на которой лошадь гоняют по кругу.

[^^^]

5

Линней Карл (1707–1778) — знаменитый шведский ботаник, установивший классификацию растений.

[^^^]

6

«Булли» — по-английски значит «забияка», «буян».

[^^^]

7

Guasiti — порода ланей, водящихся исключительно в пампасах.

[^^^]

8

Эстансия — усадьба владельца, а иногда и целое поместье.

[^^^]

9

Матерь Божья (*исп.*).

[^^^]

10

Пеон — наемный слуга или рабочий из покоренных индейцев.

[^^^]

11

Гуарапе — сильно опьяняющий напиток, приготовляемый из сахарного тростника.

[^^^]

12

Бола — индейское оружие; дальше оно будет подробно описано.

[^^^]

13

Гуакамайя — красивая птица из породы попугаев с ярким оперением.

[^^^]

14

Торmenta — ураган.

[^^^]

15

Хергас — кусок кожи, который индейцы употребляют вместо седла.

[^^^]

16

Арройо — ручеек, протекающий по ущелью между двумя отвесными скалами.

[^^^]

17

Viscacha — похож на большого кролика.

[^^^]

18

Испанская мера длины, около 85 сантиметров.

[^^^]

19

Название гигантского растения вроде крапивы, очень распространенного в некоторых частях пампасов, где оно покрывает большие пространства.

[^^^]

20

Простофиля. Испанцы этим именем называют европейцев и вообще иностранцев.

[^^^]

21

Petise живет в более северных странах, чем крупная порода страусов.

[^^^]

22

В искана, или бискача, — животное, похожее на кролика или зайца; водится исключительно в пампасах.

[^^^]

23

Род американского кролика; один из видов агути известен у нас под именем морской свинки.

[^^^]

24

Трубочка, через которую парагвайцы пьют mate — чай.

[^^^]

25

Сова эта ведет такой же образ жизни, как и близкий родич ее, живущий в норах луговых собак в Северной Америке.

[^^^]

26

Кто знает?

[^^^]

27

Здравствуйтесь, господа, здравствуйтесь, прекрасная дама!

[^^^]